Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 6
2019

e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 6 2019

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редактор:
докт. ист. наук И.Л. Измайлов

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:
Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н**., к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуньков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:
Ситдиков А.Г., д.и.н. (Казань); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Галимова М.Ш.,** к.и.н. (Казань); **Чижевский А.А.** к.и.н. (Казань); **Иванов В.А.** д.и.н. (Уфа); **Боталов С.Г.** д.и.н. (Челябинск); **Голдина Р.Д.** д.и.н. (Ижевск).

Адрес редакции:
420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Телефон: (843)210-19-76
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»
Агенство "Роспечать"
Выход 6 раз в год

© ООО «Поволжская археология», 2019
© Академия наук Республики Татарстан, 2019
© Журнал «Археология евразийских степей», 2019

e-ISSN 2618-9488

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 6 2019

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:
Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmaylov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:
Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Izmaylov Iskander L.** , Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Galimova Madina Sh.** Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Chizhevsky Andrei A.,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Ivanov Vladimir A.** Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Botalov Sergei G.,** Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Goldina Rimma D.** Doctor of Historical Sciences. (Izhevsk).

Editorial Office Address:
Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© LLC “Povolzhskaya arkheologiya”, 2019
© Tatarstan Academy of Sciences, 2019
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Петрович Казаков: к 85-летнему юбилею известного казанского археолога. Основные труды Е.П. Казакова 9

Голдина Р.Д. *(Ижевск, Россия)* О Евгении Петровиче Казакове 21

Чижевский А.А. *(Казань, Россия)* Евгений Петрович Казаков и археология Ананьинской историко-культурной исторической области 28

Иванов В.А. *(Уфа, Россия)* Вклад Е.П. Казакова в решении угорской проблемы в археологии Урало-Поволжья 42

Хузин Ф.Ш. *(Казань, Россия)*
Старейшина татарской археологии (85-летию Е.П. Казакова) 47

Скаков А.Ю. *(Москва, Россия)*, **Джопуа А.И.** *(Сухум, Республика Абхазия)*
Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги) 53

Подосенова Ю.А., Данич А.В. *(Пермь, Россия)* Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологический культуры 61

Семыкин Ю.А., Гисматуллин М.Р. *(Ульяновск, Россия)*,
Крылов Ю.В. *(Сенгилей, Россия)* **Борисов А.Е.** *(Ульяновск, Россия)* Клад раннесредневековых артефактов из Сенгилеевскгоо района Ульяновской области 79

Руденко К.А. *(Казань, Россия)* Новые данные о булгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане) 95

Крыласова Н.Б. *(Пермь, Россия)* Об одном из декоративных элементов мужского пояса XI в. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) 111

Крыласова Н.Б., Белавин А.М. *(Пермь, Россия)* Эволюция «прикамской чаши» в эпоху средневековья 121

Боталов С.Г. *(Челябинск, Россия)* Зауральская угорская ойкумена эпохи средневековья 138

Исхаков Д.М. *(Казань, Россия)* Средневековая иштякская общность Приуралья и Зауралья: источниковедческий и конкретно-исторический анализ 160

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П. *(Самара, Россия)*
Керамика из погребений Жигулевского II грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ 177

Измайлов И.Л. *(Казань, Россия)*
Булгарская археологическая культура: структура и содержание понятия 198

Жилина Н.В. *(Москва, Россия)* Реконструкции убора из украшений для периода ранней истории Волжской Булгарии 223

Мухаметшин Д.Г. *(Болгар, Россия)* Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их проникновения 240

Губайдуллин А.М. *(Казань, Россия)* О булгарских городищах Западного Закамья 252

Баранов В.С., Измайлов И.Л. *(Казань, Россия)*
К вопросу об атрибуции перстня из раскопок в Болгаре 2010 года 260

Степанов Р.А. *(Казань, Россия)*, **Бадеев Д.Ю.** *(Москва, Россия)*
Створка литейной формы из раскопа СХСII Болгарского городища 277

Недашковский Л.Ф. *(Казань, Россия)*
Керамика с Увекского городища по архивным данным 283

Беляев А.В., Абдуллин Х.М., Сайфутдинова Г.М., Ситдиков А.Г. *(Казань, Россия)* Археологические и междисциплинарные исследования мусульманского кладбища “Биш-Балта” Адмиралтейской слободы Казани в 2017 г. 300

Гончарова Н.Н., Конопелькин Д.С. *(Москва, Россия)*
Процессы сложения антропологических особенностей
городского населения Центральной России в XVI – XVIII вв. 314

Данилова С.А. *(Севастополь, Россия)*
Некрополь базилики “Крузе” по данным антропологии 334

Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. *(Пенза, Россия)*
Население Пензы XVI – XVIII вв. по данным краниологии 337

Список сокращений 358

CONTENS

Evgeny Petrovich Kazakov. The 85th Anniversary of a Renowned Kazan Archaeologist. Major Works by E.P. Kazakov. 9

Goldina R. D. *(Izhevsk, Russian Federation)* Evgeny Petrovich Kazakov 21

Chizhevsky A.A. *(Kazan, Russian Fedeation)* Evgeny Petrovich Kazakov and the Archaeology of Ananyino Cultural and Historical Area 28

Ivanov V.A. *(Ufa, Russian Federation)* The Contribution of E.P. Kazakov: to the solution of the ugrian problem in the archeology of the Ural-Volga region 42

Khuzin Fayaz Sh. *(Kazan, Russian Fedeation)* Honoured Figure in Tatar Archaeology (85th Anniversary of E.P. Kazakov) 47

Skakov A. Yu. *(Moscow. Russian Federation)***, Dzhopua A.I.** *(Sukhum, Republic of Abkhazia)* Study of a Buryal Ground on Mount Dzhantukh (Summary Results) 53

Podosenova Yu. A., Danich A. V. *(Perm, Russian Federation)* Temple Accessories of Bayanovskiy Burial Ground of the Lomovatovskaya Archaeological Culture 61

Semykin Yu.A., Gismatulin M.R. *(Ulyanovsk, Russian Federation)***, Krylov Yu.V.** *(Sengiley, Russian Federation)* **Borisov A.E.** *(Ulyanovsk, Russian Federation)* Hoard of Early Medieval Artifacts from the Sengileyevsky District of Ulyanovsk Oblast 79

Rudenko K.A. *(Kazan Russian Federation)* New data on bulgarian houses of pre-mongol time (on materials of the Ostolopovsky settlement in Tatarstan) 95

Krylasova N.B. *(Perm, Russian Federation)* One of the Decorative Elements of a 11th Century Men's Melt (Based On Materials from Rozhdestvensky Burial Ground in Perm Region) 111

Krylasova N.B., Belavin A. M. *(Perm, Russian Federation)* Evolution of "Prikamskaya Bowls" in the Middle Ages 121

Botalov S.G. *(Chalyabinsk, Russian Federation)* Trans-Ural Ugric Oecumene of the Middle Ages 138

Iskhakov D.M. *(Kazan, Russian Fedeation)* Medieval Ishtyak Community of Cis-Urals and Trans-Urals: historiographic and concrete historical analysis 160

Stashenkov D.A., Kochkina A.F., Salugina N.P. *(Samara, Russian Federation)* Ceramics from the Burials Zhiguli II Ground Burial: morphology, technical and technological analysis 177

Izmaylov I.L. *(Kazan, Russian Fedeation)* Bolgar Archaeological Culture: concept structure and content 198

Zhilina N.V. *(Moscow. Russian Federatiom)* Reconstructions of the Attire of Adornments of the Early Historical Period of Volga Bulgaria 223

Mukhametshin D.G. *(Bolgar, Russian Fedeation)* Oriental, Western European and Foreign Coins from Bolgar. Periodization of Distribution ... 240

Gubaidullin A.M. *(Kazan, Russian Fedeation)* Bolgar Settlements of Western Trans-Kama Region 252

Baranov V.S., Izmaylov I.L., *(Kazan, Russian Fedeation)* On Attribution of a Signet Ring from Bolgar Excavations of 2010 260

Stepanov R.A. *(Kazan, Russian Fedeation),* **Badeev D.Yu.** *(Moscow. Russian Federatiom)* Casting Mould Leaf from Excavation CXCII at Bolgar Settlement 277

Nedashkovsky L.F. *(Kazan, Russian Fedeation)*
Ceramics from Uvek Settlement on the Basis of Archival Materials 283

Belyaev A.V., Abdullin Kh. M.,
Sayfutdinova G. M., Sitdikov A. G. *(Kazan, Russian Fedeation)* Archaeological and Interdisciplinary Studies of Bish-Balta Medieval Muslim Cemetery in Admiralteyskaya Slodboda of Kazan in 2017 300

Goncharova N.N., Konopelkin D.S. *(Moscow, Russian Federation)*
Formation of Anthropological Features of Central Russia Urban Population in 16th-18th Centuries 314

Danilova S.A. *(Sevastopol, Russian Federation)*
"Kruse" Basilica Necropolis on the Basis of Anthropologic Data 334

Ikonnikov D.S., Kalmin O.V., Kalmina O.A. *(Penza, Russian Federation)*
Penza Population in 17th – 18th Centuries on the Basis of Craniology Data 337

List of Abbrevations 358

https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00074

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КАЗАКОВ: К 85-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИЗВЕСТНОГО КАЗАНСКОГО АРХЕОЛОГА

24 октября 2019 г. в актовом зале Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан прошли чествование 85-летнего юбилея главного научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Халикова, доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова и торжественная церемония награждения его медалью Республики Татарстан «За доблестный труд» – достойная награда для выдающегося ученого с мировым именем.

Е.П. Казаков прошел славный научный путь от студента и лаборанта отдела до доктора исторических наук и главного научного сотрудника. Весь его научный путь был связан с большими полевыми экспедиционными работами, с выдающимися открытиями памятников археологии и исследованиями древней и средневековой истории народов Волго-Уральского региона.

Родился Е.П. Казаков 22 октября 1934 г. в пос. Бутурлино Горьковской области, где он закончил школу. Уже тогда его влекла романтика научного поиска, жажда знаний и желание делать научные открытия. После службы в рядах Вооруженных сил в 1958 г. он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета и практически сразу включился в студенческую жизнь, научную жизнь кружка археологии. Уже весной 1959 г. он, досрочно сдав весеннюю сессию, отправился в экспедицию в Марийскую АССР, где производились раскопки стоянки Галанкина Гора (под руководством профессора Альфреда Хасановича Халикова). Встреча с будущим научным руководителем предопределила его дальнейшую научную судьбу, определив круг его интересов и будущих занятий.

В тот же год Евгений Петрович под руководством Валерия Федоровича Генинга работает над книгой, посвященной раскопкам целой серии разновременных памятников у с. Именьково, а через год принимает участие в раскопках Тураевских курганов. В 1961–1963 гг. он, под руководством А.Х. Халикова, ведет исследования ананьинского Новомордовского могильника. Показателен эпизод, когда в августе 1961 г. он нырял за каменными стелами, затопленными водами водохранилища, а в октябре, разгребая лед и снег, изучает открывшиеся из-под воды погребения. Этот эпизод характерен для всей его работы – никакие погодные и другие обстоятельства не могли остановить его стремления извлечь из земли осколки историко-культурного прошлого.

Судьбоносными для него стали начавшиеся с 1961 г. под руководством Альфреда Хасановича и Елены Александровны Халиковых раскопки Танкеевского могильника. Первый отчет, который Е.П. Казаков написал совместно с ними, стал началом последующих многолетних исследований, которые продолжаются до сих пор, вот уже 60 лет. Позднее, в 1972 г., эти исследования легли в основу его кандидатской, а в 1994 г. – докторской диссертаций. Бесценными источниками по истории предков татарского народа стали раскопки этого могильника, содержавшего ответы на волновавший многие поколения исследователей вопрос о миграции протоболгар в Среднее Поволжье, раскрывшего процесс проникновения и распространения ислама в среду местного населения.

Итогом проведенных им в течение 60 лет трудов стало открытие и изучение сотен памятников археологии предков татарского и финно-угорских народов Волго-Уральского региона от периода палеолита до позднего средневековья. Практически все они вошли в археологическую карту, за которую в составе коллектива авторов Е.П. Казаков в 1994 г. получил Государственную премию Республики Татарстан.

Многие десятилетия он возглавлял работу по организации и проведению плановых и охранно-спасательных археологических исследований в зоне подтопления водами водохранилищ Волго-Камского каскада (Куйбышевская, Нижнекамская, Чебоксарская). Наиболее значимыми памятниками, изученными им в ходе исследований, являются остатки памятников

каменного века, могильники и поселения эпох бронзового и раннего железного веков, раннего средневековья, а также поселения и могильники булгарского и золотоордынского периодов.

Особую важность для науки имеют труды Е.П. Казакова по изучению памятников археологии финно-угорского мира, принесшие ему признание отечественных и зарубежных коллег. На основе тщательного изучения археологических материалов ему удалось осуществить масштабную и комплексную реконструкцию непрерывной и насыщенной событиями историю народов Волго-Уральского региона с древности до позднего средневековья. В течение десятка лет Е.П. Казаков был главным редактором международного научного журнала «Finno-Ugrica» (1997-2010), в котором рассматривались актуальные проблемы истории и культуры финно-угорских народов и их взаимодействие с другими народами Евразии, проблемы этнической истории уральских народов.

Е.П. Казаков ведет большую научно-организационную работу, в 1994-2014 гг. он был заведующим отделом Полевых исследований. Он являлся заместителем председателя диссертационного совета по защитам докторских и кандидатских диссертаций на базе Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (2005-2014 гг.) и членом диссертационного совета по защитам докторских и кандидатских диссертаций на базе Удмуртского университета (1995-2007 гг.), выступал оппонентом 18 докторских и кандидатских диссертаций. Долгие годы он был членом Ученого совета Института истории им. Ш. Марджани, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Национального музея Республики Татарстан.

Впервые Евгений Петрович Казаков начал планомерные и комплексные археологические исследования восточных районов Татарстана, где им были выявлены не только десятки новых памятников (стоянок, селищ и могильников) разных веков и народов, но и представил целостную картину древней и средневековой истории Юго-Востока Татарстана, составил свод памятников истории и культуры региона.

Евгений Петрович Казаков – выпускник Казанского университета и наш коллега – занял видное место среди выдающихся археологов нашей страны, внес и вносит огромный личный вклад в изучение и осмысление археологии и истории Волго-Уральского региона. Заслуженную мировую славу ему принесли труды по изучению памятников каменного и бронзового веков, раннего средневековья и Волжской Булгарии, истории финно-угорских народов. Он автор более 250 научных статей, в том числе 9 монографий, сотни выступлений на конференциях и симпозиумах разного уровня и сотни выступлений в разных средствах массовой коммуникации с пропагандой достижений нашей науки.

Вся его жизнь – пример беззаветной преданности родному институту, выбранному им в молодости делом всей жизни – науке археологии, которая стала для него поистине судьбой. Евгений Петрович всегда щедро делился результатами своих исследований, опытом научной и экспедиционной жизни с молодежью. Весь его жизненный путь – пример для подражания подрастающему поколению ученых.

Юбилей является одним из способов подвести некоторые итоги и наметить цели на будущее. Коллектив Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, все друзья и коллеги Евгения Петровича от всей души желают ему в этот замечательный день юбилея крепкого здоровья, творческих успехов на благо науки и процветания нашей Родины, а также простого человеческого счастья.

И пусть каждый новый год благодаря упорному труду дарит нам новые Ваши открытия, находки и книги.

В завершении хочется сказать строками Вашего стихотворения:

Что есть сейчас –
Всего лишь миг,
Который нас в пути
Настиг!

А.Г. Ситдиков, И.Л. Измайлов

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ПРЕЗИДЕНТЫ
УКАЗЫ

О награждении медалью Республики Татарстан «За доблестный труд»

Наградить медалью Республики Татарстан «За доблестный труд»:

за большой вклад в развитие профсоюзного движения и многолетнюю плодотворную работу

Замалетдинова Джаудата Нургалиевича — председателя Татарстанской республиканской профсоюзной организации общественной организации Общероссийского профессионального союза работников жизнеобеспечения;

за плодотворную научную деятельность и большой вклад в сохранение исторического и культурного наследия республики

Казакова Евгения Петровича — старшего научного сотрудника отдела средневековой археологии обособленного структурного подразделения государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» «Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан».

Президент
Республики Татарстан **Р.Н. Минниханов**

ОБЩИЙ ОТДЕЛ

Казань, Кремль
07 октября 2019 года
№ УП-599

Награждение Е.П. Казакова медалью «За доблестный труд» 24 октября 2019 г.

Поздравления юбиляру

Президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ д.ф-м.н М.Х. Салахов

начальник ИА АН РТ, член-корреспондент АН РТ, д.и.н. А.Г. Ситдиков

Вице-Президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ, д.ф.н., профессор Д.Ф. Загидуллина

Начальник Института Татарской энциклопедии и регионоведения, академик АН РТ, д.и.н., профессор И.А. Гилязов

Заместитель директора по научной работе Института Истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, д.и.н. Р.Р. Салихов

Заместитель Генерального директора Национального музея истории Татарстана С.Ю. Измайлова

старший научный сотрудник Чувашского Государственного Института гуманитарных наук Е.П. Михайлов

Заведующий отделом археологии Марийского НИИ языка, литературы и истории, к.и.н. А.В. Михеев

Представитель Всемирного конгресса татар, главный редактор историко-краеведческого журнала «Родные края», д.и.н. Д.М. Исхаков

Заведующий отделом средневековой археологии ИА АН РТ, д.и.н. И.Л. Измайлов

Заведующая отделом первобытной археологии ИА АН РТ, к.и.н. М.Ш. Галимова

старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, к.и.н. З.Г. Шакиров

Директор Института истории и культуры народов Приуралья при Удмуртского государственного университета, руководитель Камско-Вятской археологической экспедиции УдГУ, профессор, д.и.н. Р.Д. Голдина

Ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, директор Археологического научного центра (Челябинск), д.и.н. С.Г. Боталов

Ректор Алтайского государственного университета, профессор, д.э.н. С.Н. Бочаров

Ректор Астраханского государственного университета, профессор, д.э.н. К.А. Маркелов

Награждение Е.П. Казакова медалью "За доблестный труд", 24 октября 2019 г.

Основные публикации Е.П. Казакова
Монографии

Археологически памятники у с. Рождествено / Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. и др. Казань: Изд-во КГУ, 1962. 128 с.

Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии). Автореф. дис… канд. ист. наук. Казань, 1972. 24 с.

Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. − М.: Наука, 1978. 120 с.

Археологические памятники Татарской АССР / Старостин П.Н., Халиков А.Х. Казань, 1987. 240 с.

Булгарское село X−XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. 176 с.

Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. − XIV в. н.э.). / Казаков Е.П., Арсланов Л.Ш., Корепанов К.И. Елабуга: Изд-во ЕГПИ, 1993. 140 с.

Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Очерки древней истории Восточного Закамья / Казаков Е.П., Рафикова З.С. Казань: РИЦ «Дом печати», 1999. 720 с.

Волжские болгары, угры и финны в IX−XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Казань, 2011. Вып. 1. Казань: ИИ АН РТ, 2011. 180 с.

Статьи

Материалы к выяснению обряда погребений IX−X веков на территории Волжской Болгарии / Казаков Е.П. Петренко А.Г. // Научная аспирантская конференция КГУ 1965 г. Казань, 1966. С. 167−170.

К вопросу об этническом составе и локализации населения раннебулгарского государства // Тезисы докладов молодых ученых. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1967. С. 75−78.

О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // УЗ ПГУ. 1960. №191. С. 230−239.

О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии (на материале керамики) // Археология и этнография Башкирии Т. IV. / Отв. ред. Кузеев Р.Г. Уфа: Изд-во ИЯЛИ БФАН СССР, 1971. С. 122−128.

Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. 1. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 94−155.

О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 161−167.

Игимский могильник / Старостин П.Н., Габяшев Р.С. // СА. 1973. № 3. С. 260−264.

Два погребения Чишминского могильника // СА. 1975. № 4. С. 259-264.

Погребения срубной культуры у дер. Куралово // СА. 1975. № 3. С. 194-200.

Танкеевский могильник / Халикова Е.А., Казаков Е.П. // БСЭ. Т.25. М.: Сов. энциклопедия, 1976. С. 265.

К археологической карте ранней Волжской Болгарии / Казаков Е.П., Хлебникова Т.А. // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 109-136.

О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы Казаков Е.П., Косменко М.Г. // СА. 1976. № 2. С. 220−232.

Le cimetiere de Tankeevka / Khalikova E.A., Kazakov E.P. // Les anciens hongrois et les ethnies a l'Est. Budapest, 1977. P. 21−221.

Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы // СА.1977. № 3. С. 197−203.

Древние язычковые музыкальные инструменты Прикамья и Приуралья // СЭ.1977. № 1. С. 107−109.

Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА.1978. №2. С. 165−177.

Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. С. 67-108.

Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. 1979. №1. С. 145−160.

Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника / Халикова Е.А., Казаков Е.П. // Из истории ранних булгар. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 21−35.

Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 115-135.

О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Болгарии // Плиска-Преслав. София: Изд-во БАН, 1981. С. 127−132.

Находки средневековых славяно-русских изделий в низовьях Камы // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 103−111.

Йезек кашына ни язылган? // Казан утлары. 1983. № 6. С.159-161.

О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск Изд-во Томского гос. ун-та, 1984. С. 99−110.

V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39-64.

Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4. С. 178−185.

О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X− XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИЭ, 1985. С. 24−37.

О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1985. С. 21−27.

О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим данным // Волжская Булгария и Русь. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1986. С. 62−74.

О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа: Изд-во ИЯЛИ БНЦ АН СССР, 1987. С. 67−75.

О хронологической типологии и этнокультурных контактах кушнаренковских памятников Татарии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркоязычных народов Сибири. Томск: Изд-во ТомГУ, 1987. С. 10−30.

Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Изд-во ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1988. С. 71-82.

О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: ИЯЛИ БНЦ АН СССР, 1988. С. 79−87.

III Соколовский могильник срубной культуры // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1988. С. 69−79.

О поломской культуре Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: Изд-во УдмНИИЯЛИ, 1989. С. 34−42.

Об основных элементах языческой культуры волжских болгар // Плиска-Преслав: Прабългарската култура. София: Изд-во БАН, 1981. С.127−132.

Технология кузнечного производства на сельских памятниках домонгольской Волжской Болгарии / Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. // Краеведческие записки (Ульяновск). 1989. Вып. 8. С. 1-132.

Взаимодействие уральских племен с населением Волжской Болгарии в VIII−XIV веках // Congresuss septimus international fenno-ugristarum, 4. Debrecen, 1990. S. 85-89.

Die Keramik von Saltovo-Typ aus dem mittleren Wolgagebiet / Khalikov A.Kh., Khuzin F.Sh., Kazakov E.P. // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varanten // Arhaeologica Hungarica. 1990. III. S. 137-169.

Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИЭ, 1992. С. 42-50.

Болгарское поселение в урочище «Чакма» / Старостин П.Н., Казаков Е.П. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИЭ, 1992. С. 125−142.

О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. С.12−22.

Весовые гири и некоторые другие предметы торговли с болгарских поселений X-XI вв. в низовьях р. Ахтай / Казаков Е.П., Валеев Р.М. // СА. 1993. № 1. С. 185−195.

Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ КФАН РТ, 1993. С. 117-129.

Древняя страна «Паскатир» // Татарстан. 1993. № 9. С. 42−47.

Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1994. С. 104-123.

Волжская Булгария. Начало пути // Татарстан. 1996. №1. С. 52-60.

О средневековых памятниках угров Прикамья // Historia Fenno−Ugricae. Oulu, 1956. С. 447-453.

К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 40-57.

Волжская Булгария и финно-угорский мир // FU.1997. № 1. С.33−53.

Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. 1997. № 1. С. 61-67.

Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара: СОИКМ, 1998. С. 97−150.

Купцы-первопроходцы. Что влекло в новые края волжских болгар // Казань. 1999. № 5-6. С. 19−20.

Об освоении болгарами Казанско-Марийского Поволжья в X−XI вв. // Археологическое изучение булгарских городов. Казань: ИИ АН РТ, 1999. С. 63−71.

Торгово-ремесленные поселения булгар X−XI вв. и Северо-Восточная Европа // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX−XII вв. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 101−107.

К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань: ИИ АН РТ, 1999. С. 64−73.

Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // ТА. 1999. № 1-2 (4-5). С. 23-38.

Этнокультурное взаимодействие волжских булгар с населением Марийского Поволжья в X−XI вв. // FU. 1999. № 2-3. С. 40-41.

Измери − главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X−XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.: ИПК «Вести», 2000. С. 87−99.

Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме // Средневековая Казань: возникновение и развитие / Под ред. Ф.Ш. Хузина. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. С. 117−121.

О роли миграций в формировании этноса и культуры волжских болгар // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Тр. ГИМ. Вып. 122. М.: ГИМ, 2000. С. 224−231.

Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана. Казань: Изд-во ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 2001. С.56-73.

О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // Archivum Eurasial Medii Aevi. 2000-2001. Vol. 11. S. 7−24.

О волжско-болгарском компоненте в древностях Великого волжского пути // Великий волжский путь. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2002. С. 53-62.

Ранние болгары в Поволжье // История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. I. / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Рухият, 2002. С. 185−194.

Чиялинская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (г. Тобольск, 9-11 декабря 2003 г). Тобольск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 2003. С. 79-87.

Исследования новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье / Казаков Е.П., Семыкин Ю.А. // Из археологии Поволжья и Приуралья. Материалы II Халиковских чтений / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 114−138.

Проблемы взаимодействия волжских болгар с волго-окскими финнами в IX−XIII вв. // Уваровские чтения. V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром: Стерх, 2003. С. 8−42.

Кенотафы эпохи тюркских каганатов в низовьях р. Камы // Древности Востока. М.: Русаки, 2004. С. 76–85.

Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения (памяти Е.М. Берс и А.А. Берса) / Отв. ред. С.Н. Панина. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 120-128.

Турбаслинско-именьковские культурные изделия Урало-Поволжья // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С. 95–104.

Детское погребение эпохи камня на востоке Татарии // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: Academia, 2005. С. 274–279.

Нижнемарьянский могильник // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа: БГПИ им. М. Акмуллы, 2006. С. 65–77.

Волжские болгары и кочевое население Урало-Поволжья VIII–IX вв.: проблемы взаимодействия // Средневековая археология евразийских степей. Т. I. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 118–126.

Сылвенско-неволинская керамика памятников ранней Волжской Болгарии и проблемы миграции угров на Волгу в VIII–IX вв. // FU. 2008. № 11. С. 24–33.

О ранней дате столичных домонгольской Волжской Болгарии // FU. 2008. № 10. С. 34-39.

Миняровское погребение каменного века в Икско-Бельском междуречье / Галимова М.Ш., Казаков Е.П. // Тверской археологический сборник. Вып. 7. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 317-322.

Тетюшский могильник азелинской культуры // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 31–44.

Поясные накладки восточных болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX–XVI в. / Отв. ред. Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 53–61.

Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в среднем Поволжье // FU. 2011. №12–13. С. 8–39.

К типологии и хронологии тюркских древностей Волжской Болгарии IX–X вв. // Болгарский форум I. Материалы Международного форума (г. Болгар, 19-21 июня 2010 г. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ООО «Фолиант»; ИИ АН РТ, 2011. С. 119-128.

О культурном своеобразии памятников меллятамакского типа Приуралья // Актуальные вопросы археологии Поволжья: к 65–летию студенческого научного археологического кружка Казанского ун-та / Отв. ред. Сташенков Д.А.. Казань: ЯЗ, 2012. С. 34–42.

Падение Хазарии и его отражение в археологических памятниках Волжской Болгарии // Вестник УдмГУ. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 79–83.

Мадьяры и волжские болгары: этапы взаимодействия // II Международный Мадьярский симпозиум (Челябинск – Шадринск, 13 - 17 августа, 2013 г.). Сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 173–181.

Женское погребение со стеклянным кубком второй половины VI в. н.э. в низовьях реки Камы // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 180–191.

Археологические комплексы волжских болгар IX–XI века в системе средневековых древностей Восточной Европы // Тр. IV (XX) ВАС. Т. III. / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 70–73.

Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. №3(9). С. 222–241.

Итоги изучения Измерского XVII могильника / Казаков Е.П., Лыганов А.В. // Поволжская археология. 2014. №4(10). С. 43–57.

Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья именьковским поселением) / Казаков Е.П., Салугина Н.П. // Поволжская археология. 2015. №4(14). С. 35–53.

К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и булгарского улуса Золотой Орды / Казаков Е.П., Руденко К.А. // Поволжская археология. 2015. №4(14). С. 266-273.

Меллятамакское VI селище чияликской культуры / Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. // Поволжская археология. 2016. №2(16). С. 219-243.

О специфике утверждения ислама в Восточном Закамье в золотоордынский период // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: ИА АН РТ, 2016. С.135-145.

Хронологические этапы взаимодействия сармат с поволжскими финнами в средние века // Средневековая археология Волго-Уралья / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 21−27.

О средневековом угорском компоненте в формировании этноса и культуры тюркоязычного населения Волго-Уралья // История татар Западного Приуралья. Т.I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Под ред. Р.С. Хакимова и др. Казань: ИИ АН РТ, 2016. С. 114−118.

Погребальные маски волжских болгар в системе древностей угров // Вояжер: мир и человек. 2016. №7. С. 32−55.

К проблеме хронологии меллятамакского культурного типа // Поволжская археология. 2017. №3(21). С. 211−220.

Проблемы становления салтово-маяцкой культуры // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 155−170.

XVI Измерский могильник маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2017. №3. С.80 −88.

Щербетьский комплекс турбаслинско-именьковских памятников VI–VII вв. н.э. // Археология Евразийских степей. 2018. №1. С. 200−210.

К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. №6. С. 116−127.

Рис. 1. Старостин П.Н., Казаков Е.П., 1960-е г.

Рис. 2. Совещание в Уфе, 1983 г.

Рис. 3. Отдел археологии. 1989 г.
Слева направо, первый ряд: Р.Г. Сиразутдинова, А.Г. Петренко, А.Х. Халиков, Г.И. Дроздова, М.Ш. Галимова;
второй ряд: В.Н. Марков, Р.Ф. Шарифуллин, И.Л. Измайлов, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин;
третий ряд: Р.С. Габяшев, Ф.Ш. Хузин, И.Х. Халиуллин.

Рис. 4. Танкеевский могильник. Слева направо: М.М. Кавеев, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков. 1990-е г.

Рис. 5. Е.П. Казаков демонстрирует коллегам навые находки из раскопок.
Слева направо: П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, Ф.Ш. Хузин, Т.А. Хлебникова, Р.С. Габяшев. 1996 г.

Рис. 5. Хузин Ф.Ш., Руденко К.А., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Шипилов А.В., Асылгараева Г.Ш., Ситдиков А.Г., Янин В.Л., Набиуллин Н.Г., Дроздова Г.И., Шакиров З.Г., Кавеев М.М., Гибатдинов М.М., Губайдуллин А.М., Газимзянов И.Р., Шарифуллин Р.Ф., 2004 г.

Рис. 6. Участники Всероссийской научной конференции «Акутальные проблемы археологии Поволжья и Приуралья», 2011 г.

УДК 929:902 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00075

О ЕВГЕНИИ ПЕТРОВИЧЕ КАЗАКОВЕ

©2019 г. Р.Д. Голдина

Статья содержит сведения о некоторых сюжетах из жизни выдающегося деятеля Урало-Поволжской археологии д.и.н. Е.П. Казакова.

Ключевые слова: археология, Урало-Поволжье, археология, история науки, выдающийся деятель, Евгений Петрович Казаков.

Волею обстоятельств на сегодняшний день мы с Евгением Петровичем Казаковым принадлежим к поколению «динозавров» в приуральской археологии, приблизившимся или слегка перешагнувшим 80-летний рубеж, которым судьба подарила еще и возможность работать до сих пор в любимой нами науке. Я познакомилась с ним давно, можно с уверенностью сказать «до нашей эры», в 1967 г. в г. Сыктывкаре на V Уральском археологическом совещании. Совещание было сравнительно немногочисленным – чуть более 50 человек и все были на виду. Если бы знать, что наша, я надеюсь, взаимная симпатия, продлится более 50 лет, я, конечно, обратила бы на этого молодого аспиранта особое внимание. Но тогда меня больше занимали корифеи: О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, В.Ф. Генинг, В.И. Канивец, Н.Н. Гурина, Л.Я. Крижевская, В.И. Матющенко, Л.Н. Жеребцов, Р.В. Козырева, Л.П. Хлобыстин и др.

Всерьез Евгений Петрович меня заинтересовал в 1974 г. в Казани на Первом Поволжском археолого-этнографическом совещании. Он к тому времени уже защитил в МГУ кандидатскую диссертацию «Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии)», я тоже – по ломоватовской культуре в Верхнем Прикамье и нам было, что обсуждать. Для всех в археологии, в том числе урало-поволжской, болезненны проблемы датировок, при всяком удобном случае люди стараются найти поддержку оценок своих материалов. Вот и мы с Евгением Петровичем горячо обсуждали эти проблемы. Я представляла на этом совещании первые результаты раскопок Агафоновских могильников V–XIII вв. и мне были очень важны мнения бывалых людей, в особенности Евгения Петровича, обладавшего уникальными знаниями о Танкеевском могильнике. Вот тогда, мне кажется, мы и нашли друг друга, как соратники-археологи.

С тех пор я внимательно слежу за судьбой Е.П. Казакова, читаю, по возможности, все его работы и с удовольствием наблюдаю, как многогранна его деятельность.

Особо хочу поблагодарить Евгения Петровича за то, что он поддержал наш диссертационный Совет в организационном плане и согласился войти в его состав. Для нас это было очень важно, поскольку мы испытывали острую нехватку своих докторов наук по всем специальностям Совета «История, археология и этнография» и только поддержка наших коллег из других городов: Е.П. Казакова (Казань), Г.Н. Чагина (Пермь), В.П. Суслова (Пермь), И.Ю. Трушковой (Киров), А.А. Выборнова (Самара) позволила нам открыть Совет. Евгений Петрович работал в нашем Совете с 1993 по 2012 г. и я оцениваю его работу в нем как подвиг, прежде всего, потому, что дорога от Казани до Ижевска не простая. Для того чтобы не тратить рабочее время, он ездил не на комфортабельных поездах типа Москва–Ижевск, курсирующих днем, а на перекладных электричках ночью, чтобы успеть к началу работы Совета в 10 часов утра. Активности его на заседаниях можно только позавидовать, по каждой обсуждаемой работе он задавал вопросы и часто не один, выступал в дискуссиях, оппонировал диссертации. Привожу далеко не полный список работ, которые он официально оппонировал.

Даже беглый взгляд на тематику работ, оппонированных Е.П. Казаковым, показывает широту диапазона его профессиональной эрудиции, глубину его знаний и опыт аналитика. В выборе работ на оппонирование Евгений Петрович был весьма избирателен. Все рецензируемые им диссертации были утверждены ВАКом.

Фамилия автора	Название работ	Искомая степень	Город, год защиты
Яминов А.Ф.	Южный Урал в XIII-XIV вв.	к.и.н.	Уфа, 1995
Шапран И.Г.	Удмуртские и марийские могильники в бассейнах Камы и Вятки	к.и.н.	Ижевск, 1995
Павлова А.Н.	Космологические символы в древнемарийском искусстве IX-XI вв.	к.и.н.	Йошкар-Ола, 1997
Букина О.В.	Погребения с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов в IV-XI вв. н.э.	к.и.н.	Самара, 1998
Перевощиков С.Е.	Развитие железообрабатывающего производства в Прикамье в VIII в. до н.э. – XVIII в. н.э. (технологический аспект)	к.и.н.	Ижевск, 1999
Гордеев В.И.	Малый город Поволжья в позднем средневековье	к.и.н.	Йошкар-Ола, 2000
Обыденнова Г.Т.	История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII в. – конец XX в.)	д.и.н.	Уфа, 2002
Кондрашин В.В.	Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н.э. – VII в. н.э. (технологический аспект)	к.и.н.	Самара, 2003
Салангина С.В.	Копоушки как исторический источник (по материалам археологических памятников Восточной Европы)	к.и.н.	Ижевск, 2004
Винничек В.А.	Ремесло и торговля в Верхнем Посурье в XI – нач. XIII в.	к.и.н.	Пенза, 2005
Орехов П.М.	Бронзолитейное производство Прикамья в постаньинский период	к.и.н.	Ижевск, 2006

Как известно, Евгений Петрович был председателем Диссертационного Совета К022.002/Д022.002.01 при Институте истории имени Ш. Марджани Академии Наук Республики Татарстан. Мне, к сожалению, довелось лишь один раз принять участие в работе этого Совета. Все было организовано очень достойно – в уютном, старинном, красивом зале Института истории АН Татарстана. Я выступала одним из оппонентов по диссертации Айрата Габитовича Ситдикова «Средневековая Казань: историко-археологическое исследование (XI – первая половина XVI в.)». Надо признать, что защита прошла нестандартно, было много вопросов, иногда довольно острых, но диссертант блестяще со всем

этим справился. Хотелось бы отметить, что А.Г. Ситдиков защищал докторскую диссертацию 20 декабря 2013 г. ровно через 13 лет, день в день, после защиты кандидатской диссертации, прошедшей в 20 декабря 2000 г. в Удмуртском университете. Только в Казани, из-за разницы часовых поясов, защита началась на 1 час раньше. Будущие историографы А.Г. Ситдикова должны это обстоятельство отметить не только как свидетельство целеустремленности А.Г. Ситдикова, но и некий знак судьбы в успешности его археологической карьеры. Несмотря на то, что результат защиты был предопределен, Е.П. Казаков, как председатель заседания, завершил его большим своим выступлением – анализом диссертации соискателя. Я на своем Совете такого себе не позволяю, так как следую правилу академика Б.А. Рыбакова – председателя самого авторитетного Совета в СССР в Институте археологии (г. Москва), который на вопрос: «Почему он не выступает на защитах диссертаций» – неизменно отвечал: «Не хочу, чтоб люди думали, что я оказываю на них давление». Лишь один раз он не удержался и изменил своему правилу, выступив с похвальной речью на защите кандидатской диссертации молодой, талантливой археологини из Сыктывкара Элеоноры Анатольевны Савельевой. Но может быть и прав Е.П. Казаков, завершая все защиты большим своим выступлением, стремясь, очевидно, лишний раз подстраховать своих подзащитных. Во всяком случае, мне доставило большое удовольствие поработать в Казани, в Совете под руководством Е.П. Казакова.

Е.П. Казаков – прирожденный полевик. Как посчитал П.Н. Старостин (Старостин, 2009, с. 5) за свою жизнь он подготовил 62 отчета о полевых изысканиях объемом более 250 а. л. Он прекрасно помнит все свои полевые приключения. Однажды я его «пытала» о раскопках известных Тураевских курганов, в которых он участвовал вместе с В.Ф. Генингом, и убедилась, что он помнит даже малейшие детали этих событий.

Нельзя не сказать о таланте организатора археологической науки Е.П. Казакова. По его инициативе в 1997 г. был создан и им редактировался журнал «Finno–Ugrica», сделавший много полезного для финно-угроведения. Журнал небольшой, изящного формата, легко читаемый. К старости мне трудно поднимать тяжелые фолианты, поэтому особенно начинаешь ценить удобство формата. В журнале публиковались разнообразные статьи: как аналитические, так и публикации материалов, что очень важно, так как в это время перестройки почти ничего не публиковалось, в стране «исчезли» деньги. Куда они делись, сейчас мы знаем. В этом журнале опубликованы материалы нескольких наших памятников: Дербешкинского, Усть-Иргинского, Кишертского могильников и Дербешкинского поселения. Поражает представительность направлений финно-угроведения, отраженных в статьях журнала. Помимо археологии опубликованы статьи по истории (М.Г. Гришкина, FU № 10, 2007; Е. Беговатов, № 1, 1999), языкознанию (Л. Кызласов, № 1 (2), 1998; А. Куклин, там же), этнографии (А. Щенников, № 1(4), 2000; В. Рогачев, № 1 (5–6), 2001–2002), мифологии (К. Куликов, там же), религиоведению (№ 1, 1998), правоведению (В. Войтович, № 1 (5–6), 2001–2002) и др. Оригинален опыт издания монографии в журнале (№ 12, 13, 2011): Т. Останина. Поломский II могильник Красная Горка. К чести Е.П. Казакова в журнале опубликованы острые письма (В. Юрченков, № 1, 2000), статьи (И. Зимени, там же), рецензии, в том числе и содержащие критику его гипотез (Г. Гарустович, № 10, 2007).

Несмотря на наши по жизни добрые отношения, в научном плане у нас с Евгением Петровичем есть серьезные разногласия по некоторым проблемам приуральской археологии. Здесь я не собираюсь эти вопросы обсуждать, специалисты об этом осведомлены, но я считаю, что задача любой науки – вариативность и многообразие мнений исследователей. Если все будут думать одинаково, развитие науки остановится. А кто из нас прав, Евгений Петрович или я, покажет время.

Что касается характеристики личного вклада Е.П. Казакова в археологию Волго-Камья, то в ближайшее время вряд ли кто-либо напишет об этом лучше, чем это сделал Константин Александрович Руденко (Руденко, 2014, с. 510–526, 591–592, 624–625). С удовольствием отсылаю читателя к этой, без сомнения, необходимой и талантливой работе.

Искренне хочу пожелать Евгению Петровичу Казакову еще долгой трудовой деятельности в археологии Урало-Поволжья, а в том, что эта работа будет успешной и полезной, я не сомневаюсь.

ЛИТЕРАТУРА

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Старостин П.Н. К юбилею Е.П. Казакова // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сб. статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. Г.М. Шакирова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 380 с.

Информация об авторе:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

EVGENY PETROVICH KAZAKOV

R.D. Goldina

The article contains information on several events of the life of an outstanding figure in Ural-Volga archaeology, Doctor of Historical Sciences. E.B. Kazakov.

Keywords: Ural-Volga region, archaeology, history of science, outstanding figure, Evgeny Petrovich Kazakov.

About the Author:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Фото 1. Состав Совета по защитам кандидатских и докторских диссертаций Д 212.275.01 при Удмуртском государственном университете. Сидят слева направо: д.и.н. А.А. Тронин, д.и.н. В.Е. Владыкин – зам. председателя, д.и.н. Г.В. Мерзлякова – зам. председателя, д.и.н. Р.Д. Голдина – председатель Совета, д.и.н. Казаков, д.и.н. К.А. Пономарев. Стоят слева направо: д.и.н. Л.Д. Макаров, д.и.н. Г.Н. Чагин, д.и.н. М.Г. Иванова, д.и.н. А.Е. Загребин, д.и.н. Т.И. Останина, к.и.н. Г.Н. Журавлева – секретарь Совета, д.и.н. В.И. Суслов, д.и.н. И.Ю. Трушкова, д.и.н. Г.А. Никитина, д.и.н. А.А. Выборнов, д.и.н. Н.П. Лигенко, д.и.н. О.М. Мельникова.

Фото 2. Е.П. Казаков на XX Уральском совещании. Ижевск, октябрь 2016 г.

Фото 3. Е.П. Казаков на XX Уральском совещании. Ижевск, октябрь 2016 г.

Фото 4. VII Международный финно-угорский конгресс. г. Дебрецен (Венгрия). Верхний ряд, слева направо: Г.Н. Журавлева, Н.А. Лещинская, В.А. Кананин, Л.Д. Макаров. Нижний ряд: К.И. Корепанов, Е.П. Казаков, Р.Г. Кузеев, Р.Д. Голдина, А.Х. Халиков, В.В. Седов, Т.К. Ютина, П.Н. Старостин.

УДК 902/904; 929 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00076

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КАЗАКОВ И АРХЕОЛОГИЯ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2019 г. А.А. Чижевский

Статья посвящена вкладу Евгения Петровича Казакова, крупного российского археолога, в изучение памятников ананьинской культурно-исторической области. Несмотря на то, что основной направленностью его интересов всегда была Волжская Булгария, сначала во время полевых выездов, а потом и в публикационной деятельности Е.П. Казаков неоднократно обращался к археологии раннего железного века. Им открыты, изучены более десятка памятников ананьинского времени, среди них Измерский VII и Тетюшский могильники, которые дали важнейшие данные о переходной эпохе от бронзового к раннему железному веку. Его исследования заложили надежный базис под современные представления об ананьинской культурно-исторической области и оказали существенное влияние на формирование новых подходов к ананьинской проблематике.

Ключевые слова: доктор исторических наук Е.П. Казаков, археология Волго-Камья, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, могильники, стелы, преемственность археологических культур.

С Евгением Петровичем Казаковым (рис. 1) я познакомился в далеком августе 1981 г., когда мы с моей будущей женой в составе археологического кружка Бугульминского краеведческого музея поехали в организованную им экспедицию для исследования Чишминского I курганного могильника.

Мы впервые увидели Евгения Петровича в с. Муслюмово (рис. 2), а оттуда бортовой УАЗ-330394 перевез нас в село Миннярово Актанышского района ТАССР. Невысокий, но очень крепкий физически, он сразу подкупил нас простотой общения и огромной эрудицией. А дальше начались раскопки, во время которых наша группа познала на себе тяжкий труд вскрытия курганной насыпи, отягощенный непогодой, продолжавшейся все время работы экспедиции.

Каково же было наше разочарование, когда после недели работы в насыпи раскапываемого нами кургана оказалось впускное погребение средневекового кочевника, ограбленного еще в древности. Кости его оказались потревожены, а из сопровождающего инвентаря имелись лишь обломки дерева и небольшие бронзовые накладки. Однако ближе к окончанию экспедиции нас все же ожидала удача: под насыпью, на глубине полутора метров лежал скелет взрослого человека, кости которого были покрыты красной охрой, а на груди лежали остатки серебряного диска, от времени рассыпавшегося в пыль. Это было основное погребение, для которого, собственно, и был насыпан курган в среднем бронзовом веке (рис. 4). Немного позже, у края насыпи, было найдено еще одно впускное погребение ребенка, сопровождавшееся глиняным сосудом эпохи поздней бронзы (рис. 3) (АО, 1983, с. 151).

Во время этих работ полностью раскрылся характер Евгения Петровича: его открытость и дружелюбие, готовность прийти на помощь и объяснить непонятное. В дальнейшем именно из-за этих качеств он оставался для меня эталоном человека науки, который работает одинаково интенсивно и в поле, и в кабинете.

Евгений Петрович своим примером, энергией, интересом к жизни объединял вокруг себя людей. В качестве примера приведу участников экспедиций, работавших у него в 80-е, 90-е гг. XX в. Они настолько сдружились, что эти отношения перешли на внеэкспедиционную жизнь, а многие продолжают общаться и сейчас, спустя десятки лет после встречи в поле в экспедиции Е.П. Казакова.

Тогда, на раскопках кургана №2 Чишминского I курганного могильника и более поздних работах на Танкеевском могильнике (рис. 5), и Измерском археологическом комплексе (рис. 6, 7, 9, 10, 12), а также на Коминтерновском II могильнике (рис. 8, 11), он привил мне интерес к археологической науке, реализованный защитой кандидатской диссертации, одним из руководителей которой был Е.П. Казаков.

Многоплановость научного наследия Е.П. Казакова не позволяет охватить все направления его исследований в целом, поэтому я ограничусь лишь одним, не самым значимым для него, но очень важным для меня направлением – ранним железным веком и конкретно ананьинской культурно-исторической областью (АКИО).

Так совпало, что уже в самом начале научной карьеры Евгений Петрович участвовал в открытии стел Новомордовского I могильника. Стелы были обнаружены под водой на дне Куйбышевского водохранилища и лишь весной и осенью (при низкой воде) поднимались на поверхность. А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков и другие совершили настоящий научный подвиг, ныряя за стелами в ледяную октябрьскую воду (Чижевский, 2009).

Так как изваяния были найдены в размыве берега Куйбышевского водохранилища и под водой, точное размещение их относительно погребений не было установлено. А.Х. Халиков предположил, что новомордовские стелы были надгробными памятниками и размещались непосредственно над могилами. Учитывая тот факт, что к началу 60-х гг. XX в. было известно лишь два могильника со стелами: Ананьинский и Новомордовский I – исследователь предположил, что они предназначались для погребения элиты и могут быть некрополями военных вождей раннего железного века (Халиков, 1963, с.180).

Возможно, под влиянием именно этих событий началось у Евгения Петровича увлечение ранним железным веком. Этот интерес нашел отражение даже в его стихах:

На мысу мы видим мощный вал –
Городище железного века
Труд тяжелый его создавал,
Первобытного труд человека …
(Казаков, 2004, с. 116).

В дальнейшем в многочисленных экспедициях Е.П. Казакову неоднократно приходилось исследовать памятники АКИО. В 1964 г. в окрестностях с. Измери им был обнаружен меларский кельт, а в период с 1967 по 1969 гг. открыты пять селищ ананьинского времени: Николаевское I и Подгорно-Байларские III, V, VI, VII.

В 1973 и 1975 гг. на Семеновских островах Евгением Петровичем были выявлены вещи маклашеевского и ананьинского времени, происходящие из размытого могильника эпохи финальной бронзы и раннего железного века, названного им Семеновским VI. Публикация материалов этого могильника, среди находок которого были фрагменты стелы новомордовского типа, позволила Е.П. Казакову оспорить мнение А.Х. Халикова об исключительности находок каменных изваяний на ананьинских могильниках. Он пришел к выводу о том, что они являлись «характерной чертой погребального обряда» данной культуры (Казаков Е.П., 1977, с. 202). В дальнейшем эта точка зрения была подтверждена находками на других могильниках АКИО (Чижевский, 2005).

Во время работ на могильнике Такталачук (1969–1972 гг.), наряду с захоронениями эпохи бронзы, кушнаренковской культуры и мусульманскими (Казаков, 1978), им было выявлено погребение с небогатым погребальным инвентарем, относящееся, как он предположил, к раннему железному веку. Уточнить хронологию и культурную принадлежность этого погребения удалось лишь в нынешнем 2019 г., когда разведкой В.В. Морозова на территории могильника были зафиксированы находки ананьинского времени.

В 1969, 1970 и 1980 гг. Евгений Петрович принимал участие в исследовании Тетюшского могильника, однако публикация ананьинской части этого некрополя была осуществлена другими исследователями (Халиков, 1977, с. 50–75; Патрушев, 2011, с. 205–274).

В 1985 г. исследовательская группа в составе Е.П. Казакова, Р.С. Габяшева и В.Н. Маркова предприняла многодневную разведку по обследованию Нижнекамского водохранилища. Это было первое крупное разведочное обследование, построенного в 1978–1979 гг. водохранилища. На арендованном мотоботе «Дори» они обошли берега и острова Нижнекамского водохранилища в пределах Республики Татарстан. Экспедиция выявила значительное количество неизвестных ранее памятников археологии, были среди них и ананьинские: Рысовский I могильник, Рысовские III и IV селища.

Много лет Е.П. Казаков работал в районе с. Измери на археологических памятниках раннего и развитого средневековья, однако наряду с этим немало внимания уделялось и более ранним материалам. В ряду выявленных и изученных им памятников есть некрополи предананьинского (Девичий Городок IV)

и предананьинско-ананьинского (Измерский VII) времени.

Могильник позднего этапа маклашеевской культуры Девичий Городок IV исследовался на протяжении четырех лет (1981, 1985, 1989, 2001). Несмотря на небольшие размеры (около 20 погребений), его материалы существенно изменили современные представления о погребальном обряде маклашеевской культуры. Так, впервые именно здесь были зафиксированы жертвенные комплексы в виде четырех ног лошади, уложенных кучкой в засыпи могильной ямы. Также, впервые в XX в., в маклашеевских погребениях (погр. 16) был найден уздечный набор из кости, который, помимо широко распространенных стержневых трехдырчатых псалиев, содержал дополнительные элементы упряжи, такие как кольца и распределитель, изготовленный из челночной кости лошади (Казаков, 2002, рис. 4: 4; Чижевский и др., 2019, с. 85). Ранее такие материалы были известны лишь по раскопкам Маклашеевского II могильника, произведенным П.А. Пономаревым в 1897 г. (Худяков, 1930, табл. II: 7). Подобный уздечный набор был изучен Е.П. Казаковым и в погр.9 могильника Девичий Городок IV, но там костяные кольца были заменены двусоставными костяными бляхами (Казаков, 2002, с. 84).

В 1985 г. Евгений Петрович открыл Измерский VII могильник (Казаков, 1994), который в дальнейшем изучал на протяжении почти двух десятков лет. На памятнике вскрыто около 30 погребений, с учетом выделенных в отдельные могильники Измерских XVI и XVII (Казаков, Лыганов, 2014; Казаков, 2017). Здесь мне приходится вступать в полемику с Евгением Петровичем, так как он рассматривает Измерский VII могильник как три отдельных некрополя, расположенные на одном участке местности протяженностью около 150 м.

Основания в пользу объединения этих памятников в один следующие: 1) могильники однокультурны, 2) синхронны, 3) расположены на компактной территории, которая по площади совпадает с территорией современных сельских кладбищ.

И действительно, рассматриваемые некрополи фактически однокультурны, они относятся к маклашеевской и постмаклашеевской культурам и синхронны, так как самый крупный из них Измерский VII содержит одновременно погребения финала эпохи бронзы и начала раннего железного века. В то же время Измерский XVI относится к финалу бронзового века (позднему этапу маклашеевской культуры), а Измерский XVII к начальному этапу раннего железного века.

Кроме того, основанием объединения этих некрополей в один является характерная планиграфия маклашеевских и постмаклашеевских могильников, которая была реконструирована на основании исследования наиболее полно изученных могильников: Акозинского, Старшего Ахмыловского, Мурзихинского II, Тетюшского. На этих некрополях длинные ряды погребений протяженностью от 30 до 60 м располагались вдоль берега параллельно друг другу или рядом друг с другом в пространстве от 30 до 120–150 м.

В двух случаях (Старший Ахмыловский и Мурзихинский II могильники) к рядам, располагавшимся параллельно береговой полосе, примыкал еще один ряд, идущий поперек направления остальных рядов (Чижевский, 2008).

В свете этих данных вполне правомерно, на мой взгляд, рассмотрение Измерских VII, XVI и XVII могильников как отдельных рядов одного некрополя, большая часть которого в настоящее время размыта водохранилищем.

За многие годы исследований Измерский VII могильник дал значительное количество находок и позволил сделать ряд ценных наблюдений о материальной культуре переходного от бронзового к раннему железному веку времени.

Я перечислю только уникальные или редкие находки, выявленные на данном памятнике.

К таковым следует отнести уздечный набор финала эпохи бронзы из погр. 1 Измерского XVI могильника, который кроме стержневых псалиев содержал также распределители ремней полулунной формы (Казаков, 2017, с. 81, рис. 5: 1–3), ранее известные только по случайным находкам Общества археологии, истории и этнографии (Чижевский и др., 2019, рис. 1: 1).

Бронзовый псалий из пог. 10 Измерского VII могильника, представляющий один из самых ранних образцов металлических псалиев в лесостепном Урало-Поволжье, который датируется IX – 1 пол. VIII в. до н.э. (Казаков, 1994, рис. 8: 5; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 104, рис. 2: 6).

Бронзовый кинжал из жертвенного комплекса Измерского VII могильника (Среднее Поволжье, 2009, обложка), который является одним из самых ранних образцов клинкового оружия АКИО, датируемый в пределах начала – третьей четверти VIII в. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 103, рис. 1: 2).

Круглые бронзовые бляхи с четырехлепестковым солярным орнаментом, плакированные серебром, костяное изделие V-образной формы, украшенное изображением головы рыбы, и многое другое (Казаков, 1994, рис. 4: 3, 6).

Работы на Измерском VII могильнике, на котором была зафиксирована серия каменных стел, позволили Е.П. Казакову прийти к выводу о зависимости количества изваяний от числа погребений на некрополе. Кроме того, он отмечал, что стелы не были связаны с отдельными погребениями и, вероятно, являлись центром могильника, вокруг которого производились определенные ритуалы, соотносящиеся непосредственно с «основным погребальным обрядом» (Казаков Е.П., 1994, с.107). Эти наблюдения Е.П. Казакова в дальнейшем были подтверждены данными из других некрополей постмаклашеевской культуры, которые позволили установить факт размещения стел не над могилами, а в междурядьях на расстоянии от 1 до 6 м от могильных рядов. Как правило, стелы сопровождались остатками жертвоприношений (Чижевский, 2005).

Свое видение общих проблем предананьинского и ананьинского времени Е.П. Казаков изложил в небольшой, но сконцентрировавшей в себе значительное количество идей заметке, опубликованной в тезисах по итогам научной конференции, посвященной памяти А.В. Збруевой (Казаков, 1995). На основании материалов собственных полевых исследований археологических памятников низовьев р. Актай он аргументированно подтвердил гипотезу А.Х. Халикова о преемственности между маклашеевскими и ананьинскими древностями. Свидетельствами этой преемственности, по его мнению, являются следующие факты: 1. использование поминальных комплексов, состоящих из костей животных; 2. широтная ориентировка погребенных; 3. размещение части погребального инвентаря отдельной кучкой в могильной яме; 4. относительная редкость фиксации в могилах глиняной посуды; 5. сходство маклашеевских и раннеананьинских костяных псалиев и ряда других предметов, изготовленных из кости; 6. расположение могил рядами; 7. вслед за Г.Р. Ишмуратовой он отмечал также сходство маклашеевской и раннеананьинской керамики по «форме, фактуре, орнаментации» (Казаков, 1995, с. 3).

Продолжая сопоставительный ряд Евгения Петровича, необходимо упомянуть и каменные изваяния, которые появляются в конце позднего этапа маклашеевской культуры. Стелы так называемого ильичевского типа известны на трех маклашеевских могильниках и представляют собой небольшие клиновидные плиты, не имеющие изображений (Чижевский, 2005). В раннем железном веке традиция установки стел уже нового, новомордовского типа, широко распространяется на постмаклашеевских могильниках, изваяния приобретают характерное оформление верхней части в виде полукруглого завершения, а на лицевой и боковых частях появляются изображения оружия (Чижевский, 2009).

Некоторые предположения Е.П. Казакова не прошли проверку временем. Так, он указывал на сходство бронзовых ножей маклашеевского и ананьинского времени, но полученные в последние годы серии этих изделий показывают, что они существенно отличаются. Первые продолжают линию развития двулезвийных ножей атабаевского типа (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019, рис. 12), вторые – бронзовые однолезвийные с прямой и горбатой спинкой – свое происхождение ведут с юга. Они имеют аналогии в степях Волго–Донского междуречья и Северного Причерноморья, известны на Северном Кавказе и в Балкано-Карпатье (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 103, 104, рис. 1: 1, 4, 6, 7, 12–14, 18–20).

В качестве характерной особенности культур финала бронзового и раннего железного веков и их преемственности между собой Е.П. Казаков упоминал и небольшие размеры некрополей в устье р. Актай (Казаков, 1995, с. 3). Однако сейчас в расположенных неподалеку районах стали известны как крупные маклашеевские (Мурзихинский II), так и большие раннеананьинские некрополи (Мурзихинский II, Тетюшский и т.д.), протянувшиеся на десятки, а иногда и сотни метров.

Тем не менее, эти замечания нисколько не умаляют общую концептуальную правоту Евгения Петровича в вопросе преемствен-

ности носителей маклашеевской и раннеананьинской (постмаклашевской) культур.

Е.П. Казаков обращался и к вопросам этнической принадлежности ананьинского мира. В этой области он придерживается твердых взглядов о полиэтничности культур АКИО, рассматривая носителей маклашеевской и постмаклашевской культур в качестве «пермоязычного» компонента, а носителей шнуровых ананьинских культур как «угроязычное» население (Казаков, 1995, с. 4).

Подводя итоги, отмечу значительный вклад Е.П. Казакова в формирование корпуса источников, характеризующих культуры финала эпохи бронзы и раннего железного века. Его многолетние исследования заложили базисную, фактологическую основу под здание новейших представлений об ананьинской культурно-исторической области и оказали существенное влияние на формирование современной ананьинской проблематики. Евгений Петрович – прекрасный пример ученого 60-70-х гг. XX в., времени романтики и устремленности в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С.67–108.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО 1981 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 150–151.

Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1994. С. 104–123.

Казаков Е.П. О культурной преемственности могильников маклашеевского и раннеананьинского времени в низовьях р. Ахтай // Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века / Отв. ред. В.Н. Марков. Казань: ИЯЛИ, 1995. С. 3–4.

Казаков Е.П. О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 83–87.

Казаков Е.П. Городище // Казаков Евгений Петрович. Сборник материалов к 70-летию со дня рождения / Ред. кол. Р.Р. Хайрутдинов, А.Г. Ситдиков. Казань: РИЦ Школа, 2004. С. 116–117.

Казаков Е.П. XVI Измерский могильник маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2017. №3. С. 80–88.

Казаков Е.П., Лыганов А.В. Итоги изучения Измерского XVII могильника // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 43–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. №3. С. 101–137.

Патрушев В.С. Могильники раннеананьинского времени. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 276 с.

Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. 380 с.

Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. №3. С. 180–190.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи Раннего Железа VIII–VI вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 263 с.

Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея ТССР. №2 / Ред. кол. Н.И. Воробьев и др. Казань: Татполиграф, 1930. С. 11–14.

Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Глав. ред. В.И. Гуляев. М. ИА РАН, 2005. С. 268–300.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып.5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // РА. 2009. №1. с.81–90.

Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета. Часть 2 // Поволжская археология. 2019. №1. С. 84–103.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 99–123.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

EVGENY PETROVICH KAZAKOV AND THE ARCHAEOLOGY OF ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREA

A.A. Chizhevsky

The article is dedicated to the contribution of Evgeny Petrovich Kazakov, major Russian archaeologist, to the study of the monuments of Ananyino Cultural and Historical Area. Despite the fact that the primary focus of his interests has always been Volga Bolgaria, in his field surveys, and further in his publication activities E.P. Kazakov has repeatedly addressed the issues of the Early Iron Age archaeology. He has discovered and studied over ten monuments of the Ananyino period, in particular Izmersky VII and Tetyushsky burial grounds, which have provided most valuable information on the transition from the Bronze to the Early Iron Age. His studies have provided a reliable framework for the contemporary notion of the Ananyino Cultural and Historical Area and have had a significant impact on the formation of new approaches to Ananyino research.

Keywords: Doctor of Historical Sciences E.P. Kazakov, archaeology of the Volga-Kama region, Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Area, burial grounds, stelae, continuity of archaeological cultures.

About the Author:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

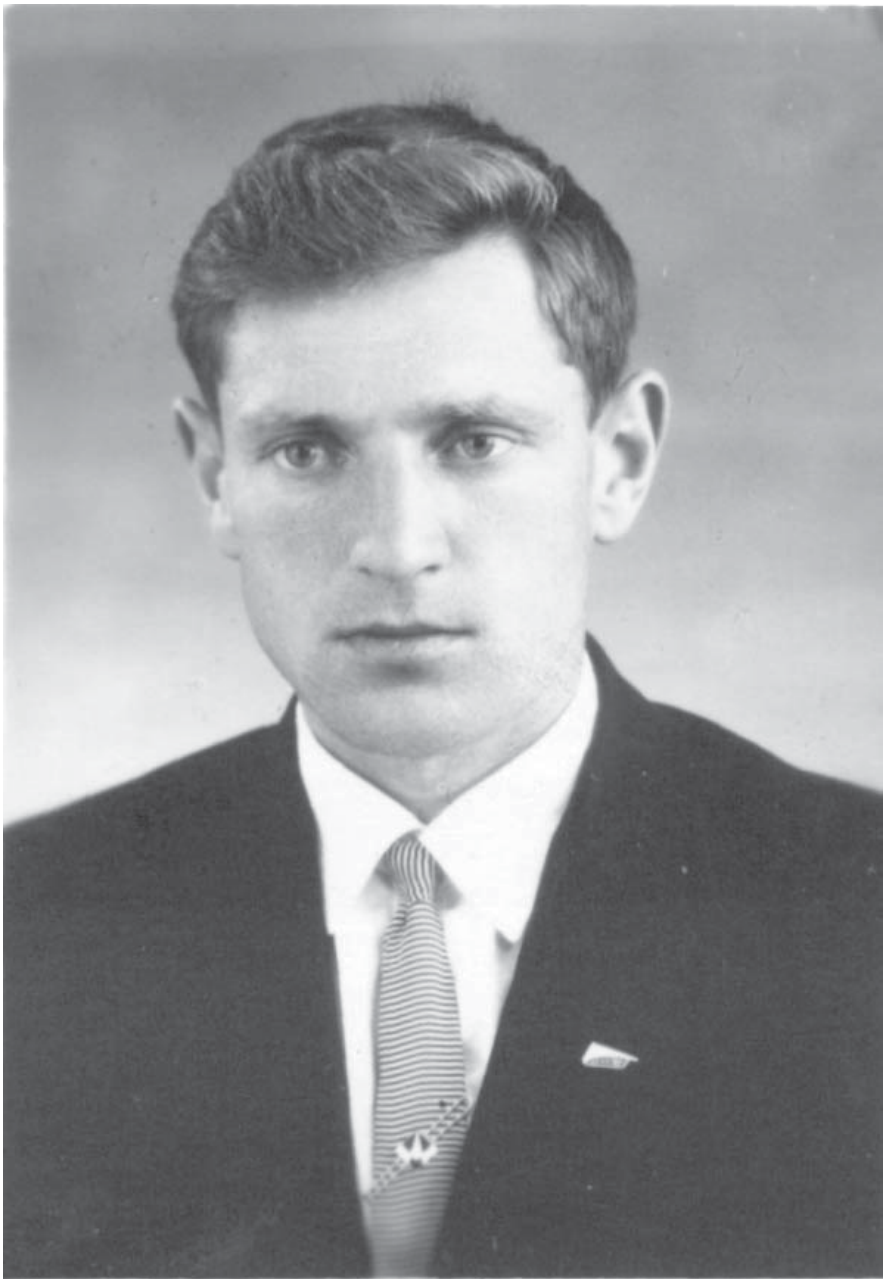


Рис. 1. Евгений Петрович Казаков, фотография 1961 г.

Рис. 2. Евгений Петрович Казаков, фотография 1986 г.

Рис. 3. Чишминские I курганы, курган 2, погр. 3, фотография 1981 г.

Рис. 4. Чишминские I курганы, курган 2, погр. 2, слева А.А. Чижевский, фотография 1981 г.

Рис. 5. Танкеевский могильник. Участники экспедиции: в первом ряду в центре С.А. Зарифулин, во втором ряду крайний Е.П. Казаков, предпоследний справа В.Е. Казаков, в третьем ряду Е.А. Беговатов и А.В. Мучтукаев. Фотография 1984 г.

Рис. 6. Измерский археологический комплекс, Е.П. Казаков в «наряде на кухне», фотография 1986 г.

Рис. 7. Измерский археологический комплекс, подготовка к празднику приема в археологи, фотография 1986 г.

Рис. 8. Коминтерновский II могильник, возвращение в лагерь, в первом ряду слева направо: В.А. Чистяков, А.А. Чижевский, Т.Е. Чижевская, М.И. Прозорова (Мельникова), Р.М. Хабибуллин, Е.П. Казаков, во втором ряду М.Р. Ахмадеева (Шаймардановна). Фотография 1986 г.

Рис. 9. Измерский археологический комплекс, сборы лагеря, середина 90-х гг. XX в.

Рис. 10. Измерский археологический комплекс, разведка 2012 г., фотография А.В. Лыганова.

Рис. 11. Коминтерновский II могильник, разведка 2012 г., фотография А.В. Лыганова.

Рис. 12. Измерский археологический комплекс, разведка 2012 г., фотография А.В. Лыганова.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00077

ВКЛАД Е.П.КАЗАКОВА В РЕШЕНИИ УГОРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В АРХЕОЛОГИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

©2019 г. В.А. Иванов

В статье рассматриваются основные этапы научной деятельности Е.П.Казакова, направленной на решение проблемы Уральской прародины древних венгров. Историографический анализ трудов ученого дает основание автору статьи считать Е.П.Казакова одним из пионеров в разработке этой проблемы. Как показывают результаты исследований последних лет, основные выводы Е.П.Казакова легли в основу современного представления археологов об этой проблеме – она по сути решена: древние венгры (угры-мадьяры) во второй половине I тыс. н.э. являлись основным населением Южного Урала и Предуралья.

Ключевые слова: археология, угры, древние венгры, кушнаренковская, караякуповская, чияликская, неволинская археологические культуры, погребальные маски.

Под угорской проблемой в археологии Урало-Поволжья долгое время понималась проблема пребывания, географических границ расселения и степени участия древних угров в этно- и культурогенезе древнего и средневекового населения региона. Начиналась эта проблема, как известно, с поиска ответа на вопрос, можно ли отождествлять территорию *Magna Hungaria* с территорией нашего региона и если да, то какие известные здесь археологические культуры могут быть идентифицированы как древневенгерские.

Полную историографию проблемы я здесь приводить не буду – она опубликована, причем не единожды (Иванов, 1999, с. 6–18; Комар, 2011, с. 39–50). Отмечу только, что после многолетних и достаточно ожесточенных дискуссий и в результате целенаправленного поиска уральских (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Г.Н. Гарустовитч, С.Г. Боталов) и венгерских (И. Фодор, А. Тюрк) археологов проблема локализации и археологической идентификации *Magna Hungaria* перестала быть таковой (Материалы…, 2018).

Зато от нее «отпочковалась» другая проблема – географические границы и археологическое содержание угорской ойкумены в Урало-Поволжье. Здесь сложилось две оппонирующих друг другу группы исследователей – сторонников угорской этнокультурной доминанты в Прикамье и Предуралье в эпоху раннего средневековья и их противников, ограничивающих масштабы угорского (угро-мадьярского) присутствия в регионе территорией Южного Предуралья. Общепризнанным лидером первых является Е.П. Казаков, много лет своей научной жизни и деятельности посвятивший доказательству ведущей роли угров в формировании этнокультурной карты Урало-Поволжского региона в I – начале II тыс. н. э.

Следует отметить, что угорская тема изначально находилась в центре научных изысканий Е.П. Казакова. В одной из своих первых публикаций[1], посвященной описанию лицевых покрытий (масок) из погребений Танкеевского могильника[2], Е.П. Казаков проводит прямую параллель между танкеевскими масками и лицевыми покрытиями древних венгров и обских угров. Обозначив тем самым один из наиболее ярких морфологических признаков угорской археологической культуры в Урало-Поволжье (Казаков, 1968, с. 235–239).

Тема кандидатской диссертации Е.П. Казакова была сформулирована как «Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии)»[3]. Поэтому вполне естественно, что в своем докладе, прочитанном на научной сессии по этногенезу башкир (Уфа, май 1969 г.) исследователь рассматривает вопрос об участии населения Южного Предуралья в этногенезе ранних волжских булгар. Для этого он использует керамический материал Танкеевского

[1] Доклад, прочитанный аспирантом ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР Е.П. Казаковым на IV Уральском археологическом совещании в Перми в 1964 г.

[2] В исследованиях которого он непосредственно участвовал.

[3] Защищена в 1972 г.

могильника, в котором выделяет комплекс сосудов, по своим морфологическим признакам сближающихся с сосудами памятников кушнаренковской культуры и синхронных культур Верхнего Прикамья – ломоватовской, неволинской, поломской – носители которых исследователем были обозначены термином «верхнекамско-чепецкое население». По его мнению, проникновение этого населения одновременно на территорию Башкирии (Стерлитамакский, Хусаиновский, Каранаевский, Мрясимовский могильники) и в Среднее Поволжье (Танкеевский могильник) обусловило появление общих элементов в материальной культуре населения Урало-Поволжского региона в конце I тыс. н. э. (Казаков, 1971). Характерно, что, по мнению Е.П. Казакова, часть сосудов из поздних погребений Бирского могильника и погр. 504 Танкеевского могильника по своим формам и орнаментике могли быть генетически связаны с Сибирью.

Выступая в прениях по прослушанным на сессии докладам, Е.П. Казаков вновь затронул тему пребывания древних венгров в Предуралье, связав с ними Ишимбаевский курганный могильник[4]. Основанием для подобного заключения Е.П. Казакову послужили поясные накладки т.н. «венгерского типа», найденные в кургане № 3 указанного могильника (Казаков, 1971а).

И как логическое продолжение затронутой темы – статья 1972 г., в которой автор, оперируя уже бóльшим количеством вещей из Танкеевского могильника – маски, фигурные бляхи, боевые топоры, удила с восьмеркообразными окончаниями звеньев, грушевидное стремя – делает вывод о том, что в VIII–IX вв. древние мадьяры и ранние волжские болгары были близкими соседями и контактировали между собой (Казаков, 1972, с. 167). Заметим, что это было сказано еще до открытия и публикации Больше-Тиганского могильника.

Исследования Больше-Тиганского могильника и его первичная публикация поставили на повестку дня вопрос об этнокультурном соотношении носителей кушнаренковской и караякуповской культур Предуралья и древних угров-мадьяр. Мнения исследователей региона, как известно, по этому вопросу разделились на сторонников и противников угорско-мадьярской принадлежности указанных культур (Е.А. и А.Х. Халиковы и В.Ф. Генинг, Н.А. Мажитов соответственно). Позицию Е.П. Казакова в то время можно определить как выжидательную, хотя в своих публикациях второй половины – конца 1970-х гг. он продолжает последовательно проводить идею об участии сибирских этносов в формировании этнической карты Урало-Поволжья в I тыс. н. э. Основной упор при этом исследователь делает не на сходство вещевых комплексов, источниковедческая ценность которых, по его мнению, «в значительной мере теряется из-за интернациональности этих предметов и иногда, из-за недоказанности более раннего появления их на Востоке», а на археологически фиксируемые следы духовной культуры сибирского населения в Прикамье и Предуралье – лицевые покрытия и находки музыкальных инструментов обско-угорского типа (Казаков, 1976).

Вообще, если мы проведем контент-анализ текстов статей, опубликованных Е.П. Казаковым во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг., то убедимся, что в это время исследователь избегает использования конкретных этнонимов, применительно к археологическим культурам региона конца I тыс. н. э. Вместо них он вводит такие номинации, как «этнические группы, имеющие ряд сходных черт в культуре с населением Башкирии и ранней Волжской Болгарии» (при определении культурной принадлежности Чишминского могильника (Казаков, 1975)); «угорские группы населения с сильными кочевническими традициями в культуре» (применительно к могильникам типа Каранаевского, Мрясимовского, Идельбаевского (Казаков, 1978, с. 32)).

В это время исследователь активно и плотно занимается памятниками кушнаренковско-караякуповского типа. В серии публикаций, вышедших на рубеже 1970-х – 1980-х гг., Е.П. Казаков обозначает культурные импульсы, оказавшие влияние на формирование общего облика кушнаренковской культуры. По его мнению, это культура поздних сарматов, передавшая «кушнаренковцам» форму сосудов и орнамент в виде резной сетки. От уральских угров «кушнаренковцы» получили северную ориентировку погребенных, погребальные маски и некоторые типы женских украшений. Под воздействием тюрков произошла смена северной ориентировки погребенных на западную и распространился культ коня (Казаков, 1979).

[4] Исследован Н.А. Мажитовым в 1963–1965 гг.

Новым по тому времени словом явилась предложенная Е.П. Казаковым периодизация кушнаренковской культуры. Опираясь на материалы могильников Такталачук, Танкеевка и Тетюши, исследователь выделяет три этапа в развитии данной культуры: вторая половина VI–VII, VIII и IX–X вв. (Казаков, 1981, с. 131).

Несколько позже, уже расширив источниковую базу своего исследования за счет привлечения материалов с территории Башкирии, автор делает хронологию кушнаренковской культуры более дробной, разбитой уже на четыре этапа: раннекушнаренковский, вторая половина VI–VII вв.; манякский, VIII в.; хусаиновский, конец VIII–IX вв. и танкеевский, вторая половина IX–X вв. (Казаков, 1987, с. 29).

И хотя в эту периодизацию исследователь включил и материалы караякуповской культуры[5], но в общем в своих основных звеньях она выдержала проверку временем.

А что касается этнической интерпретации кушнаренковской и караякуповской культур, то решение этого вопроса исследователь напрямую связывал с решением вопроса об этносе западно-сибирских раннесредневековых памятников со штампо-гребенчатой керамикой (Казаков, 1979, с. 92; 1981, с. 135; 1981а, с. 139–140; 1987, с. 29). Подобной трактовки этнокультурной принадлежности носителей кушнаренковской культуры, которых Е.П. Казаков считает основным компонентом в ранней Волжской Болгарии, автор придерживается и в своей фундаментальной монографии, посвященной культуре ранних болгар (Казаков, 1992, с. 242–245).

Но это не относится к памятникам Прикамья и Предуралья начала II тыс. н. э., которые исследователь номинирует как постпетрогромские и чияликские. Е.П. Казаков изначально интерпретирует их как угорские. Основанием для этого являются цилиндрошейные круглодонные сосуды, украшенные гребенчато-шнуровым орнаментом, истоки которых исследователь рекомендует искать в поздних петрогромских памятниках Среднего Урала, погребальные маски, культовые поделки и украшения, находящие аналогии в памятниках обских угров XIV–XVII вв., культ коня, тесная связь с миром степных кочевников (Казаков, 1986; Казаков, 1988).

[5] Хотя и близкой, но не тождественной кушнаренковской.

Таким образом, если исходить из концепции Е.П. Казакова, «угорская проблема» в Прикамье и Предуралье перестает быть таковой уже начиная с X в. н. э., поскольку, как считает исследователь, «широкие пространства Урало-Поволжья в эпоху средневековья занимали угорские племена» (Казаков, 2003, с. 77).

Вслед за этим, естественно, возникает вопрос об этнической принадлежности населения региона, оставившего памятники предшествующих постпетрогромской и чияликской кушнаренковской и караякуповской культур (по номенклатуре Е.П. Казакова – кушнаренковской культуры). Сам исследователь постоянно (и совершенно справедливо) подчеркивает их пришлый для Урало-Поволжья характер. И он же раскрывает метод, с помощью которого определяет этническую принадлежность носителей археологических культур, формировавших этническую карту региона в конце I – начале II тыс. н. э.: «Определение археологических комплексов и памятников в качестве угорских базируется на ретроспективном методе. Письменные источники X–XIII вв. позволяют не только считать некоторые культуры угорскими, но и локализовать их. Удивительная хронологическая преемственность основных элементов культуры у народов этой языковой семьи позволяет экстраполировать их в глубокую древность вплоть до раннего железного века» (Казаков, 2007, С. 20). И далее приводится перечень признаков угорской археологической культуры, выявленных и зафиксированных в памятниках Урало-Поволжья, относящихся к ванвиздинской, поломской, ломоватовской, неволинской, кушнаренковской культурам «с характерными угорскими чертами». Среди этих черт на первое место исследователь ставит лепную круглодонную керамику с примесь талька или раковины в тесте, украшенная веревочно-гребенчатым или решетчато-штампованным орнаментом – для лесных и лесостепных угров; лепная круглодонная посуда с примесью песка в тесте и гребенчато-резной орнаментацией – для кочевых угров лесостепи и степи (кушнаренковская культура) (Казаков, 2007, с. 21).

Затем – погребальные лицевые покрытия-маски и помещение в могилу шкуры коня в свернутом виде у ног человека (череп и кости ног). Как отмечает Е.П. Казаков, ареалы

распространения этих элементов погребальной обрядности совпадают.

Из числа археологических артефактов, происходящих из памятников эпохи средневековья Урало-Поволжья, исследователь выделяет вещи – маркеры угорской культуры в регионе. К ним он относит бронзовые плакетки с изображением медведя в жертвенной позе, шумящие арочные и коньковые подвески, кресала с бронзовыми рукоятями в виде конских голов, подвески с грушевидными привесками и др.

То есть «…важнейшие элементы языческой культуры, несомненно, являются этнопоказательным признаком, и в первую очередь, для угорских народов. Это, прежде всего, погребальные маски, своеобразное применение в ритуальных целях шкуры животного, комплекс культовых изделий, святилища и др. отражают глубокие, выработанные в течение длительного исторического периода идеологические представления. **О преимущественно угорской принадлежности их свидетельствуют как археологические, так и этнографические и письменные источники** (выделено мной – авт.)» (Казаков, 2007, с. 30–31).

Описание кушнаренковской культуры в цитируемой монографии Е.П. Казаков дает уже в контексте угорской этнической принадлежности ее носителей. А разработанная автором хронология самым естественным образом вписывает кушнаренковскую культуру в проблему пребывания древних угров-мадьяр в Урало-Поволжье и археологического содержания этногеографического понятия *Magna Hungaria*. Основной ошибкой исследователя в подходе к решению этой проблемы я считаю объединение им в одной номинации «кушнаренковская культура» двух родственных и последовательных в регионе культур: собственно кушнаренковской (по периодизации Е.П. Казакова – памятники раннекушнаренковского и манякского этапов) и караякуповской (хусаиновский этап). Последние как раз и обозначают процесс объединения различных угорских групп Урало-Поволжья – ломоватовские, неволинские, поломские, караякуповские – в единый этнополитический союз «семи племен Хетумогер», в середине IX в. двинувшихся на запад в поисках новой родины.

Впрочем, дискуссия по этому поводу не соответствует формату настоящей статьи, поэтому развивать ее я здесь не буду.

В заключение мне остается только сказать, что Е.П. Казаков, по сути дела, будучи пионером решения угорской проблемы в Урало-Поволжье, собрал убедительные доказательства угорской этнокультурной доминанты в регионе в конце I – начале II тыс. н. э., которых не видит только тот, кто apriori не желает их видеть. И тем самым он подготовил прочную основу для завершения дальнейших дискуссий по этой проблеме. Что и отчетливо прозвучало в докладах и сообщениях на IV Международном Мадьярском симпозиуме в октябре 2018 г. в г. Болгаре. Общее мнение участников симпозиума можно выразить одной фразой: «Угорская этнокультурная доминанта в Урало-Поволжье в эпоху раннего средневековья – это уже исторический факт».

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Середньому Подніпров'ї // Археологія і давня історія України. 2011. Вып. 7. С. 21−78.

Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума // Археология Евразийских степей. 2018. №6.

Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (Об одном элементе погребального обряда) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV. Уч. записки ПГУ. №191. Пермь, 1968. С. 230−239.

Казаков Е.П. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии (на материале керамики) // АЭБ. Т.IV. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 122−128.

Казаков Е.П. Выступление в прениях на сессии по этногенезу башкир // АЭБ. Т.IV. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, С. 339−340.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. Сборник статей советских и венгерских археологов / Отв. ред. А. П. Смирнов и др. М.: Наука, 1972. С. 161−167.

Казаков Е.П. К вопросу о выявлении сибирских и среднеазиатских элементов в культуре ранней Волжской Булгарии // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа (препринты докладов и сообщений) / Отв.ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 45−46.

Казаков Е.П. Два погребения Чишминского могильника // СА. 1975. № 4. С. 259–264.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 129 с.

Казаков Е.П. Об этнической принадлежности памятников кушнаренковского типа // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной конференции. Омск: ОмГУ, 1979. С. 8−92.

Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв.ред. А. Х. Халиков Казань, 1981. С. 115−135.

Казаков Е.П. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. Вып. 15. / Отв. ред. Стоянов В.Е. Свердловск: Уральский государственный университет, 1981. С. 136−140.

Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв.ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 67−75.

Казаков Е.П. О хронологической типологии и этнокультурных контактах кушнаренковских памятников Татарии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири / Отв.ред. Н. А. Томилов. Томск: Изд. Том. ун-та, 1987. С. 18−30.

Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 79−87.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Этапы археологического исследования средневековых угров Урало-Поволжья // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2003 г., г. Тобольск) / Отв. ред. Нескоров А.В. Тобольск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 2003. С. 76−78.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

THE CONTRIBUTION OF EP KAZAKOV TO THE SOLUTION OF THE UGRIAN PROBLEM IN THE ARCHEOLOGY OF THE URAL-VOLGA REGION

V.A. Ivanov

The article deals with the main stages of scientific activity E.P. Kazakov aimed at addressing the problems of the Ural ancestral home of the ancient Hungarians. The historiographical analysis of the works of the scientist gives the author the basis for considering E.P. Kazakov one of the pioneers in the development of this problem. As the results of studies in recent years, the main conclusions E.P.Kazakov formed the basis of the modern conception of archaeologists about this issue - it is essentially solved: the ancient Hungarians (Ugric Magyar) in the second half of I millennium BC. were the main population of the Southern Urals and the Cis-Urals.

Keywords: archaeology, Ugry, Ancient Hungarians, Kushnarenkovo, Karayakupovo, Chiyalik, Nevolyno archaeological cultures, burial masks.

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revolutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

УДК 902 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00078

СТАРЕЙШИНА ТАТАРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (К 85-ЛЕТИЮ Е.П. КАЗАКОВА)

©2019 г. Ф.Ш. Хузин

Статья написана в связи с 85-летним юбилеем доктора исторических наук, крупнейшего российского археолога-булгароведа Евгения Петровича Казакова. Ученый с широким диапазоном научных интересов, он внес своими трудами в области древней и средневековой археологии Урало-Поволжья огромный вклад в развитие археологической науки в Татарстане. С его именем связаны открытия около 300 новых археологических памятников, раскопки уникального Танкеевского некрополя ранних болгар, памятников эпохи Великого переселения народов, ставшие классическими труды по археологии древних угров, о характере взаимоотношений тюркоязычного и финно-угорского народов Волго-Уральского региона. Он автор более 500 работ, в том числе 11 монографий; часть из них опубликована в зарубежных изданиях.

Ключевые слова: археология первобытная и средневековая, ранние болгары, Волжская Булгария.

22 октября 2019 года известному советскому и российскому археологу, крупнейшему специалисту в области древней и средневековой археологии Урало-Поволжья, доктору исторических наук Евгению Петровичу Казакову исполнилось 85 лет. Пройден большой, насыщенный поистине историческими событиями в жизни страны и выдающимися открытиями в науке путь ученого-археолога, завершившего свой 55-й по счету полевой сезон в 80-летнем возрасте, но готового, пусть даже только в качестве научного консультанта, выехать на раскопки хоть сегодня!

Евгений Петрович – уроженец Нижегородской области. После окончания Бутурлинской средней школы в 1955–1958 г. служил в рядах Советской Армии. Дальнейшая судьба его связана с Казанью: в 1958–1963 гг. учился на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета, в 1964–1967 гг. в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР под руководством А.Х. Халикова прошел аспирантуру по специальности «археология».

В археологических экспедициях Е.П. Казаков начал участвовать в 1959 г. Досрочно сдав весеннюю сессию за первый курс, как это принято у студентов-археологов, он уехал в Марийскую археологическую экспедицию, руководимую А.Х. Халиковым, и принял участие в раскопках стоянки Галанкина Гора эпохи бронзы. В том же году успел поработать в экспедициях В.Ф. Генинга (раскопки могильника Качка и Красногорского городища в Пермском крае) и Н.А. Мажитова (раскопки Кушнаренковского и Бирского могильников в Башкортостане). В.Ф. Генинг пригласил Евгения Петровича участвовать и в исследованиях Тураевского могильника – уникального памятника эпохи Великого переселения народов. В экспедициях студент Казаков проявил себя не только как усердный раскопщик с лопатой, но и как начинающий исследователь, вдумчивый, наблюдательный, что и позволило ему в скором времени стать верным помощником, «правой рукой» руководителя экспедиции. Заметим, что, будучи студентом четвертого курса, Евгений Петрович стал одним из соавторов коллективной монографии «Археологические памятники у с. Рождествено», увидевшей свет в 1962 г. в издательстве Казанского университета. В ней опубликованы материалы из раскопок именьковского могильника и поселения булгарского времени, исследованных под руководством В.Ф. Генинга (Генинг и др., 1962).

Но судьбоносными, окончательно определившими всю дальнейшую профессиональную деятельность Евгения Петровича стали раскопки в 1960– 1961 гг. Больше-Тарханского могильника середины VIII – первой половины IX вв. и крупнейшего в Восточной Европе Танкеевского некрополя IX–X вв., оставленных ранними булгарами. С этого времени раннебулгарская тематика стала основной в его дальнейшей научно-исследовательской деятельности. По материалам Танкеевского могильника была подготовлена и успешно защищена дипломная работа; все аспирант-

ские годы молодой ученый посвятил тщательнейшему анализу, систематизации и публикации богатейшего погребального инвентаря этого же памятника (Казаков, 1971). Разработку раннебулгарской проблематики он успешно продолжает и по сей день.

После аспирантуры Е.П. Казаков начал свою трудовую деятельность в качестве младшего научного сотрудника сектора археологии и этнографии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. В 1972 г. в Московском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию «Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии)», в 1994 г. там же – докторскую диссертацию (в виде научного доклада) «Культура ранней Волжской Болгарии». После защиты кандидатской диссертации Е.П. Казаков работал на должности старшего научного сотрудника ИЯЛИ КФАН СССР, в 1996–2000 гг. – на должности ведущего научного сотрудника Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; с 2001 г. является главным научным сотрудником того же института, а с 2014 г. – главный научный сотрудник вновь образованного Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Е.П. Казаков – неутомимый и успешный полевик-разведчик, проводивший весь летний сезон, практически со второй половины мая по октябрь, в экспедициях. Им лично открыто, обследовано, частично раскопано около 320 археологических памятников, расположенных преимущественно в зонах затопления Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ, в районах Западного и Восточного Закамья. Результаты этих открытий нашли отражение в шеститомной «Археологической карте Татарстана» коллектива авторов, удостоенной в 1994 г. Государственной премии РТ в области науки и техники.

Перу Е.П. Казакова принадлежит более 500 научных трудов, в том числе 11 книг и авторских монографий, широко известных, судя по индексу цитируемости, среди российских и зарубежных специалистов. Обширный диапазон научных интересов ученого определяется исследованиями археологических памятников разных эпох – камня, бронзы и раннего железа, эпохи Тюркских каганатов и ранних булгар, Волжской Булгарии и Золотой Орды.

В научных кругах получили положительные отзывы монография «Памятники эпохи камня в Закамье» (Казаков, 2011а; Косменко, 2014) и опубликованные в центральных изданиях статьи об уникальных неолитических погребениях в восточных районах Татарстана (Казаков, 1978а), новых памятниках приказанской (Казаков, Косменко, 1976), срубной (Казаков, 1972а; 1975), черкаскульской (Казаков, 1978б; 1979) и ананьинской культур (Казаков, 1977) эпохи бронзы и раннего железа.

Огромный интерес у специалистов вызвало открытие Е.П. Казакова памятников именьковско-турбаслинского круга второй половины VI–VII вв. (типа Коминтерновского II могильника с ингумацией погребенных), этническую принадлежность которых ученый склонен интерпретировать в связи с проникновением на Среднюю Волгу поздних сармат, частично тюркизированных, покинувших приаральские и южноуральские степи под натиском гуннов (Казаков, 1998; 2011б; 2016а). Данная гипотеза поддерживается материалами новых памятников коминтерновского типа в приустьевой части Камы, открытых в последние годы Р.Р. Валиевым (2019).

Основная проблематика исследований Евгения Петровича связана, конечно, с археологией ранних и домонгольских булгар. Итоги многолетних исследований раннебулгарских могильников Среднего Поволжья были подведены им в фундаментальной монографии «Культура ранней Волжской Булгарии», опубликованной в Москве издательством «Наука» (Казаков, 1992). В ней прослежены этапы проникновения приазовских булгар на территорию Волго-Камья, показана специфика материальной культуры формирующейся булгарской этнической общности, определен вклад тюркоязычных, местных и пришлых с Верхнего Прикамья финно-угорских племен в сложении этнических основ населения Волжской Булгарии.

Частью раннебулгарской и домонгольско-булгарской проблематики являются вопросы, связанные с характером взаимоотношений тюркоязычного и финно-угорского народов края. Эти вопросы были поставлены Е.П. Казаковым еще в студенческие годы, когда он только приступал к изучению материалов Танкеевского могильника, а первая аспирантская статья, доказывающая принадлежность погребальных лицевых покрытий

из бронзы и серебра древним уграм, появилась в «Ученых записках» Пермского государственного университета в 1966 г. (Казаков, 1966). Более уверенно об участии древних угров-мадьяр в этногенезе булгар он писал в статье, опубликованной в советско-венгерском сборнике в 1972 г. (Казаков, 1972б; см. также: 1981а), т.е. еще до открытия уникального собственно древнемадьярского могильника в Татарстане (Chalikova, Chalikov, 1981).

Танкеевские же материалы дали основание говорить об активном участии в этногенезе предков современных татар верхнекамского (прикамско-приуральского) населения, оставившего после себя поломскую, ломоватовскую и неволинскую культуры. Об этом свидетельствовал, прежде всего, широко распространенный в погребальном инвентаре языческих могильников булгар и ранних слоях поселений комплекс лепной округлодонной посуды с цилиндрической шейкой, украшенной гребенчато-шнуровым орнаментом – тип «постпетрогром», по Е.П. Казакову (1987). Памятники с подобной керамикой ученый рассматривал в рамках «постпетрогромской культуры» (Казаков, 2004), вызвавшей дискуссию о правомерности ее выделения (Хузин, 2001, с. 69–83).

Огромной заслугой Евгения Петровича Казакова было открытие в восточных районах Татарстана памятников чияликской культуры, носители которой рассматриваются им как принадлежавшие к угорской группе языков Западной Сибири, скорее всего, предкам современных манси (Казаков, 1978в; 2003; 2016б; 2018). Обобщающее исследование об истории булгарско-финно-угорских взаимосвязей IX–XIV вв. (включая окских финнов и древнюю мордву), в процессе которых формировались многие этнокультурные черты современных народов края, вышла также из-под пера нашего юбиляра (Казаков, 2007).

Раннебулгарская проблематика в исследованиях Е.П. Казакова естественным образом вывела его на вопросы, связанные с седентаризацией кочевников-булгар и временем возникновения поселений городского типа (Казаков, 2000а). Начало этих процессов он относит к третьей четверти – концу X в., делая исключения только для города Болгара и Сувара, упомянутых в трудах восточных авторов первой половины X в. Данная точка зрения также подвергалась критике со стороны его коллег (Хузин, 2001, с. 52 и сл.; 2010; см. также: Руденко, 2014).

Одно из новаторских направлений в научном творчестве ученого – это исследование сельских, в том числе торгово-ремесленных, поселений булгар (Казаков, 1993; 2000б; Казаков, Руденко, Беговатов, 1993 и др.). Его монография «Булгарское село X–XIII веков низовий Камы» (Казань, 1991), где анализируются материалы (к сожалению, преимущественно подъемные) разрушаемых водами Куйбышевского водохранилища памятников, относится к числу наиболее часто цитируемых археологами-булгароведами. В этой книге систематизирован и классифицирован огромный вещевой (в том числе и нумизматический) материал с установленной четкой хронологией, описываются топография памятников, остатки жилищ, хозяйственных и производственных сооружений.

Огромный опыт Евгения Петровича в исследованиях языческих и мусульманских некрополей булгар, ранних торгово-ремесленных поселений использован при определении времени основания городов Казани и Елабуги (Казаков, 1999; 2000в; 2000г).

Труды ученого хорошо известны и зарубежным коллегам – они опубликованы на английском, французском, немецком и болгарском языках (см., напр.: Казаков, 1981б; Halikova, Kazakov, 1977; Kazakov, Chalikov, Chuzin, 1990 и др.) Сам он неоднократно выступал с научными докладами в Англии, Венгрии, Болгарии и Финляндии.

Е.П. Казаков активно работал в области охраны, использования в туристических и учебно-воспитательных целях памятников истории и культуры Татарстана – бесценного наследия народов многонациональной республики. В этом отношении достойны упоминания его охранно-спасательного характера экспедиционные выезды, практически ежегодные начиная с 1961 г., на разрушаемые памятники в зоне функционирующих водохранилищ Волжско-Камского каскада, а также труды (в виде статей в республиканской и центральной прессе, лекции перед населением) по популяризации достижений археологической науки республики.

Нельзя не отметить активную общественную деятельность нашего юбиляра. На протяжении ряда лет он был членом Ученого совета Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Специализированного совета по

защите кандидатских и докторских диссертаций при Удмуртском государственном университете. В 2005–2014 гг. был председателем Специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ, с 2015 г. – член Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Институте международных отношений, востоковедения и истории при Казанском (Приволжском) Федеральном университете. Выступал в качестве официального оппонента при защите более 20 кандидатских и докторских диссертаций. В течение 1999–2011 гг. был ответственным редактором журнала «Finno-Ugrica», издаваемого Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Труды ученого отмечены государственными наградами. Он – лауреат Государственный премии Республики Татарстан в области науки и техники (1994), Заслуженный деятель науки РТ (1999); награжден медалями «В память 1000-летия Казани» (2005), «За доблестный труд» (2019), Благодарственным письмом Президента РТ (2014), почетными грамотами Президиума Академии наук Татарстана и Министерства культуры РТ.

Наш дорогой юбиляр и сегодня находится на передовых рубежах науки. Он занят подготовкой к публикации материалов из раскопок памятников эпохи Великого переселения народов. Искренне желаем ему крепкого здоровья и долгих лет творческой жизни!

ЛИТЕРАТУРА

Валиев Р.Р. Новославский II могильник: проблемы интерпретации и перспективы исследований // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV Междунар. конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 109–116.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1962. 128 с.

Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. 1966. №. 191. С. 130–139.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 94–155.

Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М., 1972а. С. 78–86.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. ст. советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972б. С. 161–167.

Казаков Е.П. Погребения срубной культуры у дер. Куралово // СА. 1975. № 3. С. 194–200.

Казаков Е.П. Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы // СА. 1977. № 3. С. 197–203.

Казаков Е.П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978а. № 2. С. 165–177.

Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер, Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978б. С. 67–108.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978в. 130 с.

Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. 1979. № 1. С. 145–160.

Казаков Е.П. О кушнаренковских памятниках Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981а. С. 115–135.

Казаков Е.П. О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Болгарии // Плиска – Преслав. Т. 2. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976 / Отв. ред. Д. Ангелов. София: Изд-во на БАН, 1981б. С. 127–132.

Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 1987. С. 25–33.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. С. 117–129.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Торгово-ремесленные поселения булгар X–XI вв. и Северо-Восточная Европа // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Материалы Междунар. симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. С. 101–107.

Казаков Е.П. Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских булгар на рубеже XX–XXI вв. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2000а. С. 152–156.

Казаков Е.П. Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X – XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары // Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2000б. С. 87–99.

Казаков Е.П. Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2000в. С. 117–121.

Казаков Е.П. О ранней дате Елабужского (Чертова) городища болгарской эпохи // Древняя Алабуга / Под ред. Р.Р. Хайрутдинова, Ф.Ш. Хузина. Елабуга: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000г. С. 56–77.

Казаков Е.П. Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 79–87.

Казаков Е.П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 120–128.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 208 с.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье (археологически очерк). Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011а. 180 с.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011б. № 12–13. С. 8–39.

Казаков Е.П. Хронологические этапы взаимодействия сармат с поволжскими финнами в средние века // Средневековая археология Волго-Уралья. Сб. науч. трудов к 65-летнему юбилею Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Ин-т археологии АН РТ, 2016а.

Казаков Е.П. О средневековом угорском компоненте в формировании этноса и культуры тюркоязычного населения Волго-Уралья // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Редкол.: Р.С. Хакимов, А.Г. Ситдиков и др. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2016б. С. 114–118.

Казаков Е.П. К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья // Археология евразийских степей. Материалы IV Междунар. Мадьярского симпозиума. 2018. № 6. С. 116–119.

Казаков Е.П., Косменко М.Г. О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы // СА. 1976. № 2. С. 220–232.

Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А. Мурзихинское селище // Древние памятники Приустьевого Закамья. Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры РТ. Вып. 1. Казань, 1993. С. 42–66.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 240 с.

Косменко М.Г. Рец.: Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье (археологически очерк). Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011 // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 208–216.

Руденко К.А. Проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья в исследованиях Е.П. Казакова // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 10–29.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш. Исследования по булгаро-татарской археологии. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 468 с.

Хузин Ф.Ш. К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских булгар // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 114–126.

Kazakov E.P., Chalikov A.H., Chuzin F. S. Die Keramik vom Saltovo-typ aus dem Mittleren Wolgagebiet // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica. III. Budapest, 1990. S. 137–169.

Halikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. – Budapest, 1977. – P. 21–221.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani) / Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. Budapest: Maguar Nemzeti Múseum, 1981. 132 S.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, член корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

HONOURED FIGURE IN TATAR ARCHAEOLOGY (85TH ANNIVERSARY OF E.P. KAZAKOV)

F.Sh. Khuzin

The article is dedicated to the 85th anniversary of the Doctor of Historical Sciences and most prominent Russian archaeologist specializing in Bolgar studies Evgeny Petrovich Kazakov. As a scientist with a broad range of research interests, he has greatly contributed to the development of archaeology in Tatarstan by his works in the field of ancient and medieval archaeology of the Ural-Volga region. His name is associated with the discovery of over 300 new archaeological sites, excavations of the unique Tankeevo necropolis of the early Bolgars, monuments of the Migration Period, and classic works on the archaeology of the ancient Ugric people and on the nature of the relationship between the Turkic-speaking and Finno- Ugric population of the Volga-Urals. His is the author of more than 500 works, including 11 monographs, some of which have been published in foreign periodicals.

Keywords: primeval and medieval archaeology, early Bolgars, Volga Bolgaria.

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

УДК 902.01/903.57/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00079

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА НА ГОРЕ ДЖАНТУХ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ)[1]

© 2019 г. А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа

Исследуемый в 2006-2017 гг. могильник эпохи раннего железа на горе Джантух (Восточная Абхазия) позволил выделить весьма своеобразный локальный вариант ингуро-рионской колхидской культуры. Своеобразие проявляется как в погребальном обряде, так и в материальной культуре. Исследованные комплексы датируются XIII-XII – II вв. до н..э., есть основания предполагать наличие погребального комплекса первой трети II тыс. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, колхидская культура, могильник, коллективные погребения, кремация

Комплекс памятников раннего железного века, расположенных на горе Джантух (пос. Акармара, г. Ткуарчал, ущелье реки Галидзга или, по-абхазски, Аалдзга) в Восточной Абхазии исследовался абхазскими археологами в 1981, 1983 и 1985 гг. На протяжении как минимум десятилетия до этого, да и в 1980-х гг., расположенный здесь крупный могильник подвергался планомерному разграблению местными жителями. Проведенные археологические работы отличались невысоким методическим уровнем, полученный (в том числе и от «черных археологов») огромный материал был введен в научный оборот выборочно, а сами находки (по крайней мере, большая их часть) погибли во время войны 1992–1993 гг., находясь тогда в Музее абхазского оружия в Гагре. Опубликованная по итогам проведенных работ небольшая монография (Шамба, Шамба, 1990) осталась почти незамеченной. Местонахождение могильника было утеряно.

Благодаря помощи местных жителей в 2005 г. нам удалось установить местонахождение могильника и начать на нем работы. Исследования открытого на горе Джантух комплекса памятников продолжались в 2006–2018 гг. Кроме могильника на горе Джантух были открыты небольшое поселение эпохи Великого переселения народов и синхронное могильнику крупное поселение, на котором в 2016–2018 гг. исследовался производственный участок с металлургическими горнами.

Первоначально, опираясь на опубликованный материал, мы уверенно связывали Джантухский могильник с выделенной одним из авторов ингуро-рионской колхидской культурой, входившей в кобано-колхидскую культурно-историческую общность. Основанием для этого, в первую очередь, явился погребальный обряд – коллективные вторичные захоронения в больших ямах с кремацией. Такие могильники хорошо известны на территории Центральной Колхиды (Скаков, 2011а), но подобного рода памятники, находящиеся в Абхазии, практически оставались не замеченными. Могильник Шубара-2 не был распознан авторами раскопок, принявшими его за остатки поселения («памятник являлся одновременно поселением и могильником») и не сумевшими даже определить границы погребальной ямы (Шамба, Квициниа, Шенкао, 1989, с. 136). Мерхеульский могильник, так же, как и некрополь на горе Джантух, был крайне плохо исследован и опубликован (Барамидзе, 1977). Погребальную яму в Пичори авторы раскопок не опубликовали вообще, ограничившись краткими тезисами (Барамидзе и др., 1985, с. 43–44).

Между тем, прослеживаемый здесь погребальный обряд очень интересен и, для Кавказского региона, очень редок. Очевидно, что некоторое, хотя и неполное, соответствие он находит в погребальном обряде древних «колхов», известном нам по античным письменным источникам (Скаков, 2007). Собственно говоря, в античности прослеживаются две традиции повествования о погребальном обряде колхов. Согласно ранней традиции, представленной авторами III в. до

[1] Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы – раннего железа» (№ 18-09-00293).

н. э. Нимфодором и Аполлонием Родосским, тела женщин предавали земле, а тела мужчин, завернутые в воловьи шкуры, вешали на деревья, при этом ничего не говорится об их последующем захоронении. Более поздние авторы – Николай Дамасский (I в. до н. э.) и Клавдий Элиан (конец II – начало III в. н. э.) утверждают, что на деревья вешали тела всех умерших, без различия пола. То есть речь в обеих традициях идет лишь о выставлении тела умершего, но об его последующем погребении умалчивается. Это можно объяснить либо слишком поверхностным знакомством античных путешественников с обычаями Колхиды, либо тем, что полученная ими информация происходила из тех регионов Колхиды, где, в самом деле, не практиковалось дальнейшее предание земле тел умерших. В самом деле, для регионов внутренней Колхиды (лечхумо-имеретинская колхидская культура) мы практически не знаем погребальных памятников эпохи раннего железа.

Коллективные вторичные захоронения с кремацией в погребальных ямах большого размера хорошо известны и на территории западнокобанской культуры, а также в контактной зоне между западнокобанскими и центральнокобанскими племенами. Это могильники Терезе (Козенкова, 2004), Эшкакон (Фоменко, 1998), Мукулан (Козенкова, 2004, с. 88), Мужглы (Булунгу) (Алексеева, 1961, с. 201–202), Бедык (Батчаев, 1985, с. 10–11), на горе Донгат (В. Чегем, Думалийский могильник) (Алексеева, 1961, с. 198), Карабашевский курган (Любин, 1964), Кумышский курган (Алексеева, 1982, с. 11; Алексеева, 1992, с. 115), курган в Тохтамышевском могильнике на плато Бийчесын (Алексеева, 1992, с. 163). Здесь же, как и в Северо-Западной Колхиде (памятники бзыбской колхидской культуры и Гагринский могильник: см. Скаков, 2018, с. 338–346), известны погребения по вторичному обряду без применения кремации, в частности, могильники Уллу (Белинский и др., в печати) и Заюково-3 (Скаков, 2018, с. 353–354). Впрочем, на ранней (нижней) погребальной площадке (VIII – первая половина VII в. до н. э.) могильника Мухурча в Центральной Колхиде при вторичном обряде кремация, в отличие от более поздней верхней площадки (вторая половина VII – VI в. до н. э.), также отсутствовала (Гогадзе, Панцхава, Дариспанашвили, 1977, с. 61). В последнее время ряд авторов, опираясь как на недавно полученный, так и на собранный ими и ранее разрозненный материал, пришел к выводу о существовании обряда «выставления» останков умершего и вторичного обряда погребения у местного населения Тамани, как в период, предшествовавший греческой колонизации, так и позднее, в VI–V вв. до н. э. (Сорокина, Сударев, 2001; Иванов, Сударев, 2012, с. 196–197; Иванов, Сударев, 2013, с. 181; Мимоход, Сударев, Успенский, 2017, с. 302).

Ранее В.И. Козенкова, исследовавшая наиболее известный погребальный памятник западнокобанской культуры этого типа – могильник Терезе – предполагала проникновение обряда коллективных захоронений с кремацией из района Рутхи (Дигория) «в соседнюю Рачу, а оттуда позднее – в низменные районы Колхиды» (2004, с. 152). Один из авторов этой работы, основываясь на известном тогда материале, в 2009 г. предположил, что кремация действительно «проникает в Центральную Колхиду из Дигории и Западной кобанской культуры, но происходит это не в VII–VI вв. до н. э., а значительно раньше, в X–IX вв. до н. э.» (Скаков, 2009, с. 159). В дальнейшем на могильнике Джантух был обнаружен погребальный комплекс XIII–XI вв. до н. э. по обряду кремации на стороне (нижний уровень погребальной ямы 6: Скаков, 2011б, с. 122, рис. 1–2), а затем и остатки еще более раннего погребения с тем же обрядом (Скаков, Джопуа, 2013, с. 428–429, рис. 57: 2, 3). Ранний погребальный комплекс сильно разрушен, от него, по сути, остался лишь небольшой участок с минимальным количеством находок, но орнаментированный венчик сосуда, в сочетании с кремневым наконечником стрелы с выемкой в основании, указывают на первую половину – середину II тыс. до н. э. Таким образом, можно предполагать синхронное появление обряда кремации у протокобанских племен Северного Кавказа (дигорская культура) и у населения Северо-западного Закавказья. В свою очередь, позднекобанский пласт кремационных погребений на территории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии связан, очевидно, с культурным импульсом с юга, с территории современной Абхазии, что предполагала в свое время и Е.П. Алексеева (1982, с. 37). На миграцию группы населения и интенсивные связи различного характера указывает и целый ряд достаточно редко встречающихся типов

инвентаря, объединяющих в этом регионе северный и южный склоны Главного Кавказского хребта. Вероятно, следует предположить, что после походов ранних кочевников, использовавших, в том числе, перевалы этой части Большого Кавказа, межкультурное взаимодействие в этом и без того едином кобано-колхидском ареале заметно активизируется.

Отметим, что, по информации старожилов Абхазии (Стычкун Куцниа, Любовь Арахимиа, Светлана Куыцниа), в тех случаях, когда речь шла о смерти знакомого или близкого человека, гора Джантух всегда ассоциировалась с местом захоронения, слово «Джантух» никакого собственного значения в абхазском языке не имеет. Стычкун Куцниа говорила – Джантух утыпхаait! (Пусть Джантух будет твоим смертным одром!). По словам Любови Арахамиа, когда кто-то умирал и спрашивали, где его будут хоронить, она с некоторой иронией отвечала – Джантыука дыргоит, то есть Джантух ассоциировался с миром смерти[1]. Таким образом, можно говорить о доживании исторической памяти о некрополе на горе Джантух до недавнего прошлого.

Работы на могильнике Джантух привели к открытию двух ранее неизвестных особенностей колхидского погребального обряда, представленных, на сегодняшний день, только на этом памятнике (Скаков, Джопуа, 2013). Во-первых, это наличие погребально-поминальных вымосток, когда останки погребенных и некоторые предметы помещались не в погребальную яму, а непосредственно среди камней или под камнями вымостки. Вторая особенность местного погребального обряда состояла в наличии на дне могильной ямы (обнаружены в погребальных ямах 5 и 7) своего рода «тайника» - ямы небольшого размера округлой или неправильной формы, забитой пережженными (в одном случае – на месте, в другом – на стороне) и практически спекшимися в одну массу (рис. 1: 11), бронзовыми и железными предметами в огромном количестве. Представлен весьма ограниченный набор категорий предметов: копья, топоры (рис. 2: 11–15), кинжалы (рис. 2: 1, 2, 5–10), фибулы (рис. 1: 12), браслеты (рис. 1: 2, 3, 6, 9, 10, 13–17), гривны (рис. 1: 4, 5, 7, 8), подвески, колокольчики, бляхи, накладки и футляры; при этом керамика, бусы и кости не встречены. Особенно впечатляет огромное количество предметов вооружения. После заполнения этими предметами ямы были намеренно и тщательно замазаны материковой глиной. Одна из ям-«тайников» датируется V (или VI–V) вв. до н. э., вторая – IV в. до н. э.

Полученные материалы и обнаруженные комплексы (в ходе работ были найдены непотревоженные грабителями участки некрополя) позволили расширить и уточнить наши представления и о таких памятниках, и о культурно-исторических процессах того периода. Найденные сотни железных топоров, мечей, копий, десятки бронзовых фибул и т. д. частично введены в научный оборот (Скаков, Джопуа 2012; и др.). Приведем основные, пусть и предварительные выводы.

1. Исследованный памятник закрывает «белое пятно» на археологической карте Абхазии позднего бронзового – раннего железного веков. Обнаруженные комплексы датируются в пределах XIII/XII–II вв. до н. э., можно говорить и о наличии здесь в значительной степени разрушенного погребального комплекса первой трети II тыс. до н. э. На раннем этапе, до рубежа VIII–VII вв. до н. э. включительно, здесь практиковался обряд кремации на стороне, в дальнейшем – обряд кремации на месте. Расположенный относительно недалеко, в горной Сванетии, синхронный могильник Ларилари был лишь выборочно, и то преимущественно на грузинском языке, введен в научный оборот. В результате сложилась парадоксальная ситуация, при которой даже грузинские археологи в своих хронологических схемах, разработанных для колхидских могильников, не принимали в расчет материалы Ларилари, доводя хронологию только до конца VII – начала VI в. до н. э. (Папуашвили, 2011, с. 82–83, 86; Папуашвили, Балахванцев, 2016, с. 200). Более того, некоторыми исследователями утверждалось, что данный «вид погребального обряда в Колхиде исчезает в VI в. до н. э.» (Балахванцев, 2015, с. 23).

Между тем, в Ларилари, судя по доступному материалу, были изучены две погребальные ямы – VI–III вв. до н. э. и, по словам публикаторов, «раннего периода эпохи эллинизма» (Чартолани, 1968; Чартолани и др., 1984, с. 41–44). Сейчас, благодаря относительно полному и продолжающемуся (реставрация предметов из ям-«тайников», крайне трудоемкая и дорогостоящая, пока не закончена) введению в научный оборот материалов

[1] Информация предоставлена Д.В. Ахба (Абхазский государственный музей).

Джантухского могильника, можно уверенно говорить о доживании в этом регионе одной из колхидских культур с традицией коллективных погребальных ям, вторичного обряда захоронения и кремации вплоть до II в. до н. э. Основанием для этого служат, в первую очередь, находки фрагментов так называемых «мегарских» чаш, имеющих достаточно узкую дату (Скаков, Джопуа, Журавлев, 2016, с. 59–61, рис. 7: 1–3), и золотой монеты – местного подражания статеру Александра Македонского (Скаков, 2012, с. 59–62, рис. 1–2) (рис. 1: 1).

2. Нами исследовано три смежных и в значительной степени синхронных участка могильника. Отличия, как в погребальном обряде, так и в материальной культуре (например, набор украшений), позволяют предполагать, что данные участки являлись родовыми кладбищами, бытовавшими на протяжении столетий. Несмотря на это, в ряде случаев стратиграфически выделяются хронологические уровни, разновременные участки, отдельные комплексы находок. Принципиально важно, что на одном участке зафиксирована погребальная яма (или полностью перекрывавшие друг друга две ямы) с тремя последовательными ярусами захоронений. На втором участке также исследованы две перекрывавшие друг друга погребальные ямы, но здесь под одной из них прослежена яма-«тайник» (IV в. до н. э.). На третьем участке ситуация еще более неординарная: тут также исследована яма-«тайник» (V в. до н. э.), но здесь вместо погребальных ям была сооружена погребально-поминальная вымостка сложной формы, с обособленными «алтариками», культовыми камнями (изображения свастики и крестов, вихревой розетки; камень, обтесанный в виде креста и т.д.), столбовыми ямами, десятками наконечников копий различных типов (рис. 3: 1–16) и закрепленными, очевидно, на столбах (с помощью железных стержней) колокольчиками. Кроме того, среди камней вымостки найдены два однолезвийных кинжала с бивалютным навершием (рис. 2: 3, 4), при этом один из них был воткнут в землю. Отметим, что некоторые копья (рис. 3: 1, 5), а также кинжалы (в том числе, найденный за пределами вымостки и раскопа непосредственно в поддерновом слое вместе с железным колокольчиком железный однолезвийный меч: рис. 3: 17) намеренно изогнуты, то есть ритуально уничтожены.

3. При всех различиях выявленные погребальные комплексы, безусловно, принадлежат однокультурному населению. В данном случае можно говорить о наличии джантухско-лариларского локального варианта в рамках ингуро-рионской колхидской культуры. Если считать ингуро-рионские памятники локальным вариантом колхидской культуры, нелепостью будет выделение локального варианта в рамках локального варианта. Керамический комплекс Джантухского могильника в целом соответствует колхидскому керамическому комплексу, хотя существенные отличия отчетливо прослеживаются (Скаков, Джопуа, 2014). Кроме особенностей погребального обряда, отметим также такие неизвестные в иных регионах Кавказа типы предметов, как костяные орнаментированные бусы, бронзовые двухслойные накладки с изображениями животных, бронзовые футляры.

4. Еще одна особенность выявленного памятника – устойчивая архаизация материальной культуры. Типы вещей, вышедшие из употребления на Северном Кавказе или в приморских районах Колхиды, встречаются здесь спустя несколько столетий, причем датировку подтверждает достаточно многочисленный античный керамический импорт. Среди этих типов, в частности, бронзовые фибулы с утолщениями по краям дужки (рис. 1: 12), крестовидные и ажурные катушкообразные подвески, акинаки с антенновидным и бивалютным навершием (рис. 2: 1, 2, 5, 6). При этом активные связи «джантухцев» с кобанскими северокавказскими племенами не способствовали проникновению на Северный Кавказ античного керамического импорта. По сути, здесь мы имеем дело с «фронтиром» эпохи раннего железа, при этом, судя по количеству предметов вооружения (в том числе, также достаточно архаичных), весьма агрессивным и процветающим.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.П. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 9 / Гл. ред. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. С. 193−204.

Алексеева Е.П. Памятники позднекобанского времени на территории Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкенсии (Материальная и духовная культура). Черкесск: КЧ НИИ истории, филологии и экономики. 1982. С. 5−58.

Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература». 216 с.

Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бугуруслна и проблема становления раннескифской культуры // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.) / Отв.ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН. 2015. С. 22−25.

Барамидзе М.В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба. 82 с. На груз. яз., русск. резюме.

Барамидзе М.В., Чигошвили Т.Э., Квирквелия Г.Т., Джибладзе Л.В., Хубутиа Г.П. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1982 году (Краткие сообщения) / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе, Т.К. Микеладзе, И.Л. Джалаганиа. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 40−44.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Том 2. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX-VII вв. до н.э. – II в. н.э.) / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7−115.

Белинский А.Б., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Райнхольд С. Раскопки горного могильника Уллу // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий. Материалы Пятой Международной Абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа М.М. Трапш / Отв.ред. А.Ю. Скаков. Сухум. (В печати).

Гогадзе Э.М., Панцхава Л.Н., Дариспанашвили М.В. Работы Носири-Мухурчской археологической экспедиции в 1974-1975 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 60−71.

Иванов А.В., Сударев Н.И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 16. / Гл. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2012. С. 178−199.

Иванов А.В., Сударев Н.И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. Т. 17. / Гл. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2013. С. 176−185.

Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII – VIII в. до н.э. / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с.

Любин В.П. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV (серия историческая) / Отв. ред. К.С. Шакрыл. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. С. 253−261.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. Т. 21. / Гл. ред. А.А. Масленников. М. 2017. С. 295−310.

Папуашвили Р. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН, 2011а. С. 82−94.

Папуашвили Р.И., Балахванцев А.С. Биметаллические клевцы из могильников Колхиды (Эргета II, Цаиши) // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (г. Москва. 25-27 апреля 2016 г.) / Отв.ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: Институт востоковедения РАН. 2016. С. 199−206.

Скаков А.Ю. К вопросу о погребальных обрядах населения древней Колхиды // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб.: МАЭ РАН. 2007. С. 215−218.

Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы - раннего железа // КСИА. Вып. 223. / Гл. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2009. С. 143−172.

Скаков А.Ю. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН, 2011а. С. 95–113.

Скаков А.Ю. Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011б. № 4 (65). С. 121−132.

Скаков А.Ю. Находки подражаний статерам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье // Историко-археологический альманах. Вып. 11. / Отв.ред. Р.М. Мунчаев. Армавир-Краснодар-М.: ИА РАН, 2012. С. 53−69.

Скаков А.Ю. Могильники эпохи раннего железа на территории Абхазии: погребальные памятники и погребальный обряд // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М.В. Андреева. М.: ИА РАН. 2018. С. 328−365.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Труды ГИМ. Вып. 191./ Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 217–238.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв.ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 381−384.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236. / Гл. ред. А.А. М.: ИА РАН, 2014. С. 99–108.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Раскопки Джантухского могильника // АО 2014 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2016. С. 427−429.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Журавлев Д.В. Античный керамический импорт Джантухского могильника // Материалы Международной научно-практической конференции к дню города Сухум «Древняя Диоскуриада» (г. Сухум, 4 декабря 2015 г.) / Ред. Б.С. Кобахия, И.А. Джопуа, В.А. Нюшков. Сухум: Дом печати, 2016. С. 57−73.

Сорокина Н.П., Сударев Н.И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI-V вв. до н.э. (Постановка вопроса) // Древности Боспора. Т. 4. / Гл. ред. А.А. Масленников М.: ИА РАН, 2001. С. 377−384.

Фоменко В.А. Эшкаконский могильник // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 2. / Отв.ред. А.А. Кудрявцев. Ставрополь. 1998. С. 7−12.

Чартолани Ш. Лариларский могильник // Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока / Отв. ред. Э. Менабде. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, 1968. (на груз. яз.). С. 300−318.

Чартолани Ш.Г., Табуева Е.Г., Размадзе Н.П., Шеразадишвили Б.И. Результаты полевых исследований Сванетии за 1980-1981 гг. // Полевые археологические исследования в 1981 году (Краткие сообщения) / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе, Т.К. Микеладзе, И.Л. Джалаганиа. Тбилиси: Мецниереба, 1984. С. 38−45.

Шамба Г.К., Квициния В.К., Шенкао Н.К. Археологические раскопки в бассейне р. Гумиста (Шубара-2) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. XV. / Отв. ред. Г.А. Дзидзария. Тбилиси: Мецниереба, 1989. С. 136−142.

Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 88 с.

Информация об авторах:

Скаков Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва, Россия); skakov09@gmail.com

Джопуа Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии (г. Сухум, Республика Абхазия); arkadi100@rambler.ru

STUDY OF A BURYAL GROUND ON MOUNT DZHANTUKH (SUMMARY RESULTS)[2]

A. Yu. Skakov, A. I. Dzhopua

An early Iron Age burial ground on Mount Dzhantukh (Eastern Abkhazia) studied in 2006-2017 has allowed to identify a rather peculiar local version of the Ingur-Rion Colchian culture. The originality is manifested both in the funeral rite and material culture. The studied complexes date back to the 13th-12th-2nd centuries B.C., and there are reasons to assume the presence of a burial complex in the first third of the 2nd millennium B.C.

Keywords: early Iron Age, Colchian culture, burial ground, collective burials, cremation.

About the Authors:

Skakov Alexander Yu., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117036, Russian Federation; skakov09@gmail.com

Dzhopua Arkadiy I., Candidate of Historical Sciences, Director of Abkhazian State Muzeum, Abkhazian Institut of Humanitarian Studies named after D. Gulia. Aidgylara St., 44, Sukhum, Republic of Abkhazia; arkadi100@rambler.ru

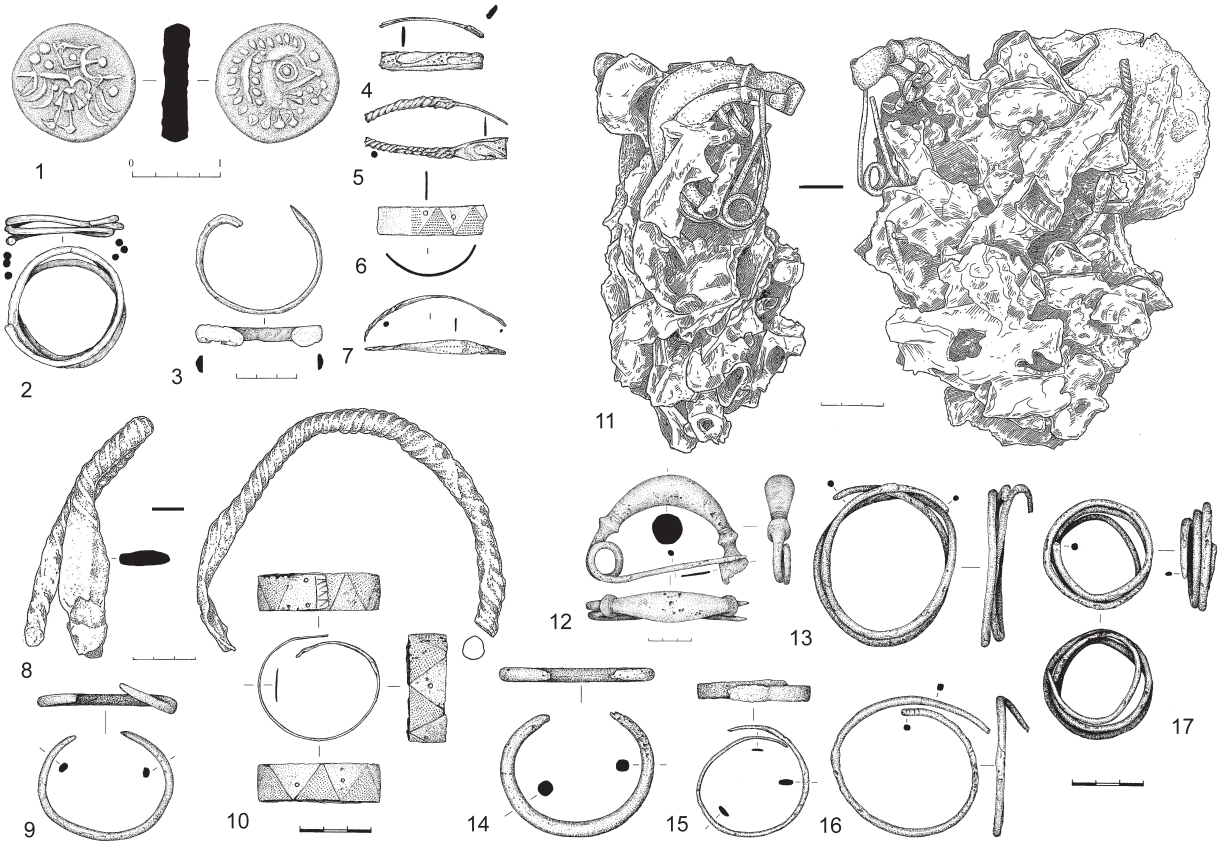


Рис. 1. Часть инвентаря могильника Джантух: 1 – подражание статеру Александра Македонского (золото), 2-10, 13-17 – бронзовые браслеты, гривна и их фрагменты, 11 – один из конгломератов спекшихся предметов из ямы-«тайника» (бронза, железо), 12 – бронзовая фибула.

[1] The study was carried out within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research "North-Western Trans-Caucasus (Abkhazia) in the Late Bronze – Early Iron Age" (No. 18-09-00293).

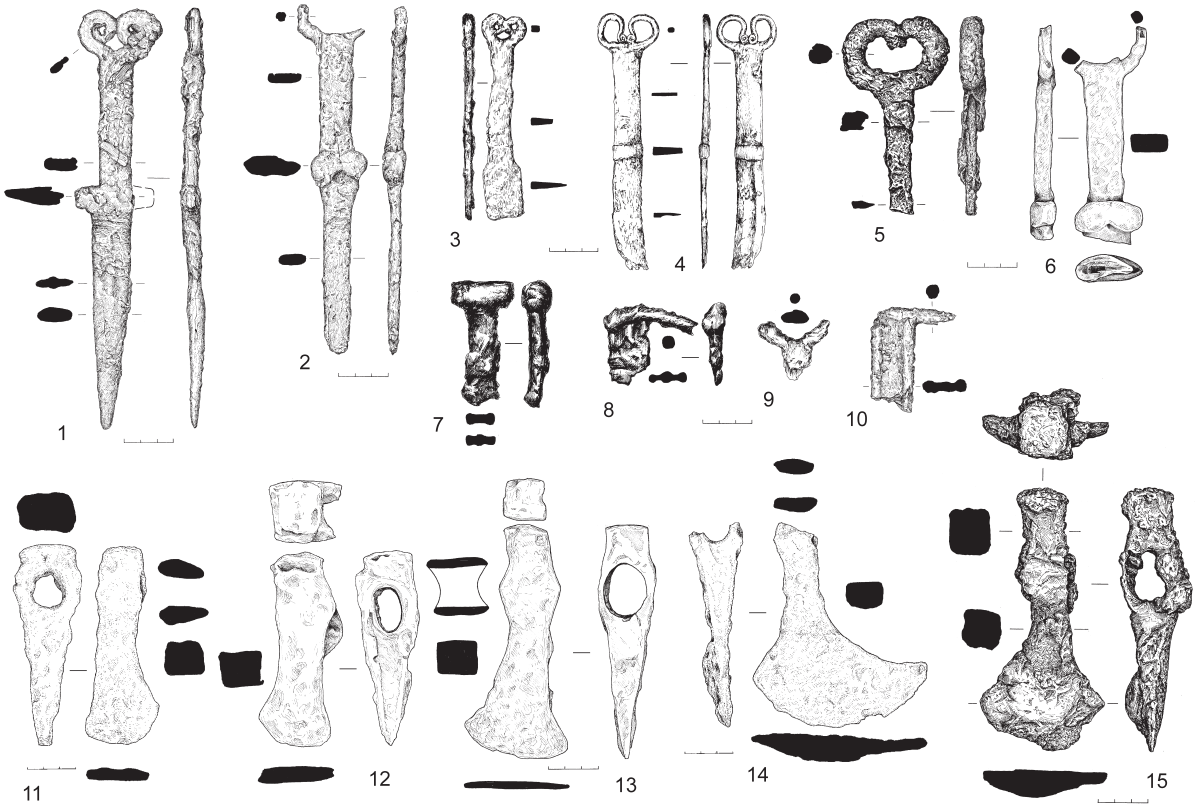


Рис. 2. Некоторые железные кинжалы и рукояти кинжалов (1-10), железные топоры (11-15) могильника Джантух.

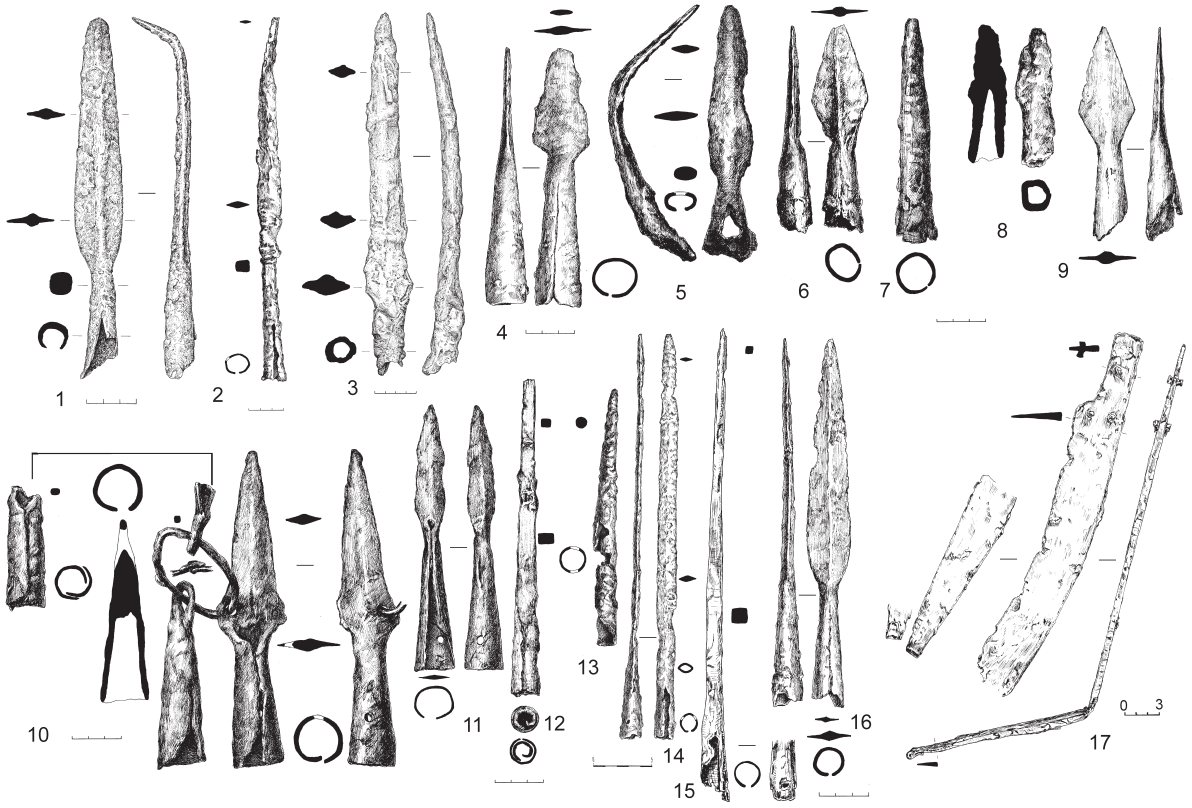


Рис. 3. Некоторые наконечники копий могильника Джантух (1-10,12-16 – железные, 11 – бронзовый) и однолезвийный меч (17).

УДК 903.25 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00080

ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2019 г. Ю.А. Подосенова, А.В. Данич

Баяновский могильник, датируемый IX – первой половиной X вв., является одним из интереснейших средневековых памятников Пермского Предуралья. В настоящий момент это наиболее изученный погребальный памятник ломоватовской археологической культуры (исследовано более 450 погребений). Публикация посвящена результатам изучения височных украшений, обнаруженных при раскопках Баяновского могильника. В публикации представлена типология украшений, основанная на форме изделий (всего 311 экземпляров, выделено 22 типа). Для каждого типа представлен широкий круг аналогий. Выявлено, что большинство изделий являются украшениями характерными для ломоватовской археологической культуры. Среди всего массива выделены немногочисленные изделия импортного, вероятнее всего, салтовского происхождения. Для каждого типа разобрана технология изготовления. При изготовлении большинства изделий применялись достаточно разнообразные ювелирные техники. Группа изделий, выполненных с помощью литья немногочисленна. С помощью рентгенофлюоресцентного анализа исследован химический состав металла изделий – подавляющая часть изделий изготовлена из высокопробного серебра.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, ломоватовская археологическая культура, финно-угры, височные украшения, серьги, типология, технология изготовления, химический состав металла.

Баяновский могильник – один из самых исследованных погребальных памятников ломоватовской археологической культуры – расположен на территории Перемского сельского поселения Добрянского района Пермского края, в 170 м к северо-западу от д. Бояново, на правом берегу р. Исток, пр. притока р. Вильвы, л. притока р. Косьвы, л. притока р. Камы, на гребне пологого холма.

Памятник открыт в 1951 г. при разработке карьера, откуда брали грунт для насыпи строящейся железной дороги. В 1951, 1953 гг. В.А.Обориным изучено 17 погребений. С 2005 г. раскопки могильника возобновились, и по настоящее время проводятся Камской археолого-этнографической экспедицией ПГГПУ (руководитель А.В. Данич). В 2005–2018 гг. исследовано 441 погребение.

Преимущественно погребения совершены по обряду ингумации с положением вещей в порядке ношения при жизни. Наиболее выразительной категорией находок в материалах памятника являются украшения.

Предлагаемая вниманию публикация посвящена результатам изучения височных украшений Баяновского могильника, располагавшихся в погребениях в районе головы. Эти украшения имеют кольцевидную основу (кольцо-дужка), в большинстве случаев дополненную разного рода привесками.

На основе общей формы привесок и их отдельных особенностей украшения были систематизированы – выделены отделы, типы. Практически для каждого типа определены аналогии и датировка, основные особенности и материал изготовления. Остановимся подробнее.

Отдел А – украшения, где основной частью привески выступает крупный шар, шар(ы) и конус или их имитация (традиционно в литературе – «височные подвески с грушевидной привеской»):

Тип А–1: привеска в виде крупного полого шара (10 экз.: погр.: 77, 81 (2 экз.), 137/3, 146, 153, 182, 186, 197, 279; рис. 1: 1–4).

Тип А-2: привеска из одного шара и усеченного конуса (103 экз., погр.: 13, 16, 17, 51, 80, 82, 92, 97, 101, 106, 127, 144, 165, 183, 190, 193, 195, 252, 281, 328, 330, 332, 344, 345, 358, 359, 364, 365, 367, 369, 374, 376, 380, 389, 400/1, 400/2, 401, 403, 404, 406, 425, 433, 440 – по 2 экз.; погр. 5, 6, 11, 48, 85, 111, 122, 156, 240, 322, 350, 360, 360/2, 362 – по 1 экз.; м/м – 3 экз.; рис. 1: 5–7).

Тип А-3: привеска из двух шаров и усеченного конуса (4 экз., погр.: 115, 124 (2 экз.); рис. 1: 8, 9).

Тип А-4: привеска в виде чередующихся шаров (3 экз., погр.: 55 (2экз.), 283;рис. 2: 1–3).

Судя по внешним признакам, украшения данного отдела изготовлены из серебра. Это подтверждают и результаты исследования химического состава металла изделий (табл. 1: 1–22). На многие из них (в частности, украшения типов А-2, А-3) с помощью амальгамирования нанесена позолота, что также подтверждается результатами исследования химического состава металла (табл. 1: 5, 8–10, 12, 15, 19; где Au более 1%).

Кольца-дужки практически всех изделий выполнены с помощью волочения (кроме литых изделий типа А-3).

В качестве основных частей привесок и как дополнительные декорирующие элементы использовались полые шарики (типы А-1, А-2, отдельные изделия типа А-3). Все они собраны из двух полусфер, изготовленных путем тиснения из тонкого серебряного листа.

Усеченные конусы привесок (тип А-2, сборные изделия типа А-3) сложены из тонкого листа металла встык и спаяны.

На украшениях данного отдела (кроме литых изделий типа А-3 и отдельных изделий типа А-4) имеется гладкая, рубчатая или штампованная проволочка. С одной стороны, она выступает как декорирующий элемент – в виде поясков на боковых сторонах кольца-дужки, в виде его обвития или в виде вертикальных рядов на конусовидных частях привесок. С другой стороны, она прикрывает места соединения отдельных конструктивных элементов.

Основные части привески в виде крупных полых шаров и усеченных конусов (тип А-2, отдельные изделия типа А-3) декорированы зернью, выложенной треугольниками. Из зерни собраны и декоративные пирамидки, расположенные внизу на полых шарах привесок или в верхней части одной из боковых сторон кольца-дужки (кроме отдельных изделий типа А-3 и А-4).

Большинство изделий собрано из нескольких основных конструктивных элементов. Отличия внутри типов заключаются в способах сбора украшений. Остановимся подробнее.

Основное отличие между изделиями типа А-1 заключается в разных способах крепления привески к кольцу-дужке. В одних случаях тисненые полусферы с проделанными заранее отверстиями нанизаны так, что при их соединении шов располагался вертикально по отношению к кольцу-дужке. Соединение спаяно. Поверх шва припаяна штампованная, рубчатая или гладкая проволочка. В нижней части шарика концы проволочки, прикрывающей шов, не сводятся до конца – в них впаяна основная часть привески – полый двусоставной шарик. Иногда полый шарик-соединение в нижней части подрезан (рис. 1: 1, 4). В других случаях через нижнюю часть кольца-дужки перекинута и припаяна гладкая или рубчатая проволочка (от 1 до 2 рядов). Загнутые концы не сведены вместе – между ними впаян полый шарик-привеска (рис. 1: 2, 3).

Изделия типа А-2 выполнены по одной схеме: через нижнюю часть кольца-дужки перекинута бронзовая полоска металла, загнутая так, что ее концы спущены вниз и сведены вместе, образуя своеобразный двойной штырек, на который нанизаны основные части привески – полый усеченный конус и полый шарик. Двойной штырек проходит сквозь все части привески, его концы в окончании привески (снизу полого шарика) отогнуты в разные стороны или расплющены, закрепляя всю конструкцию. Обычно место перехода от кольца-дужки к привеске – бронзовая полоска металла, выступающая наружу – закрыта припаянными сверху рядами рубчатой проволочки (от 3 до 7 рядов; рис. 1: 5–7).

В отдельных случаях зафиксировано заполнение полого шарика привески твердым веществом черного цвета (возможно, смолой).

Изготовление украшений типа А-3 производилось разными способами. 2 экз. изделий – сборные: в основании кольца-дужки с помощью загиба одного из концов крепится металлический стержень; крепление прикрыто полым приплюснутым шариком, нанизанным на кольцо-дужку через заранее проделанные отверстия. В отличие от украшения типа А-2, стержень одинарный. На него последовательно нанизаны основные части привески – полый шарик малого размера, усеченный конус, полый шарик крупного размера; окончание стержня на конце привески расплющено (рис. 1: 9).

Другие изделия типа А-3 (2 экз., рис. 1: 8) изготовлены путем литья в двусторонней форме. Они повторяют общую форму сборных изделий.

Совершенно иными являются украшения типа А-4. Их привеска состоит из двух полых вертикальных частей с шарообразными утолщениями, которые изготовлены с помощью тиснения из тонкого серебряного листа металла или путем литья. В первом случае части привески нанизаны на кольцо-дужку с помощью отверстий, проделанных в верхнем шарообразном утолщении (рис. 2: 2, 3). Во втором случае части привески крепятся с помощью пазов, вырезанных с боковых краев верхнего шарообразного утолщения (рис. 2: 1).

Украшения типов А-3 и А-4 выделяются среди изделий данного отдела не только конструкцией привесок, но и по декору. Штампованная проволочка, тщательно имитирующая зернь, располагается двумя отдельными поясками на боковых сторонах кольца-дужки (рис. 2: 2, 3) или в три ряда с разных сторон обвивает его (рис. 1: 9). А полый шарик или пирамидка зерни располагается на одной из боковых сторон кольца-дужки в его средней части.

Изделия типов А-1, А-2 широко представлены в материалах ломоватовской культуры (Подосенова, 2009, с. 49–60). Ближайшие аналогии известны в материалах соседних культур – поломской и неволинской (Генинг, 1962, с. 41–42, 103, 136, табл. I: 10, 11, табл. 1: 12; Семенов, 1988, с. 31, 36, рис. 1: 11, 12; Голдина, Водолаго, 1990, с. 93, табл. XXI; Иванов, 1997, рис. 19: 8; Семенов, 1985, с. 92–119, рис. 2: 10, 11, 12, 14; Матвеев, 1928, с. 18–25, табл. IX: 1, 4; Перевозчикова, 2009, с. 71–73).

Первые, наиболее простые, варианты таких украшений относятся к концу VII – началу VIII в. В конце VIII – начале IX в. появился декор из зерни и рубчатой проволоки, а на боковых сторонах кольца-дужки – полые шарики. Наиболее поздние, богато декорированные варианты, принадлежат к концу X–XII вв. (Иванов, 1997, с. 66–67,122, рис. 18: 1, 3, 4; 19: 4, 8; 47: 15–21; Подосенова, 2009, с. 49–60).

В меньшем количестве аналогии представлены в раннебулгарских материалах и памятниках караякуповской культуры (Казаков, 1992, рис. 21: 13, 63: 21; Халикова, Халиков, 2018, табл. IV: 17, VI: 3, XXIVB: 2; Иванов, 1990, с. 142, рис. 1: 42).

Аналогий типу А-3 вматериалах других памятников ломоватовской культуры пока нет. Подобные украшения известны в материалах караякуповской культуры (Ахмеров, 1955, табл. V: 2). По форме украшения типа А-3 похожи на серьги «салтовского» типа, распространившиеся под воздействием культур юга Восточной Европы в IX–X вв.

Мало аналогий и у изделий типа А-4. На территории ломоватовской культуры украшение подобной конструкции найдено на Купросском городище X–XIII вв. (Подосенова, 2009, с. 49). В круг аналогий может быть включено изделие из Больше-Тиганского могильника второй половины VIII – первой половины IX в. (погр. 51; Халикова, Халиков, 2018, табл. XXXIVE: 1). Возможно, эти изделия подражали салтовским серьгам IX–X вв. в виде овального кольца с прикрепленным стержнем и нанизанными на него металлическими двусоставными шарами.

Немногочисленность изделий типов А-3 и А-4 как на Баяновском могильнике, так и в целом в материалах ломоватовской культуры, а также их технологическое отличие от большинства височных украшений отдела А, позволяют предположить, что они являются привозными, и связаны происхождением с салтовским кругом памятников.

Отдел Б – украшения с привеской в виде удлиненного стержня с шарообразными утолщениями (в литературе – «серьги салтовского типа»):

Тип Б-1: привеска подвижная в виде удлиненного стержня (2 экз., погр.129; рис. 2: 4).

Тип Б-2: привеска неподвижная в виде короткого стержня (3 экз., погр.: 351, 402, 434; рис. 2: 5, 6).

Судя по внешним признакам, изделия изготовлены из серебра и бронзы, что подтверждается и результатами исследования химического состава металла изделий (табл. 1: 23–25). На двух экземплярах типа Б-2 зафиксирована позолота, нанесенная способом амальгамирования, что также подтверждается результатами исследования химического состава металла (табл. 1: 23, 24, где содержание Au более 1%).

Основной способ изготовления украшений данного отдела – литье. Изделия или их конструктивные части отлиты в двустворчатой двусторонней форме. Отличия в украшениях данного отдела заключаются в способе крепления привесок к кольцу-дужке. В изделиях типа Б-1 кольцо-дужка и привеска отли-

ты отдельно. Петелька для подвешивания к основе произведена после литья в процессе крепления к кольцу-дужке – с помощью загиба прямого окончания отлитой привески (рис. 2: 4). Изделия типа Б-2 с неподвижной привеской изготовлены двумя способами: в первом – литая привеска нанизана на кольцо-дужку через отверстие в дисковидной части, и припаяна (рис. 2: 5); во втором – изделие цельнолитое в двустворчатой двухсторонней форме (рис. 2: 6).

Единичные аналогии таким предметам на территории ломоватовской культуры есть в могильнике Степаново Плотбище IX–XI вв. (Данич, 2017, рис. 1: 16, 17). Схожие изделия массово представлены в раннебулгарских и булгарских материалах второй половины VIII–X вв. (Степи Евразии, 1981, рис. 52: 46–48, 52; Халикова, Халиков, 2018, табл. IV: 13–15, VII: 21, IXA: 1,2, XII: 4, XVIII: 14, XXII: 5, XXIVA: 4, XXVI: 2, XXVIII: 2, XXXC: 6, XXXI: 3, XXXIII: 5), в материалах поломской культуры с IX века (Генинг, 1962, с. 42, табл. I:7, 8; Перевозчикова, 2009, табл. 27; Иванов, 1997, рис. 19: 1, 2); в меньшем количестве – в материалах караякуповской культуры IX – начала X в. (Степи Евразии, 1981, рис. 56: 2, 5).

Исследователи относят украшения данного облика к серьгам т.н. «салтовского» типа, распространившимся под воздействием культур юга Восточной Европы в IX–X вв. (Иванов, 1997, с. 113, Казаков, 1992, с. 51, 71, 176; Халикова, 1976, с. 175–177).

Изделия из Баяновского могильника соответствуют серьгам из памятников салтовской культуры, где литые украшения появились с конца VIII в. Также концом VIII – первой половиной IX в. датируются украшения, главным образом, из литых частей, подражающие украшениям с привеской в виде нанизанных на стержень бусинок (Плетнева, 1989, с. 113, рис. 57; Плетнева, 1967, рис. 36).

Малое количество изделий отдела Б, как в материалах памятников ломоватовской культуры, так и на Баяновском могильнике, а также совершенно не характерные для ломоватовской культуры способы их изготовления, позволяют предположить, что они являются привозными. По происхождению их можно связать с салтовским кругом памятников.

Отдел В – украшения овально-подтреугольной формы, имеющие вместо привески плоский серповидный щиток (в литературе – «калачевидные височные подвески/серьги») (3 экз., погр.: 61, 103, 266; рис. 2: 7, 8).

Судя по внешним признакам и результатам исследования химического состава металла, украшения изготовлены из серебра (табл. 1: 26). Проволоченная проволока загибалась в кольцо-дужку овально-подтреугольной формы. Его нижняя часть расковывалась, в дальнейшем путем вырезания (вырубания) ей придавалась серповидная (калачевидная) форма.

Калачевидные височные украшения, изготовленные разными способами, – одни из наиболее распространенных украшений ломоватовской и родановской культур в период X–XII вв. (Подосенова, 2009, с. 107). Многочисленные аналогии им имеются в материалах чепецкой культуры (Иванова, 1998, с. 137, рис. 54: 2; Иванова, 1982, с. 56–57, рис. 5, 9; Иванов, 1997, с. 247, рис. 62: 6, 7, 10; Генинг, 1979, с. 93, табл. II: 3; Семенов, 1985, с. 96–97, рис. 2: 15–18), в меньшей степени – в материалах IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья (Архипов, 1973, с. 20, рис. 17: 14–18; Никитина, 2002, с. 99–100, 188,194, рис. 24: 11, 12; 56: 4–6). Много похожих изделий известно в зауральских и западносибирских материалах (Семенова, 2001, с. 82; Арне, 2002, с. 86; Зеленый Яр, 2005, с. 90, 94, 113; Арне, 2005, с. 55–56, рис. 11, 47, 29; Карачаров, 2002, рис. 83, 84, 85, 86; Карачаров, 2005, рис. 95). Здесь появление таких украшений, судя по материалам погребения 113 Сайгатинского IV могильника (Карачаров, 2005, рис. 95), следует относить к IX–X вв. Единичные аналогии из Северного Предуралья датируются второй половиной X–XII вв. (Савельева, 1987, с. 123, рис. 33: 1; Археология республики Коми, 1997, с. 554, 641, рис. 23: 19, 21: 5). С территории Южного Урала к прикамским образцам близок по форме один не декорированный экземпляр из материалов IX–X вв. (Мажитов, 1981, с. 68, рис. 41: 7).

В настоящий момент выделяют два центра изготовления этих украшений – на территориях поломо-чепецкой и ломоватовской культур (Макаров, 1989, с. 55; Подосенова, 2009, с. 112–113). Несмотря на то, что основная масса изделий принадлежит к материалам X–XI вв., исследователи предполагают появление данных изделий еще в IX веке (Макаров, 1989, с. 55; Архипов, 1986, с. 61; Никитина, 2002, с. 99–100). Необходимо

отметить, что погребения 61 и 103 Баяновского могильника, где обнаружены рассматриваемые украшения, отнесены автором раскопок к концу IX века.

Отдел Г – украшения с привеской из шариков разного размера (в литературе – «серьги/височные подвески с гороздевидной привеской»):

Тип Г-1: привеска в виде бипирамидальной грозди из крупных шариков (15 экз., погр.: 1, 15, 141 (2 экз.), 143, 156, 197, 341, 342 (2 экз.), 379, 392, 395, 438, 362; рис. 2: 9, 10).

Тип Г-2: привеска в виде бипирамидальной грозди из мелких шариков (52 экз., погр.: 41, 70, 71, 76, 84, 90, 93, 104, 105/2, 114, 116, 121, 131, 137/1, 140, 157, 167, 187, 231, 241, 268, 270/1, 274, 275, 276, 285, 317, 319, 322, 323 – по 1 экз.; погр.: 59, 60, 128 – по 2 экз.; в п/м 2014 г. и 2018 г.; рис. 3: 1–11).

Тип Г-3: привеска в виде одного цельного шарика (4 экз., погр.: 52, 123, 155, 436; рис. 3: 12–14).

Необходимо отметить, что у многих сборных изделий привеска утеряна и на переходе от кольца-дужки к привеске фиксируются следы облома. Такие изделия невозможно развести по типам (18 экз., погр.: 52, 116, 137/2 (2 экз.), 137/3, 138, 151 (2 экз.), 158, 273, 305, 360/2, 397, 429 (2 экз.), 442; в п/м 2008 г. и 2014 г.; рис. 3: 15–18).

Судя по внешним признакам, основная часть изделий изготовлена из серебра, редко – из бронзы (7 экз., погр.: 76, 116, 131, 138, 274, 275, 317) . Это подтверждается и результатами исследования химического состава металла изделий (табл. 1: 27–57). Отдельные изделия типов Г-1, Г-2 позолочены способом амальгамирования, что также подтверждается результатами исследования химического состава (содержание Au более 1%).

Большинство изделий сборные. Кольца-дужки выполнены с помощью волочения.

Привески в украшениях типа Г-1 состоят из крупных шаров, имеют бипирамидальную форму. В нескольких случаях шары полые, собраны из двух полусфер, изготовленных с помощью тиснения из тонкого серебряного листа (3 экз., погр.: 15 (2 экз.), 362; рис. 2: 10). Но чаще всего шары цельнолитые.

Привески в украшениях типа Г-2 состоят из отдельных цельных мелких шариков (зернинок), припаянных друг к другу, имеют бипирамидальную форму. Обычно гроздь внутри полая, но выделяются и изделия с гроздью, полностью заполненной зернинками. Большинство изделий сборные, лишь единичные экземпляры отлиты в двустворчатую двустороннюю форму.

Привеска в типе Г-3 представлена одним цельным шариком, расположенным в основании кольца-дужки. Как и в предыдущем типе, украшения сборные или цельнолитые в двустворчатой двусторонней форме.

В сборных изделиях выделяются разные способы крепления привески к кольцу-дужке:

1. Тисненые половинки шарика с проделанными заранее отверстиями нанизаны на дужку так, что при их соединении шов располагался вертикально по отношению к кольцу-дужке. Соединение спаяно, поверх шва припаяна штампованная, рубчатая или гладкая проволочка. Концы этой проволочки не сведены до конца – в них впаян верхний шарик привески. Иногда полый шарик-соединение подрезан в нижней части. Возможно, между полыми частями шарика проложены пластинки или стержень, загнутый через основание кольца-дужки (рис. 2: 9, 10; рис. 3: 1–4, 15, 18).

2. Через нижнюю часть кольца-дужки перекинута и припаяна гладкая или рубчатая проволочка, загнутая так, что ее концы спущены вниз, но не сведены вместе – между ними впаян верхний шарик привески (рис. 3: 12, 16, 17).

3. На нижнюю часть кольца-дужки через отверстие нанизан плоский диск, к его нижней части припаяна гроздевидная привеска (рис. 3: 9).

Практически все сборные изделия декорированы гладкой или рубчатой проволочкой, пирамидками зерни. Литые изделия, вероятнее всего, выполнены по оттиску сборных, в них копируется аналогичный декор.

На территории ломоватовской культуры украшения данного отдела (кроме украшений типа Г-1 с полыми двусоставными шарами) бытовали с к. VIII по XI в. Изделия именно в таком исполнении – в IX–X вв. (Подосенова, 2009, с. 142).

В поломо-чепецкой культуре такие изделия типичны для конца VIII–XI вв. (Иванов, 1997, с. 67, 122, рис. 19: 6, 7; 47: 4, 9, 11; Семенов, 1985, с. 97, рис. 2: 8; Семенов, 1988, с. 31, рис. 1: 6–8,10; 3: 2–6; Генинг, 1962, с. 42, табл. I: 13–15). В меньшем количестве аналогии представлены в материалах Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. (Никитина,

2002, рис. 25: 12, 56: 15, 17; Архипов, 1973, с. 19–20, рис. 17: 21–23). В Северном Предуралье единичные аналогии датируются VIII–IX вв. (Археология республики Коми, 1997, с. 535, 559, рис. 5: 18; 28). Подобные изделия известны и в материалах раннебулгарских и булгарских памятников второй половины VIII–X вв. (Казаков, 1971, с. 94–156, табл. XXI: 35а, 38, 47, 51). Немногочисленные аналогии есть на памятниках Южного Урала; Н.А. Мажитов отнес их к основным датирующим признакам IX – начала X в. (Мажитов, 1981, рис. 55: 1, 56: 4, 60: 1; Мажитов, 1993, с. 131, рис. 4: 2а).

Исследователи считают, что изготовление таких изделий происходило на территориях поломо-чепецкой или ломоватовской культур, откуда они распространялись на другие территории (Барынина, 2000, с. 7; Казаков, 1971, с. 94–156; Архипов, 1973, с. 19–20).

Прямые, но немногочисленные аналогии изделиям типа Г-1 с полыми шарами известны в материалах Больше-Тиганского могильника конца VIII –первой половины IX в. (Халикова, Халиков, 2018, табл. XXVE: 2). Возможно, данные изделия являлись импортными.

Отдел Д – украшение без привески с полым шаром в основании кольца-дужки (Тип Д-1; 1 экз., погр. 52; рис. 4: 1).

Судя по внешним признакам, изделие изготовлено из бронзы с большим содержанием меди. На кольцо-дужку подтреугольной формы нанизан полый двусоставной шарик. Его полусферы выполнены с помощью литья. Между ними расположена тонкая пластина округлой формы (диаметр пластины равен диаметру шарика). В верхней части одной из сторон кольца-дужки – выступ.

Аналогии изделию не известны.

Отдел Е – украшение в форме знака вопроса с многогранным окончанием на конце (Тип Е-1; 1 экз., м/м 2016 г.; рис. 4: 2).

Судя по внешним признакам, изделие отлито из серебра в двустворчатой двусторонней форме. В многогранном окончании четко выделены ромбические грани. В центре отдельных граней фиксируется орнамент в виде округлой выпуклости.

Возможно, данное изделие являлось переделанным из изделия раннего времени, которые были распространены в материалах памятников соседних археологических культур. Изделия именно с таким четко выраженным многогранником, но с округлой кольцевой основой, обнаружены на могильнике Верх-Сая неволинской культуры. В прорисовке многогранника одного из украшений фиксируется аналогичный орнамент (Первозчикова, 2009, с. 84–86; табл. 22: 18, 19).

В более раннее время, чем время функционирования Баяновского могильника, серьги с округлой основой и многогранником на конце были распространены на достаточно широкой территории. Из близлежащих – территории турбаслинской, кушнаренковской, бахмутинской культур (Богачев, 2016, с. 19).

Отдел Ж – украшения без привесок с проволочной основой разных форм:

Тип Ж-1: округлые малого диаметра (16 экз., погр.: 29, 42, 239, 247, 270/2, 356/1 (2 экз.), 356/2, 356/3, 357, 400/2, 407, 410, 432, 441, м/м 2018 г.; рис. 4: 3, 4).

Тип Ж-2: округлые большого диаметра (6 экз., погр.: 89, 107 (2 экз.), 242, 275, 442; рис. 4: 5).

Тип Ж-3: овальные (29 экз., погр.: 2, 20, 33, 34, 54, 62, 65, 77, 123, 133, 146, 182, 270/1 (2 экз.), 290, 317, 329, 331, 334, 350, 356/3, 402, 417, 420; м/м: 2005, 2007, 2013, 2014, 2018 гг.; рис. 4: 6–8).

Тип Ж-4: подтреугольные (14 экз., погр.: 60, 62, 64, 70, 76, 79, 105/2, 133, 232, 278, 280, 285, 399; м/м 2017 г.; рис. 4: 9, 10).

Тип Ж-5: подтреугольные с утолщением или многогранником на одном из концов (11 экз., погр.: 65, 74, 104, 105/1, 114, 139, 277, 336, 354, 420, 437; рис. 4: 11–13).

Тип Ж-6: восьмерковидные (11 экз., погр.: 37, 58, 69, 224, 268, 270/1, 276, 283, 416; п/м 2005 г. (2 экз.); рис. 4: 14, 15).

Тип Ж-7: с петлей в основании (1 экз., погр. 3; рис. 4: 16).

Тип Ж-8: из рубчатой проволочки (1 экз., погр. 52; рис. 4: 17).

Тип Ж-9: каплевидные с декором в виде пирамидки зерни (3 экз., погр.: 37, 242; п/м 2016 г.; рис. 4: 18, 19).

Большинство изделий выполнено из серебра. Редко встречаются изделия, выполненные из бронзы в типах Ж-1 (погр. 42), Ж-3 (погр.: 20, 65, 317), Ж-4 (погр. 60), Ж-5 (погр.: 74, 139), Ж-8 (погр. 52) или золота в типах Ж-6 (погр. 58, м/м 2005 г.), Ж-4 (п/м 2017 г.), Ж-3 (погр. 54), Ж-1 (погр. 356/3). Это подтверждается и результатами исследования химического состава металла изделий (табл. 2: 58–91).

Проволочная основа большинства изделий изготовлена способом волочения, с помощью сгибания ей придана определен-

ная форма. Отдельные изделия декорированы припаянной пирамидкой зерни или рубчатым декором (типы Ж-8, Ж-9).

Отдельно стоит остановиться на особенностях изготовления проволочных украшений подтреугольной формы с утолщением или многогранником на одном из концов кольца-дужки (тип Ж-5). Большинство изделий – сборные. Литой многогранник (утолщение) нанизан и припаян на один из концов проволоки. Проволочка загнута в заданную форму. Место перехода проволочной основы к многограннику подшлифовано. На отдельных изделиях фиксируются следы доработки и шлифовки многогранников. Из всех украшений данного типа только одно (погр. 74) изготовлено способом литья в двустворчатую двустороннюю форму.

Округлые проволочные височные украшения были распространены на протяжении всей ломоватовской культуры. В конце VIII–XI вв. преобладают украшения, выполненные из серебра способом волочения (Подосенова, 2009, с. 78). Наиболее распространены округлые проволочные украшения малого диаметра (до 3,5–4 см, тип Ж-1), а округлые кольца большого диаметра (до 5–6 см, тип Ж-2) встречаются редко.

В VIII–XI вв. массово стали употребляться проволочные украшения овальной формы (тип Ж-3; Иванов, 1997, с. 67, 79, 122), особенно характерные для ломоватовской культуры (Подосенова, 2009, с. 79). В неволинской культуре известно немного аналогий в материалах VII – первой половины IX в. (Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXI: 9). Распространены такие украшения и в раннебулгарских материалах второй половины VIII–IX вв. (Казаков, 1978, рис. 2: 1; Казаков, 1992, с. 71, рис. 21: 2, 3, с. 51, рис. 13: 1, рис. 23: 8, 9, с. 175, рис. 32: В 6, 63: 2).

Появление в VIII в. на территории ломоватовской культуры овальных проволочных украшений без привесок могло произойти либо в результате трансформации округлых колец либо путем заимствования с соседних раннебулгарских территорий (Подосенова, 2009, с. 79–80).

Проволочные височные украшения овально-подтреугольной формы (тип Ж-4) встречаются на ломоватовских памятниках VIII–XI вв. В большом количестве они представлены в поломо-чепецких памятниках (Иванов, 1997, с. 205, рис. 23: 15, с. 247, рис. 62: 1; Генинг, 1962, табл. I: 1, 3; Семенов, 1985, рис. 2: 3; Лещинская, 1988, с. 96, рис. 19, 20); в материалах неволинской культуры немногочисленны (Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXI: 15). Данные изделия распространяются в IX–XI вв. и в Ветлужско-Вятском междуречье (Никитина, 2002 с. 99–100, 356, 392, рис. 24: 13, 56: 10–12; Архипов, 1973, с. 20, рис. 17: 1, 3); известны в материалах раннебулгарских и булгарских памятников второй половины IX–X вв. (Казаков, 1971, с. 136, табл. XXI, рис. 28).

Исследователи отмечают, что эти изделия являются наиболее специфичными для территории Прикамья (Никитина, 2002, с. 99; Иванов, 1998, с. 67).

В немалом количестве аналогии проволочным украшениям подтреугольной формы с многогранником или утолщением в основании (тип Ж-5) встречены в материалах поломской культуры (Иванов, 1997, с. 201, рис. 19: 3; Генинг, 1962, табл. I: 5; Семенов, 1988, с. 25–29, рис. 1: 5; Сунгатов, 1993, с. 97), в меньшем количестве – в материалах булгарских памятников (Казаков, 1978, с. 17–19; Казаков, 1971, табл. XXI: 31) и памятников Ветлужско-Вятского междуречья (Архипов, 1973, рис. 17: 2).

На основе количественного анализа, исследователи полагали, что такие изделия наиболее характерны для материалов поломской культуры IX–X вв. или конца VIII – IX вв. (Казаков, 1978, с. 17–19; Перевозчикова, 2009, с. 86), а памятники ломоватовской и неволинской культур рассматривали как периферию, куда попадали лишь единичные экземпляры (Перевозчикова, 2009, с. 86). Но полевые изыскания на памятниках ломоватовской культуры, проводимые в последнее десятилетие, показывают практически равномерное распределение данных изделий как в материалах ломоватовской, так и в материалах поломской культур.

Проволочные украшения восьмерковидной формы (тип Ж-6) на территориях ломоватовской и родановской культур были распространены в X–XII вв., и наиболее свойственны именно для этой территории (Подосенова, 2009, с. 84). На памятниках чепецкой культуры они обнаружены в малом количестве и только в поздних материалах (Иванов, 1997, с. 122, 247, рис. 62: 4; Иванова, 1998, с. 140, рис. 55: 23).

Находки овально-подтреугольных украшений с петлей в основании, образующей две лопасти (тип Ж-7) в материалах памятников ломоватовской культуры редки. Небольшое количество аналогий встречено и в материалах поломо-чепецких памятников (Иванов, 1997, с. 247, рис. 62: 3), в материалах Ветлужско-Вятского междуречья VIII–X вв. (Никитина, 2002, с. 188; Архипов, 1973, рис. 17: 4), в материалах Западной Сибири IX–X вв. (Карачаров, 2005, с. 44, рис. 70: 2, 3). По мнению А.Г. Иванова, для территории Прикамья такие изделия характерны для X–XI вв. (Иванов, 1997, с. 122).

Отдел З представлен одним украшением с колоколовидной привеской (1 экз., м/м 2018 г.; рис. 4: 20).

Изделие изготовлено из серебра (табл. 1: 92) способом литья в двустворчатой двусторонней форме. Судя по аналогиям, данное изделие можно отнести к украшениям салтовского круга (Плетнева, 1989, с. 113, рис. 57; Плетнева, 1967, рис. 36).

Таким образом, всего на Баяновском могильнике обнаружено 313 экз. височных украшений, из которых 2 экз. представлены в фрагментарном состоянии, и отнести их к определенным отделам невозможно.

Большинство изделий представлено украшениями: с грушевидной привеской в виде полого шара или полого шара и конуса, с гроздевидной привеской в виде цельных крупных и мелких шариков, височными украшениями с проволочной основой разных форм (отдел Ж). Они типичны для материалов ломоватовской археологической культуры и были изделиями местного происхождения (Подосенова, 2009; Перевозчикова, 2009). Большинство височных украшений, представленных единичными экземплярами, имеют импортное происхождение: изделия с бипирамидальной привеской из крупных полых шаров, височные украшения с привеской в виде двух полых шаров и конуса, с полой двусоставной привеской с шарообразными утолщениями, с привеской в виде стержня с шарообразными утолщениями и с колоколовидной привеской. В настоящий момент времени их происхождение можно связывать с салтовским кругом памятников.

Большая часть изделий местного происхождения из Баяновского могильника изготовлена и декорирована с помощью применения разнообразных ювелирных техник: тиснения, золочения, пайки, волочения, ковки, зерни, штампованной проволочки и т.д., использование которых фиксируется и на других категориях ювелирных изделий местного производства в период с конца VIII по XI в. Такие изделия отражают высокий уровень развития местного ювелирного ремесла.

Подавляющее большинство височных украшений Баяновского могильника выполнено из сплава с высоким содержанием серебра. Изготовление изделий разных категорий из аналогичного сплава фиксируется не только в материалах Баяновского могильника, но и в материалах других памятников ломоватовской культуры с конца VIII века. Использование данного сплава может свидетельствовать о богатой сырьевой базе у местных ювелиров, происхождение которой следует изучать.

В настоящий момент Баяновский могильник предварительно датируется IX – первой половиной X в. Возможно, в дальнейшем более подробное изучение материала погребений с точки зрения хронологии позволит отодвинуть нижнюю границу функционирования могильника до второй половины IX века.

ЛИТЕРАТУРА

Арне Т.И. Культура Западной Сибири 1000 лет назад // Барсова гора. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 200 2. С. 86–96.

Арне Т.И. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005. 184 с.

Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: «ДиК», 1997. 758 с.

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. (к вопросу о происхождении народа). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 198 с.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. Йошкар Ола: Мар. кн. Изд во, 1986. 178 с.

Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV-VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М.: Наука, 1970. С. 161–194.

Барынина Т.В. Истоки декора костюма приуральских угров конца VI IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма) (г. Самара, 14–18 марта 2000 г.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Сам. обл. ист.-краевед. музей им. П.А. Алабина, 2000. С. 5–7.

Богачев А.В. Серьги с многогранником V–VII вв. на средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии регионе) // Вояджер: мир и человек. 2016. №6. С. 7–57.

Генинг В.Ф. Мыдлань Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. Вып. 3. / Отв. ред. Е.Г. Суров. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 7–111.

Генинг В.Ф. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. / Под ред. В.Ф. Генинга. Ижевск:, 1979. С. 87–106.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский университет, 1990. 176 с.

Данич А.В. Височные подвески Питер (Степаново Плотбище) могильника IX – XI вв. в Пермском Предуралье. // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I / Отв. ред. М.Г. Моисеенко, А.В. Деев. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2017. С. 50–61.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург Салехард: УрО РАН, 2002. 368 с.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 308 с.

Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно угры в Восточной Европе: сб. материалов конференции. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990. С. 108–117.

Иванова М.Г. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 52 76.

Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Вып. 1. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 94–156.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в Восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Карачаров К.Г. Отчет о научно исследовательской работе археологического наследия на могильнике Сайгатино VI и селище Кучумское IV в 2001 году. Архив МАЭ ПГГПУ, 2002.

Карачаров К.Г. Отчет о научно исследовательской работе археологического наследия на могильнике Сайгатино VI и селище Кучумское IV в 2004 году. Архив МАЭ ПГГПУ, 2005.

Лещинская И.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско Вятского междуречья: сб. науч. тр. Ижевск: УдГУ, 1988. С. 79–107.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.). // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. С. 119 140.

Макаров Н.А. О некоторых пермско финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. С. 51 63.

Матвеев С.Г. Могильник Чем Шай // Труды НОИВК. Вып. IV. Ижевск, 1928. С. 18–25.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово маяцкая культура) / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 199 с.

Плетнева С.А. На славяно хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Перевозчикова С.А. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (историко-генетический подход). Дисс… канд. ист. наук. Ижевск, 2009. 218 с.

Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс… канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Наука, 1987. 200 с.

Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: НИИ при СовМин УАССР, 1985. С. 92–118.

Семенов В.А. Тольенский могильник IX – начала X вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1988. С. 25 58.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 304 с.

Сунгатов Ф.А. К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. С. 93–102.

Халикова Е.А. Большетиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 175–177.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Информация об авторах:

с

TEMPLE ACCESSORIES OF BAYANOVSKIY BURIAL GROUND OF THE LOMOVATOVSKAYA ARCHAEOLOGICAL CULTURE

Yu. A. Podosenova, A. V. Danich

Bayanovskiy burial ground dating from the of the 9th century to the first half of the 10th century is one of the most interesting medieval sites of Perm cis-Urals. At the moment it is the best known funeral site of Lomovatovskaya archaeological culture (more than 450 burials have been studied). The article is devoted to the results of studying temple accessories found during Bayanovskiy burial ground excavations. The article presents a typology of accessories based on the shape of products (there are 311 samples in total, 22 types are defined). A wide range of analogies is presented for each type. It is revealed that the majority of products are accessories which are characteristic of Lomovatovskaya archaeological culture. Among all of them there are few products which are possible imported from Saltovskoye settlement. Manufacturing technology is developed for each type. During manufacturing most products quite a variety of jewelry techniques was used. There are few products made by casting. With the help of X-ray fluorescence analysis metal chemistry of the products was studied. The vast majority of the products is made of fine silver.

Keywords: Perm cis-Urals, the Middle Ages, Lomovatovskaya archaeological culture, Finno-Ugrians, temple accessories, earrings, typology, manufacturing technology, metal chemistry.

Abouth the Authors:

Podosenova Yulia A., Candidate of Historical Sciences, Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; podosenka@yandex.ru

Danich Andrei V. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation adanich@yandex.ru

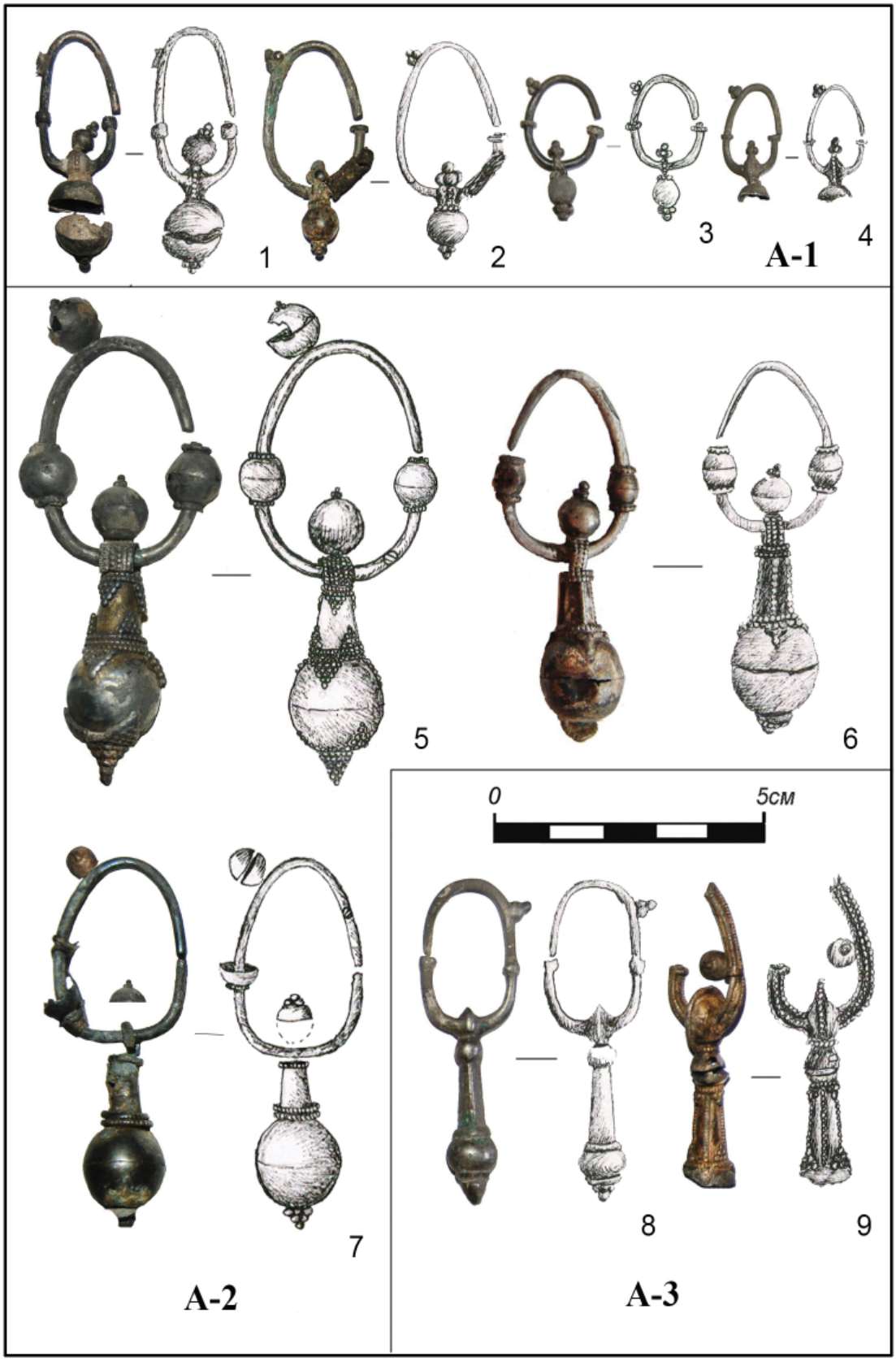


Рис. 1. Височные украшения Баяновского могильника: типы А-1, А-2, А-3. 1 – погребение 81; 2 – погребение 77; 3 – погребение 146; 4 – погребение 137; 5 – погребение 406; 6 – погребение 330; 7 – погребение 376; 8 – погребение 115; 9 – погребение 124.

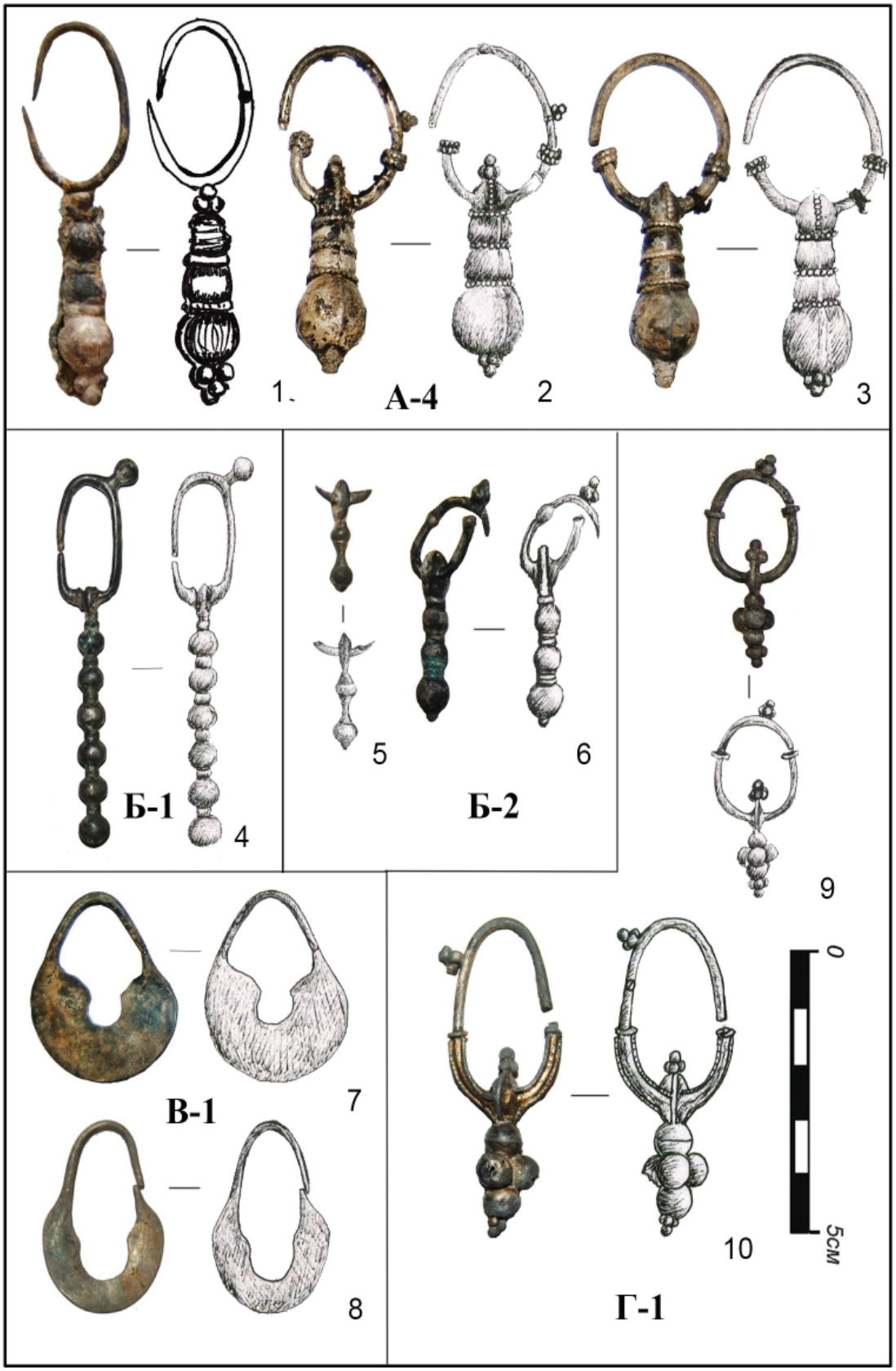


Рис. 2. Височные украшения Баяновского могильника: типы А-4, Б-1, Б-2, В-1, Г-1. 1 – погребение 283; 2 – погребение 55; 3 – погребение 55; 4 – погребение 129; 5 – погребение 434; 6 – погребение 351; 7 – погребение 61; 8 – погребение 266; 9 – погребение 342; 10 – погребение 362.

Рис. 3. Височные украшения Баяновского могильника: типы Г-1, Г-2, Г-?. 1 – погребение 137; 2 – погребение 268; 3 – погребение 114; 4 – погребение 121; 5 – погребение 59; 6 – погребение 128; 7 – погребение 70; 8 – погребение 322; 9 – погребение 442; 10 – погребение 275; 11 – погребение 363; 12 – погребение 52; 13 – погребение 123; 14 – погребение 155; 15 – кв.Ш/19 сектор А (2008); 16 – погребение 197; 17 – погребение 137; 18 – погребение 116.

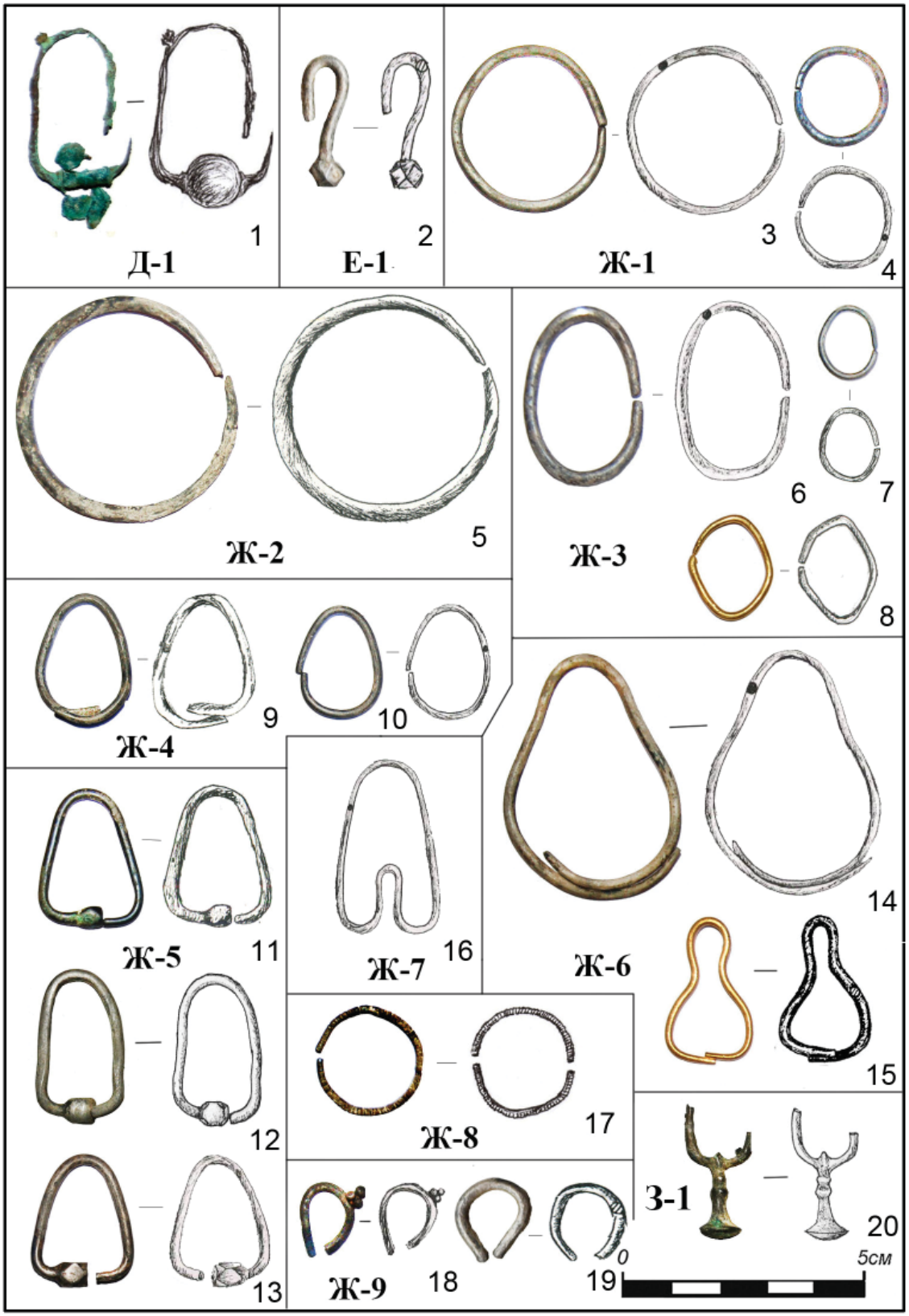


Рис. 4. Височные украшения Баяновского могильника: типы Д-1, Е-1, Ж-1, Ж-2, Ж-3, Ж-4, Ж-5, Ж-6, Ж-7, Ж-8, Ж-9, З-1. 1 – погребение 52; 2 – кв.Щ/8 сектор А (2016); 3 – погребение 275; 4 – погребение 239; 5 – погребение 107; 6 – погребение 356; 7 – погребение 146; 8 – погребение 54; 9 – погребение 62; 10 – погребение 76; 11 – погребение 65; 12 – погребение 437; 13 – погребение 104; 14 – погребение 268; 15 – погребение 58; 16 – погребение 3; 17 – погребение 52; 18 – погребение 242; 19 – кв.Щ/8 сектор А (2016); 20 – погребение 452.

Таблица 1.

Результаты исследования химического состава металла височных украшений Баяновского могильника*

№	Изделие**	Тип изделия	Сплав	Ag	Cu	Pb	Au	Sn	Zn	Другие (<1%)
1	279/4	А-1	Ag-Cu-Zn-Pb	91,9	4,84	1,03	-	-	1,92	-
2	425/1	А-2	Ag-Cu-Pb	74,3	21,6	2,52	-	-	0,7	Fe, Zn
3	328/1	А-2	Ag-Cu	92,3	5,5	0,89	0,8	-	-	Fe, As
4	330/4	А-2	Ag-Cu-Pb	90,5	5,95	1,85	-	-	0,65	Fe, As
5	330/8	А-2	Ag-Cu-(Au)	89,2	4,77	0,94	1,4	-	0,09	Fe, As
6	330	А-2	Ag-Cu-Pb	89,54	6,96	1,24	-	-	-	Fe, As
7	332/5	А-2	Ag-Cu	96,4	1,63	0,83	0,67	-	-	Fe
8	344/7	А-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	87,6	5,26	2,57	1,48	-	0,51	Fe, As
9	344/3	А-2	Ag-Cu-Pb-Zn-(Au)	85,74	6,52	3,31	2,79	-	1,06	Fe
10	345/3	А-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	91,2	1,72	1,66	4,6	-	-	Fe, As
11	345/4	А-2	Ag-Cu-Pb	91,8	5,65	1,24	0,79	-	-	Fe, As
12	358/5	А-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	90,9	5,74	1,02	1	-	0,38	Fe, As
13	359/3	А-2	Ag-Sn-Cu-Pb	83,1	4,93	1,52	0,9	9,07	-	Fe
14	359/1	А-2	Ag-Cu-Pb	95,2	3,39	1,08	-	-	-	Fe
15	367/2	А-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	89	7,2	1,25	1,42	-	0,24	Fe, As
16	367/1	А-2	Ag-Cu	92,6	5,37	0,53	0,85	-	-	Fe, As
17	364/2	А-2	Ag-Cu-Pb	93	3,67	1,9	0,56	-	-	Fe
18	364/5	А-2	Ag-Cu-Pb	93,7	3,87	1,63	0,66	-	-	-

* Исследование химического состава металла проводилось с помощью портативного рентгено-флюоресцентного спектрометра Bruker S1. На образцах исследовалось 2-4 пробы, результаты усреднялись. Химической и механической чистки изделий не проводилось.

** изделий с цифровым обозначением указывают на происхождение изделия из погребения, где первая цифра – номер погребения; изделия с буквенным и цифровым обозначением обозначают, что изделие происходит из межмогильного пространства или подъёмного материала

Таблица 1.

Результаты исследования химического состава металла височных украшений Баяновского могильника*
(продолжение)

19	БМ15/603	А-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	77,4	14,9	5,52	1,12	-	0,12	Fe
20	281/4	А-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	93,9	3,09	1,02	1,4			Fe, As
21	281/7	А-2	Ag-Cu-Pb	81,6	8,23	8,09	0,58	-	0,15	Fe, As,
22	283	А-4	Ag-Pb-Cu	92	2,55	4,36	-	-	-	Fe, Bi
23	434/3	Б-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	87,7	4,79	1,67	4,86	-	0,6	-
24	351/3	Б-2	Ag-Cu-Pb-Zn-(Au)	86,5	5,51	1,29	2,37	-	1,29	Fe, As
25	373	Б-2	Cu-Pb-Sn-Zn-Ag	2,63	70,2	20,2	-	3,83	2,49	Fe, As
26	266/14	В-1	Ag-Cu	97,9	1,26	-	-	-	0,14	Fe
27	341/2	Г-1	Ag-Cu-Pb-Zn	89,0	5,34	2,26	0,81	-	1,97	Fe
28	342/4	Г-1	Ag-Cu	92,1	5,54	0,54	0,81	-	-	-
29	342/2	Г-1	Ag-Cu-Pb-Zn-(Au)	89,4	5,7	2,17	1,34	-	1,59	-
30	362/43	Г-1	Ag-Cu-(Au)	91,7	4,7	0,77	2,33	-	-	Fe, As
31	444	Г-2	Ag-Cu-Pb-(Au)	92,6	3,8	1,06	1,1	-	0,35	Fe, As,
32	434/5	Г-2	Ag-Cu	91,8	6,22	0,92	-	-	-	Fe, As
33	319/6	Г-2	Ag-Cu	92,4	6,39	0,89	-	-	-	Fe, As
34	435/4	Г-2	Ag-Cu-Pb-Zn	90,46	4,75	2,48	0,71	-	1,42	Fe
35	БМ18/420	Г-2	Ag-Cu-Pb-Zn	72,4	23,6	2,58	-	-	1,2	Fe
36	436/2	Г-2	Ag-Cu	90,6	7,46	0,85	0,8	-	-	Fe, As
37	384/1	Г-2	Ag-Cu-(Au)	90,43	6,17	0,74	1,54	-	0,43	Fe, As
38	268/2	Г-2	Ag-Cu	94,1	2,76	0,42	-	-	-	Fe, As

* Исследование химического состава металла проводилось с помощью портативного рентгено-флюоресцентного спектрометра Bruker S1. На образцах исследовалось 2-4 пробы, результаты усреднялись. Химической и механической чистки изделий не проводилось.

39	322/6	Г-2	Ag-Cu-Pb	89,5	4,78	2,21	0,5			Fe, As
40	319/6	Г-2	Ag-Cu	92,6	5,77	0,76	-	-	0,24	Fe, As
41	323/2	Г-2	Ag-Cu	94,6	3,57	0,48	0,82	-	-	Fe, As
42	317/3	Г-2	Sn-Cu-Pb-Zn	-	30,1	29,8	-	34,5	3,83	Fe, As
43	322/2	Г-2	Ag-Cu	95,4	2,84	0,26	0,65	-	-	Fe
44	357/2	Г-2	Ag-Cu	91,2	6,19	0,93	0,62	-	0,23	Fe, As
45	341/1	Г-2	Ag-Cu-(Au)	89,3	4,33	0,48	5,54	-	-	Fe
46	270/6	Г-2	Ag-Cu	96	3,01	0,63	-	-	0,17	Fe
47	285/1	Г-2	Ag-Cu	94,7	3,71	0,63	-	-	-	Fe, As
48	276/4	Г-2	Ag-Cu	97,3	1,84	0,42	-	-	-	Fe
49	275/4	Г-2	Ag-Cu-Pb	93,4	5	1,12	-	-	-	Fe, As
50	БМ12/343	Г-2	Ag-Cu-Pb	91,6	6,48	1,12	-	-	-	Fe
51	221	Г-2	Ag-Cu	94,1	4,56	0,7	-	-	-	
52	442/4	Г-?	Ag-Cu-(Au)	91,6	5,75	0,49	2,05	-	-	Fe
53	429/2	Г-?	Ag-Cu	93,1	4,96	0,55	0,65	-	0,31	Fe, As
54	305	Г-?	Ag-Cu-Pb	92,7	5,08	1,36	-	-	-	Fe, As
55	БМ/14-51	Г-?	Ag-Cu-Pb	92,6	4,91	1,45	-	-	-	Fe, As
56	БМ/14-56	Г-1	Ag-Cu-(Au)	88,1	8,21	0,57	2,13		0,37	Fe, As
57	273/3	Г-?	Ag-Cu-Zn	90,5	5,27	-	-	-	3,5	Fe, As
58	356/1	Ж-1	Ag-Cu-Pb	91,8	5,77	1,29	-	-	0,38	Fe, As
59	356/18	Ж-1	Au-Ag	4,5	0,26	-	94,3	-	0,7	Fe
60	356/12	Ж-1	Ag-Cu-Pb	92,8	4,93	1,41	-	-	-	Fe, As
61	БМ15/358	Ж-1	Ag-Cu-Pb	90,5	5,84	1,38	-	-	0,49	-
62	357/1	Ж-1	Ag-Sn-Cu-Pb	83,4	6,3	2,55	-	6,77	0,57	Fe, As
63	270 (2)/149	Ж-1	Ag-Cu	94,5	4,03	0,37	-	-	0,46	Fe, As
64	275/4	Ж-2	Ag-Cu-Zn	82	13,7	0,82	-	-	1,26	-
65	442/4	Ж-2	Ag-Cu	91,60	6,34	0,86	-	-	-	As
66	334/4	Ж-3	Ag-Cu-Zn-Au	90	3,16	0,64	1,2	-	2,56	Fe, As
67	331/1	Ж-3	Ag-Cu-Pb	92,2	4,67	1,94	-	-	0,4	Fe
68	270/63	Ж-3	Ag-Cu	92,4	6,14	0,52	-	-	-	Fe, Bi
69	329/2	Ж-3	Ag-Cu-Pb	91,9	5,49	1,04	0,98		0,35	Fe, As

Таблица 1.

Результаты исследования химического состава металла височных украшений Баяновского могильника*
(продолжение)

70	350/6	Ж-3	Ag-Cu-Pb	88,4	7,06	1,95	0,83	-	1,15	Fe
71	270/3	Ж-3	Ag-Cu	90	9,1	-	-	-	0,87	Fe
72	270/8(1)	Ж-3	Ag-Cu	92,6	5,55	0,79	-	-	-	Fe, Bi
73	290/8	Ж-3	Ag-Cu-Pb	88,3	10	1,57	-	-	-	Fe
74	БМ14/23	Ж-3	Ag-Cu	93,1	5,45	0,97	-	-	-	Fe, As
75	285/2	Ж-4	Ag-Cu	94	4,29	0,4	-	-	0,56	Fe, As
76	280/5	Ж-4	Ag-Cu	64,4	34	0,74	-	-	-	Fe
77	278/2	Ж-4	Ag-Cu	92,8	4,9	0,84	-	-	0,19	Fe
78	278	Ж-4	Ag-Cu	95,4	2,24	0,64	0,63	-	0,1	Fe, Bi
79	437/3	Ж-5	Ag-Cu	93,6	5,23	0,34	-	-	0,37	Fe, As
80	420	Ж-5	Ag-Cu-Pb	92,1	4,94	0,98	-	-	0,48	Fe, As, Cd
81	354/1	Ж-5	Ag-Cu	90,9	6,37	0,71	0,81	-	0,8	
82	336	Ж-5	Ag-Cu-Zn-Pb	90	4,89	1	0,97	-	2,12	Fe
83	354/1	Ж-5	Ag-Cu	93,6	4,52	0,49	-	-	0,61	Fe
84	277/6	Ж-5	Ag-Cu-Pb	73,3	22,6	1,39	0,94	-	0,69	-
85	БМ13/15	Ж-6	Ag-Cu-Pb	88,1	8,5	1,63	0,46		0,62	Fe, As
86	283/3	Ж-6	Ag-Cu-Pb	87,6	8,99	1,78	-	-	0,68	Fe, As
87	270/8(2)	Ж-6	Ag-Cu-Sn	85,0	6,66	0,74	-	6,67	0,38	Fe, As
88	283/3	Ж-6	Ag-Cu-Pb	85,3	11,8	2,55	-	-	-	Fe
89	276/2	Ж-6	Ag-Cu	96,5	2,69	0,26	-	-	-	Fe
90	БМ/14-57	Ж-?	Ag-Cu	90,2	8,63	0,93	-	-	-	Fe
91	268/4	Ж-6	Ag-Cu	97,6	1,86	0,22	-	-	-	Fe, Bi
92	452/3	3-1	Ag-Cu-Pb-Sn-Zn	68,7	11,8	9,78	-	7,11	1,46	Fe, As

* Исследование химического состава металла проводилось с помощью портативного рентгено-флюоресцентного спектрометра Bruker S1. На образцах исследовалось 2-4 пробы, результаты усреднялись. Химической и механической чистки изделий не проводилось.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00081

КЛАД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АРТЕФАКТОВ ИЗ СЕНГИЛЕЕВСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2019 г. Ю. А. Семыкин, М. Р. Гисматулин, Ю. В. Крылов, А. Е. Борисов

Статья посвящена описанию уникального по составу клада, обнаруженного в 2017 г. на территории Сенгилеевского района Ульяновской области. Клад включает кузнечный, слесарный, ювелирный инструментарий. Значительный интерес представляют входящие в состав клада детали конской упряжи и предметы быта. Владельцем клада мог быть мастер высокой квалификации. Материалы клада предварительно датированы авторами IX–X вв.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, раннее средневековье, клад, ремесло, ювелирное дело.

Осенью 2017 г. в Сенгилеевском районе Ульяновской области жителями г. Сенгилея с помощью металлодетекторов был обнаружен и извлечен из земли клад периода раннего средневековья, состоящий из предметов различного функционального назначения (рис. 1–10). В 2018 г. материалы клада стали доступны для изучения и дальнейшей передачи в состав Музейного фонда Российской Федерации.

Авторам публикации удалось установить и обследовать место обнаружения клада. Как выяснилось, он был найден на левом берегу безымянного ручья, являющегося притоком р. Сенгилейки. Достоверно установлено, что перед нами именно клад, а не комплекс археологических артефактов, залегавших в культурном слое средневекового поселения. Об этом свидетельствует место обнаружения клада. Оно расположено в пойменной части лесного ручья, что не характерно для размещения поселений. Признаков культурного слоя поселения на месте обнаружения клада не зафиксировано. Однако всего в 90 м к северо-западу на распаханной надпойменной террасе был выявлен подъёмный керамический материал периода Волжской Булгарии.

Многие из предметов клада сильно повреждены кладоискателями при варварском извлечении из грунта. К сожалению, остался неизвестным его полный состав. По имеющейся информации, вместе с кладом был обнаружен керамический сосуд, который, однако, не был нами получен. Несмотря на это, материалы клада представляют большой научный интерес для изучения раннесредневековой истории Среднего Поволжья.

Основную часть клада составляют предметы, изготовленные из черного и цветного металла. В составе клада также представлены предметы из органических материалов – дерева, кости и кожи.

С большой долей вероятности можно утверждать, что часть клада первоначально находилась в деревянном ларце. Сохранились фрагменты истлевшей древесины со следами изготовления специальным столярным инструментом (рис. 5: 1, 2). На внешней поверхности частей ларца наблюдается темно-фиолетовый цвет окраски. Среди предметов клада имеются рваные бесформенные куски листовой меди, которой, вероятно, ларец был обшит снаружи (рис. 5: 3, 4). Не исключено, что среди них могут быть и фрагменты какого-то сосуда. На листах наблюдаются медные заклепки и отверстия от мелких гвоздей. Заметны также следы загиба листового металла.

К деталям ларца, предположительно, относится железный артефакт, служивший угловой стойкой ларца (рис. 5: 5). Стойка имеет вид железного уголка, завершающегося с одной стороны шаром, а с противоположной стороны – лапкой. Общий размер данной детали составляет 302 мм. В угловых плоскостях детали наблюдаются мелкие круглые отверстия, предназначавшиеся для гвоздей. Если ларец имел четырехугольную форму, то среди предметов клада должны были находиться еще три аналогичные стойки, которые, однако, не сохранились. Также к числу деталей ларца, возможно, относились железная петля, к которой крепилась его крышка, и накладка с пробоем.

Рассмотрим состав клада по группам материала и по функциональному назначению.

Группа изделий из черного металла (железа и стали) самая представительная. Большой интерес представляют предметы, которые уверенно можно отнести к специальным инструментам. Среди них выделяются кузнечные, слесарные и деревообделочные инструменты.

Инструменты производства по металлу. В состав этой группы входят следующие инструменты: кузнечные клещи – 2 экз. (рис. 1: 1, 2), молоток – 1 экз. (рис. 1: 5), миниатюрная наковаленка (рис. 1, 4), пробойник (рис. 1: 6), два секача по металлу (рис. 1: 7), чертилка (рис. 1: 8). Загадочно назначение одного инструмента оригинальной формы, но его интерпретация, предположительно, связана с ювелирными операциями (рис. 1: 3).

Кузнечные клещи практически не отличаются от аналогичных инструментов, которыми пользуются современные кузнецы-художники (рис. 1: 1, 2). Клещи снабжены плоскими «губами», соединенными осевыми железными клепками. Длина клещей – 405 мм и 303 мм. Рабочие рукоятки клещей подпрямоугольно-уплощенные, переходящие на конце в округлые. При этом размеры рукоятей более крупных клещей неодинаковые. Одна из них на 30 мм короче другой.

Молоток также имеет много общего с аналогичными современными инструментами (рис. 1: 5). Длина молотка – 135 мм. Молоток снабжен двумя рабочими частями с расширением и овальным отверстием для рукоятки в средней части. Размеры нижней, бойковой плоскости молотка квадратной формы 22×20 мм. Верхняя, рабочая часть молотка клиновидно сужается в поперечном направлении.

Наковаленка усеченно-клиновидной формы с подквадратным сечением (рис. 1: 4). Высота наковаленки составляет 100 мм. Форма наковаленки в сечении – подквадратная, размером 31×34 мм (сверху) и 26×25 мм (внизу). В процессе работы наковаленка должна была вставляться в специальное гнездо, выдолбленное в бревенчатом пне.

Пробойник (рис. 1: 6). В состав группы металлообрабатывающего инструментария мы включаем инструмент узкоспециального назначения, внешне напоминающий крепежный штырь (деталь, применявшаяся для соединения крупных частей деревянных конструкций). Однако некоторые признаки позволяют отнести его к металлообрабатывающим инструментам, предназначенным, предположительно, для формирования трубчатых углублений квадратного профиля, которые мы наблюдаем в отдельных железных предметах клада. Условно этот предмет назовем термином «пробойник».

Секачи. В состав группы металлообрабатывающих инструментов мы относим два железных инструмента, внешне напоминающих топорики. Один из них (рис. 1: 7) имеет форму топорика с двусторонне расположенными узкими симметричными лезвиями. В центральной части инструмента расположено отверстие миндалевидной формы для рукоятки. Длина инструмента составляет 240 мм. В функциональном отношении инструмент может быть предназначен для работы по дереву или по цветному металлу.

Второй инструмент также имеет форму топорика с молоткообразным верхним бойком и слегка расширенным секирообразным рабочим лезвием. Длина инструмента составляет 82 мм, максимальная ширина – 11 мм, высота лезвия – 31 мм. Верхняя часть инструмента расплющена в результате ударов другим тяжелым инструментом. Это позволяет предполагать использование рассматриваемого инструмента в качестве секача, применявшегося при рубке листового металла.

Чертилка. Инструментом производственного назначения может быть небольшой стержень с клиновидно суживающимся краем и противоположным цилиндрическим краем округлого сечения (рис. 1: 8). Такие инструменты в современном слесарном производстве обычно применяются для разметки заготовок листового металла и называются чертилками.

Среди материалов клада, можно выделить два плоских **напильника**. Сохранившаяся общая длина первого – 217 мм, ширина – 11 мм, толщина – 4 мм (рис. 8: 1). Второй напильник имеет следующие размеры: длина 215 мм, длина ручки – 65 мм, ширина – 19 мм, толщина – 4 мм. Однако из-за плохой сохранности невозможно установить, для каких работ они предназначались – по дереву или по металлу.

Другая часть инструментов в составе клада может быть отнесена к группе деревообделочных инструментов. Среди них: долото

(рис. 2: 3), три тесла (рис. 2: 4, 5, 6), сверло (рис. 2: 2), токарный резец (рис. 2: 1).

Втульчатые **тесла**, различаются размерами, которые варьируются в пределах: 110×60 мм, 75×45 мм, 65×43 мм. Конструктивно тесла практически не отличаются от аналогичных орудий, широко распространенных в материалах салтово-маяцкой археологической культуры и Волжской Булгарии.

Перовидное сверло по дереву имеет длину 350 мм (рис. 2: 2). Клиновидный конец сверла свидетельствует о наличии у него деревянной рукоятки, однако, не сохранившейся. Аналогичные инструменты представлены в материалах волжских булгар и соседних культур эпохи средневековья. По мнению одного из авторов статьи, возможна иная интерпретация данного инструмента. Он мог использоваться в качестве токарного резца, с помощью которого выполнялась первоначальная обработка заготовки.

Токарный резец (рис. 2: 1) имеет характерный изогнутый рабочий край. Резец, судя по форме хвостовика, также был снабжен деревянной рукояткой. Длина резца составляет 305 мм. Этот инструмент мог применяться для вытачивания полостей в заготовках.

Долото, представленное в составе клада, имеет общую длину 265 мм. На рабочую часть приходится 185 мм. Втулка имеет несомкнутые края раскованной железной пластины, в которую вставлялась деревянная рукоятка (рис. 2: 3). Относительно данного инструмента также можно отметить сходство с плотницкими долотами, применяемыми в деревообработке до настоящего времени.

О присутствии в составе клада **пилы** свидетельствуют фрагменты ножовочного полотна (рис. 2: 7). Всего сохранилось пять фрагментов. Реконструируемая длина – около 61 см. Конструкция пилы была близка к типу лучковой.

Ложкорез. Среди артефактов клада имеется еще один предмет небольшого размера, имеющий некоторое сходство с ложкорезами (рис. 8: 5).

Инструменты ювелирного производства также присутствуют среди предметов клада. На это предположение нас наводят наличие среди артефактов ряда изделий со следами технологии ювелирного производства. В частности, в кладе представлены украшения с технологией позолоты. Речь идет об украшениях конской сбруи в форме плоских круглых медных дисков и конского «начельника», покрытых тонким слоем позолоты (рис. 4: 1–16, 18, 19).

Технология позолоты была связана с нагревом заготовки, на которую наносилась позолота, а также с использованием специальных химикатов. По нашему предположению, для нагрева заготовки мог использоваться особый инструмент в виде лопаточки с овальной в разрезе рукояткой, которая присутствует в составе клада (рис. 1: 3). Общая длина инструмента составляет 405 мм. Основной рабочей частью этого инструмента является массивная расширенная и полуовальная в разрезе площадка. Ее масса такова, что в случае высокотемпературного нагрева она была способна некоторое время сохранять нужную температуру, необходимую для выполнения операции позолоты.

Вместе с тем, по другой версии, рассматриваемый инструмент мог быть токарным резцом, причем двухсторонним. Узкая сторона могла использоваться как резец-мейсель, с помощью которого придавалась окончательная форма и осуществлялась обрезка заготовки. Из-за плохой сохранности непонятно была ли на нём двухсторонняя заточка. Широкая сторона резца могла использоваться для чистовой обработки внутренних полостей изделия.

Другим инструментом, необходимым при выполнении золочения, могла быть массивная железная ложка, в которой происходил нагрев расплавленного благородного металла, либо химиката. Такой инструмент также присутствует среди предметов клада (рис. 1: 9). Общая длина этого инструмента составляет 290 мм.

Еще один предмет – сильно разрушенный в процессе варварского извлечения клада из грунта металлический флакон цилиндрической формы с крышкой (рис. 9) подкрепляет наши предположения о присутствии в составе клада инструментов ювелирного производства. Он имеет следующие размеры: длина – 62 мм, диаметр – 22 мм. Внутри поврежденного флакона находилось какое-то порошкообразное минеральное вещество красного цвета, применявшееся, предположительно, в операции золочения. Химический анализ этого вещества еще предстоит выполнить для окончательных выводов.

Украшения коня и конская упряжь. В составе клада присутствуют предметы

конской упряжи и украшения коня (рис. 4). К ним отнесены плоские металлические бляхи округлой формы (рис 4: 1-16) и начельник – украшение головы коня (рис. 4: 18, 19).

Круглые в плане медные бляхи сохранили следы низкопробной позолоты, о чем свидетельствует плотная окись меди на поверхности. Диаметры блях различны: 3 экз. – 30 мм, 7 экз. – 75 мм, 5 экз. – 90–91 мм, 1 экз. – 105 мм. Толщина – 1 мм.

На всех бляхах наблюдаются по два небольших круглых отверстия с напаянными специальными втулками. В некоторых втулках сохранились тканые шнуры для подвешивания к ременной упряжи.

Своеобразным украшением коня является так называемый начельник, представленный в материалах клада (рис. 4: 18, 19). Он имеет квадратную форму размером 110×110 мм. В центральной части располагается цилиндрическая трубочка диаметром 32 мм, служившая для крепления волосяного или перьевого «султанчика». Трубочка была напаяна на металлическую основу начельника. Листовой металл начельника был украшен прорезным орнаментом, выполненным в растительном стиле. В орнаменте присутствуют мотивы симметрично расположенных листьев. Весь металл начельника покрыт тонкой позолотой более высокой пробы, чем это наблюдается на бляхах, о чем свидетельствует менее заметная окисленность.

Под начельником сохранилась кожаная подкладка, на которую он был нашит тонкими ремешками, пронизанными сквозь круглые отверстия.

Близкие по стилю и конструкции начельники были распространены в материалах салтово-маяцкой культуры на Северном Кавказе и в Подонье. Начельники с пластинчатым основанием круглой формы датируются X–XII вв. Им, вероятно, предшествовали начельники с фигурно вырезанной пластиной (Армарчук, Новичихин, 2004, с. 60–62).

В состав снаряжения коня из состава клада входит фрагментарно сохранившийся экземпляр удил с прямым псалием, хорошо известный в материалах памятников раннеболгарского периода (рис. 4: 17).

Предметы быта в составе клада представлены несколькими оригинальными железными предметами. К ним отнесены: котловые цепи – 2 экз. (рис. 6: 1, 2), массивный пружинный замок с кольцом (рис. 6: 3 и 3а), воронка для заполнения жидкостью бурдюка (рис. 6: 4, 5, 6), петля для крепления цепи (рис. 6: 7), кресало (рис. 6: 8). Интерпретация целого ряда предметов носит предположительный характер. В их числе – разборная подставка для установки какого-то сосуда и разборный подсвечник-канделябр (рис. 7: 7а, 7б).

В состав клада входят отдельные детали загадочного назначения. Однако внимательный осмотр и сопоставление этих деталей друг с другом позволили нам прийти к выводу о том, что некоторые предметы клада являются частями разборных конструкций, которые в собранном виде могут иметь утилитарное назначение – служить подставкой сосуда для омовений и быть подсвечником типа канделябра.

Подставка для сосуда состояла из нижней части – станины треугольной формы (рис. 7: 5), в трубчатое вертикальное гнездо которой вставлялся стержень-посредник прямоугольного сечения. На этот стержень устанавливалась раскладная четырехчастная «цапфа», которая в разложенном состоянии создавала подставку для установки какого-то сосуда. Вариант графической реконструкции представлен на рисунке 7а. Характерно, что нижняя часть подставки была снабжена тремя вертикальными заостренными штырями, которые для устойчивости конструкции могли вбиваться, например, в деревянную плоскость пня.

Подсвечник. В составе клада имеются некоторые другие предметы, которые позволяют предположить существовании другой разборной конструкции, которая в сборе вполне могла выполнять функцию подсвечника, близкого по типу к канделябру. При этом нижняя и средняя часть подсвечника могла состоять из тех же деталей, что и у выше рассмотренной подставки для сосуда. А вот верхнюю часть подсвечника составляли другие детали (рис. 7: 8–11). Эти детали в собранном виде могли выглядеть так, как это показано на рисунке 7б. Если данное предположение соответствует действительности, то перед нами оригинальные разборные металлические конструкции бытовых приборов, приспособленных к кочевому быту элиты кочевого общества.

В разграбленном погребении раннеболгарского курганного могильника Брусяны III (курган 1, погребение 1) был обна-

ружен близкий по форме предмет – железный стержень квадратного сечения, базирующийся на пятиугольной пластине с тремя лапками (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 137, рис. 36, 3). Стержень завершается заостренным штырем, в верхней части которого установлена неглубокая круглая чашечка. Под чашечкой и в средней части вертикального стержня, находятся сформованные ковкой небольшие рельефные пояски. Параллельные, но тройные пояски, присутствуют на некоторых деталях «канделябра» из Сенгилеевского клада. Характерно, что в этом же погребении была обнаружена игральная кость, аналогичная игральным костям из Сенгилеевского клада (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 137, рис. 36, 4).

Поиск аналогий сенгилеевскому подсвечнику показал, что нечто подобное было обнаружено на территории Республики Башкортостан (Гарустович, 2014). При этом, конструктивно, башкирский «канделябр», отличается от светильника из Сенгилеевского клада. Г. Н. Гарустович рассматривает его как атрибут языческого культа. Мы также не исключаем возможности использования сенгилеевских разборных предметов в качестве атрибутов для отправления языческих культовых обрядов. Исследователями высказано предположение, что железные составные светильники-жертвенники использовались кочевниками Хазарского каната в ритуалах, возникших под влиянием традиций зороастризма (Ильюков, 2017).

Котловые очажные цепи. В быту как кочевого, так и оседлого средневекового населения Урало-Поволжья необходимыми предметами являлись очажные приспособления для регулирования температуры нагрева воды в котлах. Для подвешивания сосудов над определенным уровнем пламени очага применялись специальные очажные цепи. В этом отношении интересны находки железных цепей разных размеров в составе клада (рис. 6: 1, 2). Одна из них (рис. 6: 2) типична для материальной культуры многих средневековых культур, в том числе волжских булгар. Аналогии второй, более массивной цепи (рис. 6: 1), можно обнаружить на Северном Кавказе – в археологических и этнографических материалах алан и осетин. В археологических материалах Среднего Поволжья такие массивные очажные цепи нам не известны. Надочажные цепи у алан, а в дальнейшем у осетин, служили для подвешивания котла над очагом и являлись священными оберегами домашнего очага. У осетин лопаточка на конце очажной цепи заканчивалась крюком, за который подвешивался котел. На цепи из Сенгилеевского клада лопаточка с рукояткой тройного дротового плетения выпрямлена. Вероятно, в комплект этой цепи могли входить массивное железное кольцо диаметром 150 мм с прикрепленным к нему крупным замком типа Е (по Б. А. Колчину), однако без пружинного узла (рис. 6: 3, 3а).

Воронка. Среди предметов бытового назначения в составе Сенгилеевского клада также присутствуют конусовидная трубка из тонкого листового железа и железная полусфера (рис. 5: 4, 5). При этом в нижней части полусферы имеется рваное отверстие, к которому могла примыкать конусовидная трубка. В результате из этих двух деталей могла быть составлена воронка, применявшаяся для заполнения жидкостью (водой) кожаных бурдюков. От таких кожаных бурдюков в материальной культуре ранних болгар Среднего Поволжья сохранились только роговые мундштуки для слива жидкости, зафиксированные в погребениях Осиновского III и Шиловского курганных могильников (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 145, рис. 40, 8, 9).

Скотобойные кинжалы. Для кочевых народов, основным продуктом питания которых являлось мясо домашних животных, актуальным вопросом являлась необходимость забоя скота. В составе предметов клада имеются два орудия колющего действия специфической формы (рис. 3).

Общая длина целого кинжала составляет 370 мм, длина лезвия – 280 мм (рис. 3: 1). Длина второго, фрагментарно сохранившегося кинжала, составляет 222 мм. Лезвия обоих кинжалов в сечении клиновидные. Рукоятки кинжалов квадратного сечения завершаются плоскими кольцами.

Кресало в составе клада сохранилось фрагментарно (рис. 6: 8).

Торговый инструментарий представлен сильно коррозированной железной гирькой кубической формы. Вес гирьки – 22,4 г, высота граней – 15–16 мм. В археологических материалах периода Волжской Булгарии железные гирьки кубической или приближенной к кубической форме составляют самую многочисленную группу. На территории Волжской Булгарии они появились не позд-

нее середины X в. Однако начало массового использования железных гирек относится к концу X – первой половине XI вв. (Валеев, 1995, с. 84).

Изделия из кости и рога. Исключительно интересно присутствие в составе клада комплекта шашек (рис. 10: 1–11). Сохранилось 11 шашек. Они имеют следующие размеры: диаметр – 25–26 мм, высота – 9–11 мм. Шашки выточены на токарном станке – с обеих сторон имеется рельефная резьба виде концентрических кругов. Близкие по форме костяные шашки известны на территории Волжской Булгарии (Закирова, 1988, с. 233). Шашки, вероятно, использовались в одной из популярных средневековых настольных игр – «мельница» (алькерк, киркат, дызым) или нарды. В комплект клада также входят два костяных игральных кубика (рис. 10: 12, 13). Каждая из шести граней пронумерована от одного до шести круглыми точками диаметром 4 мм, выполненными с помощью циркуля. В заполнении отдельных точек сохранились остатки красящего вещества красного цвета. Ближайшая аналогия кубикам встречена в раннеболгарском курганном могильнике Брусяны III на Самарской Луке (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 137, рис. 36, 4). Обращает на себя внимание тот факт, что в состав клада входит фрагмент рога лося со следами обработки – обточки и пиления. Не исключено, что описываемые шашки были изготовлены самим мастером – владельцем клада.

В заключение подведем итоги – перед нами уникальный клад артефактов эпохи раннего средневековья, который предварительно можно датировать в пределах IX–X вв. Отметим, что целый ряд предметов клада мы пока вынуждены рассматривать как предметы неопределенного назначения.

Для более полной интерпретации Сенгилеевского клада необходимо рассмотреть его в контексте этнокультурной ситуации, сложившейся в раннем средневековье на территории Среднего Поволжья. В V–VII вв. в Среднем Поволжье проживали племена оседло-земледельческой именьковской культуры. В конце VII–VIII вв. в регионе появились группы раннеболгарских кочевников, что привело к уходу именьковского населения, предположительно, в западном направлении.

Период VIII–IX вв. большинством исследователей рассматривается как время постепенного перехода раннеболгарского населения от кочевания к оседлости (Матвеева, Семыкин, 2007). В это время на территорию Среднего Поволжья переселяются отдельные группы прикамских и приуральских угров и финнов. Эти процессы заложили основы формирования смешанного этно-культурного состава населения Волжской Булгарии. Что же касается именьковского населения региона, по мнению Г. И. Матвеевой и Ю. А. Семыкина, некоторая часть именьковцев осталась в Среднем Поволжье и вступила в контакты с ранними болгарами (Матвеева, Семыкин, 2008, с. 190).

Судя по материалам Сенгилеевского клада в состав населения региона в раннеболгарский период стали включаться и группы аланских кочевников. По крайней мере, отдельные предметы клада могли принадлежать представителям социальной верхушки аланского населения.

Важен вопрос принадлежности клада. Мы полагаем, что владельцем, либо временным распорядителем этого клада, был мастер-универсал широкого производственного профиля, который занимался изготовлением и ремонтом различных предметов бытового, хозяйственного и социально-статусного назначения. В сферу его производственной деятельности, судя по набору в составе клада различного инструментария, входили кузнечные, слесарные, деревообделочные, токарно-костерезные и ювелирные производства. Судя по всему, мастер не испытывал дефицита в кузнечном сырье – железе. Вполне возможно, что этот мастер, обладавший высочайшей квалификацией во многих производствах, был изготовителем ряда предметов клада. Отдельные из этих предметов были изготовлены с применением уникальных технологических операций, вызывающих вопросы у современных специалистов и свидетельствующих о том, что наши представления об уровне развития техники в эпоху средневековья еще далеко не полны.

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е.А., Новичихин А.М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы // КСИА. Вып. 216. / Гл. ред. В.В. Седов. М.: Наука. 2004. С. 59–71.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: СамВен, 1998. 286 с., ил.

Валеев Р.М. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань: Фест, 1995. 159 с.

Гарустович Г.Н. Культовый канделябр с территории Башкортостана: светильник или жезл? // Вестник академии наук РБ. 2014. Том 19. № 1. С. 56–62.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов М.: Наука, 1988. С. 220–243.

Ильюков Л.С. Назаровский комплекс из Нижнего Подонья: к вопросу о зороастризме у хазар // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 4. С. 28–39.

Матвеева Г.И., Семыкин Ю.А. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 127–131.

Матвеева Г.И., Семыкин Ю.А. Новослободское городище – центр седентеризации раннесредневековых кочевников на территории Ульяновского Поволжья // Материалы четвертой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2008. С. 188–197.

Информация об авторах:

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; ведущий специалист АНО "Центр стратегических исследований Ульяновской области (г. Ульяновск, Россия); semiku@mail.ru

Гисматулин Марат Рашитович, старший научный сотрудник, Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия); gismatu@yandex.ru

Крылов Юрий Владимирович, хранитель фондов, Сенгилеевский районный историко-краеведческий музей им. А. И. Солуянова (г. Сенгилей, Россия); crilov.iu@yandex.ru

Борисов Алексей Евгеньевич, специалист АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области» (г. Ульяновск, Россия); al-u-kard@yandex.ru

HOARD OF EARLY MEDIEVAL ARTIFACTS FROM THE SENGILEYEVSKY DISTRICT OF ULYANOVSK OBLAST

Yu.A. Semykin, M.R. Gismatulin, Yu.V. Krylov, A.E. Borisov

The article contains a description of a unique hoard in terms of its composition discovered in the territory of the Sengileyevsky District of Ulyanovsk Oblast in 2017. The hoard contains blacksmithing, metalworking and jewelry tools. Of particular interest are fragments of the horse harness and household items contained in the hoard. The owner of the hoard could have been a highly skilled craftsman. The authors initially established the dating of the materials as the 9th - 10th centuries.

Keywords: Middle Volga region, Early Middle Ages, hoard, craft, jewelry.

About the Authors:

Semykin Yuriy A. Candidate of Historical Sciences, docent. Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov. V.I. Lenin 100th Anniversary Square, 4, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation; Center for Strategic Studies of Ulyanovsk Oblast, Ulyanovsk, 432071, Radishchev Str., 116 A, Russian Fedeartion; semiku@mail.ru

Gismatulin Marat R. Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore named after I.A. Goncharov. Novy Venets Bd., 3/4, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; gismatu@yandex.ru

Krylov Yuri V. Sengiley District Local History Museum named after A.I. Soluyanov, Sengiley, 433380, Lenin Str., 22, Russian Federation; crilov.iu@yandex.ru

Borisov Aleksey E. Center for Strategic Studies of Ulyanovsk Oblast, Ulyanovsk, 432071, Radishchev Str., 116 A, Russian Fedeartion; al-u-kard@yandex.ru

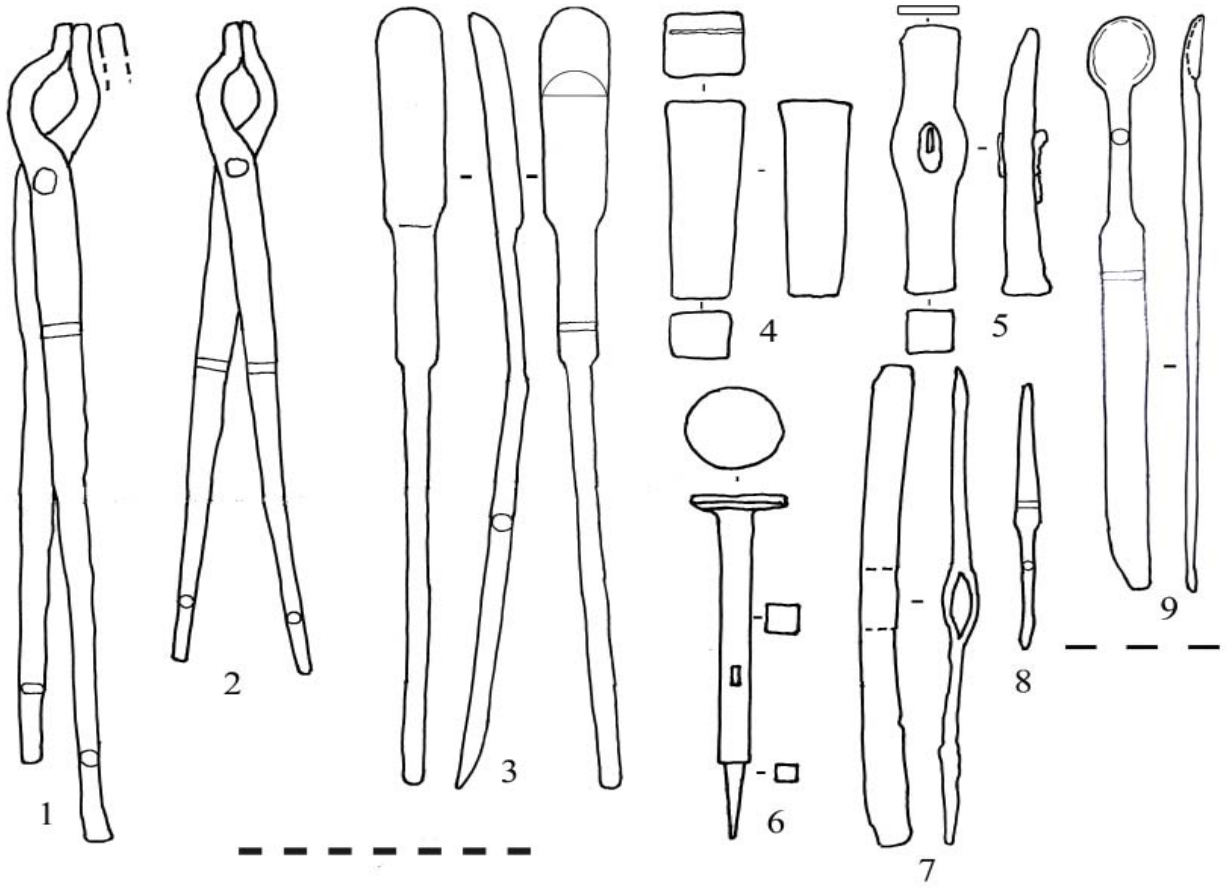


Рис. 1. Кузнечный и слесарный инструментарий из Сенгилеевского клада.
1, 2 – кузнечные клещи, 3, 9 – инструменты для позолоты, 4 – наковаленка, 5 – молоток, 6 – пробойник, 7 – секач, 8 – чертилка.

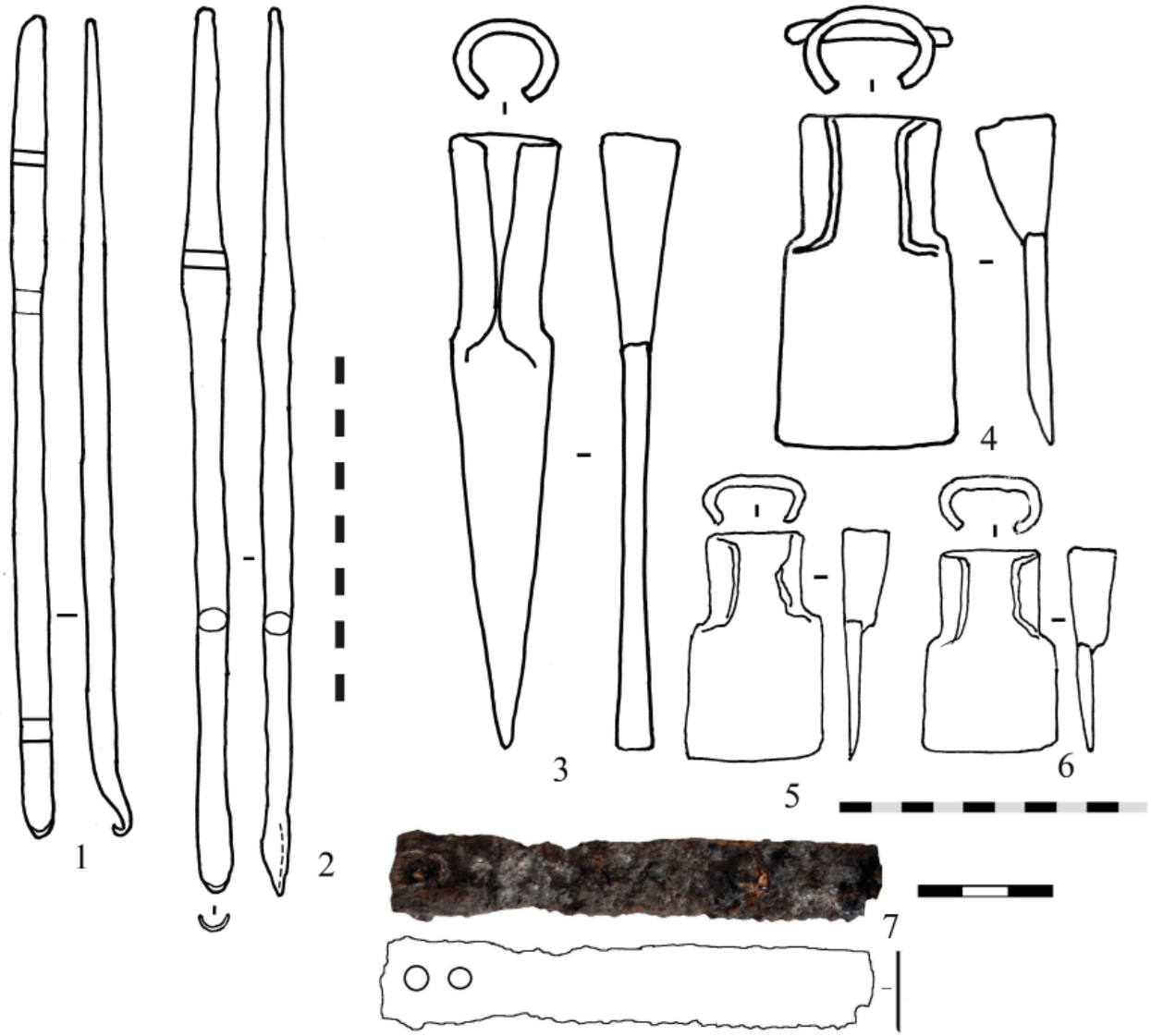


Рис. 2. Деревообделочные инструменты из Сенгилеевского клада.
1 – токарный резец, 2 – перовидное сверло по дереву, 3 – долото, 4–6 – тесла-мотыжки, 7 – фрагмент пилы.

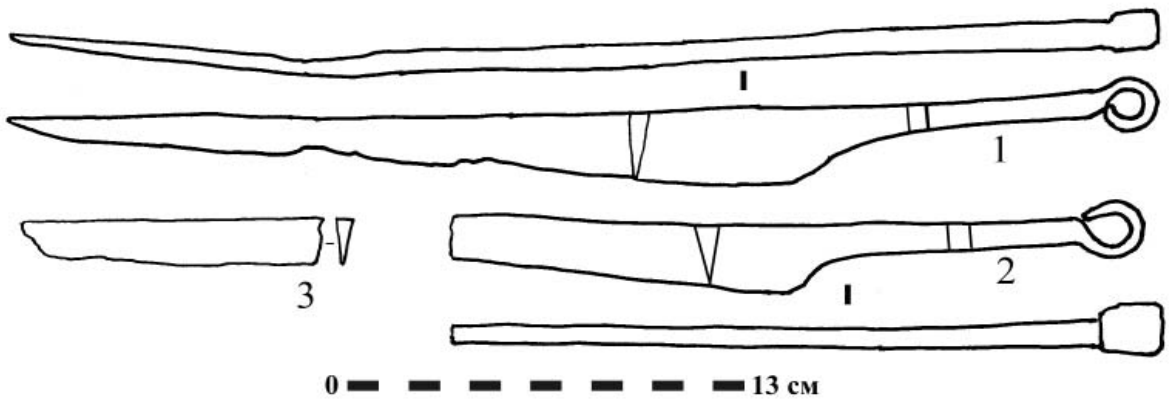


Рис. 3. Кинжалы и фрагмент ножа из Сенгилеевского клада.

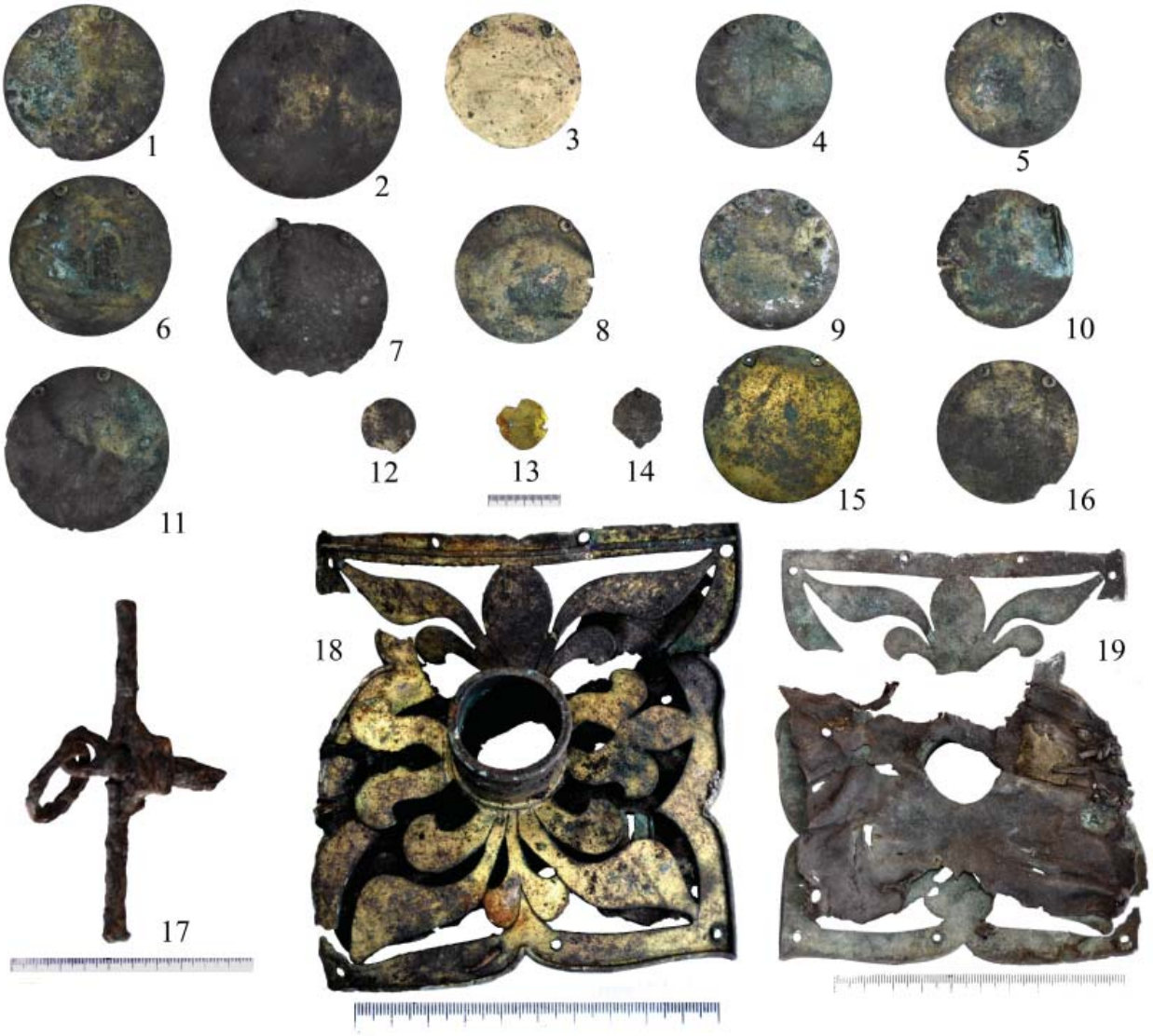


Рис. 4. Украшения коня и конская упряжь из Сенгилеевского клада.
1–16 – позолоченные сбруйные бляхи, 17 – фрагмент конского удила, 18–19 – начельник (18 – внешняя поверхность, 19 – обратная сторона начельника).

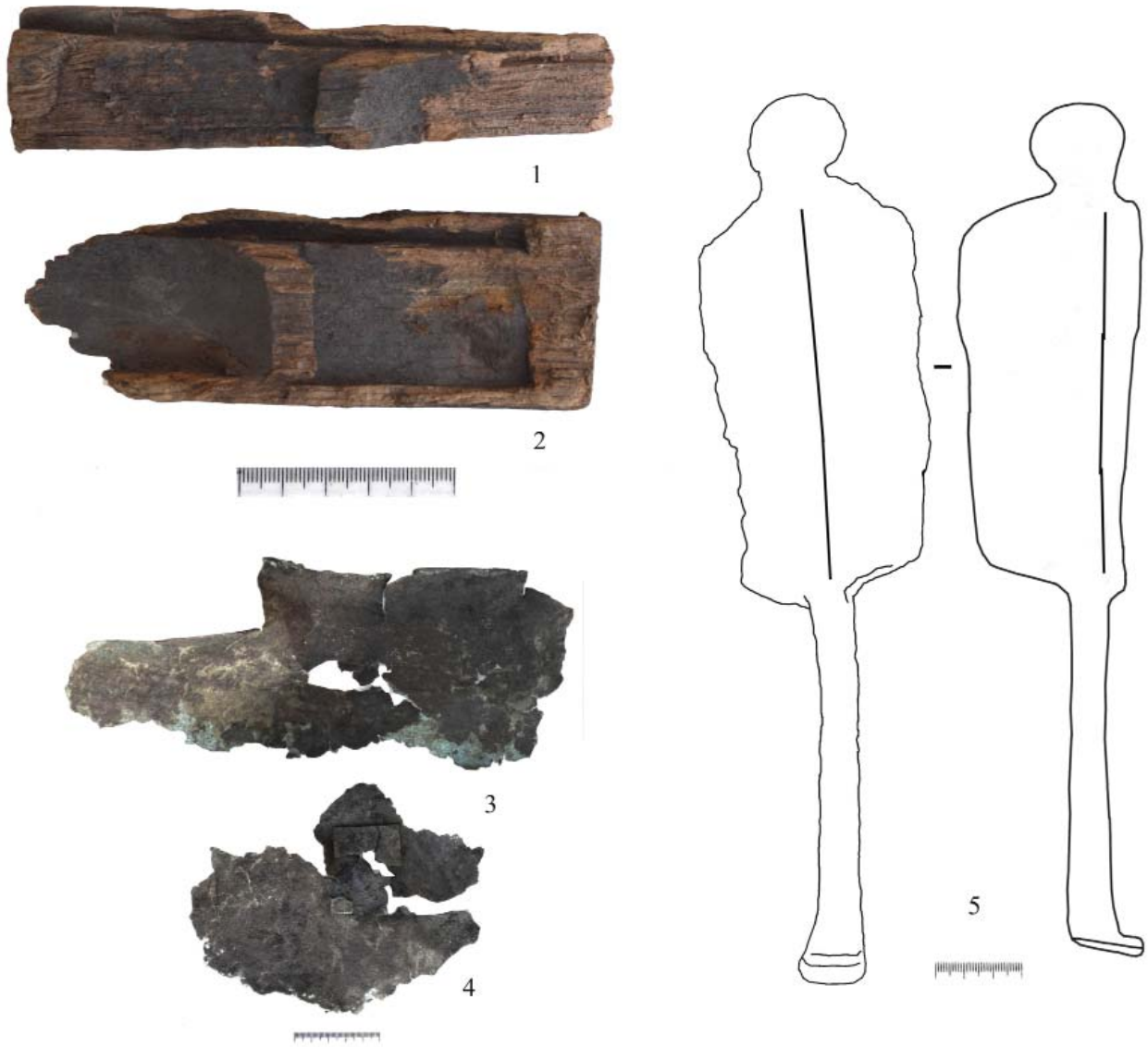


Рис. 5. Детали ларца.
1, 2 – фрагменты деревянных стенок ларца, 3, 4 – фрагменты листовой медной оковки ларца, 5 – железная угловая стойка ларца.

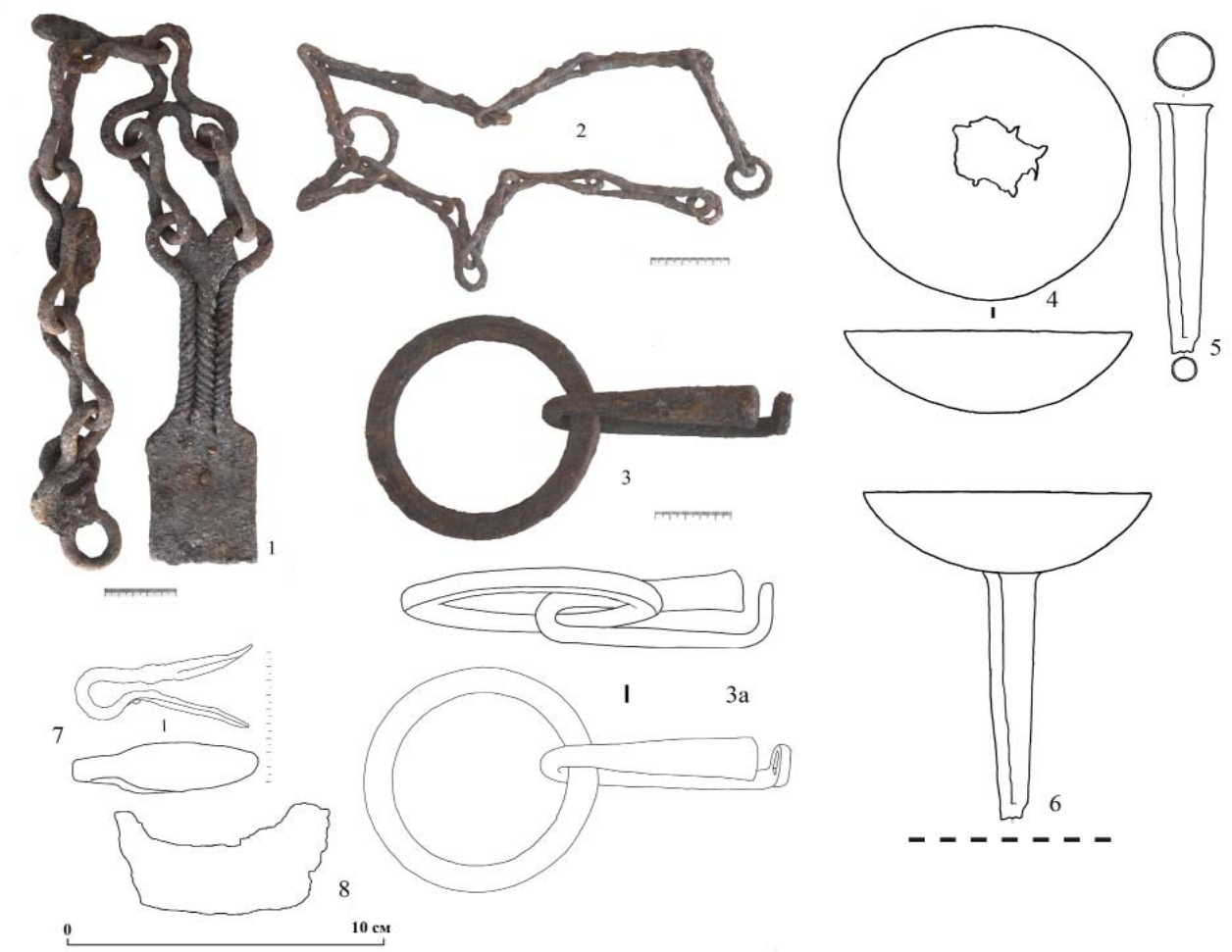


Рис. 6. Бытовой инвентарь из Сенгилеевского клада.
1, 2 – котловые цепи, 3, 3а кольцо с замком, 4–5 – фрагменты воронки, 6 – графическая реконструкция воронки, 7 – железная петля, 8 – кресало.

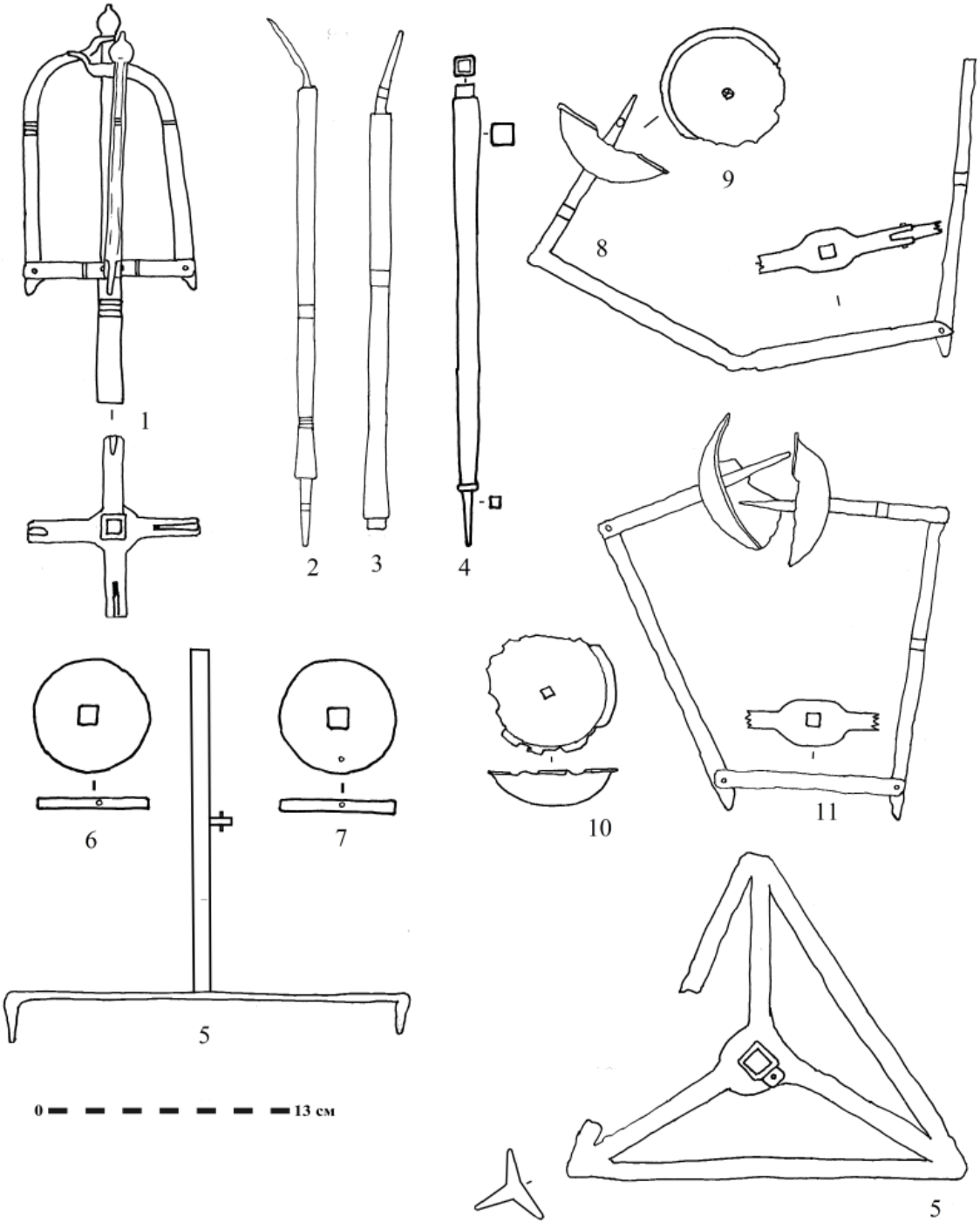


Рис. 7. Детали подставки для сосуда и подсвечника из Сенгилеевского клада.

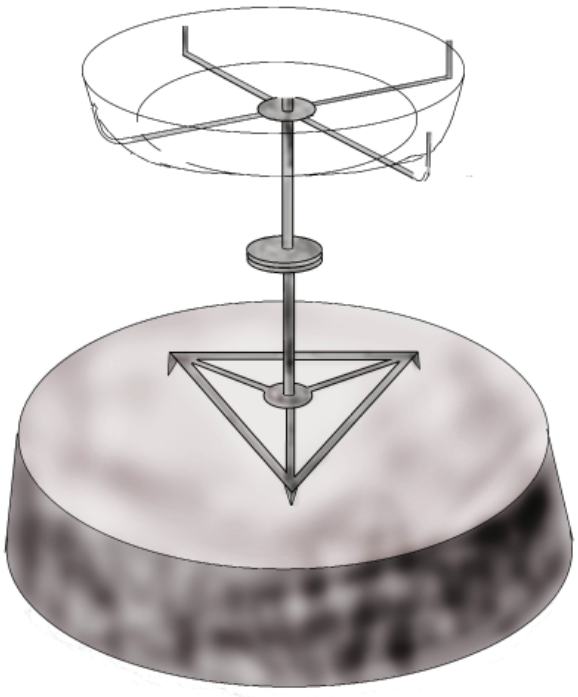


Рис. 7а. Подставка сосуда для омовений из Сенгилеевского клада. Реконструкция Ю. А. Семыкина.

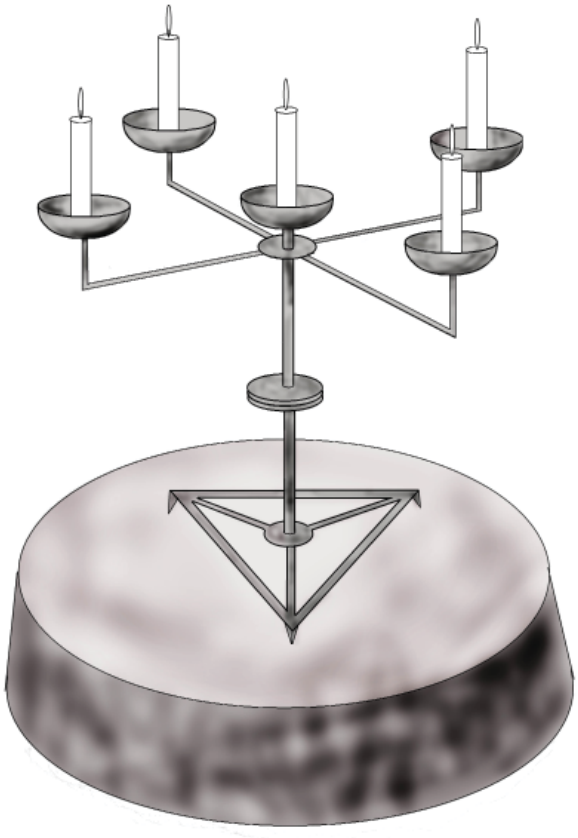


Рис. 7б. Подсвечник – «канделябр» из Сенгилеевского клада. Реконструкция Ю. А. Семыкина.

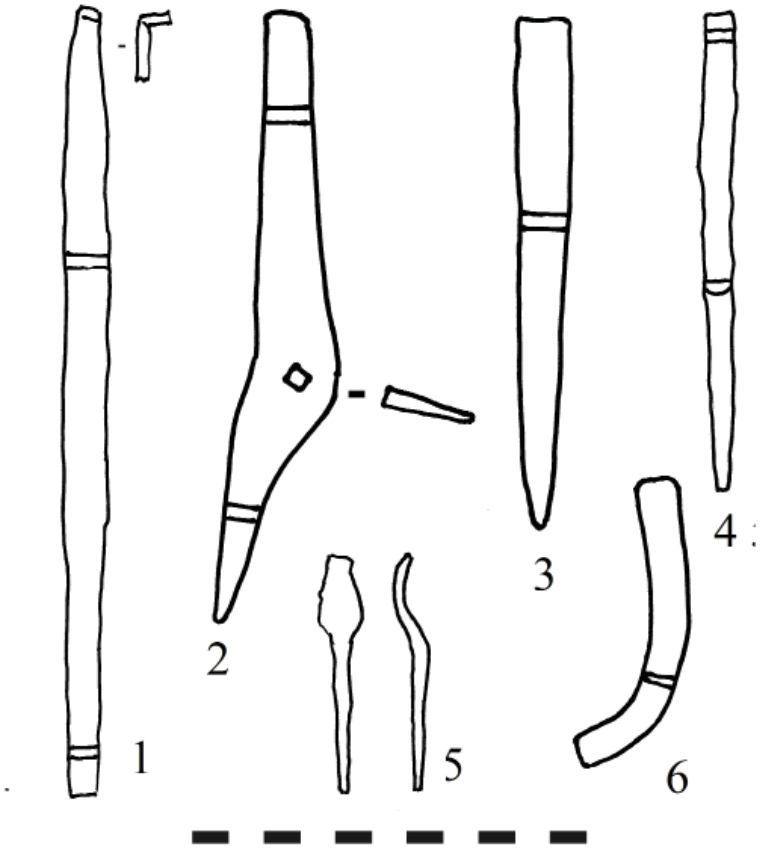


Рис. 8. Изделия из железа из Сенгилеевского клада.

Рис. 9. Металлический флакон для химических веществ.

Рис. 10. Набор игральных шашек и костей из Сенгилеевского клада.

УДК 902 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00082

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БУЛГАРСКИХ ЖИЛИЩАХ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА В ТАТАРСТАНЕ)

© 2019 г. К.А. Руденко

Статья посвящена публикации новых материалов Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан. Селище датируется XI–XII веками и существовало в период расцвета государства Волжская Болгария. В 2017 году при осмотре береговой части этого поселения в обрыве была обнаружена начавшаяся разрушаться постройка. При раскопках ее были выявлены интересные элементы ее конструкции в том числе и из дерева, а также обнаружены разнообразные находки из железа, цветного металла, камня и глины. Среди них – железные наконечники стрел, украшения из бронзы, кусочки серебра, костяной гребень, железные накладки. Кроме того, были найдены железные гвозди, скобы, ключи от замков и другие бытовые предметы. Удалось реконструировать несколько глиняных сосудов в числе которых – горшки и кружка. Автор тщательно проанализировал фрагменты керамики из каждого слоя на раскопе и в постройке. Он учитывал характер фрагментов, их размер, цвет и качество изготовления, а также концентрацию их на каждом участке раскопа и уровне культурного слоя. Это позволило ему выявить изменение ассортимента посуды на разных этапах формирования культурного слоя и связать их с хронологией поселения в целом. На этой основе он установил, что постройка была разрушена в конце XI – начале XII в. когда на поселение было совершено вооруженное нападение.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, булгары, средневековое жилище, Остолоповское селище, датировка.

В творчестве Е. П. Казакова особое место занимает тематика средневекового булгарского села (Руденко, 2004, с. 91-114). Настоящим прорывом в этой проблеме была монография ученого, посвященная селищам низовий Камы X - начала XIII в. вышедшая в 1991 г. (Казаков, 1991). Фундамент, который был заложен ученым в своих трудах по этой теме, позволяет развивать это научное направление в булгаристике на материалах вновь исследованных памятников этой эпохи. Среди них выделяется Остолоповское селище в Алексеевском районе Татарстана, открытое в 1960 г. Т.А. Хлебниковой. В 1969 г. она провела на нем небольшие раскопки (Хлебникова, 1969; 1971, с. 59-63). В 1970-80-е гг. памятник неоднократно обследовался разведками Е.П. Казаковым и Е.А. Беговатовым. Часть материала из этих обследований опубликована (Казаков, 1997, с. 66, 75, рис.7-2,3,6-8). Т.А. Хлебникова подробно опубликовала керамический материал из раскопок, включив его в свою монографию по керамике Волжской Булгарии (Хлебникова, 1984). Стационарные исследования селища были продолжены К. А. Руденко в 1997 г. (Руденко, 2012, с. 123-145).

Селище расположено на останце надлуговой террасы р. Шенталки левого притока Камы в 2,5 км от с. Речное (Археологические, 1988, с. 47, №295). От высокого коренного берега останец отделен глубокой ложбиной[1], что определяет естественную границу поселения с юга. С остальных сторон территория его ограничена старицей Шенталки и поймой Камы, в настоящее время затопленных Куйбышевским водохранилищем[2] (рис. 1). На мысу останца располагалась стоянка эпохи бронзы к концу 1980-х гг. полностью размытая. Площадь селища в настоящее время около 35 000 м^2, что в 4 раза меньше по сравнению с 1960 г.[3]

[1] Скорее всего, заплывшее старое русло Шенталки или рукав т.н. «Старой Камы» - длинной и глубокой протоки сохранившейся и по сей день.

[2] К сожалению, значительная часть селища со стороны Камы оказалась к началу стационарных исследований размытой. По этой причине невозможно установить планировку разрушенной части поселения, хотя с учетом расположения усадебных построек на сохранившей части, можно предполагать уличную застройку, при которой небольшие усадьбы располагались вдоль берега со стороны Камы.

[3] Т.А. Хлебникова писала, что селище имеет

Поселение имело продолжение к юго-западу по краю высокого коренного берега, Размер его сохранившейся части, судя по подъемному материалу на пашне - 100×50-60 м. в направлении запад-восток[4]. Отметим, что культурный слой здесь незначителен, а местами и вовсе отсутствует. В обрыве берега следов его не зафиксировано, однако за 20 лет наблюдений было зафиксировано только несколько хозяйственных ям цилиндрической формы достаточно крупных размеров - от 1,5 до 2,5 в диаметре и глубиной от поверхности до 2 м. При этом в их заполнении не было отмечено ни золы, ни углей, ни костей животных, обычных для такого рода объектов. Ямы располагались в значительном удалении друг от друга и не были связаны между собой. В подъемном материале на отмели ни разу не были встречены изделия из бронзы и железа, что не позволило синхронизировать I и II селища по датирующим находкам. При этом, керамика на отмели в очень небольшом количестве встречалась, и, как правило небольшими скоплениями[5]. Если в конце 1990-х гг. в подъемном материале встречались достаточно крупные фрагменты сосудов, то в последнее десятилетие находки представлены только мелкими керамическими фрагментами. Керамика с этого поселения по своим формам и составу теста отличается от керамики с I селища (рис.2). Причину этого пока объяснить не удалось.

Наиболее полно исследовано I селище. По данным раскопок удалось установить время существования сохранившейся части поселения, которое укладывается в промежуток XI – XII вв., определить динамику его развития, разработать стратиграфическую шкалу с достаточно узко датированными слоями (Руденко, 2017, с. 296-319). Среди изученных объектов на селище стоит отметить жилые сооружения, часть из которых отличалась хорошей сохранностью конструктивных элементов (Руденко, 2009, с. 309 — 352). Еще одна постройка была исследована в 2017 г. О ней пойдет речь в данной статье.

При осмотре западного побережья останца в 2017 г. в обрыве берега был зафиксирован котлован от частично разрушенного сооружения. Он был прямоугольной формы, причем в нижней части его были заметны остатки обугленного дерева (рис. 3-1). Крупные куски углей, а также большие камни со следами нагара лежали в осыпи земли под обрывом. Здесь на берегу были разбит раскоп, в который полностью вошли остатки этого объекта.

Раскопки показали, что культурный слой на уровне первого пласта был слабо насыщен находками, представленными фрагментами булгарской керамики, что составляет 24% от всех фрагментов с участков, причем 85% из них составляют мелкие фрагменты размером от 1 см^2 (в среднем - 1×1 см) и до 9см2 (3×3 см). Судя по фрагментам венчиков и донных частей сосудов, попали в культурный слой обломки не менее одного небольшого кувшина с диаметром горла 7 см, трех кухонных горшков, одной кружечки, двух корчаг и около пяти других сосудов форму которых определить сложно.

Второй пласт представлял собой мусорный сброс с усадьбы, функционировавшей позже, о чем свидетельствуют находки сломанных железных ножей, глиняного прясла, железной обоймы и наконечника стрелы, а также костяного гребня (рис. 4-1,3; 5-6). Отметим, что аналогичный наконечник, отнесенный нами к типу Б39а, был найден в 2000-х гг. в подъемном материале также на западном побережье, и близкий ему - в раскопе 1969 г. Т.А. Хлебниковой на восточном побережье (рис. 1) (Хлебникова, 1974, с. 59, рис.1; Руденко, 2003, с. 98,393,488, кат.№585, табл. XXXI-585). На этом же уровне встречены железные гвозди, скобы и звено дверной (?) цепи.

Керамический материал на этом уровне более многочисленен (диаграмма. 1), составляя 46% от общего числа фрагментов на участках, но при этом количество мелких

размер 500х300 м (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126). По данным съемки 2008 г. размер останца составлял 270х140 м. В настоящее время он сократился еще больше.

[4] Самый край террасы был засажен около 10 лет назад сосновыми саженцами для профилактики обрушения берега. В настоящее время это достаточно большая сосновая роща, выросшая вдоль обрыва начинающаяся у села Речное и заканчивающаяся на мысу, где располагается I Остолоповское селище. Та, часть селища, которая оказалась вне рощи, практически ежегодно распахивается и засевается хозяйственными сельхозкультурами, что, к сожалению, не давало возможности провести здесь археологические работы, кроме сбора подъемного материала. Значительная часть поселения размыта.

[5] Прибрежная территория в то время еще не распахивалось и подъемный материал здесь зафиксировать было невозможно.

фрагментов весьма представительно – 60%, что, собственно, и дает такую статистику. Формы посуды от которых фрагменты попали в культурный слой следующие: два кувшина средних размеров с диаметром горла до 8 см, один, более крупный, с налепными деталями у венчика; четыре кухонных горшка, четыре корчаги двух типов (для сыпучих припасов и для жидкостей), три маленьких кружечки с фигурным профилем и узким дном диаметром 5 см, а также части от двух лепных шамотных крышек с пестикообразными ручками. На этом уровне отложений культурного слоя увеличивается количество кухонных отходов – мелких дробленных костей домашних животных, употребленных в пищу.

В нижнем горизонте второго пласта у края котлована (четкие контуры которого проявились на следующей выборке) были обнаружены небольшие кусочки серебра (рис. 5-1,2).

Третий пласт выборки культурного слоя приходится на верхнюю часть заполнения котлована сооружения и, по сути, тоже представляет собой мусорный сброс, а также попавшие сюда предметы из самой постройки и прилегающих к ней других сооружений после разрушения. Среди индивидуальных находок стоит отметить железные накладки (рис.5-4,5) - реплики аскизских изделий, - датированные XII в. (Руденко, 2001), как и фрагменты медной посуды, что позволяет установить время «мусорного» заполнения котлована бывшей постройки. Керамический материал количественно уступает находкам с предыдущих пластов – 30%, однако 65% находок составляют фрагменты более крупных размеров – от 9 см2 (3×3 см) и до 25 см2 (5×5 см). По составу керамики очевидно преобладание столовой посуды – небольших кружечек с высоким горлом (2 экз.), чашечек с ручкой (2 экз.), плошек (1 экз.); помимо этого встречены обломки детского горшка - тувака (1 экз.). В составе керамического лома зафиксированы фрагменты кухонных горшков с диаметром горла от 13 до 15 см и емкостью до 2-2,5 л.; а также части от трех корчаг, в основном для хранения сыпучих продуктов.

Интересно, что удельный вес основных категорий находок в культурном слое до выборки объекта весьма различается (диаграмма.2). Меньше всего представлены кухонные остатки[6]. Большая часть из них - мелкие, расколотые кости животных не пригодные для диагностики. Много камней, в основном мелких и средних размеров; причем они попали в котлован не как забутовка мусорной ямы, а вместе с бытовым мусором, в частности, битой посудой.

На уровне третьего пласта на фоне материкового суглинка проявились контуры котлована сооружения, вытянутого в направлении СВ-ЮЗ. В верхней части его заполнения – рыхлом сером пестроцвете[7] найдены фрагменты керамики как круговой, так и лепной, а также изделия из кости, железа и цветных металлов, в том числе железный наконечник стрелы[8] (рис. 5-7), ключ от навесного замка (рис. 5-8), игла швейная, бронзовое височное кольцо[9] (рис. 5-10) и медная пластинка. За исключением наконечника стрелы, все остальные артефакты попали в котлован вместе с мусором. Керамика из верхней части котлована (29% от всей керамики из заполнения сооружения) менее разнообразна. Это фрагменты небольшого кувшина с диаметром горла 6,5 см, одного кухонного горшка, правда довольно крупного - с диаметром горла в 14 см, а также одной или двух корчаг средних размеров (до 5 л) для сыпучих тел.

На второй выборке заполнения было зафиксировано большое количество углей и золистых пятен, а также участков прокаленной глины и плотных суглинистых пятен. Цвет заполнения стал более темным, очевидно от насыщенности его углем и кусочками горелого дерева, что позволило предполагать причину гибели постройки в результате пожара. Это подтвердилось обнаружением под обожженными досками на дне котлована нескольких развалов керамических сосудов,

[6] Из культурного слоя было получено 3530 находок. Из них - 1501 фрагмент керамики, 558 костей животных и 1466 камней, а также 15 других - куски обмазки, голыши, один керамический шлак, глиняная обмазка, обломки створок речных раковин.

[7] Заполнение восточной части, у стенки котлована, перерыто норами животных.

[8] Он найден на уровне контуров на глубине – 53 см от «0» раскопа в прослойке плотного серого суглинистого пестроцвета, шириной 10-20 см, зафиксированной у стенки котлована по всему периметру сохранившейся части постройки.

[9] Кольцо находилось в пятне рыхлой охристой супеси, насыщенном кухонными остатками – костями животных, золой и т.п. Скорее всего это случайно потерянная вещь, оказавшаяся в сбросовой яме вместе с остатками еды и мусором.

что исключило версию только о вторичном «мусорном» заполнении нижней части этой постройки. Впрочем, в центральной части котлована преобладала светло серая очень рыхлая супесь с многочисленными золистыми линзами, встречались кухонные остатки – мелкие расколотые кости животных и фрагменты керамики. Причем среди последних довольно крупные фрагменты – 57% размером от 9 до 16 см^2. Состав посуды практически идентичен: два маленьких кувшина, небольшой кухонный горшок с диаметром горла 11 см, и фрагменты от двух корчаг для сыпучих тел[10].

В нижней части второй выборки и, особенно, на третьей выборке в восточной части котлована стали проявляться следы сгоревших конструкций постройки: линзы ярко-оранжевой рыхлой супеси, прокаленные участки, крупные и мелкие угли в сером пестроцветном заполнении южной части котлована. В последнем были найдены бронзовые пронизка (рис.5-3) и бронзовое изделие, вероятно, накладка. Керамика на этом уровне выборки представлена небольшим кувшинчиком (диаметр горловины 8 см) и развалом верхней части корчаги с характерным венчиком диаметром 21 см с наплывом снаружи и емкостью 5-6 л. Использовались корчаги этого типа, скорее всего, для сыпучих продуктов. Эти артефакты с определенной долей вероятности можно отнести ко времени сразу после прекращения функционирования постройки.

Еще больше следов от деревянных конструкций было зафиксировано на следующей, четвертой выборке. Это, занимавшие большую часть центра котлована, пятна охристо-коричневого рыхлого пестроцвета и оранжево-охристой рыхлой супеси, оконтуренные полосой пестроцвета бурого цвета и остатками сгоревших слег и фрагментов рассыпавшихся обугленных досок (?). Не исключено, что это остатки рухнувшей кровли[11] и каких-то внутренних элементов конструкции постройки. Из керамических находок удалось диагностировать фрагменты двух кувшинов по размеру близких тем, что были выявлены на предыдущих выборках; части двух кухонных горшков небольшого объема – до 2 л., обломки одной кружечки и фрагмент стенки, вероятно трипода.

Пятая выборка дала материал характеризующий период функционирования сооружения. Это один кувшин с диаметром горла 7 см, два небольших кухонных горшка с венчиком диаметром 11-12 см, обломки от двух шамотных крышек и часть пестикообразной ручки от таких крышек. На этой, последней выборке, у южной стенки были выявлены остатки вертикальных столбиков диаметром около 8 см, расположенных на одной линии с разным интервалом – от 30 до 80 см. на расстоянии 30-40 см от земляной стенки котлована. Ближе к стенке обнаружены остатки толстой доски шириной 12 см и длиной 160 см, видимо от этой части интерьера.

Описанную выше историю заполнения котлована можно дополнить данными статистики находок (диаграмма.3). Очевидно, что количество материала резко сокращается на пятой выборке заполнения котлована сооружения, то есть практически у дна. А количество кухонных остатков уменьшается после второй выборки.

В заполнении были найдены обломки железных гвоздей и скоб, на самом дне - два развала небольших глиняных горшков (рис. 6) и чуть выше – кружки (рис. 7).

Размеры сооружения, а также камни от печи, зафиксированные под обрывом дали основание считать, что это остатки жилой постройки, а аналогичной тем, что были ранее изучены на селище.

Жилище сохранилось не полностью (рис. 3-2). Северо-западная его часть, где находилась печь, рухнувшая под обрыв и оставшаяся там в виде груды камней разного размера, оказалась разрушена. Полностью сохранилась центральная и южная части постройки, северная же часть, где располагался ступенчатый спуск в жилище - только частично. Жилище представляло собой срубное наземное сооружение с заглубленным на 120 см в материк котлованом почти квадратным в плане (≈3,6×4 м). Стенки котлована вертикальные. Ступенчатый спуск располагался в северной части сооружения. Печь находилась справа от входа. Аналогичное расположение входа и отопительного устройства было и в других жилых постройках на западном побережье Остолоповского селища.

В центре котлована находилась круглая яма диаметром 140 см со ступенькой длиной

[10] Не исключено, что фрагменты от одной из них могут относиться к корчаге найденной на первой выборке.

[11] Ямы для опорных столбов крыши были обнаружены на следующей выборке.

80 и шириной 70 см для спуска в нее (рис.3-3). Неглубокая яма прямоугольной формы (≈80×60 см) находилась в Ю-З части котлована. Последняя была перекрыта обгоревшими досками шириной от 20 и до 40 см; длина их в среднем 110 см при толщине в 2-2,5 см. (рис.3-2,4).

В С-В и Ю-В углах котлована были вырыты столбовые ямы диаметром 25 см и глубиной 15-20 см (от уровня земляного пола); дно у них чашевидное. Такого же размера и глубины ямы располагались в Ю и Ю-Ю-З части постройки. Еще одна столбовая яма была вырыта прямо на ступеньке в северной половине дома. Вдоль южной и восточной стенок на расстоянии 10 см от них были зафиксированы небольшие круглые ямки диаметром 7-8 см, и глубиной около 15 см; дно у них было в виде воронки. Расстояние между ямками составляло 20 см (рис. 3-3). Такие же ямки окружали Ю-В угловую столбовую яму. Это были забитые в глину опорные столбики для плетеной из тонких прутьев конструкции, которая служила для изоляции помещения от сырости земляных стенок. Сохранились остатки этого «плетня» у опорного углового столба на высоту около 15 см. С левой стороны от входа расчищены остатки поставленной на ребро деревянной плахи шириной около 7 см длиной 65-70 см. Южнее были выявлены следы сгоревшей деревянной конструкции основу которой составляли также вбитые в землю деревянные колышки.

Датировка постройки основывается на комплексе находок из заполнения котлована и культурного слоя, а также из стратиграфии раскопа. Дневной уровень объекта приходится на третий слой по стратиграфической шкале селища, который датируется XI – первой половиной XII в. (Руденко, 2017, с. 301-304). Поскольку в постройке не было обнаружено узко датирующих предметов, которые помогли бы уточнить время возникновения и функционирования ее, то для этого следует обратиться к анализу артефактов из заполнения котлована и из перекрывающих его отложения.

Как уже было показано выше, формирование заполнения ямы 1 на уровнях 4 и 5 выборки происходило если не синхронно, то в небольшой промежуток времени, о чем свидетельствует наличие фрагментов от одних и тех же сосудов в обеих из них. На 4 и 5 выборках встречены фрагменты, в основном, столовой и реже кухонной посуды: кувшины, горшки, кружечки с декоративным оформлением. Фрагменты тарной посуды единичны и, скорее всего происходят из вышележащих отложений. Это же можно сказать и о обломках крупных шамотных крышек с пестикообразными ручками. Можно предположить, что между заполнением котлована на уровне 2 выборки и вышележащими слоями произошел определенного рода хронологический разрыв, во время которого сброс мусора не осуществлялся, а котлован постепенно осыпался, заполняясь естественным образом за счет оплыва стенок и разрушения обугленных конструкций.

Третья выборка дает новый комплект артефактов, которые практически не встречаются глубже, за исключением тех фрагментов, которые, в силу особенностей субстанции, в которой они находились, «опустились» ниже.

Анализ параметров керамических находок из культурного слоя, перекрывающего заполнение ямы, показал следующее (табл.1). Верхние отложения содержат очень измельченный керамический материал: экземпляры чуть больше 9 см^2 составляют 85% от общего числа фрагментов круговой керамики, содержащихся в пласте. Во время выборки второго пласта их количество по отношению к общему числу фрагментов с этого уровня составило 64%. И на третьей выборке число мелких фрагментов весьма велико: 62%. Причем на первом пласте значительная доля среди них - очень мелких фрагментов 1 и 4 см^2 составлявших 46-68% от всего числа малых фрагментов[12]. Это подтверждает то, что этот мусорный сброс формировался спонтанно по мере проведения уборок в доме, на кухне и во дворе

[12] Такая измельченность не может быть естественной - разбиться естественным путем на поверхности земли до такого состояния даже сосуд плохого обжига просто не в состоянии. Предполагать специальное дробление фрагментов керамики для каких-то целей нет оснований. Однако такие мелкие осколки получаются если они находились в том месте, по которому часто ходили люди и животные и это результат таких действий. То есть мелкое дробление фрагментов разбитой посуды является закономерным процессом в месте постоянного проживания функционирующего поселения. Также фрагменты керамики фрагментируются при регулярной распашке культурного слоя, но в данном случае это исключается, поскольку площадка поселения никогда не распахивалась.

новой[13] усадьбы откуда его выбрасывали в выгребную яму или в старые котлованы заброшенных или разрушенных сооружений, как в данном случае. По этой причине здесь практически не встречаются развалы сосудов, а части даже одного изделия имеют «старые» сколы и не соединяются в крупные фрагменты.

Однако в заполнении ямы такой картины уже нет: мелкие фрагменты (размер - 1 см^2) еще встречаются на первых двух выборках, составляя 2-5%, отчасти они попали сюда из верхних отложений, отчасти по другим причинам, и к последним выборкам исчезают. Это подтверждает тезис о разновременности заполнения котлована постройки и перекрывающих его отложений культурного слоя.

Также в культурном слое над ямой меняется и ряд распространенных типов столовой посуды, чаще всего выходившей из употребления и в утилизированном виде представлявших собой ТБО[14] жителей новостроек на восстановленном поселении[15]. Объяснить это можно, вероятно, сменой поставщика посуды для сельчан и тех мастеров, которые производили ее на самом поселении. Кроме того, если пятая и третья выборки заполнения из котлована постройки дают набор керамических обломков в большей части относящихся к нескольким сосудам что можно определить по совпадающим фрагментам или по характерным деталям принадлежности к одной форме, что предполагает более-менее единовременное или близкое по времени выпадение их в культурный слой, то вышележащие пласты являют достаточно эклектичную выборку фрагментов сложившуюся случайно и асинхронно.

Подводя итог сказанному, можно предполагать, что постройка была разрушена на рубеже XI - XII или в самом начале XII в., во время нападения на это поселение. Она обладает интересными конструктивными особенностями, отличающими ее от изученных здесь ранее других жилых построек, что придает ей своеобразие и уникальность.

В заключение отметим, что жилище описанное выше очень похоже на постройку изученную Т.А. Хлебниковой в 1969 г. на этом же селище только на восточном побережье (Хлебникова, 1969, с. 10-12, л.30). Она датировала его как и, в целом, материалы всего раскопа - X-XI вв., перенеся эту дату на все селище (Хлебникова, 1974, с. 60; она же 1984, с. 82). Причем, по ее мнению, поселение могло возникнуть на рубеже IX - X в., а керамический комплекс его является важным в датировании поселений возникших в начале X в. (Хлебникова, 1974, с. 60; Хлебникова, 1984, с. 82; Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126). Е. П. Казаков, пересмотрел датировку Остолоповского селища, отнеся его возникновение ко второй половине X - XI в. (Казаков, 1991, с. 161). Результаты раскопок начала XXI в. подтвердили предположение ученого о более поздней дате этого поселения, что продемонстрировано и на материале, представленном в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1988. 98 с.

Казаков Е. П. Булгарское село X - начала XIII веков низовий Камы. Казань: Таткнигоиздат, 1991. 176 с.

Казаков Е. П. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. 1997. №1. С. 61−77.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI−XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2001. 256 с.

Руденко К.А. Проблемы изучения булгарского села в трудах Е. П. Казакова // Казаков Евгений Петрович. Сборник материалов к 70-летию со дня рождения / Под ред. Р. Р. Хайрутдинов, А. Г. Ситдиков. Казань: РИЦ Школа, 2004. С. 91—114.

Руденко К.А. К вопросу о булгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в

[13] Здесь под понятием «новой усадьбы» мы имеем ввиду сооружения, которые были возведены после прекращения функционирования исследуемой постройки.

[14] ТБО - твердые бытовые отходы.

[15] Селище было разгромлено и в большей части разрушено в начале XII в., что отразилось в стратиграфии (Руденко, 2017, с. 301).

древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию Е. П. Казакова / Отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 309 — 352.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. №2. С. 123–145.

Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI – XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 296–319.

Хлебникова Т.А. Отчет о работах Отряда археологической экспедиции по исследованию болгарских поселений зоны Куйбышевского водохранилища в 1969 году. – Казань, 1969. // АИА РАН. Р-I, №3919. 75 л.

Хлебникова Т. А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. №1. С. 58−68.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1976. С. 100−136.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

NEW DATA ON BULGARIAN HOUSES OF PRE-MONGOL TIME (ON MATERIALS OF THE OSTOLOPOVSKY SETTLEMENT IN TATARSTAN)

K.A. Rudenko

The article is devoted to the publication of new materials of the Ostolopovo settlement in the Alekseevsk district of the Republic of Tatarstan. The settlement dates from the 11th - 12th centuries and existed during the heyday of the state Volga Bulgaria. In 2017, when examining the coastal part of this settlement, a construction that began to collapse was discovered in a cliff. When excavating it, interesting elements of its construction were revealed, including those made of wood, and various finds from iron, non-ferrous metal, stone and clay were also discovered. Among them - iron arrowheads, jewelry made of bronze, pieces of silver, a bone crest, iron plates. In addition, iron nails, staples, lock keys and other household items were found. It was possible to reconstruct several clay vessels, including pots and a mug. The author carefully analyzed fragments of ceramics from each layer at the excavation site and in the construction. He took into account the nature of the fragments, their size, color and workmanship, as well as their concentration at each site of the excavation and the level of the cultural layer. This allowed him to identify changes in the assortment of dishes at different stages of the formation of the cultural layer and associate them with the chronology of the settlement as a whole. On this basis, he established that the building was destroyed at the end of the XI - beginning of the XII century, when an armed attack was committed on a settlement.

Keywords: archeology, Volga Bulgaria, Bulgars, medieval dwelling, Ostolopovo settlement, dating.

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Таблица 1.

Размеры фрагментов круговой керамики по пластам и выборкам

Уч/ яма	Пласт /выб	Размер фрагмента см^2																
			1	4	9	16	25	36	49	64	72	100	121	144	169			всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13			
1	I		8	4	12	3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	28		
2	I		12	17	11	3	0	1	0	0	0	0	0	0	0	31		
3	I		12	21	12	4	0	1	0	0	0	0	0	0	0	50		
4	I		5	22	23	6	3	1	1	0	0	0	0	0	0	61		
5	I		0	8	10	6	3	1	0	0	0	0	0	0	0	28		
6	I		24	26	16	4	3	1	0	0	0	0	0	0	0	56		
7	I		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
			61	**98**	**84**	**26**	**10**	**5**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**			**285**
1	II		8	11	15	7	1	0	1	0	0	0	0	0	0	43		
2	II		10	17	18	24	7	3	2	2	0	0	0	0	0	83		
3	II		5	26	51	26	4	3	4	1	1	0	0	0	0	121		
3а	II		0	11	10	6	2	3	2	0	0	0	0	0	0	34		
4	II		6	66	59	39	14	11	1	1	1	0	0	0	0	198		
5	II		2	15	41	39	12	5	0	1	1	1	0	0	0	117		
6	II		1	19	28	14	3	1	1	0	0	0	0	0	0	67		
7	II		0	22	33	12	9	1	0	0	0	0	0	0	0	77		
			32	**187**	**255**	**167**	**52**	**27**	**11**	**5**	**3**	**1**	**0**	**0**	**0**			**740**
1	III		3	19	24	16	2	2	1	0	0	0	0	0	0	67		
2	III		0	12	21	11	3	2	0	0	0	0	0	0	0	49		

3	III		9	48	78	49	25	15	4	2	0	3	0	0	0	233		
4	III		0	9	9	3	3	2	0	1	0	0	0	0	0	27		
5	III		0	2	8	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	12		
6	III		0	11	16	9	2	1	1	0	0	0	0	0	0	39		
7	III		0	2	2	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	6		
			12	**103**	**158**	**91**	**35**	**23**	**6**	**3**	**0**	**3**	**0**	**0**	**0**			**434**
			105	388	497	284	97	55	18	8	3	4	0	0	0			1459
Я.1	1		3	54	47	34	15	9	3	2	1	0	0	0	0	124		
Я.1	2		0	17	29	16	8	8	2	0	1	0	0	0	0	61		
Я.1	3		1	6	17	29	32	17	6	3	1	1	3	1	0	117		
Я.1	4		0	5	18	7	18	8	8	22	1	1	0	0	1	88		
Я.1	5		0	5	9	12	5	3	0	1	0	2	0	0	0	37		
			4	**87**	**120**	**98**	**78**	**45**	**19**	**28**	**4**	**4**	**3**	**1**	**1**			**492**

Диаграмма 1.

Статистика находок по пластам из раскопа XXIII

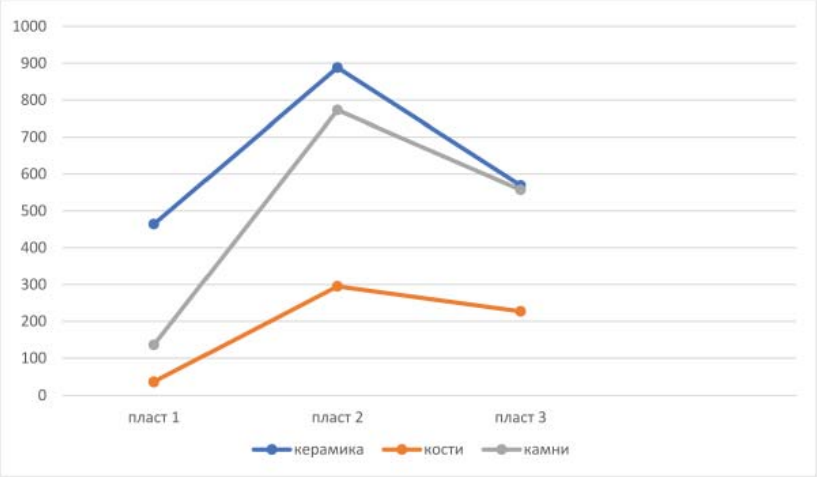


Диаграмма 2.

Соотношение различных категорий находок из культурного слоя

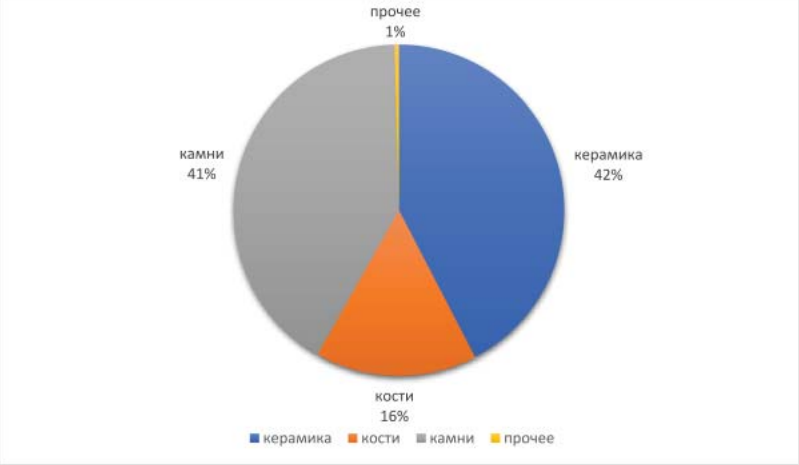
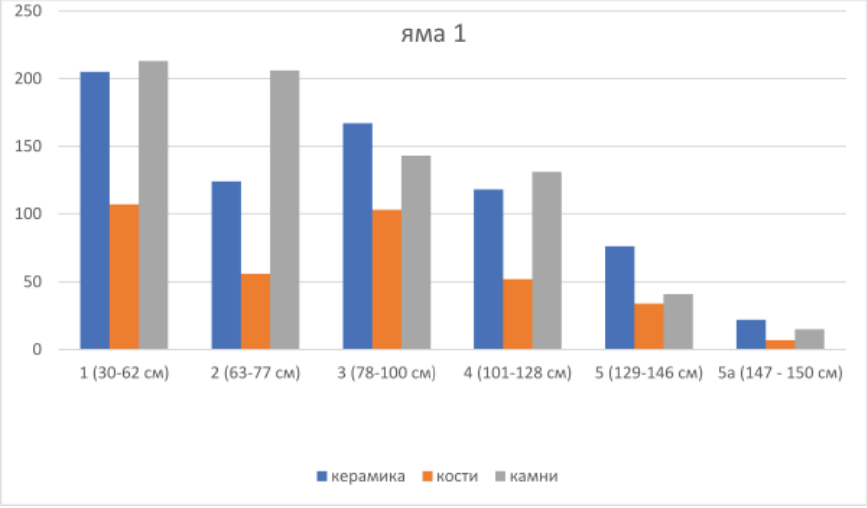


Диаграмма 3.

Количество находок из ямы 1.



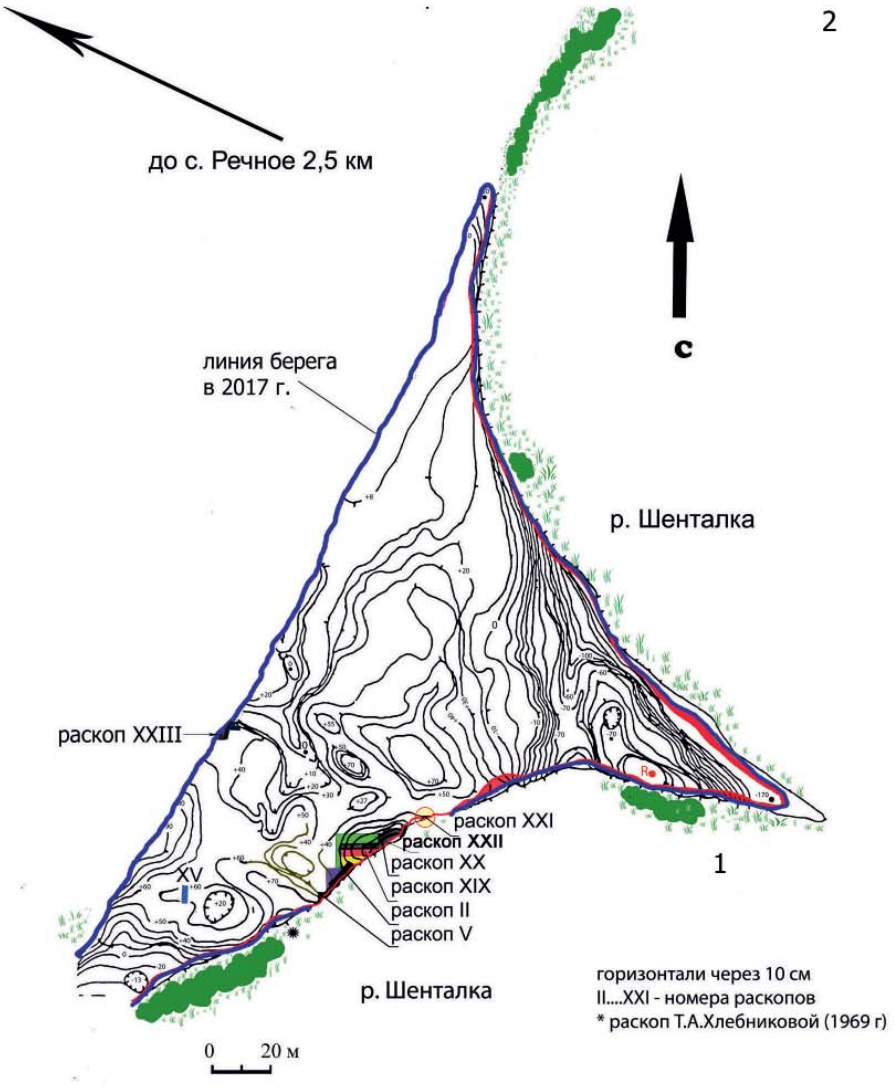


Рис. 1. 1- план Остолоповского селища (береговая линия на 2017 г.); 2 – вид западного побережья селища на участке, где зафиксирована постройка. Вид с севера. Фото К.А. Руденко.

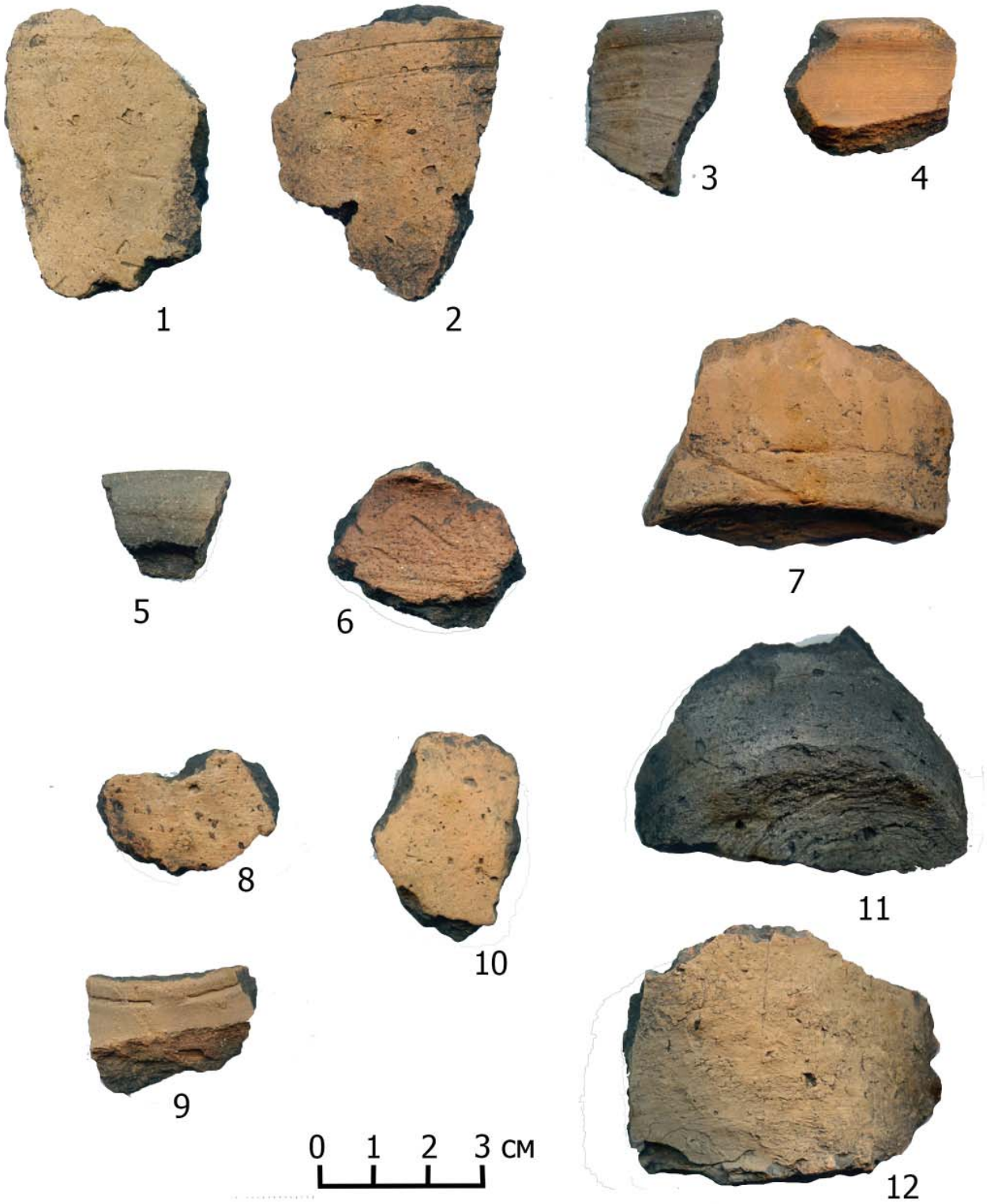


Рис. 2. Керамика из сборов на распаханной части Остолоповского II селища в 2017 г.

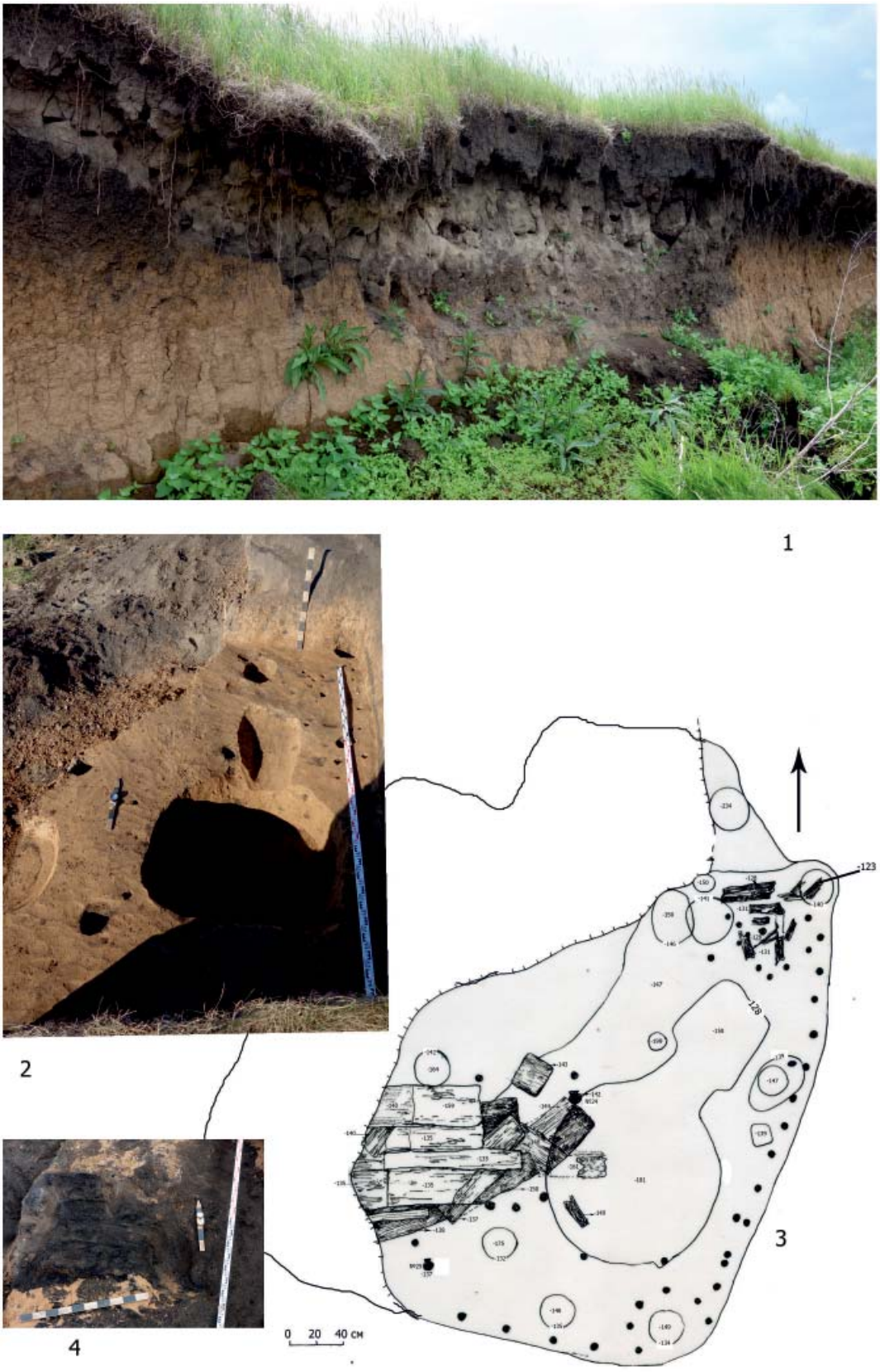


Рис. 3. Остолоповское селище. Раскоп XXIII. 1 – вид на постройку до начала раскопок. Вид с северо-востока. Фото К.А. Руденко; 2 – яма 1 раскопа XXIII в процессе выборки. Вид сверху. Фото К.А. Руденко; 3 – сводный план ямы 1 на уровне четвертой и пятой выборок; 4 – деревянные доски на дне ямы. Вид сверху. Фото К.А. Руденко.

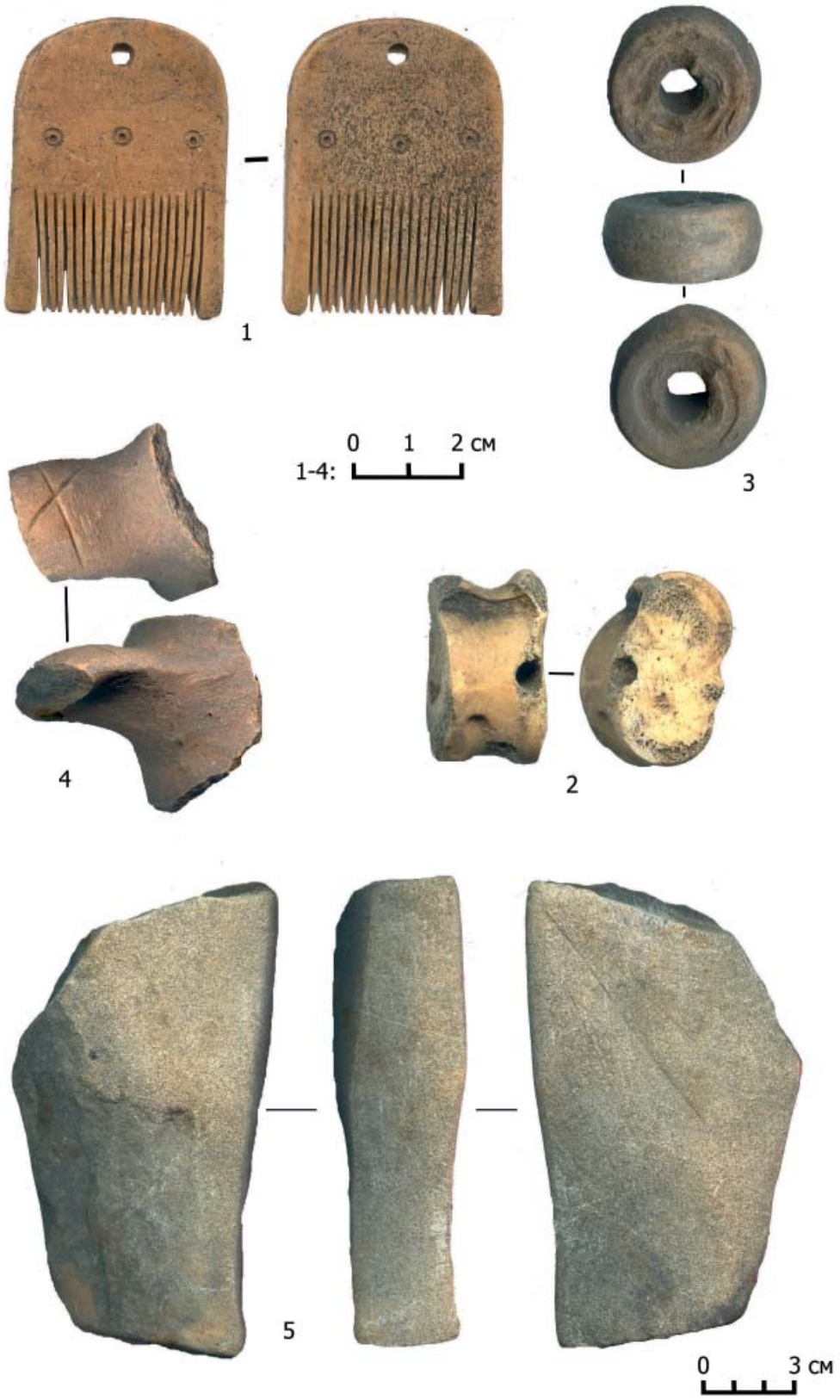


Рис. 4. Остолоповское селище. Индивидуальные находки из раскопа XXIII и подъемный материал у раскопа (5). 1 – гребень, 2 – астрагал, 3 – прясло, 4 – фрагмент ручки сосуда со знаком, 5 – точило. 1,2 – кость, 3,4 – глина, 5 – камень.

Рис. 5. Остолоповское селище. Изделия из железа и цветных металлов из раскопа XXIII. 1,2 - кусочки весового металла; 3 – пронизка, 4,5 – накладки, 6,7 – наконечник стрелы, 8,9 – ключи от навесных замков, 10 – височное кольцо. 1,2 – серебро; 3,10 – сплав цветного металла; 4-9 – железо.

Рис. 6. Остолоповское селище. Керамика из ямы 1 раскопа XXIII. Глиняные горшки. Выборка 5.

Рис.7. Остолоповское селище. Керамика из ямы 1 раскопа XXIII. Глиняная кружка. Выборка 5.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00083

ОБ ОДНОМ ИЗ ДЕКОРАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МУЖСКОГО ПОЯСА XI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ)

© 2019 г. Н.Б. Крыласова

На Рождественском могильнике в Пермском крае удалось зафиксировать новый, не известный ранее, элемент декоративной отделки мужского пояса в виде широкой текстильной ленты длиной до середины бедра, украшенной по нижнему краю шаровидными привесками. Эта лента крепилась к поясу спереди или сзади слева, и в отдельных случаях служила подложкой для свисающих с пояса привесок-ремешков. Рассматриваемый могильник сопровождал городище, где располагалась торгово-ремесленная фактория Волжской Булгарии. Здесь наряду с местным финно-угорским населением проживали булгарские ремесленники и купцы. Шаровидные привески, применявшиеся для оформления поясных лент, являлись продукцией массового ремесленного производства булгар. Поэтому не исключено, что мода на поясные ленты, распространившаяся в XI веке, была заимствована именно от булгар.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, мужской костюм, поясные принадлежности, текстильные ленты, шаровидные привески.

Как известно, финно-угорский средневековый мужской костюм был менее декоративным, чем женский. У жителей Пермского Предуралья набор украшений мужского костюма ограничивался височными подвесками / серьгами, шейным украшением (обычно – круглая подвеска-медальон), украшениями рук (браслеты, перстни) и поясом. Многие из перечисленных украшений носили статусный характер и присутствовали далеко не во всех комплексах, наличие полного комплекта украшений является большой редкостью. Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что наиболее декоративной частью мужского костюма являлся пояс с набором металлических элементов.

Достаточно информативным для изучения состава и структуры наборных поясов является Рождественский могильник в Карагайском районе Пермского края. Он сопровождает одноименное городище, существовавшее с рубежа IX–X до первой половины XIV в. как торгово-ремесленная фактория Волжской Булгарии. Население городища было полиэтничным и поликонфессиональным. Рядом с городищем находятся мусульманский домонгольский могильник и языческие могильники X–XI и XII – первой половины XIV в., разделенные территориально. Наиболее изученным является Рождественский языческий могильник X–XI вв., где на 2018 г. вскрыто 363 погребения, более 60% которых содержат детали наборных поясов. Пояса входили в состав и мужских и женских костюмных комплексов, при этом наборы основного ремня существенно не различались, а дополнительные поясные украшения имели у мужчин и женщин свои особенности. Наиболее выразительными были поясные наборы XI в.

Необходимо отметить, что характер почвы, а в большей степени – особенности погребального обряда не способствовали хорошей сохранности органических остатков, включая и костяки погребенных. Значительный урон памятнику нанесен находившейся на его месте в XVII – первой половине XX в. деревней Постаногово. Тем не менее, при особых условиях в ряде захоронений сохранились фрагменты кожаных ремней, остатки текстиля, меха и кожи, которые позволяют делать выводы об одежде и отдельных элементах костюмного убранства.

Так, в погребении № 216, изученном в 2011 г., достаточно полно сохранился пояс со всеми дополнявшими его элементами. Северная (верхняя) часть погребения была разрушена деревенской столбовой ямой. Но выброс грунта из этой ямы, перекрывший южную часть погребения, способствовал консервации нижней части костяка и поясных принадлежностей. В центральной части могильной ямы расчищены тазовые кости и обе бедренные кости в анатомическом сочленении, также сохранились наколенник и большеберцовая

кость правой ноги. Около тазовых костей выявлены фрагменты костей верхних конечностей: правая лучевая и локтевая и левая лучевая, под правой и под левой бедренными костями обнаружены фаланги кистей рук. По определению антрополога Н.Г. Брюховой, кости принадлежат взрослому мужчине. Погребенный был уложен вытянуто на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, головой на ССЗ, ногами к реке.

Остатки передней части пояса выявлены южнее тазовых костей – между бедренными и западнее правой бедренной кости: фрагменты двух кожаных ремешков с наконечниками и наборами бронзовых полуовальных накладок (рис. 1: 1), которые лежали параллельно костям, а также разрозненные накладки из набора основного ремня. Между бедренными костями рядом с фрагментом ремешка найдены две бронзовые бусины на кожаном шнурке (рис. 1: 2), возможно, связанные с расчищенной несколько ниже сложносоставной подвеской из бронзовых бус, пронизок и костяных элементов (рис. 1: 3). Рядом с этим украшением с западной стороны находилась бронзовая якорьковая подвеска (рис. 1: 4).

Под тазовыми костями сохранились фрагменты меха – остатки одежды погребенного, ниже – части кожаного поясного ремня с набором прямоугольных накладок с трилистниками (рис. 1: 5). Под левой тазовой и бедренной костями сохранился особенно крупный фрагмент меха, который был извлечен из погребения цельным пластом. На его оборотной стороне кроме части поясного ремня выявлена широкая текстильная лента (рис. 1: 6), поверх которой с пояса свисали три кожаных ремешка с накладками (рис. 1: 7), а также низка бронзовых пронизок (рис. 1: 8). Ниже края ленты на фрагменте меха находился бронзовый бипирамидальный бубенчик на фрагменте кожаного шнурка со спиралевидной пронизкой; еще один такой бубенчик обнаружен рядом со скоплением с западной стороны (рис. 1: 9). Под слоем меха также расчищена кольцевидная шумящая подвеска, крепившаяся к ремню сзади на цепочке (рис. 1: 10). Кроме этого под левой бедренной костью обнаружен набор предметов для добывания огня – железное калачевидное кресало, кресальные кремни и железный предмет (рис. 1: 11). Они, очевидно, находились в текстильном или кожаном мешочке, подвешенном к поясу.

На основе наблюдений за особенностями расположения деталей поясной гарнитуры можно сделать вывод о том, что основная часть поясного ремня, охватывающая туловище, была украшена набором прямоугольных накладок с трилистниками. Концы ремня, покрытые полуовальными накладками и завершающиеся наконечниками ремней, свободно свисали спереди. Пояс, очевидно, завязывался, так как пряжка в наборе отсутствует – такая конструкция не обычна для поясов, изученных на Рождественском могильнике. Поясные принадлежности и украшения крепились к поясу спереди и сзади.

В частности, спереди слева к поясу было подвешено сложносоставное украшение в виде пары низок бронзовых бус и пронизок на кожаных шнурках, перемежающихся костяными планками, вырезанными из передней части когтя медведя (на манер веревочной лестницы). Такой вид украшений, с одной стороны, нельзя отнести к категории массовых находок, с другой стороны, он хорошо известен на могильниках Пермского Предуралья. Одно из таких украшений из Загарского могильника X в. опубликовано А.А. Спициным (Древности.., 1902, табл. VII/16), серия подобных подвесок собрана в погребениях X в. Баяновского могильника (раскопки А.В. Данича). Найденная рядом якорьковая подвеска, не смотря на свой декоративный вид и наличие шумящих привесок-лапок (которые в данном случае отсутствуют), в первую очередь, являлась предметом утилитарного назначения. Подвеска имеет три петли внизу: боковые служили для крепления привесок, а центральная – для шнурка, с помощью которого к поясу подвешивались какие-либо предметы (в данном случае, возможно, мешочек с элементами огнива). «Якорек» фиксировался в кожаной петле, прикрепленной к поясу.

Сзади справа (ближе к центру) к поясу крепилась на цепочке бронзовая кольцевидная шумящая подвеска. Технология, по которой она изготовлена, начала распространяться в Пермском Предуралье в последней четверти XI в. под влиянием поволжских финнов. Таким образом, данная подвеска может служить хронологическим репером для датировки погребения.

Сзади слева с пояса свисало три привески-ремешка с наборами подпрямоугольных и сердцевидных накладок, завершающихся

наконечниками, и низка бронзовых пронизок с бубенчиками.

Самым необычным декоративным элементом данного пояса являлась текстильная лента, сохранившаяся под привесками-ремешками. В основе ленты длиной 20,3 шириной 14 см находилась ткань из растительных волокон простого полотняного переплетения репсовой структуры. По нижнему краю ленты одной нитью прямыми стежками были пришиты половинки полых шаровидных привесок, располагавшихся вплотную друг к другу (рис. 1: Б).

На участке могильника, исследованном в 2017 г., была выявлена еще серия погребений, в которых зафиксирован аналогичный элемент, дополняющий пояса.

В погребении № 333 выявлен поясной набор, в котором основанная часть пояса была оформлена полуовальными накладками с прорезью внизу (рис. 2: 1). Хорошо сохранилась свисающая часть пояса (хвостовик) в виде кожаного ремня с наконечником и набором накладок подсердцевидной формы с каплевидным выступом в центре, обрамленным растительными завитками (рис. 2: 2). Примерно посередине этой части пояса перпендикулярно к ней располагался ряд половинок полых шаровидных привесок с остатками ниток в петельках (рис. 2: 3), вдоль привесок прослеживался тлен ткани (рис. 2: Б). После снятия хвостовика пояса под ним был выявлен ремешок поясной привески с наконечником и набором сердцевидных накладок с орнаментом в виде трилистника (рис. 2: 4). Еще один подобный ремешок (рис. 2: 5), располагавшийся западнее, был расчищен до фиксации могильной ямы. Возле него обнаружен фрагмент поясной привески в виде кожаного шнурка с пронизкой и парой бубенчиков (рис. 2: 6). Когда все элементы поясного набора были извлечены из могильной ямы, под ними остались фрагменты меховой одежды (рис. 2: Г), в том числе, со швом (рис. 2: В). В тех местах, где поверх меха лежали ремешки с накладками, сохранились отпечатки текстильной ленты, украшавшей пояс (рис. 2: Г). В данном случае текстильная лента имела размеры приблизительно 15×10 см. Судя по расположению привесок вдоль ее нижнего края, а также по расположению свисающего конца пояса, лента располагалась спереди почти по центру, поверх нее с пояса свисали две привески-ремешка и привеска-низка с бубенчиками (рис. 2: Б).

В погребении № 336 сохранилась часть правой бедренной кости, что позволяет более четко проследить взаиморасположение деталей пояса (рис. 3: Б), хотя часть из них была смещена с первоначального местоположения в процессе хозяйственной деятельности жителей д. Постаногово. Севернее бедренной кости располагались латунные накладки поясного набора – щитовидные с неорнаментированной полированной поверхностью (рис. 3: 1). Восточнее кости расчищен ряд половинок полых шаровидных привесок с остатками ниток в петельках (рис. 3: 2), под ними выявлен фрагмент меховой одежды с кусочком текстильной ленты (рис. 3: В). В данном случае размеры ленты составляли, предположительно, 20×9 см. Лента располагалась спереди почти по центру. Возле бедренной и южнее, у фрагмента берцовой кости, найдены детали поясной привески-низки: бронзовые бусы и пронизки, бубенчики (рис. 3: 3); элементы огнива: фрагмент калачевидного кресала, кресальные кремни, железная трубица для трута (рис. 3: 4), а также фрагмент бронзовой обкладки кошелька с железным колечком для крепления к поясу (рис. 3: 5). Вероятнее всего, кошелек с элементами огнива был подвешен к поясу. По определению антрополога, останки, обнаруженные в погребении, принадлежат юному индивиду.

В сильно нарушенном жителями д. Постаногово погр. № 340 сохранился фрагмент левой бедренной кости. К западу от него на фрагменте шерстяной ткани саржевого переплетения (рис. 4: Б) обнаружены три полые шаровидные привески с остатками шнура для крепления, еще четыре привески выявлены в районе условной оси могильной ямы (рис. 4: 1). Восточнее фрагмента бедренной кости найдены в скоплении железная топорня (рис. 4: 2), калачевидное кресало, кресальные кремни (рис. 4: 3) и железный нож, которые, очевидно, крепились к поясу слева. Размеры и точное расположение текстильной ленты в данном погребении установить невозможно. Предположительно, лента размещалась спереди слева. По определению антрополога, останки в погребении принадлежат взрослому индивиду.

Все рассмотренные погребения по ряду датирующих предметов отнесены к XI веку. Пол погребенного, как мужской, достовер-

но определен только в одном случае (погр. № 216). Погребальный инвентарь также соответствует этому определению. Кроме описанных предметов, включавших поясной набор и поясные принадлежности, в южной части погребения («в ногах») находился комплекс хозяйственных и производственных инструментов (топор, шило с остатками деревянной рукояти, резец-ложкарь, орудие (?) железное, каменный оселок и железный гвоздь). Единственный предмет, не характерный для мужского набора вещей – шумящая подвеска, крепившаяся к поясу сзади, – мог являться женским даром. Присутствие в мужских комплексах единичных женских предметов (стеклянных и каменных бус, шумящих украшений) не является редкостью на Рождественском могильнике. С погребением № 333 ситуация сложнее, здесь присутствует комплекс вещей, характерный для женского костюма (набор стеклянных бус, остатки кожаной обуви, украшенной умбоновидными подвесками (Крыласова, 2017)), но, вместе с тем, у восточной стенки погребения обнаружены стремя и удила, присущие мужскому комплексу погребального инвентаря. Поскольку в данном погребении сохранились только фрагменты костей ступни под украшениями обуви, с уверенностью утверждать, что здесь было похоронено два индивида, нельзя, как невозможно и судить об обратном. Похожая ситуация и с погребением № 336. В целом комплекс погребального инвентаря, в который кроме указанных предметов входили кольца от удил, железная пешня, наконечник стрелы, можно считать мужским. Но в юго-восточной части могильной ямы в скоплении были обнаружены стеклянные бусы и шумящая умбоновидная подвеска с остатками кожи и текстильным шнурком под ней – этот комплекс представляет собой своеобразный «дар вдовы», либо здесь был похоронен ребенок (девочка), что невозможно однозначно утверждать при отсутствии костей. В погребении № 340 представлен комплекс вещей, характерный для мужского погребального инвентаря.

Не смотря на некоторую неоднозначность в определении пола погребенных, костюм которых содержал пояса с текстильными лентами, наиболее вероятной является их мужская принадлежность.

Поясной набор в погребении № 333 является типичным для местного населения. Набор поясной гарнитуры из погребения № 216, включающий прямоугольные накладки с выступами в виде трилистников (цветов лилии) и полуовальные (в виде сдвоенного полумесяца), известные в Волжской Булгарии и на территориях, входивших в сферу ее влияния (Казаков, 1991, рис. 44: 85, 91), вероятнее всего, имеет импортное происхождение. На Рождественском могильнике подобные наборы встречены всего в трех комплексах. А поясной набор из погребения № 336 является уникальным для данного могильника, и на других территориях прямых аналогий ему выявить пока не удалось. Таким образом, учитывая, что два пояса из трех (в погр. № 340 детали поясной гарнитуры не сохранились), в которых зафиксированы поясные ленты, имеют импортное происхождение, можно предполагать, что этот новый для местного населения элемент декоративного оформления пояса был привнесенным извне, вероятнее всего, с территории Волжской Булгарии.

В самой Волжской Булгарии в силу особенностей мусульманского погребального обряда подтвердить наличие подобных поясных элементов невозможно. Но именно здесь в период X–XI вв. были массово распространены привески с шаровидным и грушевидным туловом, как пустотелые, так и цельнолитые, разных размеров, пропорций и орнаментации (Казаков, 1991, с. 119), в том числе и такие, которые использовались для оформления края поясных лент. По мнению Е.П. Казакова, такие изделия следует считать характерными для булгарского ремесленного производства X–XI вв. (Казаков, 1991, с. 119). По мнению многих исследователей, мелкие шаровидные привески применялись в качестве пуговиц (напр.: Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с. 59; Казаков, 1991, с. 119; Руденко, Бугарчев, 2015, с. 159–162), хотя упоминается, что они могли использоваться и в составе хэситэ, в накосниках-чулпах и в качестве поясных привесок (Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с. 59). В могильниках Пермского Предуралья зафиксировано использование полых шаровидных привесок в оформлении края головных уборов, в качестве привесок височных украшений, в составе женских накосников, ожерелий (Крыласова, 2002, с. 93; Белавин, Крыласова, 2012, с. 139), и, в данном случае – в оформлении поясных лент.

Полые шаровидные привески отливались в виде половинок, которые спаивались между собой (или, возможно, склеивались,

так как находимые в погребениях половинки привесок обычно разъединены), образуя шарик. Но, как показывает, в частности, данный конкретный случай, могли использоваться и отдельные половинки привесок, которые своей плоской стороной плотно примыкали к краю текстильной ленты, образуя ровный ряд. В единственном случае (погр. № 340), когда были использованы привески-шарики из двух половинок, они были не только пришиты к краю ленты, но и дополнительно зафиксированы в районе шейки петлями из толстой нити (рис. 4: 1), очевидно, чтобы они не переворачивались и сохраняли необходимый стройный ряд.

Таким образом, на Рождественском могильнике удалось зафиксировать не известный ранее декоративный элемент мужского пояса, получивший распространение в XI веке, который представлял собой широкую текстильную ленту, обшитую по нижнему краю полыми шаровидными привесками. Пока не представилось возможности определить цвет этих лент, но, как и прочие декоративные дополнения костюма, они, вероятнее всего, были окрашены. Можно предполагать, что поясные ленты, служившие своеобразной «подложкой» для привесок-ремешков, имели гораздо более широкое распространение, но без металлических элементов они не сохранились до нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II. Пермь: ПГПУ, 2012. 259 с.

Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 104 с.

Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков / МАР. Вып.26. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1902. 109 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X−XIII вв. низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Крыласова Н.Б. Основные элементы «общебулгарского» костюма X–XI вв. по материалам Рождественского могильника в Пермском Предуралье // Великий Волжский путь : история формирования и развития : материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь» (Казань − Астрахань - Казань, 6-16 авг. 2001 г.). Казань: АН РТ, 2002. С.89−105.

Крыласова Н.Б. Особенности использования шумящих умбоновидных подвесок в костюме жителей Пермского Предуралья (по материалам Рождественского могильника) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С.15–18.

Руденко К.А., Бугарчев А.И. Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ) // Поволжская археология. 2015. №3(13). С. 156−175

Информация об авторе:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г.Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

ONE OF THE DECORATIVE ELEMENTS OF A 11TH CENTURY MEN'S MELT (BASED ON MATERIALS FROM ROZHDESTVENSKY BURIAL GROUND IN PERM REGION)

N.B. Krylasova

A new and previously unknown element of the decorative trimming of men's belts in the form of a wide mid-thigh textile ribbon decorated with spherical pendants on the lower edge was discovered at Rozhdestvensky burial ground in Perm region. The ribbon was attached to the belt at the front or left rear section, and was used in certain cases as a support for strap pendants hanging from the belt. This burial ground was located near a settlement where the trade and craft manufacture of Volga Bolgaria was arranged. Bolgar artisans and

merchants lived here along with the local Finno-Ugric population. The spherical pendants used for the design of belt ribbons were the products of the mass handicraft manufacture of the Bolgars. Therefore, it is possible that the fashion for belt ribbons widely spread in the 11th century was adopted from the Bolgars.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, Perm Cis-Urals, men's suit, belt accessories, textile ribbons, spherical pendants.

About the Author:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences. Proessor. Perm Federal Research Center UB RAS, Lenin str., 13 a, 614990, Perm, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

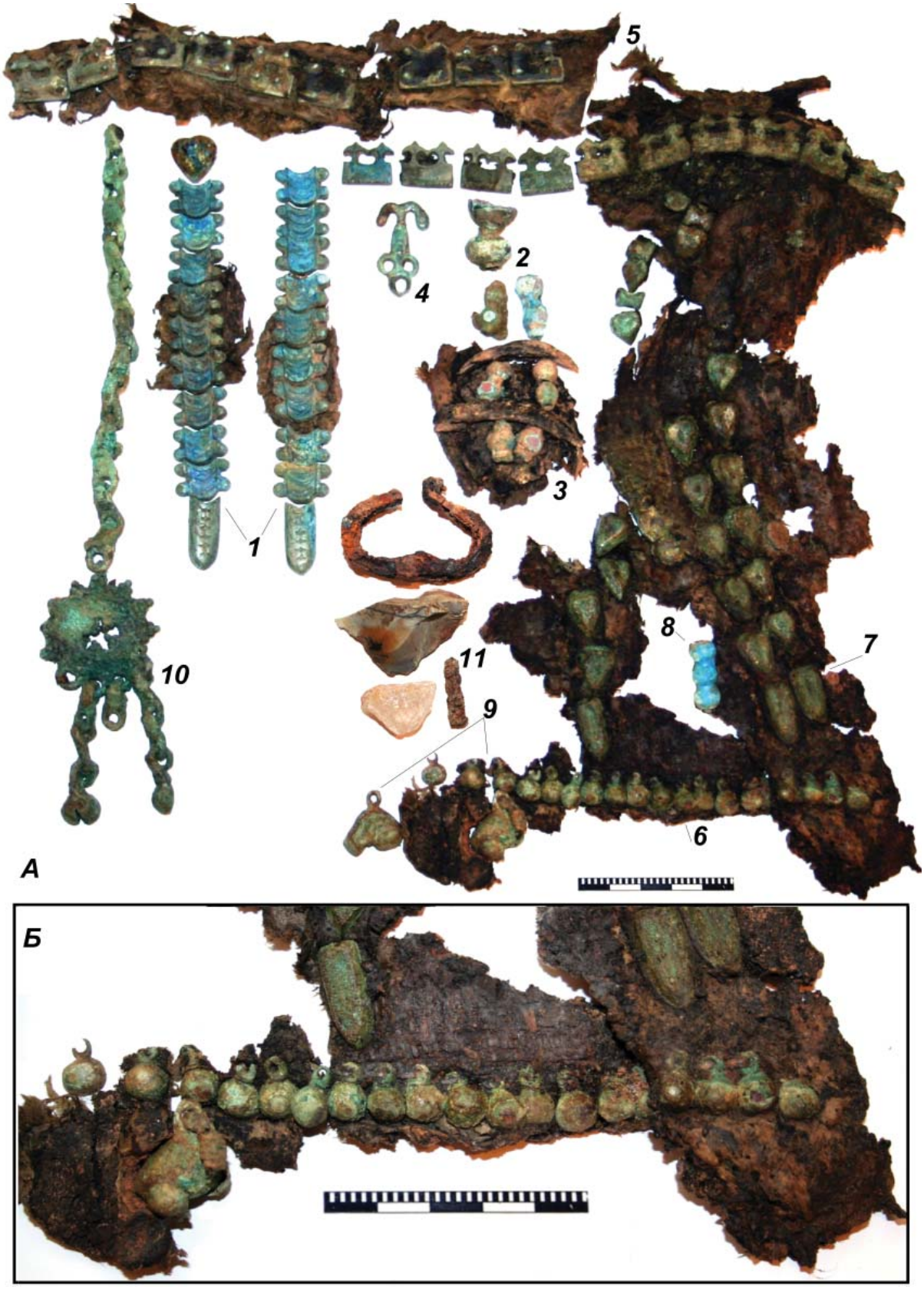


Рис. 1. А – комплекс поясных принадлежностей из погребения №216; Б – фрагмент текстильной ленты, обшитой по нижнему краю полыми шаровидными привесками

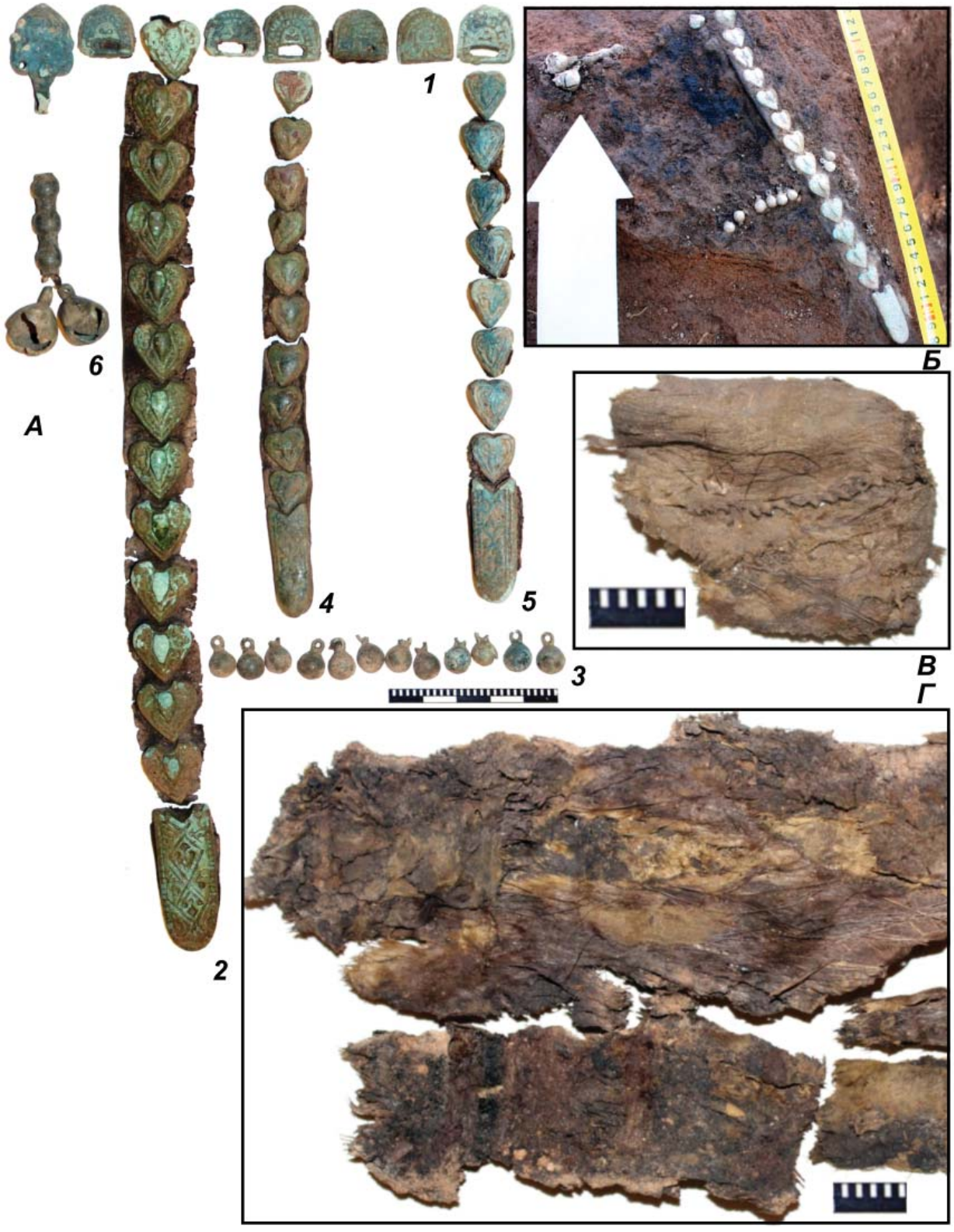


Рис. 2. А – комплекс поясных принадлежностей из погребения №333; Б – деталь погребения; В – фрагмент меха со швом; Г – фрагменты меховой одежды с отпечатком текстильной ленты

Рис. 3. А – комплекс поясных принадлежностей из погребения №336; Б – деталь погребения; В – фрагмент меха с отпечатком текстильной ленты

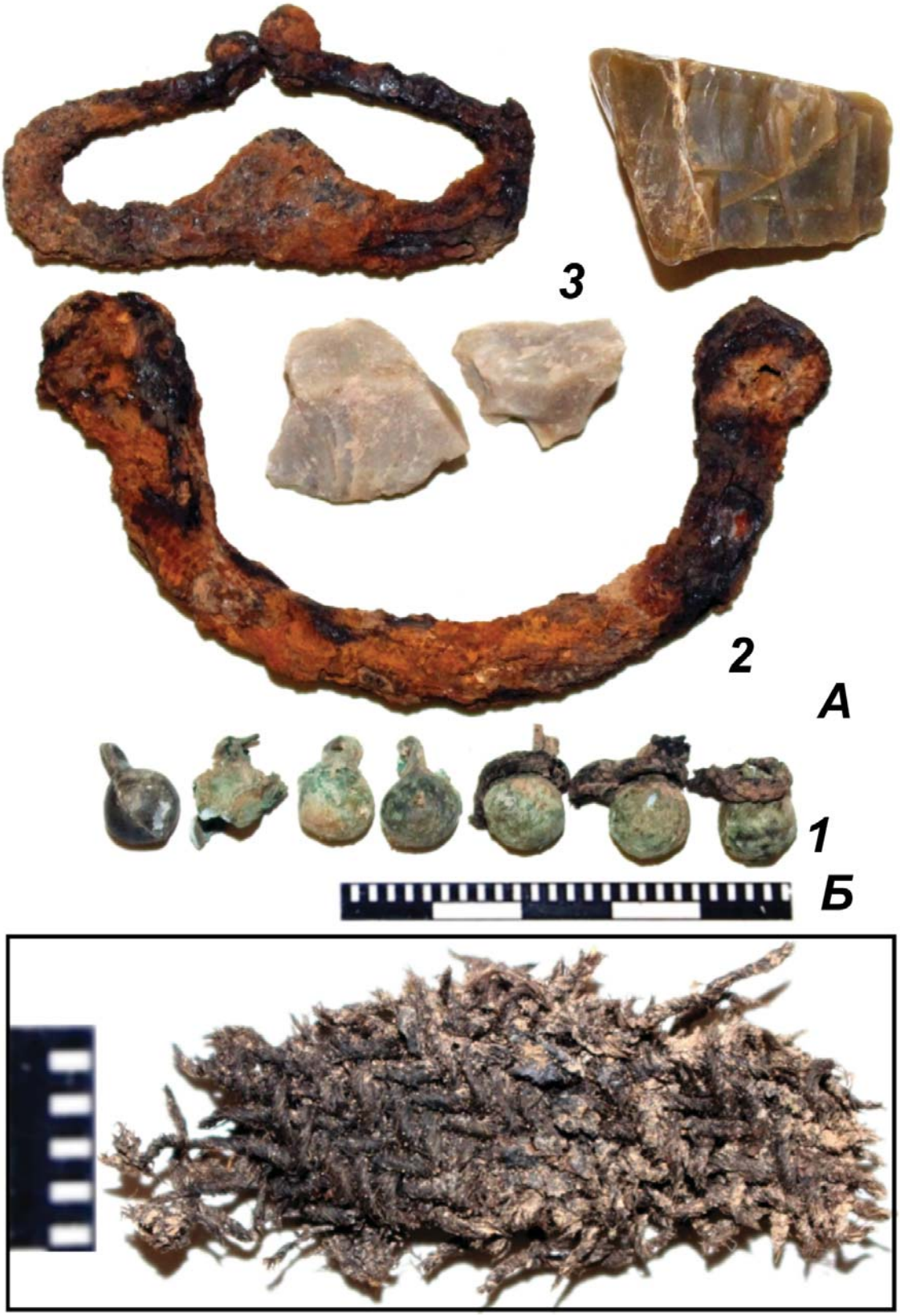


Рис. 4. А – комплекс поясных принадлежностей из погребения №340; Б – фрагмент ткани

УДК 903.023 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00084

ЭВОЛЮЦИЯ «ПРИКАМСКОЙ ЧАШИ» В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ[1]

©2019 г. Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин

Средневековая керамика Пермского Предуралья обладает яркими характерными особенностями, выделяющими ее из керамики соседних синхронных культур. Наиболее распространенной формой посуды являлись лепные приземистые сосуды – чаши – с округлым туловом, выпуклыми стенками, блоковидной шейкой и отогнутым наружу прямо срезанным венчиком. Эта форма была наиболее устойчивой и сохранялась на протяжении всей эпохи средневековья. Но отличительными особенностями «прикамской чаши» в период ломоватовской культуры V-XI вв. являлись округлое дно, использование грубого материала, оставляющего «расчесы», для обработки бытовой посуды, оформление венчиков защипами, преобладание шнуро-гребенчатой орнаментации в оформлении столовой и ритуальной посуды, наиболее характерным элементом которой были «подковки». Для чаш последующей родановской культуры характерно уплощенное или плоское дно, заглаживание поверхности исключительно мягким материалом, преобладание гребенчатой орнаментации с использованием рельефных налепных элементов, наличие петельчатых ручек. Однако такие общие характеристики, как состав формовочных масс с преобладанием примеси толченой раковины, ручной способ лепки, костровой обжиг, сохранение приземистой формы чаш, могут свидетельствовать о преемственности гончарных традиций ломоватовской и родановской культур.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, ломоватовская культура, родановская культура, керамика, «прикамская чаша».

Керамика, включая форму, технику изготовления и систему орнаментации посуды, является одним из ведущих элементов для выделения какого-либо комплекса в отдельную археологическую культуру (Генинг, 1976, с. 9).

Так сложилось, что средневековая керамика Пермского Предуралья специально не исследовалась. Она в общих чертах охарактеризована в обобщающих трудах, посвященных ломоватовской (Голдина, 1985, с. 94–98) и родановской (Оборин, 1970, с. 10–14; 1999, с. 276) средневековым археологическим культурам. Более детально изучена бытовая и погребальная посуда памятников верховьев Камы (Голдина, Кананин, 1989, с. 44–60). В ряде публикаций рассматривалась керамика отдельных могильников – Агафоновского I (Голдина и др., 1980), Чазевского I (Мингалев, 2009), Огурдинского (Белавин, Крыласова, 2012), Запосельского (Крыласова и др., 2014), Плотниковского (Крыласова, Брюхова, 2017; Батуева, 2017); городищ – Шудьякар (Кананин, 1980), Пыскор (Васильева, Головчанский, 2004), Семинского (Мельничук, Скорнякова, 2007); селищ – Кудымкарского (А.Е. Теплоухов, 1884), Коновалятского (Поляков, 1960), Пеньки (Мельничук, Соболева, 1988), Чашкинского II и Запоселье I (Крыласова и др., 2014; Юркова, 2014); Рождественского археологического комплекса (Белавин, Крыласова, 2008). Нами осмотрено, прорисовано, реконструировано множество фрагментов посуды памятников разного времени и территориального расположения, это дает возможность, пока средневековая керамика Пермского Предуралья ждет своего исследователя, сделать некоторые обобщения, касающиеся одной из самых характерных форм посуды – *чаши*, – сохранявшейся на протяжении всей эпохи средневековья.

Выбор этой темы не случаен, поскольку Е.П. Казаков, юбилею которого посвящена статья, немало внимания уделял прикамской керамике (Казаков, 1987; 1989; 1992; 1994; 2007).

Характерна сама *форма сосудов*, получившая наименование *«прикамская чаша»* за счет *приземистых пропорций*, что неоднократно отмечалось исследователями, – высота сосудов обычно меньше диаметра наиболее раздутой части тулова. Даже у наиболее высоких сосудов высота примерно равна диаметру наиболее раздутой части тулова, они прин-

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование».

ципиально не отличаются от «чаш», сохраняя приземистые пропорции, выделение их в категорию «горшков» носит формальный характер.

В период ломоватовской культуры до рубежа XI–XII вв. сосуды сохраняли традиционную *круглодонную форму* (рис. 1). Как писал М.В. Талицкий, «на протяжении почти двух тысячелетий керамика городищ <Прикамья> сохраняет чрезвычайно архаичные черты, свойственные культурам бронзы Восточной Европы». Круглое дно «отражает прежде всего долго сохраняющуюся примитивность быта, т. е. отсутствие столов, деревянных полов и полок, примитивность устройства очага, так как круглое дно сосуда приспособлено прежде всего к открытому костру, разводимому прямо на глиняном или каменном очаге» (Талицкий, 1951, с. 55). Но последние исследования показывают, что археологи XX в. излишне «примитизировали» представления о жителях средневекового Пермского края. Согласно анализу остатков наземных жилищ ряда средневековых поселений Предуралья, уже в XI в. появились деревянные полы, столы, печи с плоским подом (Крыласова, 2016). Тем не менее до рубежа XI–XII вв. сохранялась традиционная круглодонная форма и ломоватовская орнаментация посуды, что служит одним из важнейших аргументов в пользу необходимости расширения хронологических рамок ломоватовской культуры до конца XI в. (Белавин, Крыласова, 2016). М.В. Талицкий отмечал, что в X в. керамика «полностью сохраняет традиции ломоватовского времени как в форме сосудов, так и в орнаментике» (Талицкий, 1951, с. 55). Е.П. Казаков писал: «исследователи полагают, что ломоватовская культура в середине или второй половине IX в. перерастает в родановскую. Однако если брать обряд и вещевой материал многих относимых к родановским могильников X в., то мы не найдем существенных отличий их от ломоватовских памятников. Поэтому, как бы мы не называли их: ломоватовскими или раннеродановскими, то это будут те же ломоватовские памятники на позднем этапе» (Казаков, 1992, с. 249). Существенное пополнение источниковой базы, наличие хорошо датированных комплексов из могильников X–XI вв. позволяет переносить это утверждение и на материалы XI в., включая посуду. Появление деталей интерьера с плоскими поверхностями сделало посуду с круглым дном неудобной, но консервативность традиций не позволяла вносить изменений в ее форму, даже слегка уплощить дно, чтобы сосуд приобрел устойчивость. Вместо этого в XI в. в употребление вошли специальные глиняные подставки в виде толстого кольца с широкой подошвой (рис. 2) (Крыласова, 2007, с. 32–35).

Для типичной «прикамской чаши» характерно *округлое тулово* с наибольшим расширением в средней части, плавно переходящее в блоковидную шейку средней высоты, которая, в свою очередь, плавно переходит к *отогнутому наружу венчику*. Диаметр по венчику равен или несколько меньше диаметра наиболее раздутой части тулова. Венчики преобладают прямо срезанные, изредка встречаются округлые или приостренные.

Описанная форма – наиболее стандартная, но в ней прослеживается вариативность, выражающаяся в большей или меньшей степени профилировки тулова. В результате выделяются сосуды с более раздутым туловом и несколько суженной горловиной, или сосуды со слабопрофилированным туловом, у которых шейка едва намечена.

Так, Р.Д. Голдина и В.А. Кананин, проанализировав керамические коллекции 12 поселений и 4 могильников, выделили по форме две группы сосудов. В группу I вошли чашевидные сосуды с шейками – именно те, которые мы сейчас рассматриваем (90,9% выборки). Группа разделена на типы по степени профилировки шейки: 1 – сосуды с четко отогнутой наружу шейкой (35,3%), 2 – с прямой или слабо отогнутой шейкой (43,3%), 3 – с наклонной внутрь шейкой (12%) (Голдина, Кананин, 1989, с. 45–46). Все эти сосуды, на наш взгляд, не выходят за рамки описанной формы, их разделение на типы, возможно, не имеет принципиального значения, но не исключено, что в дальнейшем будет установлена связь выделенных типов с определенными территориями или временными периодами.

Р.Д. Голдина на основе анализа керамических коллекций 5 поселений охарактеризовала посуду ломоватовской культуры как «чашевидные… приземистые сосуды с округлым или слегка уплощенным дном. Вариации касаются преимущественно формы верхней части сосудов и определяются способом оформления шеек. В соответствии с этим показателем вся посуда разделена на 3 типа» (Голдина, 1985, с. 95). Первые два типа соот-

ветствуют рассматриваемой форме: «Тип 1 составляют довольно высокие сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее широкой части тулова. Они характеризуются чаще всего прямой или несколько отогнутой наружу шейкой, которая плавно переходит в тулово». Тип 2 – «сосуды средней высоты со значительным расширением в средней части тулова, небольшим, чаще всего суженным устьем иногда без четко выраженной или с короткой шейкой. Наиболее примечательной особенностью этого типа являются сосуды с резким расширением в средней части тулова, которое образует иногда острое ребро» (Голдина, 1985, с. 95). Посуда типа 1 на памятниках V–VI вв., по подсчетам Р.Д. Голдиной, составляла 40,5%, на памятниках VII–VIII вв. – от 10 до 35,3%. Посуда типа 2 на ранних памятниках составляла 44%, позднее стала преобладающей (53–57%) (Голдина, 1985, с. 95–96). Эти данные подтверждают, что вариации профилировки чаш могут быть хронологически обусловлены. В частности, это касается остроребериых сосудов, число которых на Опутятском городище достигает 18% (Голдина, 1985, с. 96). Это городище В.Ф. Генингом датировано второй половиной V – VI вв. и отнесено к харинской культуре (Генинг, 1980, с. 131). Таким образом, выраженное «ребро» по плечику сосудов можно считать элементом, характерным для харинской керамики, хотя остроребериая посуда не была преобладающей. Отмечалось также, что для VI–VII вв. более характерны сосуды прикрытых форм, а впоследствии преобладали открытые формы (Голдина, Кананин, 1989, с. 58).

Традиционная форма «прикамской чаши» сохранялась и в период родановской культуры, хронологические рамки которой определены В.А. Обориным в пределах IX–XV вв., им же разработана периодизация родановской культуры (Оборин, 1956, с. 84–101; 1999, с. 274–275). Согласно современным представлениям, ранний – лаврятский этап, – датированный IX – серединой XII в., следует почти целиком относить к ломоватовской культуре, смена которой на родановскую приходится на рубеж XI–XII вв. (Белавин, Крыласова, 2016). Как отмечал В.А. Оборин, ранний этап наиболее изучен, в отличие от периода XIII–XV вв., памятники которого единично исследованы раскопками (Оборин, 1999, с. 274). Соответственно, описание керамики, основанное преимущественно на материалах лаврятского этапа, почти аналогично описанию ломоватовской посуды. В.А. Оборин также делил ее на 3 типа, из которых первые два соотносятся с рассматриваемой «прикамской чашей»: 1 – крупные толстостенные сосуды со слабо выпуклыми стенками, округлым дном, плоским слабо отогнутым наружу венчиком; 2 – чаши и горшки с сильно отогнутым плоским венчиком и относительно выпуклыми стенками, с уплощенным и, иногда, плоским дном (Оборин, 1970, с. 10). Согласно современным данным, полученным, в частности, при многолетних раскопках Плотниковского (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 141–142, рис. 100) и Телячий Брод могильников родановской культуры, сосуды в виде традиционной чаши характеризуются как приземистые, с округлым туловом, имеющим наибольшее расширение в центральной части, с более или менее профилированной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Их отличие от ломоватовских чаш проявляется в уплощенном дне, а в отдельных случаях – плоском, с резким переходом к стенкам, а также в наличии петельчатых ручек, чаще всего – с площадкой сверху. Обычно это небольшие сосуды (0,2–1 л), напоминающие кружку (рис. 6). Известны и более крупные чаши объемом до 3 л, снабженные двумя ручками (рис. 6: 1) (Крыласова, 2007, с. 56–57).

Авторами выделена также форма посуды, сопутствующей традиционным чашам: группа II по Голдиной и Кананину (1989, с. 46), тип 3 (III) по Генингу (1980, с. 121), Голдиной (1985, с. 95), Оборину (1970, с. 11), – сосуды, не имеющие выраженной шейки, *низкие чашки* с вариациями в положении верхнего края – прямого, чуть загнутого внутрь или несколько отогнутого (рис. 7), сохранявшие старые гляденовские формы открытой круглодонной или остродонной чаши (Бадер, Оборин, 1958, с. 149). Такие сосуды немногочисленны (13–15% по Р.Д. Голдиной (1985, с. 96); 9,1% по Р.Д. Голдиной и В.А. Кананину (1989, с. 46)). Чтобы отделить сосуды этой формы от рассматриваемой «прикамской чаши», предложено применять к ним наименование *«миски и плошки»*. Миски могли служить как для приема пищи, так и в качестве кухонной посуды – для смешивания блюд, замешивания теста и т.п. А плошки – аналогичной формы миниатюрные

сосуды с диаметром по венчику менее 10 см, напоминающие пиалы, могли быть посудой для питья, не исключено и их использование в качестве светильников-жирников (Крыласова, 2007, с. 51–54, рис. 17).

В период родановской культуры ассортимент форм лепной керамической посуды, сосуществующей с чашами, расширился (рис. 7), о чем в работах В.А. Оборина не упомянуто. Появился новый тип сосудов *«кошелевидной»* формы со слабо профилированными или прямыми стенками с наибольшим расширением у дна. На это указывал М.В. Талицкий: «преобладающей формой местных сосудов в XII в. становится горшок, в точности копирующий привозную металлическую посуду» (Талицкий, 1951, с. 56). Эти сосуды, по материалам Плотниковского могильника XII – начала XV в., по высоте делятся на два типа: 1 – горшки, высота которых равна или превышает диаметр наиболее раздутой части тулова, с короткой резко профилированной шейкой, отогнутым наружу плоско срезанным, приостренным или округлым венчиком и типичной орнаментаций (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 142, рис. 101); 2 – приземистые сосуды без выраженной шейки или с короткой слабо профилированной шейкой, приостренным или округлым венчиком, не орнаментированные (Крыласова, Брюхова, 2017, с. 142–143, рис. 102). Также распространились *керамические котлы* подцилиндрической или усечено-конической формы с наибольшим расширением в придонной части тулова, со слабо отогнутым или прямым венчиком, плавно переходящим в тулово, иногда со слабо выраженной шейкой, с уплощенным дном. Котлы с поселений имели объем до 7 л, из погребений – 4–5 л. Характерная особенность котлов – наличие двух ушков, поднимающихся над краем сосуда, в которых крепились железные дужки, аналогичные дужкам медных котлов (Крыласова, 2007, с. 41–42, 0). Единично встречаются *керамические сковороды* (Крыласова, 2007, с. 43).

Характерной чертой средневековой посуды Пермского Предуралья, вне зависимости от формы, является *примесь толченой раковины* пресноводных моллюсков в составе формовочной массы. Иные примеси (органический раствор, песок, дресва, шамот) сравнительно редки. Р.Д. Голдина отмечает некоторое увеличение сосудов с примесью раковины от ранних к более поздним памятникам (Голдина, 1985, с. 94). В.А. Оборин обратил внимание, что для керамики южных памятников характерна примесь крупнотолченой раковины, а для северных – мелкотолченой в сочетании с растительными примесями, шамотом, песком и дресвой (Оборин, 1970, с. 11).

Посуда на протяжении всей эпохи средневековья изготавливалась методом *ручной лепки*. Небольшие сосуды вытягивались из куска глины, более крупные изготавливались в технике ленточного или лоскутного налепа. В период родановской культуры при изготовлении посуды начали ограниченно применять поворотный столик, по мнению В.А. Оборина, об этом отчасти может свидетельствовать распространение посуды с уплощенными и плоскими днищами (Оборин, 1999, с. 286), иногда наблюдаются следы подправки верхней части сосудов на гончарном круге или поворотном столике.

Обжиг преобладал костровой, о чем свидетельствует неравномерная окраска сосудов. Сосуды имеют различные оттенки коричневого и серого (вплоть до черного) цветов. При анализе керамики Чашкинского II и Запоселье I селищ, включавшей фрагменты посуды обеих средневековых культур, отмечено заметное отличие цветовой гаммы родановской посуды – в ней, за редким исключением, преобладают различные оттенки кирпично-красного цвета (Крыласова и др., 2014, с. 456). Это может подтверждать предположение В.А. Оборина о том, что в родановское время наряду с костровым стали применять *горновой обжиг* (Оборин, 1999, с. 287).

Погребальная посуда в период ломоватовской культуры изготавливалась специально, в подавляющем большинстве в форме «прикамской чаши», обжигалась иначе, чем бытовая: она менее плотная, хрупкая, иногда совсем не обожжена. Очевидно, изготовление и обжиг погребальной посуды составляли особый закрепленный традицией ритуал в рамках погребального обряда, который был неизменным до конца XI века. В период родановской культуры в составе погребального инвентаря наряду с традиционными чашами использовались и другие формы посуды, по обжигу мало отличавшиеся от поселенческой керамики, не исключено использование в погребальном обряде обычной бытовой посуды.

По способу обработки и декоративной отделки поверхности посуду ломоватовской культуры можно разделить на две группы.

К *первой группе* принадлежит *посуда повседневного использования* – тарные и кухонные сосуды среднего и большого объема (рис. 3). Для их отделки обычно использовали только собственные руки и подручные средства, которые подбирались буквально под ногами. Самой характерной особенностью в отделке этой посуды было заглаживание жестким материалом, оставляющим на поверхности «расчесы» в виде неравномерных бороздок. Эта технология способствовала уплотнению стенок сосудов, препятствовала растрескиванию при сушке. В качестве материала для такой обработки исследователями предполагаются щепки, пучки травы (Генинг, 1980, с. 118; Голдина, 1985, с. 94). Согласно выводам, полученным при осмотре под микроскопом керамики средневековых селищ на берегу Чашкинского озера, самым распространенным материалом для заглаживания поверхности были стебли соломы, сложенные кистью, которой производили повторяющиеся «мазки» снизу вверх или по горизонтали. По наблюдениям и экспериментальным путем установлено, что крупные круглодонные сосуды могли лепиться только на форме-основе, от венчика, установленного на плоскости, ко дну. Сначала соломенной кистью горизонтальными движениями заглаживали тулово, затем движениями снизу вверх производили заглаживание шейки, на днище направление «расчесов» обычно бессистемное. После подсыхания поверхности сосуд переворачивали, удаляя форму-основу, и дорабатывали изнутри – по тулову влажной рукой или мягким материалом, по шейке – горизонтальными или вертикальными «расчесами». Иногда бывают исключения в виде изменения направления «расчесов» или использования иных материалов для заглаживания – щепки или гребенчатого штампа (Крыласова и др., 2014, с. 454). Приемы обработки, сохранявшиеся на протяжении длительного времени, свидетельствуют об устойчивых традициях. Подобный характер обработки поверхности типичен для многих финно-угорских культур по обе стороны Уральского хребта, начиная с эпохи раннего железного века.

Орнаментация сосудов первой группы крайне лаконична, зачастую ограничивалась лишь оформлением венчиков, так как поверхность, покрытая «расчесами», уже была по-своему декоративной. Плоско срезанные венчики чаще всего оформлялись по внешнему краю *пальцевыми защипами*, встречаются и сосуды с защипами снаружи и изнутри венчика (Генинг, 1980, с. 126; Голдина, 1985, с. 97; Голдина, Кананин, 1989, с. 51). Существовали и иные способы, создающие эффект волнистого края – отпечатки подушечки пальца, торца пальца с отпечатком ногтя, насечки, нанесенные лопаточкой, краем щепки или палочки. Оформление венчиков защипами – типичный элемент оформления бытовой ломоватовской посуды, в XI в. использование этого приема сокращается, а в оформлении родановской посуды не применяется совсем.

Орнаментация по плечику у сосудов первой группы встречается нечасто в виде ряда разреженных отпечатков, расположенных в один ряд. Частый вариант орнамента – отпечатки, нанесенные подушечкой пальца – неглубокие округлые или овальные ямки (рис. 3: 8, 10, 18–19, 34, 36, 39). Нередко орнаментиром служил пучок соломы, отпечаток, нанесенный его торцом, напоминает розетку с бессистемными следами стеблей соломы (рис. 3: 15, 17, 38). Встречаются «личинки» – овальные углубления с насечками внутри (рис. 3: 14), которые иногда рассматривается как вариант гребенчатого штампа. Орнаментиром для нанесения «личинок» служила палочка или кость овального сечения с насечками на торце. Иногда отпечатки, напоминающие «личинки», наносились пучком соломы, но в отличие от первого варианта, со стеблями, сложенными в ряд. Оттиски такого штампа схожи с гребенчатыми, но представляли ряд неровных ямок от стеблей разного диаметра и сечения. Иногда применялся и собственно гребенчатый штамп, крупный, с редко расположенными зубцами (рис. 3: 5).

Вторую группу составляют *сосуды среднего и малого объема*, оформленные при помощи специальных орнаментиров (рис. 4). Внешне такая посуда близка погребальной. *Погребальная ломоватовская посуда* (рис. 5), изготовленная специально в особых традициях, определенно, носила ритуальный характер. Можно предположить, что и поселенческая посуда второй группы тоже могла быть не только столовой, но и ритуальной, предназначенной для использования в процессе разнообразных обрядов, сопровождавшихся ритуальными трапезами.

На поселениях сосуды второй группы сравнительно немногочисленны. Их поверхность обычно заглажена мягким материалом, «расчесы» редки. Отличались они, вероятно, и по обжигу, так как если среди сосудов первой группы преобладают оттенки коричневого цвета, то среди посуды второй группы – оттенки серого от белесого до почти черного.

Венчики таких сосудов нередко по краю украшены защипами или насечками лопаткой. Второе место занимает орнаментация оттисками мелкогребенчатого штампа, нанесенными по плоскому срезу венчика в виде наклонных или прямых отпечатков, иногда в виде «елочки». Р.Д. Голдина отметила: «на ранних поселениях среди остальных элементов явно преобладают защипы, а в более позднее время они уравновешиваются с гребенчатыми оттисками и насечкой» (Голдина, 1985, с. 97, 142). В X–XI вв. наряду с «гребенкой» в орнаментации венчиков использовались «личинки». Единично встречается оформление венчиков наколами палочкой или оттисками полой косточки в один или два ряда. На памятниках верховьев Камы отмечены единичные случаи орнаментации венчика шнуром в 1–2 ряда (Голдина, Кананин, 1989, с. 51).

В орнаментации венчиков погребальной посуды (рис. 5) есть особенности. Для погребальной керамики не характерно оформление пальцевыми защипами (за исключением ранних могильников – Харино, Агафоново I (Голдина, 1985, с. 142)), столь популярное в оформлении бытовой посуды, а также украшение ямками. Но именно для погребальной посуды свойственны резные насечки по венчику, которые, по мнению Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина, в какой-то мере можно назвать «погребальным узором» (Голдина, Кананин, 1989, с. 54).

На основании анализа техники украшения шеек ломоватовской посуды, Р.Д. Голдиной сделан вывод, что «на всех ломоватовских памятниках большая часть узоров по шейкам сосудов выполнена оттисками гребенчатого штампа (31–58%) и шнура (28–56%)» (Голдина, 1985, с. 142). Композиции из 2–14 горизонтальных *шнуровых линий* покрывают шейку и иногда спускаются на плечико. Встречаются ряды, сгруппированные по 2–3. По наблюдениям Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина, для орнаментации обычно использовался шнур левого витья, при группировке шнура в два ряда – один левого витья, другой – правого (Голдина, Кананин, 1989, с. 51). При орнаментации могли просто обматывать шейку витым шнуром или использовать прием, предполагаемый исследователями для орнаментации зауральской керамики раннего железного века – шнуром обматывалось пряслице, которое прокатывалось по шейке сосуда (Чикунова, 2000, с. 42). Р.Д. Голдина и В.А. Кананин выделили еще один вариант прокатанного штампа в керамическом комплексе городища Ором, Аверинского IX и Щукинского II селищ – валиком, который прокатывали по стенке сосуда, образовывались пояски мелких вертикальных оттисков (рис. 4: 10–11). По мнению исследователей, такая орнаментация, не характерная для керамики Верхнего Прикамья, была распространенна в среде угорских племен Зауралья, на Верхнюю Каму она могла попасть через Печору и Вычегду, где на памятниках ванвиздинской культуры встречается аналогичная орнаментация (Голдина, Кананин, 1989, с. 51). Для оформления шеек применяли и гребенчатый орнамент в виде нескольких горизонтальных рядов (рис. 4: 25; 5: 26) (Белавин, Крыласова, 2013, с. 100–102).

По плечику сосудов наносился орнамент из элементов, расположенных в 1–2 ряда. Наиболее распространенными являются шнуровые или гребенчатые «подковки» (рис. 4: 1–3, 14–16, 22, 29, 31, 38–39, 42, 46; 5: 8–10, 14–15, 18, 21, 27–28, 31), вертикальные или наклонные оттиски гребенчатого штампа (рис. 4: 21, 25, 31, 36, 51; 5:12, 19, 23), и аналогично нанесенные оттиски «личинок» (рис. 4: 27; 5:20, 23, 30). Реже с помощью гребенчатого штампа создавали более сложные узоры. Среди них преобладал 1-рядный, реже 2–3-рядный зигзаг (рис. 4: 9, 11, 13, 44, 50; 5: 3, 13, 22), единичны ромбы (рис. 5: 5, 11), «флажки» (рис. 4: 26). Из прочих элементов орнаментации представлены округлые, треугольные или четырехугольные наколы в 1, редко в 2 или 4 ряда (рис. 4: 9–10, 32–35), кружковый узор, полученный путем вдавления полой трубочки (Голдина, Кананин, 1989, с. 51), выстроенный в 1–2 линии или в виде треугольников (Крыласова и др., 2014, с. 455–456) (рис. 4: 18, 40; 5: 27).

В родановской керамике, кроме упомянутых изменений в форме прикамской чаши, в изменении особенностей обжига, прослеживаются существенные отличия в особенностях декоративной обработки поверхности. Сосуды заглаживались мягким материалом,

характерные для бытовой ломоватовской посуды «расчесы» на поверхности сосудов не прослеживаются. При оформлении венчиков перестали применять характерные для ломоватовской посуды защипы. Изменилась орнаментация, из которой полностью исчез «шнур». В целом орнаментация родановской посуды характеризуется как «гребенчатая», хотя параллельно достаточно широко встречается и резная орнаментация, иногда образующая общие композиции с гребенчатой. Резной орнамент, который можно связывать с неволинскими традициями, проникавшими в среду соседнего населения, вероятнее всего, посредством межплеменных браков, фиксируется и на ломоватовской посуде (рис. 4: 45, 47–48). В период родановской культуры XII–XV вв. можно судить о сохранении каких-то постневолинских традиций, связанных либо с остатками населения, которое в IX в. покинуло территорию бассейна р. Сылва, либо с носителями этих традиций, которые в свое время переселились на территорию формирующейся Волжской Болгарии, а впоследствии вернулись в Предуралье с волной булгарских торговцев и ремесленников, присутствие которых фиксируется на ряде городищ.

В.А. Оборин отмечал «при общем сокращении числа орнаментированных сосудов на позднеродановской керамике увеличивается разнообразие и смешанность элементов орнамента. Сложные узоры из нескольких сочетаний встречаются гораздо чаще, чем на ранних сосудах» (Оборин, 1970, с. 13).

У посуды с гребенчатой орнаментацией оттиски гребенчатого штампа зачастую украшали и плоский срез венчиков сосудов. На некоторых сосудах горизонтальными оттисками гребенки в несколько рядов украшалась шейка (рис. 6: 5, 10–11, 15, 18, 25, 34) (отметим, что такая традиция существовала параллельно со шнуро–гребенчатой уже в рамках ломоватовской культуры, напр. (Белавин, Крыласова, 2012, с. 207, рис. 79)) или все тулово сосуда (рис. 6: 43). Остальные орнаментальные композиции располагались либо по плечику сосудов, либо, в особенности у сосудов с невыраженной шейкой, – под венчиком. Наиболее простые орнаменты представлены вертикальными и наклонными оттисками (рис. 6: 3, 15, 21, 38, 41), простым зигзагом из одинарных оттисков гребенчатого штампа (рис. 6: 18, 22), двух рядов зигзага, образующих фигуры в виде ромбов. Такие орнаменты встречаются и на ломоватовской посуде в сочетании со шнуром и без него. К собственно родановским принадлежат узоры из оттисков гребенчатого штампа, сгруппированных по 3 и более, – зигзаги (рис. 6: 5, 8, 10, 21, 23, 33), вертикальные (рис. 6:20) и горизонтальные «елочки» (рис. 6: 1–2, 4, 14, 39–40, 44), чередующиеся группы вертикальных и горизонтальных оттисков, мелкая косая решетка (рис. 6: 25). Эти орнаменты находят многочисленные аналогии в керамическом комплексе перми вычегодской. Реже встречающийся резной или псевдорезной орнамент композиционно повторяет гребенчатый – те же зигзаги, «елочки», решетки, иногда эти элементы дополняют гребенчатые композиции (рис. 6: 7, 12, 28–30, 32, 34–35).

Для родановской посуды характерны рельефные налепы, нередко сочетавшиеся с гребенчатым орнаментом. В.А. Оборин отмечал: «На позднем этапе функционирования родановской культуры… под влиянием рельефной металлической посуды появились кольцевые налепные валики у горла, овальные или сосцеобразные выступы на стенках…» (Оборин, 1999, с. 287). Первый вариант налепов выделяется в виде рельефного горизонтального валика, размещенного в верхней части сосуда на небольшом расстоянии от горловины, сам валик и пространство вокруг него обычно покрывал орнамент в виде горизонтальной «елочки» (рис. 6: 1; 7). Второй вариант – это вертикальные овальные налепы, помещенные попарно или группами по 3 на плечике сосуда (рис. 6: 6, 25, 33–35) как самостоятельно, так и в составе орнаментальных композиций (Крыласова и др., 2014, с. 457). Еще один вариант рельефных элементов орнаментации родановской посуды – округлые или овальные колечки, которые помещались в ряд вдоль плечика сосуда в сочетании с композициями гребенчатого орнамента (рис. 6: 27). В.А. Оборин при анализе керамики городища Анюшкар отметил, что в верхнем слое значительно увеличивается число сосудов, орнаментированных кружковым орнаментом (15%) (Оборин, 1970, с. 12). Здесь имелся в виду штамп в виде колечка с насечками, напоминающими оттиски гребенки (рис. 6: 18–19). Такой штамп, действительно, встречается на родановской посуде как элемент гребенчатого орнамента, но фиксируется не на всех памятниках, возможно, его использование носило локальный характер. Тем не

менее В.А. Оборин сделал такое заключение: «если кратко определить тип орнаментации родановской керамики, то его можно назвать гребенчато-кружковым. Число кружкового орнамента на поздних родановских сосудах увеличивается и за счет круглых налепов, встречающихся на стенках сосудов» (Оборин, 1970, с. 12).

Таким образом, эволюцию прикамской чаши в период средневековья можно представить следующим образом:

– На протяжении ломоватовской культуры, начиная с харинского этапа V–VI вв. и до конца XI в., наиболее характерной формой сосудов являлись круглодонные приземистые чаши, которые подразделяются на «бытовые» и «ритуальные» (включая погребальные), различающиеся по способу обработки поверхности, орнаментации и обжигу. В форме чаш прослеживается вариативность по степени профилировки тулова, высоте шеек и степени отогнутости венчика, которые, по предварительным оценкам, хронологически обусловлены. Так, для харинского этапа характерны сосуды с выделенным ребром по плечику, для VI–VII вв. – приземистые сосуды прикрытых форм: с наклоненными внутрь, прямыми или чуть отогнутыми шейками. Позднее господствующей стала открытая форма сосудов (Голдина, Кананин, 1989, с. 58), сохранявшаяся до конца XI в. (рис. 7). Таким образом, на раннем этапе ломоватовской культуры формам прикамской чаши была свойственна большая вариативность, а к концу VII в. форма стандартизировалась и прочно закрепилась традицией, вплоть до того, что когда в XI в. распространились детали интерьера с плоскими поверхностями, вместо изменения формы сосудов жители Пермского Предуралья предпочли использовать специальные подставки. Для посуды «ритуального» характера на всем протяжении ломоватовской культуры была свойственна шнуро-гребенчатая орнаментация – с многорядным шнуром по шейке и гребенчатыми элементами по плечику, которая связывается с угорским этническим компонентом. Параллельно существовала чисто гребенчатая орнаментация, свойственная финскому компоненту ломоватовской культуры.

В период ломоватовской культуры единственным типом посуды, сосуществовавшей с прикамскими чашами, являлись низкие миски и плошки (рис. 7).

– В период родановской культуры XII–XV вв. форма «прикамской чаши» изменилась: появились уплощенные или плоские днища, петельчатые ручки. Изменился способ обработки поверхности: исчезла обработка грубым материалом, оставляющим расчесы. Изменился характер орнаментации: полностью вышли из употребления защипы по венчику (и в целом из всех видов орнаментации, наносимой пальцами, остались только защипы по тулову – орнамент, не известный на ломоватовской посуде), исчезла шнуровая орнаментация, гребенчатый орнамент стал более «пышным» и разнообразным, нередко дополнялся рельефными налепными элементами, аналогичные орнаментальные композиции выполнялись и с помощью резного орнамента.

В период родановской культуры значительно расширился ассортимент посуды, кроме существовавших ранее форм появились сосуды с наибольшим расширением у дна («кошелевидные»), котлы, сковороды, а также крышки, светильники и пр. (рис. 7).

Однако такие общие характеристики, как состав теста (с преобладанием примеси толченой раковины), ручной способ лепки, костровой обжиг, приземистая форма чаш, могут свидетельствовать о некой преемственности ломоватовской и родановской посуды.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.

Батуева Н.С. Керамический комплекс Плотниковского могильника // Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник / Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ, Музей Археологии и этнографии Пермского Предуралья, 2017. С. 180–184

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI вв. // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье / Мате-

риалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 18 / Отв.ред. Васкул И.О. КНЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми научного центра УрО РАН, 2013. С. 99–105.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Пермь: ПГПУ, 2012. Вып. II. 259 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.

Васильева А.В., Головчанский Г.П. Керамический комплекс городища Пыскор // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции («Строгановские чтения»). Усолье: УИАМ «Палаты Строгановых», 2004. С. 60–61.

Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв.ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Уд. кН. изд-во, 1976. С.3–35.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 215 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В. Ф. Генинг Ижевск: УдГУ, 1980. С. 3–66.

Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв.ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1987. С. 67–75.

Казаков Е.П. О взаимодействии болгаро-салтовского и приуральского населения (по материалам керамики Волжской Болгарии) // Ранние болгары в Восточной Европе / Под ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1989. С. 122–132.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Об этнокультурных истоках круглодонной керамики средневековых памятников Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии Волжских финнов / АЭМК. Вып. 23. / Науч. ред. Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 86–95.

Казаков Е.П. К проблеме происхождения керамических комплексов финнов и угров Урало-Прикамья // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) (Киров, 18-20 октября 1994 г.) / Отв.ред. В. В. Низов. Киров, 1994. С. 60–62.

Казаков Е.П. Волжские Болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: АНРТ, 2007. 208 с.

Кананин В.А. Исследования городища Шудьякар в верховьях р.Камы // КСИА. Вып. 160. М.: Наука, 1980. С. 92–100.

Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 3. С. 63–76.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.

Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник / Археология Пермского края: свод археологических источников. Вып. IV. Пермь: ПГГПУ, Музей Археологии и этнографии Пермского Предуралья, 2017. 222 с.

Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л, Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края .САИ. Вып. III. Пермь: Изд-во, 2014. 565 с.

Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Семинское городище – памятник родановской культуры в пределах г. Березники Пермской области // Труды КАЭЭ. Вып. IV. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 50–64.

Мельничук А.Ф., Соболева (Кулябина) Н.В. Селище Пеньки – памятник харинского времени на р.Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1988. С. 99–109.

Мингалев В.В. Керамика Чазевского I могильника // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Труды КАЭЭ. Вып.VI. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 125–133.

Оборин В.А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // УЗ ПГУ. Т.XI. Вып. 3. Харьков: Харьк.ГУ, 1956. С. 84–103.

Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Памятники ломоватовской культуры / Вопросы археологии Урала. Вып. 9. / Отв.ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1970. С. 3–29.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв.ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ, 1999. С. 255–298.

Поляков Ю.А. Коновалятское селище // УЗ ПГУ. Т.XII. Вып.1. / Труды КАЭ. Вып.III. Пермь: ПГУ, 1960. С. 207–218.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. М.: АН СССР, 1951. С. 33–96.

Теплоухов А.Е. Описание коллекции черепков глиняной посуды из чудского селища близ с. Кудымкарского в Соликамском уезде // Зап. УОЛЕ. Т.VII. Вып.4. 1884. С.177–184.

Чикунова И.Ю. Керамический комплекс кашинской культуры с Рафайловского селища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды / Отв.ред. В.Р. Цибульский, А.В. Матвеев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 42–44.

Юркова Е.В. Лепная керамическая посуда селища Запоселье I // Археологические памятники Чашкинского озера. / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III / Под ред. М. Н. Афанасьевой. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 530–545.

Информация об авторах:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); главный научный сотрудник, ПФИЦ УрО РАН (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр Уро РАН (г. Пермь, Россия); halikov_2011@mail.ru

EVOLUTION OF “PRIKAMSKAYA BOWLS” IN THE MIDDLE AGES[2]

N. B. Krylasova, A. M. Belavin

Medieval ceramics has distinct characteristic features distinguishing it from the ceramics of the boundary synchronous cultures. The most common form of ware was sculpted squat vessels, or bowls, with a rounded body, convex walls, trochlear neck and outwardly bent straight crown. This form was the most stable one which preserved throughout the Middle Ages. However, the distinctive features of the “Prikamskaya bowls” in the period of Lomovatovo culture of 5th-11th centuries were a round bottom, use of coarse material, “scratches” left by the processing of household dishes, crowns decorated with tucks, and predominance of corded and combed ornamentation in the decoration of ware and ritual utensils, the most typical element of which was “horseshoes”. A flattened or flat bottom, smoothing of the surface with exceptionally soft material, predominance of combed ornamentation with the use of relief molded elements, and presence of looped handles are typical of the bowls of the subsequent Rodanovo culture. However, such general characteristics as the composition of moulding compounds with the predominance of crushed shell admixtures, a manual moulding technique, fire roasting, and preservation of the low shape of the bowls can indicate the continuity of the pottery traditions of Lomovatovo and Rodanovo cultures.

Keywords: Perm Cis-Urals, the Middle Ages, Lomovatovo culture, Rodanovo culture, ceramics, “Prikamskaya bowls”.

About the Authors:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation. Perm scientific

[2] The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-46-590780 “Economic and cultural outlook of the medieval Cis-Urals (complex study)”.

center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Belavin Andrei M. Doctor of Historical Sciences. Professor. Perm Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; belavin@pspu.ru

Рис.1. Характерный сосуд ломоватовской культуры. Баяновский могильник

Рис.2. Сосуд на подставке, XI в. Рождественское городище

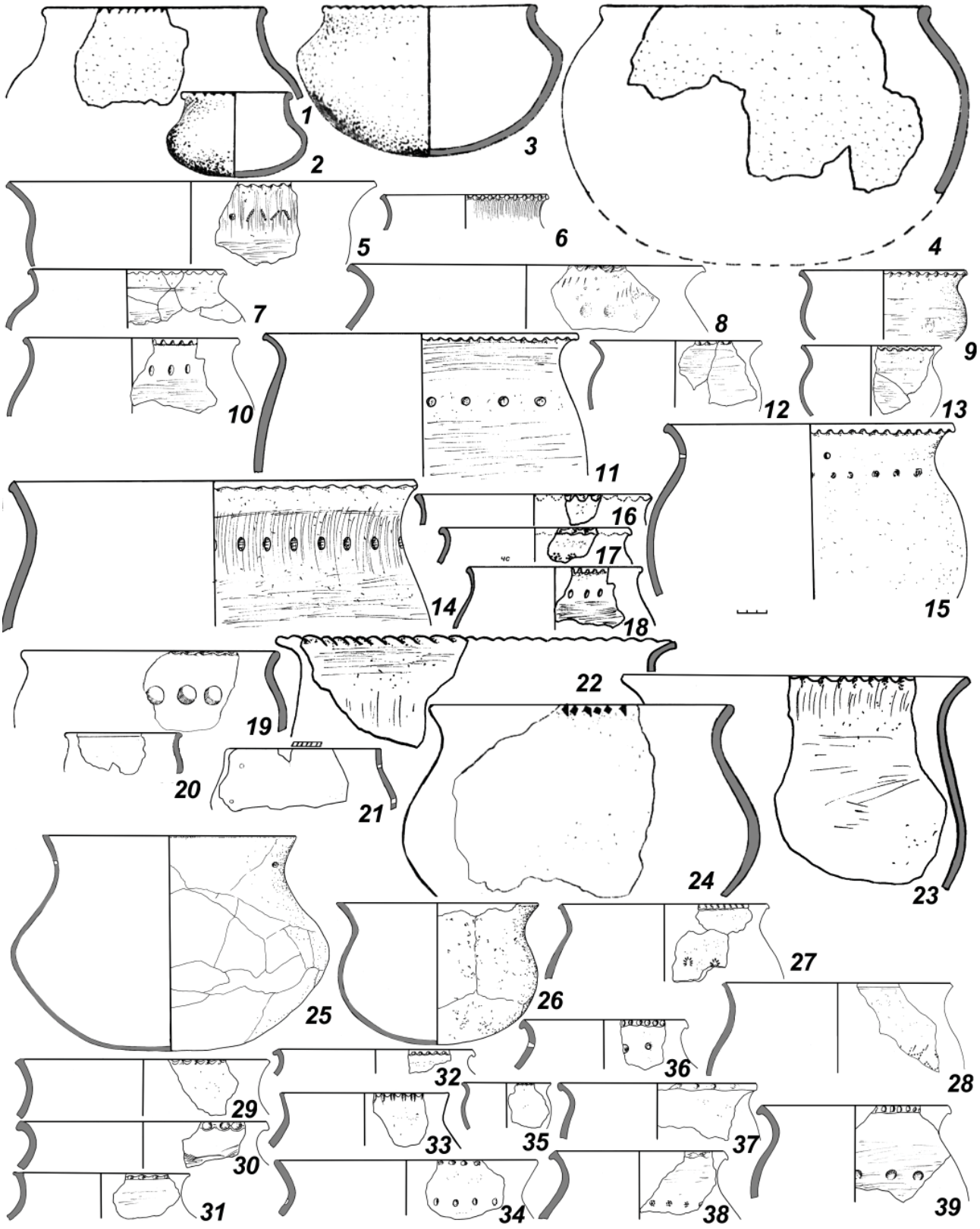


Рис. 3. Бытовая ломоватовская посуда группы I: 1-4 – Опутятское городище; 5-15 – селище Запоселье I; 16-18 – Чашкинское II селище; 19-20 – городище Шудьякар; 21 – Русиновское II селище; 22-23 – Русиновское I селище; 24 – Макаровское селище; 25-28 – Рождественское городище; 29-39 – Лаврятское городище

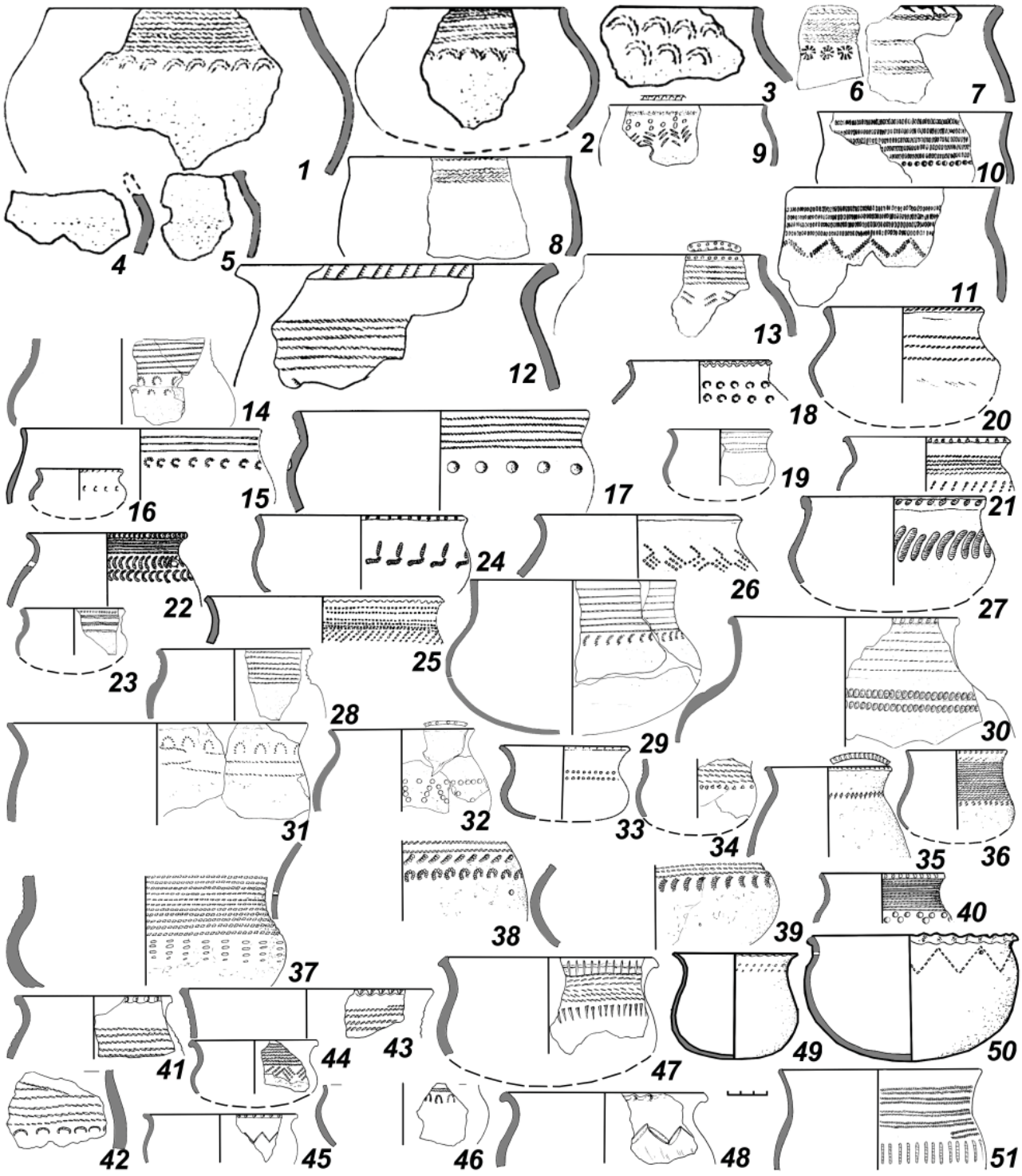


Рис. 4. Орнаментированная ломоватовская посуда группы II: 1-5 – Опутятское городище; 6-8 – Горткушетское селище; 9 – Аверинское IX селище; 10-11 – городище Ором; 12-13 – городище Шудьякар; 14-32 – Рождественское городище; 33-40 – селище Запоселье I; 41-48 – Лаврятское городище; 49-50 – селище Володин Камень I; 51 – Роданово городище

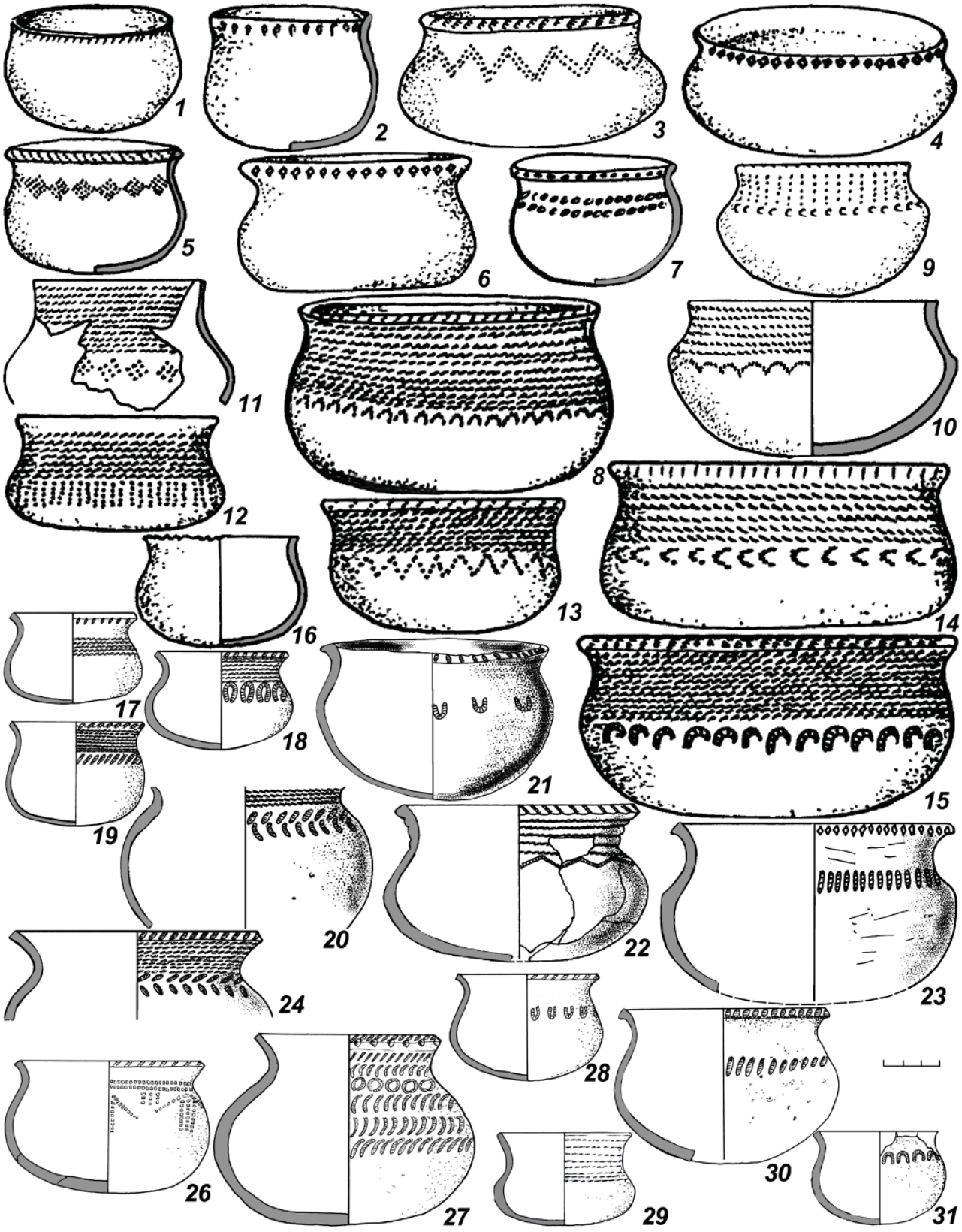


Рис. 5. Погребальная ломоватовская посуда: 1 – Бродовский; 2-3 – Важгортский; 4 – Деменковский; 5-8 – Каневский; 9-10 – Агафоновский; 11-15 – Аверинский II; 16 – Мелехинский; 17-19 – Запосельский; 20-24 – Огурдинский; 25-31 – Рождественский могильники

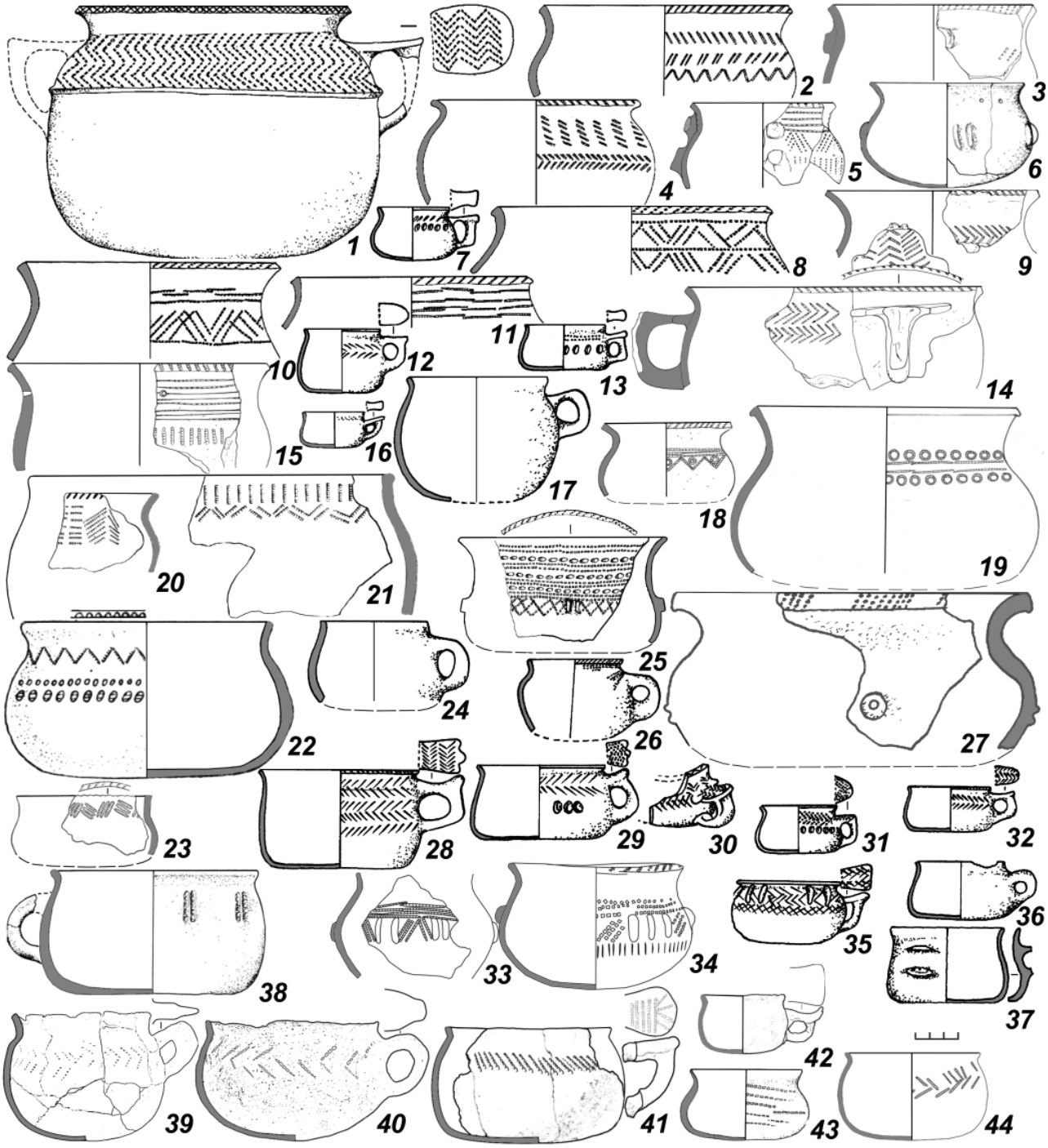


Рис. 6. Родановская посуда: 1-17 – Рождественское городище; 18-19 – Родановo городище; 20-24 – городище Шудьякар; 25 – Редикарское городище; 26 – городище Анюшкар; 27 – Городищенское городище; 28-30 – Саломатовское городище; 31 – селище Телячий Брод; 32 – Антыбарский могильник; 33-34 – Чашкинское II селище; 35 – могильник Телячий Брод; 36-37 – Аверинский I могильник; 38-44 – Плотниковский могильник

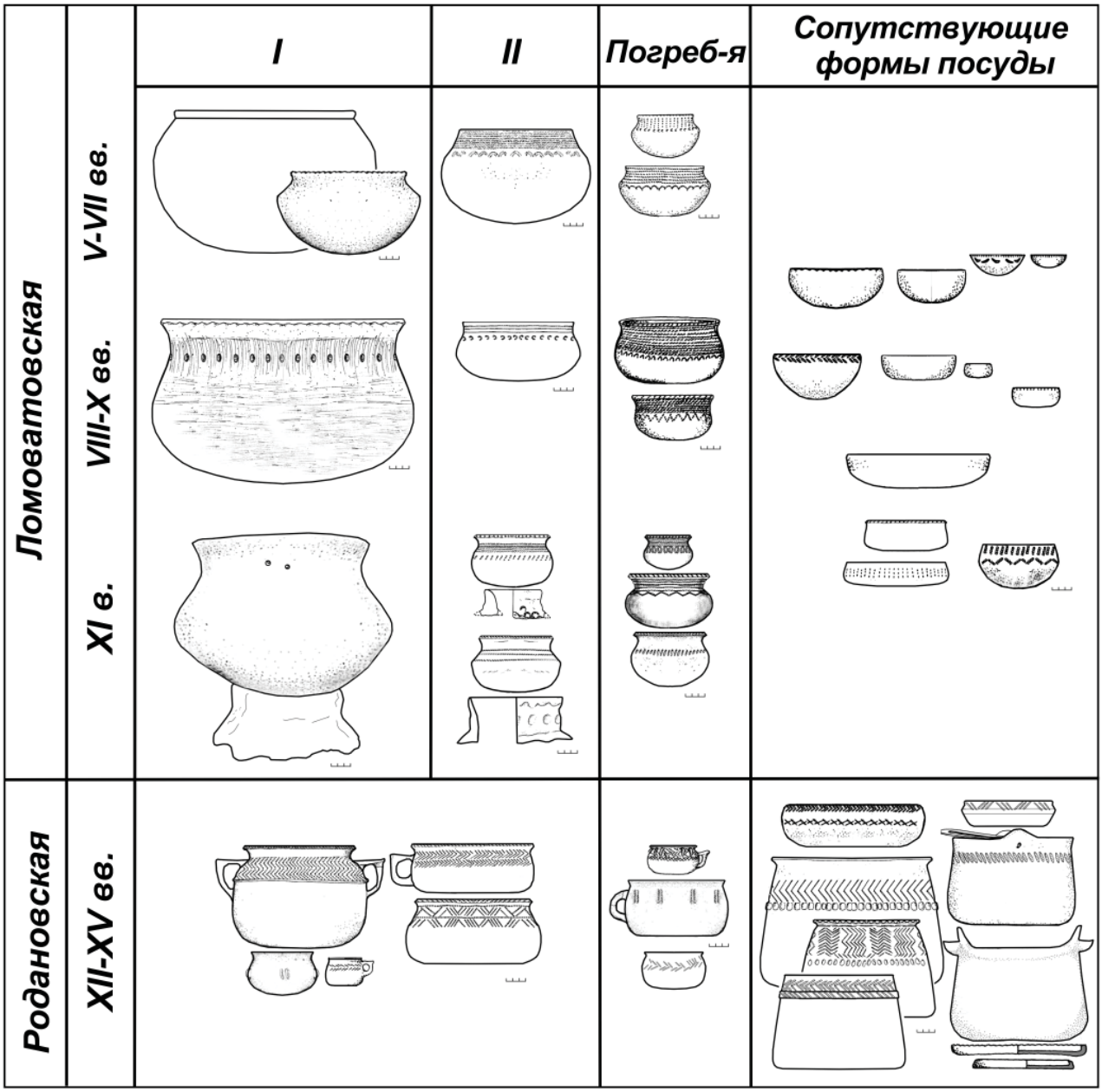


Рис. 7. Схема эволюции «прикамской чаши»

УДК 902/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00085

ЗАУРАЛЬСКАЯ УГОРСКАЯ ОЙКУМЕНА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ[1]

© 2019 г. С.Г. Боталов

Сегодня можно наметить три основных этапа проникновения угорской культурной составляющей на территорию лесостепного Зауралья в эпоху средневековья: карымско-зеленогорская (IV–VII вв.), батырско-подчевашская (VII–VIII вв.) и петрогромско-юдинская (IX–XIII вв.). Предлагаемая нами схема поэтапного проникновения угорского населения в лесостепное Зауралье напрямую связана с культурными типами и этапами культурогенеза таежного Обь-Иртышья. Однако из приведенного списка культур и типов выпадают наиболее поздние угорские петрогромско-юдинские памятники с гребенчато-шнуровой керамикой (IX–XIII вв.). Вероятнее всего это связано с тем, что основным регионом формирования и последующего развития этих типов является горнолесное и лесостепной Зауралье. При современном этапе накопления материалов становится очевидным тот факт, что материалы поселенческих и погребальных комплексов юдинской общности действительно находят много общего с нижнеобским кругом культур X–XII вв. Аналогично этому стоит признать, что родственное ей лесное зауральское население с гребенчато-шнуровой керамикой может быть соотнесено с предками «манси».

Ключевые слова: зауральские угры, мадьяры, этногенез.

Более 30 лет назад Е.П. Казаковым была высказана блестящая идея об этнокультурной принадлежности прикамских средневековых памятников с гребенчато-шнуровой керамикой. По его мнению, происхождение этих комплексов напрямую связано с проникновением угорского населения из Зауралья и Западной Сибири (Казаков, 1985, 1987, 1987а, 2004).

Как известно основным оппонентом этой идеи выступила Р.Д. Голдина (2013). Не пытаясь реанимировать данную полемику, тем более что свои наблюдения на эту тему мы подробно изложили в одной из коллективных монографий (Боталов, 2016), попытаемся обрисовать собственно угорский (праугорский) ареал на территории лесостепного Зауралья, который складывается в эпоху средневековья.

Следует заметить, что этические реконструкции на археологических материалах весьма неблагодарное дело, чаще всего они вызывают бурные обсуждения и скепсис со стороны коллег-археологов и в особенности этнологов и историков. Известны даже категорические суждения, объявляющие своеобразные табу на любые этнические реконструкции посредством археологии. Тем не менее «караван идет» и археологические реалии как исторической дисциплины на определенном этапе накопления вынуждают нас в фигуральном смысле «разговорить вещи» и персонифицировать их с тем или иным этносом. Это возможно предпринимать на определенном этапе накопления, когда к той или иной серии материалов уже прилагают сентенцию как то «по устоявшемуся мнению».

Сегодня можно наметить три основных этапа проникновения угорской культурной составляющей на территорию лесостепного Зауралья в эпоху средневековья: карымско-зеленогорская (IV–VII вв.), батырско-подчевашская (VII–VIII вв.) и петрогромско-юдинская (IX–XIII вв.). Эта схема построена в соответствии с современными представлениями об этногенезе обских и зауральских угров, которые были систематизированы и помещены в одной из работ В.И. Молодина. Автор, опираясь на существующие точки зрения целого ряда авторитетных авторов (В.Н. Чернецова, С.В. Иванова, З.П. Соколовой и др.), изложил общую схему угорского культурогенеза, согласно которой он полагает, что уже в раннем железном веке носителями кулайской культуры таежного Приобья были древнейшие угры. С рубежа II–I вв. до н. э. (и

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири»

в течение всего средневековья – *С.Б.*) южные угры начинают активные миграции, прежде всего в Нижнее Приобье и Прииртышье. На Севере они смешиваются с автохтонным населением и формируют усть-полуйскую культуру, а на Западе, в Прииртышье, подчевашскую. Обе эти культуры являются, по мнению В.Н. Чернецова, древнеугорскими. Благодаря исследованиям уральских археологов В.М. Морозова, Л.М. Тереховой, Н.В. Федорова, Ю.П. Чемякина, был накоплен значительный материал, позволяющий представить себе картину культурно-исторического развития данного региона от эпохи неолита до позднего средневековья. Основываясь на нем, можно сделать вывод, что с переходом в среднетаежное Приобье кулайцев-саровцев культура здесь развивается автохтонно и проходит карымский, оронтурский (или зеленогорский и кучиминский), кинтусовский, сайгатинский этапы в своем развитии. Налицо явная эволюция одной культурной общности с присущей ей преемственностью в орнаменте посуды, сюжетах и стиле бронзового литья, домостроительстве и возведении оборонительных сооружений. Сильнейшая тюркская экспансия с Юга привела к тому, что границы данного этнокультурного образования сдвинулись к Северу. Несмотря на сильное тюркское воздействие на угорский этнос, последний все же оставался преобладающим, благодаря чему группы ханты, хотя и тюркизированные до известной степени, продолжали бытовать в Прииртышье, о чем говорят исследованные здесь памятники эпохи позднего средневековья: погребения, святилища, антропологический материал.

Таким образом, прародиной угров правомерно считать южно-таежное Приобье и Среднее Прииртышье, где впоследствии, в эпоху раннего средневековья, формируется этнокультурное образования северных и южных ханты и манси, проживающих здесь вплоть до настоящего времени. В южно-таежном Приобье, в результате сложных этнокультурных процессов, сохранились лишь незначительные группы ханты, и в эпоху средневековья сформировались смешанные угро-самодийские племена (Молодин, 2019).

Исходя из вышесказанного, предлагаемая нами схема поэтапного проникновения угорского населения в лесостепное Зауралье напрямую связано с культурными типами и этапами культурогенеза таежного Обь-Иртышья. Однако из приведенного списка культур и типов выпадают наиболее поздние угорские петрогромско-юдинские памятники с гребенчато-шнуровой керамикой (IX–XIII вв.). Вероятнее всего это связано с тем, что основным регионом формирования и последующего развития этих типов является горнолесное и лесостепной Зауралье. При современном этапе накопления становится очевидным тот факт, что материалы поселенческих и погребальных комплексов юдинской общности действительно находят много общего с нижнеобским кругом культур X–XII вв. Вероятнее всего зауральское петрогромское население в этнокультурном отношении было родственным им, на это отчасти указывает процесс длительной диффузии петрогромских и юдинских племен в пределах исетского Зауралья.

Вероятно, в этой связи стоит признать правоту мнения В.Н. Чернецова, высказанного еще в 60-х годах прошлого столетия и позже подтвержденного в работах В.Д. Викторовой о «принадлежности зауральского лесного населения с гребенчато-шнуровой керамикой к предкам манси» (Викторова, Морозов, 1993, с. 189–191).

К этому следует добавить, что автор в этой связи разделяет точку зрения Е.П. Казакова о прямой преемственности петрогромских и юдинских памятников. Вероятнее всего истоки юдинской культуры действительно следует искать в памятниках петрогромского типа памятников с учетом региональных особенностей Прикамья и памятников горнолесного и лесостепного районов Среднего Зауралья (Казаков, 1987). Это хорошо видно на материалах Больше Бакальского городища, где на самом позднем этапе бакальского историко-культурного горизонта (VII–VIII вв.) появляются в начале некие синкретические переходные формы петрогромской керамики с подковообразными вдавлениями, сочетающими шнуровой горизонтальный орнамент и косую резную или гребенчатую решетку, а вероятно после этого они унифицируются юдинской шнуровой и гребенчато-шнуровой традицией, о чем будет подробнее рассказано ниже.

Карымско-зеленогорский этап (IV–VII вв.) представлен характерной фигурно-штамповой керамикой, которая в обязательном порядке появляется в рамках бакальского ИКК на селищах и городищах могильников

Поисетья (Б. Бакальское, Усть-Утяк, Коловское, Ипкуль XV, Старо-Лыбаевское, Рафайловское, Козловский, Усть-Тюч 1). Эти сосуды отличаются более тщательной обработкой поверхности. По орнаментации посуда этой группы резко отличается от сосудов основного бакальского комплекса. Декор покрывает не только шейку, но и плечо, а иногда и верхнюю часть тулова. Отмечены орнаменты, нанесенные гребенчатым, глазчатым, струйчатым, «карымским» и полулунным штампами. Гребенчатый и прочерченный орнаменты образуют горизонтальные полосы, состоящие из вертикальных или наклонных оттисков, или сетку. Обязательными элементами орнамента являются глубокие круглые ямки, расположенные в один ряд и образующие выпуклины на внутренней поверхности сосудов. Есть и резные узоры в виде косых насечек, елочки и решетки (рис. 1).

Однако процент этой керамики на данном этапе крайне невелик и достигает 5–10% (по данным городищ Больше Бакальского и Усть-Утяк 1). Тем не менее, это указывает на факт наиболее раннего проникновения население таежного Приобья на территорию Среднего Зауралья. Особым маркером в этой связи является единственная находка бронзовой угорская пластики на Больше Бакальском городище в виде антропоморфной личины, которая имеет весьма выразительные аналогии в виде бронзовой птицевидной подвески со схожей антропоморфной личиной из Большевисимского могильника (Пермский край) из погребения, датируемого VII–VIII вв. (рис. 2).

Несмотря на исключительно маркерный характер раннеугорского влияния на этом этапе, впечатляет география региона проникновения артефактов этого культурного облика. Крайне западные границы его маркируют находки керамики с фигурно-штамповым орнаментом на памятнике Ручей Поселение 1, расположенном в нязепетровском приуральско-зауральском пограничье[1] (рис. 3), а также на городище Иртяшское 2 (Наумов, 2016, рис. 56: 16).

На юге распространение этого типа керамики заходит глубоко в степи кустанайского Притоболья. В верхних слоях стоянки Карасар 3 обнаружены фрагменты горшка с фигурно-штамповой орнаментацией (Боталов, 2016, с. 501, рис. 13: 6). Вероятно, расширение ареала угорского карымско-зеленогорского население происходит синхронно в VI–VII вв. в тех же направлениях[2], что и продвижение носителей кушнаренковско-караякуповской керамики. Однако стоит признать, что эти процессы происходили достаточно независимо друг от друга, что отчасти указывает на этнокультурную автономность населения раннеугорского карымского и протомадьярского кушнаренковско-караякуповского населения.

Батырско-подчевашский этап (VII–VIII вв.). Проникновение угорского (угро-самодийского) подчевашского населения в пограничные районы лесостепного Зауралья представляется менее ярким, чем предшествующее раннеугорское проникновение. Вероятнее всего этот факт объясняется тем, что на данном этапе наблюдается встречное движение зауральского лесного и лесостепного население (по В.Д. Викторовой) – носителей керамики батырского типа (V–VI вв.), который, как нам представляется, является первым этапом формирования петрогромской культуры[3], лежащей впоследствии в основе

[1] Выражаю особую благодарность Андрееву Валерию Максимовичу за возможность использовать его разведочные материалы.

[2] Хотя, как известно, продвижение карымского населения наблюдается и в юго-восточном направлении. Так известный могильник Усть-Тара VII, исследований в омском Поиртышье содержал яркий керамический комплекс посуды карымского типа (Скандаков, Данченко, 1999). В этом же регионе по неопубликованным данным Л.И. Погодина обнаружены материалы кушнаренковско-караякуповского круга.

Эти факты указывают на то, что собственно угорская составляющая на самом раннем этапе имела некоторую культурную автономность. Сосуществующие внутри бакальского ИКК с зауральским населением – носителем другого культурного комплекса, угорские группы, по-видимому, активно взаимодействовали с ним, при этом сохраняя свое этнокультурное своеобразие.

[3] К этому мнению автора подтолкнула довольно поздняя радиоуглеродная дата, сделанная по батырской керамике (по определению А.П. Зыкова) из Кокшаровского холма (640–810 AD (при значении 68,2%) и 560–900 AD (при значении 95,4%)). Учитывая крайне малое количество культурно-маркирующих комплексов батырского и петрогромского типов их определение опирается исключительно на типологию керамики, в этом случае основной маркерный показатель – шнуровая орнаментация остается не в счет. Думается это обстоятельство продиктовано степенью изученности темы и слабой базой первичного накопления. Учитывая единство территорий первичного заселения (горнолесное, лесное Зауралье), вероятнее всего история раннего угорского поселения

формирования зауральских манси. Появление батырской (раннепетрогромской) керамики в слоях Больше Бакальского городища (Гущина, Боталов, 2016, рис. 42: 9, 19), поселение Боровая XIII (близ Шадринска) (рис. 4) и в слоях городища Усть-Терсюк (Гарустович, 2008, рис. 1, 4–5, 9) в Шадринском и Тюменском Поисетье своеобразно маркирует процесс расширения раннепетрогромского ареала на восток в V–VI вв.

Подчевашская угорская составляющая в этот период на этнокультурной карте региона занимает более северную контактную территорию юга тюменской лесостепи, где располагаются известные памятники – Логиновское городище, Лихачевский могильник и др. Наиболее близкую юго-западную позицию из них занимает святилищный комплекс Ингала, исследуемый в настоящее время. Здесь наряду с раннеугорской антропоморфной и зооморфной пластикой (VI–VII вв.) в керамическом комплексе, представленном более десятком сосудов, большинство которых были бакальские (неволинские ?) образцы, обнаружены фрагменты от подчевашского горшка (рис. 5).

Таким образом, на батырско-подчевашском этапе угорская составляющая в лесостепной Зауралье представляется как двухкомпонентная, когда в недрах синтетического байкальского ИКК появляется доля вначале батырской (раннепетроградской), а затем ко времени его распространения собственно петрогромской керамики. Этот процесс указывает на возрастающую активность раннеугорского зауральского населения горнолесного и лесного Среднего Урала. При этом расширение этого ареала в данный период наблюдается и на запад в Сылвенское Прикамье, где характерная посуда со шнуровым орнаментом появляется на бродовском этапе неволинской культуры (IV–V вв.). Этот аспект нами подробно был освящен в одной из коллективных монографий (Боталов, 2016, с. 507–517). Встречное движение наблюдается с северо-востока и отражает новую волну продвижения западносибирского угорского (угро-самодийского) населения южнотаежного Поиртышья и связан с появлением в тюменской лесостепи памятников и материалов подчевашского типа.

Петрогромско-юдинский этап (IX–XIII вв.). Появление керамики со шнуровым орнаментом на городищах Поисетья, на наш взгляд, знаменует собой окончание и распад бакальского ИКК, который падает на VI–VIII вв. Это отчасти объясняет тот факт, что две наиболее поздние радиоуглеродные даты из городища, сделанные по керамике петрогромского типа (Ki 15912, 640–780 AD (при 68,2%) и 590–880 AD (при 95,45%), полученной из самого верхнего горизонта и угля из шарфа № 7, заложенного на участке наиболее примыкающего к цитадельной части 670–712 AD (при 68,2%) и 661–770 AD (при 95,2%). Процент этой керамики от общего количества 6,9%. Хотя как нам представляется, этот процент, как и количество поздних радиоуглеродный дат, было бы больше в том случае, если бы возможным оказалось исследовать полностью цитадельную часть городища, до момента полного разрушения карьера.

Кроме сказанного следует добавить то наблюдение, что на городище Усть-Утяк I, где непрерывная линия развития бакальского ИКГ заканчивается (по радиоуглеродный шкале) в пределах конца VI века (Боталов, 2016, с. 532) полностью отсутствует шнуровая керамика, то есть последующий петрогромско-юдинский горизонт. Вероятнее всего западный импульс продвижения зауральского угорского населения не достиг юго-восточных пределов бакальского горизонта, финал основного обитания которого падает на конец VI века.

Возвращаясь к шнуровому горизонту Больше Бакальского городища стоит указать нижеследующее. В общей сложности на городище обнаружено около двух десятков сосудов, представленных керамикой со шнуровой орнаментация, их объединяют фрагменты, орнаментированные с использованием орнаментации шнуром, который часто сочетается с прочерченным, гребенчатым, гладким штампом и ямочными вдавлениями (рис. 6).

Несколько сосудов в этой группе могут быть отнесены к батырским горшкам, которые обычно имеют небольшой диаметр (рис. 6, 8, 9, 12, 18). Сосуды сильно профилированы, имеют плоский и широкий край венчика, иногда с небольшим наплывом внутри. Часты находки горшков с четко выраженным ребром. Орнаментация мелким шнуром часто

– носителей шнуровой орнаментации отражает единую (петрогромскую) линию развития. Различия же типологического типа носят хронологический характер (батырский(раннепетрогромский) тип и собственно петрогромский).

сочетается с круглыми и овальными наколами и отпечатками мелкозубого гребенчатого штампа и уголковых вдавлений. Орнамент расположен густо и покрывает венчик, шейку и плечо сосудов, а в некоторых случаях и верхнюю часть тулова. В керамическом тесте фиксируется дресва, тальк, слюда (рис. 6: 6–8, 11, 13, 15, 18).

С нашей точки зрения, данный комплекс шнуровой керамики, вероятнее всего, может быть отнесен к переходному петрогромско-юдинскому типу. Основные признаки этой посуды – приземистость, слабая профилировка, круглодонность, низкая шейка. В орнаментации в основном многорядные горизонтальные линии в шнуровой или гребенчатой технике, дополненные вертикальными, наклонными гребенчатыми оттисками, елочкой, зигзагом. Помимо простого квадратно-ромбического или круглого штампа встречаются защипы. Как правило, обязательно ряд ямок, реже жемчужин по шейке, вдоль венчика. Пояски из отпечатков шнура обычно сочетаются с рядами из наклонно поставленных оттисков мелкозубчатого штампа. При этом по профилировке сосудов и сочетанию горизонтального шнура и гребенчатой, реже резной косой «бакальской» решетки в орнаментации можно предположить, что это керамика является неким синтетическим переходным типом между позднепетроградской (переходной) керамикой с яркими маркерными чертами и орнаментацией бакальского облика.

И, наконец, часть сосудов, возможно, отнести к позднепетрогромским и раннеюдинским образцам (рис. 6: 1–5, 9, 10, 12, 14, 16, 17).

Петрогромско-юдинская эпоха явилось тем самым временем, когда угорская ойкумена вступила в свои бескрайние границы в пределах Урала и Западной Сибири. Расширение его на западе достигает Нижнего и Сылвенского Прикамья, что было справедливо отмечено в работах Е.П. Казакова и коллег. В горнолесных и примыкающих районах лесостепного Среднего и Южного Зауралья появляются многочисленные святилища и святилищные места с позднебакальской и петрогромской керамикой и наскальными писаницами (Арасламовская, Большие Аллаки, Аракуль, Голуха, Палатки I, II, IV, гора Петрогром, Матаиха и др. (рис. 7–9).

Традиция совершения святилищных мест отмечена и на погребальном комплексе Уелги. Так, в северо-западном поле кургана 29 было совершено святилищное место («тайник») куда были выложены конская узда, пояс, сабля и отдельные украшения, часть из которых несет явные элементы пермско-угорского звериного стиля. Кроме этого, подобные изобразительные сюжеты антропоморфной и зооморфной пластики обнаружены на других предметах, обнаруженных в могильнике (пряжка, кресало, накладка с тремя антропоморфными личинами) (рис. 10).

Интересную картину дает характер уелгинского керамического комплекса, примерно половину его составляют горшки с гребенчато-шнуровой, прорезной и плоско- и фигурноштампованной орнаментацией.

Эти сосуды, с одной стороны, несут на себе некоторые постбакальские (неволинские) сюжеты, с другой, составляют разнохарактерный петрогромско-юдинский облик (рис. 11). При этом следует отметить тот факт, что эти типы керамики встречаются в одних кургана и даже в одних погребениях, относящихся к самому концу IX–X вв. вместе с позднекушнаренковскими и позднекараякуповскими горшками.

Таким образом, равно как и на предшествующих этапах, угорский компонент на Уелгах сосуществует в единой культурной среде и в рамках одного родового некрополя, при этом продолжая нести свое типологическое своеобразие.

Как нам представляется в начале этого этапа продолжается встречное движение зауральского и западно-сибирского протоугорского населения. Вероятно, в пределах Приисетской лесостепи происходит активная диффузия петрогромского и юдинского населения. Это получило косвенное подтверждение в формировании особого отличного от таежного лесостепного варианта юдинской культуры. В этой связи мы, безусловно, разделяем точку зрения Н.П. Матвеевой о существовании двух локальных вариантов (южного и северного) юдинской культуры (Матвеева и др., 2009, с. 148).

Вероятнее всего в Зауралье процесс этнокультурных взаимодействий петрогромско-юдинского населения закончился в пределах IX – начале X века установлением юдинской доминанты. На это указывает наличие юдинской керамики в Уелгинском комплексе, а также предметов художественной металлопластики, связанной с нижнеобским кругом

культур, которые фактически отсутствуют в слоях памятников петрогромского круга (по В.Д. Викторовой) (Викторова, Морозов, 1993, с. 188)). Угорская металлопластика встречена как среди материалов Уелгинского комплекса и в пределах лесостепной зоны Южного Зауралья (Сугояк, Варна) (рис. 12), так и в отдельных ярких памятниках раннеюдинского периода. К таковым, прежде всего, относится Нечунаевское святилище с находкой до двадцати цельных и обломков антропоморфных личин, а также обломком типичной зооморфной пряжки, характерной для материалов Среднего и Нижнего Приобья (рис. 12: 6). Яркие образцы художественной угорской металлопластики содержатся и в материалах могильника Усть-Терсюк. К сожалению, они происходят из грабительских раскопок, однако их яркий обско-угорский облик, а также наличие среди этих материалов раннеюдинской керамики вынуждает нас привести эти артефакты в контексте нашей статьи (рис. 13).

Затухание петрогромских традиций в Зауралье в пределах IX века, вероятнее всего, связано не только и не столько с поглощением этого населения юдинскими племенами, происхождение которых связано с носителями нижнеобских культур (по В.Д. Викторовой) (Викторова, Морозов, 1993, с. 189)). Этот период ознаменовался кардинальным изменением этнокультурной карты Южного и Среднего Урала. В пределах IX-го века прекращают свое существование ломоватовская (урьинская стадия) и неволинская (сухоложская стадия) культуры Верхнего и Среднего Прикамья. Вероятнее всего на рубеже IX–X вв. исчезают южноуральские памятники кушнаренковско-караякуповской общности. Керамика этого круга, обнаруженная в погребениях могильника Уелги самого конца IX – начала X века, как правило, несет на себе скорее некий синкретический облик. Она представляет собой некие реминисценции кушнаренковских и караякуповских горшков.

На наш взгляд, эта ситуация складывается в результате глобального оттока уральского населения, которое составляло основные группы будущей Мадьярской конфедерации (союз семи Хетумогер).

Думается, что в этом сообществе была в определенной мере локализована и зауральская угорская (петрогромско-юдинская) группа. Хотя справедливости ради следует заметить, что зауральское угорское влияние на культуры Приуралья перманентно продолжалось с более раннего периода. О чем, на примере материалов ломоватовской неволинской культуры нами и нашими коллегами было сказано ранее (Боталов, 2016, с. 507–517; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009).

В этой связи уральская угорская составляющая наряду с пермско-уральской (ломоватовской, неволинской), южноуральской кочевой (кушнаренковской, караякуповской) явились основными частями будущего мадьярского объединения[4].

Существование уральской угорской ойкумены продолжается на протяжении всего последующего периода позднего средневековья, хотя и с определенным перерывом. Он связан с периодом X–XI вв., когда в степную и лесостепную зону Южного Зауралья вторгаются алтайские кочевники в лице кыпчаков и кыргызов – носителей сросткинской культуры. Появление памятников этого типа хорошо маркировано в материалах Синеглазовского, Уелгинского, Лагеревского и Каранаевского и др. могильников. Однако в этот период в северных районах Башкортостана появляются памятники с гребенчато-шнуровой керамикой, так называемого мряслимовского типа. Н.А. Мажитов их выделяет в особую группу памятников со шнуровой орнаментацией (Мажитов, 1977, с. 238–239). Вероятно, эти комплексы появляются после вытеснения части угорского населения из районов Среднего Зауралья в период прихода сюда алтайского сросткинского населения Кыпчакской конфедерации.

Тем не менее, эти перемещения, произошедшие в рамках XI–XII вв., в конечном счете, приводят к формированию единого угорского массива от Камы до Иртыша. Западное крыло его составили памятники чияликского, а восточное, весьма схожие с ними, памятники макушинского типов.

---

[4] В этой связи автор склонен сделать некоторую корректировку собственных взглядов, высказанных ранее, когда в число памятников мадьярского (протомадьярского) круга им были отнесены исключительно кушнаренковско-караякуповские комплексы, что сегодня нам представляется не совсем точным. Сегодня мне и моим коллегам очевидна полисоставность мадьярского союза племен, в этой связи уместнее говорить как о протомадьярских, имея в виду весь блок средневековых культур Среднего и Южного Урала, существование которых заканчивается именно накануне «Большого исхода».

Появление зауральских памятников – макушинского и приуральских – чияликского типов, последующее продолжение существования юдинских памятников, вплоть до XV в., указывают на то, что происходит своеобразная угорская этнокультурная нивелировка уральского (раннемансийского) населения на протяжении XIII–XV вв. Невольно возникает вопрос: можно ли это население определить как поздне- или постмадьярское, ответ, на который сам собой заключается в исторической фабуле событий. Речь идет о венгерских миссиях доминиканских монахов Отто и Юлиана в Великую Венгрию. Вероятно в районах камского Приуралья в начале XIII века, когда им удалось обнаружить соплеменников, говорящих на венгерском языке. Вероятнее всего этот факт указывает на то, что после исхода населения мадьярской конфедерации на территорию лесостепной полосы Урала, сохраняется обширный угорский ареал (от низовьев Камы до Среднего Иртыша, западный край которого продолжает существовать в рамках общеуральской (протовенгерской) парадигмы, а в восточных областях происходит процесс формирования мансийского этноса.

Таким образом, по исторической иронии отнюдь не самая представительная угорская составляющая (согласно археологической статистике) в период формирования и последующего исхода мадьярского союза явилась основой этнокультурного постмадьярского единства, которое сохранялось в пределах Урала вплоть до XIV века. В этой связи мы всецело разделяем точку зрения В.А. Иванова, высказанную на IV Мадьярском симпозиуме (2018 г.), о том, что население, оставившее памятники чияликского типа, вероятно и явилось основной компонентой постмадьярских племен, продолжавших свое обитание в Предуралье (Иванов, 2018, с. 107).

Еще одно наблюдение о том, как долго продолжает свое существование угорская ойкумена, по крайней мере, в пределах Южного Зауралья. Вероятнее всего зауральская «чудь» проживала чересполосно с раннебашкирским населением, вплоть до нового времени.

Известный факт, что Аряслановское святилище посещалось для камлания мансийскими семьями плоть до 60-х годов прошлого столетия.

В конце 90-х годов XX века известный южноуральский археолог-спелеолог В.И. Юрин обнаружил и начал исследования интересного пещерного комплекса в Увельском районе Челябинской области. Подземная пещера расположена в карстовом логу на значительном удалении от правого берега р. Увелька и представляла собой узкий лаз. По образному определению исследователя пещеры этого типа им называются «охотничьими». Пещера получила название Копейско-Зауральская. В слоях ее кроме костных остатков были обнаружены три антропоморфные фигурки. Они были изготовлены достаточно грубо (вырублены из железной жести). Однако общая стилистика изображений с оконтуриванием головного убора (шлема?) и половых признаков отчетливо сближает их с более ранними образцами угорской антропоморфной металлопластики. По своей сохранности и технологическим особенностям эти предметы относятся к наиболее позднему периоду (возможно к XVIII – началу XX века), когда уральская железная жесть была доступна для населения. Безусловно, местонахождение этих предметов внутри пещеры указывает на сакральный характер находок (рис. 14).

По мнению исследователей, антропоморфные изображения могли заменить человеческие жертвоприношения. У манси известен обычай изготавливать и приносить на святилища человеческие фигурки в случае болезни ребенка. (Юрин, 2010, 2010а).

Интересно, что способ изображения антропоморфных сюжетов из этой пещеры демонстрирует абсолютную схожесть позы с широко раскинутыми руками и ногами, половые маркеры характерны как для более ранней угорской антропоморфной пластики, так и наскальным изображениям, обнаруженным вблизи угорских святилищ IX–X вв.

Таким образом, находки из Копейско-Зауральской пещеры, расположенной на границе Зауральской лесостепи и степи указывают на то, что здесь под землей подальше от людских глаз располагалось вогульское святилище в тот бурный период, когда рядом простиралась неспокойная киргиз-кайсакская степь, а к северу возникали и развивались промышленные города-форпосты русской колонизации. Уральские угры незримо проживали среди нового уральского окружения.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2009. 285 с.

Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. Боталов С.Г. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. С. 468–541.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей / Отв. ред. Таиров А.Д. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 173−192.

Гарустович Г.Н. Керамика Усть-Терсюк на реке Исеть // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 102–114.

Голдина Р.Д. Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II-й Международный Мадьярский симпозиум (Челябинск – Шадринск, 13-15 августа, 2013 г.) / Отв. ред. Боталов С.Г., Иванова Н.О. Челябинск: Рифей, 2013 С. 89–110.

Гущина Е.В., Боталов С.Г. Большое Бакальское городище // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. Боталов С.Г. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. С. 361–409.

Иванов В.А. Морфологические признаки, хронологические и географические границы Magna Hungaria в Восточной Европе // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 105–111.

Казаков Е.П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X–XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9./ Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИИЯЛИ, 1985. С. 24–37.

Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья / Отв. ред. Иванова М.Г. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1987. С. 25−32.

Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа: БФАН СССР, 1987а. С. 67−75.

Казаков Е.П. Петрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения (памяти Е.М. Берс и А.А. Берса) (Екатеринбург, октябрь, 2002 г.). Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 120–128.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII – XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140–151.

Молодин В.И. Этногенез обских угров. URL: http://hmao.kaisa.ru/object/1810293291?lc=ru (Дата обращения 24.09.2019).

Наумов А.М. Фортификация и планиграфия Иртяшских городищ иткульской культуры. // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. Боталов С.Г. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. С. 188–318.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия "Преемственность". Вып. 3. / Отв. ред. В.Н. Худяков. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 1999. С. 160–186.

Юрин В.И. Поздние угры в пещере Южного Урала // Мир Евразии. 2010. № 3. С. 63–65.

Юрин В.И. Мансийский след на Южном Урале // XIX Уральские Бирюковские чтения «Культура и образование в регионах : история и современность» : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. году учителя в России, 21–22 сент. 2010 г. / Под ред. В.В. Латюшина. Челябинск: изд-во Челяб.гос.пед. ун-та, 2010а. С. 143–146.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторический наук, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН; профессор, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

TRANS-URAL UGRIC OECUMENE OF THE MIDDLE AGES[2]

S.G. Botalov

The following three main stages of the penetration of the Ugric cultural component into the territory of the forest-steppe Trans-Urals in the Middle Ages can be presently outlined: Karym-Zelenogorsk (4th – 7th centuries), Batyr-Podchevash (7th – 8th centuries) and Petrogrom-Yudino (9th – 14th centuries). The scheme of phased penetration of the Ugric population into the forest-steppe Trans-Urals proposed by the authors is directly related to the cultural types and stages of the cultural genesis of the taiga Ob-Irtysh. However, the most recent Ugric Petrogrom-Yudino monuments with comb-cord ceramics (9th-13th centuries) do not belong to the aforesaid list of cultures and types. This is most likely due to the fact that the main region of the formation and subsequent development of these types is the mountain-forest and forest-steppe Trans-Urals. At the present stage of the accumulation of materials, it is becoming apparent that the materials from the settlement and burial complexes of the Yudino community actually have a lot in common with the Lower Ob circle of the 10th – 12th century cultures. Similarly, it should be recognized that its related forest Trans-Urals population with comb-cord ceramics can be correlated with the ancestors of the "Mansi".

Keywords: Trans-Ural Ugrians, Magyars, ethnogenesis.

About the Author:

Botalov Sergei G. Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kovalevskaya Str., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation; Professor, South Ural State University. Lenin Ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

2 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of project No. 18-59-23002 "The origins of the formation of the culture of ancient Hungarians. Archaeological paleoanthropological and paleogenetic aspect of the study of medieval monuments of the Southern Urals and Western Siberia"

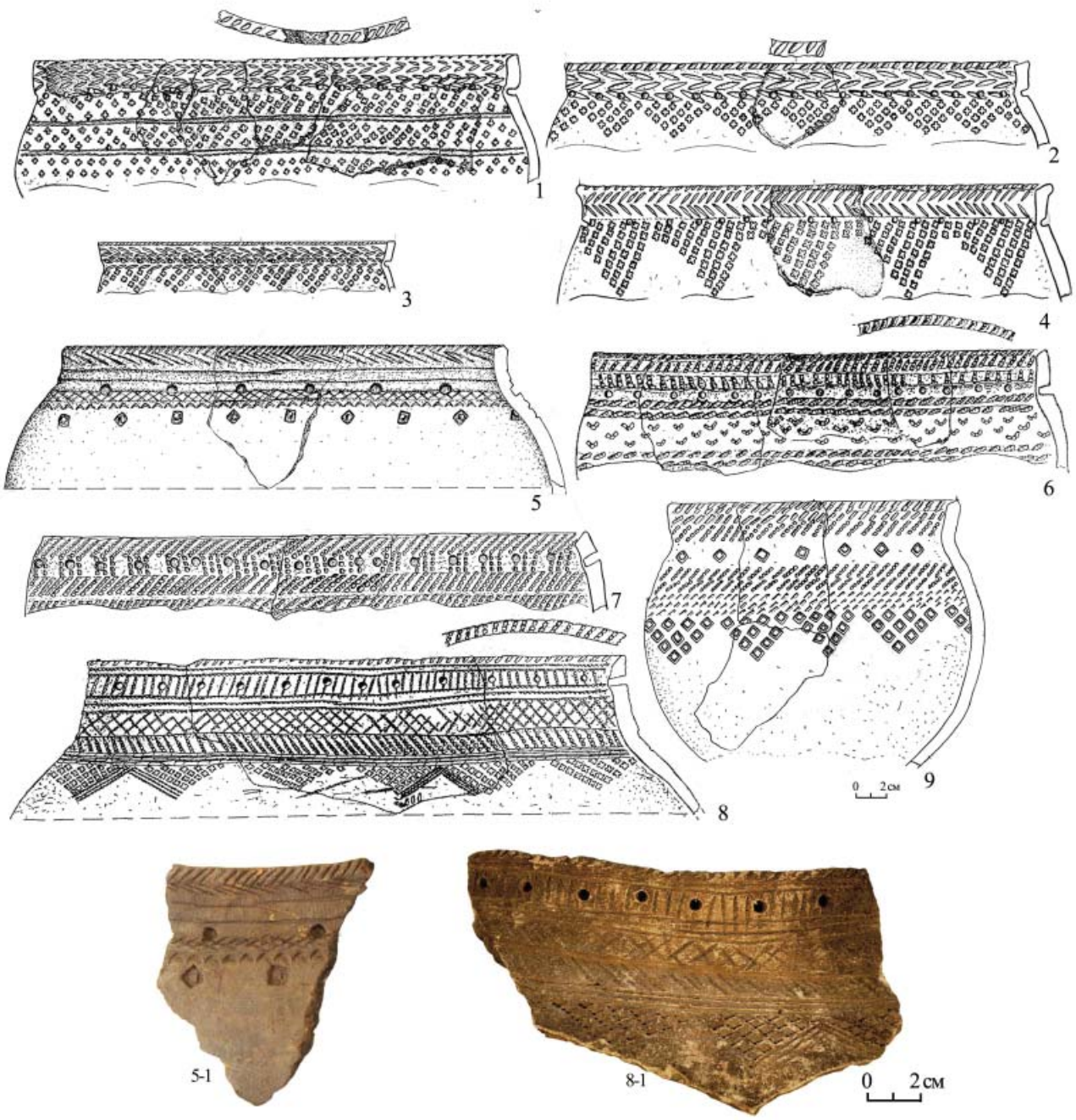


Рис. 1. Фигурно-штамповая керамика. 1-4 – керамика карымско-зеленогорского типа, Больше Бакальское городище; 5-8 – Усть-Утякское городище (прорисовка-реконструкция); 5-1, 8-1 –фото

Рис. 2. Металлопластика средневековья. 1 – личина, бронза. Больше Бакальское городище; 2 – полая пронизка, бронза. Большевисимский могильник VII–VIII вв. (Пермский краеведческий музей)

Рис. 3. Археологический материал из шурфа № 1, сосуд 2. «Ручей - поселение – 1», юго-восточная часть Нязепетровского района, Челябинская область

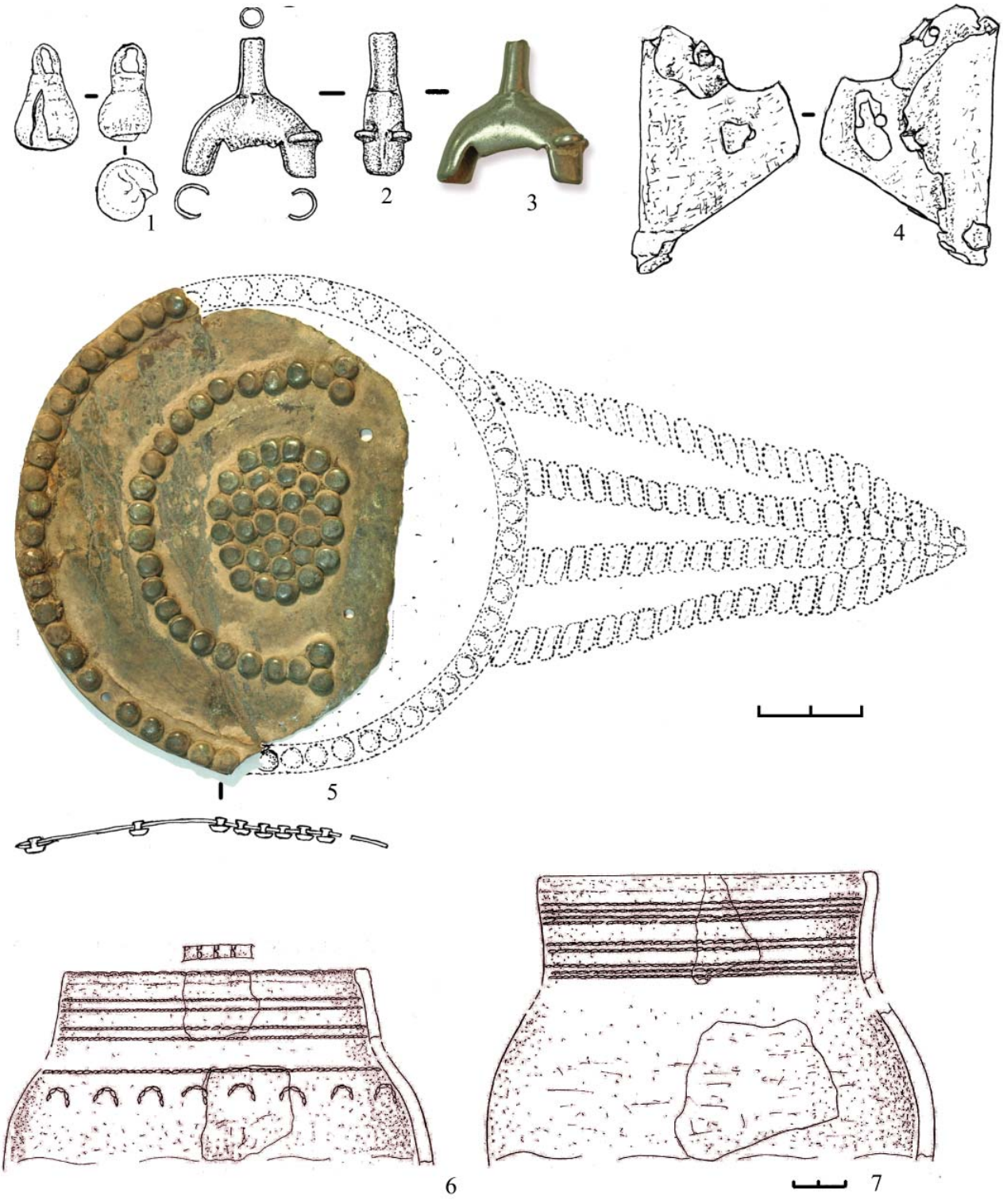


Рис. 4. Сопровождающий материал с территории поселения Боровая XIII (окрестности г. Шадринска). 1–5 – бронза; 6, 7 – керамика

Рис. 5. Святилищный комплекс Ингала. 1–3 – бронза, культовое место 3; 4 – керамика, культовое место 2.

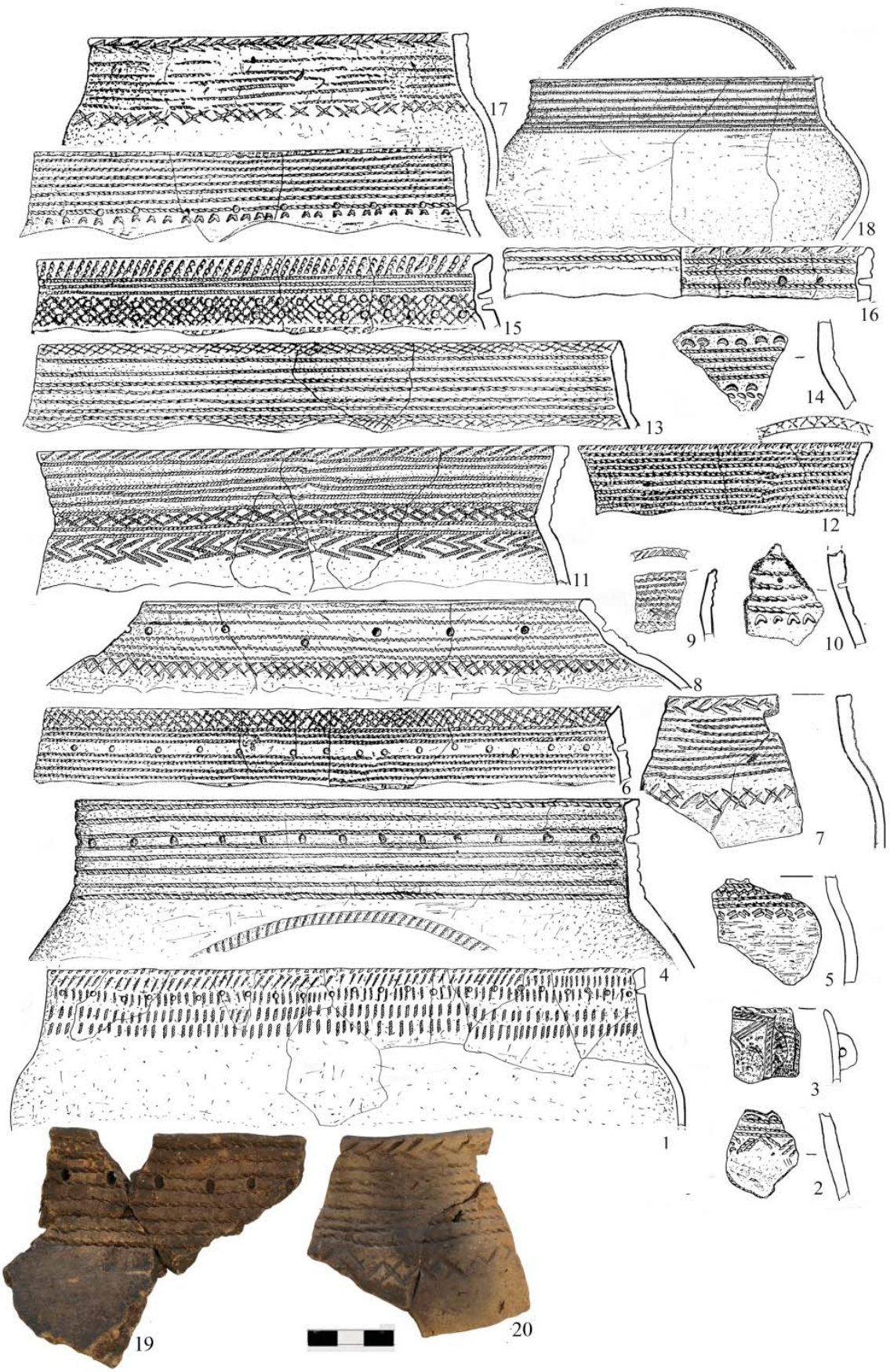


Рис. 6. Городище Больше Бакальское. Типы керамики со шнуровой орнаментацией: 9, 18 – батырский; 6–8, 11, 13, 15 – переходный (бакальский, петрогромский-раннеюдинский); 1–5, 10, 12, 14, 16, 17, 18 – юдинский; 19, 20 – фото

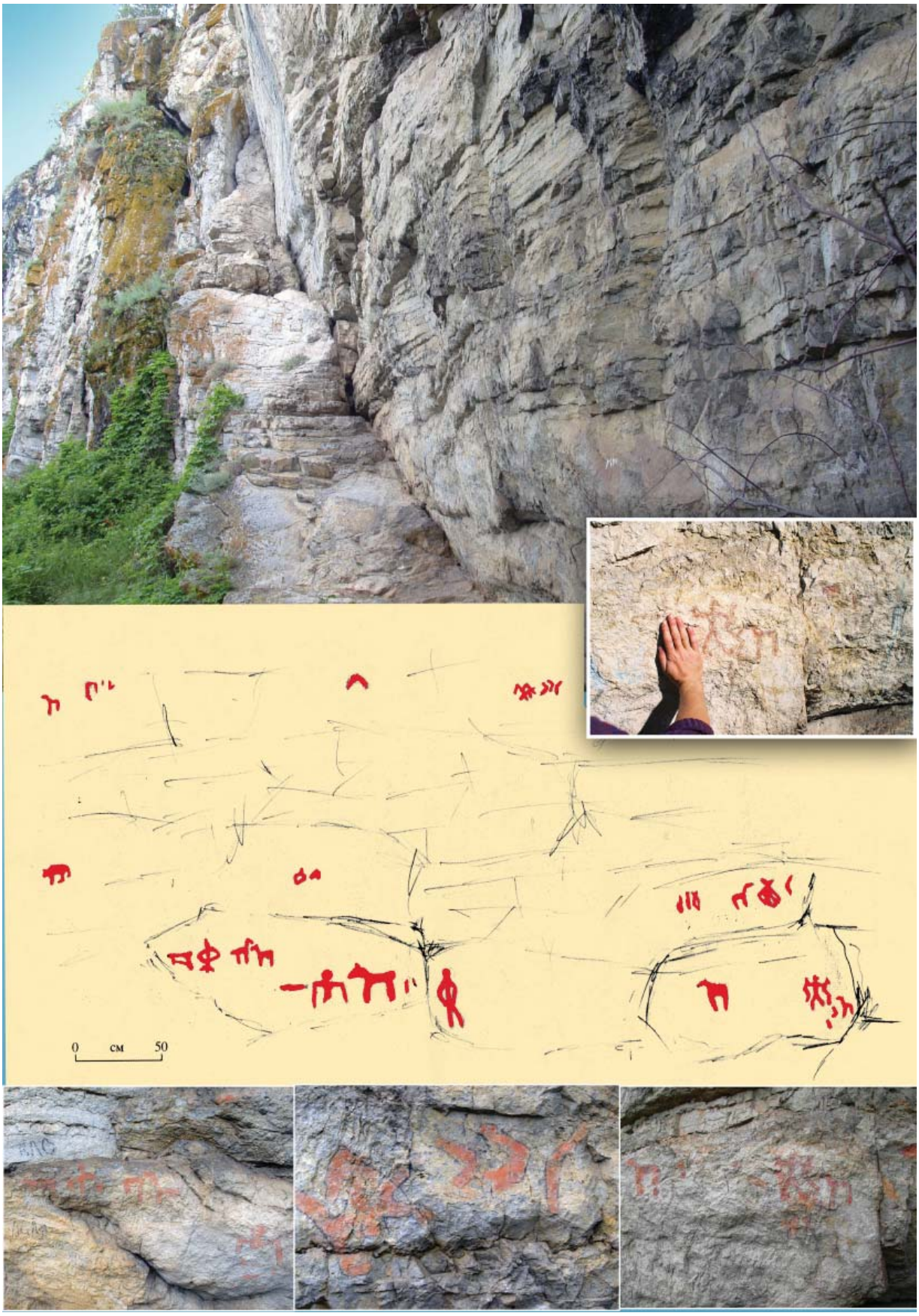


Рис. 7. Арасланoвское святилище. Челябинская область

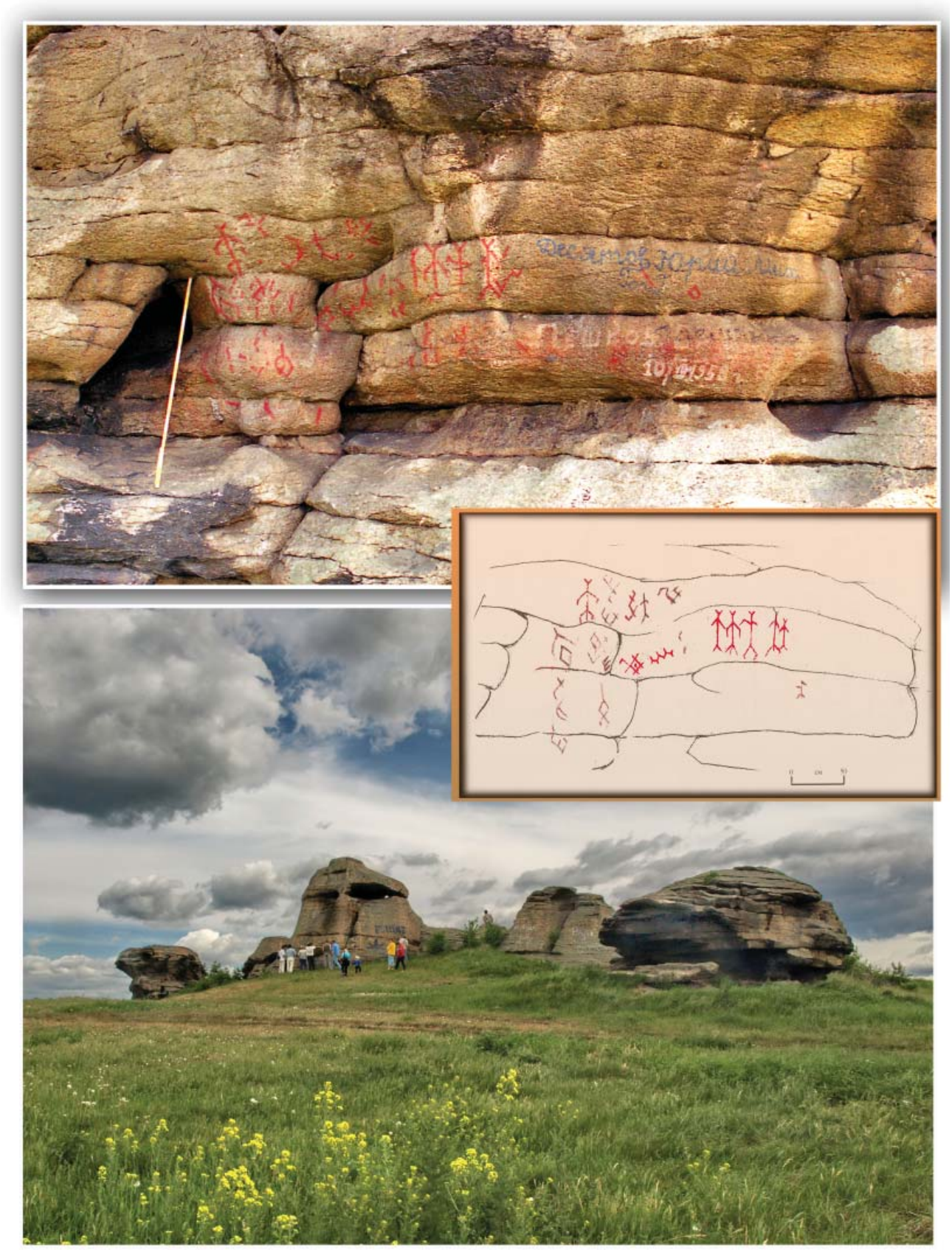


Рис. 8. Большеаллакское святилище. Челябинская область

Рис. 9. Аракульское святилище. Средний Шихан, Челябинская область

Рис. 10. Погребальный комплекс Уелги. 1, 2, 5–8, 11 – курган 29, жертвенное место «тайник»; 3, 4, 9, 10 – подъемные сборы из насыпей курганов

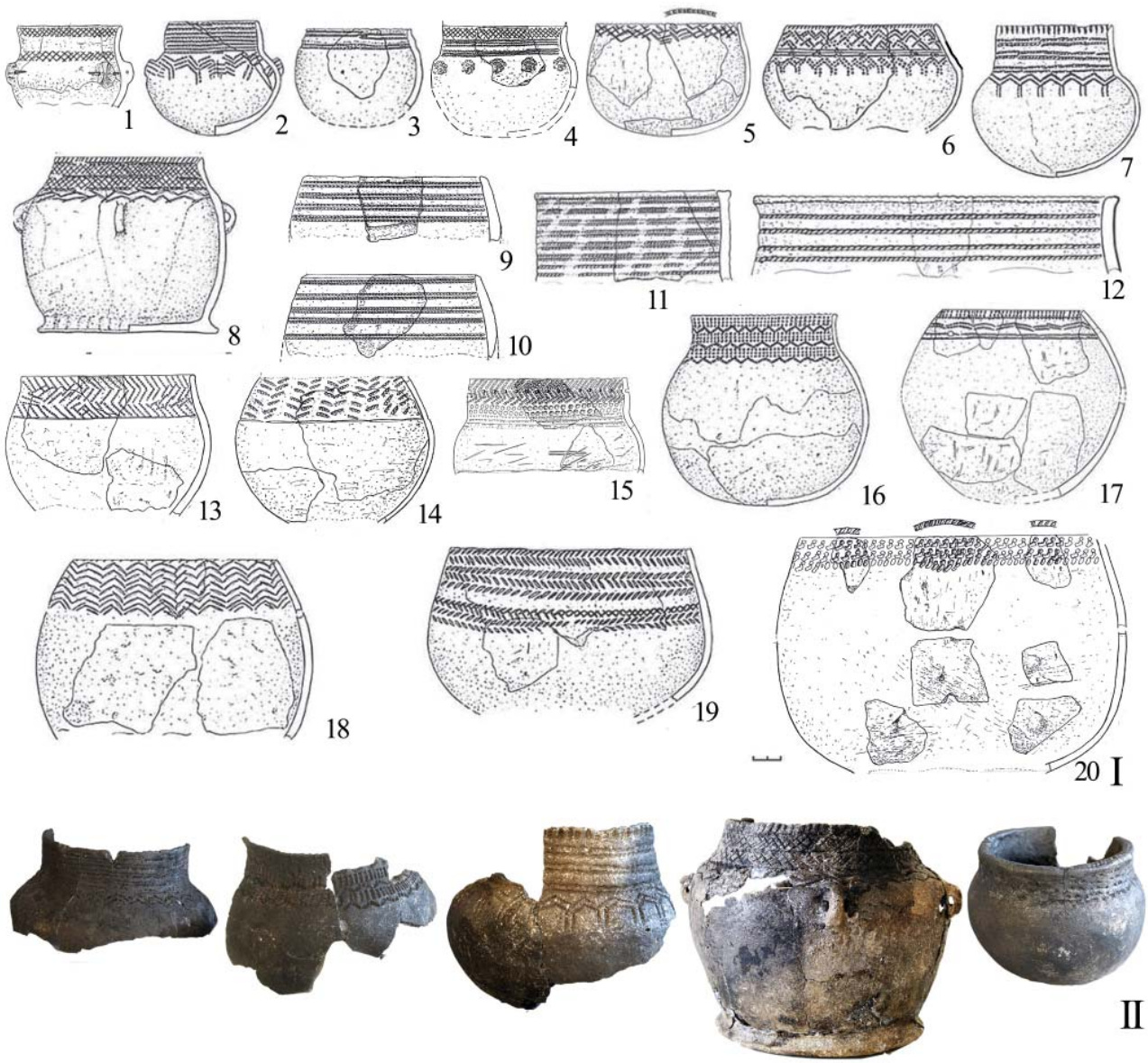


Рис. 11. Керамика петрогромско-юдинского типа. Погребальный комплекс Уелги

Рис. 12. Зауральская угорская металлопластика. 1–6 – Нечунаево, Курганская область; 7 – «Небесный всадник Мир-Суснэ-хум», находка у оз. Сугояк, Челябинская область

Рис. 13. Материалы из грабительских раскопок. Могильник Усть-Терсюк, Курганская область.

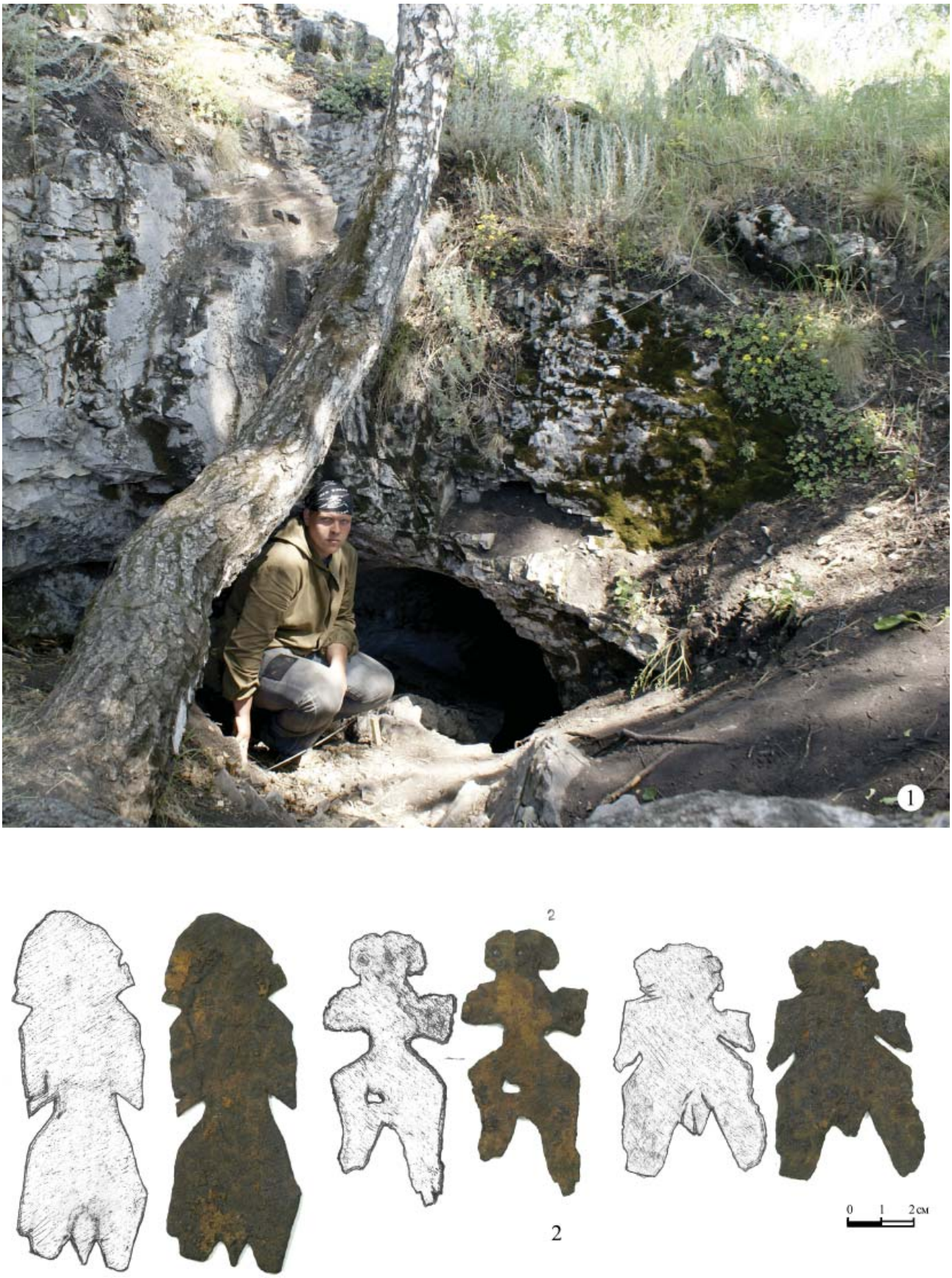


Рис. 14. 1 – пещера Копейско-Зауральская; 2 – железо. Челябинская область

УДК 908 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00086

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИШТЯКСКАЯ ОБЩНОСТЬ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2019 г. Д.М. Исхаков

В статье рассматривается недостаточно изученная проблема средневековой иштякской этнической общности Приуралья и Зауралья, принявшей участие в формировании татарского населения Пермского Приуралья и Зауралья (Западной Сибири) и башкир этой же зоны. В результате проведенного исследования сформулирована точка зрения об угорских этнических истоках средневековой «остякской» этнической общности северо-западного Приуралья, в дальнейшем однако испытавшей сильное воздействие тюрок разного происхождения (булгар, кимаков, золотоордынских групп, включая ногайцев и шибанских(тюменских) татар). Дальнейшая дифференциация этой общности на татар (пермских, уфимских, сибирских) и башкир была связана с административно-территориальными преобразованиями XVI-XVII вв., а также особенностями этнокультурного развития тюркского населения разных зон Приуральско-Западно-Сибирского ареалов.

Ключевые слова: этногенез, этническая история, угры, тюрки, татары, кимаки, золотоордынские татары, остяки/иштяки, башкиры, ногайцы, сибирские и пермские татары, Среднее и Южное Приуралье, Западная Сибирь (Зауралье).

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в русских источниках XVI – первых десятилетий XVII в. в Среднем (Пермском) Приуралье отмечаются «остяки», в ряде случаев наряду с «татарами», но весьма часто – отдельно (детальнее обзор источников об этой группе см.: (Исхаков, 1998; Исхаков, 1990-а, р. 386–391). Есть основания полагать, что в более ранний период эта общность, на тюркских языках именовавшаяся «иштәк/истәк/үштәк», была расселена шире – не только в Среднем и Южном Приуралье, но и в Зауралье (Исхаков, 2015-а, с. 44–51). Далеко не случайно, что, судя по родословной расселенных на западе Южного Приуралья башкир-юрматинцев, датируемой 1564/1565 г., но содержащей и информацию о событиях 1546/1547 г., не ногайская часть данного племени – а ее элита состояла из ногайцев – именуется «иштяками» (Башкирские шежере, 1960, с. 29). Следует обратить внимание и на то, что анонимный продолжатель «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, скорее всего, писавший в начале XVII в., обсуждая генеалогию правителей Сибирского юрта линии Шибанидов, по отношению к владению хана Кучума применяет определение «Тау Буга йорты Ишдеге» («Иштяк[и] юрта Тау (точнее, Тай) Буги») (Миргалеев, 2014, с. 65). Эти данные коррелируют с традицией именования в прошлом казахами, хивинскими узбеками и ногайцами башкир, а также сибирских татар, иштяками (Кузеев, 1974, с. 172, 202–205, 444; Томилов, 1981, с. 21–22).

Разбирая вопрос об этих остяках/иштяках, прежде всего Приуралья, необходимо различать два его аспекта – этногенетический и связанный с этнической историей этой общности в более поздних хронологических рамках XV–XVII вв. Об этом приходится напоминать потому, что в зависимости от конкретной этнической ситуации иштякская общность в Среднем Приуралье и прилегающих к нему более южных и восточных ареалах, в том числе в зауральских, в XVI–XVII вв. начала дифференцироваться на «татар» и «башкир», соответственно маркируясь в документальных материалах как две самостоятельные этнические группы, изначально тем не менее имея общие этнические истоки (Исхаков, 1986, с. 114–121). В результате даже сами потомки названных «остяков», уже «превратившихся», например, в Среднем Приуралье, в пермских татар, в XVIII в., обращаясь к документам XVII в., фиксирующим их земельные владения, вынуждены были прибегать к формулировкам типа: «...на отводных... предкам и дедам [землях]... за остяками, которые называются [сейчас] татарами»; население, ранее именовавшееся как «остяки и татары, ... ныне называется татарами» (цитируется по: Исхаков, 1986, с. 115).

В итоге те исследователи, которые недостаточно четко различали отмеченные выше два разных аспекта проблемы изучения этнической принадлежности рассматриваемой общности, вынуждены были прибегнуть к самым причудливым ее оценкам – она выводилась от «вогулов» (манси), «остяков» (ханты), «татар» или «башкир». Причем высказывались мнения об ассимиляции «угров» двигавшимися с юга «башкирами», а затем последних – «татарами» (поволжскими и сибирскими). Если еще учесть, что в прошлом и сибирские татары, как было отмечено, именовались иштяками, а в роли «татар» Приуралья могли выступать и ногайцы (Исхаков, 1998, с. 122–123), картина этнической ситуации в Южном Приуралье позднего средневековья оказывается окончательно запутанной.

Чтобы вернуть ей определенность, далее мы вначале остановимся на вопросе об этногенезе иштяков, а лишь затем обратимся к весьма непростой проблеме этнической истории этой общности более позднего – золотоордынского и позднезолотоордынского времени.

Анализ существующей литературы показывает, что относительно этнических истоков приуральских иштяков в ней выдвинуты три гипотезы: об их угорском [Бадер, Оборин, 1958, с. 217, 261; Бахрушин. Т. 3. Ч. 1, 1955, с. 72–136; Бахрушин. Т. 3. Ч. 2, 1955, с. 86–152; Преображенский, 1956, с. 12; Вишневский, 1960, с. 255; Дмитриев А.А., 1890; Дмитриев А.А., 1900; Дмитриев, 1883, с. 20–41; Долгих, 1960, с. 22; История татар с древнейших времен. Т. II, 2006; История и культура сибирских татар, 2014; Исхаков, 1998; Исхаков, 2015-а, с. 44–51; Исхаков Д.М., 1990-а, р. 386–391; Исхаков, 1986, с. 114–121; Преображенский, 1956, с. 12; Теплоухов. Т.39, 1924, с. 81–112; ПСРЛ. Т. XI–XII, 1965), восточно-тюркском (Рамазанова, 1983, с. 137–154; Рамазанова, 1996] и тюрко-угорском (Исхаков, 1998; Исхаков Д.М., 1990-а, р. 386–391; Кузеев, 1973; Кузеев, 1974; Кузеев, 1992; Халиков, 1971-а, с. 33; Халиков, 1971-б; Халиков, 1978, с. 61, 91) происхождении. Но сторонники последней гипотезы в своих построениях исходят из разных оснований. Одни (это преимущественно А.Х. Халиков) отстаивали тезис о раннем (в VI–VII вв.) проникновении тюрок вплоть до р. Сылвы, т. е. в Среднее Приуралье. При этом ими не отрицается возможность присутствия в составе тюрок и угров. Кроме того, ими отмечается булгарское влияние, в т. ч. и через их прямое проникновение в Среднее Приуралье уже в домонгольский период (об этом специально см. также Белавин, 2000; История и культура сибирских татар, 2014, с. 85–95). Другая группа исследователей (Р.Г. Кузеев, Д.М. Исхаков) подчеркивает необходимость большего учета роли кыпчакско-ногайских (золотоордынских) групп в становлении иштякской общности.

В принципе, различия в подходах разных групп исследователей к этногенезу иштяков сводятся к их разногласиям относительно роли угорских и тюркских групп в формировании этой общности, а также к определению значения в этногенетических процессах в Южном и Среднем Приуралье тюрок разных волн (раннетюркского или среднетюркского и последующего периодов), как известно, этнически различавшихся между собой. К этой проблеме в дальнейшем мы еще вернемся, но до этого необходимо разобраться с этнической ситуацией XVI – начала XVII в., без чего трудно интерпретировать более ранние материалы исторических источников относительно этнической принадлежности иштяков (остяков) Приуралья. Но тут следует отметить, что основной корпус источников, на основе которых разбирается рассматриваемая проблема, относится к Среднему Приуралью, а для более южных и восточных районов имеются лишь спорадические данные. Поэтому выводы авторов, чьи работы далее будут рассмотрены, имеют ограничения, что следует принимать во внимание при общей оценке этнической ситуации в Южном Приуралье и Зауралье в XV–XVI вв. и несколько позже. Но при привлечении дополнительных данных эта трудность, на наш взгляд, преодолима.

На основе интерпретации сведений русских письменных источников XVI – начала XVII в. исследователи предложили несколько трактовок относительно этнической принадлежности «остяков» Среднего Приуралья (преимущественно Тулвенского и Сылвенско-Иренского бассейнов) данного времени. Так, А.А. Дмитриев, например, полагал, что после покорения Казанского ханства или еще раньше на территорию Сылвенско-Иренского междуречья и в бассейн р. Тулвы из Среднего Поволжья переселились татары, которые на новом месте смешались с более ранним угорским населением, ассимилировав его еще в XVI в. Основным аргументом в пользу

такого подхода он считал сложность или даже «невозможность» по письменным источникам этого времени «различать» эти две «народности». Позже А.Б. Теплоухов поддержал вывод предыдущего исследователя, отметив «отатаренность» сылвенских «остяков» уже к началу XVII в. Такой вывод он делал как на основе «татарских» имен и фамилий «остяков», так и опираясь на наблюдение А.А. Дмитриева о трудности разделения «татар» и «остяков» Пермского края по материалам переписей начала XVII в. А.Б. Теплоухов отметил, что в начале XVII в. «татар» и «остяков» иногда путали, относя некоторых «и к тем, и к другим». Еще одним его важным наблюдением было то, что в некоторых районах Пермского края «остяки» в прошлом «обашкирились». Правда, он сделал оговорку, что «башкиры, по-видимому, не всегда отделялись от татар». В трудах С.В. Бахрушина вновь был поднят вопрос об этническом облике населения Сылвенско-Иренского междуречья и прилегающих территорий в XVI – начале XVII в. Он придерживался мнения, что под сылвенскими и иренскими «остяками» надо понимать манси. Появление к западу от Урала этнонима «остяк» объяснялось им так: «Племенам, ... известным раньше под именем Югры, с XVI в. присваивается татарское название «уштяк» или «остяк». Но, будучи крупным источниковедом, С.В. Бахрушин констатировал, что однозначному решению вопрос о приуральских «остяках» не поддается. Он писал, что «остяки» Пермского края могли быть не только уграми, но и татарами, а то и двигавшимися с юго-востока башкирами.

Несмотря на предостережение С.В. Бахрушина, в 1950–1960-х гг. в литературе появилось стремление считать «остяков» Пермского региона указанного времени сплошь уграми. Так, А.А. Преображенский предложил рассматривать это население для начала XVII в. как мансийское. К нему присоединился и Б.О. Долгих, повторивший более развернуто аргументацию С.В. Бахрушина. В частности, он заметил, что «под «остяками» имелись в виду, очевидно, те же угроязычные обитатели Урала, только названные не русско-зырянским термином «вогул», а татарским термином «остяк»». Однако Б.О. Долгих вынужден был признать, что в источниках XVI–XVII вв. под «остяками» или «татарами» в некоторых случаях могли скрываться башкиры или «отатарившиеся» (тюркизированные) угры. Б.Н. Вишневский в целом также исходил из того, что «остяки» и «татары» Пермского края в XVI в. были уграми. Но он был склонен считать, что эти угорские группы на юге под воздействием казанских татар «отатарились», а на севере, в местах соприкосновения с русскими, «обрусели». Хронологические рамки ассимиляционных процессов он не уточнил. О.Н. Бадер и В.А. Оборин исходили из того, что носители сылвенской археологической культуры (угорской, по их мнению), с которыми они связывали пермских «остяков», стали в Пермском крае предками башкир и хантов, но в XVI–XVII вв. были ассимилированы пришлыми татарами и русскими. Позиция В.А. Оборина в уточненном виде выглядела следующим образом: «... Остяков, живших в XVI–XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с проникновением угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии». Далее он делал такой вывод: очевидно, «остяки русских источников – потомки древнеугорского населения, ассимилированного затем тюркоязычными башкирами, продвигавшимися с юга на север, и русскими». При этом оба эти исследователя не различали татар и башкир, поэтому неясно, кто же на самом деле в XVI–XVII вв. ассимилировал угров. Далее между «остяками» письменных источников и сылвенской археологической культурой отмечается значительный хронологический разрыв – эта культура хотя и датируется IX–XV вв., памятники ее, относящиеся уже к золотоордынскому времени, практически неизвестны. Поэтому источниковедческие трудности, возникающие при определении этнической принадлежности «остяков» Пермского края XVI–XVII вв., работами этих ученых не были преодолены.

Отсюда стремление отдельных исследователей обосновать возможность достаточно раннего проникновения башкир в Пермское Приуралье из более южных ареалов. В этом плане интересны данные о проживании «башкир» племени гайна в бассейне р. Тулва уже в период Казанского ханства (Кузеев, Юлдашбаев, 1957, с. 51; Кузеев, 1958, с. 16). Более того, высказывалось мнение о проникновении башкир в этот район с юго-запада Приуралья уже в XIII–XIV вв. (Кузеев, Шито-

ва, 1963, с. 19; Мажитов, 1977, с. 185). Но в других исследованиях было показано, что подобное заключение о продвижении всех гайнинцев на север с юга, по меньшей мере, проблематично. Так, башкирским фольклористом А.Н. Киреевым были проанализированы предания башкир-гайнинцев, в которых сообщается о появлении их предков в районе Тулвы «из снежных стран» (в некоторых вариантах они спускаются с неба), причем на священном олене [Киреев, Т. IV, 1971, с. 61]. Обобщая эти и некоторые другие материалы, А.Н. Киреев пришел к выводу, что собранные данные указывают на «прямую связь данного башкирского племени с древнейшими финно-угорскими племенами». В.И. Васильев и С.Н. Шитова отметили, что в рассмотренной легенде нашли отражение «следы старого оленьего культа, некогда зародившегося на юге Сибири» (Васильев, Шитова, 1982, с. 29).

В связи с тем, что при таких разногласиях однозначного понимания этнической принадлежности иштяков (остяков) Среднего Приуралья достичь не удается, следует обратиться к анализу данной проблемы еще двумя исследователями – Р.Г. Кузеевым и Н.А. Томиловым, первый из которых стремился ее рассматривать с точки зрения башкирского этногенеза, а второй – исходя из возможности достаточно раннего проникновения в Среднее Приуралье сибирских татар.

Р.Г. Кузеевым в составе северных групп башкир были выделены древнеугорские (тюрко-угорские), булгаро-угорские, древнесамодийские и кыпчакские компоненты (Кузеев, 1974, с. 216–217, 219, 242, 341, 346–347, 351; Кузеев, 1973). Проникновение северных башкир в Пермский край он датировал XIII–XIV вв., указав на их этническое взаимодействие с местным населением, определенным им как «мансийское». Согласно мнению этого автора, этническое взаимодействие башкир и местных угров (манси) к рубежу XVI–XVII вв. еще не было завершено (Кузеев, 1974, с. 488–489). Примечательно, что Р.Г. Кузеев, с одной стороны, подчеркивает ассимиляцию башкирами угорского (мансийского) населения, но с другой признает «татаризацию» в Среднем Приуралье самих башкир, причем достаточно рано – местами уже в XVII в. (Кузеев, 1974, с. 218, 337).

Н.А. Томилов высказал мнение, что в составе населения Сылвенско-Иренского междуречья в XVI – начале XVII в. кроме угров – по его определению, также манси – находились и сибирские татары, продвинувшиеся туда из Сибирского ханства. Правда, этот исследователь колебался в точном обозначении этнической принадлежности «татар» и «остяков» рассматриваемого ареала, указав, что район бассейнов рр. Сылвы и Ирени был в прошлом контактной зоной поволжских и сибирских татар, а также башкир (Томилов, 1981, с. 30–33).

К похожему выводу, но на основании диалектологических данных, пришла и Д.Б. Рамазанова, ибо пласт «архаичных явлений», обнаруженных в пермском говоре татарского языка, был увязан ею с древними контактами с уйгурским, шорским, хакасским, алтайским языками. Однако она указывала, что эта связь проходит через некоторые говоры башкирского языка и диалекты сибирских татар (Рамазанова, 1996, с. 24). Причем этот «восточнотюркский», как она считает, «иштякский» языковой и этнический компонент, является, общим для татар и башкир Среднего Приуралья, а также сибирских татар. Еще один татарский лингвист – Ф.Ю. Юсупов, изучавший свердловский говор татарского языка (разговорный язык части пермских татар и башкир), также пришел к выводу об участии сибирско-татарских диалектов в формировании данного говора (Юсупов, 1982, с. 69; Юсупов, 2003). В итоге в районе Среднего Приуралья средневекового времени явно появляется еще один этнический «игрок» – на этот раз в лице сибирских татар, как уже говорилось, в прошлом также маркируемых соседями как «иштяки». Но эти этнические связи, на самом деле, выходят и на зону Алтая, о чем дополнительно будет еще сказано далее.

На основе выявленных исследовательских подходов к трактовке проблемы этнической принадлежности приуральских – пока, по большей части, среднеприуральских – иштяков/остяков, попытаемся выработать более общий взгляд на эту общность. Анализ следует начать с выяснения территориальных рамок локализации изучаемой общности, что, кроме прочего, позволит подойти к решению довольно сложного вопроса о соотношении понятий «иштяки/остяки» и «башкиры» источников. В связи с тем, что ранее нам уже приходилось обсуждать эту тему (Исхаков, 1998; Исхаков Д.М., 1990-а, р. 386–391; Исхаков, 2016, с. 278–295), ограничимся основными выводами, к которым мы ранее пришли.

Многочисленные документы русского происхождения XVI – начала XVII в. позволяют установить проживание «остяков» и «татар» прежде всего в Пермском Приуралье (Чердынский уезд, затем Соликамский, Кунгурский и север Уфимского уездов) в бассейнах рек Тулвы, Сылвы и Ирени (обзор источников см.: (Исхаков Д.М., 1998, с. 114–120)). Но из «Памяти» за 1618 г., данному уфимскому переводчику Ф. Таганееву, видно, что территория расселения приуральских «остяков», которых почти всегда «сопровождали» татары, была шире, ибо в документе упоминаются еще «Уфимского уезду Акъсиевы волости и Белоканские и Кусщымские и Балакчинские татары и остяки» (Исхаков, 1998, с. 120). Упомянутые тут северные группы позже были известны как «башкиры» и относились к родоплеменным образованиям *кушчи, балыкчи и бикатин* (другое название – *«беляковцы»* (Кузеев, 1974, с. 243–244)). «Акъсиеву волость» привязать к конкретному родо-племенному подразделению не удалось, хотя, скорее всего, ее наименование образовано от *«Ак су»*, возможно, обозначающем *«Ак Идель»* («Белую Волошку»/Белую) и объединяющем все три названных выше подразделения в какое-то более крупное этнотерриториальное (этнополитическое) подразделение. Сюда же следует добавить и группу *сызгы*, известную позже как башкирская волость, но в 1655 г., скорее всего, отнесенную к числу «остяков» (Шишонко, 1884, с. 336–347), что не было случайностью – как установил Р.Г. Кузеев, представители этой родоплеменной группы считали гайнинцев, т.е. тулвенских «остяков» (позже, башкир и татар), своими родственниками (Кузеев, 1974, с. 218). Наконец, к этому северному ареалу следует прибавить и некоторые группы из северо-запада Южного Приуралья. О группе *юрматы* выше речь уже шла. К ней можно было бы добавить и несколько других родо-племенных образований, начиная с XVII в. известных как «башкирцы», но ранее явно имевших иную этническую маркировку. Прежде всего в этом ряду следует назвать известную с начала XVII в. как башкирская волость группу *еней* – носители этого этнонима с конца XVI в. локализовывались в бассейне р. Иж и в низовьях р. Белой. Отметим, что, согласно этногенетическим легендам гайнинцев, *Әйнә* приходился братом *Гәйнә* (Исхаков Д.М., 1985, с. 36–65, с. 51), т. е. в данном случае моделируются старинные этнические связи групп *гайна и еней*. В принципе наименование еней (янәй/җәнэй) является всего лишь вариантом этнонима *гәйнә*. В свое время Ю.Ф. Немет и Р.Г. Кузеев уже указывали на восхождение этнонима еней к древневенгерскому племенному названию *jeno* (Оборин, 1960, с. 28–38; Оборин, 1964, с. 130–135; Кузеев, 1974, с. 338–340), что является вполне обоснованным выводом, несмотря на то, что существуют и противники этой точки зрения (Mandoky Kongur I, 1988, p. 43–48). Кроме того, в бассейне р. Тулвы в XVII в. существовала деревня под названием Ермия (*Әрәмә*), чье наименование соответствует башкирскому этнониму *юрми*, также родоплеменному подразделению, локализованному на северо-западе Приуралья по соседству с группой юрматы. В связи с этнонимом *юрми* укажем, что по башкирским родословным родоначальник племени юрми – Юрми би, считался братом Юрматы бия (Кузеев, 1974, с. 120), чье имя является эпонимом, отражающем наименование группы юрматы. Последний же этноним, как считается, связан с древневенгерским племенным названием *gyrmat* (Кузеев, 1974, с. 122. Поэтому, хотя группа юрми известна и среди болгар (Кузеев, 1974, с. 242), она изначально, скорее всего, происходила из угорской среды. Встречающийся в разных местах Пермского края в XVII–XVIII вв. этноним *терсяк*, являющийся наименованием родо-племенного подразделения, чьи представители в источниках определяются то как «башкиры», то как «татары», вероятно, восходит к названию волости «*Терся*», в 1602–1603 гг. отмеченной и в составе Казанского уезда в бассейне р. Иж. Она состояла из «ясачных чувашей и бобылей», считавших себя *«потомками черемисов» (чирмеш нәселеннән)* (Исхаков, 1990-б, с. 17), что, скорее всего, в данном контексте свидетельствует об угорских корнях этих терсяков (Кузеев, 1974, с. 241–242).

Таким образом, в Среднем Приуралье и в северо-западном ареале Южного Приуралья вырисовывается обширный регион, в позднее средневековье занятый общностью иштяков/остяков, практически уже везде соседствовавшей с «татарами», можно сказать, «пронизанной» ими. То, что этническая ситуация XV–XVI вв. в этом ареале была далеко не однородной, видно и из одного высказывания русских летописей, относящегося к 1469 г. и повествующего о сборе войск казанским

ханом Ибрагимом: «... дополна собрался царь (хан Ибрагим – *Д.И.*) ... *со всею землею своею*, Камскою и Сыплинскою и с *Костяцкою* (выделено нами – *Д.И.*) и з Беловолжскою и Вотяцкою и Бакшарскою» (ПСРЛ. Т. XI–XII, 1965, с. 122). Как видим, в данном случае при перечислении территорий, входивших в состав Казанского ханства, рядом с «Беловолжским» ареалом, т. е., скорее всего, низовьями «Белой Волошки» / Белой – Ак Идели, и «Вотяцким» ареалом (Арская даруга Казанского ханства), упоминается зона, названная «Костяцкою», при этом ареал расселения «башкир» («Бакшарская / Башкирская» территория) выделен отдельно. Заметим, что недавно А.В. Аксановым, принявшем в целом нашу интерпретацию фигурирующих в данном источнике территориальных делений восточной зоны Казанского ханства, было предложено видеть в термине «Циплинская» понятие «Цилвинская», т. е. Сылвенская (Аксанов, 2016, с. 229), что позволяет в общую связку перечисляемых в летописи «улусов» ввести и территорию бассейна р. Сылвы, а это важно для обсуждаемой тут проблемы «остяков». Это обстоятельство, наряду с иными материалами (о них более подробно см.: (Исхаков, 1998, с. 118–121, 161–162)), не позволяет согласиться с теми исследователями, которые предлагали в позднесредневековых иштяках (остяках) Приуралья видеть собственно башкир.

Вот конкретные данные, подтверждающие сказанное. Согласно ногайским делам, в 1578 г. ногайцы «приходили ... в Казанский уезд в *остяки* (выделено нами – *Д.И.*) на верх Камы воевать». Далее это же событие в источнике описывается так: «… по реке Каме на башкирцы и на остяки Казанского уезда [приходили ногайцы] ... и башкирцы и остяки, собрався, иных побили» (Трепавлов, 1997, с. 11). Из послания ногайского бия Уруса царю Федору Ивановичу за 1586 г. также видно, что «башкирцы» и «остяки» выступают как этнически разные группы (Пекарский, 1872, с. 8). В итоге, несмотря на то, что в документах 1560–1580-х годов обнаруживаются и случаи, когда понятия «остяк» и «башкир» выступают как синонимы, полного их отождествления не наблюдается. Не случайно В.В. Трепавлов, опираясь на приведенные выше сведения 1578 г., выдвинул гипотезу о том, что «средневековые башкиры» состояли из двух этнических групп – западной (точнее, северо-западной), называвшейся «иштяками», и восточной (юго-восточной), именовавшейся «башкирами». По мнению этого исследователя, эти две общности противостояли присутствовавшим в Южном Приуралье как серьезная политическая сила ногайцам, не смешиваясь с ними (Трепавлов, 1997).

В результате В.В. Трепавлов оказался оппонентом Р.Г. Кузеева, высказавшего в свое время тезис о том, что иштяками первоначально именовались всего «несколько башкирских племен и родов», но в XVII– XVIII вв. вначале так стали называть «восточных башкир», а затем и всех остальных. Параллельно этот исследователь утверждал, что «нет никаких данных, которые бы позволили считать термин «истяк» древним самоназванием хотя бы части башкир» (Кузеев, 1963, с. 243–244; Кузеев, 1974, с. 203–209). Однако, если бы дело обстояло таким образом, мы вряд ли имели бы в русских летописях, описывающих этнополитическую ситуацию в Южном Приуралье второй половины XV в., уже отмечавшееся этнотерриториальное образование, маркированное как «Костяцкое» (явно от понятия «остяк»), как и последующие обозначения целой группы родоплеменных подразделений, локализованных на северо-западе Южного Приуралья и в Пермском Приуралье, как «остяки». К тому же Р.Г. Кузеев никак не объяснил причину распространения термина «иштяк» лишь в XVII–XVIII вв., причем достаточно странным образом – с востока на запад Южного Приуралья. Им также не был дан ответ на следующий, напрашивающийся вопрос: если наименование «иштяк» не являлось эндоэтнонимом определенной этнической группы, то каким образом оно стало понятием, применявшимся в прошлом казахами, узбеками и ногайцами по отношению к территориально близким башкирам и сибирским татарам?

Очевидно, что с учетом всего сказанного, более обоснованным представляется вывод о том, что в северо-западной и северной зонах Южного Приуралья и в Среднем Приуралье в средневековье расселялась особая этническая общность, именовавшаяся в русских источниках как «остяки» (в источниках ногайского происхождения – как «иштяки»). Одной из важных этнокультурных особенностей этой группы была, как уже установлено, ее неполная исламизированность даже к 1570-м годам (об этом см.: (Исхаков, 2004, с. 223–233)), что сближало приуральских иштяков с сибир-

скими татарами XVI в. Такая этнокультурная специфика данных двух этнических общностей, именовавшихся «иштяками», при детальном анализе представляется вовсе не случайной.

В частности, в одной генеалогической таблице, озаглавленной как «Шеджере башкирских племен» и найденной в той же тетради, что и родословные племен *юрматы* и *айле*, после имени Мораддина (похоже, подразумевается сын Идегея Нураддин) идет имя его сына Кинжи (его братом выступает *Юрматы*), а в числе сыновей Кинжи числится *Иштяк*, а вот среди сыновей Иштяка названы *Бикатун* (старший его сын – *Айле*) и *Юрми* (Башкирские шежере, 1960, с. 173–174). Если учесть, что башкирскому этнониму *айле* соответствует сибирско-татарский этноним аялы (крупное родо-племенное подразделение сибирских татар в XVI–XVII вв. (Миллер, 1999, с. 352)), а эпонимы Иштяк, Бикатун и Юрми у сибирских татар сохранились в виде топонимов (*Иштәк, Пигәтен, Юрмы*) (Тумашева, 1987, с. 38–51)), возникает проблема учета роли сибирско-татарского, в том числе – угорского когда-то населения, в формировании этнической общности приуральских иштяков.

В плане выявления влияния средневекового населения Западной Сибири на приуральские этнические группы следует отметить некоторые новые сюжеты, на которые до сих пор в исторической литературе внимания практически не обращалось. При этом можно будет объяснить и причину присутствия в позднесредневековых источниках, имеющих отношение к Приуралью, наряду с «остяками» и «татар», являвшихся, как мы полагаем, в одних случаях ногайцами, а в других – тюрко-татарскими группами, изначально связанными с владениями Шибанидов, начиная со времени формирования Улуса Джучи игравшими важную роль не только в Западной Сибири, но и в Приуралье, в том числе и на его западе (см. по этой проблеме: (Исхаков, 2013, с. 128–145; История и культура Западной Сибири, 2015, с. 151, 195–205). Следует заметить, что если учитывать обширность этнополитических связей ногайцев и Шибанидов в XV–XVI вв., на самом деле нет принципиальных различий между населением Ногайской Орды и родо-племенными группами, находившимися в составе владений Шибанидов (государстве кочевых узбеков, Тюменском и Сибирском ханствах) – в обоих случаях речь в целом идет о средневековых татарах, т. е. о населении, имевшем золотоордынские этнические истоки (подробнее см.: (Исхаков, 2006; Исхаков, 2009; Исхаков, 2013)).

Так как вопрос о ногайском присутствии в Приуралье уже привлекал внимание исследователей (Кузеев, 1974; Трепавлов, 1997; Исхаков, 1998; История башкирского народа, Т. II, 2012, с. 199), мы можем ограничиться в данном случае только одним из его аспектов, а именно выяснением роли ногайцев в этническом становлении тюркского населения интересующей нас зоны. Дело в том, что начиная с Р.Г. Кузеева существует мнение (Кузеев, 1974, с. 487; Кузеев, 1992, с. 103–107), что ногайский компонент являлся последним, но «незначительным» слагаемым «башкирской народности на самых поздних ... стадиях башкирского этногенеза». При этом данный исследователь полагал, что ногайскими включениями в состав башкир следует считать только те группы, которые имеют определение «ногай» (ногай-юрматы, ногай-кыпчак, ногай-бурзян и т.д.), а многие другие, общие для ногайцев и башкир этнонимические параллели, объявлялись им результатом «общности мощного кыпчакского компонента в формировании обоих народов» (Кузеев, 1978, с. 55). Думается, что эти утверждения нуждаются в пересмотре, ибо они не учитывают того, что понятие «ногаи» в позднем средневековье являлось еще не столько этнонимом, сколько политонимом, и сами «ногайские татары» состояли из множества племен (основных насчитывалось от 12 до 14 (Исхаков, 1998, с. 156) или 18 (Кочекаев, 1988, с. 126), а со вторичными подразделениями их число доходило до 140 (Трепавлов, 2001, с. 490)), имевших разные этнические истоки, но оказавшихся в позднезолотоордынское время в политических рамках Ногайской Орды, в свою очередь, однако, имевшей весьма тесные политические контакты с государствами Шибанидов, население которых во многом состояло из тех же родо-племенных подразделений, что и ногайские татары.

В целом вопрос о ногайском включении в состав населения Приуралья можно решить на основе анализа родо-племенного состава башкир и приуральских татар (но у последних эти деления сохранились намного меньше) в XVI–XVIII вв. в сравнении с ногайцами. Такая работа, проведенная нами

ранее (Исхаков, 1998, с. 153–174), позволяет утверждать, что за исключением «иштякских» групп и родо-племенных подразделений, являвшихся в составе ногаев этническим наследием собственно монгольского, раннеджучидского времени и эпохи Шибанидов (мангыт, конгурат, кыйат, найман и др.), на этапе позднего средневековья в Южном Приуралье, в первую очередь, в его северо-западной зоне, «башкир» и «ногаев» друг от друга отделить практически невозможно, ибо родо-племенные подразделения, характерные тут в XVII–XVIII вв., в большинстве случаев обнаруживаются и у ногайцев, иногда, правда, по косвенным данным (о последних см.: (Исхаков, 1998, с. 154–158)). Следовательно, пока ногаи находились в Южном Приуралье – а их окончательный уход оттуда под давлением калмыков произошел лишь в 1630-х годах – вряд ли можно предположить, что эта политически доминировавшая тогда в данном регионе этнополитическая общность могла причислять себя к «башкирам» или «иштякам». Действительно, исследователи, оценивавшие ситуацию этой эпохи в Приуралье, пришли к выводу, что «башкиры» и «иштяки» не смешивались в источниках с «ногаями», выступая как «противостоящие друг другу ... уже сформировавшиеся этнические общности» (Трепавлов, 1997, с. 11). Отсюда следует, что «башкиризация» ногайских родо-племенных образований, оставшихся в Приуралье, произошла достаточно поздно, о чем мы можем узнать и из некоторых башкирских источников. В частности, из родословной юрматынцев (XVI в.) явствует, что после ухода ногайцев из бассейна р. Белой «на Кубань» те из ногайской знати, которые решили остаться среди «иштяков» (т. е. ясачного населения из юрматынцев), лишь впоследствии стали называться «иштяками» *(«иштәк аталдылар»)* (Башкирские шежере, 1960, с. 29).

Однако средневековое «татарское» население Приуралья состояло отнюдь не только из ногайцев, о чем свидетельствуют многие данные, краткий обзор которых ниже будет приведен. Прежде всего следует сосредоточиться на материалах, касающихся Среднего (Пермского) Приуралья, так как они позволяют протянуть связующую нить и с населением более южных ареалов Приуралья, по которым сохранившиеся данные не столь представительны.

Начнем с территории бассейна р. Тулвы, где местное население, как отмечалось, состояло из гайнинцев, в XVI в. именовавшихся «остяками», в XVII в. – «татарами» и «башкирами». Так вот, именно среди потомков этого населения в XVIII в. было записано предание о том, что «... в XIII столетии предки их *татары, пришедшие из Азии* (выделено нами – *Д.И.*), поселились около Волги и Камы, а затем покорили и живших по р. Чудской» (видимо, Чусовой – *Д.И.*) (цитируется по: (Исхаков, 1998, с. 122)). Генеалогия знатной части этой группы, известная по разным документам, позволяет расшифровать формулировку о «татарах, пришедших из Азии». Дело в том, что предки этих князей выводятся «из Булгара», откуда они ушли во время его взятия Тимуром. Приведенные в документе клановые атрибуты этой группы (о них см.: (Әхмәтҗанов, 2000, с. 98; Исхаков, 2012, с. 48)) полностью совпадают (за исключением тамги) с таковыми же одного из племенных вождей – Буркут-бия из «Дафтар-и Чингиз-наме» (Исхаков, 1998, с. 45), чье имя является эпонимом, за которым скрывается клан буркут. Показательно, что с Буркут (*Бөркет*)-бия начинается еще одно родословное, записанное среди татар Бирского уезда Уфимской губернии, живших несколько южнее гайнинцев. В этой родословной сообщается о проживании Буркут-бия во времена Чингизхана, приводятся клановые атрибуты, совпадающие с отмеченными выше, а также, что весьма важно, позволяющие связать этих татар не только со знатными гайнинцами, но и с татарско-остяцким населением бассейнов Сылвы и Ирени (Исхаков, 1998, с. 123). Еще в одной родословной, найденной в смежном ареале, упоминается Тарагай-би сын Буркит-бия, «прибывший» в бассейн р. Агидель «из Крыма». Наконец, эти же лица фигурируют среди предков башкир из клана канглы с указанием, что они «прибыли с берегов Черного моря, из Крыма» (Исхаков, 1998, с. 123).

Так как приведенные материалы носят системный характер, появляется возможность увязать их с эпохой монгольского завоевания Волго-Уральского региона, в ходе которого, как сейчас установлено (Исхаков, 2009-а, с. 25), у Шибана, участвовавшего также в покорении Крыма, в составе его сорокатысячного войска находилось и одно десятитысячное подразделение, состоявшее из буркутов во главе с Тайбугой (полагаем, что это – осно-

ватель рода сибирских князей – Тайбугидов). Если учесть, что на родовых землях пермских «остяков» и «татар» протекала р. Кунгур / Камгур, а этноним *кунгур* был известен среди ногайцев (Исхаков, 1998, с. 123), кроме того, Кунгур-би из клана *кушчи* фиксируется среди «самых приближенных» лиц Шибанида Абул-Хайр-хана, основателя Шибанидского ханства (=государства кочевых узбеков) (Исхаков, 2006, с. 29, 55), появляется также возможность увязать «татар и остяков» из группы кушчи в XVII в. с шибанидскими татарами. Наконец, нам известно о проникновении значительной группы сибирских татар – табынцев из Западной Сибири в Пермское Приуралье (с берегов Иртыша к р. Миасс, затем оттуда по Чусовой в Пермский край и южнее) в последней четверти XV в. Важно, что предок этой группы – Майкы-би, лицо историческое. Бывший *уйшуном* по клановой принадлежности, он в генеалогии имеет предшественника, названного *«Төмән-би»* (Исхаков, 2006, с. 39–42), чье имя, скорее всего, является эпонимом. Хотя впоследствии эта группа расселилась достаточно широко, в т. ч. и западнее пермской зоны, оставшаяся их часть на Урале – башкиры из подразделения дуван, утверждали, что их предки прибыли не только с «Иртыша», но и «Алтая» (Кузеев, 1974, с. 213). В краеведческих материалах, посвященных пермским татарам Сылвенско-Иренского бассейна, это переселение не только подтверждается (оно связывается «центральным» поселением кунгурских татар – д. Карево / *Каржҗау*, бывшим ядром «Карьевского улуса»), но и содержит указание на то, что это население вышло из мест проживания знакомой нам группы *дуван* и *ногайцев* (Шигапов, 2017, с. 77–88)).

Последнее же позволяет предположить, что эпоним «Төмән» отражает наименование крупного родо-племенного подразделения, действительно проживавшего в эпоху Джучи на Алтае, – это клан тумат / тама / тамийан (аргументацию на этот счет см.: (Исхаков, 2015-б, с. 122–157)), воины из состава которого составляли еще одну тьму в войсках Шибана (Исхаков, 2013, с. 25). Весьма показательно, что Г. Чокрый, оставивший письменную версию родословной клана *кара-табын* (части племени *табын*), о своих предках пишет, что они происходили «от эрми и чермишей», т. е., судя по этнонимам, не совсем тюрок, у которых «не было [видно] религии» (имеется в виду ислам – *Д.И.*) (цитируется по: (Исхаков, 2006, с. 42)). Этот факт как раз свидетельствует о том, что Южное и Среднее Приуралье еще в XV в. оставалось местом «притяжения» для тюрко-угорских групп из Западной Сибири, в том числе и потому, что эта зона тогда в значительной мере являлась территорией, подконтрольной Шибанидам.

С учетом сказанного можно понять, откуда на самом деле алтайско-сибирский «след» в приуральских говорах пермских татар и башкир. Тем более, что такие группы, как буркут (баргут), тума / тумат, кошчи, а также *таз, найман*, о которых скажем ниже, первоначально жили на Алтае, скорее всего, будучи после завоевания в начале XIII в. присоединены к улусу Шибана (Исхаков, 2015-б, с. 122–157). Группа же *таз* известна среди пермских татар и их южных соседей (Исхаков, 1998, с. 127, 137–138), а группа *найман* – среди сибирских татар (История и культура татар Западной Сибири, 2015, с. 151–152). Но в одно время найманы жили как в Крыму, так и, возможно, в Поволжье.

В реальности группа, проникшая в Приуралье и Зауралье в составе «народа» ранних Джучидов, была значительно больше. Но, ряд крупных родо-племенных образований, которых Р.Г. Кузеев относил к кыпчакам (катайская, табынская и минская группы (Кузеев, 1974, с. 465)), к ним, по нашему мнению, не имеют отношения, являясь выходцами XIII в. из районов Алтая и прилегающих территорий (Исхаков, 2015-б, с. 122–157), что заметили и некоторые другие исследователи (обзор археологических данных на этот счет см.: (Антонов, 2012, с. 97–99)).

Еще одним слагаемым золотоордынских татар в Приуралье являлись кыпчаки, точнее, восточные, так называемые «дикие» половцы, бывшие на самом деле по этнической принадлежности кимаками (йемеки). В связи с тем, что Р.Г. Кузеев приложил массу усилий для выявления в составе башкир этого, по его терминологии – «кыпчакского» компонента (он кимаков отдельно не выделял) (Кузеев, 1973; Кузеев, 1974; Кузеев, 1978; Кузеев, 1992), мы коснемся только одной из сторон этой весьма непростой проблемы, связанной с тем, что элита кимаков состояла из татар, о чем в литературе все еще написано недостаточно (более подробно см.: (Кумеков, 1972; Башкирские шежере, 1960; Ахинжанов, 1989;

Исхаков, 2015-в, с. 238–240; Исхаков, 2018-а)).

Начать следует с одного высказывания Шибанида Абул-Гази Бахадур-хана (1603–1664), который в труде «Шеджере-и тараким-мэ» («Родословная туркмен») при рассмотрении вопроса о взятии зимой 1220–1221 гг. столицы государств хорезмшахов г. Ургенча монголами, замечает, что оттуда Джучи «с приданными ему нукерами ... пошел (дело могло происходить на самом деле и позже, например, в 1225 г. – *Д.И.*) в Дешт-и Кыпчак», где «кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь (т. е. в XVII в. – *Д.И.*) является потомками тех кыпчаков» (Кононов, 1958, с. 44). Поскольку в этом сочинении описываются события, случившиеся до основного западного похода монголов, начавшегося в 1235 г., речь тут, скорее всего, идет о кимаках и это высказывание заслуживает внимания, ибо в некоторых русских летописях также есть сообщение о том, что в 1229/1230 г. «Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татары» (ПСРЛ. Т.I, 1962, с. 453). Тут речь явно идет о приуральской зоне, близкой к р. Яику, ибо из контекста этого известия ясно, что столкновения наступающих монгольских войск с кыпчаками (кимаками) и сторожевыми булгарами, находившимися в районе р. Яик, произошли тогда на левом берегу Волги, точнее, где-то вблизи Яика. Поэтому бегство кимаков, уже успевших испытать тяжесть боевых действий с наступающими монгольскими войсками еще в 1219–1221 гг., на земли «иштяков», т. е., скорее всего, в Приуралье, представляется вполне возможным (как и уход их к границам знакомой им Волжской Булгарии). На самом деле есть и другие материалы, подтверждающие сказанное.

В частности, благодаря исследованиям Р.Г. Кузеева в составе башкирской этнонимии был выделен ее кыпчакский пласт, отражающий названия башкирских родо-племенных подразделений XVII–XIX вв. Применительно к «собственно кыпчакским» (термин Р.Г. Кузеева, который подразделял указанный выше пласт этнонимов еще на ряд групп) родо-племенным названиям этот исследователь оперирует следующими терминами: *кыпчак (кыпсак), канлы, сары/сарыш, елан, байулы, гэрэ/гэрэй, кошсы, кыргыз* и некоторые другие (Кузеев, 1978). В данном случае с Р.Г. Кузеевым можно согласиться лишь частично, ибо этнонимы гэрэ (от киреит / гиреит), кошчы и кыргыз следует отнести к тюркской этнонимии зоны Алтая, а родо-племенные подразделения, которые скрываются за этими наименованиями, к тем подразделениям, которые оказались в начале XIII в. у Джучи, впоследствии – у его наследников, прежде всего у Шибанидов (Исхаков, 2015-б, с. 122–157).

Таким образом, остаются подразделения кыпчак, канлы (от канглы), сары/сарыш, елан и байулы. К ним, однако, можно добавить и некоторые другие этнонимы, в том числе и те, что Р.Г. Кузевым неправомерно были отнесены к иным, не кыпчакским пластам башкирской этнонимии. В частности, наименование группы *уран* он указал в составе древнебашкирской этнонимии, что противоречит источникам – клан *уран* (оран / уранийцы) находился в составе кимаков, причем являлся там весьма знатным (Исхаков, 2015-б, с. 122–157; Ахинжанов, 1989, с. 225–234). Далее, когда этот же исследователь в названный им «древнебашкирским» пласт этнонимов включал и название племени *байлар* (Кузеев, 1978, с. 193), он явно ошибался, ибо указанный выше кыпчакский этноним *байулы (бай+улы)* при присутствии в одном из документов начала XVII в. формулировки «Тышкы-Еланской волости байларских деревень» (Исхаков, 1985, с. 47), недвусмысленно взаимоувязывающий родо-племенные подразделения *елан* и *байлар*, скорее свидетельствуют в пользу того, что группа байлар – это кыпчакское образование. Это так и потому, что у восточных кыпчаков (кимаков, канглы) известно крупное племенное объединение *байаут* (Ахинжанов, 1989, с. 225–234), чье наименование является монголизированной формой этнонима *бай*.

Если принять к сведению, что этноним «кыпчак» – это обобщающий термин, который в качестве кланового наименования мог начать применяться лишь после монгольских завоеваний XIII в., в ходе которых собственно кыпчакские племена были уничтожены, у их наследников-башкир из «кыпчаков» следует поискать следы старых делений, которые могли бы вывести нас к кимакам. Действительно, в составе башкирского клана кыпчак Р.Г. Кузеев отмечает такие подразделения, как *бушман, кара-кыпчак* и *сары-кыпчак* (Кузеев, 1974, с. 114). В первом из этих этнонимов узнается

имя знаменитого предводителя клана *албары / алпарлы* (илбари) Бачмана (убит в низовьях р. Волги в XIII в.) (Исхаков, 1998, с. 36–37). (Детальнее об этом клане см.: (Исхаков, 2018-а)). Эта историческая личность фигурирует и в дастане «Туляк и Сусылу», как и его личный клан *алпарлы* (Исхаков, 2011, с. 119–127). Такие этнонимы, как «кара-кыпчак», отмечающийся в рукописи, связанной с сибирскими татарами (Исхаков, 2006, с. 24–25), и «сары-кыпчак» (отсюда – *шары / сары*), имеющий прямое отношение к игравшим важную роль в среде кимаков уйгурам (*сары / сарыг –уйгуры*), также указывают на кимаков. Да и наименования «*елан*» и «*уран*», обозначающие в тюркских языках змею, скорее всего, надо рассматривать как соответствующие кыпчакскому этнониму «*кай*», на монгольском обозначающем то же самое и хорошо известном среди кыпчаков (Ахинжанов, 1989). В этой связи заметим, что в татарском историческом сочинении «Дафтар-и Чингиз-наме», хотя и источнике позднем (XVII в.), но содержащем более ранние сведения, есть сообщение о некоем «народе барадж» (*бараҗ халкы*), обитавшем в бассейне р. Зая в «эпоху алпов» и связанном со «змей-драконом» (Дәфтәре Чынгыз-намә, 2000, с. 29), в котором, возможно, также надо видеть тот же «змеиный» народ (см. обоснование: (Исхаков, 2018-б, с. 25–28)).

В итоге на северо-западе Южного Приуралья вырисовывается значительная группа восточно-кыпчакских – кимакских в своей основе, кланов (канглы относятся к ним же), на что следует обратить внимание потому, что именно у кимаков их элитная часть восходила к древним татарам, перед монгольским завоеванием явно сохранявшим татарскую идентичность (Исхаков, 2015-б, с. 122–157; Исхаков, 2018-а), что позволяет видеть в потомках кимаков часть средневековых (золотоордынских) татар. Эта группа фактически усилила тюрко-татарские кланы, находившиеся ранее во владении у Джучи (это, например, найманы, меркиты, онгуты, возможно, киреиты).

То, что кимаки с татарской верхушкой, бывшие до того уже серьезной силой в государстве Хорезмшахов, частично влились в состав приуральского населения, можно обнаружить и по некоторым косвенным сведениям. Скажем, из письма брата Иоганки Венгра из ордена миноритов, около 1314 г. добравшегося до «Баскардии», где, по его словам, тогда жил «большой народ, подчиненный татарам», мы узнаем, что «судьи баскардов» из татар тогда исповедовали несторианство, а вот «государь всей Баскардии» и «большая часть его семьи» оказались «совершенно заражены сарицинским заблуждением», т. е. являлись мусульманами. Кроме того, там же находились и «сарацинские ученые» (цитируется по: (Антонов, 2012, с. 286). Так как в этот период исламизация Золотой Орды еще только набирала силу, появление мусульман среди политического руководства «Баскардии» в данном случае необходимо рассматривать в первую очередь как влияние переселившихся в Приуралье кимаков, которые были во многом исламизированы в результате тесных контактов с государством Хорезмшахов еще в домонгольское время. В данном контексте также следует заметить, что начиная с письма брата Юлиана, поехавшего на восток в поисках исходной родины венгров и оказавшегося в «Великой Булгарии» перед монгольским вторжением, где он и узнал о существовании «Ungaria Magna /Великой Венгрии» (Антонов, 2012, с. 260–265), в европейской исторической традиции, заложенной Плано Карпини (1245–1247) и Гильомом де Рубруком (1253–1255), земля «Баскарт» или «Паскатир», соприкасающаяся «с запада» с «Великой Булгарией», обозначает «Ungaria Magna / Великую Венгрию», население которой имело, хотя бы частично, тот же язык, что и венгры (Антонов, 2012, с. 270–272). Но уже Рубрук сообщает, что население «земли Паскатир» (читай – «Великой Венгрии» – *Д.И.*) после покорения «татарами» было затем по неизвестной причине еще подчинено («покорено») «соседними Булгарами и сарацинами», после чего «многие из них стали сарацинами» (Антонов, 2012, с. 272). В данном случае упоминающиеся тут «сарацины» это, скорее всего, исповедовавшие ислам кимаки, отличавшиеся от «булгар».

Именно при таком понимании складывающейся в XIII – начале XIV в. этнокультурной ситуации в Южном Приуралье можно понять появление в начале XIV в. мусульман и среди политической верхушки из «татар», правивших тогда «Баскардией». Весьма вероятно, что этот «государь» был из Шибанидов (другую точку зрения см.: (Антонов, 2012, с. 197–198)), на что может намекать информация Иоганки Венгра, отмечающего приход «к христианскому (несторианскому – *Д.И.*) судье баскардов» из татар некоего «судьи из страны Сибирь» (Антонов, 2012, с. 286–287).

Кстати, первый из этих «судей» мог быть как раз из клана киреит, принявшего христианство несторианского толка еще в 1009 г., или из круга близких к этому племени, кланов. Думается, что этот пассаж свидетельствует о существовании каких-то постоянных контактов между населением Приуралья и Западной Сибири, что является, скорее всего, отражением их вхождения в состав владения именно Шибанидов, а также родственности населения двух этих зон (Исхаков, 2013, с. 128–145; Исхаков, Тычинских, 2013).

Таким образом, при признании существования в средневековье в обширной зоне Южного Приуралья исторической территории «Баскардия» (вар.: Баскарт / Паскатир), которую, однако, параллельно именовали, во всяком случае, в XIII в., и «Великой (Старшей) Венгрией», ибо в тюркских языках б//м, в результате чего возникает форма «Маджгардия» (из-за башкир // маджар), что в тюркологии общепризнано, возникает задача объяснения этнических реалий, стоявших за этими маркерами.

Р.Г. Кузеев в свое время сформулировал гипотезу о том, что за термином «Баскардия» скрываются те группы собственно башкирских племен (это кланы бурзян, усерган или муйтен, тангаур, тамьян, последние, правда, под вопросом и ряд др.) (Кузеев, 1974, с. 425–441), у которых действительно прослеживается устойчивое бытование эндоэтнонима «башкорт» (Исхаков, 1998, с. 162–163). На самом деле к этим «древним» башкирам позже добавились и некоторые другие, уже золотоордынские – татарские кланы (минг, катай, кыпчак, кубеляк), впоследствии традиционно числившиеся «настоящими» башкирскими «родами» (Назаров, 1908, с. 164–192, с. 170), что явно отражает процесс постепенного этногенеза средневековых башкир в юго-восточной зоне Приуралья. Но северо-запад Приуралья, по отношению к которому, скорее всего, больше и применялся термин «Ungaria Magna / Великая Венгрия» (Антонов, 2012, с. 115–130), продолжал населяться «иштяками», постепенно, правда, входившими во взаимодействие с булгарскими и кимакско-татарскими (золотоордынскими) группами, выступавшими в Среднем и Южном Приуралье и в смежных зонах Зауралья по большей части как «татары» разных этнополитических ипостасей («казанские», «шибанские», «тюменские», «сибирские», «ногайские» татары).

Как показывают источники, в северной зоне Приуралья (исторический «Костяцкий» ареал XV–XVI вв.) с примыкавшей к нему зоной Восточного Закамья, процесс этнического взаимодействия прямых наследников золотоордынских «татар» с «иштяками» еще не был завершен даже к началу XVII в. Скорее всего, похожая ситуация была и в Зауралье. Например в некоторых документах, опубликованных в свое время Г.Ф. Миллером и относящихся к началу – первой трети XVII в., в ряде будущих уральских и зауральских «башкирских» волостей (кланы *табын, катай, салджигут, айле, терсяк, сынрян*) отмечены «татары» и «башкиры», иногда маркируемые просто как «татары» (Исхаков, 2015-а, с. 46), что весьма напоминает ту этническую картину, которая в синхронных документах прослеживается применительно к Среднему Приуралью (более подробно об этнической ситуации в Зауралье, см.: (Маслюженко, Самигулов, 2017, с. 363–390)).

Культурологические и лингвистические материалы подтверждают сказанное. Так, на основе картографирования элементов традиционной культуры башкир в Приуралье, С.И. Руденко удалось выделить «северо-западную [культурную] область» (Руденко, 1925), достаточно точно совпадающую с зоной расселения средневековых «иштяков». А выдающийся тюрколог А.Н. Самойлович, в 1920-х годах занимавшийся этнолингвистическими исследованиями, показал, что именно башкиры этой зоны (пермские, по его терминалогии), относятся в рамках обширного «окско- волжско-камско-тобольского культурно-географического района» к более древнему историческому «слою», который он связал с «чувашско-башкирско (имеются в виду только северо-западные или пермские башкиры) – мишарско-финскими» этническими группами, которым противостоял второй, собственно «татарский» (сейчас бы мы сказали – «золотоордынский») этнолингвистический слой (куда включаются и юго-восточные башкиры), обнаруживающий также связь с «оседло-туркестанским регионом» (Самойлович, 1923, с. 63).

Одной из особенностей иштяков северо-западного Приуралья, соответствовавших чияликской археологической культуре XI–XIV вв. низовьев рек Белой и Ика, где до

конца XIV в. сохранялись следы язычества (Казаков, 1978, с. 97–98), а также родственной сылвенской археологической культуре Пермского Приуралья (Бадер, Оборин, 1958, с. 177, 216–217), чьи наследники до XVI в. тоже сохраняли следы язычества, была их тесная связь с булгарами, включавшими изначально значительный угорский компонент, но затем постоянно подпитывавшихся также за счет переселенцев в Волжскую Булгарию из угорской среды Приуралья [История татар с древнейших времен, Т. II, 2006, с. 137, 416, 629–630]. Однако было и обратное движение булгар в среду приуральских угров (Белавин, 2000, с. 132–136; История татар с древнейших времен, Т. II, 2006, с. 399, 407), что в конечном счете и способствовало этническому сближению булгар с приуральскими иштяками. По мере «превращения» потомков волжских булгар в золотоордынский период в «татар», сходный этнический процесс мог охватить и приуральских иштяков, на переходной стадии еще выступавших как двуединое, «остяцко-татарское» население (рубеж XVI–XVII вв.), затем, однако, в зависимости от административно-территориальной принадлежности, «кристаллизовавшихся» в этнически более однородные общности «татар» (пермских, уфимских) и «башкир», в последнем случае сохраняя в причудливых формах память о своих древних этнических корнях и связях. Скажем, в сохранившемся в составе родословной XVIII в. рассказе о путешествии выходца из клана айле «в страну Кубань», где произошла его встреча с ногайцами, проявившими поразительную осведомленность о родоплеменной структуре айлинцев, на вопрос одного из «древних стариков» из ногайцев этому айлинцу: «Ты сын какой земли?» – последовал ответ: «*Болгарлык иштәкмен*» («Я булгарский иштяк») (Башкирские шежере, 1960, с. 169). Хотя в данном контексте понятие «иштяк» можно рассматривать и как синоним этнонима «башкир» (как, впрочем, и у Абул-Гази Бахадур-хана в XVII в.), все-таки использование понятия «иштәк» в качестве этнонима, да еще в специфическом «булгарском» обрамлении, будь то в данном случае в смысле политонима или этникона (т.е. как указание на былую принадлежность к Булгарскому вилайету/Казанскому ханству), выводит такую идентичность за пределы собственно «башкирского» самосознания. Впрочем, уже приведенные исторические предания гайнинцев в XVIII в. также указывали на предков из «татар», на приход их из «Булгара» и на подчинение «кипчакским» и «казанским» «царям» или «ногайскому хану» (Исхаков, 1998, с. 122).

На самом деле это означает, что в средневековье Приуралье, а также Зауралье – Западная Сибирь, являлись общей зоной этногенеза татар разного происхождения и башкир, во многом вообравших в себя одни и те же этнические компоненты. Поэтому здесь к началу развернувшейся со второй половины XVI в. массовой миграции татар из Поволжья сохранялась этническая переходность между формировавшимися в этой зоне башкирами и приуральскими (а частично и зауральскими, т.е. сибирскими) татарами. Правда, этническая ситуация в Зауралье в XVI–XVII вв., как и в более раннее время, нуждается еще в дополнительном анализе.

ЛИТЕРАТУРА

Аксанов А.В. Восточные улусы Казанского ханства // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Под ред. Р. С. Хакимова и др. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 225−250.

Антонов И.В. Башкиры эпохи средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 291 с.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. 244 с.

Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI−XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири в XVI−XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI−XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 72−136.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 86–152.

Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2000. 200 с.

Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала / Отв.ред. Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В. Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1982. С. 18–40.

Вишневский Б.Н. Следы угров на Западном Урале // Ученые зап. ПГУ. Т. 12. Вып. 1. Пермь, 1960. С. 255–269.

Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 2. Пермь Великая в XVII в. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1890. 250 с.

Дмитриев АА. Пермская старина. Вып. 8. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Типография н-ков. П.Ф. Каменского, 1900. 183 с.

Дмитриев А.А. Житие св.Трифана Вятского как источник сведений о Перми Великой в XVI в. // Труды Пермской учен. архив. комиссии. Вып. 2. Пермь, 1883. С. 20–41.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: АН СССР, 1960. 622 с.

Дәфтәре Чынгыз-намә. Казан: «Иман» нәшрияты, 2000. 44 с.

История башкирского народа (в семи томах). Т. II / Гл.ред. М. М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.

История татар с древнейших времен (в семи томах) Том. II. Волжская Булгария и Великая Степь / Отв. ред. Ф. Хузин. Казань: Изд-во «РухИл», 2006.

История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ / Науч. ред. Д.М. Исхаков. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; Артефакт, 2014. 439 с.

История и культура татар Западной Сибири / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджана АН РТ, 2015. 728 с.

Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных регионов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа / Отв. ред. Мухамедова Р. Г. Казань: КФ АН СССР, 1985. С. 36–65.

Исхаков Д.М. К вопросу об «остяцком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 114-121.

Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и населения в XV–XVII вв. // Congress Septimus Internaionalis Finno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertations. Vol. 4. Ethnologica et folklorica, 1990-a. P. 386–391.

Исхаков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII - начале XX вв. // Историческая этнография татарского народа / Отв. ред. С.В. Суслова. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1990-б. С. 5–30.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.

Исхаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV-XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» (Казань, 8-11 июня 2001 г.). Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 223–233.

Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки / Этнополитическая история татар. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.

Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)» (г. Казань, 17 марта 2009 г.) Вып. 1. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн», 2009. С. 24–30.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.

Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарскобашкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.

Исхаков Д.М. Ислам у татар Прикамья в средние века: историко-этнографические данные // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках третьего регионального форума мусульманской культуры «Мусульманский мир - 2012» (г. Пермь, 16 марта 2012 г.). Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 46–51.

Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском / Казанском вилайяте в 60-70-х годах XIV - 40-х годах XV века. Казань: Изд- во «Фэн» АН РТ, 2013. 68 с.

Исхаков Д.М. К вопросу об этнической принадлежности «остяков» Приуральско-Зауральской зоны в XVI–XVII вв. // Наш след в истории. Без тарихта эзлебез. Барда: МАУ «Редакция «Таң»/»Рассвет», 2015. С. 44–51.

Исхаков Д.М. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса // История и культура татар Западной Сибири / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 122–157.

Исхаков Д.М. К вопросу этнической принадлежности татар домонгольского времени // Кыргыз жана карахандар каганттары: Куттуу билим жана мамлакет: карахандар даорунун залкар ойгылу жана акыны Жусуп Баласагыдын 1000 жылдыгына арналган IV эл аралык илимий-тапсрыйбалык жыйындыгы баяндамалардан жыйнагы: 2015 - жылдан аяк (сентябрь) айының 18-19 у. Бишкек ш. Бишкек: «Maxprint» басмасы, 2015-в. С. 238–240.

Исхаков Д.М. Иштякская общность Приуралья в Средневековье // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Под ред. Р. С. Хакимова и др. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 278–295.

Исхаков Д.М. История рода Яушевых в средневековой период и кимакская проблема. Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. 115 с.

Исхаков Д.М. «Дәфтәре Чыңгыз-намә» әсәренең бер урынына комментарий» // Туган җир. Родной край. 2018-б. № 2. С. 25–28.

Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайяте Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 128–145.

Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 130 с.

Киреев А.Н. Этногенетические легенды и предания башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 60–63.

Кононов А.П. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1958. 193 с.

Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XVI − XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1988. 268 с.

Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 115 с.

Кузеев Р.Г. Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству / Отв. ред. Уфа: Н.В. Устюгов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1958. С. 3–23.

Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I - начале II тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т.III. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1963. С. 228–248.

Кузеев Р.Г. Роль исторической стратификации родоплеменных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии (Доклад, представленный на IX МКАЭН). М., 1973. 16 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1978. 263 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963. 151 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма- Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.

Кумеков Б.Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX Постоянной международной алтаистической конференции (Р1АС). I. История, литература, искусство / Под ред. В. М. Солнцева и др. (Ташкент. Сентябрь 1986) М., 1986. С. 39–40.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 242 с.

Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 363–390.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 632 с.

Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17-18 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1908. №1. С. 164–192.

Немет Ю. Специальные проблемы татарского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. №6. С. 126–136.

Немет Ю. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ. Т. IV. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 249–262.

Оборин В.А. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала / Под ред. Ф. П. Быстрых и др. Свердловск, 1960. С. 28–38.

Оборин В.А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. Т. II. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальниковю Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 130–135.

Пекарский П.П. Когда и для чего основали города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. Т. X. №5. СПб., 1872. С. 1–29.

Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII–начале XVIII вв. М.: АН СССР, 1956. 302 с.

ПСРЛ. Т.I. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962. 578 с.

ПСРЛ. Т. XI–XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 254 с.; 266 с.

Рамазанова Д.Б. Общие моменты лексики говора пермских татар с восточнотюркскими языками // Источниковедение и история тюркских языков / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1978. С. 107–115.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования пермских татар // Пермские татары / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1983. С. 137–154.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1996. 236 с.

Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир / Записки государственного русского географического общества. Т. XLIII, Вып. 2. Пг. ; Л : Тип. Якорь, Л. : Гос. тип. им. И. Федорова, 1925. 330 с.

Самойлович А.Н. Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. Т. II. Петроград, 1923. С. 98–119.

Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в волжскоуральском крае // Новый Восток. 1927. Кн. 18. С. 210–217.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н. И. Воробьев и Г. М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 538 с.

Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского Общества любителей естествознания. Т.39. Свердловск, 1924. С. 81–112.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI–первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 275 с.

Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV-XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения / Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. №2. Уфа: Урал. науч. центр РАН, 1997. 72 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2001. 752 с.

Тумашева Д.Г. Этнические связи западносибирских татар (по материалам топонимии и антропологии) // Советская тюркология. 1987. №2. С. 38−51.

Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ. Т. IV. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 30−37.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 160 с.

Халиков А.Х. История формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 7−36.

Шигапов Н.Н. Ирен буендагы татар авыллары тарихыннан // Туган җир. Родной край. 2017. № 1. С. 78−87.

Шишонко В. Пермская летопись 1263−1881 гг. Третий период с 1645−1676 гг. Пермь: типография Губернской земской управы, 1884. 1168 с.

Юсупов Ф.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Материалы Конф. по татар. языкознанию, посвящ. 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию Татар. АССР, состоявшейся 9-11 апр. 1980 г. в г. Казани / Отв. ред. Р. Г. Ахметьянов. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1982. С. 43−50.

Юсупов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары. Урал сөйләшләре. Казан: «Мәгариф» нәшрияте, 2003. 349 б.

Әхмәтҗанов М.И. Пермь һлкәсе шәҗәрәләре // Пермь татарлары турында / төз.,ф.ред.Р.Ягъфәров. Барда: Барда типографиясе, 2000. Б. 84−98.

Mandoky Kongur I. 1988. The question of identifying the Hungarian tribal name Jeno with the Bashkir ethnonim Yanay. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1(42), 43−48.

Информация об авторе:

Исхаков Дамир Мавлявеевич, доктор исторических наук, главный редактор журнала "Туган җир. Родной край" (г. Казань, Россия); monitoring_vkt@mail.ru

MEDIEVAL ISHTYAK COMMUNITY OF CIS-URALS AND TRANS-URALS: HISTORIOGRAPHIC AND CONCRETE HISTORICAL ANALYSIS

D.M. Iskhakov

The article considers the understudied issue of medieval Ishtyak ethnic community of the Cis-Urals and Trans-Urals, which participated in the formation of the Tatar population of the Perm Urals and Trans-Urals (Western Siberia), and the Bashkirs in the same area. As a result of the study, the author formulated a concept of the Ugric ethnic origins of the medieval “Ostyak” ethnic community of the North-Western Ural region, which was, however, strongly influenced in later periods by the Turks of different origins (Bolgars, Kimaks and Golden Horde groups, including Nogais and Shiban (Tyumen) Tatars). The further differentiation of this community into Tatars (Perm, Ufa and Siberian) and Bashkirs was associated with the administrative and territorial transformations of the 16th-17th centuries, as well as the characteristic features of the ethnocultural development of the Turkic population in different zones of the Ural-West Siberia area.

Keywords: ethnogenesis, ethnic history, Ugrians, Turks, Tatars, Kimaks, Golden Horde Tatars, Ostyaks/ Ishtyaks, Bashkirs, Nogais, Siberian and Perm Tatars, Middle and Southern Urals, Western Siberia (Trans-Urals).

About the Author:

Iskhakov Damir M. Doctor of Historical Sciences. Chief Editor of "Tugan Zhir. Rodnoi Krai" journal Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Karl Marx Str., 38/5, Russian Fedeartion; monitoring_vkt@mail.ru

УДК 902/903.23/903.023 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00087

КЕРАМИКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЖИГУЛЕВСКОГО II ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА: МОРФОЛОГИЯ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

© 2019 г. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина, Н.П. Салугина

Среди памятников хазарской эпохи в Самарском Поволжье Жигулевский II грунтовой могильник выделяется специфичной погребальной обрядностью. На могильнике преобладает обряд кремации на стороне, выявлено также одно захоронение по обряду ингумации. Наиболее представительные материалы, характеризующие погребальную керамику, были получены на раскопе 3, где в настоящее время исследовано 19 погребений, в 13 из них обнаружены керамические сосуды. Горшковидные по форме сосуды, имея незначительную вариабельность по пропорциям, различаются по соотношению основных абсолютных параметров, что оказалось значимым для первичной группировки. Исследование технологии изготовления сосудов в комплексе с морфологическим анализом позволяют наметить культурные традиции в гончарстве населения, оставившего могильник. Сравнение с керамикой синхронных памятников новинковского типа позволяет сделать предварительное заключение о самобытности исследуемого керамического комплекса.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, хазарская эпоха, Жигулевский II грунтовой могильник, керамика, морфологическая группировка, технико-технологический анализ.

Жигулевский II грунтовой могильник, известный с 2010 г. (Сташенков, 2014), среди памятников хазарской эпохи в Самарском Поволжье занимает особое место. От синхронных памятников он отличается специфичной погребальной обрядностью. На могильнике впервые в регионе для комплексов этого времени был зафиксирован обряд кремации на стороне, доминирующий на могильнике. В 2018 г. на раскопе 3 было выявлено первое захоронение по обряду ингумации (п. 18), что дает основание отнести могильник к биритуальным. Для территории Хазарского каганата, северным пограничьем которого являются земли Самарской Луки, могильники с обрядом кремации и с биритуальными захоронениями не являются чем-то необычным. Достаточно подробно проблемы интерпретации памятников данного круга освещены в работе В.С. Аксенова и В.К. Михеева (Аксенов, Михеев, 2006, с. 5–8).

Несмотря на то, что исследования Жигулевского II грунтового могильника еще не завершены, материалы его уже частично введены в научный оборот (Сташенков, 2014; Сташенков, Салугина, 2017; Кочкина, Сташенков, 2018). Для определения этнокультурной и хронологической позиции памятника в контексте одновременных памятников региона и установления его соотношения с примыкающим к нему селищем представляется значимым проведение детального анализа керамического комплекса из погребений на начальном этапе изучения памятника. На первых двух раскопах, носивших рекогносцировочный характер, были обнаружены только ограбленные и разрушенные кремационные погребения с невыразительными фрагментами лепной керамики. На раскопе 3 в настоящее время исследовано 19 погребений, керамика обнаружена в 13 захоронениях, находка фрагмента одного сосуда предположительно может быть связана с погребением (кв.2, пл. 2), два сосуда найдены при снятии слоя без привязки к захоронениям. В двух погребениях (п. 14, 17) выявлены небольшие фрагменты сосудов. Являются ли они частью погребального инвентаря, как и небольшие фрагменты керамики в тех погребениях, где были поставлены целые или почти целые сосуды, однозначно не установлено.

Всего для морфологической характеристики учтено 26 сосудов – 21 целый (19 сосудов, происходящих из 11 погребений, и два сосуда из слоя) и крупные фрагменты из погребений. В четырех погребениях (п. 6, 9, 10, 12) было обнаружено по одному сосуду, в трех погребениях (п. 4, 11, 19) находилось

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Самарской области в рамках научного проекта № 18-49-630007.

по два сосуда, в одном (п. 5) было выявлено пять сосудов, в трех погребениях (п. 13, 16, 18), кроме целых сосудов, были найдены еще фрагменты других сосудов. Сосуды из погребения 5 были описаны в публикации, посвященной общей характеристике материалов этого погребения, включая результаты технико-технологического анализа каждого сосуда (Сташенков, Салугина, 2017). Опубликованные данные были учтены и в данном исследовании.

В морфологическом отношении все сосуды, за исключением одного кубковидного сосуда (I категория), представлены горшковидной формой (II категория).

I категория – кубковидный сосуд (1 экз. – № 5 – *соответствуют номерам табл. 1*), его размеры (здесь и далее указываются только основные размеры, все параметры приведены в табл. 1): диаметр по венчику – 9,5 см, диаметр дна – 4,7–5,1 см, высота сосуда 8,8 см.

Сосуд асимметричный, верхняя часть кубка имеет чашевидную, почти полусферическую форму, венчик слегка загнут внутрь, край венчика уплощен. Невысокий плавно расширяющийся к низу поддон с внутренней стороны имеет вогнутую поверхность, на которой фиксируется налеп, использованный для его формовки. На поверхности прослеживаются следы заглаживания, желтовато-коричневато-серые пятна, полученные в процессе обжига, нагар. Дно самого сосуда уплощенное, слабо выделено внутри. Соотношение H:D3 = 0,90; наибольшее расширение тулова приходится на уровень чуть выше половины высоты h4:H = 0,57. Толщина стенок 0,7 см, толщина дна 1,3 см.

II категория – горшковидные сосуды. Для этой категории характерна значительная вариабельность параметров: диаметры по венчику – 4,7–20,7 см, диаметры тулова – 4,9–22,5 см, диаметры дна – 4,0–15,8 см, общая высота сосудов – 4,9–24,0 см (табл. 1). Толщина стенок сосудов – 0,7–1,0 см, толщина дна – 1,0–1,3 см.

Немногочисленность выборки затрудняет классификацию сосудов до разряда типов, т. к. по совокупности признаков практически каждый лепной сосуд будет представлять самостоятельный тип. Нельзя исключать, что при дальнейших исследованиях памятника и увеличении объема выборки керамики выделение типов сосудов станет возможным.

Для первичной группировки сосудов использовались контур профиля сосудов, абсолютные значения параметров сосудов и пропорциональные соотношения частей сосуда.

Очертания контура тулова в целом представляют собой равномерно выпуклую линию, в единичных случаях в месте наибольшего диаметра тулова имеется сглаженное ребро (№ 2, 16, **19?**), у некоторых сосудов линию стенки придонной части приближается к прямой (№ 3, 10–12, 19, 21, 23–25). Необходимо отметить, что все сосуды асимметричны, что находит отражение в разбросе значений замеров основных параметров каждого сосуда. Наибольший диаметр тулова у большинства сосудов приходится на уровень чуть выше середины высоты сосуда, в ряде случаев он расположен на линии верхней трети его высоты. Анализируя особенности контура профиля сосудов, следует подчеркнуть, что для большинства сосудов характерно выделенное основание тулова. Толщина стенок сосудов – 0,7–1,0 см, толщина дна – 1,0–1,3 см.

Пропорции размеров отражают особенности формы и параметрических характеристик сосудов данной выборки (табл. 2).

Наиболее значимым представляется соотношение абсолютных значений общей высоты сосуда (H) и диаметра тулова (D3). Корреляционное поле 1 (рис. 1: 1), построенное по значениям основных параметров, показало наличие определенной зависимости, что дает возможность произвести группировку сосудов даже такой небольшой выборки. Корреляционное поле 2 (рис. 1: 2), построенное по значениям диаметр венчика (D1) и высоты шейки (h1), также показало наличие определенной зависимости между соизменениями данных параметров сосудов. Несмотря на небольшую вариабельность размера высоты шейки (0,5–3,5 см), группировка сосудов по этим показателям в целом соответствовала распределению сосудов на корреляционном поле 1, что показывает возможность использования данных параметров при группировке фрагментарного материала, в том числе с селища.

По размерам сосуды четко делятся на три группы: малые, средние и крупные, кроме того, один сосуд выделен в группу миниатюрных (II–1) сосудов (№ 4, п. 5 с. 1). По основным пропорциям и контуру профиля он отно-

сится к горшковидным, однако небольшая асимметричность привела к тому, что с одной стороны профиль сосуда близок баночному. Диаметр по венчику 4,7 см, диаметр дна 4,0–4,4 см, высота 4,9–5,1 см.

Количественные значения границ в выделенных группах по основным размерам сводятся к следующим интервалам: группа II-2 – общая высота 6,5–8,5 см; диаметр тулова 7,6–11,0 см; группа II-3 – высота 10,6–15,6 см, диаметр тулова 11,3–15,7 см; группа II-4 – высота 17,8–24,0 см, диаметр тулова 17,0–22,5 см.

Для характеристики общей пропорциональности сосудов (ОПП) исследуемого комплекса рассчитывалось отношение высоты сосуда к его наибольшему диаметру (H:D3). По шкале качеств, разработанной Ю.Б. Цетлиным (Цетлин, 2018, с. 128–130, табл. 2), вся совокупность может быть оценена как горшковидные сосуды средних пропорций (V состояние качества по Ю.Б. Цетлину) со значениями 0,7222–1,3412.

Группа II-2 – сосуды малых размеров. Всего выделено пять сосудов: № 13 (п. 11 с. 2), № 24 (п. 19 с. 2), № 6 (п. 5 с. 4), № 8 (п. 5 с. 5), № 25 (кв. 24). Для них характерно превышение диаметра тулова над высотой сосуда (H:D3 = 1,02–1,38). Внутри этой группы крайние позиции занимают сосуд № 8 (п. 5), сосуд № 25 (кв. 24). Последний сосуд имеет самые широкие пропорции, занимает крайнюю низшую позицию по шкале качеств ОПП и форму, переходную от горшка-миски к горшковидной (рис. 1: 3, 25).

Группа II-3 – сосуды средних размеров. Выделено шесть сосудов № 26 (к.28 пл. 2); № 6 (п. 5 с. 3); № 14 (п. 12); № 15 (п. 13 с. 1); № 23 (п. 19 с. 1); № 12 (п. 11 с. 1). Высота от 10,6 до 15,6 см, диаметры по венчику – от 10,0 до 16,0 см. Для них характерно незначительное превышение диаметра тулова над высотой сосуда (H:D3 = 1,04–1,16), у трех сосудов диаметры тулова несколько меньше высоты сосуда (H:D3 = 0,89–0,96).

Сосуд № 12 (п. 11 с. 1) занимает в этом ряду крайнюю позицию ближе к сосудам более крупных размеров.

Группа II-4 – сосуды крупных размеров. Выделено восемь сосудов: № 21 (п. 18 с. 1), № 16 (п. 13 с. 2); № 10 (п. 9); № 9 (п. 6); № 3 (п. 4 с. 2); № 19 (п. 16 с. 1); № 2 (п. 4 с. 1); № 11 (п. 10). Высота от 17,8 до 24,0 см, диаметры по венчику – от 15,9 до 20,7 см. Для них характерно некоторое превышение высоты сосуда над диаметром тулова (H:D3 = 0,99–1,23), у одного сосуда этот показатель наибольший (H:D3 = 1,34). По качеству ОПП этот сосуд может рассматриваться как переходный к средним/высоким горшковидным сосудам.

Интерес представляют наблюдения о взаимостречаемости разных подгрупп сосудов в погребениях. Так, в погребениях с двумя сосудами – в погр. 4 встречены только крупные сосуды (II-4, № 2, 3), в погр. 11 находились сосуды малых и средних размеров (II-2, № 13; II-3, № 12), аналогичная ситуация в погр. 19 (II-2, № 23; II-3, № 24). В погр. 13, где обнаружены два полных сосуда, относящихся к группе средних и крупных (II-3, № 15; II-4, № 16), и фрагмент крупного сосуда (II-4, № 17). В погр. 5, где выявлено пять сосудов, четыре относились к сосудам малых размеров и кубок. Можно предположить, что предпочтения отдавались сосудам близких размеров.

Наличие крупных горшковидных сосудов в погребениях Жигулевского грунтового могильника – важная деталь, выделяющая его из числа синхронных погребальных памятников Среднего Поволжья и свидетельствующая о культурных традициях оставившего его населения.

Большинство сосудов из погребений Жигулевского II могильника декорировано по краю венчика оттисками штампа, а также пальцевыми защипами и вдавлениями: 12 целых сосудов и 4 фрагмента из погребений. Однако каких-то взаимозависимостей между формой сосуда и орнаментом не зафиксировано.

В целом керамическая коллекция Жигулевского грунтового могильника выглядит достаточно единообразной, не считая кубка и миниатюрного горшочка.

Морфологическая характеристика керамики из погребений существенно может быть дополнена данными по технологии изготовления. На наш взгляд, плодотворным является проведение анализа технологии изготовления керамики из Жигулевского могильникапо методике, разработанной А.А. Бобринским.

Применение этой методики позволяет не только выделять технологическую информацию в виде следов на поверхностях и в изломах сосудов, но и применять полученную информацию для обсуждения вопросов историко-культурного характера (Бобринский, 1978; 1999). Анализ проводился в соот-

ветствии с естественной структурой производства и включал изучение навыков отбора исходного пластичного сырья, составления формовочных масс, способов конструирования, обработки поверхностей и особенностей термической обработки сосудов.

Технологическому анализу было подвергнуто 28 сосудов разной степени сохранности: целые (17 экз.), в развалах (4 экз.), а иногда представленные только отдельными частями (7 экз.). Способы конструирования, в силу состояния материала, удалось изучить не по всем сосудам. Ниже приводится обобщенная информация по всем изученным сосудам.

Отбор исходного пластичного сырья (далее – ИПС). ИПС изучается на двух уровнях: на уровне представлений об ИПС и на уровне конкретных навыков отбора и подготовки его. В среде населения, оставившего Жигулевский II могильник, бытовало представление о глине как о единственном сырье для производства посуды.

На уровне конкретных навыков отбора ИПС на основе микроскопического анализа выделено два вида глин по степени ожелезненности: ожелезненные и слабо- или неожелезненные. Причем, ожелезненные глины всегда использовались как основные, а неожелезненные – в качестве добавки при составлении смесей. Ожелезненные глины представлены тремя подвидами:

Глина подвида 1 (Г1). Относится к подвиду незапесоченных, песок в ней практически не фиксируется при увеличении в 16 раз; при большем увеличении фиксируется только блеск, единично встречаются песчинки размером 0,2–0,3 мм; при этом глина засорена железистыми включениями разных видов: оолитовым бурым железняком (в меньшей степени), железистыми пластинками, достигающими иногда размеров до 1 см и мелкими охристыми включениями. Указанные железистые включения могут встречаться в изломе черепка как все вместе, так и по отдельности. Чтобы избежать излишней дробности материала при его обобщении, глины, содержащие как все указанные включения, так и какой-то один вид, объединены в одну подгруппу.

Глина подвида 2 (Г2). Относится к подвиду слабозапесоченных, в ней фиксируется пылевидный песок размером до 0,1 мм в небольшой концентрации и песчинки размером 0,2–0,3 мм, их количество – не более 7–9 включений на 1 кв. см. В данной глине редко, но встречаются описанные выше для Г1 железистые включения.

Глина подвида 3 (Г3). Относится к подвиду среднезапесоченных, в ней фиксируется пылевидный песок размером до 0,1 мм в средней концентрации.

Глина неожелезненная представлена в изломах овальными включениями кремового цвета размером от 1 до 3 мм. Иногда в данной глине встречаются мелкие охристые и слюдистые включения.

При составлении глиняных концентратов (смесей) в качестве основной всегда использовалась ожелезненная глина Г1 (рис. 3: 1, 2).

Количественная представленность подвидов глин приведена в табл. 3, из которой следует, что наиболее часто отбиралась Г1 (60,7%), также довольно значительно представлены Г2 и глиняные смеси (по 17,9%), Г3 зафиксирована только в одном сосуде.

Составление ФМ производилось путем добавления к ИПС минеральных (шамот – *далее Ш*) и органических (навоз или выжимка из него – *далее Н, выж*) примесей (рис. 3: 2–8). Шамот в составе ФМ в основном некалиброванный, можно лишь отметить, что допускаемая крупность частиц не превышала 4 мм; концентрация шамота в составе ФМ составляет 1:3/4. Органические добавки представлены органическим раствором, навозом жвачных животных и выжимкой из него. Комбинации компонентов ФМ показали, что составлялись следующие рецепты ФМ: ИПС+выж (3,6%), ИПС+Ш+выж (67,9%), ИПС+Ш+Н (28,5%). При анализе соотношения конкретного подвида ИПС и примесей выяснилось, что наибольшее предпочтение отдавалось составам: Г1+Ш+выж (46,4% от все изученной керамики), поровну представлены рецепты Г1+Ш+Н и Г2+Ш+выж (по 14,3%); рецепт смесь глин + Ш+Н составляет 10,7% (табл. 3).

Состав ФМ сосудов, из которых изготовлен шамот, идентичен: шамот+органика. В нескольких сосудах в шамоте зафиксирован шамот как из обычной ожелезненной глины, так и из глиняных смесей (рис. 3–7) и, возможно, из слабо ожелезненной глины (рис. 3–6) (п. 9; п. 13, с. 1, 2; п. 18, с. 1; п. 19, с. 1).

Способы конструирования сосудов. Значительная часть сосудов изготовлялась на плоскости, о чем свидетельствуют следы подсыпки на днищах сосудов. В центральной части внешней поверхности некоторых сосу-

дов фиксируются углубления довольно четкой подпрямоугольной формы, напоминающие ось гончарного круга. Вероятно, использовалась подставка в виде поворотного столика (п. 13, с. 2; п. 18, с. 1; п. 19, с. 1, 2;) (рис. 5: 1а–4а).

Начины делались в соответствии с двумя основными несмешанными программами конструирования: донно-емкостной (46,2%) и донной (23,1%).

Кроме того, выделена группа сосудов со смешанным способом конструирования начина: первоначально делался донный начин, затем поверх него с внутренней стороны наращивался второй слой из жгута в соответствии уже с донно-емкостной программой. Таким образом, получался так называемый двухслойный донный − донно-емкостный доэлементный начин (30,8%). Ведущим способом изготовления начинов сосудов (как донно-емкостных, так и донных) был спирально-жгутовой налеп. Начин только одного сосуда изготовлен с помощью спирально–лоскутного способа (п. 5, с. 1).

Для изготовления *полого тела* применялись лоскуты – 7,7%, жгуты – 69,2% и короткие жгуты (части жгутов длиной примерно 7–9 см) – 23,1% (табл. 4). Лоскуты и короткие жгуты наращивались по спиралевидной траектории, жгуты же – либо по спиралевидной, либо по кольцевой траектории. Особо выделяется один сосуд, начин и полое тело которого изготовлены с помощью спирально-лоскутного налепа, возможно применение формы-модели (п. 5, с. 1).

Несмотря на то, что не по всем сосудам удалось определить способы конструирования, приведенные цифровые значения все же показывают, что наиболее используемыми были такие «строительные элементы», как жгуты: начины практически всех исследованных сосудов изготовлены из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории; полое тело почти 70% сосудов также изготовлено из жгутов, но наращивание их проводилось преимущественно по кольцевой траектории (табл. 4).

Сочетание программы изготовления начина и способа изготовления полого тела в одном сосуде позволяет выделить *схемы конструирования конкретных сосудов.* Выделено 6 таких схем (табл. 4):

I – начин донно-емкостный, изготовленный спирально-лоскутным способом; полое тело изготовлено также спирально-лоскутным способом;

II – начин донно-емкостный, спирально-жгутовой, полое тело изготовлено также из жгутов по спирали (рис. 4: 1);

IIа – начин донно-емкостный, спирально-жгутовой, полое тело изготовлено из коротких жгутов по спирали;

III – начин донный, спирально-жгутовой, полое тело изготовлено из коротких жгутов по спирали (рис. 4: 2);

IIIа – начин донный, спирально-жгутовой, полое тело изготовлено также из жгутов, но наращиваемых по кольцевой траектории (рис. 4: 3);

IV – начин смешанный двухслойный, изготовлен из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории, полое тело изготовлено также из жгутов, но наращиваемых по кольцевой траектории (рис. 4: 4; 5).

Повторимся, что, хотя не по всем сосудам удалось получить информацию, определенная картина все же наметилась (табл. 4).

Наиболее массовыми выступают схемы конструирования IV и IIа, немного меньше представлены схемы II и IIIа. Таким образом, можно предположить, что население, оставившее Жигулевский II могильник, сформировалось из двух групп, владевших навыками изготовления начинов в соответствии с донной и донно-емкостной программами. В процессе сосуществования складывались смешанные навыки конструирования.

Обработка поверхностей сосудов осуществлялась простым заглаживанием. Инструментами для заглаживания служили в основном кусочки ткани и пальцы гончара. Внутренняя поверхность сосудов иногда заглаживалась первоначально деревянным ножом, а потом – тканью. Кроме того, отмечено, что на некоторых экземплярах шамота также фиксируются следы заглаживания мягким предметом.

Орнаментация сосудов. Орнаментирована почти половина сосудов, орнамент иногда располагался по срезу венчика, но чаще – по его краю с внешней стороны. Изучение техники орнаментации сосудов затруднено наличием крупных примесей. Удалось выявить, по крайней мере, три способа нанесения орнамента. Первый связан с использованием орнаментира в виде деревянной, овальной в сечении, палочки. Рабочий край этого инструмента размером примерно 6×3 мм был закруглен и

имел небольшой дефект в виде трещины. При вдавлении этим инструментом оставались овальные отпечатки, на стенках некоторых из них фиксируются следы волокон дерева, а в средней части отпечатка – небольшая выпуклость от трещины, куда затекла глина (например, сосуды из п. 16, с. 2 и п. 19, с. 1) (рис. 6: 2, 3). Второй способ орнаментации связан с пальцевыми защипами, от которых остались овально-вытянутые отпечатки со следами ногтя и подушечек пальцев по стенкам вдавления (например, сосуды из п. 13, с. 1, п. 18, с. 1 и 2) (рис. 6: 1). Третий способ орнаментации связан с наклонными насечками, выполненными, вероятно, деревянным ножом (п. 13, с. 3) (рис. 6: 4).

Придание сосудам прочности и влагонепроницаемости осуществлялось в процессе сушки и последующего обжига. Обжиг проводился в простых обжиговых устройствах типа очагов при создании в них смешанной окислительно-восстановительной среды.

Была сделана попытка соотнести способы составления ФМ (определенный подвид ИПС и добавки) со способами конструирования. Жестких закономерностей не выделено, что объясняется, с одной стороны, малочисленностью сосудов с четко определенной схемой конструирования, и, с другой, вероятно, постоянно происходящими процессами смешения внутри родственных (семейных) групп населения (табл. 5).

Соотношение морфологических групп и рецептов ФМ (табл. 6) выявило следующее: крупные сосуды делались преимущественно из глины 1 с добавлением к ней шамота и выжимки из навоза; для сосудов среднего размера выделяется группа посуды, изготовленная из глины 1 с добавлением шамота и навоза.

Попытка соотнесения морфологических групп с технологическими схемами показала только, что в соответствии с IV схемой делались в основном сосуды крупных размеров.

По данным технико-технологического анализа прослеживается, что исследованная посуда принадлежала родственной группе населения, в сложении которой принимали участие как минимум две группы населения. Об этом свидетельствует наличие сосудов, начины которых изготовлены в соответствии с разными программами конструирования. Но, вероятно, смешение и взаимовлияние этих групп происходило постоянно, о чем свидетельствует наличие смешанных способов изготовления начинов. Поскольку способы конструирования начинов относятся к самой консервативной части технологии, медленнее всего изменяющейся в процессе смешения разных групп населения, а количество сосудов с начинами, изготовленными по разным программам, близкое (табл. 6), можно предположить, что процесс смешения длился довольно долго, и смешанные способы конструирования начинов стали привычными для населения, оставившего могильник.

Сравнение технологии изготовления керамики из Жигулевского II могильника с технологией изготовления керамики новинковского типа, частично исследованной И.Н. Васильевой (Васильева, 1995, с. 76–79), показало как общие черты, так и его специфику. Общие черты наблюдаются в основном в приспособительных навыках. Население, оставившее указанные могильники, отбирало преимущественно незапесоченные и слабозапесоченные ожелезненные глины (около 70% в Новинковском I могильнике и почти 80% в Жигулевском II); составление ФМ осуществлялось по одному рецепту: шамот+органика, но если в материалах Новинковского I могильника зафиксирован только навоз, в керамике из Жигулевского II могильника основным видом органической добавки выступает выжимка из навоза. Также в целом совпадают способы заглаживания поверхностей сосудов мягким материалом (кожа – в Новинковском I и ткань в Жигулевском II могильнике). К отличительным чертам следует отнести: 1) составление смеси ожелезненной и неожелезненной глин, зафиксированное по материалам Жигулевского могильника (17,9%); 2) наиболее массовый способ изготовления сосудов из Новинковского I могильника связан со спирально-лоскутным налепом на форме-основе (группа 3). В Жигулевском II могильнике только один сосуд изготовлен подобным способом. Основная масса посуды Жигулевского II могильника изготовлялась на плоской подставке, иногда на внешней поверхности дна фиксируются довольно четкие отпечатки от оси подставки. Конструирование начинов осуществлялось в соответствии с донно-емкостной (более 46%) и донной (примерно 23%) программами. Почти треть начинов изготовлено смешанным способом: донная – донно-емкостная программы. Значительны различия также в способах изготовления полого тела. Сами

«строительные элементы» и способы их наращивания отличны: это и спирально-жгутовой налеп, и кольцевой налеп из жгутов. Таким образом, зафиксированные различия в технологии изготовления керамики отражают, скорее всего, различия в составе этнокультурных групп населения.

Анализ керамической коллекции Жигулевского II могильника позволяет сделать несколько предположений:

1) на территории Самарской Луки в хазарскую эпоху существовало несколько групп населения, различающихся в этнокультурном плане;

2) население, оставившее кремационные погребения Жигулевского II могильника, являлось пришлым для территории Среднего Поволжья и не было напрямую связано с предшествующим ему по времени населением именьковской культуры;

3) исходные районы миграции населения на Самарскую Луку необходимо искать на пограничных территориях центральной части Хазарского каганата, где имелось смешанное в этническом плане население;

4) для отнесения населения, оставившего изучаемый памятник, к числу культур с преобладающим славянским, тюркским, угорским или каким-либо иным компонентом, в настоящий момент данных недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв. // Хазарский альманах Т. 5. / гл. ред. В.К. Михеев. Киев - Харьков, 2006. 308 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Науч. ред. Бобринский А.А. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С.5–105.

Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. Матвеева Г.И. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. С.75–84.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: ОАО «Ижевская республиканская типография», 2010. 262 с.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование Жигулевского археологического комплекса // Археологические открытия в Самарской области 2017 года. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: «Издательство СНЦ», 2018. С. 38–39.

Сташенков Д.А. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: «Издательство СНЦ», 2014. С. 82–124.

Сташенков Д.А., Салугина Н.П. О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского / Раннеславянский мир. Вып. 19 / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 317–325.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв.ред. Цетлин Ю.Б. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Информация об авторах:

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru.

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); annkochkina@list.ru.

Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный институт культуры (г. Самара, Россия); Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина; nsalug@gmail.com.

CERAMICS FROM THE BURIALS ZHIGULI II GROUND BURIAL: MORPHOLOGY, TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS[2]

D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina, N.P. Salugina

Zhiguli II burial ground represents stands out from the sites of the Khazar period in the Samara Volga region due to the specifics of the funeral rite. The burial ground is characterized by the predominant ritual of cremation off the territory, and a single burial with inhumation has been revealed. The most representative materials characterizing the funerary ceramics were obtained at excavation 3, where 19 burials have currently been studied, in 13 of which ceramic vessels were discovered. Pot-shaped vessels with a slight variability in terms of proportions differ by the ratio of the basic absolute parameters, which has proven to be a significant aspect for primary classification. A study of the manufacturing technique of the vessels combined with a morphological analysis allow to outline the cultural traditions in the pottery practiced to the population having left this burial ground. A comparison with the ceramics of the Novinkovo type from synchronous sites allows to draw a preliminary conclusion on the uniqueness of the studied ceramic complex.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Khazar preiod, Zhiguli II burial ground, ceramics, morphological classification, technical and technological analysis.

About the Authors:

Stashenkov Dmitriy A. Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara, Russian Federation; archeo@list.ru.

Kochkina Anna F. Head of Department of Archaeology of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; annkochkina@list.ru.

Salugina Natalya P. Candidate of Historical Sciences. Samara State Institute of Culture Frunze St., 167, Samara, 443010, Russian Federation; Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara, Russian Federation; nsalug@gmail.com.

[2] The study was funded by RFBR and Samara region, project number 18-49-630007.

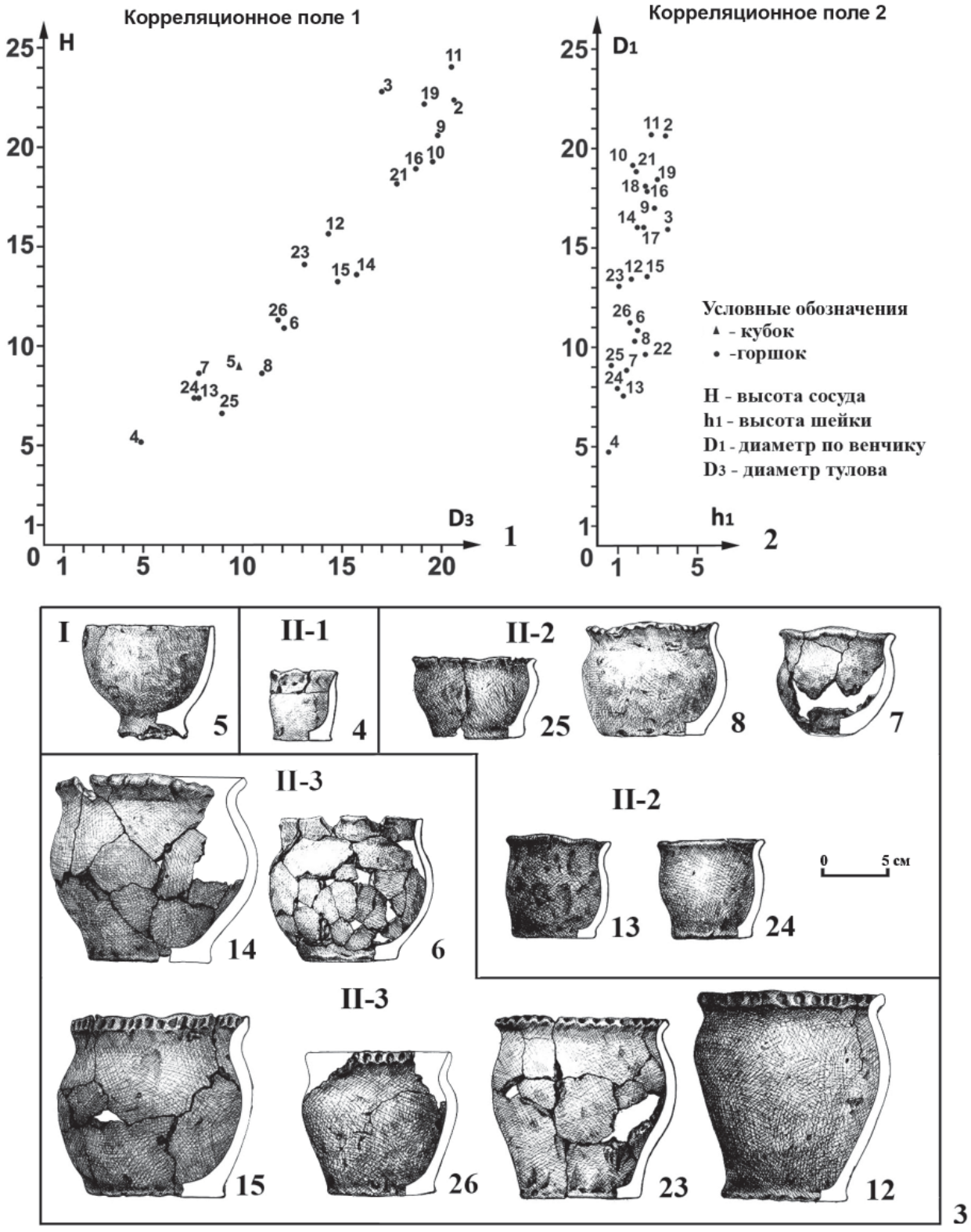


Рис. 1. 1 – Корреляционное поле 1 связи общей высоты сосуда (H) и наибольшего диаметра тулова (D3); 2 - Корреляционное поле 2 связи диаметра по венчику (D1) и высоты шейки сосуда (H); 3 – группировка сосудов Жигулевского II могильника: I - кубок (5), II-1 - миниатюрный сосуд (4), II-2 - сосуды малых размеров (13,24,25,7,8); II-3 – сосуды средних размеров (26,6,14,15,23,12).

Номера сосудов на иллюстрациях соответствуют порядковым номерам в таблице 1.

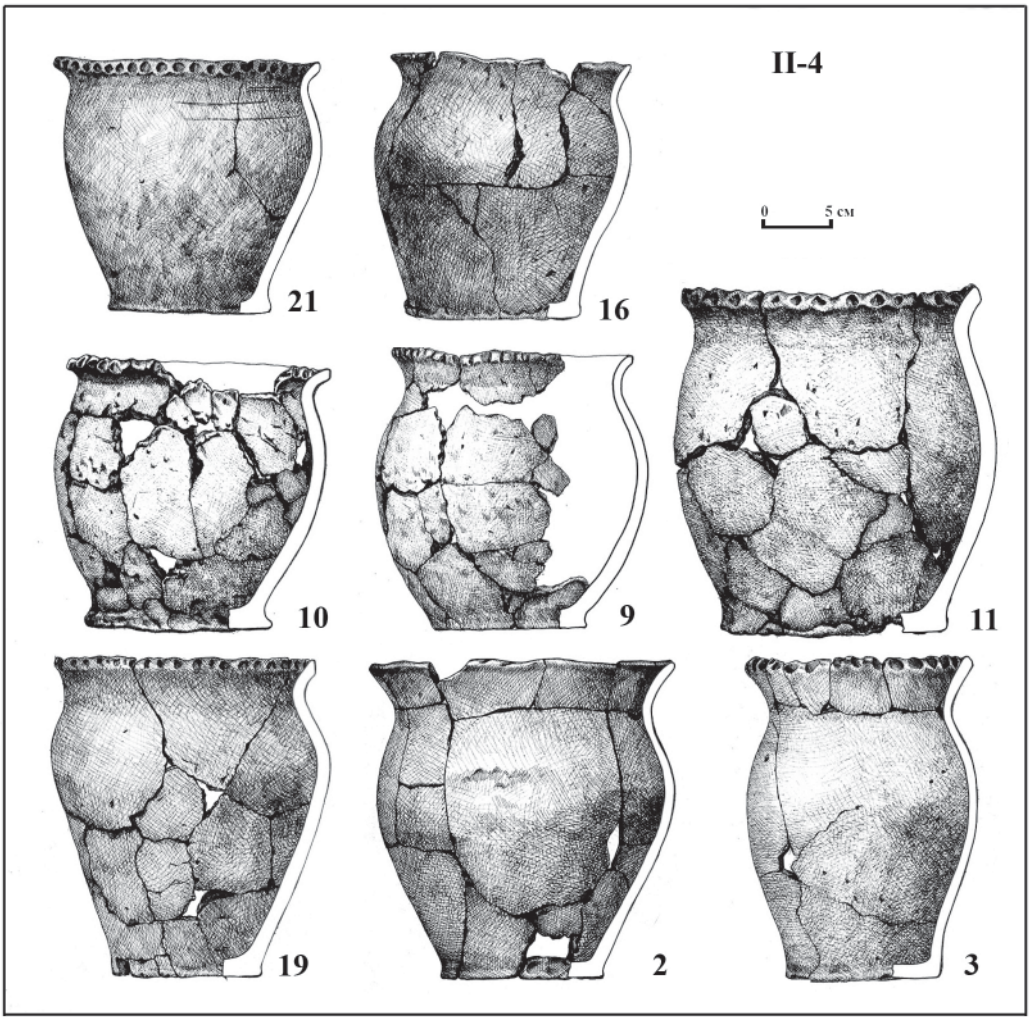


Рис. 2. Группировка сосудов Жигулевского II могильника: II-4 - сосуды крупных размеров (21,16,10, 9, 11, 3,19).
Номера сосудов на иллюстрациях соответствуют номерам в таблице 1.

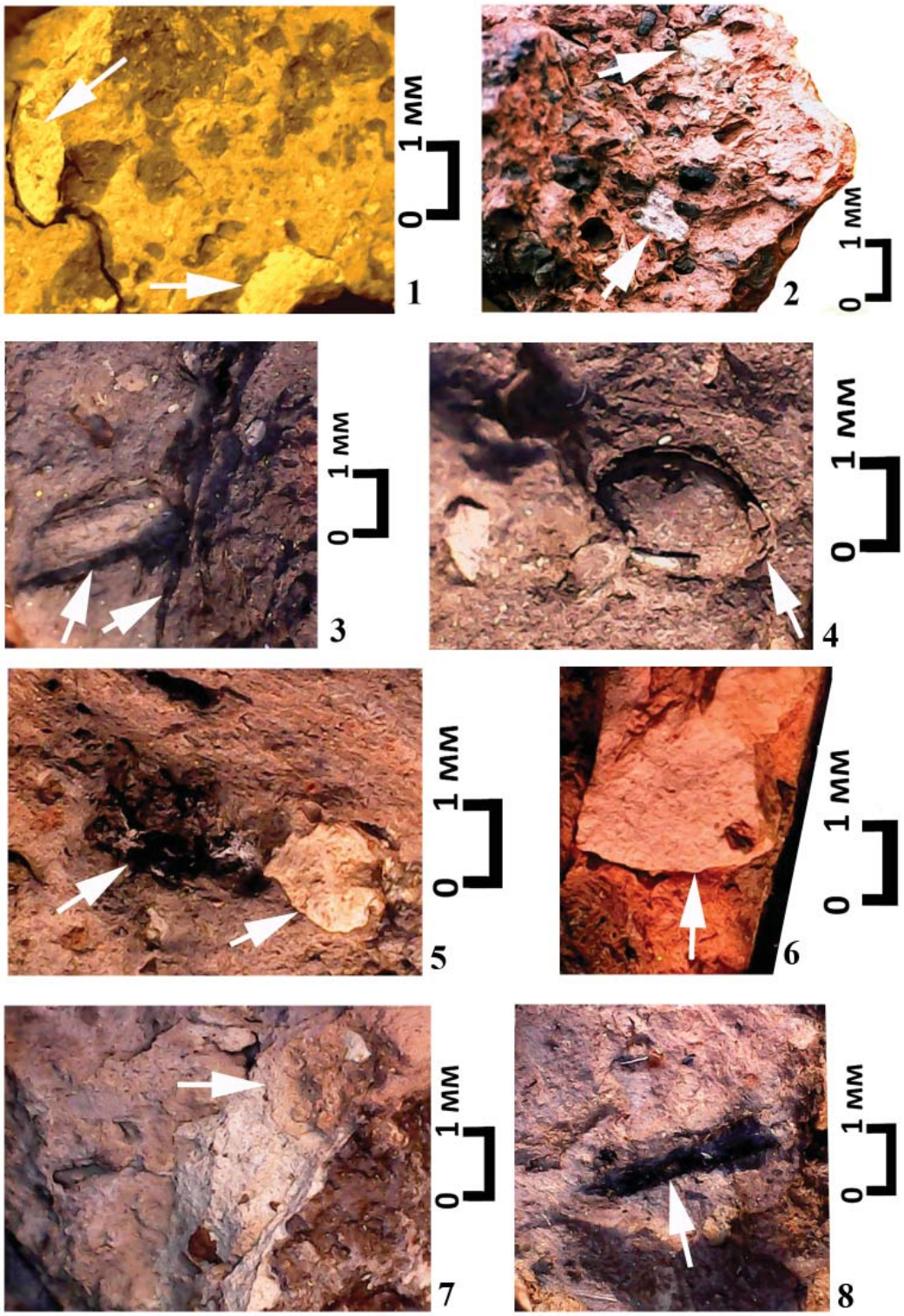


Рис.3. Макрофотографии исходного сырья и формовочных масс в изломов сосудов.
1- включения слабонеожелезненной глины на поверхности сосуда (п.4, с.2); 2 – включения неожелезненной глины и мелкого шамота в изломе сосуда (п.4, с.2); 3 – включения растительных отпечатков из навоза в изломе сосуда (п.12); 4 - включения семян растений из навоза в изломе сосуда (п.12); 5 - включения шамота и выжимки из навоза в изломе сосуда (п.9); 6 - включения шамота из слабоожелезненной глины в изломе сосуда (п.9); 7 - включения шамота из смеси глин в изломе сосуда (п.4, с.1); 8 - включения растительного отпечатка из навоза, шамота и железистой крошки в изломе сосуда (п.4, с.1).

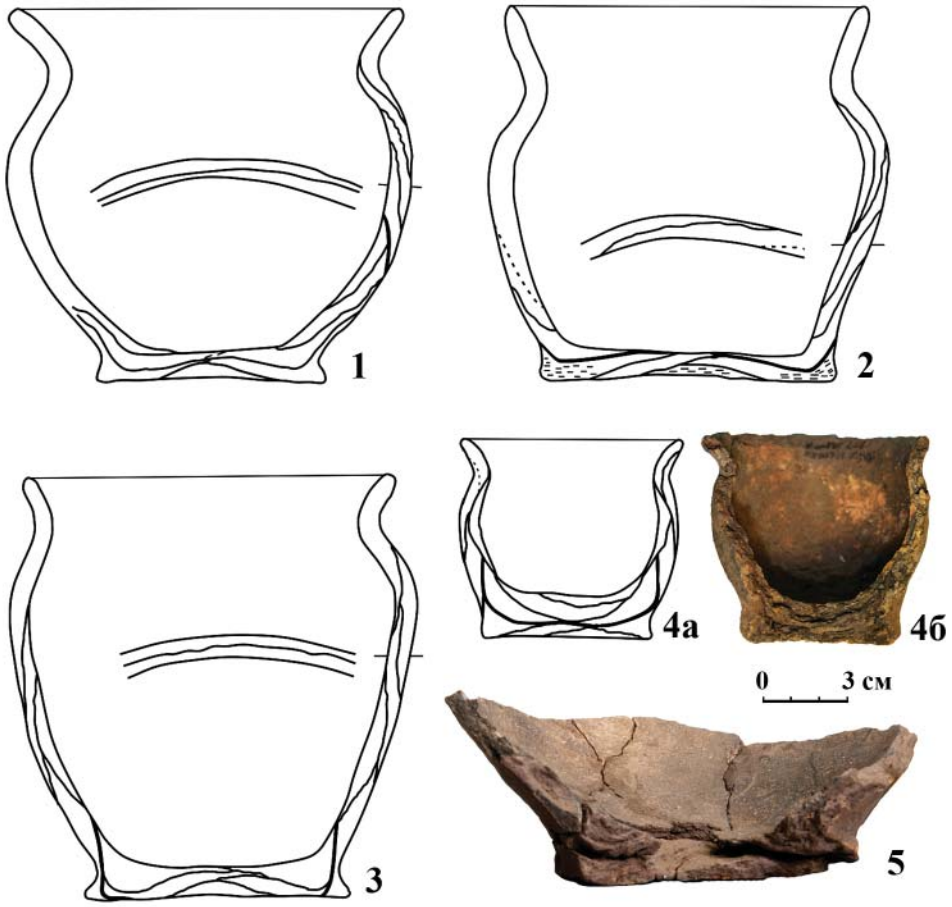


Рис.4. Схемы конструирования сосудов: 1 - п.12; 2 - п.13, с. 1; 3 - п.11, с. 1; 4 а, 4б - п.19, с. 2; 5 - кв.2 пл. 2.

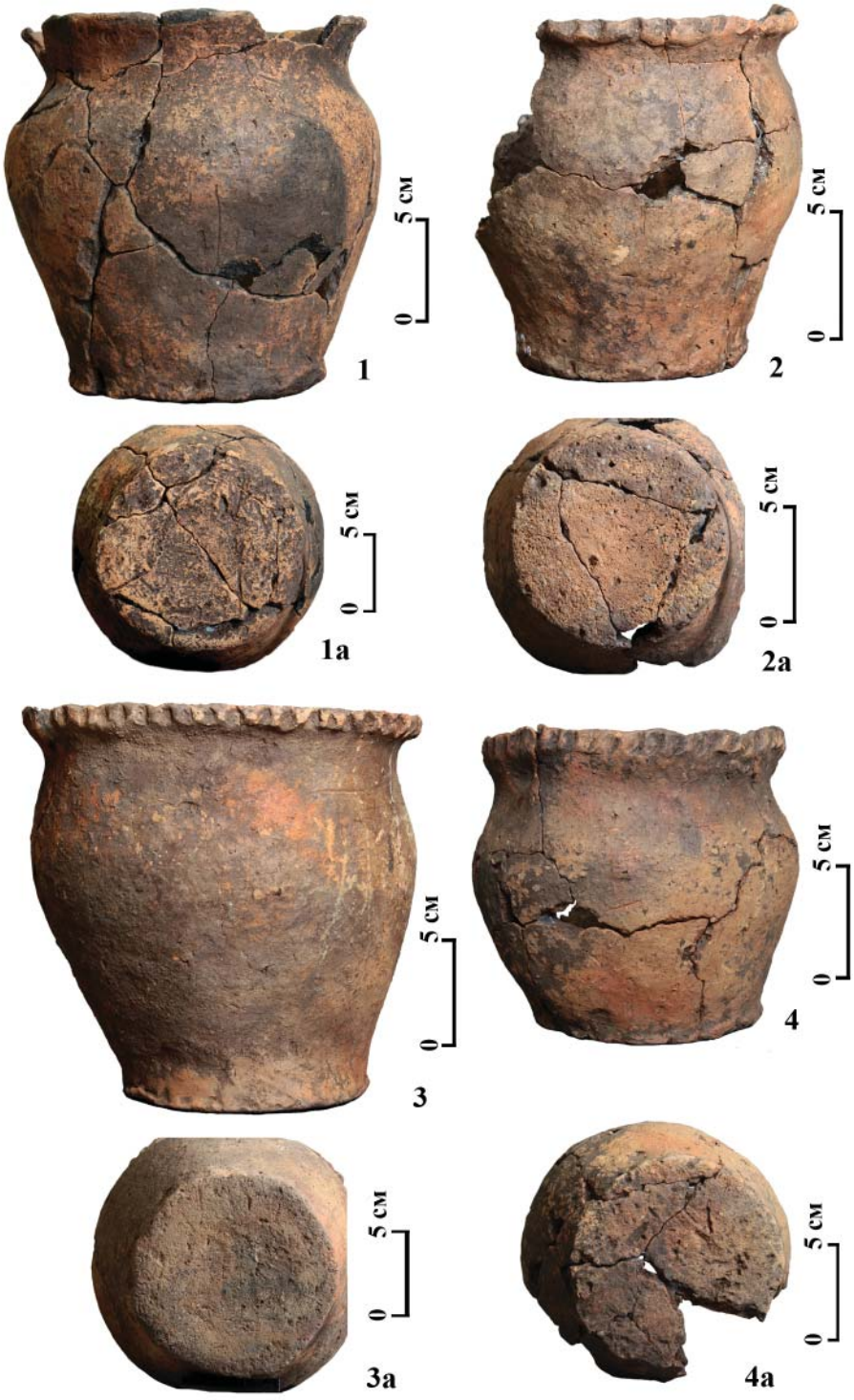


Рис. 5. Сосуды и отпечатки оси поворотного столика на днищах сосудов: 1, 1а – п.13, с.2; 2, 2а – п.19, с. 1; 3, 3а – п.18, с. 1; 4а, 4б – п.13, с. 1.

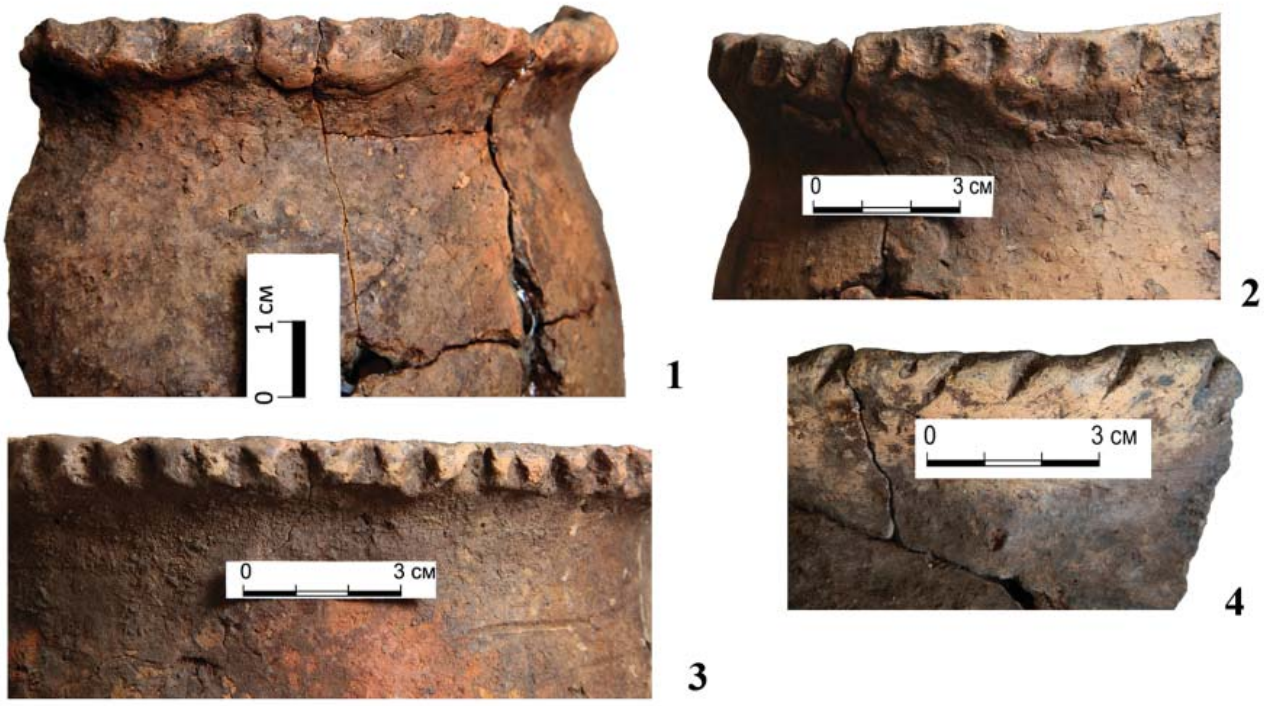


Рис. 6. Виды орнаментов на сосудах: 1 – п.19, с. 1; 2 – п.18, с. 1; 3 - п.13, с. 1; 4 – п.13, с. 3.

Таблица 1.

Жигулевский II грунтовый могильник (Раскоп 3). Параметры сосудов (см)

№п/п	Местонахождение	D_1	D_2	D_3	D_4	H	h_1	h_2
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
1	**Кв.2 пл. 2.**	-	-	-	11,5	-		Сохр. 6,0
2	**Погребение 4** Сосуд 1	20,0-20,6	17,4	20,7	11,2-12,0	21,6-22,4	3,1-3,4	12,0-13,5
3	**Погребение 4** Сосуд 2	15,9	13,0	17,0	10,9-11.2	22,8	3,3-3,5	13,0-13,5
4	**Погребение 5.** Сосуд 1	4,7	4.6	4,7-4.9	4,0-4,4	4,9-5.1	0,5	2,7-3,0
5	**Погребение 5.** Сосуд 2	9,5	D5- 5,5	9,8	4,7-5,1	8,8	h3 1,4	4,9-5,4
6	**Погребение 5.** Сосуд 3	10,0-10,8 см	10,5	12,1	7,3-7,5	10,6-10,8	1,7-2,0	5,7-6,5
7	**Погребение 5.** Сосуд 4	7,8-8,4	7,6	8,5	4,0	7,5-7,8	1,2-1,4	4,0-4,4
8	**Погребение 5.** Сосуд 5	10,1	9,5-9,6	11,0	7,9	8,3-8,5	1,6-1,9	4,0-4,5
9	**Погребение 6.**	16,5-17,0	15,3	18,5-19,7	11,0	19,6-20,6	2,7	10,5-11,0
10	**Погребение 9.**	19,0-19,1	17,4-17,7	19,5	13,4-13,5	18,5-19,2	1,8	12,5-13,0
11	**Погребение 10.**	20,5-20,7	18,5	22,0-22,5	15,8	23,5-24,0	2,7	13,0-13,5
12	**Погребение 11.** Сосуд 1	13,3	12,8	13,8-14,3	9,8	15,3-15,6	1,2-1,7	10,5
13	**Погребение 11.** Сосуд 2	7,3-7,5	6,6-6,8	7,8-7,9	6,1-6,4	7,3-7,5	0,9-1,3	3,5-4,4
14	**Погребение 12.**	16,0,	12,7	15,7	10,0	13,0-13,5	1,8-2,0	7,5-7,8
15	**Погребение 13.** Сосуд 1	13,0-13,5,	12,7	14,5-14,8	10,5-10,2	13,0-13,2	2,5	7,4-7,7
16	**Погребение 13.** Сосуд 2	17,3-17,9	14,8-15,8 расчетн	18,5-18,6	12,5	18,3-18,9	2,0-2,5	11,0-11,5

Таблица 1.

Жигулевский II грунтовый могильник (Раскоп 3). Параметры сосудов (см) *(продолжение)*

№п/п	Местонахождение	D_1	D_2	D_3	D_4	H	h_1	h_2
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
17	**Погребение 13.** Сосуд 3	16,0	14,0 расчетн	-	-	-	2,3-2,5 расчетн.	-
18	**Погребение 14.**	18,0	16,8 расчетн	-	-	-	2,5 расчетн.	-
19	**Погребение 16.** Сосуд 1	17,9-18,4	16,6	18,0-19,2	10,0-10,5	22,1-22,5	2,4-2,8	15,0-16,0
20	**Погребение 17.**	-	-	-	11,0-12,0 расчетн.	-	-	-
21	**Погребение 18.** Сосуд 1	18,7	16,7	17,7	11,5	17,8-18,1	1,7	11,0-11,5
22	**Погребение 18.** Сосуд 2	9,5	7,3 расчетн.	-	-	-	2,0	-
23	**Погребение 19.** Сосуд 1	12,6-13,0	11,2	13,2	9,2	13,7-14,0	0,9-1,1	8,5
24	**Погребение 19.** Сосуд 2	7,8	7,1	7,6	5,8-6,0	7,0-7,4	0,9-1,1	4,0-4,5-5,0
25	**Кв. 24, пл.2.**	9,0	8,7	8,8-9,0	7,0	6,5	0,7	4,3-4,5
26	**Кв. 28, пл.2.**	11,2	10,0-10,4	11,3-11,8	8,0-8,2	10,6-11,3	1,5-1,7	7,0

Примечание: D_1 – диаметр по венчику; D^2 – диаметр шейки; D_3 – диаметр тулова; D4 – диаметр дна; D_5 -– диаметр поддона; H – общая высота сосуда; h_1 – высота шейки сосуда; h_2 – высота нижней части сосуда от основания (дна) до линии наибольшего расширения тулова; h_3 – высота поддона; расчетн. – размеры фрагментов расчетные

Таблица 2.

Жигулевский II грунтовый могильник (раскоп 3). Группировка сосудов по пропорциям параметров

№ сосуда по табл.1	Местонахождение	H:D_3	h_2:H	D_1: D_3	D_4: D_3	D_2: D_4	D_4: D1	h_1:H	h_1: D_1
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**
5	**Погребение 5.** Сосуд 2.	0,90	0,56-0,61	0,97	0,52	0,49 -0,54	0,57	-	0,7
4	**Погребение 5.** Сосуд 1.	1,04	0,55 -0,59	0,96-1,0	0,85 -0,89	0,98	0,84 -0,94	0,10	0,11
25	**Кв. 24, пл.2.**	0,72-0,73	0,69	1,0-1,02	0,78	0,97	0,78	0,11	0,07
8	**Погребение 5.** Сосуд 5.	0,77	0,48-0,53	0,92	0,72	0,94-0,95	0,78	0,15-0,17	0,16-0,19
7	**Погребение 5.** Сосуд 4.	0,92	0,53-0,56	0,91-0,99	0,47	0,90-0,97	0,47-0,51	0,16-0.18	0,15-0,17
13	**Погребение 11.** Сосуд 2.	0,92	0,48-0,56	0,95	0,81	0,91	0,85	0,18	0,17
24	**Погребение 19.** Сосуд 2.	0,97	0,68	1,02	0,74-0,77	0,91	0,77	0,15-0,18	0,14
14	**Погребение 12.**	0,83-0,86	0,58	1,02	0,64	0,79	0,63	0,15	0,13
6	**Погребение 5.** Сосуд 3.	0,88-0,89	0,54-0,60	0,82-0,89	0,60-0,69	0,97-1,05	0,69-0,73	0,16-0.18	0,19
15	**Погребение 13.** Сосуд 1.	0,89-0,90	0,58	0,91	0,69	0,94	0,76	0,19	0,19
26	**Кв. 28, пл.2.**	0,94-0,96	0,62	0,95-0,99	0,73	0,89	0,73	0,15	0,15
23	**Погребение 19.** Сосуд 1.	1,04-1,06	0,60	0,98	0,70	0,86	0,71	0,08	0,08
12	**Погребение 11.** Сосуд 1.	1,09-1,11	0,67-0,69	0,96-0,90	0,69-0,77	0,96	0,73	0,07-0,11	0,09-0,13

Таблица 2.

Жигулевский II грунтовый могильник (раскоп 3). Группировка сосудов по пропорциям параметров *(продолжение)*

№ сосуда по табл.1	Местонахождение	$H:D_3$	$h_2:H$	$D_1: D_3$	$D_4: D_3$	$D_2: D_4$	D_4: D1	$h_1:H$	$h_1: D_1$
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**
21	**Погребение 18.** Сосуд 1.	1,01-1,02	0,64	1,05	0,65	0,89	0,61	0,09	0,09
16	**Погребение 13.** Сосуд 2.	0,99-1,02	0,60	0,94	0,67	0,88	0,69	0,13	0,14
10	**Погребение 9.**	1,01-1,02	0,68	0,97-0,98	0,69	0,91-0,93	0,70-0,71	0,10	0,09
9	**Погребение 6.**	0,99-1,02	0,53-0,64	0,86-0,89	0,56-0,59	0,90-0,93	0,65-0,67	0,13-0,14	0,16
11	**Погребение 10.**	1,06-1,07	0,55-0,56	0,87-0,92	0,70-0,72	0,70	0,76-0,77	0,11-0,13	0,11-0,13
2	**Погребение 4.** Сосуд 1.	1,04-1,08	0,56 -0, 60	0,97-1,0	0,54-0, 58	0,84-0,87	0,56-0, 58	0,15-0,16	0,16-0,17
19	**Погребение 16.** Сосуд 1.	1,17-1,23	0,68-0,71-	0,85-0,99	0,55	0,90-0,92	0,55-0,57	0,11-0,12	0,15
3	**Погребение 4.** Сосуд 2.	1,34	0,57 -0,59	0,94	0,64- 0,66	0,82	0,69-0,70	0,14- 0,15	0,21-0,22

Таблица 3.

Соотношение подвидов ИПС и ФМ

ИС	**Глина ожелезненная**			**Смесь двух глин**	**Всего**
ФМ	**Г 1**	**Г 2**	**Г 3**		
Выжимка				п.5 с.1; **1**	**1 – 3,6%**
Ш+ выж.	п.4 с.1; п.5 с.5; п.5 с.3; п.6; п.9; п.10; п.14 с.2; п.3 с.3; п.16 с.1; п.16 с.2; п.18 с.1; п.18 с.2; кв.2. 13 (46,4%)	п.13 с.2; п.5 с.2; п.5 с.4; п.14 с.1 **4 (14,3%)**	П.11 с.2 **1**	п.17 **1**	**19 – 67,9%**
Ш+Н	п.12; п.13 с.1; кв.28; кв.24. 4 **(14,3%)**	пп.19 с.1 **1**		П.11 с.1; п.19 с.2; п.4 с.2. **3 (10,7%)**	**8 – 28,5%**
Всего	**17 – 60,7%**	**5 – 17,9%**	**1 – 3,6%**	**5 – 17,9%**	**28-100%**

Примечания:

Г1 – глина подвида 1; Г2 – глина подвида 2; Г3 – глина подвида 3; Ш – шамот; Н – навоз; выж – выжимка из навоза; Ор – органический раствор.

Таблица 4.

Способы изготовления сосудов – выделение технологических схем

Конструирование	Программы начинов				Всего	Всего по строит. элементам
Полое тело	ДЕ, спл	ДЕ, спж	Д, спж	2-х слойное		
Лоскут, спираль	**схема I** П.5 с.1				1 – 7,7%	лоскут: 1 – 7,7%
Короткий жгут, спираль		**схема IIа** п.5 с.4; п.13 с.2; кв.28 пл.2			3 –23,1%	3 – 23,1%
Жгут, спираль		**схема II** п.12; кв.24 пл.2	**схема III** п.13 с.1		3 – 23,1%	жгут: 9 - 69,2%9
Жгут, кольцо			**Схема IIIа** п.14 с.1; п.11 с.1;	**Схема IV** п.19 с.2; п.16 с.1; п.17. кв.2.	6 -46,1%	
Всего	1 – 7,7%	5 – 38,5%	3 – 23,1%	4 – 30,8%	13-100%	13-100%
Всего по программам конструирования начинов	Донно-емкостная 6 – 46,2%		Донная 3 - 23,1%	Д – ДЕ 4 – 30,8%	13 – 100%	

Таблица 5.

Соотношение способов конструирования с ФМ

Составы ФМ	**Технологические схемы конструирования**					
	схема I	**схема II**	**схема IIа**	**схема III**	**Схема IIIа**	**Схема IV**
Г1+Ш+выж.						кв.2; п.16 с.1.
Г1+Ш+Н		п.12; кв.24 пл.2.	кв.28 пл.2.	п.13 с.1.		
Г2+Ш+выж.			п.5 с.4; п.13 с.2.		п.14 с.1.	
Смесь+выж.	п.5 с.1.					
Смесь+Ш+выж.						п.17.
Смесь+Ш+Н					п.11 с.1.	п.19 с.2.

Таблица 6.

Соотношение морфологических групп и рецептов формовочных масс

	Малые	Средние	Крупные
Г1+Ш+Выж	п.5 с.5	п.5 с.3	п.18 с.1; п.6; п.9; п.10; п.4 с.1; п.16 с.1.
Г1+Ш+Н	кв.24	кв.28;	
п.12; п.13 с.1.			
Г2+Ш+Выж			п.13 с.2.
Г2+Ш+Н	п.5 с.4.	п.19 с.1.	
Г3+Ш+Выж	п.11 с.2.		
Смесь+Выж	п.5 с.1.		
Смесь+Ш+Выж			п.4 с.2.
Смесь+Ш+Н	п.19 с.2.	п.11 с.14.	

УДК 902/904: 94(47) https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00088

БУЛГАРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

© 2019 г. И.Л. Измайлов

В системе археологического знания понятие «археологическая культура» является сущностным теоретическим конструктом, определяющим гносеологические возможности и направление ее развития, как науки о прошлом человечества в целом. При этом понятие «археологическая культура» была и остается главным теоретическим инструментом, призванным изучать, описывать и реконструировать историческое прошлое. Археологическая культура служит специфическим связующим звеном между памятниками мертвой и ископаемой культуры и живым прошлым, благодаря ей у гуманитариев есть возможность сопоставлять данные археологии с другими смежными науками, позволяя сопоставлять археологические следы и остатки прошлой жизни и данными других источниковедческих дисциплин для реконструкции жизни человечества в рамках исторических нарративов. Археологические памятники, имеющие особые специфические особенности, объединенные в единый ареал могут считаться булгарской археологической культурой, оставленной населением Волжской Булгарии. Исследования этих памятников позволили выявить не только разнообразный материал по всем сторонам жизни средневекового населения, но и, при сопоставлении с другими материалами, заполнить лакуны и раскрыть многие, до этого неизвестные, страницы истории и культуры Волжской Булгарии.

Ключевые слова: археология, археологическая культура, Волжская Булгария, булгарская археологическая культура, археологическая карта, погребальная обрядность, города, ремесло, керамический комплекс, украшения, символы власти.

Археологическая культура: сложность сопоставления и верификации источников. В системе археологического знания есть несколько базовых терминов и понятий, которые являются базовыми и определяют ее специфику среди других гуманитарных наук. Особое место среди них занимает понятие «археологическая культура», являясь сущностным теоретическим конструктом, определяющим гносеологические возможности и направление развития археологии как науки о прошлом человечества в целом. При этом понятие «археологическая культура» была и остается главным теоретическим инструментом, призванным изучать, описывать и реконструировать историческое прошлое. Именно посредством этого понятия описывается многообразие археологическим объектов, производится их группировка, классифицирование и определение на шкале времени. Археологическая культура служит специфическим связующим звеном между памятниками мертвой и ископаемой культуры и живым прошлым, благодаря ей у гуманитариев есть возможность сопоставлять данные археологии с другими смежными науками – исторической антропологией, этнографией и источниковедением. Это понятие является базовым и высшим, позволяющим описывать многообразные археологические следы и остатки прошлой жизни, сравнивать их подобными культурами или группировками массивов находок и памятников, а также с данными других источниковедческих дисциплин для реконструкции жизни человечества в рамках исторических нарративов.

Несмотря на важность и значение этого понятия для археологии, не все теоретические и практические проблемы ее решены. Часто являются дискуссионными сами критерии выделения тех или иных археологических культур и их обоснованность. Например, различных культур Южного Приуралья и Прикамья в первые века н. э. Во многом это связано с тем, что для подобного базового понятия археологии до сих пор нет конвенционального определения. На практике каждый исследователь вкладывает в это понятие любой и произвольный набор признаков, чаще всего таковым выступают набор керамической посуды или погребальный обряд, и делает на их основании выводы о характере исторических обществ, оставивших эти объекты. Подобный произвол ведет к принципиальной несопоставимости критериев выделения археологических культур и их

несоизмеримостью. Действительно, никакое продуктивное сравнение культур невозможно, если одна культура выделена на основе характерных предметов (например, шнуровой керамики и каменных топоров), а другая – на основе скорченного обряда погребения в срубах, под небольшими курганами. Разумеется, на практике подобные корреляции бывают более сложными, но суть дела от этого не меняется, поскольку нет общепризнанных критериев и механизмов выделения ареалов различных культур. С одной стороны, это затрудняет предметный спор и сопоставление этих культур, а с другой – не позволяет делать корректную и регулярную реконструкцию прошлых обществ, оставивших объединяемые в культурные ареалы памятники археологии.

Еще более сложная ситуация установилась для тех исторических периодов, которые изучаются в значительной степени археологическими методами, но при этом исследователи не склонны рассматривать процедуры их изучения как археологические. Они предполагают, что археология выступает в этом случае как второстепенная вспомогательная дисциплина, а объектом своего изучения считают некие исторические общества. Например, для Киевской Руси и русских княжеств IX–XIII вв. постулируется образование некоей «древнерусской народности» (см.: Седов, 1999; Котляр, 1998; Толочко, 2005), но при этом в археологическом смысле статус и ареал распространения русских памятников не определен и не установлен. Он постулируется в пределах Древнерусского государства с неопределенными границами (Седов, 1982; Седов, 1994, Седов, 1995). Теоретически при этом остается непонятным, как соотносятся древнерусская археологическая культура с территорией Киевской Руси и русских княжеств. Обычно все многообразные памятники, которые известны на территории очерченной по историческим материалам, называются «русско-славянскими» и на их основе постулируется формирование «древнерусской народности» (см.: Седов, 1982; Седов, 1999).

Но здесь возникают серьезные вопросы, поскольку территория государства не только не полностью совпадает с археологическими реалиями, называемыми «древнерусскими», а часто совсем не представляют собой какого-то единства и различаются на всей территории Руси (например, длинные сопки и срубные гробницы, курганы с трупосожжением и грунтовые погребения), но игнорируют, что на этой территории имеются ареалы субстратных культур, свидетельствующих о наличие больших массивов языческого финно-угорского населения – мери, вепсов, корелы, а на юге Киевщины – Черных Клобуков (см.: Плетнева, 1973; Рябинин, 1981; Кочкуркина, 1982; Кочкуркина, 1986; Рябинин, 1986; Рябинин, 1997). Фактически все эти вопросы отбрасываются, а данные археологии служат лишь некоей иллюстрацией выводов историков экстраполируемых на комплекс материальных древностей. Тогда становятся непонятны теоретические механизмы конструирования этой самой «древнерусской народности» из данных археологии. Получается, что отсутствие строгого описания «древнерусской археологической культуры» ведет к тому, что исторические выводы о структуре русского этноса и социальных процессов построены в основном на априорных, конвенциональных данных.

Возникает парадоксальная ситуация, когда ведущие московские центры археологии отказываются считать **археологию** вполне компетентной наукой, чтобы изучать древности Киева или Новгорода, а провозглашают ее вспомогательной исторической дисциплиной. При этом на словах именно в археологических источниках представители этой научной школы видят главный прорыв в изучении культуры и истории древнерусских земель.

Как же возникла и утвердилась в нашей науке подобная парадоксальная ситуация?

Парадигма советской археологии: метод восхождения от конкретного материала к абстрактным моделям прошлого. В процессе становления гуманитарных наук, занимающихся изучением и реконструкцией исторического прошлого, произошло постепенное разделение сфер приложения различных методов исследования. За свою историю археология прошла значительный путь развития от классификации и описания антиквариата до полноценных раскопок различных объектов и установления ареалов вещей и памятников. В Западной Европе она постепенно сформировалась как раздел антропологии в самом широком смысле этого понятия, на стыке естественных и гуманитарных наук о человеке и одновременно, как раздел источниковедения, занимающегося изучением антиквариата, который позднее начал, благодаря раскопкам, извлекать находки и фиксировать

следы прошлой жизнедеятельности. По сути дела, в европейской академической науке в начале XX в. сложились две науки о древностях – одна проводила исследования по методиках близким к геологическим наблюдениям и была связана с антропологией, как наукой о древнейшем прошлом человечества, а вторая – служила дополнением и наглядной иллюстрацией достоверности письменных источников (Монгайт, 1973; Клейн, 2011).

В России, где за исключением Северного Причерноморья своих классических древностей не было, оба эти направления были тесным образом связаны, поскольку исторические источники были отрывочными и лаконичными (Формозов, 1961; Формозов, 1986; Клейн, 2011). Но формирование археологических знаний происходило медленно и еще более медленно происходило осмысление и обобщение этих данных. Только к концу XIX – началу XX в. локальные сведения начали объединяться в ареалы, которые получили в отечественной науке название «культур». Однако, как и многие изменения, они произошли уже позднее в другой социальной и идеологической реальности.

Радикальные перемены всей общественно-политической и экономической жизни советского общества в 1929 г., который И.В. Сталин удачно назвал «великим переломом», затронули и археологическую науку. В первую очередь, все эти изменения, имевшие характер «резкой и насильственной «марксизации» науки» (Алымов, 2009, с. 8; Также см.: Соловей, 2001, с. 101–121) носили характер смены парадигмы науки (см.: Неретина, 1990, с. 22–49). Несколько параметров этой парадигмы широко известны – выработка новых «материалистических» (на деле вполне позитивистских, не диалектических) методов изучения прошлого в условиях усиление и ужесточения идеологического диктата. Важную роль в становлении этой новой парадигмы исторической науки отводилась археологии, как научной дисциплине, позволявшей на основе материальных остатков реконструировать ранние стадии истории человечества. Особенно актуально это стало в период создания историй народов СССР с древнейших времен.

Эта борьба под лозунгом «Больше марксизма!» велся по всем направлениям науки, поскольку именно от того, кто возьмет верх, зависело под чьим руководством и в какой редакции будет утверждена новая парадигма наук об ископаемом прошлом. В частности, ожесточенная борьба развернулась по поводу названия самой науки. Высказывались мнения, что «археология» и «история материальной культуры» – это две самостоятельные и разные науки со своими предметами и различными методами, используемыми этими дисциплинами в своей научной практике.

При этом «археология» признавалась «буржуазной» наукой, для которой характерно увлечение «вещеведением» без выхода на широкие историко-социологические и этнокультурные обобщения. Предметом критики этих марксистствующих идеологов стали формально-типологические методы и в целом стремление сосредоточить усилия на эмпирической стадии исследования. Красноречивы названия статей В.И. Равдоникаса (1932; 1935), С.Н. Быковского (1931) и М.Г. Худякова (1931; 1933): «Археология на службе у империализма», «Классовая сущность буржуазной археологии»; «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов».

«Истории материальной культуры» наоборот придавалось приоритетное значение поскольку она в трудах теоретиков науки постулировалась в качестве новой марксистской дисциплины, призванной заменить все другие науки о прошлом человечества (см.: Равдоникас, 1930; Быковский, 1932; Смирнов, 1932). В их трудах понятию «история материальной культуры» придавалось очень широкое толкование с выходом на социально-исторические реконструкции, в которых большое значение отводилось истории материального производства, через которое можно было реконструировать не только жизнь и социальные отношения древних обществ, но и общественно-экономические формации.

В значительной степени это был схоластический спор, поскольку археология и история материальной культуры имеет дело с вещественными источниками, на основе которых изучается древнее общество. Оттенки были только в том, что некоторые «историки-марксисты» полагали, что изучение материальной культуры позволяет прямо анализировать древнее общество, его духовную культуру и социальный строй. Спор этот шел и за приоритет определять политику в области наук о прошлом, что нашло отражение в названии двух ведущих археологиче-

ских учреждений страны: «Государственная академия истории материальной культуры» (Ленинград) и «Институт археологии и искусствознания» (Москва).

Именно в конце 1920-х – начале 1930-х гг., учениками В.А. Городцова в Москве был изобретен «метод восхождения», суть которого состояла в возможности лишь по орудиям труда полностью реконструировать не только социально-экономические системы прошлого, но и идеологию (Арциховский, 1926; Киселев, 1928; Арциховский, Киселев, Смирнов, 1932). Появление и развитие этой методики неразрывно связано со становлением советской археологии в целом и поискам методов реконструкции древнего общества во всех его проявлениях в частности (см.: Генинг, 1982; Клейн, 1993). Собственно это был теоретический ответ московских археологов на стремление части ортодоксальных марксистов-археологов отменить археологию как науку и заменить ее «историей материальной культуры». При этом такой подход стал универсальным, который примирял различные стадии археологических исследований, не сводил археологию к вещеведению, а также давал теоретическое обоснование стремлению «археологов-марксистов» рассматривать древние общества через призму материальной культуры. Постепенно ожесточенные идеологические споры прекратились и новая парадигма получила статус единственной приемлемой «марксисткой теории» археологической науки.

Основой подобной методики стало прямое отождествление археологических находок с различными историческими процессами. Этот подход получил наименование метода «восхождения», сущность которого был подъем от изучения отдельных предметов и объектов прошлого к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории. Он активно применялся в советской науке о прошлом в качестве универсальной процедуры как для решения социальной, так и этнокультурной реконструкции. По такой методике построены многочисленные «древние истории» регионов, где излагались материалы археологических исследований и делались выводы исторического характера. Суть этого метода выразил А.В. Арциховский в сакраментальной дефиниции: «археология есть наука, изучающая историческое прошлое человечества по вещественным историческим источникам» (Арциховский, 1955, с. 3).

Подобный тезис, рожденный «марксистской археологией» в годы «великого перелома» был и до сих пор является ведущим в определении сути науки об ископаемом прошлом человечества. В наиболее четкой и развернутой форме эта концепция выражена, разумеется, в учебниках археологии. Долгое время эту функцию выполнял учебник А.В. Арциховского (1955), но в 1970-е гг. он заметно устарел и его заменил учебник Д.А. Авдусина «Основы археологии», выдержавший множество изданий и ставший основным вузовским учебником по курсу «Археология» вплоть до начала XXI в. В нем прямо сказано, что «Разделение истории и археологии является условным. … Историческая наука имеет в своем распоряжении два вида источников – письменные и вещественные. Отсутствие письменных источников для древнейшего периода истории – одна из причин обособления археологии в особый отдел истории» (Авдусин, 1989, с. 5). Получается, что археология и история (правильнее было бы сказать, источниковедение или историческая текстология) – это две обособленные и равноправные науки. Но в этом случае археология является источниковедческой дисциплиной, которая в ряде случаев или обстоятельств выполняет ведущие функции по отношению к другим таким же источниковедческим наукам. Современное понимание истории, как «историописания» или науки, создающей повествовательные нарративы о прошлом на основе комплекса всех фактов – никак не сводимо к одной источниковедческой дисциплине. Она гораздо шире по содержанию и по постановке проблем. Сравнить археологию с историей можно только в одном случае – смешав разные понятия (научное (комплексный нарратив) и обыденные (любой писанный текст по мотивам прошлого) и благодаря этой подмене, представить археологию равной «условной истории».

Понимая, что попал в логический тупик и сам же представил археологию в виде обычной источниковедческой дисциплины, автор учебника Д.А. Авдусин пытался спасти положение специальным рассуждением: «Археология не относится к вспомогательным историческим дисциплинам. На своем материале археологи ставят и решают широкие исторические проблемы. Археология – наука много-

сторонняя, которая изучает человека, пожалуй, полнее, чем любая другая, начиная с его становления до проявлений форм общественного сознания» (Авдусин, 1989, с. 5). Таким образом, автор пытается нас уверить, что археология является самостоятельной равной истории наукой, поскольку изучает человека вплоть «до проявления форм общественного сознания», чтобы это ни значило (то ли способна изучать эти «формы сознания», то ли ограничена в изучении стадией до появления этих «форм общественного сознания», то есть практически приматов до появления человека, поскольку предполагается, что люди уже на заре своей истории эти формы общественного сознания имели).

Но далее мысль автора сделала крутой поворот и он написал, что «археологи добились умения анализировать древние вещи и сооружения, доказали возможность использования их как исторического источника» (Авдусин, 1989, с. 6). Поскольку до этого автор ничего не писал об «археологических источниках» (а только о вещественных), то получается, что археология не только изучает свои материалы как «исторические источники», но и является, вопреки ранее заявленному тезису, вспомогательной источниковедческой дисциплиной.

Любая историческая дисциплина (т. е. изучающая прошлое человечества) способна извлекать историческую информацию (иначе она не была бы исторической), но между собственной компетенцией этой науки и исторически нарративом находится текст, который анализирует и описывает собственную информацию этой дисциплины. Для археологии это выглядит примерно так. Производство полевых исследований и последующая камеральная обработка полученного эмпирического материала заканчивается полевым отчетом, который является обобщенным сводным текстом, но не служит еще историческим источником. Только специальное переосмысление его данных, сопоставление с данными других памятников (описанных или проанализированных автором), компаративистский анализ данных других исторических дисциплин, позволят превратить этот новый текст в исторический нарратив, включив в оборот исторической науки. Но для Д.А. Авдусина было достаточно указать, что вещи неотделимы от общественной среды, а реконструкция исторических явлений должна быть произведена «лишь на основе совокупности имеющихся в распоряжении исследователя исторических источников» (Авдусин, 1989, с. 6).

На основе всех высказанных замечаний автор формулирует такую дефиницию: «археология – отдел исторической науки, изучающий развитие человеческого общества и закономерности этого развития преимущественно по вещественным историческим источникам. Имея в виду, что эти источники выкапывают из земли, археологию образно называют историей, вооруженной лопатой» (Авдусин, 1989, с. 6). Если не обращать внимания на противоречие с тем, что ранее сам автор говорил о том, что история и археология – это равнозначные науки и археология не является вспомогательной исторической дисциплиной, а обратиться к сути этого определения, то становится понятным, что автор легко смешивает разные понятия, превращая эту дефиницию в неудобоваримую смесь. Например, получается, что археология как самостоятельная наука изучает «вещественные исторические источники». Почему не «археологические» и почему только «вещественные»? Как быть со следами, остатками и отпечатками жилищ на материковой глине? Их можно назвать и «вещественными», но таковыми они станут только в информационном плане после их фиксации в планах, фотографиях и описаниях или после консервации. Удивительно, но далее автор в тексте пишет уже об «археологических источниках», которые «содержат в открытом или скрытом виде информацию о деятельности людей», а также «по своей природе более достоверны, чем письменные», хотя и сакраментально замечает, что «не следует лишь требовать от археологических источников больше, чем они могут дать» (Авдусин, 1989, с. 8). Тем самым автор ставить несколько загадок. Как коррелируются исторические и археологические источники, как определить пределы компетенции археологии, что автор понимает под «достоверностью археологического источника» и т. д.

Нельзя не удивляться и легкости, с которой автор то говорит об археологии как о науке, а то называет ее «отделом исторической науки». Главный вывод, который можно сделать – это то, что археология – это отдел истории, имеющий свои специфические источники и методы («вооруженная лопатой» история) для изучения древних обществ.

В другом конкурирующем учебнике «Археология СССР» определение археологии выглядело так: «Археология – историческая наука, изучающая прошлое человечества на основании археологических источников и с помощью специальных, присущих ей методов» (Мартынов, 1982, с. 5). Это определение является более четким, но, по сути, мало чем отличающимся от предшествующих принципиально. Археология также объявляется исторической наукой (то есть, не отделом истории, а самостоятельной дисциплиной), которая на основании своих археологических источников изучает историческое прошлое. В этом определении много непонятного. Например, остается неясной иерархия исторических дисциплин в целом и место среди них археологии. Надо понимать автора так, что археология на основании своих методов и источников (материальных предметов и остатков) изучает прошлое общество во всем его многообразии и полноте. В некотором смысле это возрождение теории «истории материальной культуры», которая была объявлена единственно способной изучать и общество и общественно-экономические формации на основании постулатов исторического материализма.

Правда, автор далее пишет, что «в отличие от истории археология не занимается изучением всех разделов истории человечества и не может заменить историю первобытного, рабовладельческого и феодального обществ», однако «для многих территорий археологические материалы стали основным источником изучения истории» (Мартынов, 1982, с. 5). Иными словами, археология имеет компетенцию в специфических условиях (пространственных и временных) отсутствия других, прежде всего письменных источников, но в этом случае решает свои задачи как полноценная историческая наука, описывающая историю общества во всей ее полноте. Получается, что в определенных условиях археология, изучая свои источники, на самом деле изучает исторические. Вопрос, откуда они могли взяться, остался неизвестным. Впрочем, в советской науке подобные вопросы предпочитали не задавать, поскольку решать из могла только философия исторического материализма, а частные науки должны были обходиться только прикладным знанием.

Подобная ситуация сохранялась на всем протяжении советского периода развития науки, а после распада СССР рассыпалась и его идеология и методология. Но в археологии эти советские традиции продолжали и продолжают существовать, отравляя вокруг все живое и новое. Так, если мы обратимся к новому вузовскому учебнику археологии, изданному в Московском университете под редакцией академика В.Л. Янина, то увидим, что определение, которое там дано, ничем существенным не отличается от предыдущей традиции, заложенной еще А.В. Арциховским. Археология в нем трактуется как «отрасль исторической науки, изучающая прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников, или археологических памятников в широком смысле слова» (Археология, 2012, с. 8). В этой дефиниции заметно влияние определения А.Д. Авдусина – отсылки к «отрасли исторической науки», к изучению «вещественных, исторических источников», которые одновременно оказываются «археологическими памятниками». В принципе, археологи изучают, разумеется, археологические объекты, но откуда в памятниках и вещах могут взяться «исторические источники» так и остается непонятным. Причем нигде в этом учебнике нет ни слова о соотношении вещественных и исторических источников, что заставляет полагать, что авторы считают их идентичными. Далее авторы только усиливают это понимание, подчеркивая: «необходимость археологии в первую очередь обусловлена наличием периодов, сторон или явлений человеческой истории, не отраженных в письменных источниках и устной информации» (Археология, 2012, с. 8). Иными словами, там и тогда, где информация отражает прошлое достаточно (думается, что такие «периоды и явления» если когда и где существовали, то только в крайнем идеале), то необходимость в археологии, в принципе, безгранична. Под предлогом того, что источниками то или иное явление прошлого освещено слабо, то археология, изучая «вещественные исторические источники», берет на себя функции истории. Получается, что археология как наука не имеет права на существование. Если считается, что источников достаточно, то необходимость в ней отсутствует, а, если недостаточно, то она превращается в обычную историю, вооруженную лопатой (точно также как источниковедение – история вооруженная пером и лупой). Так или иначе, получается, что архео-

логия или отрасль истории или сама является историей, вооружившаяся лопатой. Довольно странная дефиниция, открывающая введение к учебнику под названием «Археология».

Впрочем, главный недостаток этой дефиниции, как и всех ей подобных в том, что ее авторы пытаются гарцевать на причудливом кентавре. С одной стороны, признается, что археология – отрасль (отдел) истории, то есть вспомогательная источниковедческая дисциплина, а с другой – она практически и есть история, поскольку только она способна изучать «вещественные исторические источники» фактически всех периодов прошлого человечества или тех регионов, где посчитает, что этих источников недостаточно.

Подобная трактовка археологии как исторической науки восходит еще к периоду внедрения марксизма и материализма в советскую науку, когда становым хребтом теории познания и высшим теоретическим основанием всех исторических наук декретивно считался исторический материализм. Обосновывая «историчность» археологии, «археологи-марксисты» и разработали еще в конце 1920-х гг. пресловутый «метод восхождения». Поскольку основной теоретической аксиомой и «символом веры» советской истории были «материалистические» представления о примате материи над духом, определяющем влиянии материального мира на духовный, и, соответственно, базиса (материального производства) над надстройкой (культурой, наукой, языком, религией и т.д.), он позволял его адептам возможность прямо проецировать любые свои выводы, полученные путем археологических изысканий, на древнее общество, например, на проблемы этногенеза или социально-политической истории.

Удивительно, но подобная парадигма продолжает действовать и в современности, тогда как все идеологические догматы и псевдоматериалистические постулаты другими гуманитарными науками были отвергнуты. Получается, что археология остается в теоретическом отношении «заповедником гоблинов» – территорией знания, где практически безраздельно господствуют квазиматериалистические, псевдомарксистские и даже сталинистские схемы и концепты.

Археологическая культура: дискуссии и формулировка нового понятия. В1930–70-е гг. никто не подвергал сомнению подобные аксиомы, но в конце 1970-х гг. среди археологов, знакомых с опытом развития науки в зарубежных странах и новыми теоретическими исканиями, стало проявляться недовольство господством устаревших сталинистских догматов. Все чаще звучала критика «исторической археологии», покушавшаяся на целостность этой советской химеры. Разбивая теоретическую целостность подобной парадигмы, высказывались мысли о том, что «между археологическими фактами и их историческим объяснением нет строгой предопределенности и причинно-следственной связи … Всякая система археологических фактов может иметь не одно, а несколько исторических объяснений, из которых нужно выбрать наиболее непротиворечивые», а теоретическая основа археологии не может быть подменена постулатами исторического материализма (Шер, 1976, с. 75). Появился и теоретический манифест подобной концепции, аргументированно отвергающий попытки археологов решать на основе своих источников исторические проблемы (Клейн, 1978).

В этих условиях сторонники «исторической археологии» решили подвергнуть критике своих оппонентов (Захарук, 1983, с. 72–81) и обосновать свою концепцию, создав цельную теоретическую концепцию (Генинг, 1983). Главный адепт ее В.Ф. Генинг выразил суть своей концепции предельно четко: «Объект исследования археологии шире и включает не только предметный мир древних обществ, но и сами эти общества как функционировавшие в древности целостности» (Генинг, 1983, с. 105) и далее продолжил: «Специфическим предметом науки в археологии следует считать закономерности опредмечивания человеческой деятельности, а объектом – общества прошлого» (Генинг, 1983, с. 182). При этом он подчеркнул, что именно археология как историческая наука должна доводить изучение своих источников до того «предельного уровня познания общественных структур, до которого доводят свои исследования все науки исторического профиля» (Генинг, 1983, с. 35). Позднее эти тезисы были им развиты в другом труде, где он попытался обосновать эту теорию, назвав ее «социоархеологией» (Генинг, Генинг, 1992). Надо сказать, что эта работа уже не получила должного общественного резонанса и практически прошла незамеченной. Многие археологи, придерживаясь ее основных положений по необходимости или по традиции на прак-

тике, не принимали ее в виде концептуальных изысков и, понимая насколько она уязвима в теории, пытались выстроить свои методики «восхождения» (Массон, 1978; Рыбаков, 1978, с. 5–7; Захарук, 1989, с. 207–214; Массон, 1996; Толочко, 2007).

Но уже к началу 1980-х гг. подобная парадигма советской археологии не являлась безраздельно господствующей в отечественной науке. Появились новый подход. Разрабатывал его Л.С. Клейн (1978; 1980, с. 99–115; 1991; 1993; 2001; 2004; 2011; 2014), считавший специфику археологии в том, что она является гуманитарной (по мировым стандартам антропологической) наукой, находящейся на грани с естественнонаучными дисциплинами и науками (геология, историческая география, физика, геногеография и т.д.), но изучает на основе своих специфических источников (вещей, следов и остатков жизнедеятельности) прошлое человечества.

Особенно ярко противостояние двух концепций понимания археологии, как особой науки, проявилось в дискуссии вокруг монографии В.Ф. Генинга о предмете и объекте археологии (Захарук, 1983. № 3, с. 72–81; Клейн, 1986, с. 209–219; Генинг, 1989, с. 215–228; Захарук, 1989. № 3, с. 207–214). Новым и принципиально важным моментом, автор считал мысль, что археология «исследует исторический процесс всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности древних обществ в пределах сохранившихся остатков и следов жизнедеятельности», а «реконструкция исторического процесса производится исключительно по археологическим материалам» (Генинг, 1983, с. 26, 38),

Наиболее аргументированной и последовательной критике этот труд был подвергнут в рецензии Л.С. Клейна, который доказывал, что сама концепция «археологической истории» является не только внутренне противоречивой, поскольку оговорка «в пределах», в принципе не позволяет науке изучать исторический процесс «всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности» (Клейн, 1986, с. 215), но и противоречит всей многовековой археологической практике. Коль скоро археология имеет дело со «следами и остатками прошлой жизнедеятельности», то и не может претендовать на всестороннюю реконструкцию жизни древних и средневековых обществ. Восполнить недостающие лакуны в знаниях она может только в кооперации с другими науками, которые координирует свои специфические источники в рамках общей исторической науки.

Другим важным моментом, скорее психологического и гносеологического свойства, является то, что археологи, часто создавая нарративы по мотивам своих изысканий, теряют грань между различными дисциплинами. Им кажется, что поскольку они могут написать исторический текст, то такая способность археологии реконструировать функционирование древних обществ должно быть возведена в принцип науки. В.Ф. Генинг выразил это наиболее четко и откровенно: «ограничение науки ее спецификой обедняет и принижает роль археологии» (Генинг, 1983, с. 212–213), а последовательное изучение археологических источников, по его мнению, «возрождает вещеведческое направление» и провоцирует «отрыв археологии от историко-социологической проблематики» (Генинг, 1983, с. 166–167). Странно полагать, что ограничение объекта исследования своей науки, присущими ей источниками, может быть «унизительной». Это все равно, что энтомологи посчитали, что могут на основе изучения роя муравьев и пчел, реконструировать жизнедеятельность и поведение человеческого общества. На то разграничение компетенций наук, чтобы не ставить между ними непроходимые границы, а в том, чтобы любой исследователь понимал пределы своей компетенции и не стремился к «рейдерским захватам» чужой области знания, а встраивал свои материалы к источникам, концепциям и реконструкциям, существующих в этой дисциплине.

Чтобы продемонстрировать этот тезис достаточно привести такой пример. В последнее время генетики стали активно изучать генотипы и гаплогруппы древнего населения Земли. Они не только изучают цепочки геномов, но реконструируют их последовательность, фиксируя ее в пространстве и во времени. И на основании своих источников некоторые из них (например, А.А. Клесов) начинают реконструировать древнюю и средневековую историю человечества или отдельных народов. В ответ на критику со стороны историков, что нельзя рассматривать нации в качестве популяций, они возражают, что изучают свои источники и не считают нужным остановиться в своих исследованиях, оставаясь в своей «узкой и унизительной» компе-

тенции химии генома, а стремятся к полному и всестороннему познанию обществ древности. На этом основании некоторые генетики считают возможным писать историю народов, так как она представляется им, своего рода «генотипической историей».

Представляется, что более точным будет считать археологию, *наукой, которая изучает материальные остатки и следы деятельности человека (вещественные источники) с целью извлечения информации о прошлом человечества.* В основе археологической науки лежит система методик выявления, сбора и обработки археологических источников и преобразование, полученной в результате исследований информации путем сопоставления с данными других наук (источниковедение, этнологии, антропология и т. д.) для изучения в рамках древней и средневековой истории (близкие определения см.: Петров, 2008, с. 4; Клейн, 2014, с. 20–21). Методика археологии изменяется в зависимости от исследуемого исторического периода и археологического памятника.

Археологический источник имеет два разрыва в понимании: в традиции (между прошлой и настоящей культурой) и объективации (разрыв между «языком вещей» и языком, которым оперирует наука) познании выделяется ряд этапов. На первом – эмпирическом – производятся археологические раскопки, выявляются и фиксируются следы и остатки прошлого, которые путем специфических археологических методик систематизируются, классифицируются и ориентируются в пространстве и во времени, чтобы представить их в качестве археологических источников. В ходе дальнейших исследований эти источники включаются в исторические исследования путем преобразования ее для сопоставления с данными других наук (источниковедение, этнография, антропология и т. д.) для изучения методами других наук в рамках древней и средневековой истории.

В теоретическом плане подобный подход настаивает на особом статусе археологических источников и четком определении возможностей и рамок этой науки в познании прошлого. Характерно обращение его сторонников к проблемам соотношения этнических и социальных явлений в понятии археологической культуры, более четкого теоретического обоснования реконструкций прошлого и т. д. (Клейн, 1978; Клейн, 1980, с. 99–115; Клейн, 2001; Клейн, 2004).

Поэтому в отличие от «исторической археологии» (или «социоархеологии»), которая полагает, что изучает историческое прошлое с помощью археологических (или вещественных) источников, источниковедческая парадигма исходит из того, что цель археологии как науки изучать археологические источники, создавая материал для последующей реконструкции явлений прошлого в рамках комплексного исторического исследования. Разница между двумя парадигмами археологии имеет не стилистический, а принципиальный характер. Она прочерчивает грань между археологией, которая стремиться быть самостоятельной наукой, со своими источниками, предметно-объектной базой и теми, кто размывает эту целостность, причудливо и субъективно смешивая ее с отрывочными историческими данными, формируя свою особую фантомную «археологическую историю», которая не имеет ничего общего с реальным историческим прошлым.

Археологическая культура: этническая территория, ареал памятников и комплекс типов находок и явлений

Принято считать, что основным или базовым понятием археологии как науки является «археологическая культура». Благодаря этому теоретическому конструкту у археологов появилась возможность не просто делить памятники по большим эпохам и периодам (каменный, бронзовый века, палеолит или неолит), но и разграничивать и во времени и пространстве, группируя вещи и типы вещей и явлений в устойчивые комплексы. Анализ их динамики во времени и пространстве позволил сделать выводы о пульсации сходства вещного мира прошлого и, соответственно делать выводы о соответствии этим явлениям в событиях хозяйственной жизни, социальным сдвигам или миграциям древних народов.

Впервые подобные группировки памятников стали предпринимать выдающиеся теоретики европейской науки германский археолог Р. Вирхов (1821–1902) и шведский археолог О. Монтелиус (1843–1923). Они не только картографировали различные памятники, объединяя их в культуры, но и, сопоставляя с данными языкознания, пытались проследить древние миграции (см.: Монгайт, 1973, с. 35–38). В классической форме подоб-

ные исследования достигли в трудах Г. Косинны (1858–1931), который, группируя различные категории находок, поставил вопрос о существовании особых «культурных провинций» (аналог понятию «археологическая культура»), имеющих свою динамику развития и совпадении этих ареалов культурных явлений с данными о древних народах. Позднее на этом основании он выдвинул теорию о совпадении «во все века» четко ограниченных археологических культурных провинций с «совершенно определенными народами или племенами» (см.: Монгайт, 1973, с. 39 и далее; Клейн, 2000, с. 88–140). В отечественной науке одним из пионеров группировки археологического материала и объединения его в ареалы – археологические культуры был А.А. Спицын. Ориентируясь на труды европейских археологов, он стремился не просто объединять памятники в «культуры», этот термин он ввел в свои работы в 1901 г., но и сопоставить с данными письменных источников (см.: Платонова, 2010, с. 109–112; Платонова, 2019, с. 332–342).

На этой традиции развивалась российская и советская археология в 1930–50-е гг. Понятие «археологическая культура» широко вошло в научный оборот и стало применяться к различным явлениям и группировкам археологического материала. Поскольку все эти культуры мыслились в качестве материального отражения различных этнокультурных явлений, то количество их стало быстро увеличиваться в условиях, когда началось сплошное археологическое изучение территории СССР, благодаря исследованиям на новостройках, формированию национальных и региональных историй и т. д. Уже в начале 1950-х гг. стало понятно, что бесконтрольное, произвольное и субъективное конструирование различных культур, не позволяет понимать этнокультурные процессы, которые протекали в древнейшем прошлом. Как писал по этому поводу А.Я. Брюсов: «Чтобы разобраться в этой пестрой картине и восстановить по археологическому материалу историю первобытных племен этого времени, необходим, очевидно, более тщательный анализ, чем производившийся ранее» (Брюсов, 1952, с. 12).

Главной причиной этого своеобразного тупика, в который попала отечественная археология, он считал «неопределенность понимания термина «археологическая культура»», поскольку «не существует, строго говоря, никаких общепринятых положений о том, какие признаки надо считать обязательными для причисления памятников к той или иной культуре», а «такое разнообразие в употреблении термина «культура» приводит к недоразумениям» и видел выход из этой ситуации в том, чтобы «внести большую точность в его понимание» (Брюсов, 1952, с. 12). Подобный произвол и «поверхностное отношение к термину «культура» повлекло за собой поверхностное отношение к тем фактам, которые могли бы помочь нам восстановить по археологическим данным ход исторического развития тех первобытных общественных коллективов, отражением производственной деятельности которых являются археологические культуры» (Брюсов, 1952, с. 13). Он полагал, что термин «культура», «который употребляется в самых разнообразных случаях, совершенно необходимо определить, какую историческую категорию надо видеть в этой культуре: племя, группу родственных племен, союз племен, народность и т. д.» (Брюсов, 1952, с. 13).

Правильно заостренная на недостатках применения термина «археологическая культура» проблема, подразумевала, что правильное понимание того, какая общность за ней стояла, решит ее. Но это было, несомненно, иллюзией, поскольку именно в этом отождествлении культуры с народами (родоплеменными группами и народностями) и был главный недостаток советской науки. Но А.Я. Брюсов попытался сформулировать и другой ответ на эти проблемы, который он видел в четком и строгом конвенциональном подходе к определению понятия «археологическая культура» и процедурам ее выделения, основой которых он считал картографический подход. Под археологической культурой он понимал «единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже – к тысячелетию и более. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках (поселение, могильник, жертвенное место, клад и т. д.), в сходстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени (преемственность типов, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению).

Это сходство не может ограничиваться только общими чертами, которые нередко возникают в силу близости ступени развития производительных сил общества и формы хозяйства, а отчасти вследствие однообразия окружающей среды. Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей – орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники. Археологические культуры, понимаемые таким образом, отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен, в процессе конкретного исторического развития, начиная со ступени полного расцвета родового строя в неолитическую и бронзовую эпохи» (Брюсов, 1952, с. 20). Данное определение, если исключить характерную для советской «археологической этнологии» привязку данных археологии к «определенной этнической группе», может считаться классическим и вполне объективным. Если бы оно было принято большинством советских археологов, то позволило бы избежать многих бесплодных споров и стремления «плодить» различные культуры на основании произвольно выбранной выборки материала. Однако этого не случилось.

Уже в 1960-е гг. разгорелся спор вокруг понимания самой сути понятия «археологическая культура», затянувшийся почти на два десятилетия. С одной стороны, он был вызван увеличивающимся числом различных культур, появляющихся на археологических картах, выделение ареалов которых не совпадало у разных исследователей, как и критериев подобной группировки памятников, а с другой – практика прямого сопоставления археологической культуры и этноса (Кнабе, 1959, с. 243–257; Смирнов, 1964, с. 3–10; Монгайт, 1967, с. 53–65; Каменецкий, 1970, с. 18–36; Клейн, 1970, с. 37–51; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89).

В ходе этого обсуждения сложились две группы мнений о природе и сути понятия «археологическая культура». Одни (А.П. Смирнов, Е.И. Крупнов и др.) считали, что достаточно общего понимания ее как остатков материально культуры какой-либо этноязыковой группы (род, племя, союз племен), которую требуется правильно определить, исходя из материала, чтобы далее делать прямые выводы о характере социального строя общества и его этноязыковой принадлежности. Квинтэссенцию этого подхода выразил А.П. Смирнов: «Большинством археологов термин культура применяется в отношении памятников одного времени, расположенных на строго очерченной территории и отличающихся своеобразными чертами материальной культуры» (Смирнов, 1964, с. 4), которая может быть выделена на основании изучения лепной посуды и, с некоторыми оговорками, погребального обряда, с помощью картографирования сходных типов, и отражала реалии этноса и языковые границы (Смирнов, 1964, с. 4–6; Генинг, 1976, с. 5–35). В определенной степени подобный подход разделялся практически всеми ведущими археологами, считавшими, что археологической культуре практически всегда соответствует определенный этнос или даже языковая общность, хотя и с оговорками, что процесс сопоставления требует комплексной методики (Кнабе, 1959, с. 243–357; Третьяков, 1962, с. 3–16; Смирнов, 1964, с. 8; Смирнов, 1968, с. 71; Артамонов, 1971, с. 16–32; Генинг, 1976, с. 5–35; Захарук, 1990, с. 3–9). Тем самым в трудах советских археологов самой распространенной оказалась концепция Г. Косинны и его последователей.

Вторая концепция исходила из понимания того, что культура – это «упорядоченная совокупность устойчиво (регулярно) взаимосвязанных типов явлений материального мира, данных нам в археологических остатках, т. е. типов вещей и сооружений и отношений между вещами и сооружениями … эта совокупность (элементов материальной фракции культуры), отличающаяся от других таких совокупностей, может быть понята как результат археологизации отдельной культуры, некогда функционировавшей» (Клейн, 2014, с. 100; см. также: Каменецкий, 1970, с. 18–36).

Как правило, практически все исследователи исходят из представления о том, что культура в археологии представляет собой некую объективную реальность, существовавшую в прошлом и, отражающую какую-то этническую общность (род, племя или союз племен) (Кнабе, 1959, с. 243–257; Монгайт, 1967, с. 53–65; Каменецкий, 1970, с. 18–36; Клейн, 1970, с. 37–51; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Клейн, 1991; Ковалевская, 2000), хотя А.П. Смирнов считал ее категорией теорети-

ческой, «инструментальной» (Смирнов, 1964, с. 3–4).

Представляется, что это слишком оптимистический взгляд на эпистемологические возможности этого понятия археологии. Не всегда археологи способны увидеть реальность за скоплением памятников. Иногда они сами вполне сознательно и субъективно конструируют эту археологическую реальность, объединяя и группируя памятники в определенные совокупности. Как справедливо и точно написал по этому поводу археолог Н.Н. Крадин: «Люди начинают принимать за реальность схемы, которые были созданы для описания реальности… Конструктами являются не только этнонимы, но и выделяемые археологами АК (археологические культуры – И.И.). Археолог не столько выделяет границы АК, сколько создает их. После этого он сам и его коллеги начинают верить в реальность, объективность выделенной культуры. Следующим шагом обычно является наделение АК чертами этнической группы. Границы наносятся на карты. Так создаются народы. Среди археологов широко распространено мнение, что каждый настоящий археолог в своей жизни должен открыть АК. Для некоторых открытые (точнее созданные) АК становятся знаменем всей жизни. Если с течением времени накапливается новый материал, позволяющий сконструировать другие, более корректные на данный момент аналитические категории, они ревностно встают на стражу утвержденных раз и навсегда принципов. Другие, дабы закрепиться на археологическом пространстве, находят свой памятник, объявляют его отдельной культурой и таким образом легитимизируют профессиональную идентичность» (Крадин, 2009, с. 25).

Концепция о полном соответствии археологической культуры какой-то этнической общности, доставшаяся советской науке от Г. Косинны и А.А. Спицына, в последние полвека подвергается самой серьезной и принципиальной критике со стороны археологов и этнологов (Монгайт, 1967, с. 53–65; Renfrew, 1977, pp. 89–114; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Арутюнов, 1989; Шнирельман, 1990, с. 49–56; Шнирельман, 1993; Шнирельман, 1995, с. 141–152), которые отвергают саму теоретическую возможность археологии с ее методами анализа материала, делать выводы об этнокультурных процессах и миграциях.

Не только прямое или с оговорками отождествление археологической культуры с какой-то этнической общностью показывает, что само понимание археологии как науки в современном отечественном профессиональном сообществе переживает кризис. Свидетельством его очевидности являются метаморфозы, которые претерпевает в частности, само понятие археологической культуры. При всех сложных дискуссиях, которые велись вокруг сути и содержания этого понятия, за пределами дискуссии остался один ключевой вопрос распространения этого базового понятия на весь археологический контекст. Между тем исторически сложилось так, что целые эпохи и государства выпали из зоны применения понятия «археологическая культура». Иными словами, без должных теоретических выкладок и обоснований ограничивается сфера применения базового для археологии как науки понятия и происходит его замена на различные эвфемизмы – «Древняя Русь», «Культура Древней Руси», «Культура Волжской Булгарии» и т. д. (Древняя Русь, 1985; Казаков, 1992).

Истоки этой традиции ведут свое начало еще в 1930-е гг. и являются характерным примером неизжитой отечественной археологией «химерического» отношения к объекту своего изучения. С одной стороны, постулируется строгая приверженность археологическим методикам и функциям науки, а с другой – молчаливо признается, что в период средневековья и раннего Нового времени археология выступает лишь одной из источниковедческих дисциплин общего историописания. Иногда этот подход называется комплексным источниковедением, но это не должно вводить в заблуждение, поскольку археология здесь выступает лишь как часть исторических дисциплин, а не самостоятельной наукой. В таком случае следует честно объявить и теоретически обосновать мысль, что пределы компетенции археологии ограничены дописьменными периодами истории общества, а в других случаях археология не способна решать никаких проблем за пределами этого периода, а везде ограничена строго своей компетенцией и не в состоянии решать, например, проблем этногенеза славян.

Наиболее отчетливо эти ограничения сформулировал А.П. Смирнов: «Понятие «археологическая культура» в работах археологов имеет в значительной степени служеб-

ный характер и тесно связано с изучением первобытного общества. Термин культура, в этом понимании, не может быть отнесен к рабовладельческому или феодальному обществу. Культура в применении к античному обществу, Ахеменидскому Востоку, Сасанидскому Ирану, Киевской Руси, Московской Руси имеет совершенно иной смысл, иное содержание. Термин культура, применяемый археологами, имеет отношение только к доклассовому обществу» (Смирнов, 1964, с. 3). С этих пор и до наших дней археологи продолжают следовать этим заповедям, практически забыв причину этого ритуального запрета. Но во всех учебниках археологии, начиная с классического учебника А.В. Арциховского (1955) и заканчивая новейшим учебником Московского университета (Археология, 2012) в разделах, посвященных античности и средним векам, археология излагается не по культурам, как в ранних периодах, а по государствам. Логического объяснения этому нет. Но объяснить это можно, с одной стороны, действием традиции и давлением авторитетов, а с другой – это удобная форма, чтобы изучая или описывая археологические явления в эти периоды перескакивать с археологии на историю или этнологию, не сдерживая свои порывы никакими теоретическими и концептуальными нормами и границами компетентности.

Понимая все эти сложности, а также учитывая наработки по созданию общей дефиниции, можно сформулировать понимание этого понятия. Представляется, что **археологическая культура** – э*то наиболее общее теоретическое понятие археологии, являющееся выявленным или конструируемым исследователем единством археологических памятников, относящихся к определенному промежутку времени и находящихся на сплошной и ограниченной территории, выражающемся в близком и устойчивом сходстве взаимосвязанных типов вещей и сооружений, а также в единообразном их изменении с течением времени (преемственность типов вещей и сооружений, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению)*. Абсолютные количественные нормативы выделения археологической культуры не установлены, также как охват территории, временные рамки и количество археологических памятников. Предполагается, что археологическая культура представляет какое-либо человеческое сообщество: хозяйственно-культурный тип, историко-этнографическую область или социальный организм (родо-племенной, конфессиональный, потестарный и т. д.) или даже социальный слой (например, военная аристократия и ее дружина). Нередко археологическая культура связывается с определенной материальной частью живой этнографической культурой отдельного этноса, но такие совпадение, как правило, судя по данным истории и этнографии, весьма редки и являются исключением из правила (Монгайт, 1967, с. 53–65; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Арутюнов, 1989; Шнирельман, 1993; Шнирельман, 1995, с. 141–152). Поскольку археологическая культура является отражением человеческой культуры в широком смысле, то с течением времени, она претерпевала определенные изменения, вызванные культурной диффузией или внутренним развитием.

В этой связи становится понятным, что в силу советской традиции понятие археологической культуры не распространялось на памятники средневековья в Среднем Поволжье или распространялось весьма своеобразно – некоторые культуры априорно объявлялись «древнемордовскими», «древнемарийскими» или «древнебашкирскими», тогда как отсутствовала археологическая культура, соответствующая населению Казанского ханства. Все это заставляет подойти к вопросу о дефиниции и содержанию понятия о булгарской археологической культуре.

Булгарская археологическая культура: средневековое государство и население

Памятники археологии, которые связывают с находками, следами и остатками, оставленными населением Булгарского государства (конец IX – первая треть XIII в.), впервые начали научно изучаться во второй половине XIX в. в трудах А.Ф. Лихачева (1876, с. 1–50; 1886, с. 135–188), К.И. Невоструева (1871), С.М. Шпилевского (1877). Сам термин «булгарская культура» практически в этих трудах не употреблялся, но при этом А.Ф. Лихачев активно использовал термин культура по отношению к материальным объектам из Билярского и Болгарского городищ.

Позднее, с конца 30-х гг. XX в., когда развернулись активные исследования различных булгарских памятников, обнаружилось, что этих памятников довольно много и они обладают устойчивыми культурными признаками. Стало ясно, что это единый культурный

ареал. Однако сам термин археологическая культура к ним не применялся принципиально, поскольку в советской археологии превалировало мнение, что он не может быть применен к памятникам средневековых государств, а материалы археологии следует прямо экстраполировались на историческую реальность (см.: Смирнов, 1964, с. 3). Например, в обобщающем труде, посвященном итогам археологического изучения целого ряда булгарских городищ нет даже упоминания об соответствующей «археологической культуре» (Смирнов, 1951).

Подобная тенденция продолжается вплоть до недавнего времени. Весьма показательны в этом смысле учебно-методические работы К.А. Руденко под общим названием «Археология Волжской Булгарии», где для обозначения археологической реальности применяются различные неопределенные эвфимизмы, типа «булгарские древности», «памятники булгарского времени», даже «булгарские памятники» (Руденко, 2008; Руденко, 2018). Но при этом автор, очевидно, принципиально не пользуется термином «булгарская археологическая культура», всячески избегая его. Понять его теоретическую близорукость можно, ибо в противном случае ему потребовалось бы полностью сменить весь свой подход к теме. Описывать не археологические материалы, в качестве исторических фактов, смешивая исторические и археологические данные, а строго рассматривать археологические источники, на основе которых реконструируется историческое прошлое средневековой Булгарии. Он, как любой квалифицированный археолог, должен понимать, что изучает не археологию Волжской Булгарии (это теоретический нонсенс), а археологические данные, как источник для изучения «истории Волжской Булгарии». Принципиально здесь то, что археология изучает свои источники в качестве данных для реконструкции в рамках исторического исследования с кооперацией с другими науками. Археология изучает культуру прошлого, а история – средневековую Булгарию. Принципиальная разница двух разных подходов, смешивать и совмещать, которые недопустимо в научных трудах, а особенно в учебной литературе. Как бы то ни было, странно для исследования, которое позиционируется, как археологическое, не использовать археологическую терминологию и последовательную методику анализа прошлой культуры.

Для изучения средневекового Булгарского государства в Волго-Уральском регионе принципиально важно, что именно археологические источники являются одними из важнейших в связи с тем, что письменные источники отрывочны и дают весьма скудную информацию об этнокультурной и социально-политической истории этой страны. Но для полноценного и качественного изучения двух разных объектов необходимо четко представлять, что все археологические объекты исследуются в рамках булгарской археологической культуры, а исторические источники в рамках средневековой Булгарии.

Исходя из этого можно дать определить, что: «булгарская археологическая культура» – это совокупность памятников, расположенных в Волго-Уральском регионе, занимающих в Среднем Поволжье сплошную, ограниченную и компактную территорию, включающую земли от бассейна р. Свияга на западе до бассейна р. Шешма на востоке, от Верхнего Посурья и Примокшанья, Самарской Луки и бассейна р. Большой Черемшан на юге до Нижнего Предкамья от бассейна р. Казанки до устья р. Вятки на севере, которые хронологически относятся к промежутку времени с конца IX – до первой трети XIII в., где выявлено значительное сходство взаимосвязанных типов вещей и сооружений, а также единообразное их изменение с течением времени (керамического комплекса, украшений, орудий труда, быта и вооружения и т. д.), отличающихся деталями, формами и типами от подобных предметов, найденных на сопредельных территориях. Судя по совокупности данных нарративных источников, указанная территория в этот период занимала Булгарское государство (Булгария, Волжская Булгария, Волжско-Камская Булгария), население которой, определенно, оставило ископаемую археологическую реальность, объединяемую в одноименную археологическую культуру. В последнее время подобная дефиниция терминов «булгарская культура» и «Волжская Булгария» вошла в ряд академических энциклопедий и используется все чаще (Измайлов, 2002, с. 488, 610–613).

Всего в Волго-Уральском регионе выявлено около 2000 памятников, которые исследователи относят к булгарской археологической культуре. Из них около 200 городищ,

более 700 селищ, 80 грунтовых могильников, а также отдельные местонахождения и клады (около 500) (Фахрутдинов, 1975; Белорыбкин, 1995, с. 41–61; Белорыбкин, 2003). Особенностью булгарской культуры является наличие сильно укрепленных городищ, которые систематизированны и довольно хорошо исследованы (Калинин, Халиков, 1954; Фахрутдинов, 1990; Хузин, 2001; Губайдуллин, 2019). Среди них выделяются остатки крупных (Болгарское, Билярское, Суварское, Богдашкинское, Алексеевское, Валынское («Муромский городок»), Юловское и др.) городищ с укрепленной площадью более 20 га, которые исследователи связывают с крупными городами, зафиксированными в письменных источниках. Наиболее изученными являются Болгарское (Смирнов, 1951; Город Болгар, 1988; Великий Болгар, 2013), Билярское (Хузин, 1995), Суварское (Кузнечихинское) (Смирнов, 1941; Хузин, Шарифуллин, 1999, с. 85–100), Джукетаусское (Хлебникова, 1975, с. 234–251; Набиуллин, 2011), Богдашкинское, Валынское («Муромский городок»), Юловское, Кошкиновотимбаевское (Хулашское) и др. городища. Некоторые из них существовали длительный историко-археологический период, включая булгарское (X–XIII вв.) и золотоордынское (XIII–XV вв.) время, а другие относятся исключительно к булгарской культуре. Ни для какой другой археологической культуры Волго-Уральского региона подобные памятники в таком количестве, такими размерами и мощностью культурного слоя не характерны.

Открыты также небольшие городища (очевидно, остатки малых городов и замков), размерами менее 20 га. Все они систематизированы и классифицированы, а часть из них довольно хорошо обследована (Фахрутдинов, 1990; Хузин, 2001; Губайдуллин, 2019), а часть подвергнута систематическим раскопкам.

Основное население проживало в неукрепленных селищах (выявлено более 700) разных размеров – площадью от нескольких десятков квадратных метров до нескольких десятков гектаров (Казаков, 1991; Руденко, 2001). На памятниках выявлен значительный культурный слой – от 20–40 см до 1,5–2 м на крупных городищах, что свидетельствует об интенсивной строительной и хозяйственной деятельности. Судя по топографии расположения памятников, все эти селища концентрировались близ городищ, образуя сельскую округу городских центров.

Наиболее характерным памятником являются могильники (около 100) с различным обрядом захоронения. Обычно для булгарской культуры археологами обобщенно выделяется два типа захоронений. К первой группе относятся могильники (Новинковский, Брусянский, Уреньский, Шиловский, Большетарханский, Танкеевский, Большетиганский и др.) с языческим погребальным культом (погребения с вещами, культ коня, курганные захоронения и т.д.) (Казаков, 1992; Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998;), где совершались захоронения на рубеже VII–VIII – второй половине X в. Ко второй – некрополи, относящиеся к первой половине X – первой трети XIII в. с мусульманской обрядностью (Билярские, Танкеевский, Спасские, Измерское и др.). Подобные памятники характеризуются захоронением в неглубоких ямах (иногда в гробах), ориентация покойного по кыбле: головой на запад, тело чуть повернуто на правый бок, лицо обращено в на юг (как правило, отсутствует погребальный инвентарь) и т. д. Данный обряд с конца X в. становится единственным выявленным во всем ареале булгарской культуры (Халикова, 1986; Измайлов, 2016, с. 68–92).

Нет никаких сомнений, что этот обряд, а также целый ряд других особенностей данной культуры, является отличительным признаком данной культуры, выделяющим ее из всех других синхронных культур Волго-Уральского региона. Принимая во внимание, что погребальный обряд считается одним из важнейших признаков этнокультурной характеристики ископаемого общества, следует указать его прямое сходство с мусульманским обрядом погребения умершего – ориентация по кыбле, в сторону Мекки. Это дает самые серьезные основания, чтобы определить образ булгарской культуры, как относящейся к мусульманской цивилизации, и ориентировать ее этнокультурные связи в сторону мусульманского мира.

На поселениях изучены наземные жилища, полуземлянки и землянки, кирпичные и белокаменные общественные здания (мечети, бани и др.) и мавзолеи, хозяйственные постройки (гончарные и металлургические горны, производственные помещения и т. д.), на городищах открыты остатки укреплений в виде валов со следами деревянных стен различной конструкции (от частокола до городней) (современную сводку сведений

о Булгарии см.: История татар с древнейших времен, 2006).

Основой хозяйства населения, оставившего булгарскую культуру, являлось земледелие в форме степного перелога (или двухполья), домашнее скотоводство с элементами отгонного, рыболовство, промыслы (охота на пушного зверя, бортничество и пр.) и городское и сельское ремесленное производство: металлургия железа и бронзы, гончарство (Хлебникова, 1984; Посуда Биляра; Васильева, 1993), стеклоделие, деревообработка, косторезное, ювелирное, оружейное дело и т. д. Развитая торговля и товарно-денежные отношения (чеканка булгарской монеты, клады арабских дирхемов, предметы торговли из стран Ближнего и Переднего Востока, Средней Азии, Руси и Западной Европы) (Полубояринова, 1993; Валеев, 2007).

Булгарская культура характеризуется наличием большого количества городищ и селищ, имеющих мощный (до 1–1.5 м) культурный слой. На памятниках выявлены остатки монументальных построек (кирпичные и белокаменные здания) и развитой ремесленной деятельностью, в том числе производства своеобразной круговой гончарной посудой разнообразных форм (кувшины, горшки, миски, кружки, хумы и пр.); некоторыми типами хозяйственного и бытового инвентаря (топоры, замки и др.); украшениями женского костюма (витые браслеты, трехбусинные височные подвески, в том числе из золота) (Руденко, 2011); мусульманской погребальной обрядностью; находками бытовых предметов с надписями (руническим и арабским письмом), а также практически полным отсутствием в остеологических материалах костей свиньи и некоторыми другими элементами.

Важной особенность булгарской культуры является характерный набор предметов вооружения, конского снаряжения и воинского костюма. Для этого ареала известен полный набор предметов оружия (сабли, мечи, кинжалы, копья (включая специализированные пики), булавы и кистени, защитного вооружения (кольчуги, пластинчатый и чешуйчатый доспех, шлемы и щиты) и конского снаряжения (стремена, удила, детали седел, детали узды и ногаек, а также шпоры) (Измайлов, 1997; Измайлов, 2008). Воинский костюм включал поясную гарнитуру, особенностью которой было наличие большого количества железных накладок.

Булгарская культура возникла в конце VII в., когда в Среднем Поволжье локализуются памятники южного происхождения (Бураковское погребение, Шиловский курганный могильник и др.), в VIII – начале X в. в этом регионе на основе смешения традиций нескольких археологических культур (салтово-маяцкая, кушнаренковская, поломская, ломоватовская и др.), а в начале X в. под влиянием становления государства, развития городов и принятия ислама формируется единая государственная культура городского типа, нивелировавшая хозяйственные и культурно-бытовые особенности раннего этапа булгарской культуры. В конце X–XIII вв. происходит развитие особенностей культуры, внутри которой развивается несколько субкультур (военно-дружинная, городская), испытывавшие влияние средневековых цивилизаций Европы и Азии. После завоевания Волжской Булгарии Золотой Ордой) булгарская культура, претерпев ряд изменений, развивалась как локальный вариант золотоордынской культуры.

Если ранее историки и археологи могли реконструировать социальную и этнокультурную истории Волжской Булгарии только на основе письменных данных, то сейчас вполне оправдано максимально широкое использование археологических материалов. В последние годы был выполнен целый ряд специализированных исследований по различным видам и отраслям материальной культуры Волжской Булгарии. Особо следует подчеркнуть значение комплексного исследования таких элементов булгарской культуры, как художественный металл, керамика, архитектура, стеклоделие и железоделательное производство, вооружение и военное зодчество. Все эти элементы материальной культуры, объединенные в структуру булгарской археологической культуры при высоком уровне обобщения и реконструкции, позволяют в дальнейшем использовать эти данные уже в качестве полноценного исторического источника в рамках исторического исследования.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что археологическая культура дает только часть сильно искаженной временем и обстоятельствами информации о материальном аспекте культуры, оставившего ее населения. Полноценной реконструкция жизнедеятельности общества и его функционирования как социального организма возможна только в рамках

комплексного исторического исследования. Можно сказать, что археологические исследования памятников булгарской культуры позволили выявить не только разнообразный материал по всем сторонам жизни средневекового населения, но и, при сопоставлении с другими материалами, заполнить лакуны и раскрыть многие, до этого неизвестные, страницы истории и культуры Волжской Булгарии. Особая значимость их в том, что корпус этих источников ежегодно пополняется, что при совершенствовании сбора, анализа и систематизации, при компетентном использовании процедур археологического исследования, могут и должны стать полноценным источником для реконструкции и понимания динамики развития материальной и духовной культуры средневекового населения Волжской Булгарии.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. Основы археологии: учеб. для вузов. М.: Высшая школа, 1989. 335 с.

Алымов С.С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940−1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. №3 (97). С. 7−36.

Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 16−32.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. № 6. С. 79−89.

Арциховский А.В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды секции социологии РАНИОН. 1926. т. 1. С. 123−135.

Арциховский А.В. Основы археологии. М.: Госполитиздат, 1955. 280 с.

Арциховский А.В., Киселёв С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК. 1932. №1−2. С. 46−48.

Археология: учебник / Под ред. В.Л. Янина. 2-е изд., исп. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2012. 608 с.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.

Белорыбкин Г.Н. Городища X-XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Странице истории Волго-Донья / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Изд-во ПГПУ, 1995. С. 41−61.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПенГПУ, 2003. 200 с.

Быковский С.Н. О классовых корнях старой археологии // СГАИМК. 1931. №9−10. С. 2−5.

Быковский С.Н. О предмете истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. №1−2. С. 3−6.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 263 с.

Валеев Р.М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья. Казань: Изд-во КГУ, 2007. 392 с.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X−XIV вв. Екатеринбург: УИГ «Наука», 1993. 247 с.

Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. 404 с.

Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40-60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова думка, 1987. С. 118−158.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 157−218.

Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удм. НИИ истории, экономики, литературы и яз., 1976. С. 3−35.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е - первая половина 30-х годов). К.: Наукова думка, 1982. 225 с.

Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. К.: Наукова Думка, 1983. 224 с.

Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры // Археология и методы исторических реконструкций / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 50−74.

Генинг В.Ф. Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследование социально-исторических проблем в археологии / Отв. ред. С.В. Смирнов. К.: Наукова думка, 1987. С. 6−35.

Генинг В.Ф. Археология – целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (по поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // СА. 1989. № 3. С. 215–228.

Генинг В.Ф., Генинг В.В. Очерки философии социоархеологии. Проблема обоснования социоисторических исследований в археологии. Киев: Наукова думка, 1992. 250 с.

Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. 280 с.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.

Древняя Русь. Город. Замок. Село. Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.

Захарук Ю.Н. Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии / Под ред. Кропоткина В.В., Матюшина Г.Н., Петерс Б.Г. М.: Наука, 1978. С. 49−54.

Захарук Ю.Н. Об одной концепции археологического источниковедения // СА. 1983. № 3. С. 72−81.

Захарук Ю.Н. Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА. 1989. №3. С. 207−214.

Захарук Ю.Н. Спорное и бесспорное в изучении археологических культур // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 3−9.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X-XIII в. Казань; Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И.Л. Булгарская культура // Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Изд-во Ин-та татарской энциклопедии, 2002. Т.1: А-В. С. 488.

Измайлов И.Л. Волжская Булгария // Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Изд-во Ин-та татарской энциклопедии, 2002а. Т.1: А-В. С. 610-613.

Измайлов И.Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII вв.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С.68−92.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X−XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X−XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. / Труды КФ АН СССР. сер. истор. наук. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1954. 127 с.

Каменецкий И.С. Археологическая культура: ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18−36.

Киселёв С.В. Поселения. Социологический очерк // Труды секции теории и методики (социологической) РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 35−68.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37−51.

Клейн Л.С. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. Вып. I. / Под ред. М.И. Артамонова и Р.Ф. Итса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 13−22.

Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 119 с.

Клейн Л.С. Структура археологической теории // ВФ. 1980. № 3. С. 99−115.

Клейн Л.С. Проблемы преемственности и смены археологических культур // Преемственность и инновации в развитии древних культур / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука, 1981. С. 33–38.

Клейн Л.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. 1986. № 3. С. 209–219.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 448 с.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 118 с.

Клейн Л.С. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // Stratum plus. 2000. №4. С. 88–140.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001. 152 с.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология: учеб. Пособие. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.

Клейн Л.С. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2009. 393 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т.1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 688 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т.2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 624 с.

Клейн Л.С. Теоретический словарь археологии. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2014. 279 с.

Клейн Л.С. Культура и эволюция. Теоретические исследования. СПб.: Евразия, 2018. 316 с.

Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // СА. 1959. № 3. С. 243–257.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура: практика, теория, компьютер. М.: Изд-во «Фонд археологии», 1995. 191 с.

Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998. 245 с.

Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.

Кочкуркина С.И. Корела и Русь. Л.: Наука, 1986. 141 с.

Крадин Н.Н. Археологические культуры, этнические общности и проблема границы // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й научно-практической конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 23–27.

Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II АС. Вып. I. М.: [б.и.], 1876. С. 1–50.

Лихачев А.Ф. Скифские элементы в Чудских древностях Казанской губернии // Труды IV Археологического съезда. Т. I. Одесса: [б.м.], 1886. С. 135–188.

Мартынов А.И. Археология СССР. Учеб.пособ. Для студ. ист. фак-тов пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982. 271 с.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 225 с.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1978. 191 с.

Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // НАА. 1967. №1. С. 53–65.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М.: Наука, 1973. 356 с.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанских царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М.: Синод. тип., 1871. 112 с.

Набиуллин Н.Г. Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

Неретина С.С. Смена исторических парадигм в СССР (1920–1930 гг.) // Наука и власть. М.: Наука, 1990. С. 22–49.

Петров Н.И. Археология: учеб. пособие. СПб.: Изд-во «СПбКО», 2008. 232 с.

Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков / САИ. Вып. Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Платонова Н.И. Г. Косинна и А.А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии») // Земля наша велика и обильна. Сборник статей, посвящённый 90-летию А.Н. Кирпичникова. СПб: «Невская Типография». 2019. С. 332–342.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1986. 148 с.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. 1930. Том VII. Вып. 3-4. 94 с.

Равдоникас В.И. Археология на службе у империализма // СГАИМК. 1932. №3−4. С. 19−35.

Равдоникас В.И. Археология в Германии после фашистского переворота // СЭ. 1935. №1. С. 140−145.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI−XIV вв. Казань: Школа, 2001. 242 с.

Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X−XX вв.): учебное пособие. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 264 с.

Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2018. 112 с.

Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т.1. Казань: Заман, 2011. 256 с.

Рыбаков Б.А. Историзм археологии // КСИА. 1978. № 152. С. 5−7.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X−XV вв. / САИ. Е1-60. Л.: Наука, 1981. 123 с.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 326 с.

Седов В.В. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М.: Языки славянских культур, 1999. 317 с.

Седов В.В. Славяне в древности. М.: НПБО «Фонд археологии», 1994. 128 с.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: НПБО «Фонд археологии», 1995. 416 с.

Смирнов А.П. Сувар // Труды ГИМ. Вып. XVI. М.: Изд-во ГИМ, 1941. С. 135−171.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.

Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 3. С. 3−17.

Смирнов А.П. Об археологических культурах Среднего Поволжья // СА. 1968. № 2. С. 63−71.

Смирнов И.И. Возможна ли «марксистская история материальной культуры»? (По поводу книги В.И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры». Л., 1930) // Сообщения ГАИМК. 1932. №1-2. С. 37−46.

Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.

Толочко П.П. Древнерусская народность. СПб.: Алетейя, 2005. 218 с.

Толочко П.П. Археология и древняя история (В защиту исторического марксизма). Киев: ИД «Академпериодика», 2007. 104 с.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ // СА. 1990. №4. С. 68−84.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

Хлебникова Т.А. К истории г. Жукотин (Джуке-Тау) (по работам 1971−1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234−251.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Худяков М.Г. Финская экспансия в археологической науке // СГАИМК. 1931. №11-12. С. 25−29.

Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. 162 с.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра - Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X - начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Учебное пособие. Казань: «Фолиантъ», 2006. 583 с.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Древняя Казань. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 154 с.

Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань: ИИ АН СССР, 1999. С. 85−100.

Шер Я.А. Методологические вопросы археологии // Вопросы философии. 1976. № 10. С.67−79.

Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // СЭ. 1984. № 2. С. 100−113.

Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред. М. В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. С. 95.

Шнирельман В.А. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 49−56.

Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1993. 39 с.

Шнирельман В.А. Археология и этнография: проблемы корреляции // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...» / Отв. ред. Л.А, Чиндина. Барнаул: Изд-во АлГУ, 1995. С. 141−152.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: [б.и.], 1877. 611 с.

Renfrew C. Space, time and polity // The evolution of social systems. L.: Duckworth, 1977. pp. 89−114.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

BOLGAR ARCHAEOLOGICAL CULTURE: CONCEPT STRUCTURE AND CONTENT

I.L. Izmaylov

In the system of archaeological knowledge, the concept of “archaeological culture” is an essential theoretical construct determining the gnosiological capabilities and the direction of its development as a science concerning the past of mankind as a whole. At the same time, the “archaeological culture” concept has remained the main theoretical tool designed for studying, describing and reconstructing the historical past. Archaeological culture is a characteristic link between the monuments of a dead and fossil culture and the living past, due to which the humanitarians have an opportunity to compare archaeological data with that of other related sciences, allowing to compare archaeological traces and remnants of a past life and the data of other source study disciplines in order to reconstruct the life of the humanity within the framework of historical narratives. Archaeological monuments with specific characteristic features combined into a single areal can be regarded as the Bolgar archaeological culture left by the population of Volga Bolgaria. Studies of these monuments have allowed to revealed not only a variety of materials pertaining to all aspects of the life of the medieval population, but also, if compared with other materials, fill in the gaps and reveal numerous previously unknown pages of the history and culture of Volga Bolgaria.

Keywords: archaeology, archaeological culture, Volga Bolgaria, Bolgar archaeological culture, archaeological map, funeral rites, towns, craft, ceramic complex, adornments, power symbols.

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

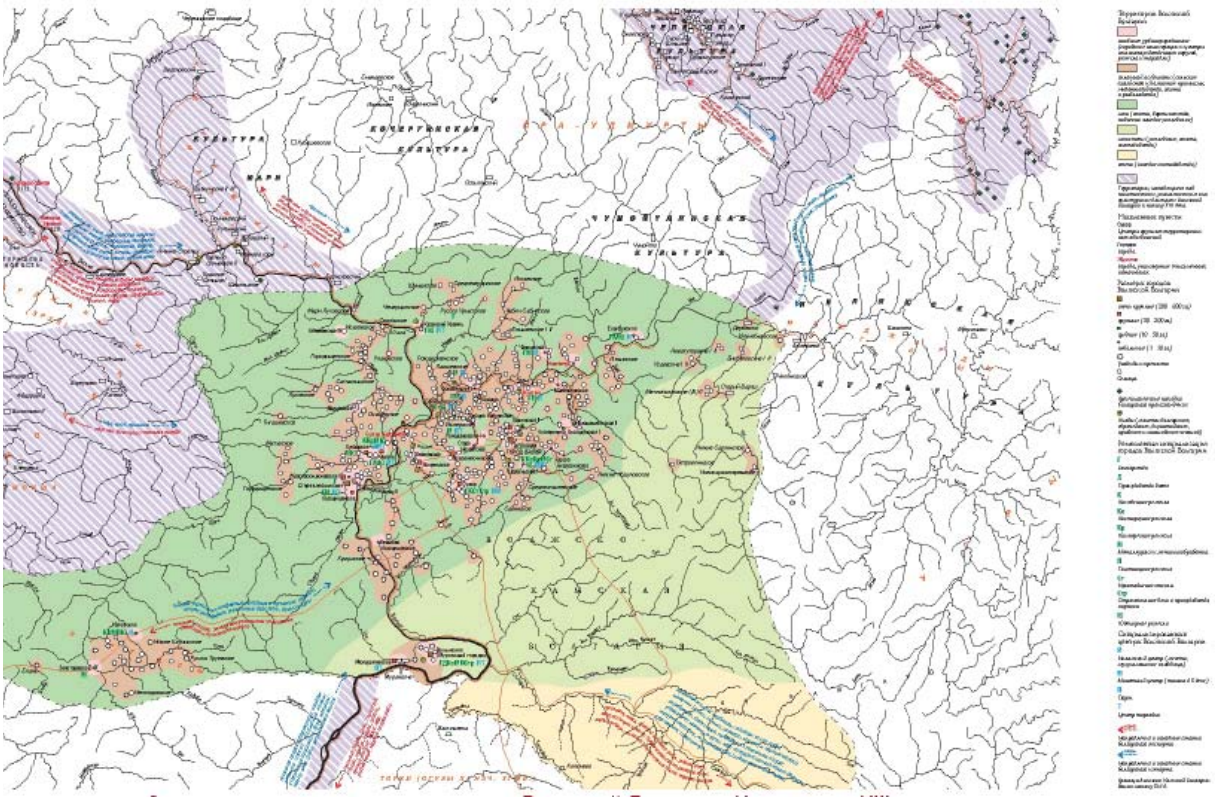


Рис. 1. Карта Волжской Булгарии X - XIII вв. (по Атласу Tartaica. Казань, М.; СПб.: Изд-во «Дизайн Информация. Картография», 2006)

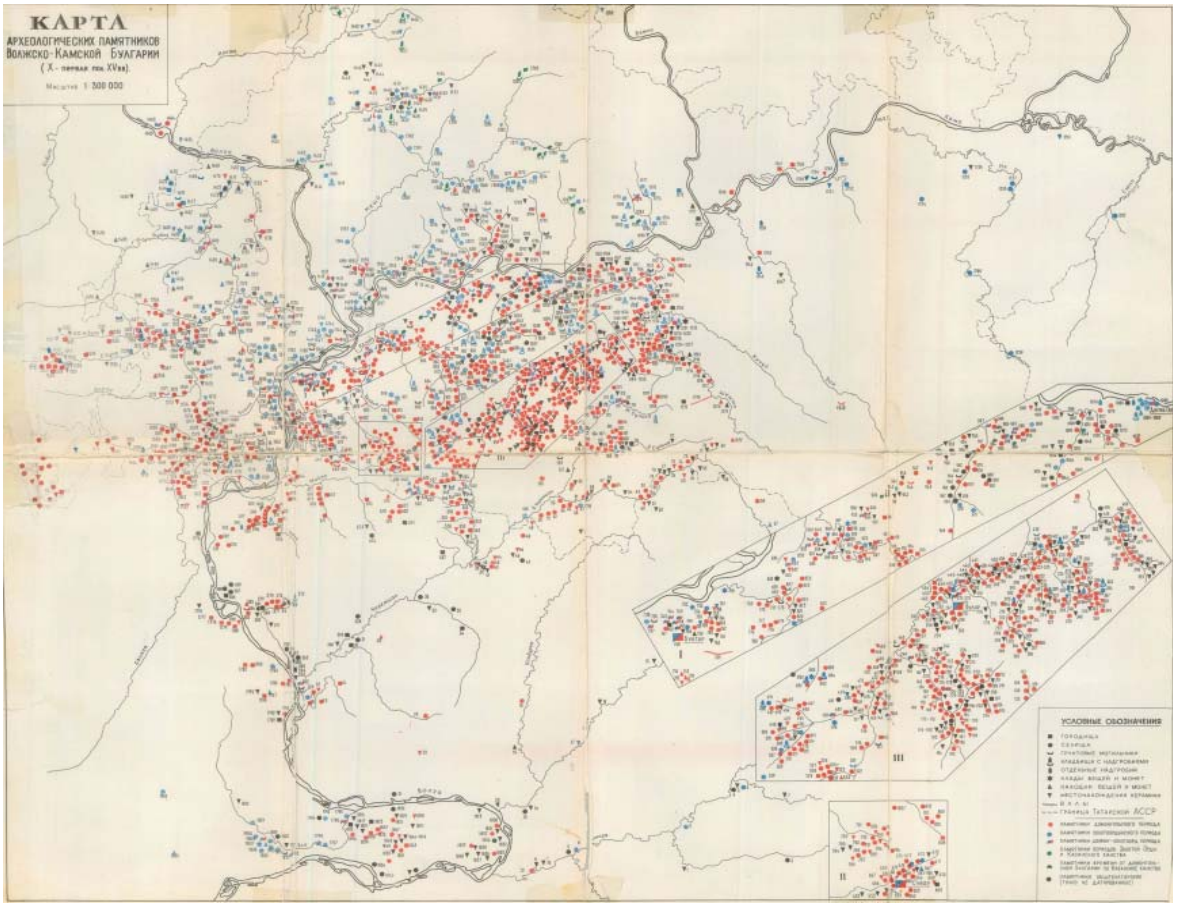


Рис. 2. Памятники булгарской археологической культуры (по Фахрутдинову, 1975, вклейка).

1

2

3

4

Рис. 3. Керамика из булгарских памятников (1-3 – Болгарское городище. МБЦ; 4 – Джукетаусское городище (По Н.Г. Набиуллину, 2011).

Рис. 4. Характерные булгарские украшения. 1 – золотое височная подвеска (НМ РТ); 2 – серебряное височная подвеска (НМ РТ); 3 – набор золотых украшений из Золотаревского городища (по Г.Н. Белорыбкину).

Рис. 5. Характерные типы булгарских изделий. 1 – бронзовая матрица (Золотаревское городище, ЗМЗ); 2 – костяная запястная пластина с зооморфным изображением (Билярское городище, НМ РТ); 3 – железный топор (Болгарское городище, МБЦ); 4 – бронзовый замочек (Болгарское городище, МБЦ).

УДК 902/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00089

РЕКОНСТРУКЦИИ УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ ДЛЯ ПЕРИОДА РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

© 2019 г. Н.В. Жилина

Несмотря на сложность состава и сменяемость населения региона будущего государства Волжской Булгарии, в развитии убора из украшений можно отметить общую преемственность.

Во второй половине VIII – первой половине IX в. на различных территориях различимы традиции салтовского (болгарского) убора и прикамско-приуральского (финно-угорского или угорского). Первый, более легкий, соединяет черты металлического и ювелирного уборов, второй сохраняет черты обильно-металлического убора. Но существует тенденция использования украшений одной традиции в уборе другой.

Во второй половине IX – первой четверти X в. взаимодействие уборов между собой привело к их породнению. Варианты сочетают украшения салтовской и прикамско-приуральской традиций. Происходит переход к более рациональным формам убора, его облегчению, постепенному отказу от громоздких систем соединения украшений, меньшему использованию шумящих частей.

Бусины гроздевидных подвесок и овально-цилиндрические бусинные подвески сыграли важную роль для образовании филигранных бусинных украшений Волжской Булгарии XII–XIII вв.

Общая картина развития убора соответствует представлению о том, что население Среднего Поволжья становилось более консолидированным и вырабатывало близкие формы материальной культуры.

Ключевые слова: убор, украшения, реконструкция, традиции, этапы, взаимодействие.

В ранней (догосударственной) истории Булгарии выделены основные этапы, связанные со сложным взаимодействием различных этно-культурных групп населения: вторая половина VIII – первая половина IX в.; вторая половина IX – первая четверть X в. (Казаков, 1992).

В ряде общих и конкретных исследований и публикаций в научный оборот введен материал по инвентарю археологических комплексов с выделением характерных категорий украшений для того или иного населения, предложены этнокультурные определения (Мерперт, 1954; Матвеева, 1976; Матвеева, 1977; Халикова, 1976; Казаков, 1992; Казаков, 2007).

Целью данной работы является возможное воссоздание истории убора из украшений VIII–X вв., принадлежавшего сложному по составу населению, сформировавшему этнос будущего государства. Предлагаются гипотетические реконструкции, проделанные на основании погребальных археологических комплексов. Их можно подразделить на 1) конкретные, проделанные по одному археологическому комплексу и характеризующиеся определенной степенью документальности; 2) типичные, характеризующие тот или иной период истории сложения Волжской Булгарии, проделанные на основании ряда археологических комплексов, объединяющие соответствующие друг другу категории украшений, и в той или иной степени остающиеся гипотетичными.

Археологические памятники первого этапа по этно-культурным характеристикам подразделены на болгаро-салтовские и прикамско-приуральские (Казаков, 1992, с. 33–86).

Вторая половина VIII – первая половина IX в.

1. Болгаро-салтовские памятники (могильники: Большетарханские, Кайбельский, Уреньский и другие) характерны для южных регионов будущей территории Волжской Булгарии.

В инвентаре погребений Большетарханского могильника (вторая половина – конец VIII – IX в.) из головных украшений хорошо представлены серьги, а из нагрудных – подвески лунничной формы. Нагрудные подвески финно-угорских типов встречаются редко. Среди украшений рук характерны перстни салтовского типа, дротовые браслеты с сужающимися концами. Большинство украшений находят аналогии в болгаро-салтовских

памятниках Юго-Восточной Европы; население, оставившее могильник, является болгарским, пришедшим из Подонья, вступившим во взаимодействие с населением Прикамья и Приуралья (Казаков, 1972, с. 17; Казаков, 1992, с. 51–53, 324).

По Большетарханскому могильнику представлены две типовых реконструкции. Первая отражает чисто выраженный салтовский комплекс убора из украшений (рис. 1: 1)[1] (Жилина, 2017). В другой отражено небольшое дополнение его финно-угорскими шумящими украшениями (рис. 1: 2).

Некоторые известные погребения данного периода в интерпретации исследователей заняли промежуточное положение между этно-культурными регионами.

Одно из ранних женских погребений (№ 1), связанное с началом истории болгарских племен в Поволжье, зафиксировано в кургане 8 у с. Хрящевка Ставропольского района Куйбышевской обл. и датируется второй половиной VIII – IX в. (Мерперт, 1954, с. 39, 70, 128, 129; рис. 39). К оплечно-нагрудному ярусу относится большое ожерелье из бусин из стекла, камня и раковин (его составляющие были найдены и в районе бедер). Подвески-амулеты, скорее всего, также, возможно, связаны с нагрудным ярусом (характер крепления не ясен) (рис. 2: 1).

В мужском уборе этого времени в основном известны украшения рук – погребение с оружием под Куйбышевым, у 116 км (Матвеева, 1976, с. 35). Здесь на руках обнаружены браслет и перстень салтовского типа со вставкой (не сохранилась) и выступами для ее закрепления (рис. 2: 2).

Некоторые исследователи связали их с болгаро-салтовским кругом по аналогиям с Большетарханским и Салтовским могильниками (Мерперт, 1954, с. 127, 128; Матвеева, 1976, с. 38). Е.П. Казаков рассматривает эти погребения вместе с прикамско-приуральскими памятниками, отмечая и близость их погребениям болгаро-салтовских памятников, в частности по ориентировке погребенных (Казаков, 1992, с. 58–62, 79).

С салтовским кругом эти погребения также сближает: использование характерных кольцевидных амулетов, салтовских перстней. Аналогичные находки происходят из мужского погребения с оружием у разъезда Немчанка Куйбышевской обл.: на руке был надет серебряный перстень салтовского типа (Матвеева, 1977, с. 52, 53)[2].

Данный вариант убора сохраняет признаки облегченного убора кочевников, переходящего на ювелирную стадию (Жилина, 2017).

2. Прикамско-приуральские памятники, характерные для восточных регионов будущей территории Волжской Булгарии (Большетиганский, Немчанский могильники).

Здесь в головном ярусе используются серьги с напускными бусинами салтовского облика; но также и гроздевидные и плоскостные, финно-угорского облика (поломско-ломоватовского и кушнаренковского[3]). В шейно-нагрудном ярусе используются одинарные (дисковидные, листовидные) и составные – шумящие, колоколвидные и зооморфные, подвески, подвешивавшиеся на ремешках или цепочках, а также нашивавшиеся. На ремешки надевались спирали с пронизками. Шумящие подвески используются и на поясе. Аналогии относятся к финно-угорскому кругу. В качестве украшений рук известны дротовые (с геометрическим орнаментом), пластинчатые и витые браслеты. Обращает на себя внимание факт, что в качестве перстней известны перстни салтовского типа (Казаков, 1992, с. 71–74).

Большетиганский могильник датирован второй половиной – концом VIII – первой половиной IX в. (Халикова, 1976, с. 177, 178).

По погребению 5 Большетиганского могильника предложена конкретная реконструкция убора, сохраняющего финно-угорские черты (рис. 3). В качестве головных используются украшения с гроздевидной и плоскостной подвесками, вероятно, носившиеся разными способами. Финно-угорский характер сохраняют и амулеты.

Смешанные черты убора наблюдаются по погребению 20 того же могильника. Здесь используются салтовские формы украшений: серьга с бусинным стержнем и перстень, но вместе с тем ощутима и финно-угорская традиция – шумящая поясная привеска, ношение браслетов (рис. 4).

[1] На реконструкциях в качестве основ-шаблонов лиц для расположения украшений использованы рисунки О.Б. Наумовой.

[2] На наш взгляд, на перстне представлено орнаментальное изображение, а не антропоморфная личина.

[3] В сложении этих культур большую роль сыграло угорско-самодийское и угорское население (Финно-угры, 1987, с. 142, 143, 153).

Другие погребения Большетиганского могильника показывают преобладание финно-угорского комплекса убора из украшений.

Традицией мужского убора было ношение одной миниатюрной серьги с одной стороны. Ряд погребений сохранили остатки женских головных уборов: фрагменты налобных лент (венков) из кожи и ткани с металлическими нашивными бляшками. Предполагается, что к венкам крепились крупные гроздевидные подвески, соединявшиеся под подбородком цепью (Халикова, 1976, с. 161, 162).

Такой обильный вариант ношения головных украшений дает погребение 20. В нагрудном ярусе носили бусы из стекла и камня, подвески различных форм; сохранялась и традиция шумящих нагрудных и поясных украшений с пронизками. Обильны и украшения рук: несколько браслетов разных форм. Вместе с тем предпочтение такой ювелирной формы, как салтовские перстни определенно и неоднократно сказывается (рис. 5).

Е.А. Халикова составила по погребению 7 реконструкцию убора из украшений с другим типом серег – плоскостных, соединенных подбородочной цепью. Здесь восстанавливаются украшения волос: парные плоскостные подвески на цепях, вплетенных в волосы, снабженные специальными деталями-зацепами для закрепления в волосах (косах). Ожерелья из бусин включают как одиночные подвески, так и усложняются шнурками с пронизками, к которым крепятся коромысловидные подвески (Халикова, 1976, с. 162–167; рис. 9). К реконструкции по данному погребению можно добавить, что в системе обильных нагрудных украшений используются бусинные подвески овально-цилиндрической формы. Используются также украшения рук: пластинчатый браслет и по-прежнему перстень салтовской традиции (рис. 6).

По погребению 42 конца IX в. отмечен финский комплекс убора: прослежен женский головной убор в традициях поволжских финнов (мордвы), включающий деталь, состоящую из рядов ремешков в металлических пронизках (Казаков, 2007, с. 77, 80, 81; рис. 51). Здесь наблюдается обильное ношение браслетов. Вместе с тем в этом уборе используются серьги салтовского типа (рис. 7).

Убор прикамско-приуральской группы относится к обильно-металлической стадии, когда украшения отличаются не только тяжестью и обильностью, но конструктивно связаны друг с другом (подбородочная цепь и височные подвески, нагрудные цепи), играют важную роль в скреплении деталей одежды, выражают собой статус, состоятельность человека; металлический покров из связанных между собой украшений защищает человека и действительно, и сакрально (обилие шумящих украшений) (Zhilina, 2016).

На втором этапе убор из украшений становится более сходным, хотя в рамках одних и тех же комплексов органично участвуют украшения разных по происхождению традиций.

IX–X вв. (Танкеевский, Тетюшский могильники).

Как отмечают исследователи, население, оставившее Танкеевский могильник, изначально было разнокультурным и смешанным (Халикова, 1971, с. 87). Для территории Среднего Поволжья оно было пришлым. Происхождение материальной культуры связывают с двумя основными регионами или компонентами: салтовским и прикамско приуральским, причем прикамско-приуральский компонент преобладает. Но культурный синтез имел уже определенный результат. Вещевой материал обеих этно-культурных групп стал более единообразен, элементы культуры прикамско-приуральского и болгаро-салтовского происхождения органично сочетаются, характерно совместное нахождение в одних и тех же погребениях прикамских и салтовских вещей. Инвентарь первой группы погребений содержит салтовскую круговую керамику, здесь преобладают салтовские серьги с напускными бусами, но много и прикамских шумящих подвесок; во второй группе встречена лепная керамика, характерно наибольшее разнообразие металлических украшений прикамского облика (только здесь есть подтреугольно-овальные височные и лапчатые подвески), но используются и салтовские вещи. В целом почти нет вещей, которые отличали бы группы друг от друга (Казаков, 1971, с. 149–153; Казаков, 1972, с. 15–17; Казаков, 1992, с. 87).

В традициях мужского убора было ношение серег в виде небольших колечек. Погребальный инвентарь женских погребений оказался сходен между собой. Материалы позволяют реконструировать женский головной убор, в который входила лента-венок, на ленточные детали нашивались некрупные

накладки или бляшки. В одном случае прослежена лента из полоски серебра (3,0×25,0 см) (Казаков, 1992, с. 95).

Из числа украшений к головному убору в это время известны серебряные и бронзовые нашивные пластинки на головной убор, выполненные, как правило, в технике штампования. Накладки имеют в основном геометрические формы. Аналогичные украшения известны по венгерским, северо-кавказским и прикамским материалам (Казаков, 1992, с. 170, 171).

Сначала приведем конкретные реконструкции по погребениям Танкеевского могильника, что позволит восстановить реально существовавшие уборы из украшений.

Погребение 440 демонстрирует совмещение в уборе серег салтовского типа и шумящих подвесок (Казаков, 1971, с. 153, 154). В комплексе ожерелья с основой из бусин используется дисковидная подвеска (рис. 8: 1).

Детское погребение 1044, датировано по монетам первой четвертью X в. Здесь примечательно появление в качестве головных украшений трехбусинных колец. Используется финно-угорский амулет (рис. 8: 2).

Женское погребение 1101 характеризуется мещерским или муромским обликом (Казаков, 2007, с. 77, 98; рис. 52, 53) (рис. 9).

По материалам Танкеевского и Тетюшского могильника представлены две гипотетических типовых реконструкции. При этом обращалось внимание на использование тех или иных украшений в одних и тех же погребениях, то есть, также – в реально-существовавших уборах.

В той и другой реконструкции присутствует головной венок с нашивными бляшками (рис. 10: 1; 11).

Первая реконструкция содержит большее количество прикамско-приуральских черт: гроздевидные подвески к головному убору, нагрудные шумящие подвески разных типов, коромысловидная подвеска, амулет в виде ложечки (рис. 10: 1, литерой *а* отмечены украшения из одного погребения). Украшения рук, дротовый и пластинчатый браслеты, представлены по материалам Тетюшского могильника (рис. 10: 2).

Во второй реконструкции можно отметить довольно много узнаваемых салтовских черт: в головном ярусе использованы серьги салтовского типа, колесовидный амулет. Присутствуют лунничная и монетообразные одиночные подвески. Не исключено и использование шумящих украшений, бусинных подвесок овально-цилиндрической формы (рис. 11: 1, литерами *б*, *в* отмечены украшения из одних и тех же погребений). Салтовский перстень в украшениях рук представлен по материалам Тетюшского могильника (рис. 11: 2).

В целом сформировался довольно однородный убор из украшений, включавший в себя и салтовские, и прикамко-приуральские черты. Тем не менее, есть и черты преемственности с предшествующим периодом, которые могли продолжаться, несмотря на смену населения. Как отмечает Е.П. Казаков, часть погребений Танкеевского могильника находит аналогии в I Большетарханском могильнике, по головным уборам есть сходство и с Большетиганским могильником (Казаков, 1972, с. 17; Казаков, 1992, с. 171).

Основные изменения в характере убора связаны с его рационализацией и облегчением. Признаки убора металлической стадии на данном этапе сохраняются и характеризуют в большей или меньшей степени убор всех вариантов (рис. 8, 10, 11). Но случаи его полного сохранения довольно редки (рис. 9). Среди головных украшений часто используются салтовские серьги, среди украшений рук – салтовские перстни. Намечается переход к рациональным головным украшениям: бусинным кольцам (рис. 8: 2).

Видимо, предпочтение тех или других украшений было связано с конкретным происхождением людей, носивших уборы. Немаловажно и такое наблюдение: детские погребения больше сочетаются с лепной керамикой и шумящими украшениями прикамско-приуральской группы. (Казаков, 1971, с. 151). Это свидетельствует о том, что изменение материальной культуры в сторону рационализации, и, конкретно, убора из украшений в сторону облегчения касалось основного убора, носимого взрослыми. В детском же сохранялись архаичные черты обильно-металлического убора.

Таким образом, несмотря на сложность состава и сменяемость населения региона будущего государства Волжской Булгарии, в развитии убора из украшений можно отметить общую преемственность. На первом этапе, во второй половине VIII – первой половине IX в.

на различных территориях остаются различимы традиции салтовского (болгарского) убора и прикамско-приуральского (финно-угорского или угорского). Первый соединяет черты металлического и ювелирного уборов и остается более легким (рис. 1: 1), второй сохраняет черты обильно-металлического убора (рис. 3). Тем не менее, явственно читается и тенденция использования украшений одной традиции в уборе другой традиции (рис. 1: 1). Этому способствует некоторое изначальное сходство их отдельных элементов: серег или подвесок гроздевидной или бусинной формы (в истоке, вероятно, восходящих к одному византийскому прототипу); возможно, близкая конструкция головных уборов, включавших ленточную деталь (венок), сходная традиция ношения перстней.

На втором этапе, во второй половине IX – первой четверти X в. взаимодействие различных вариантов уборов между собой привело к их породнению. Несмотря на то, что выделение вариантов остается возможным, как правило, каждый из них сочетает украшения салтовской и прикамско-приуральской традиций (рис. 4–7, 8: 1). В целом происходит переход к более рациональным формам убора, его облегчению, постепенному отказу от громоздких систем соединения украшений, меньшему использованию шумящих частей.

И на том и на другом этапе в уборе известны бусинные подвески овально-цилиндрической формы (рис. 6, 11), вероятный прототип для формы булгарских ювелирных бусин последующего времени. В целом бусины гроздевидных подвесок сыграли важную роль для образовании филигранных бусинных украшений Волжской Булгарии XII–XIII вв.

Общая картина развития убора соответствует представлению о том, что ко второму этапу догосударственной истории население Среднего Поволжья стало более консолидированным и выработало близкие формы материальной культуры (Казаков, 1971, с. 154).

ЛИТЕРАТУРА

Жилина Н.В. Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 127–156.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Археология и этнографии Татарии. Вып 1. / Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 94–155.

Казаков Е.П. Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии). Автореф… дисс.. канд. исторических наук. Казань, 1972. 22 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2007. 208 с.

Матвеева Г.И. Погребения VIII–IX веков в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. I. / Отв. ред. Е.И. Медведев. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. С. 33–39.

Матвеева Г.И. Погребения VIII–IX веков у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1977. С. 52–56.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. №42. / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. / Отв. ред А.П. Смирнов. М: Наука, 1954. С. 39–156.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 513 с.

Халикова Е.А. Больше-тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.

Zhilina N. 2016. Attire of adornments: the main historical stages: natural, heavy-metal, jewelry, the accessory. In Zilinskaite A. (ed.). 2*2nd Annual Meeting of the EAA, 31.08. – 04.09.2016. Vilnius.*: Saulius Jokuzys Publishing Printing House, 87.

Информация об авторе:

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nvzhilina@yandex.ru

RECONSTRUCTIONS OF THE ATTIRE OF ADORNMENTS OF THE EARLY HISTORICAL PERIOD OF VOLGA BULGARIA

N.V. Zhilina

Despite the complexity of the structure and changes in the population of the future Volga Bolgaria, general continuity can be outlined in the development of the attire of adornments.

The traditions of Saltovo (Bolgar) and the Kama-Urals (Finno-Ugric or Ugric) attires in the second half of 8th –first half of 9th centuries can be distinguished in different territories. The former lighter attire has the combined features of metal and jewelry ones, and the latter has retained the features of an abundant metal decoration. However, there is a tendency to use the adornments of one tradition in the attire of the other.

In the second half of 9th - first quarter of 10th centuries the interactions of the attires resulted in their twinning. The variations are combined adornments of the Saltovo and Kama-Ural traditions. A transition is observed to more rational forms of attires, its easement and the gradual rejection of bulky jewelry connection systems and less frequent use of noisy parts.

Oval-cylindrical bead pendants and oval-cylindrical bead pendants played an important role in the formation of filigree bead adornments of Volga Bulgaria of the 12th -13th centuries.

The general development pattern picture of the attire of adornments is in line with the concept according to which the population of the Middle Volga region was becoming more consolidated and produced similar forms of material culture.

Keywords: attire, adornments, reconstruction, traditions, stages, interaction

About the Author:

Zhilina Natalia V., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nvzhilina@yandex.ru

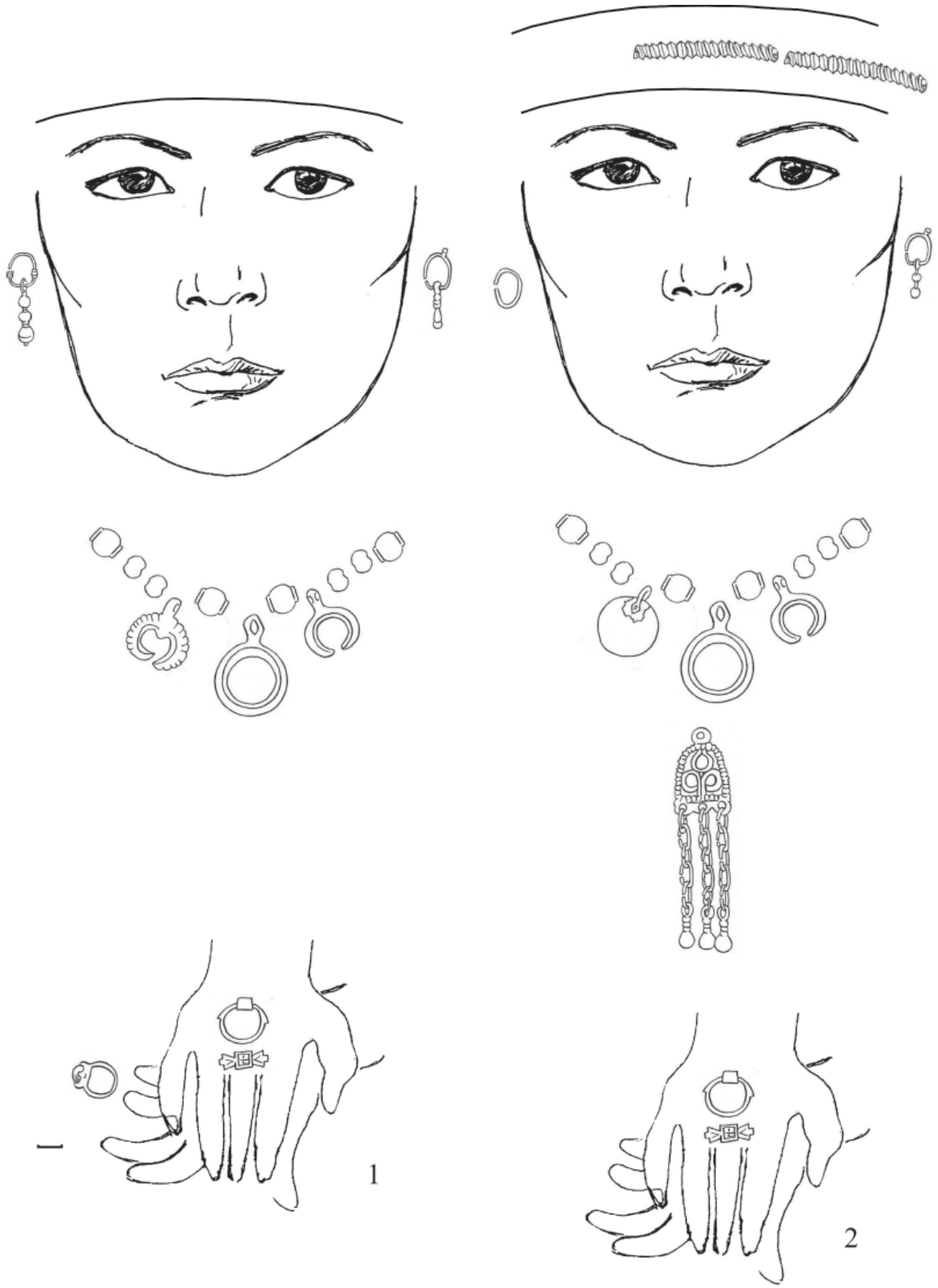


Рис. 1. Типовые реконструкции убора из украшений населения салтовского круга первого этапа, вторая половина VIII – первая половина IX в., Большетарханский могильник: 1 – вариант с более выраженными чертами убора салтово-маяцкой культуры (Казаков, 1992, рис. 13: 5, 6, 8, 9, 22–24; 53, 54); 2 – вариант с добавлением финно-угорских украшений (Казаков, 1992, рис. 13: 1–3, 8, 9, 11, 21, 22, 24, 34, 54).

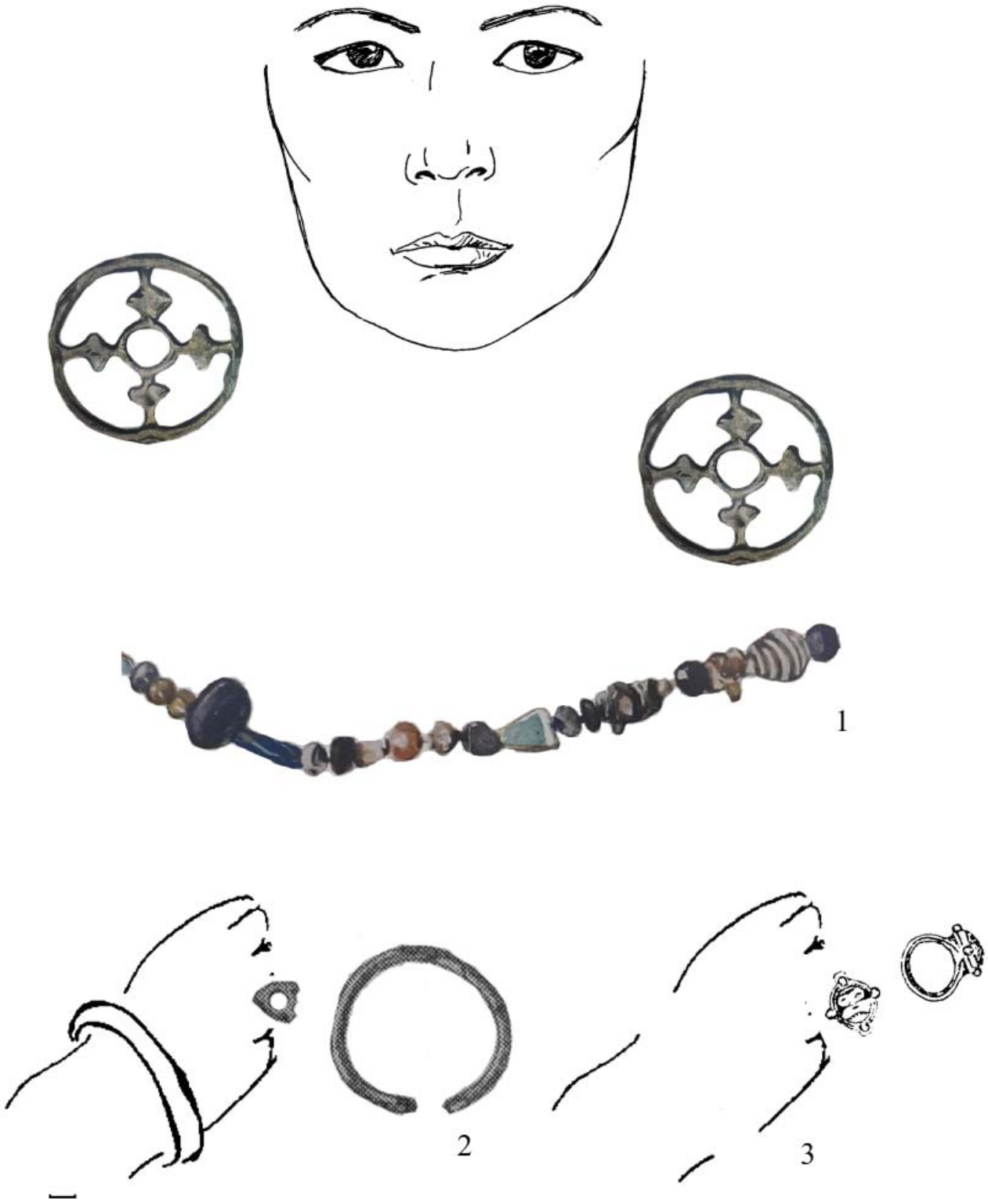


Рис. 2. Реконструкции убора из украшений первого этапа – вторая половина VIII – первая половина IX в.: 1 – реконструкция по погребению 1 кургана 8 в с. Хрящевка (Мерперт, 1954, рис. 39: 1, 2); 2 – мужские украшения рук из погребения под Куйбышевым (Матвеева, 1976, рис. 2: 7, 8); 3 – перстень из мужского погребения у разъезда Немчанка Куйбышевской обл. (Матвеева, 1977, рис. 1: 14).

Рис. 3. Реконструкция финно-угорского круга по погребению 5 Большетиганского могильника, конец VIII – первая половина IX в. (Казаков, 1992, рис. 21: 13, 16, 19, 20, 26, 27, 47, 49, 68, 69, 77; 22: 4, 5, 18).

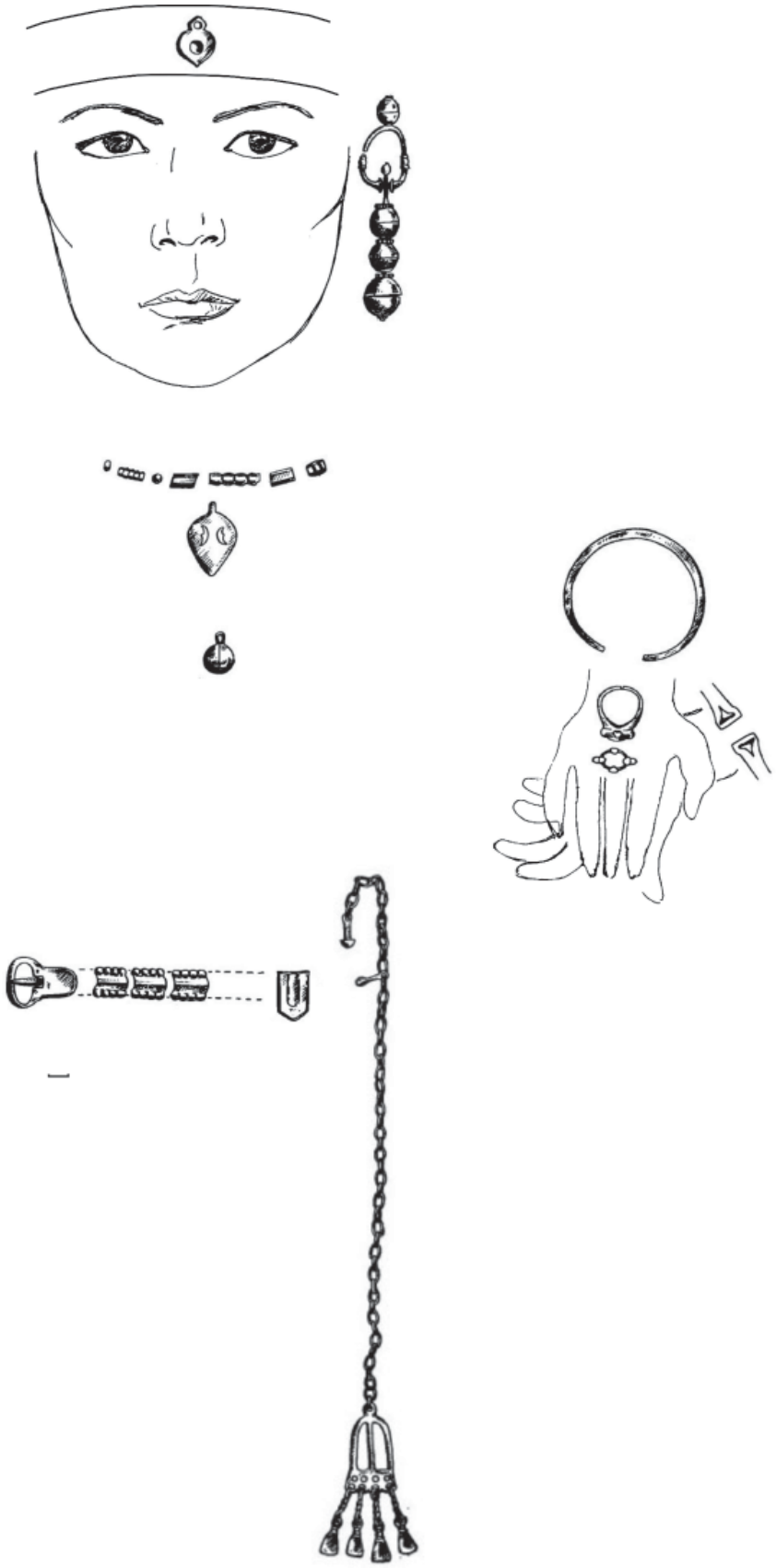


Рис. 4. Реконструкция по погребению 20 Большетиганского могильника (Халикова, 1976, рис. 3).

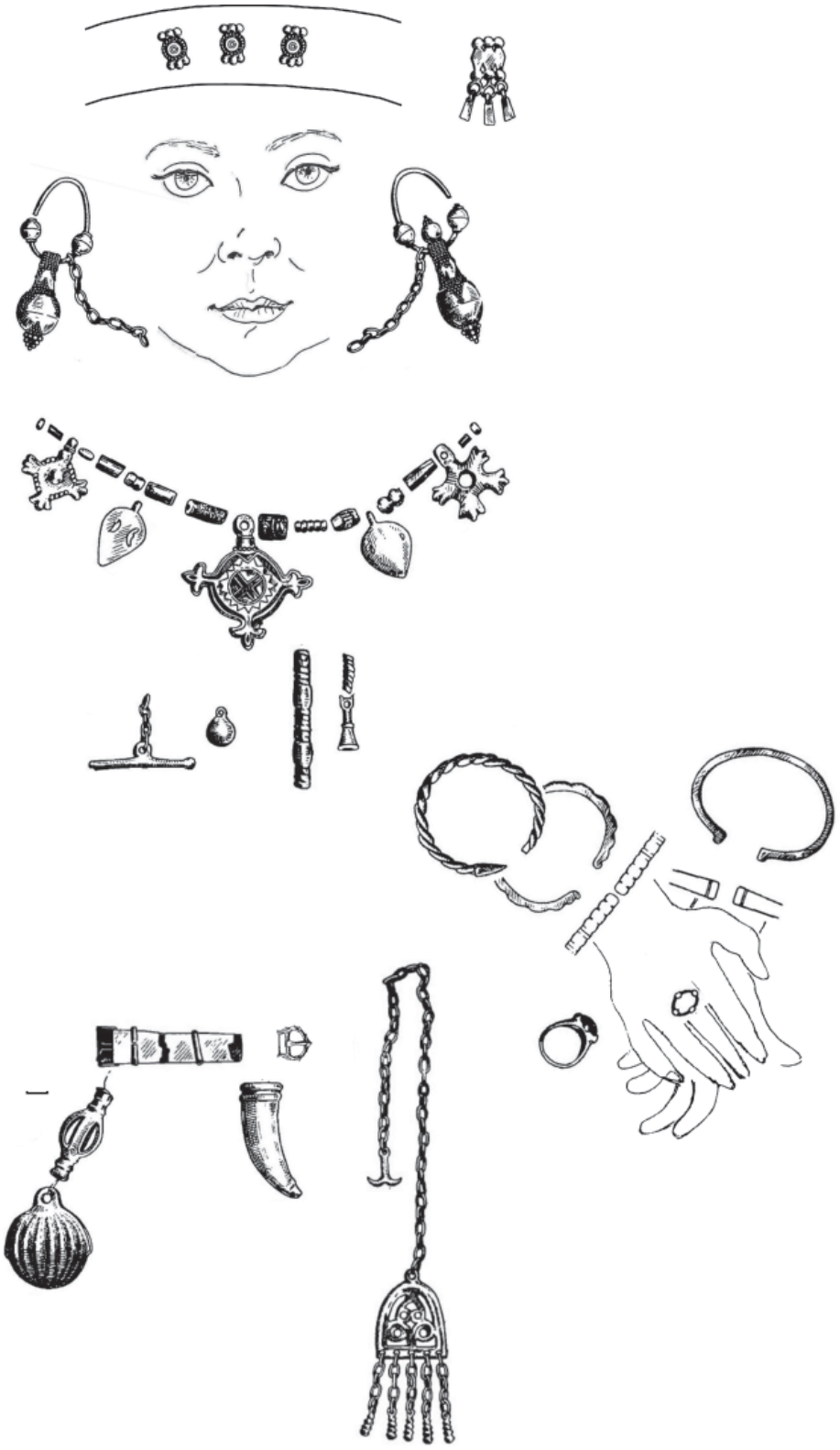


Рис. 5. Реконструкция по погребению 7 Большетиганского могильника (Халикова, 1976, рис. 6).

Рис. 6. Реконструкция Е.А. Халиковой по погребению 17 Большетиганского могильника с небольшими дополнениями (Халикова, 1976, рис. 7, 9).

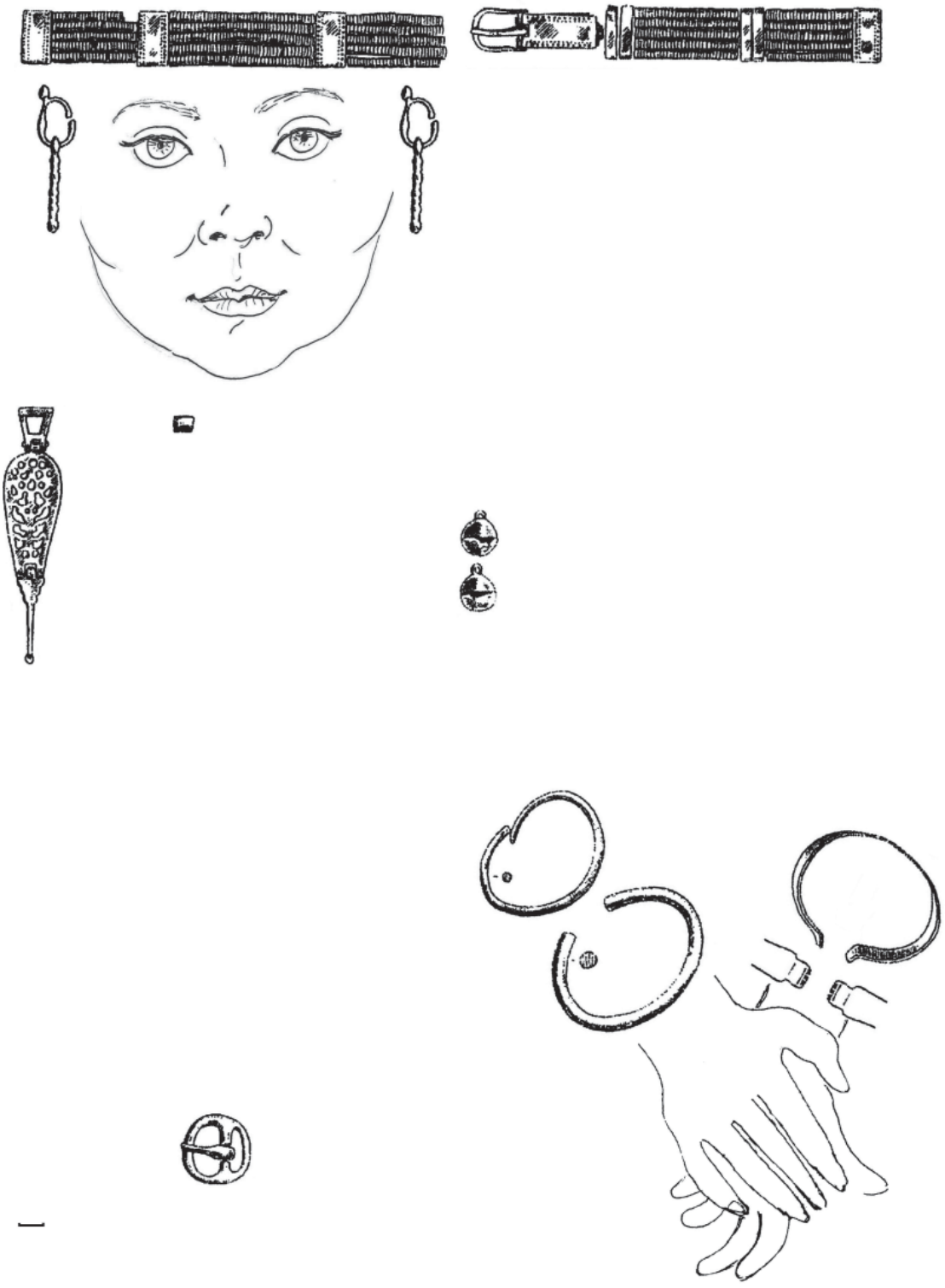


Рис. 7. Реконструкции по погребению 42 Большетиганского могильника (Казаков, 2007, рис. 51).

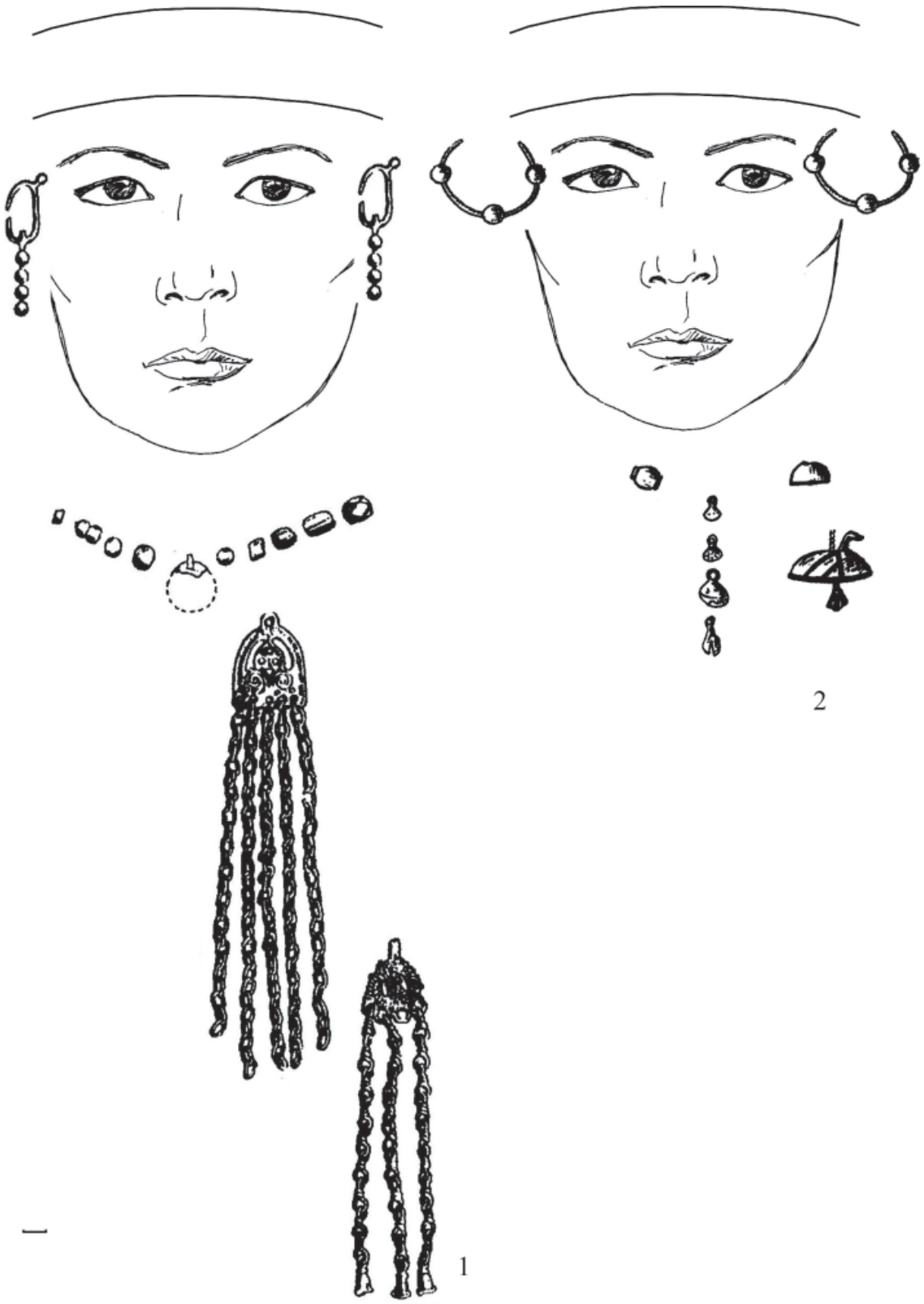


Рис. 8. Реконструкции по погребениям Танкеевского могильника: 1 – 440 (Казаков, 2007, рис. 35: А); 2 – 1044 (Казаков, 2007, рис. 52)

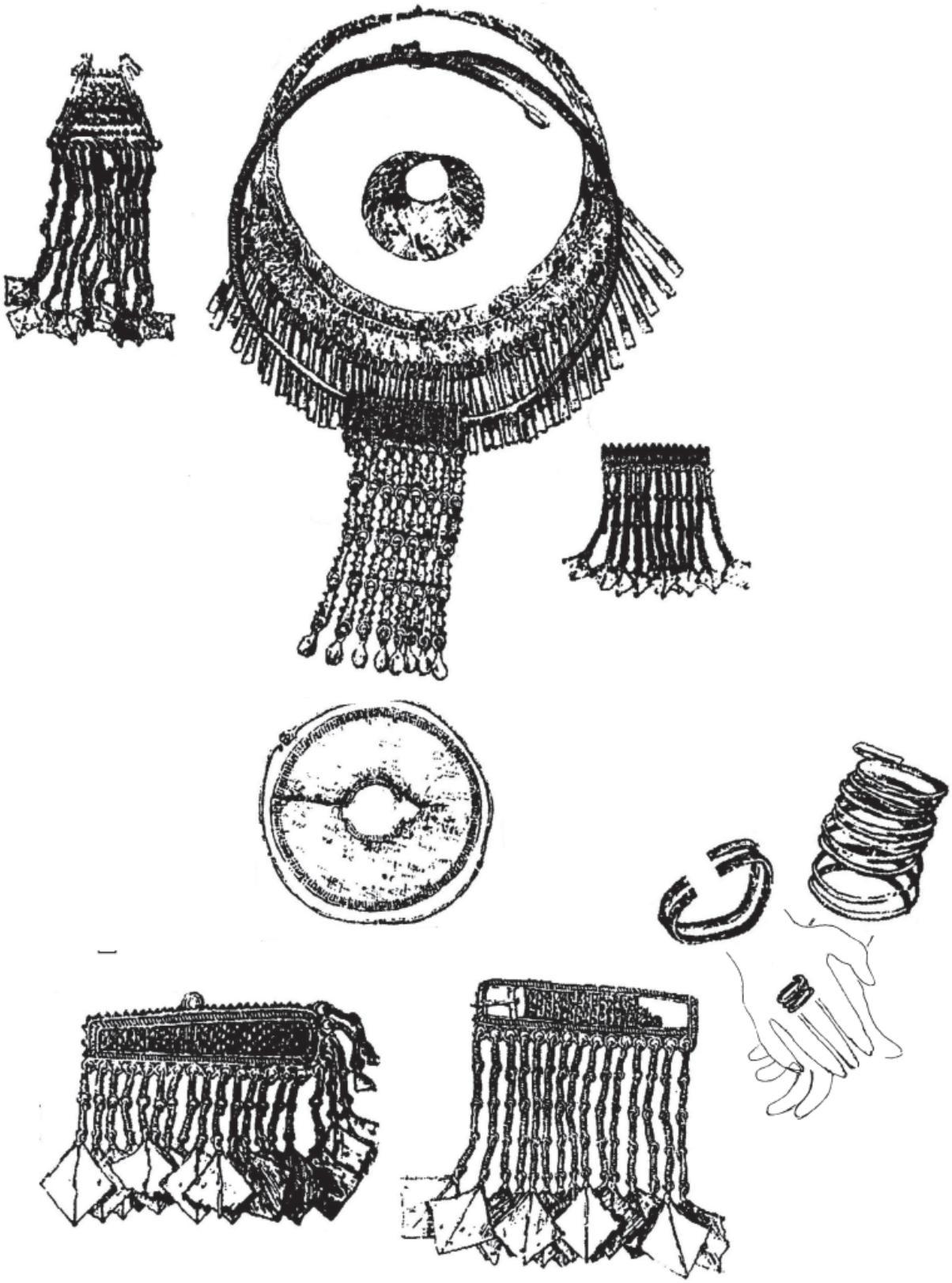


Рис. 9. Шейно-нагрудный ярус и украшения рук по погребению 1101 Танкеевского могильника (Казаков, 2007, рис. 54, XI).

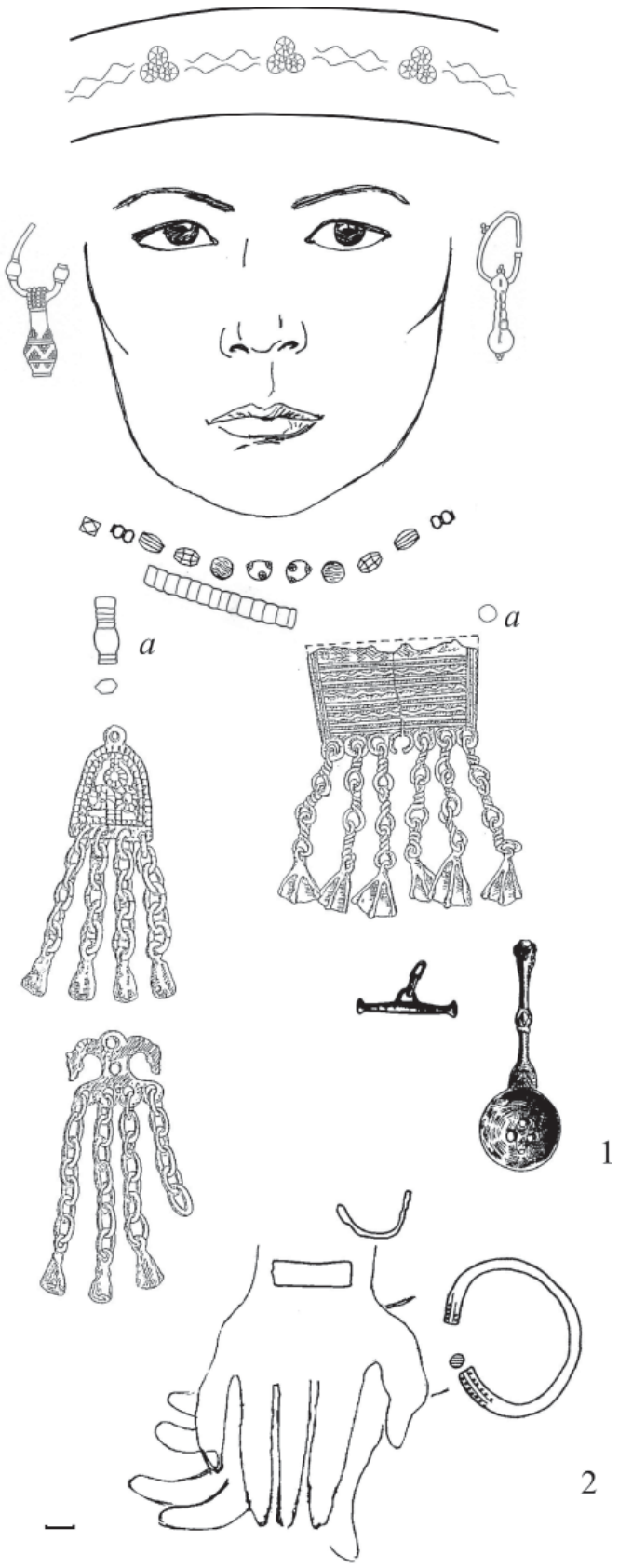


Рис. 10. Типовая реконструкции убора из украшений: 1 – Танкеевский могильник: 1 – (Казаков, 1992, рис. 61: 6, 7; 63: 21, 22, 26, 30, 33; 64: 9; 66–68; 70: 6, 14; литерой *а* отмечены украшения из одного погребения); 2 – украшения рук, Тетюшский могильник (Казаков, 1992, рис. 73: 43, 44).

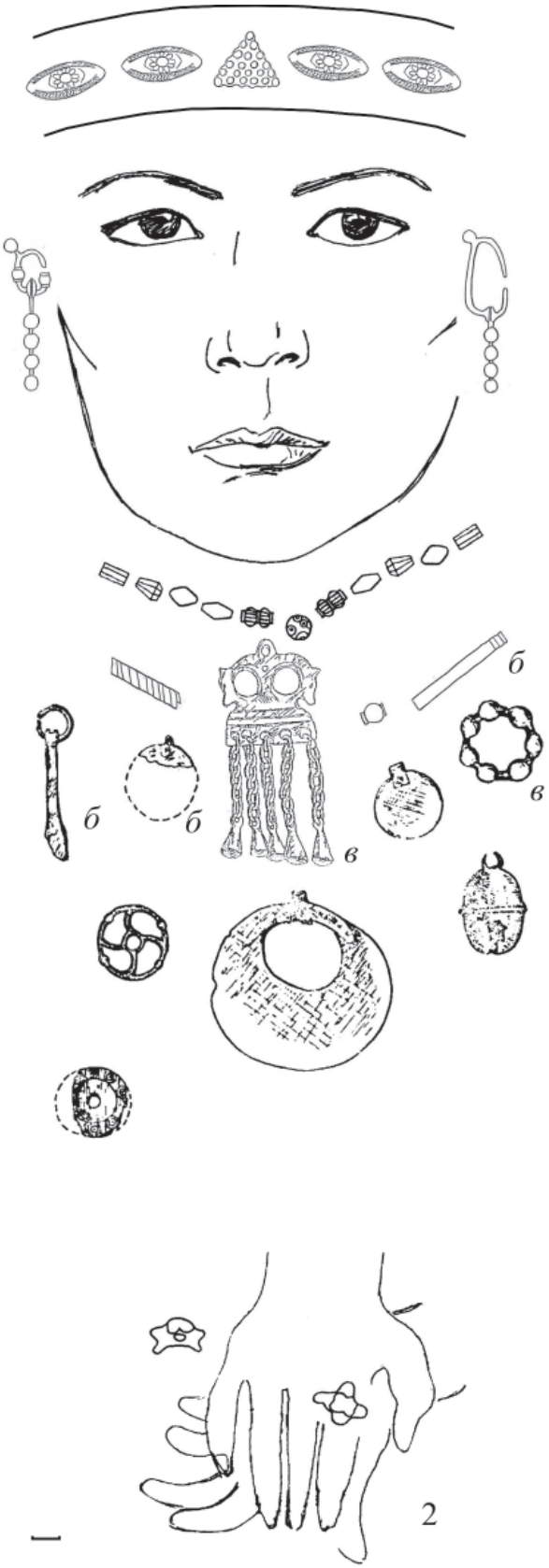


Рис. 11. Типовая реконструкция убора из украшений: 1 – Танкеевский могильник (Казаков, 1992, рис. 61: 4, 13; 63: 23, 24, 25, 27, 29, 36, 38; 64: 11, 13; 65: 2, 3, 4, 9, 25, 40; 66–68; 70: 17; литерами *б*, *в* отмечены украшения из одних и тех же погребений); 2 – украшения рук, Тетюшский могильник (Казаков, 1992, рис. 73: 42).

УДК 902/904, 737 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00090

ВОСТОЧНЫЕ, ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И ИНОЗЕМНЫЕ МОНЕТЫ ИЗ БОЛГАР. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИХ ПРОНИКНОВЕНИЯ

©2019 г. Д.Г. Мухаметшин

На территории Болгарского городища Спасского района РТ обнаружены несколько кладов и одиночные находки монет X в. Большинство из них саманидские, так же обнаружены западноевропейские денарии. Поскольку большинство из них найдены во время археологических раскопок, монеты имеют точные топографические данные. Найденный нумизматический материал ценен в плане определения границ раннего Болгара. Ранние монеты (римские, сасанидские, византийские) показывает этапы освоения территорию Нижней Камы, а иноземные монеты XII–XIV вв. торговые и культурные связи средневекового Болгара.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Болгарское городище, саманиды, западноевропейские денарии, иноземные монеты, клады, единичные монеты.

Период товарно-денежных отношений на Волго-Уральском регионе вплоть до начала X в. не нашла отражение в письменных источниках. Развитие товарно-денежных отношений в регионе нужно связывать с изменением направления торговых путей Северо-Запада с Востоком, проходящие через устье реки Кама в середине IX в. и образованием Волжской Булгарии. В дальнейшем в течение всего X столетия главным посредником между Русью и Средней Азией стал Болгар на Волге.

Однако археологические и нумизматические материалы позволяет говорить о наличии экономических связей между Поволжьем и Маверннахром в более ранний период (Толстов, 1938, с. 173). Об этом говорить находка хорезмийской монеты в Большетарханском могильнике (Мухамадиев, 2005, с. 17). Сасанидские драхмы обнаружены в Спасском (Мухаметшина, 2015, с. 50) и Лаишевском районах РТ (сообщение П.Н. Старостина), Семеновском V (находка Е.А. Беговатова), Семеновском I (Федоров-Давыдов 2001, с. 91–94) селищах, Больше Тарханском могильнике (Кропоткин 1971, с. 87), Кокрятском городище (Лебедев и др., 2012 с. 160).

Находки сасанидских монет известны в Удмуртии и Кировской области. Найденные на территории устья Камы и на северных территориях сасанидские драхмы по времени совпадают с периодом распада Великой Булгарии Кубрата и миграцией части булгарских племен на север (Лещенко, 1963, с. 242). В этой связи интересны ранние контакты булгар с мусульманами. А.Х. Халиков считает, что булгарское племя баранджары первыми приняли ислам и в Среднее Поволжье пришли мусульманизированными. Об этом пишет и Чукрукчузаде, знаменитый ученый-богослов начала XVI в. в своей книге «Алты бармак». В книге в качестве подарка эмиру упоминается 500 дирхемов (Дәүләтшин, 1999, с. 220).

Булгарские племена до их прихода на территорию Среднего Поволжья и Прикамья были знакомы с монетой как средство обращения (Плетнева, 1976, с. 21).

Таким образом, проникновение восточных, византийских и других монет на территорию региона нужно рассматривать в связи с переселением в Волго-Уральский регион булгар и др. тюрко-язычных племен. На Среднее Поволжье булгары иммигрировали волнообразно. Исследователи отмечают несколько этапов переселения (Bulcarika, с. 228–233). Первая волна переселения связана с распадом Великой Булгарии Кубрата. Переселенцы во второй половине VII – первой половине VIII в. оставили курганные и грунтовые могильники новинковского типа (Багаутдинов и др., 1998, с. 150–172).

На территорию Среднего Поволжья попадали византийские монеты. Золотой византийский солид был обнаружен в Шиловском кургане (Багаутдинов и др., 1998, с. 109), в Болгарах (1983 г.). В Болгаре были обнаружены древнеримские, Ольвийские монеты. Византийская серебряная монета найдена в Балымерах.

Исследователи, изучающие проблему распространения восточных монет, выделяют несколько периодов его проникновения на территорию Среднего Поволжья. В кладах,

датируемые второй половины VIII – середины IX в., сасанидские драхмы идут с примесью куфических дирхемов, т.е. они попадали в Поволжье уже после второй половины VIII в. Находки омеядских и аббасидских дирхемов зафиксированы в Болгарах, Билярске, Остоловском селище.

Пересечение торговых путей хазар, в том числе булгар, проходило через Тимер Капуг (Железные Ворота), а во второй половины VIII в. через Среднюю Азию. Усиление притока восточных куфических монет на территорию Среднего Поволжья, связано с принятием каганом Хазарии ислама в 737г., крушением Омеядского халифата и оттоком части населения на север (Халиков, 1989, с. 74). Это совпадает второй миграционной волной булгар из районов Подонья в Среднее Поволжье в средине в VIII в. (История татар, 2006, с. 119). Омеядские и аббасидские дирхемы присутствуют в Больше-Тарханском, Больше - Тиганском, Танкеевском, Измерском II могильниках. А.Х. Халиков причину появления восточного серебра связывает приходом сюда тюркоязычных племен и началом функционирования могильников (Халиков, 1971, с. 28–35).

По сравнению первым периодом, приток восточных монет на Среднее Поволжье усиливается. Появление монетных кладов далеко на севере в Старой Ладоге и на острове Готланд (Швеция) показывает, что между русскими землями и Востоком уже были установлены торговые связи через Хазарию.

Третья волна переселения булгар с территории Хазарского каганата связанная с принятием иудейской религии произошла во второй половине IX в. (Плетнева, 1997, с. 45–46).

По внутренней торговле в Волго-Уральском регионе в VII–VIII вв. исторический материал отсутствует. Надо полагать, что внутренний рынок находился в зачаточном состоянии, а внутренняя торговля только зарождался.

Т.С. Нунан анализируя нахождение в кладах аббасидских дирхемов, отмечает, что «начиная примерно с 900 г. большая часть торговли с исламским миром перешла от саманидской Средней Азии Волжской Булгарии» (Нунан, с. 261).

В III периоде – вторая половина IX – начало XI в. денежное обращение в регионе определяли крупные города Волжской Булгарии – Болгар, Биляр, Сувар. Клады дирхемов концентрируется в районах Болгарского, Билярского, Суварского городищ. Например, из округи Болгара, в пределах 20 км известен 21 клад, 6 из них с самого городища.

Куфические монеты на территорию Среднего Поволжья начали поступать с VIII в. Однако как средство платежа дирхемы начали использоваться только в конце IX в., то есть с образованием Булгарского государства. Клады и отдельные находки саманидских дирхемов в количественном отношении резко возрастают в 50–60 -е гг. X в. В.М. Потин, исследуя клады монет, пришел к выводу, что период от чеканки основной массы монет до их зарытия составляет около 30–50 лет. Однако, при исследованиях Старой Ладоги А.Н. Кирпичников обратил внимание на случаи, когда арабские дирхемы попадали в культурный слой через 4–7 лет после их чеканки. Нунан учитывая свыше 750 кладов с пятью и более дирхемами содержащих более 233 000 монет найденных в Северной Европе, отмечает, что доля кладов саманидских дирхемов из Средней Азии чрезвычайно мала (Нунан с. 300). Это показывает, что монеты были изготовлены исключительно для экспорта, а не для обращения внутри саманидской державы.

Распределение саманидских дирхамов по декадам (колебания в объеме импорта в Волжскую Булгарию) на основании кладов из Европейской России X–XI вв. (по Нунану).

Годы	Число монет	%
890-е	678	5,9
900-е	1978	17,3
910-е	1728	15,1
920-е	1150	10,1
930-е	1550	13,6
940-е	921	8,1
950-е	846	7,4

960-е	946	8,3
970-е	1013	8,9
980-е	578	5,1
990-е	36	0,3
Всего	11424	100,1

Нунан считает, что дирхемы поступали в Волжскую Булгарии не позднее одного-двух лет после чеканки. По расчетам общий объем поступления дирхемов в X в. из Средней Азии в переводе на вес составил 375 тонн, то есть в среднем ежегодно 3,75 тонны, или 1 млн. 250 тысяч монет (Нунан, 2004, с. 287–304).

С территории Болгарского городища известны несколько кладов монет и отдельные монеты до монгольского периода.

1. 1862 г. Было найдено три саманидских дирхема: Аль-Муктафи, Исмаил б. Ахмад, Самарканд, 287 г.х.; Ал Муктадир. Наср II б. Ахмад, Самарканд, 324 г.х.; его же, Нисабур, год? (Шпилевский, с. 297). Интервал дат 287–324 / 900–925

2. 1868 г. Найден дирхем Талиба б. Ахмада, чекана Болгара в (3)38 г.х. (Лихачев 1887, с. 2)

3. 1877 г. Найдены Саманидские дирхемы X в. (Руденко. Булгарское золото, с. 146, табл. 5).

4. 1895 г. Был найден клад, состоявший из каменной формочки и 60 целых, 10 фрагментов дирхемов. Состав клада: Аббасиды, город? 253 г. х. Саманиды, Аш-Шаш, 281, 292, 310, 311, 316, 317 (2 экз.), 318, 319 (4 экз.), 321, 322, 323, 324, 359 гг. х. Саманиды, Самарканд 293, 300 (3 экз.), 301 (2 экз.), 308, 309, 311 (2 экз.), 312, 315 (2 экз.) 316, 317 (2 экз.), 318, 319, 322, 324 гг. х. Саманиды, Андераба 301, 302, 304 гг. х., в Джурджане в 314 и 315 г., Балхе в 312 и 313 гг. В кладе было 2 потертых дирхемов Насра II, 5 обломков саманидских монет, 9 подражаний и 6 саманидских брактеатов (867–969 гг.). Клад был переслан в Императорскую Археологическую Комиссию. Интервал дат 894–936. У Руденко данный клад отмечен под 1894 г.

5. 1905 г. Был обнаружен Аббасидский дирхем Басра, 133 г. х. Определение Р.Р. Фасмера. Хр.: б. собрание Н.П. Лихачева. Лит.: Архив ИА АН СССР.

6. 1957 г. В.М. Королевым был найден клад в переулке около усадьбы Самышевых и передан К.А. Смирнову. Клад поступил в ГИМ под № 95723. Состав клада: подражание дирхему Исмаила б. Ахмада – 1; Исмаил б. Ахмад, Самарканд, 290 г. х. – 1, 292 г. х. – 1, 293 г. х. – 1; его же, Аш-Шаш, 293 г. х. – 1, 294 г. х. – 1; его же, Нисабур, 294 г. х. – 1; Ахмад б. Исмаил, Аш-Шаш, 297 или 299 г. х. – 1 (Янина–1960, с. 223–225). Интервал дат 902–912.

1968

7. 1981 г. На Ага-Базаре было найдено серебряное подражание куфической монете обрезанное в круг.

8. 1981 г. В раскопе LXXVII (рук. Н.Д. Аксенова) к северо-востоку от Малого Минарета был найден медный дирхем хорезмшаха Мухаммада с именем халифа Ан-Насира. Д=38. Вес: 3,53. ОФ 303–232/10259.

9. 1982 г. На территории Болгарского городища (остров напротив Болгара) были найдены серебряные монеты. Записан в 1983 г. Саманиды. Нух бин Наср (942–954). Город? Год? Вес: 1,27 г. ОФ-339/46. Нум.Ф.-4483; Саманиды. Вес: 1,30 г. ОФ-354/153. Нум.Ф.-4683; Саманиды. Вес: 0,79 г. ОФ-339/47.Нум.Ф.-4484; Саманиды. Вес: 0,40 г. ОФ-339/53. Нум.Ф.-4490; Саманиды. Наср ибн Ахмад. Город? Год? Вес: 0,6 г. Нум.Ф. 339–24/4461. Определил Г.А.Федоров-Давыдов.

10. 1986 г. На раскопе XCVII (рук. П.Н. Старостин) в сооружение I на глубине 75 см были найдены две серебряные монеты. Саманиды: Наср б. Ахмад, аш-Шаш, год? – 1; его же, Андераба, год? – 1 (половинка).

11. 1988 г. На раскопе CIII (рук. П.Н. Старостин) было обнаружено 2 монеты: Саманиды, Наср б. Ахмед, Аш-Шаш, год? Вес: 2,92 г. кв. – 6, сор. 1. ОФ–474/113. Нум.Ф.-7076; (№ 42); Саманиды. Наср б. Ахмед, Аш-Шаш, год? Вес:1,56 г. кв. кв. В-6, соор.1. ОФ-474/114. Нум.Ф.-7077. (№ 43).

12. 1990 г. В раскопе CXI, соор. 7, выб. 1 (рук. П.Н. Старостин) были обнаружены 3 монеты: Аббасиды, ал-Мутадид, аш-Шаш, 281/894–895; Вес: Бувейхиды. Ат-Таи биллах. Муид ад-Даула. Аш-Шаш? 381 г. х. Вес: 4,42 г. ОФ–510/209. Нум.Ф.– 7804 (№ 44); Самани-

ды, Ахмад б. Исмаил, Самарканд, год? (половинка). Ал-Мути биллах. Мансур б. Нух. Самарканд. 365 г. х. Вес: 1,55 г. ОФ–510/210. Нум.Ф.– 7805. (№ 45) 281–365.

13. 1991 г. В раскопе CXIV, кв. г/5, бровка, (рук. П.Н. Старостин) был обнаружен дирхем: Саманиды, Исмаил б. Ахмад, Самарканд, 286г.х. Вес: 2,98 г. ОФ–521/172. Нум.Ф.–8018. (№ 46).

Итого по раскопу П.Н. Старостина 7 монет. Интервал дат 894–991 гг.

Аббасиды. Ал-Мутадид биллах. Аш-Шаш, 281/894–895

Саманиды. Исмаил б. Ахмад, Самарканд, 286 г. х.

Саманиды. Ахмад б. Исмаил, Самарканд, год?

Саманиды. Наср II б. Ахмад, Аш-Шаш, год?

Саманиды. Наср II б. Ахмад, Аш-Шаш, год?

Саманиды. Наср II б. Ахмад, аш-Шаш, год?

Саманиды. Наср II б. Ахмад, Андераба, год?

Саманиды. Ал-Мути биллах. Мансур б. Нух. Самарканд. 365 г. х.

Бувейхиды. Ат-Таи биллах. Муид ад-Даула. Аш-Шаш? 381 г. х?

14. 1995 г. На Болгарском городище, около раскопа CXXII (руководитель В.С. Баранов) был обнаружен фрагмент саманидского дирхема весом 0,64 г. ОФ–668/289. Нум.Ф.–8801. (№ 52).

15. 2002 г. В раскопе CXXIII (руководитель Р.Ф. Шарифуллин, объект «Дворец правителей), уч. К/11, шт.3, гл.60 была обнаружена литая монетовидная подвеска. Вес: 6,30 г. (№ 103). ОФ–1022/972. Нум.Ф.–12677.

16. 2003 г. В раскопе CXXXII (рук. И.Р. Газимзянов) был обнаружен дирхем: Саманиды, Наср б. Ахмад. Город? Год? Вес=0,84 г.

17. 2007 г. Монета Мухаммада ибн Текеша найдена у Габдрахман сахаба коесы. Д = 33. Вес: 3,28.

18. 2012–2013 гг. В раскопе CXCIV было обнаружено 2 золотых динара: Сельджукиды Рума. Анатолия. Гийас ад – Дин Кей – Хосров II, Конья, 635 г. х. = 1245/46; Аюбиды. Египет. Усман б. Юсуф. Каир, 589 г. х. = 1193/94

19. 2013 г. В раскопе CLXXIX, уч. Г, кв.46, яма 107, гл.223 см было обнаружено подражание саманидскому дирхему. Наср б. Ахмад. Город? Год? Вес: 2,59 г.

20. 2016 г. В раскопе CXCII (руководители В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев) было обнаружено подражание монете Насра б. Ахмада. Вес: Вр. хр. (Археологические исследования, 2016, с. 10).

Две медные монеты Мухаммада ибн Текеша были найдены в Болгарах в 1980 и 1982 гг. (Г.А. Федоров-Давыдов Находки восточных монет VIII–XIII вв. в Восточной Европе // Эпиграфика Востока XXIV, 1989, с. 45–46).

Нахождение монет Хорезмшахов свидетельствуют о том, что медные монеты Средней Азии XII – начало XIII все же попадали в Восточную Европу, несмотря на то, что обращались по принудительному курсу.

Раскоп CXXXII расположен на северо-восточной части Болгарского городища, на широкой мысовой площадке образованного между Малым и Большим Иерусалимским оврагами. Высота от уровня реки Волга 30–35 м. Данный район археологически ранее не был исследован.

Ранне-европейские монеты

1. XIX в. В Болгаре была обнаружена Римская монета III или IV в. (Шпилевский, с. 258, 298).

2. 1971 г. На Ага-Базаре была обнаружена свинцовое подражание западноевропейскому денарию. Вес: 0,33. ОФ. 203–21/567. Определил Г.А. Федоров-Давыдов.

3. 1983 г. Ольвия III в. до н. э. Вес: 6,25 г. Случайная находка. Определил Г.А. Федоров-Давыдов. ОФ.355–488/5418.

4. 1983 г. В огороде Пименовых, Белоглазкиных был обнаружен византийский динар. Монета утеряна.

5. 1985. В раскопе XCV (рук. М.Д. Полубояринова) на уч. 9, шт. 5, соор. 2. была выявлена медная монета. Валентиниан I. 364–375 гг. Вес: 2,84 г. Медь. ОФ. 386–113/5984.

6. 1999. Оттон I. Начало XI в. Вес: 0,70 г. Серебро. Случайная находка. По дороге к М. Минарету. ОФ. 842–2/11182. Относиться к кладу.

7. 2001. Динарий. Леймус. Епископство, Южная Германия. Серебро. Вес: 0,60. Раскоп CXXIII, уч. к/5, шт.6, гл.120, сл.IV. ОФ. 932–651/12225. Определила Т.Ю. Стукалова.

8. 2017. Раскоп 192 (рук. Д.Ю. Бадеев) Ольвия. Вес: 6,51.

Иноземные монеты XIII–XIV вв.

1. Золотой динар Джанибека чекана Хорезма (Шпилевский, с. 296), год находки неизвестно.

2. 1860. Динар Афганского султана Индии Мухаммеда I с надписью «Ал-хокме би амре-Аллах с другой Абу ал-Аббас Ахмед (Шпилевский, с. 297).

3. 1863. Второй динар Кутб ад-Дина Мубарака, Дели, 718/1318 г. (Шпилевский, с. 297).

4. 1863. Итальянский золотой флорин 1329 г. (Сингатуллина, 2009, с. 79; Руденко, 2011, с. 146).

5. 1884. 11 золотых монет патанских султанов (Сингатуллина, 2009, с. 82–87; Руденко, 2011, с. 146).

6. 1944 г. при рытье погреба было обнаружено глиняной горшок с золотыми монетами с арабскими надписями. Две монеты были переданы в местное отделение милиции, две монеты были посланы в Государственный музей ТАССР, остальные остались у находчика. Сообщение В.М. Королева. В НМ РТ храниться 5 золотых монет Индии (Сингатуллина, 2009; Руденко, 2011, с. 147).

7. 1980 г. Болгарское городище. Византия. Андроник II и Михаил II. 1294–1320гг. Вес: 1,90г. Медь. ОФ. 288–140/10208.

8. 1999 г. по дороге от Белой палаты к Малому Минарету была найдена монета. Принципат Ахайа. Вес: 0,80 г. ОФ. Медь. 842–1/11181.

9. 2000 г. к югу от Малого Минарета была обнаружена монета Чехии. Пражский грош. Вес: 3,70г. Д=28 мм. Серебро. Пробита. ОФ. 1036–883/13287.

10. 2000 г. на Болгарском городище была обнаружена монета. Трапезунд. Вес: 1,31. ОФ. Медь. 913–616/12001.

11. 2005. К востоку от Малого Минарета была обнаружена китайская монета, ныне хранящаяся в экспозиции МБЦ.

В 1999 г. во время обхода Болгарского городища группы в составе Ф.Ш. Хузина, Г. Хафизова и Д.Г. Мухаметшина в 300 м к востоку от Малого Минарета на обочине проселочной дороги был обнаружен саманидский дирхем Исмаила бин Ахмеда чекана Аш-Шаша в 294 г. х. (№ 1). В 2000–2002 гг. это место было неоднократно осмотрено и на площади 300×200 м собраны фрагментированные дирхемы. В фонде Болгарского заповедника хранятся фрагменты дирхемов, обнаруженные здесь же в 1973 г. Н.Д. Аксеновой – ОФ-75/1. Нум.Ф.-308. ОФ-297/21. Нум.Ф.-3258;

В 1995 г. около раскопа CXXII (руководитель В.С. Баранов) был обнаружен фрагмент саманидского дирхема весом 0,64 г. ОФ-668/289. Нум.Ф.-8801 (№ 52).

Здесь же в 1996 г. Х.К. Муртазиной был обнаружен фрагмент саманидского дирхема. ОФ-689/697. Нум.Ф.-9850.

По нашему мнению, собранные монеты представляют клад монет, сдвинутый плугом при вспашке. Старшая монета клада: Исмаил б. Ахмед, Аш-Шаш, 294 г. х.; младшая - дирхем от имени Ат-Таи Биллаха (974–991). В кладе присутствует 2 бувейхидские монеты.

В 1999 г. в том же районе по дороге к Малому Минарету была найдена западноевропейская монета Оттона I, датируемая началом XI в. ОФ. 842-2/11182. По нашему мнению монета относиться к кладу.

Таким образом, на территории Болгарского городища обнаружено 7 кладов (2 и более монет) и 9 одиночных куфических монет.

Клад 1957 г., состоящий из 8 монет и интервалом дат 902–912 гг.

Саманиды. Клад 2000–2002. Интервал дат 293–350.

Хронология клада. Старшая монета клада: Аль-Муктафи биллах, Исмаил б. Ахмед, Самарканд, 293 г. х.; младшая – дирхем от имени Ат-Таи Биллаха (974–991). Саманиды. Исмаил б. Ахмед, Наср II б. Ахмед. (2 монеты); Ат – Таи биллах. Мансур II б. Нух II. (2 монеты).

Место находки. Береговая полоса Волги и Иерусалимского оврага.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Авт. – сост. Ситдиков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 40 с.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков историии татар Волго-Камья). Самара: Полдень XXII век, 1998. 286 с.

Багаутдинов Р., Хузин Ф. Ранние булгары на Средней Волге // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 116−123.

Беговатов Е.А. Центральные города Волжской Булгарии в X в. по нумизматическим данным // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Тез. науч. конф. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар, 1999. С. 75–76.

Валеев Р.М. Развитие торговли Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (Основные тенденции и закономерности развития торговли и денежно-весовых систем Волжской Булгарии и Золотой Орды). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 479 с.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Восточные монеты X века и монетовидные подвески с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Добровольский И.Г, Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1991. 192 с.

Добровольский И.Г, Шагурина Г.Б. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещенный Баран) в Татарстане. Новые данные. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В.Дубова / под ред. А. Н. Кирпичникова, В. Н. Седых. СПб.: Издательство С.–Петербургского университета, 2004. С. 246−255.

Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х. Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии.// Нумизматика Золотой Орды. Сборник научных статей. Вып. 2. / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Яз»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 163–174.

Лебедев В.П., Трушин И.Д., Кожевин А.Е. Нумизматические находки на булгарских домонгольских памятниках Ульяновской области. // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. Руденко К.А. Казань: РИЦ, 2012. С. 154−171.

Лебедев В.П., Трушин И.Д., Кожевин А.Е. Русско-Юрткульский клад первой половины X века // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. Руденко К.А. Казань: РИЦ, 2012. С. 173−182.

Лебедев В.П., Трушин И.Д., Кожевин А.Е. Монетный комплекс с Арбузовского селища Ульяновской области (X–начало XI вв.) // Нумизматика Золотой Орды. Сборник научных статей. Вып. 1. / Под ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. марджани АН РТ, 2011. С. 139−153.

Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX –X веках: археологическая панорама / Отв. Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 382−402.

Лихачев А.Ф. Новый Болгарский клад 1887 года. Отдельный оттиск из «Записок восточ. Отдел. Имп. Русск. археолог. Общ.», том III, стр. 165−182.

Мухаметшин Д.Г. Источниковая база изучения денежного обращения в Поволжье в VI-XI вв. // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июня 1999 года / Под ред. Ф.Ш.Хузин и др. Казань: Изд-во «Мастер Лайн». 2000, С. 103–107.

Мухаметшин Д.Г. Новые археологические памятники Западного Закамья // Материалы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия», посвященного пятилетию создания Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Болгар, 2015. С. 126−197. № 139.

Мухаметшин Д.Г. Источниковедческая база к истории денежного обращения в Поволжье VI-XI вв. // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Тез. науч. конф. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар, 1999. С. 71–73.

Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В.Дубова / под ред. А. Н. Кирпичникова, В. Н. Седых. СПб.: Издательство С.–Петербургского университета, 2004. С. 256−311.

Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. Москва, 1988. 152 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 160–172.

Фасмер Р.Р. О монетах волжских булгар X века // ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. 1. Казань, 1926, С. 29-60.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877. 620 с.

Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, С. 179−204.

Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. Казан: Татар. кит. нәшер., 1999. 512 бит.

Информация об авторе:

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник БГИАМЗ, Болгарский государственный историко–архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Россия); Djamil78@list.ru.

ORIENTAL, WESTERN EUROPEAN AND FOREIGN COINS FROM BOLGAR. PERIODIZATION OF DISTRIBUTION

D.G. Mukhametshin

Several hoards and single coins of the 10th century have been discovered in the territory of Bolgar settlement in the Spassky District of the Republic of Tatarstan. Most of them are Samanid coins, but West-European denarii have also been found. As most of them were revealed during archaeological excavations, the coins feature accurate topographic information. The discovered numismatic material is valuable in terms of the identification of the boundaries of early Bolgar. The early coins (Roman, Sasanian and Byzantine) reflect the stages of colonization of the Lower Kama territory, and the foreign coins of the 12th-14th centuries - the trade and cultural relations of medieval Bolgar.

Keywords: the Republic of Tatarstan, Bolgar settlement, Samanids, West-European denarii, foreign coins, hoards, single coins.

About the Author:

Mukhametshin Dzhamil G. Candidate of Historical Sciences. Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Nazarovyh St., 67, Bolgar, 422840, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; djamil78@list.ru.

Приложение 1

Список монет клада 1999-2002 гг.

1. Саманиды. Аль-Муктафи биллах. Исмаил ибн (Ахмед) Самарканд. 293 г.х. Вес: 1,10 г. ОФ-1036/746. Нум.Ф.-13152

2.Саманиды. Аль-Муктафи биллах. Исмаил ибн Ахмед. Аш-Шаш. 294г.х. Вес: 3,10 г. ОФ-913/19. Нум.Ф.-11401

3.Саманиды. Аль-Муктафи? Город? Год? Вес: 1,43 г.

4. Саманиды. Аль-Муктадир биллах. Исмаил бин Ахмед. Аш-Шаш. Вес: 2,25 г. ОФ-825/286. Нум.Ф.-11147

5.Саманиды. Аль-Муктадир биллах. Исмаил бин Ахмед. Город? Год? Вес: 0,70 г. Просверлено. ОФ-1036/747. Нум.Ф.-13153

6.Саманиды. Аль-Муктадир биллах. (Исмаил) бин Ахмед. Город? Год? Вес: 0,90 г. ОФ-1036/749. Нум.Ф.-13155

7.Саманиды. Аль - Муктадир биллах. Исмагил бин Ахмед. Андерааба? Год? Вес: 0,60 г. ОФ-913/23. Нум.Ф.-11405.

8.Саманиды. Исмагил бин Ахмед. Аш-Шаш. Год? Вес: 0,89 г. половина дирхема.

9.Саманиды. (Ахмед) ибн Исмаил. (Нисабур). хх7 г.х. 913-28/11410

10.Саманиды. Ахмед б. (Исмаил) Андераба. Год? Вес: 0,60 г. ОФ-1036/750. Нум.Ф.-13156

11.Саманиды. Ахмед б. (Исмаил) Андераба. Год? Вес: 0,60 г. ОФ-913/24. Нум.Ф.-11406

12.Саманиды. (Ахмад) ибн Исмаил. (Нисабур). 2х7 г.х. Вес: 0,91 г. Нум.Ф.-11410.

13.Саманиды. (Аль-Муктадир биллах. Исмаил) бин Ахмед. Аш-Шаш. Год? Вес: 0,90 г. ОФ-1036/748. Нум.Ф.-13154

14.Саманиды. Подражание. Аль-Муктадир биллах. Город? Год? Вес: 1,50 г. ОФ-1036/752. Нум.Ф.-13158

15.Саманиды. Аль-Муктадир биллах. Наср II бин Ахмед. Андераба. Год? Вес: 1,60 г. ОФ-913/20. Нум.Ф.-11402

16. Саманиды. Аль-Муктадир биллах. Исмагил бин Ахмед. Город? 295 г.х. Вес: 1,30 г. ОФ-913/21. Нум.Ф.-11403

17. Саманиды. Наср II б. Ахмед. Аш-Шаш. Год? Вес: 3,22 г. ОФ-781/6. Нум.Ф.-10346

18. Саманиды. Наср II б. Ахмед. Вес: 0,56 г. ОФ-75/1. Нум.Ф.-308.

19.Саманиды. бин Ахмед. Самарканд. Год? Вес: 2,30 г. ОФ-913/22. Нум.Ф.-11404

20.Саманиды. бин Ахмед. Город? Год? Вес: 0,80 г. ОФ-913/26. Нум.Ф.-11408

21.Саманиды. …. Ахмед. Город? Год? Вес: 0,74 г. ОФ-1129/137. Нум.Ф.-13821

22.Саманиды. бин Ахмед. Город? Год? Вес: 0,60 г. ОФ-913/27. Нум.Ф.-11409

23.Саманиды. бин Ахмед. Аш-Шаш. Год? Вес: 1,30 г. ОФ-1036/754. Нум.Ф.-13160

24.Саманиды. Ат – Таи биллах. Мансур II бин Нух II. Самарканд, год? Вес: 1,60 г.

25.Саманиды. Мансур II бин Нух. Балх. 37х г.х. Вес: 1,30 г. ОФ-781/1. Нум.Ф.-10341

26.Саманиды. Аш-Шаш. Год? Вес: 0,50 г. ОФ-1036/753. Нум.Ф.-13159

27.Саманиды. Аш-Шаш. Год? Вес: 0,20 г. ОФ-1036/755. Нум.Ф.-13161 Фольга.

28. Саманиды. Город? Год? Вес: 1,77г. ОФ-781/4. Нум.Ф.-10344

29.Саманиды. Город? Год? Вес: 1,43 г. Пробита. ОФ-913/31. Нум.Ф.-11413

30.Саманиды. Город? 2хх Вес: 1,10 г. ОФ-913/29. Нум.Ф.-11411

31.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,91г. ОФ-1129/139. Нум.Ф.-13823.

32.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,90 г. ОФ-913/33. Нум.Ф.-11415

33. Саманиды. Город? Год? Вес: 0,89 г. ОФ-913/32. Нум.Ф.-11414

34.Саманиды. Город? 37х Вес: 0,93г. ОФ-1129/138. Нум.Ф.-13822

35.Саманиды. Город? 34х Вес: 0,80 г. ОФ-913/30. Нум.Ф.-11412

36.Саманиды. Город? 3хх Вес: 0,70 г. ОФ-1036/756. Нум.Ф.-13162
37.Саманиды. Подражание. Вес: 0,70 г. ОФ-1036/759. Нум.Ф.-13165
38.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,64 г. ОФ-1036/758. Нум.Ф.-13164
39. Саманиды. Город? Год? Вес: 0,64 г. ОФ-668/289. Нум.Ф.-8801.
40. Саманиды. Город? Год? Вес: 0,60 г. ОФ-1036/757. Нум.Ф.-13163
41.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,57 г.
42.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,54 г. ОФ-913/34. Нум.Ф.-11416
43. Саманиды. Город? Год? 0,49 г. ОФ-825/287. Нум.Ф.-11148
44.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,46 г. ОФ-913/34. Нум.Ф.-11416
45.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,45г. ОФ-913/35. Нум.Ф.-11417
46.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,43г.
47.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,41г.
48.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,40 г. ОФ-913/25. Нум.Ф.-11407
49. Саманиды. Подражание. Вес: 0,40 г. ОФ-689/697. Нум.Ф.-9850
50.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,38 г. ОФ-913/35. Нум.Ф.-11417
51.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,38г.
52.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,37 г.
53.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,34 г. ОФ-1036/758. Нум.Ф.-13164
54.Саманиды. Правитель? Город? Год? Вес: 0,30 г. ОФ-1036/751. Нум.Ф.-13157
55.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,29 г. ОФ-913/35. Нум. Ф.- 11417
56.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,29 г.
57.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,27 г. ОФ-1036/758. Нум.Ф.-13164
58.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,25 г. ОФ-951/30. Нум.Ф.-12420
59.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,23 г.
60.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,17 г. ОФ-1036/758. Нум.Ф.-13164
61.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,17 г. ОФ-913/35. Нум.Ф.-11417
62.Саманиды. Город? Год? Вес: 0,14 г. ОФ-913/35. Нум.Ф.-11417

Бувейхиды

63.Бувейхиды. … ад Дауле. Город? Год? Вес: 4,45 г. ОФ-781/5. Нум.Ф.-10345
64.Бувейхиды. Город? Год? Вес: 0,40 г. ОФ-1036/760. Нум.Ф.-13166

Приложение 2

Западноевропейские денарии из округи Болгар

№	Страна	Правитель	Город	Дата	Литература	Место находки	Вес, Д.
1	Англия	Этельред II		978-1016	Беговатов 2012. С.24 Рис.1.3	VI Рождественское селище	В=1,29 Д=20
2	Венгрия			1000-1038	Лебедев 2012, с.160	Арбузовское селище	
3	Германия	Оттон I		936-983		Болгар	
4	Германия	Оттон III	Майнц	996-1002	Лебедев 2012, с.161; Рис.3.7	Старомайнские селища	В=1,45; Д=18
5	Германия	Оттон и Адельгейда		981-995	Беговатов 2012. С.24 Рис.1.1	Измерское селище	В=1,17 Д=17
6	Германия	Оттон и Адельгейда		983-1002		В составе клада Крещенный Баран	В=1,98
7	Германия	Герцог Ордульф (Оттон)		1059-1071	Фед.-Дав. 1984; Никитина 2002	Дубовский могильник	
8	Германия	Граф Альберт	Намюр	1037-1105	Казаков 1991	Измерское селище	
9	Германия	Генрих III	Саксония	1047-1058	Беговатов 2012. С.24	VI Рождественское селище	В=0,75 Д=17
10	Германия	Генрих III	Саксония	1047-1058	Беговатов 2012. С.24	VI Рождественское селище	
11	Южная Германия.		Епископство Леймус.			Болгар. Раскоп CXXIII, уч. к/5, шт.6, гл.120, сл.IV. ОФ. 932-651/12225.	
12	Дания			1047-1075	Казаков 1991	Семеновское селище	

Приложение 2

Западноевропейские денарии из округи Болгар

13	Дания	Свен Эстридсен	Лунд	1047-1075	Беговатов 2012. С.24 Рис.1.2	Семеновское селище	В=0,68 Д=17
14	Чехия			972-999	Лебедев 2012, с.160	Арбузовское селище	
15	Тмутараканское подражание византийским милиарисиям			988-1000	Лебедев 2012, с.160	Арбузовское селище	
16	Подражание по типу Гронингем	Епископ Бертольд		1027-1054	Казаков 1991	Измерское селище	
17	Подражание западноевропейскому денарию.		Брактеат	X-XI	Добровольский 2004	В составе клада Крещенный Баран	В=0,24
18	Подражание западноевропейскому денарию.					Болгар	

Болгарское городище с указанием местонахождения монет (на основе плана 1952 г.).

○ 1-17 Местонахождение куфических монет

□ 1-9 Местонахождение ранне-европейских монет

△ Иноземные монеты XIII в.

УДК 623.11 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00091

О БУЛГАРСКИХ ГОРОДИЩАХ ЗАПАДНОГО ЗАКАМЬЯ

© 2019 г. А.М. Губайдуллин

Статья посвящена обзору сведений по некоторым городищам домонгольского времени, расположенным на территории Западного Закамья, обследованием и изучением которых много лет занимался Е.П. Казаков. Здесь рассматриваются разнообразные условия ландшафта данной территории, оказавшего существенное влияние на размещение укрепленных поселений различных типов. В первую очередь, это касается памятников Волжской Булгарии домонгольского периода, напрямую связанных с возникновением и становлением Булгарского государства, а также с политическими событиями и потрясениями тех времен. Их изучение позволило получить незаменимую информацию о военном зодчестве, планировке, хронологии и характере самих городищ, чье правильно продуманное распределение на местности не только служило целям самообороны, но и способствовало успешному функционированию сельской округи.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Западное Закамье, укрепленные поселения, фортификация.

Регион Западного Закамья занимает обширную местность, расположенную к югу от долины р. Камы и к востоку от р. Волги. Он представлял собой самую значительную по площади территорию Булгарского государства, на которую приходилась его центральная часть с основными памятниками домонгольского времени. Она выделяется среди остальных районов Среднего Поволжья равнинным характером местности со слабо выраженной овражной сетью (Воробьев, 1957, с. 132). Северная его часть имеет развитую речную систему, представленную слиянием крупнейших рек Восточной Европы Камы и Волги, а также их притоков – Утки, Бездны, Ахтая, чьи бассейны «создают значительные поверхностные перепады» (Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986, с. 5).

Закамье, состоящее в основном из равнин, всегда было наиболее благоприятным для проживания и ведения сельского хозяйства. Это предопределило довольно равномерное распределение булгарских городищ домонгольского периода на всей территории региона. Основная их часть находится в бассейнах рр. Большого и Малого Черемшана, Шешмы, Ахтая, Бездны, Сульчи. Данные укрепленные поселения покрывали своеобразной сетью всю местность, контролируя сельскую округу. В свою очередь, подобная равномерность распространения городищ как нельзя лучше служила обороне всей территории.

Интерес к памятникам фортификации этого региона возникает с наступлением XVIII в. Первые известия об оборонительных сооружениях Болгарского городища относятся к 1712 г. и связаны с построением Болгарского Успенского монастыря. В это время «дьяк Андрей Михайлов, приехав на то прежде бывшее Болгарское городище, древнее строение, что в окружном земляном валу ныне есть, описал» (Невоструев, 1871, с. 528). Сделанная им выписка из межевых книг Успенскому монастырю явилась началом накопления исторических сведений по памятникам, расположенным на данной территории. Затем В.Н. Татищев, основываясь на целом ряде русских летописей, упомянул некоторые укрепленные поселения Волжской Булгарии, указав примерные сведения об их месторасположении (Татищев, 1964). Это позволило опираться на них последующим исследователям при выявлении и идентификации поселенческих памятников, а также давало некоторое представление по их пространственному размещению.

Археологические памятники Закамья продолжали привлекать внимание различных специалистов. Так наряду с некоторыми городищами, описание крепостных валов Болгара в 1765 г. сделал А.И. Свечин, который проводил ревизию лесов в Поволжье (Борисов, 1898; Саначин, 2018, с. 117, 121). Кроме этого, особый вклад в исследования укрепленных поселений региона внесли и академические экспедиции (Паллас, 1773; Полное собрание ученых путешествий по России: Записки путе-

шествия академика Лепехина, 1821; Рычков, 1770). Несколько позднее на базе собранных в конце XVIII – начале XIX в. К.С. Милковичем сведений, основанных на результатах Генерального межевания, появляется информация о нескольких десятках археологических памятниках. Так, например, были отмечены Кокрятьское, Старокамкинское, Балымерское, Старонохратское I, Коминтерновские I–II и другие городища (приведены современные названия) (Борисов, 1898, с. 497–518). Для территории Среднего Поволжья важнейшим вкладом в изучении булгарских городищ стала книга С.М. Шпилевского «Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии». В ней были собраны все имеющиеся сведения по известным к тому времени поселениям (Шпилевский, 1877). В конце XIX в. публикуется работа А. Обрезкова, где автор уделил внимание описанию оборонительных линий Кураловского (Старокуйбышевского) городища (Обрезков, 1892).

В начале XX в. в Известиях ОАИЭ была опубликована статья, посвященная актам Генерального межевания. В ней автор, С.И. Порфирьев, основываясь на данных документах, а также карте Генерального штаба, попытался уточнить имеющиеся сведения по древностям Казанского края, а также довольно подробно дал описание местонахождения некоторых городищ и их укреплений (Порфирьев, 1904, с. 6–14). Кроме того, он выявил и памятники, которые к тому времени уже не сохранились или позже были «забыты» исследователями. Например, ранее считалось, что укрепленные поселения у современного поселка Коминтерн, расположенного в Спасском районе РТ, открыты относительно недавно. Однако в процессе работ по Генеральному межеванию такие исторические объекты, как городища, не могли быть не замечены и, тем более, не отмечены. Это и подтверждается нижеследующим: «По сторонам р. Ахтая верстах в 2–3 ниже по течению от дер. Измери (Христофоровки) в атласе изображены два городка, в расстоянии не более полуверсты один от другого, оба четвероугольного очертания, каждый обведен чертой вала только с трех сторон» (Порфирьев, 1904, с. 8). К сожалению, все эти сведения долго не были введены в научный оборот. Лишь через 100 лет, в конце XIX – начале XX в. их опубликовали В.Л. Борисов и С.И. Порфирьев. Несколько позже, в 1949–50-х гг. под руководством Н.Ф. Калинина также проводились наиболее крупномасштабные археологические работы. Его экспедициями были обследованы и описаны многие древние и средневековые укрепленные поселения различных хронологических периодов, в том числе и памятники Волжской Булгарии (Калинин, 1952, с. 58, 63; Халиков, 1951, с. 119–120). Начиная с 60-х гг. и на протяжении нескольких десятилетий Е.П. Казаковым стали проводиться исследования археологических памятников, в том числе и булгарских городищ, расположенных на данной территории (Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986; Казаков, Старостин, Халиков, 1987). К их числу относятся, например, «Девичий городок», Коминтерновское II и Кураловское (Старокуйбышевское) городища, а также многие другие памятники, расположенные в зоне Куйбышевского водохранилища.

С 80-х – 90-х гг. XX в. археологическими экспедициями И.Л. Измайлова и А.М. Губайдуллина стали целенаправленно обследоваться некоторые городища, расположенные на территории Западного Закамья, например Бураковское I, Кураловское (Старокуйбышевское), Гусихинское, Коминтерновское II и др. (Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 78–89; Губайдуллин, 1999, с. 140–142; Кавеев, Губайдуллин, 2003, с. 203–204; Губайдуллин, 2012, с. 250–253). Все полученные в ходе работ материалы существенно дополнили имевшиеся сведения по булгарским укрепленным поселениям. Удалось исследовать не только разновременные памятники, но и разнотипные: по социальному статусу, по расположению на местности, по количеству и характеру оборонительных линий и др.

Многие булгарские городища этого региона относятся к неподчиненным рельефу местности. Они имели подквадратную или округлую в плане форму, что не свидетельствует о присутствии в такой планировке кочевнических традиций, т.к. по правилам строительства фортификационных сооружений на ровной местности должны строиться «правильные» по форме крепости и крепостные постройки. Такая конфигурация всегда являлась наиболее оптимальной для их обороны (Бусмар, 1818, с. 159). В данном случае прослеживается непосредственное влияние рельефа на тип любого укрепленного поселения во время его строительства. Кроме того, городища домонгольского периода, примы-

кающие одной стороной к обрыву или краю террасы, являются наиболее ранними по времени возникновения, т.е. все булгарские памятники подобного типа датируются не только домонгольским периодом, но и первой его половиной, а точнее X в. Не исключено, таким образом, что похожие планировочные особенности могут являться одним из датирующих факторов при определении времени возникновения того или иного укрепленного поселения. У таких городищ форма укреплений состояла, в основном, из исходящих углов. Чаще всего их величина равна 150–160 градусам, а расстояние между изломами колеблется обычно от 20 до 60 м. Такой военно-инженерный расчет во время строительства использовался применительно к каждому отдельно взятому городищу. Это зависело от рельефа прилегающей территории – как непосредственно, так называемые «эспланады», так и значительно более отдаленной.

В качестве одних из показателей типов военно-оборонительных сооружений домонгольского периода в Закамье можно привести Коминтерновское II, «Девичий городок» и Кураловское (Старокуйбышевское) городища.

Коминтерновское II городищенаходится в левобережье р. Камы. Оно расположено на краю высокой обрывистой террасы высотой 16–18 м. С трех сторон поселение ограждено линией обороны ломаной формы в виде двух валов и двух рвов общей шириной ок. 30 м (рис. 1). Высота внутреннего вала – 2–2,5 м, внешнего – 1–1,5 м. Ширина 10–12 м и 6–8 м. соответственно. Ширина внешнего рва – 4–5 м, глубина – 0,8–1 м; ширина внутреннего – 6–7 м, глубина – 1,5 м. В настоящее время площадь памятника составляет только около 3,5 га (ранее памятник занимал территорию в 4,48 га), т. к. он ежегодно разрушается водохранилищем.

Судя по найденному в процессе исследований археологическому материалу, Коминтерновское II городище возникло не позже начала – первой половины X в. и существовало до середины – второй половины XIII в. Сама планировка памятника несет в себе традиции довольно раннего времени, к которым относятся как строительство укрепленных поселений на ровной местности, так и расположение их у края террасы, берега или обрыва.

Фортификационные сооружения нами были изучены в западной части поселения – внутренний и внешний валы, а также внешний ров. Проведенные исследования внутреннего вала позволили проследить несколько слоев, из которых состояла насыпь. Общая мощность их достигала на раскопе 220 см. Остатков внутривальных деревянных конструкций, а также каких-либо находок выявлено не было. Однако в профилях стенок были прослежены следы в виде канавок от каких-то ранних оборонительных сооружений. Кроме того, с внутренней стороны оборонительной насыпи в ходе работ выявилась траншея шириной 155–170 см и глубиной около 85 см от современной поверхности, которая прослеживается от обрыва реки вдоль внутренней стороны вала. Назначение ее неясно. Возможно, она образовалась вследствие выборки грунта для подсыпки оборонительной насыпи или же в дренажных целях.

Изучались также и внешняя линия укреплений памятника. Раскоп площадью 36 кв. м был разбит в западной части городища на внешнем валу в 48 м к югу от обрыва к р. Кама. Исследования его позволили проследить несколько слоев, из которых состояла насыпь. Общая мощность их достигала на раскопе 170 см. В самом тулове вала в северной и южной стенках раскопа были выявлены три ямы, являвшиеся следами от находившихся здесь деревянных конструкций. Глубина их (по северной стенке – 213, 195 и 197 см от 0, ширина – 25, 30 и 35 см, (по южной стенке – 211, 201 и 203 см, ширина – 25, 40 и 45 см). Заполнением их служила темно-серая рыхлая супесь. С внешней стороны оборонительной насыпи во рву была также выявлена дренажная канавка шириной в верхней части 70 см.

Основываясь на результатах исследований, можно, предположительно, реконструировать оборонительные сооружения городища следующим образом: вдоль внешней насыпи проходила стена, устроенная в виде тыновой ограды, возможно с боевой площадкой позади. На внутреннем же валу стояла более мощная конструкция, которая представляла собой городни. Кроме того, на прилегающей к укреплениям внутренней территории не было выявлено никаких следов других построек, что в очередной раз может говорить о специально оставленном свободном пространстве – прообразе т.н. «военной дороги».

Следующее укрепленное поселение, городище «Девичий городок», располагалось на возвышенной надлуговой террасе левого берега р. Кама (рис. 2). Сейчас оно уже полно-

стью разрушено Куйбышевским водохранилищем. Площадь, занимаемая им, составляла около 0,8 га. Его укрепления состояли из вала шириной 10–12 м и высотой до 1,5 м, и рва глубиной 1 м и шириной 6–7 м. В линию обороны входили и округлые бастионообразные выступы в виде четырех возвышений.

Исследования линии обороны памятника были проведены только во второй половине 70-х гг. XX в., когда уже сохранялось лишь два башнеобразных выступа и только один из них раскапывался в процессе работ. П.Н. Старостиным во время его исследований была выявлена насыпь, сложенная из темно-серой супеси с включением красноватого суглинка и имевшая мощность до 60 см, а также диаметр около 16 м. Оборонительный ров, окружавший выступ, имел ширину около 4 м и глубину около 1,5 м. Кроме того, его контр-эскарп был облицован кусками известняка для предохранения склона от оплыва. В процессе изучения центральной части насыпи выявлено более 50 ямок с остатками древесной трухи. По мнению П.Н. Старостина, основная их часть служила для крепления грунта под фундамент деревянной башни, вынесенной за пределы стен. Как считал исследователь, время функционирования данного укрепленного поселения относится к XI–XII вв. (Старостин, 1985, с. 35–37, 38).

Тип укреплений «Девичьего городка» довольно оригинален по сравнению с другими оборонительными сооружениями Волжской Булгарии. Судя по аэрофотоснимку, сделанному до разрушения памятника Куйбышевским водохранилищем, в северо-западном углу городища существовал тип проезда, получивший в военно-инженерной науке римлян название clavicula (Буйских, 1991, с. 97). Он имеет ранние аналогии на городищах Средней Азии, а также позднеантичных крепостях и представляет собой принцип, при котором концы вала заходят друг за друга, тем самым образуя относительно небольшой коридор – тип перибола. В этом месте линия вала, подходя с востока, поворачивала под тупым углом внутрь площадки памятника, тогда как с запада вал также под таким же углом был повернут в напольную сторону, тем самым образовывался коридор шириной до 4 м и длиной до 10 м. Кроме того, место данного проезда располагалось в непосредственной близости от края террасы, со стороны р. Камы, т. е. в дополнение к искусственным сооружениям для защиты ворот городища была использована и т.н. «естественная фортификация». Вынос же узлов обороны в виде башнеобразных выступов за пределы основной линии стен позволял вести фланкирующий обстрел подступающего противника. Каким же образом осуществлялась связь площадки поселения с ними остается невыясненным. По-видимому, это происходило при помощи перекидных мостков. Косвенным подтверждением такого устройства могут быть более поздние по времени (1650 г.) оборонительные сооружения Хотмыжска, располагавшегося на Белгородской черте, где крепостные башни также были вынесены за пределы основных укреплений, соединяясь с ними по верху (Носов, 2017, с. 131, рис. 6). Некоторые ранние аналогии этому городищу имеются в Средней Азии, а также среди отдельных раннесредневековых угорских городищ Южного Урала и Зауралья (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, с. 439; Генинг, Евдокимов, 1969; Чиндина, 1991, с. 146). Предположительно, последнее может говорить и о происхождении строителей «Девичьего городка», т.к. известно, что угорское население принимало активное участие в сложении Булгарского государства, особенно в домонгольское время (Казаков, 2007).

Кураловское (Старокуйбышевское) городище расположено в петле р. Бездна левого притока р. Кама. Изначально занимаемая им площадь достигала 1,7 га (рис. 3). Памятник имел несколько оборонительных сооружений, однако после создания Куйбышевского водохранилища большая их часть была разрушена. С напольной северной стороны поселение ограждалось рвом и валом шириной 18 и 20 м соответственно. Несколько южнее проходила еще одна линия укреплений, состоявшая также из рва и вала 10 и 16 м шириной. Вдоль восточной стороны по краю площадки располагался также и дополнительный вал. Сохранившиеся до нашего времени южные укрепления состоят из рва и вала. Памятник возник не ранее XI в. и существовал до второй трети XIII в., когда он погиб в результате политических потрясений, связанных с монгольским нашествием.

Во время охранно-спасательных работ И.Л. Измайловым и автором была исследована оборонительная насыпь сохранившейся части укреплений. В процессе раскопок удалось проследить сложную стратиграфиче-

скую картину, которая показала, что вал городища состоял из нескольких разновременных насыпей. Во время раскопок удалось проследить, что внешняя отлогость вала была обмазана глиной и обожжена, что было сделано для предотвращения сползание грунта в ров. Кроме того, с внешней стороны рва линия укреплений имела и хорошо прослеживаемую гласисообразную насыпь.

Во время исследований были обнаружены также и остатки деревянных конструкций. Они выявились в яме, имевшей ширину до 1,5 м и глубину 1,1 м, которая прорезала напластования вала вплоть до погребенной почвы. Установленные в ней конструкций представляли собой вертикально вбитые столбы диаметром 10–15 см и длиной 0,8–1,1 м. Наиболее мощными они были во внешней южной части вала. Непосредственно же над ними располагались горизонтально лежащие бревна, которые образовывали клеть 2×2 м. В верхней части насыпь была прокалена и перекрыта небольшой до 5 см линзой темного суглинка, насыщенного древесным тленом и углем. По-видимому, он явился следом от сгоревших надземных крепостных сооружений.

На основе полученных данных, можно констатировать возникновение первых земляных укреплений южной части городища, скорее всего, в XII в. Они состояли из невысокой оборонительной насыпи и рва, и, судя по нескольким углистым прослойкам, включали также какие-то надвальные конструкции. Данная насыпь использовалась довольно долго и неоднократно обновлялась, о чем может говорить отложившийся на ней значительный слой. В конце XII или начале XIII в. укрепления были перестроены. В этот период внутрь насыпи вала происходит заглубление деревянных клетей. По-видимому, они являлись связками горизонтальных бревен, которые шли по верху вдоль всей линии обороны. Данный тип укреплений можно отнести к городням, который довольно типичен и для древнерусского оборонительного зодчества (Раппопорт, 1961, с. 113–134). Он находит себе аналогии во многих деревоземляных сооружениях и, в частности, в синхронных линиях обороны городища Слободка XII–XIII вв. (Никольская, 1987, с. 31).

Существующее в литературе мнение, что прекращение существования поселений, в том числе и укрепленных, в первой половине–середине XIII в. на территории Закамья связано с их разорением во время монгольского нашествия. Однако совсем не обязательно соотносить запустение многих из них со штурмом, последующим разграблением и сожжением монгольскими войсками. Судя по археологическим исследованиям, на целом ряде булгарских городищ отсутствуют следы погрома и пожаров, которые могут об этом свидетельствовать. Скорее всего, значительная доля поселений не оказывала сопротивления завоевателям. Особенно это касается небольших городов и замков. Последующее же прекращение жизни на них можно связать с изменившимися в тот период времени экономическими, торговыми и политико-административными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 110 с.

Борисов В.Л. Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1898. Т. XIV. Вып. 5. С. 572–576.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). К.: Наукова думка, 1991. 160 с.

Бусмар [Г-И.] Общий опыт фортификации или науки военного укрепления с атакою и обороною крепостей в котором обе сии науки объяснены одна другою для употребления всех военных людей. СПб.: Типография Н.И. Греча, 1818. 326 с.

Воробьев Н.И. Западное Закамье // Очерки по географии Татарии. Казань: Татполиграф, 1957. С. 132–134.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв. н.э.) // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1969. Вып. 8. С. 102–127.

Губайдуллин А.М. Укрепления городищ Волжской Булгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 139–145.

Губайдуллин А.М. Коминтерновское II городище // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012. С. 250–253.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. 496 с.

Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 79–89.

Кавеев М.М., Губайдуллин А.М. Археологические работы на IV Кожаевском селище и Бураковском I городище // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности Вып. 36. / Отв. ред. и сост. А.А. Бурханов. М.; Казань: Gumanitarya, 2003. С. 203–204.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. 240 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. М.: Синодальная тип., 1871. Т. II. 121 с.

Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 185 с.

Носов К.С. Нетривиальные древо-земляные оборонительные конструкции Московского государства // ВИФ. 2017. № 6. С. 127–134.

Обрезков А. Следы древнего поселения в окрестностях г. Спасска Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1892. Т. X. Вып. 2. С. 149–154.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1773. Ч. I. 786 с.

Полное собрание ученых путешествий по России: Записки путешествия академика Лепехина. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1821. Т. 3. 552 с.

Порфирьев С.И. Древности казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1904. Т. XX. Вып. 1-3. С. 1–16.

Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. / МИА. № 105. Л.: Наука, 1961. 244 с.

Рычков Н.[П.] Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1770. 189 с.

Саначин С.П. Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 288 с.

Старостин П.Н. Об остатках башен "Девичьего городка" // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 34–41.

Татищев В.Н. История Российская. М.–Л.: Наука, 1964. Т. III. 340 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1991. 184 с.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

BOLGAR SETTLEMENTS OF WESTERN TRANS-KAMA REGION

A.M. Gubaidullin

The article features a review of information on a number of pre-Mongol settlements located in the territory of Western Trans-Kama, which for many years has been the subject of surveys and studies of E.P. Kazakov. It considers the various conditions of the landscape in this territory, which significantly influenced the arrangement of various fortified settlements. First of all, this concerns the monuments of pre-Mongol Volga Bolgaria directly related to the establishment and development of the Bolgar state, as well as to the political events and turmoils of these periods. Their study has provided essential information on the military architecture, planning, chronology and nature of the ancient settlements with their elaborate distribution across the territory, which not only served the defensive purpose, but also contributed to successful operation of the rural area.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Western Trans-Kama region, fortified settlements, fortification.

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

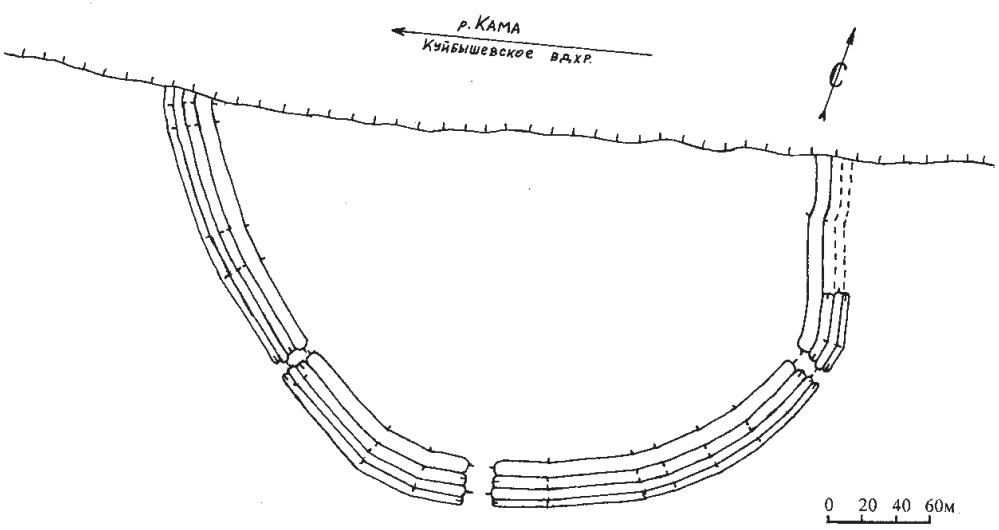


Рис. 1 План Коминтерновского II городища.

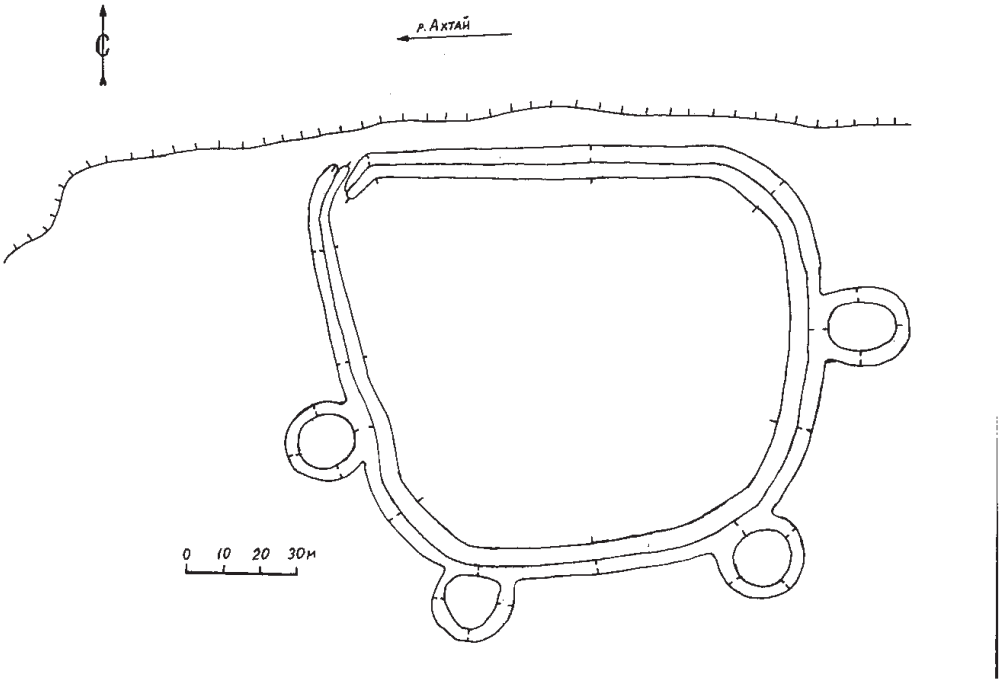


Рис. 2 План городища «Девичий городок».

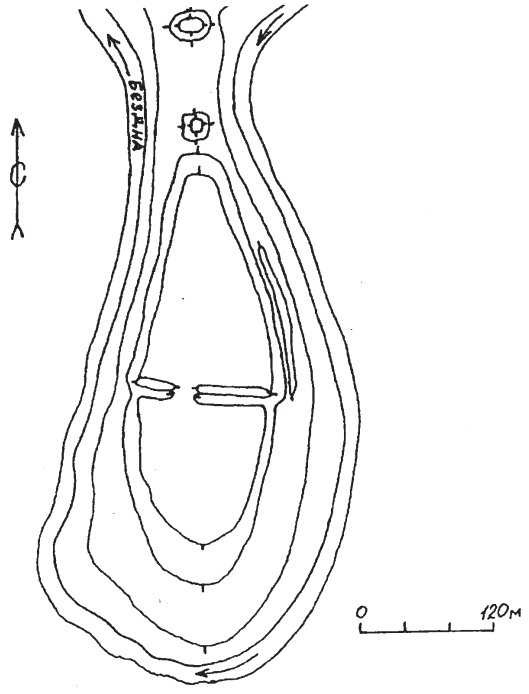


Рис. 3 План Кураловского (Старокуйбышевского) городища.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00092

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ПЕРСТНЯ ИЗ РАСКОПОК В БОЛГАРЕ 2010 ГОДА

© 2019 г. В.С. Баранов, И.Л. Измайлов

Статья посвящена вопросам атрибуции уникального серебряного перстня, найденного на территории Болгарского городища во время охранно-спасательных археологических работ. Авторами исследуются морфологические, иконографические, типологические характеристики предмета, устанавливается круг его аналогий и хронологические координаты бытования. Проводится мысль о знакомстве создателей перстня с произведениями киевской школы, византийских торевтов и восточных мастеров ювелирного дела. Выдвигается гипотеза об отнесении находки производству владимирских мастеров-сереброделов.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, Болгарское городище, черневое дело, гравировка, золочение, чернение, атрибуция, интерпретация.

Любовь – лев без обмана и хитростей,
а не лиса в один момент и леопард – в другой.
Когда Любовь приносит наполнение за наполнением,
дух освобождается от этого темного и тесного тела.

Джалаладдин Руми XIIIв.

Перстни являются важной частью культуры общества, знаком богатства и многозначным символом власти и могущества. В средневековом мире как на Востоке, так и на Западе перстни использовались в качестве символа статусной принадлежности его владельца, часто разделяясь по типу металла, из которого они изготовлены. Перстни-печатки носили аристократы и вообще представители сословных верхов, представлявшие власть и в качестве управляющих какими-либо владениями, а их перстни являлись не просто предметом украшения. Они носили важные функции – удостоверять личность и статус владельца, а также являлись печатью, заменявшей личную подпись ее владельца. Вполне очевидно, что значительную часть перстней-печатей носили на плоской поверхности своих щитков изображения родовых символов, знаков или гербов. Как правило, производство этих изделий было сосредоточено в руках привилегированных ювелиров, обслуживающих правящую элиту общества.

Волжская Булгария в этом отношении ничем не отличалась от других средневековых государств Евразии. С территории булгарской культуры происходит значительное количество перстней различных типов и форм. Важно отметить, что это обстоятельство сближает булгарскую культуру с Русскими княжествами и отличает от окружающих культур, где перстни встречаются довольно редко. Среди находок перстней выделяется группа сравнительно многочисленных находок перстней с чернением и гравировкой. Они являются заметной группой находок на территории Волжской Булгарии, в том числе и на Болгарском городище (подробно см.: Руденко, 2015, с. 50–51, табл. А). Изучению этих изделий (технология, типология, атрибуция и хронология) посвящены работы Г.Ф. Поляковой, К.А. Руденко, Е.А. Беговатова (Полякова, 1996, с. 176–179; Руденко, 2007, с. 130–140; Руденко, 2015, с. 68–70; Руденко, Е.А. Беговатов, 1994, с. 49–51). Находка подобного перстня в составе Спасского клада 1869 г. рассмотрена в обобщающей работе по черневому делу Древней Руси Т.И. Макаровой (Макарова, 1986, с. 43, рис. 16, № 67).

Происхождение этих изделий уже достаточно давно вызывало споры. Еще А.П. Смирнов в своих ранних работах, уделяя большое внимание проблемам русско-болгарских связей в сфере материальной культуры, отмечал, что именно в ювелирном деле эти контакты находят наиболее яркое выражение, что выразилось в идентичности технических приемов и форм изделий (Смирнов, 1948, с. 108). Подобного мнения придерживалась Т.И. Макарова, которая, основываясь на находках ювелирных предметов «явно гибридного облика (обручей) в северо-восточных районах», пишет о вероятности работы в Болгаре мастеров-серебряников из Владимиро-Суздальской Руси (Макарова, 1986, с. 121).

Свои возражения такой интерпретацией истоков производства этих изделий как русского на примере серебряного черненого перстня с изображением крина из Болгарского клада 1869 г., высказала М.Д. Полубояринова, которая отметила, что подобная форма перстней характерна и для болгарского ювелирного искусства домонгольского периода, а изображение крина не является «специфически русским орнаментом». Тем самым она обратила внимание коллег на тот факт, что само по себе изображение недостаточно для определения мастерской (русской или булгарской), где были изготовлены подобные перстни, а само булгарское и русское ювелирное ремесло недостаточно изучено, чтобы трактовать вопросы о подобном взаимовлиянии (Полубояринова, 1993, с. 29–30).

Группе черневых изделий (среди которых также известна большая группа перстней), находки которых территориально связаны с регионами Зауралья, Предуралья и Западного Заволжья, посвящены работы Н.В. Федоровой, Г.Н. Белорыбкина, А.М. Белавина, Савельевой, К.А. Руденко (Федорова, 1991; Савельева, 1991, с. 95–110; Белавин, 1992, с. 142–147; Белорыбкин, 2001; Руденко, 2006, с. 91–113).

Обобщение большого источниковедческого материала (в основном из музейных собраний) позволило перейти к их комплексному изучению на предмет технологии их производства. По мнению К.А. Руденко, к характерным признакам булгарских черненых вещей относятся: 1. использование черни только при изготовлении изделий из серебра; 2. ограниченный ассортимент изделий, из которых наиболее массовой категорией являются перстни; 3. стандартизированность продукции как по форме, так и по декору; 4. использование черни преимущественно по гравировке (для перстней), реже частичное чернение по гравировке и, в единичных случаях, золочение. Полное покрытие фона чернью прослеживается только в нескольких случаях; 5. отсутствие в булгарском ювелирном деле домонгольского времени сочетания чернения с золочением; 6. стандартность композиции и сюжетов изображений; 7. попытки замещения чернью других технологических приемов декорирования изделий, например, инкрустации. Булгарские ювелиры, работавшие с чернью, отдавали предпочтение цельнокованым пластинчатым изделиям, практически не используя литые или сборные заготовки (см.: Руденко, 2015, с. 77).

Тем не менее, многие вопросы, касающиеся как технологии производства этих изделий, так и семантики их изображений остаются не выясненными. Поэтому каждая новая находка, полученная из раскопок с явным археологическим контекстом, датировкой и характерными техническими и изобразительными особенностями, являются важными и вызывают интерес. Развернувшиеся в 2010 г. на территории Болгарского городища работы по благоустройству Болгарского государственного заповедника, проводимые по программе Республиканского фонда «Возрождения памятников истории и культуры РТ», сопровождались значительными археологическими охранно-спасательными раскопками. В частности, исследования были проведены в северо-западной части городища, на мысу коренной волжской террасы в районе ул. Мухаммедьяра (бывшая ул. Набережная) современного села Болгары (Спасский район РТ), где предполагалось построить здание Речного вокзала и археологического музея. В результате раскопок здесь были изучены объекты, относящиеся к различным этапам жизнедеятельности средневекового города Болгара и русского села Болгары – Успенское (Археологические исследования..., 2011, с. 14–16).

Изучение стратиграфии раскопа позволило выявить здесь культурные напластования русского села XVIII–XX вв., золотоордынский слой Болгарского городища середины XIII – первой трети XV в. (IVслой с.ш.г.), который сверху перекрывается хорошо различимой прослойкой рыхлой сажистой супеси, обычно связываемой с пожаром 1431 г., а также подстилающий золотоордынские отложения слой домонгольских напластований XI – первой трети XIII в. (V слой с.ш.г.) (Хлебникова, 1987, с. 45).

В результате исследований было получено большое количество находок, характеризующих различные стороны жизни средневекового города на данном участке его территории. Среди прочих иных материалов освоение площадки мыса иллюстрирует находка уникального перстня с гравированным зооморфным изображением.

Перстень найден в северной части мысовидного выступа коренной волжской террасы. Место находки локализовано в Секторе

Центральный 3 раскопа CXLIX, на глубине 20 см от дневного уровня раскопа, в культурных отложениях слоя русской деревни (рис. 1). По всей видимости, предмет был переотложен в процессе хозяйственной деятельности из домонгольских напластований культурного слоя городища, которые на раскопе CXLIX характеризуются как серый плотный супесчаный грунт с мелкими вкраплениями угля, отличающийся определенной однородностью. Место находки в домонгольское время, периода складывания V слоя Болгарского городища, – это территория периферии Болгара, западной окраины городского посада, расположенной вдали от городских укреплений – так называемого «замошного вала», сооруженного в конце XII – начале XIII в. Этот район может характеризоваться разряженной застройкой, и, вероятно, частично связан с сельскохозяйственным характером землепользования.

Перстень изготовлен из белого металла (серебра), вероятно, комбинированным способом с применением техник литья, пайки, ковки. Оформлен гравированными изображениями, чернением и позолотой (рис. 2). Предмет может быть соотнесен с типом печатных фигурно-срединных (Недошивина, 1967, с. 262), печатных (Седова, 1981, с. 137–139) или щитково-срединых перстней (Полякова, 1996, с. 176–178), а также с черневыми перстнями с шестиугольным щитком (Макарова, 1986, с. 43–44).

Щиток объемный, внутри пустотелый. Изготовлен в виде полой коробочки шестиугольной формы глубиной 0,3–0,4 см, с внутренней стороны прикрытой тонкой серебряной пластиной, выполнявшей роль своеобразной крышки, закрывающей пустое пространство между нею и лицевой частью щитка. На внутренней стороне щитка видна насечка из пересекающихся по диагонали линий (рис. 3: а, в). Длина грани 1,3 см. Размеры щитка по оси шинки и перпендикулярно ей: 2,3×2,3 см. Коробочка щитка усилена на каждом из углов шестиугольника поперечными ребрами (рис. 3: а1), которые в плане видны как шарикообразные выступы. Объем имеют также и остальные части перстня: шинка и боковые откосы треугольной формы между шинкой и щитком. Шинка дугообразной формы, в сечении овальная, переходит в треугольные откосы, соединенные со щитком и усиленные снаружи поперечными и продольными рельефными ребрами. Расположение этих элементов – вдоль линии шинки, Т-образное (рис. 2: б1, в1). Оформление на шинке и откосах отсутствует. Высота шинки – 0,4 см, ширина – 0,2 см. Размеры ее дуги: от щитка – 2,3–2,4 см; по линии щитка – 2,4 см. С одной стороны видны следы шва соединения шинки с треугольным откосом, что является, вероятно, свидетельством подгонки дуги шинки под размеры пальца заказчика (рис. 3: а2, б).

По технологии изготовления перстня можно отметить, перстень коробчатой конструкции, изготовлен из проката по выкройке из металла толщиной менее 0,3 мм. Углы перстня усилены проволокой, выступающей поверх щитка. Выборка под чернь для лучшего крепления черни покрыта мелкими полушариками для увеличения площади соприкосновения. Орнамент и разделка черни сделана подрезным каламом (резцом, по которому бьют). По внешнему контуру черни поясок сделан плоским штихелем, методом дрожировки[1]. Для удобства ношения с внутренней стороны кольца припаяна пластина, закрывающая внутреннюю полость и предохраняющая палец от соприкосновения с тонкими поверхностями конструкции перстня. Края шинки перстня проколочены мягким бойком, до образования легкого валика и закругления нижней части шинки и краев, возможно, для уменьшения размера кольца[2].

Форма щитка сближает изделие с целым рядом древнерусских перстней, объединенных Т.И. Макаровой в третий тип, характеризующийся поделками с шестиугольным щитком. Чаще всего они происходили из кладов, найденных, в первую очередь, в Среднем Поднепровье (Киев, Княжья гора, Святое озеро и др.) (Макарова, 1986, с. 43, 113, табл. 2). Щитки многих из них объемные, оформлены по углам округлыми выступами. Техноло-

[1] **Дрожировка** – технический прием при выполнении гравировальных работ, заключающийся в нанесении удара болтштихелем и флахштихилем и получении ломаной линии путем переваливания режущей части штихеля с одного угла на другой (Словарь кузнечных терминов…).

[2] Технико-технологическая экспертиза проведена художником – реставратором по металлу, сотрудник музея «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан» Р.Ф. Мухаметшиным, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

гическая схема изделия также имеет сходство с перстнями из клада, найденного в 2009 или 2010 г. в Курской области у д. Большая Алешня. Эти перстни, как и другие украшения, входящие в состав клада, могли принадлежать знатной русской женщине второй половины XII – первой трети XIII в., и были спрятаны, по мнению исследователей, во время монгольского нашествия на земли Великого княжества Черниговского в 1239 г. (Шпилев, 2014, с. 297, рис. 3: 3–4).

Оформление щитка перстня из Болгара представляет собой рисунок, нанесенный тремя видами гравированных линий: а) из оттисков резца с зубчатым следом, образующим зигзаг (окантовка по периметру щитка); б) тонкая линия из треугольников, обращенных одной из сторон внутрь рисунка, а перпендикулярным к ней углом – наружу (внутренний рисунок); в) прочерченные линии без заметной невооруженным глазом детализации (могли использоваться для разметки рисунка) (рис. 4: а–в). Подобную комбинацию гравированных линий мы можем наблюдать на двустворчатых браслетах из Твери и Старой Рязани (Макарова, с. 11, рис. 4: 2, 5).

Первые два вида линий сделаны при помощи штихеля с зубчатым следом, третий, вероятно, инструментом, сходным с так называемой гравировальной (радирной) иглой, которой производилась разметка изображения.

В центре рисунка располагается фигура животного породы кошачьих, головой повернутого в правую сторону (рис. 5: а). Его изображение расположено перпендикулярно плоскости шинки таким образом, что, будучи надетым на один из пальцев правой руки, оно выглядит направленным по ходу движения носителя перстня. Животное представлено в схематичной манере, грубовато, но достаточно реалистично. У него крупное тулово, округлая голова с уплощенной макушкой и маленькими треугольными ушками. Тулово изображено в профиль, голова анфас под небольшим наклоном. Положение головы создает ощущение двойственной ее направленности: одновременно лицом к зрителю и в сторону хвоста (рис. 6: а). Черты звериной личины – нос, глаза, рот – показаны при помощи тонких гравированных линий (б). Одной линией переданы нос и глаза. Рот, отмеченный коротким горизонтальным штрихом, асимметричен, смещен в сторону, книзу, что придает морде грубовато-гротескное выражение. Контуры лап в основании до конца не прочерчены. Анатомические особенности тела – мускулатура спины, грудной клетки – показаны сочетанием горизонтальных и вертикальных гравированных линий с завитками, что сближает изделие с золотым перстнем из коллекции М.П. Боткина (рис. 7: в). Учитывая манеру исполнения изображения льва, авторы считали возможным отнести его к продукции восточных мастеров: «Учитывая сходство орнаментации перстня со львом из коллекции М.П. Боткина со многими перстнями древнерусских кладов, с одной стороны, и с ювелирными изделиями Востока – с другой, остается предположить исполнение его в Киеве восточным мастером» (Новаковская-Бухман, 2010, с. 229).

Сама семантика изображения льва весьма многозначна и имеет длительную историю бытования. В древности львы сочетали в себе солярные и лунные свойства, его храбрость и справедливость были неразделимы со свирепостью и жестокостью. Довольно давно львы стали зодиакальным и астрономическим символами. Первые изображения львов, осмысливавшихся как царственные звери, выполнявшие охранительные магические функции, известны в столицах древних царств в Хаттусе (Хеттское царство), Ниневии (Ассирия) и Вавилоне (Вавилония) (рис. 6: 1–5). С этого времени львы стали не просто царственными животными, но и символами силы и могущества, оказав важное влияние на формирование изобразительного канона этих животных (Блэк, 1976, с. 30–39).

В период средневековья подобные изображения львов известны по всему Ближнему и Переднему Востоку, странам Средиземноморья (рис. 7: 1–6). Композиции, включающие львов, встречается на многих архитектурных памятниках, бронзовых изделиях и росписях керамических чаш и тарелках в мусульманских странах Востока, включая Сельджукский султанат и его наследников (рис. 8: 1–6). Все это показывает, что подобный сюжет был широко распространен от Испании до Восточного Туркестана. Объясняется это общим наследием, идущим с глубокой древности. С течением времени само это изображение превратилось в довольно абстрактно-символическое, выработался определенный канон этого изображения, мало связанный с реалистичными рисунками. Практически

на всем Востоке львы предстают символом власти, закона, справедливости, силы и мощи.

В таком каноне нет смысла искать истоки и взаимовлияния в пределах не только Поволжья, но и Восточной Европы. Однако следует указать, что близкие по композиции изображения львов встречаются на перстне из Киева (Кондаков, 1896, табл. XV, 4, 5) (рис. 9: е), львицы с обруча из Твери (Даркевич, 1975, рис. 390а; Макарова, с. 140, № 214) (рис. 9: ж), гепарда или льва на некоторых поливных керамических чашах византийского производства из Феодосии и Азака (Кондаков, 1896, рис. 13; Дмитриенко, 2015, с. 448, рис. 1: 1–4), (рис. 9: д). Здесь характерным образом спина животного выгнута, передние лапы полусогнуты, задние – выпрямлены и напряжены. Хвост поднят вверх, с-образно завернут и завершен на конце полупальметтой. К этим изображениям примыкает изображение хищника с медальона на горле серебряной бутыли (Иран или Средняя Азия, XI – начало XII в.), найденной в Березовском уезде Тобольской губернии (Даркевич, 1975, с. 46–47, № 86, табл. 30, 4) (рис. 9: и). Представленный персонаж на перстне из Болгарского городища, выполненный в более спокойной манере, скорее всего, также можно отнести к ряду многочисленных изображений львов, который проник в страны Восточной Европы, в частности на Русь и в Булгарию вместе с цивилизацией и мировыми религиями. Тесные связи с Византией Древней Руси (Макарова, 1986, с. 19) и Сельджукидами вместе с Саманидами Булгарии (Даркевич, 1975) привели к активному освоению подобных сюжетов.

Значение изображения может осмысливаться в русле самых разных традиций: христианской (Шпилев, 2014, с. 293), геральдической, как на западе, так и на востоке (Лакиер, 1990, с. 39; Даркевич, 1976, с. 142), астрологической (Даркевич, 1976, с. 142). Все они подчеркивали особый статус изображений льва, и отражали или должны были отражать особое положение владельцев предметов, на которые эти изображения были нанесены.

На территории Болгарского городища группа предметов с изображениями львов и примыкающих к ним иконографическими изображениями барсов включает замки, изготовленные в виде фигурок этих животных, так называемые «печати» или весовые гири, изображения на перстнях, накладках и наконечниках ремней, монетах и фрагментах керамики, что может свидетельствовать о большой популярности этих изображений (Хлебникова, 1988, Полякова, 1996, рис. 61: 15, рис. 66: 35, рис. 77: 15–18; Федоров-Давыдов, 2003, табл. II: 19–21, 23, табл. XX: 283–285; Коваль, 2013, с. 9–43).

Различия между этими животными в изобразительной традиции часто минимальны. У барсов, изображаемых на древнерусских колтах и обручах, Т.А. Макаровой подмечены «высокие тонкие конечности с большими, только частично втянутыми когтями, грива на плечах у взрослых особей или пушистый мех на спине и боках у детенышей». Еще одна отличительная черта гепарда – глубокие ложбинки, идущие от уголков глаз к кончикам рта (Макарова. 1986, с. 19).

По своей стилистике, хотя и в сильно упрощенной манере, изображение животного на перстне схоже с некоторыми фигурами львов на стенах Дмитриевского собора во Владимире (так называемый «лев припадающий») (Вагнер, 1969, с. 268–274). Сходство можно увидеть в положении фигуры, прорисовке мышц лап и груди (рис. 10: б). Различие в положении хвоста, который у владимирских львов пропущен между задних лап, а у существа на перстне расположен над спиной. Личина сравнима с изображением львиных голов в клеймах чаши XII в. византийского производства, найденной вблизи Березова в Зауралье (Даркевич, 1975, рис. 152, 153) (рис.9: в), на перстне из Киева (Кондаков, 1896, с. 107, рис. 73; Макарова, 1986, рис. 16, № 88) (рис. 9: д), на пластине из погребения 74 могильника Заречное II в Нижегородской области (Мартьянов, 2001, табл. 18, 6; табл. 53, 2) (рис. 9: б). С образцом из могильника Заречное II наблюдается сходство в передаче анатомических подробностей, схематично намеченных гравированными линиями. Процветший или переходящий в плетение хвост, по мнению Т.И. Макаровой, «вряд ли можно считать результатом тяги к орнаментальности». Исходя из представлений многих европейских народов о том, что сила животного, в частности лошади, заключалась в хвосте, она считает возможным перенос этих воззрений и на других животных (Макарова, 1986, с. 19). Напряженная поза животного (выгнутый дугой корпус с полусогнутыми передними лапами и упертыми крепко задними) напоминает изображение на наконечнике от ремня

из Болгара, трактуемое как изображение льва (Полякова, 1996, рис. 66: 35).

Изображение зверя вписано в шестиконечную розетку. Ее лучи, упираясь в углы шестиугольника, изгибаются дугами, формируя по сторонам сегментовидные полукружия, в качестве оформления которых использовано чернение. Площадки для его нанесения были предварительно обработаны штихелем или иным инструментом, при помощи которого на поверхность щитка в этих местах нанесены неровности для лучшего удержания черни. Подобную организацию лакун орнаментального поля путем сегментирования мы можем наблюдать на черненых древнерусских перстнях с округлыми, шестиконечными и квадрифолийными щитками (Макарова, 1986, рис. 15, № 50, 51, 49, 65, 93, 95, 96, 99). Заключение центра композиции в четырехконечную или пятиконечную розетку применено при оформлении перстней с округлыми щитками (Макарова, 1986, с. 39, 40, рис. 15, № 50, 51, 49) (рис. 11: а–в). Оформление центра композиции шестиконечной розеткой можно увидеть на одном из медальонов барм из Исад (так называемое «суздальское оплечье») (Макарова, 1986, с. 108, рис. 51, 52: 5) (рис. 11: д). В восьмиконечную звезду близкую к квадрифолию вписано изображение льва с византийской чаши, найденной в Чернигове в 1957 г. на месте богатой княжеской усадьбы XI–XIII вв. (Даркевич, 1975, рис. 77) (рис. 10: з).

Сама шестиугольная звезда или шестилепестковая розетка позолочена. Следы золочения видны на концах лучей и внутри создающих контур изображения гравированных линий.

Перстень, найденный в Болгарском городище, достаточно индивидуален. Единственной, наиболее близкой аналогией ему может служить пластина, найденная в погребении 74 при исследовании могильника Заречное II, принадлежавшего местному средневековому, очевидно, финно-угорскому населению. Этот грунтовой могильник расположен в Арзамасском районе Нижегородской области на левом берегу р. Теша, притоке р. Ока. Памятник относится к двум хронологическим периодам: второй половине I тыс. н. э. и X–XIII вв. (Николаенко, 2004, с. 128–131). Исследован В.Н. Мартьяновым, А.В. Фоминым (Мартьянов, Фомин, 1991, с. 373–375; Мартьянов, 2001, с. 47). Пластина найдена в центральной части погребения 74 (неопределенное). Костяк разрушен, умерший был положен на спину, головой на север. Пластина шестиугольной формы, изготовлена из белого металла (рис. 5: б). Вероятно, первоначально представляла собой щиток перстня, близкого по конструкции перстню, найденному в Болгаре. В центре – гравированное изображение хищника, вписанное в шестилепестковую розетку. Вместе с ней были найдены круглая буса из горного хрусталя и призматическая из сердолика, два перстня с овальным и ромбическим щитками, три кольцевые сюльгамы, две из которых с обмоткой.

К сожалению, авторы данное погребение не датировали, но судя по сопутствующим находкам, погребение относится к позднему периоду функционирования могильника. Перстень с ромбическим щитком соотносится с подобными изделиями из Новгорода, где они обнаружены в слоях 30-х гг. XIII – середины XIV в. (Седова, 1985, с. 136, рис. 51: 24–27). Перстень с овальным щитком и изображением животного, найденный там же, может быть датирован концом XII – серединой XV в. (Седова, 1985, с. 135, рис. 51: 10, 13, 15). Бусы из сердолика призматической формы бытуют на территории Восточной Европе с IX по XII в. (Полубояринова, 1991, с. 26), шарообразные хрустальные бусы встречаются в Новгороде в слоях XI–XII вв. (Колчин, 1982, с. 170). Таким образом, складывание комплекса вещей, попавших в данное захоронение, могло произойти не позднее конца XII–первой половины XIII в. Учитывая, что интересующий нас предмет оказался в значительно фрагментированном виде и выглядел как пластина с изображением (т. е. сохранилась лишь лицевая часть коробочки щитка с рисунком животного), а не перстень, можно предположить, что он бытовал несколько раньше, может быть, во второй половине XII – начале XIII в.

Вместе с тем следует отметить, что размещение в захоронении подобной вещи, уже утратившей свои бытовые характеристики, предполагало, прежде всего, вотивную функцию, и могло подчеркивать социальный статус погребенного (или погребенной).

Вероятно, предмет мог попасть туда в результате контактов местного населения с Волжской Булгарии и Владимиро-Суздальской землей (подробнее см.: Белорыбкин, 2003). Судя по социальной значимости перстня, он едва ли был приобретен в качестве товара или

в результате обмена. Трудно сказать о возможной причине появления перстня на данной территории. Не исключено, что этот перстень был знаком власти или высокого сословно-социального статуса владельца и был получен от булгарских или русских властей в знак его подтверждения. Перстень продолжал служить владельцу или его наследникам даже после того, как был сломан, очевидно, выполняя функции печати. Видимо, в этом качестве он и был положен в могилу, подчеркнуть или повысить социальный статус покойного.

Насколько оба предмета могут быть сопоставимы с известными нам черневыми перстнями из Волжской Булгарии? Уже при визуальном осмотре находки мы видим ряд различий от этих изделий: применение более сложной технологической схемы, предполагающей получение объемного щитка; иной способ крепления и регулировки шинки; сочетание элементов чернения с золочением; наличие изображения, предполагающего создание индивидуального образа, вместо если не стандартных, то серийных мотивов крина и производных от него растительных завитков.

Находки из Болгара и могильника Заречное имеют черты типологического сходства с группой перстней из кладов 70-х гг. XII – первой трети XIII в. Киева, Княжей Горы, Чернигова и Черниговской губернии, с. Городище (Деражнянского района) Хмельницкой обл. (Украина), Изяславля, Полоцка и др. (Кондаков 1896: рис. 69–73; Корзухина 1954: № 68, 73, 76, 80, 97, 100, 103, 107, 108, 116, 117, 123, 152, табл. XXXVIII: 3, рис. 69–73; Макарова 1986: гл. 5 и др.), а также сопоставимым с этими находками перстнем из коллекции М.П. Боткина (Новаковская-Бухман, 2010, с. 228–229). Это выражается в форме и объемной конструкции щитка, способе моделировки боковых откосов, использовании ребер жесткости, в некоторых особенностях орнаментального оформления. Наиболее яркое различие – форма клейма, куда вписано изображение животного. На всех южнорусских перстнях с шестиугольными щитками изображение помещено непосредственно в окантованное бордюром шестиугольное поле щитка (что, кстати, сближает их с перстнями Волжской Булгарии, где эта орнаментальная схема получает широкое распространение) или в помещенную внутрь щитка шестиугольную и прямоугольную рамку.

Сопоставление перстней с одним из медальонов «суздальского оплечья», где центральное изображение креста вписано в шестиконечную розетку, позволяет увидеть возможные истоки появления шестиконечной розетки на щитках перстней из Болгара и могильника Заречье и оформления оставшихся лакун при помощи чернения. Некоторая растянутость розетки по линии рисунка, наблюдаемая на обоих перстнях, может свидетельствовать о сходном почерке граверов, готовивших площадку для размещения фигуры по одинаковым лекалам. В совокупности с другими особенностями рисунка (положение фигуры, поворот головы, приемы показа мускулатуры животного, способ оформления хвоста) эти наблюдения могут говорить о принадлежности обоих изделий одной мастерской или возможном подражании одного гравера другому. Можно констатировать, что авторы перстней были знакомы с произведениями киевских ювелирных мастерских, изображениями животных на византийской парадной посуде и разновидностями перстней так называемого «международного типа», образец которых демонстрирует золотой перстень с изображением льва из коллекции М.П. Боткина (Новаковская-Бухман, 2003, с. 229).

В этой связи вызывает интерес утверждение Т.А. Макаровой о существовании со второй половины XII и в XIII в. во Владимире великокняжеских мастерских, связанных с киевскими традициями черневого дела и о возможности работы в Болгаре мастеров-серебряников из Владимиро-Суздальской Руси (Макарова, 1986, с. 121). Следует однако отметить, что в настоящее время перстни, изготовленные этими мастерами, не известны, что позволяет сделать предположение, что центр изготовления этих изделий располагался в Булгарии, где использовались технологии близкие к производствам, использовавшимися в «великокняжеских мастерских» Владимира. Это позволяет считать перстень, найденный в Болгаре и пластинку щитка от перстня из могильника Заречье, продукцией мастеров-серебродеров, которые использовали близкие технико-технологические приемы. В этой связи наиболее вероятно, что перстень, найденный в раскопе CXLIX на территории Болгарского городища, изготовлен здесь же с учетом требований местного заказчика.

Владимирские мастерские продолжали киевскую традицию, среди прочих, и в сочетании чернения с позолотой, что характерно для найденного в Болгаре перстня. Наиболее яркими, хотя и немногочисленными изделиями, вышедшими из этих мастерских, являются найденные во Владимире и Владимиро-Суздальской земле обручи и медальоны барм. В том числе, «суздальское оплечье» и медальоны оплечья, найденного в 1888 г. в Болгаре в составе клада, зарытого, вероятно, в предмонгольскую эпоху (Макарова, 1986, с. 107, 111; Полубояринова, 1993, с. 22–26). В связи с болгарским кладом 1888 г. представляет большой интерес находка, сделанная в Болгаре во время археологических работ 2013 г. на раскопе CLXXXV (исследователи А.Г. Ситдиков, М.В. Сивицкий)[3] половинки литейной формы с рельефным изображением процветшего креста с криновидными отростками по краям, вписанного круглый медальон. На раскопе зафиксированы домонгольские отложения начиная с XI в. (V слой с.ш.г.). Предмет был найден в заполнении сооружения № 106, вместе с четырьмя другими разбитыми каменными литейными формами (Ситдиков, Сивицкий, 2014, с. 13). Изображение на литейной форме, хотя и не идентично рисункам на медальонах болгарского клада 1888 г., но сходно с ними по мотивам и стилю.

Стилистически и композиционно перстень мог входить в состав парадного черневого убора второй половины XII – первой трети XIII в., «включающего ожерелье из медальонов с ушком в виде бусины и крупных бусин между медальонами, способствующих правильному расположению медальонов на широком оплечье» (Жилина, 2003, с. 198, рис. 15: 2–4, 9–14). С точки зрения своего значения, он мог служить в качестве эмблематического и геральдического символа одного из представителей булгарской знати, являясь своеобразным сословно-социальным маркером владельца, отличающим его род от других представителей элиты общества. В этом смысле есть возможность поставить вопрос о символике всех подобных изображений на булгарских перстнях. Не исключено, что они выполняли роль геральдических символов, своего рода протогербов, аналогичных тем, что использовались в тот же период времени в восточной мусульманской геральдике (Mayer,1933). Во всяком случае, некоторые металлические поясные накладки боевых поясов из памятников Булгарии демонстрирует аналогии с мусульманской и европейской протогеральдикой (Измайлов, 1993, с. 47–54). Возможный способ ношения подобных изделий наглядно демонстрирует рисунок из каталога, выпущенного в Лондоне в 1912 г. (рис. 12) (Bequest, 1912, fig. 3).

Находка в Болгаре описанного выше перстня может, вероятно, трактоваться также в контексте взаимоотношений Волжской Булгарии и Владимиро-Суздальских земель во второй половине XII – первой трети XIII в. как испытывавших периоды конфронтации и соперничества, так и знавших время плодотворных торговых и культурных контактов, конвергенции различных технологий и символики.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ИИ АН РТ, 2011. 39 с.

Белавин А.М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X – XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1992. С. 142 – 147.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.– Пенза: Издательство ПГПУ, 2001. 200 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПенГПУ, 2003. 200 с.

Блэк В.Б. К вопросу об истоках скифо-сарматского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С.30-39.

Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. XII век. М.: Искусство, 1969. 480 с.

Даркевич В.П. Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII века. М.: «Искусство», 1975. 350 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII века. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.

[3] Авторы статьи выражают сердечную благодарность А.Г. Ситдикову и М.В. Сивицкому за любезно предоставленную возможность использования предмета в данной публикации.

Дмитриенко М.В. Поливные чаши с изображениями кошачьих хищников из раскопок на территории золотоордынского Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Том 2. / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А. Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, : Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. С. 447–453.

Жилина Н.В. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв.// Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Межд. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 175–198.

Измайлов И.Л. Наборные пояса как элемент дружинной культуры волжских булгар VIII–XIII вв. (к постановке проблемы) // Культура, искусство татарского народа. Казань, 1993. С. 47–54.

Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. 2013. №4(6). С. 9 – 33.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 156 – 177.

Кондаков Н.П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб.: Типогр. Главн. управ-ния Уделов, 1896. 214 с.: ил.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 432 с.

Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I - начале II тысячелетия. – Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.

Мартьянов В.Н. Фомин А.В. Могильник Заречное II // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья / Материалы 2 региональной научн. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Н. Новгород: Городецкая типография, 1991. С. 373 – 375.

Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия, 1967. С. 253 – 274.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. М.: ИА РАН, 2004. 385 с.

Новаковская-Бухман С.М. Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании Русского музея // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Межд. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 221 – 244.

Полякова Г.Ф. Изделия из драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154 – 268.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

Руденко К.А. К вопросу о булгарском серебре Закамья и Зауралья// FU. 2006. № 9. С. 91 – 113.

Руденко К.А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // РА. 2007. №2. С. 130 – 140.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Руденко К.А., Беговатов Е.А. Несколько перстней с чернью из Волжской Болгарии // Город Болгар и его округа. Труды научной конференции. Болгар: Болгарский музей-заповедник, 1994. С. 49 – 51.

Савельева Э.А. Роль Волжской Болгарии в развитии культуры Перми Вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 95 – 110.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М.: Наука, 1981. 196 с.

Ситдиков А.Г., Сивицкий М.В. Раскопы CLXXXIII, CLXXXV, CLXXXVII, CLXXXVIII // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2014. С. 12 – 14.

Смирнов А.П. Русский элемент в культуре волжских булгар // Историко-археологический сборник. М.: НИИ краеведческой и музейной работы, 1948. С. 93 – 110.

Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Болгарии// Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки к 70-летию Отдела Востока. Л.: Гос. Эрмитаж, 1991. С. 5 – 10.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32 – 88.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7 – 102.

Шпилев А.Г. Перстни с христианской символикой конца X - XVII вв. из Курской области // Stratum plus. 2014. №6. С. 247 – 304.

Словарь кузнечных терминов. URL: http://www.artsmetal.ru/glossary/drozhirovka.html. Дата обращения 12.12.2019.

Bequest F. Catalogue of the finger ringsearly christian, byzantine, teutonic,mediaeval and later. London, 1912.

Mayer L.A. Saracenic Heraldry. Oxford: The Clarendon Press,1933. 400 p.

Информация об авторах:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

ON ATTRIBUTION OF A SIGNET RING FROM BOLGAR EXCAVATIONS OF 2010

V.S. Baranov, I.L. Izmaylov

The article is dedicated to the issues of attribution of a unique silver signet ring discovered in the territory of Bolgar settlement during the security and rescue archaeological activities. The authors study the morphological, iconographic and typological characteristics of the item, establish the circle of its counterparts and the chronological coordinates of its existence. They suggest that the craftsmen who created the ring were familiar with the works of the Kiev school, Byzantine toreutics specialists and oriental jewelry experts. They also advance a hypothesis according to which the finding should be attributed to the works of Vladimir silver craftsmen.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Bolgar settlement, blackening, engraving, gold plating, darkening, attribution, interpretation.

About the Authors:

Baranov Vyacheslav S., Candidate of Historical Sciences, sInstitute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

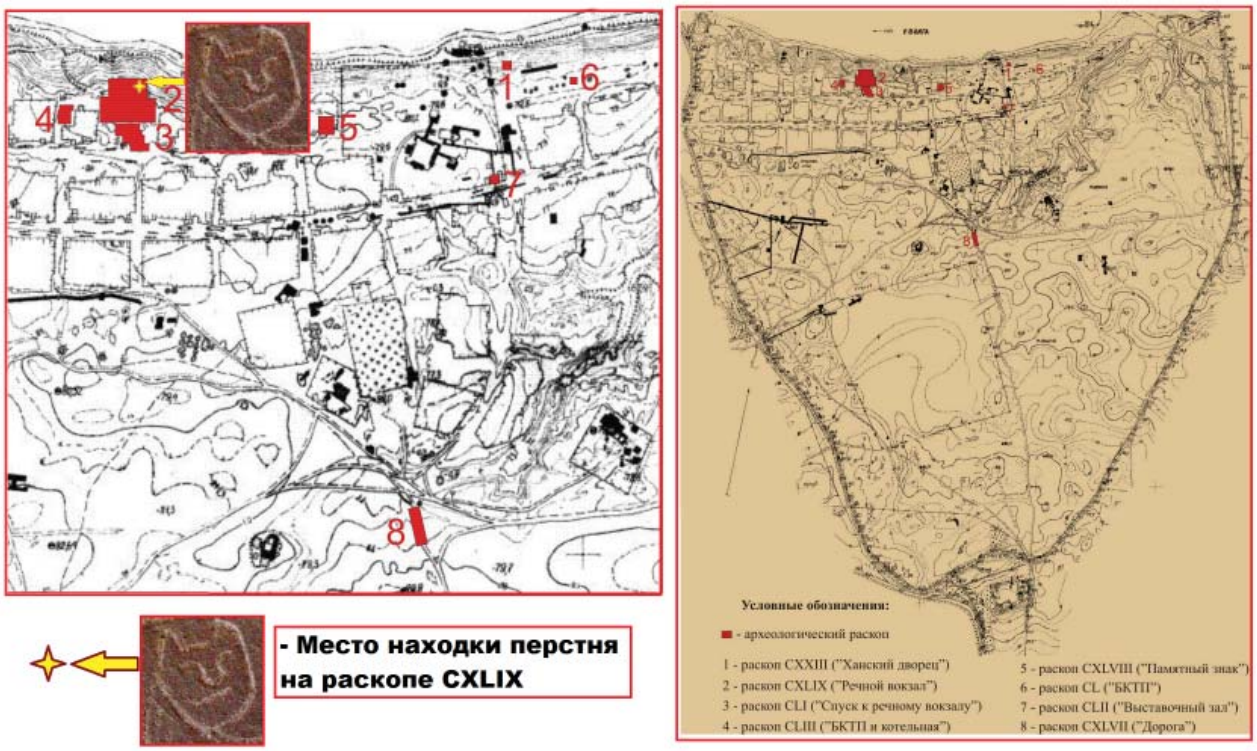


Рис.1. Место находки перстня на плане Болгарского городища с указанием раскопов 2010 г. (Археологические исследования 2010 г. : Болгар и Свияжск, 2011, с. 12 – 13)

Рис. 2. Перстень из раскопа CXLIX. Ракурсы с внешней стороны щитка (а), боковых откосов (б, в), вид на шинку и щиток с торцевой части (г), Т – образные выступы на боковых откосах (б1, в1).

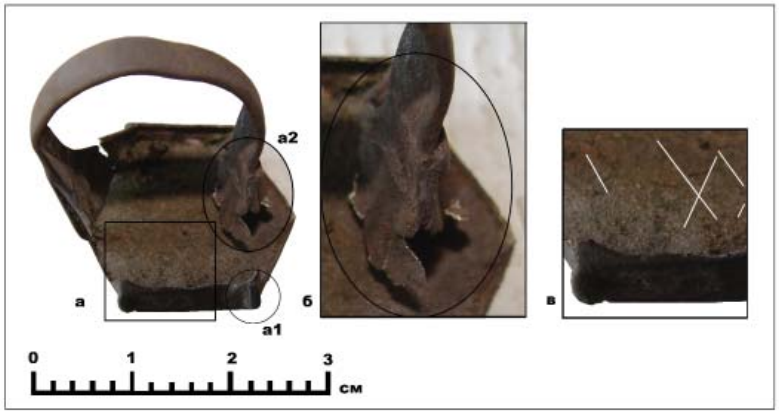


Рис. 3. Следы технологических приемов, примененных при изготовлении перстня.
а. Насечка на внутренней стороне щитка; а1. Один из выступов на торцевой части коробочки щитка – своеобразное ребро жесткости, предохраняющее изделие от деформации; а2, б. Следы соединения шинки и одного из боковых откосов при помощи пайки; в. Прорисовка насечки на внутренней стороне щитка

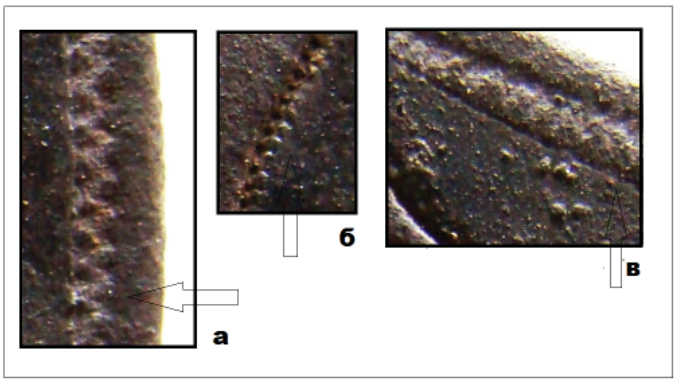


Рис. 4. Разновидности гравированных линий, применяемых при нанесении рисунка на перстень.

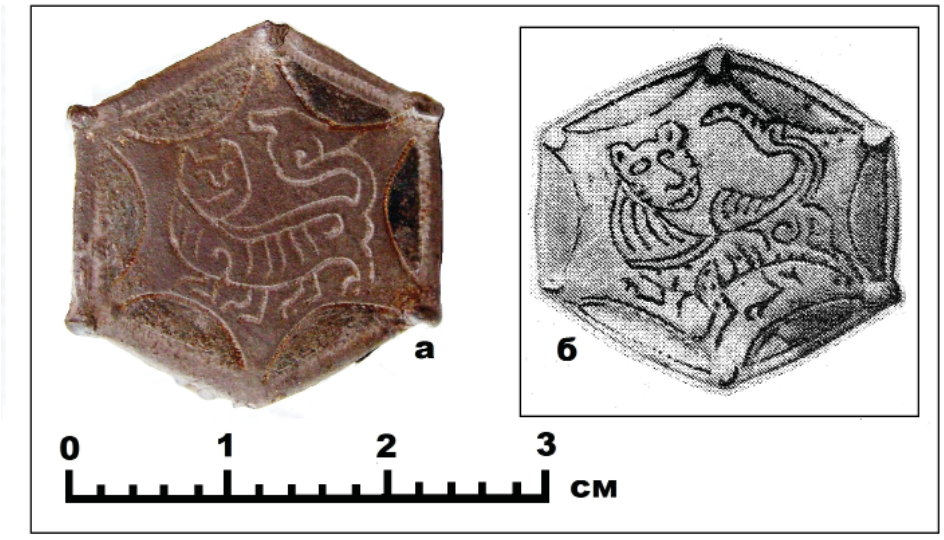


Рис. 5. Сопоставление лицевой части щитка перстня из Болгара (а) и пластины из могильника Заречное (б) (по В.Н. Мартьянову).

Рис. 6. 1- Ворота Иштар в Вавилонии; 2-5 – скульптуры львов из Хаттусы. Все – Археологический музей Топкапу (Стамбул). Фото И.Л. Измайлова.

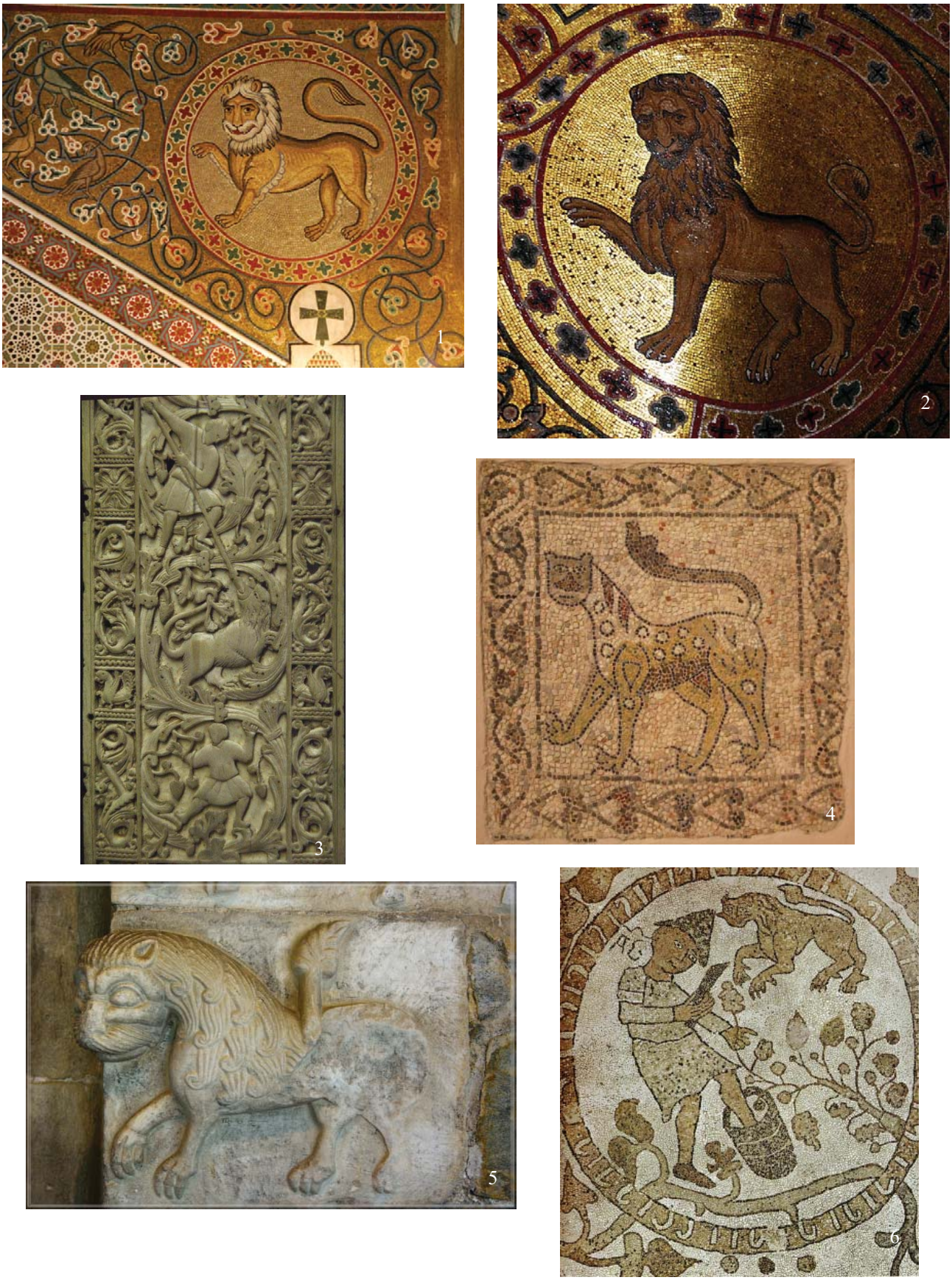


Рис. 7. Изображения львов из Средиземноморья. 1-2 – фрески собора Святой Девы Марии в Монреале (Сицилия). 1176-1183 гг.; 3 – Часть диптиха со сценами охоты. Византия. V в. Гос. Эрмитаж; 4 – фреска Сан-Джованни-Эванджелиста (Равенна). 425 г.; 5 – Замок Тироль и храм (Австрия) XI в.; 6 – фреска из собора в Отранто (Лечче, Южная Италия). 1080-1088 гг.

Рис. 8. 1 - Чаша. Тохаристан (Северный Афганистан). X-XI вв. Музей Метрополитен; 2 - Чаша. Иран, Гурган. XI в. Музей Метрополитен; 3 - блюдо кармическое. Иран X-XII вв. Гос. Эрмитаж; 4 – Сосуд бронзовый. Иран или Хорасан. Вторая половина XII - XIII вв. Гос. Эрмитаж; 5 – Аквaманил в виде льва. Иран. X-XII вв. Лувр; 6 - Барельеф из дворца. Конья. XI-XII вв. Музей археологии.

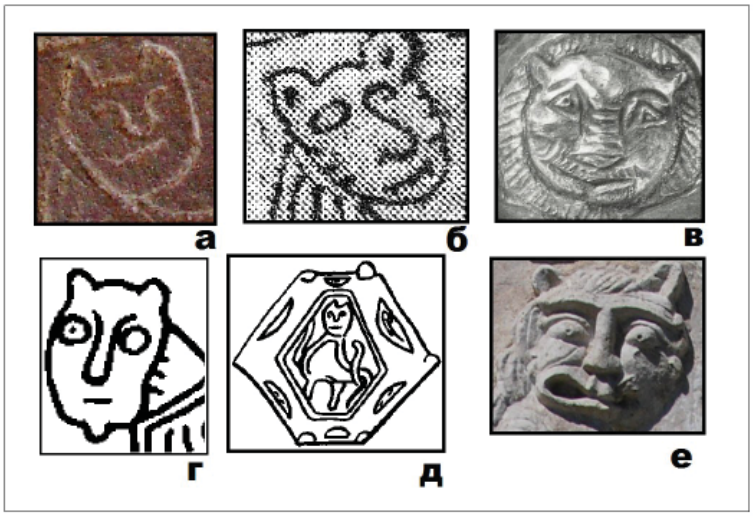


Рис. 9. Оформление личины.а. - Перстень из Болгара. Раскоп CXLIX; б. - Пластина щитка перстня из могильника Заречное (по В.Н. Мартьянову); в. - Клеймо византийской чаши, найденной близ Березова (по В.П. Даркевичу); г. - Обруч из Твери (по Т.И. Макаровой); д. - Перстень из Киева (по Т.И. Макаровой. № 88); е. - Фасад Дмитриевского собора во Владимире.

Рис. 10. Изображения фигур хищников породы кошачьих. а. - Перстень из Болгара. Раскоп CXLIX; б. - Оформление фасада Дмитриевского собора во Владимире; в. - Перстень из коллекции М.П. Боткина https://perstni.com/magazine/perstni_story/info/zolotoj-persten-iz-lichnoj-kollekcii-mp-botkina.html ;г. - Пластина щитка перстня из могильника Заречное (по В.Н. Мартьянову); д. - Чаша из Феодосии (по Н.П. Кондакову); е. - Перстень из Киева (по Н.П. Кондакову); ж. - Обруч из Твери (по Т.И. Макаровой); з. - Чаша из Чернигова (по В.П. Даркевичу); и. - Бутыль из Березовского уезда Тобольской губернии (по В.П. Даркевичу).

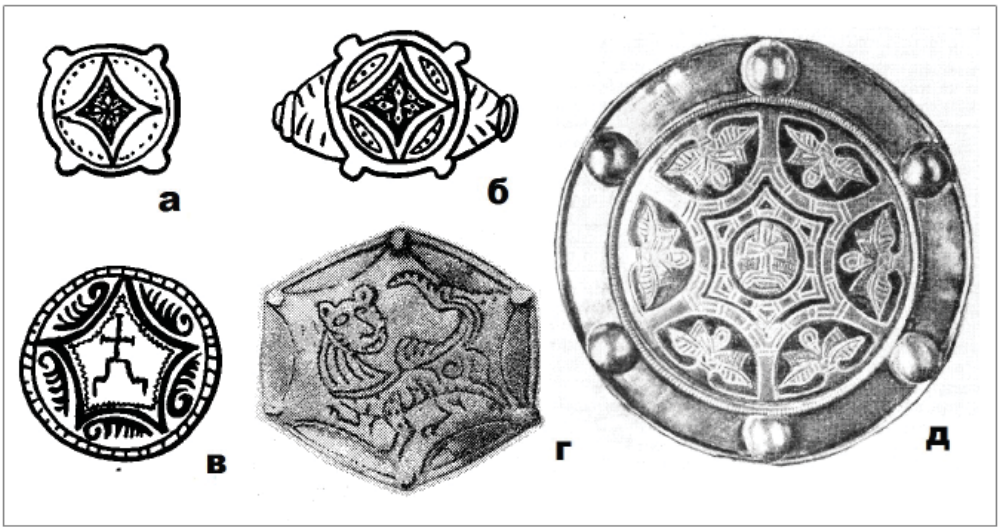


Рис. 11. Варианты розеток, применяемых при оформлении перстней и медальонов очелья. а, б. - Четырехконечная (по Т.И. Макаровой); в. - Пятиконечная (по Т.И. Макаровой); г,д. - Шестиконечная (по В.Н. Мартьянову – г; по Т.И. Макаровой – д).

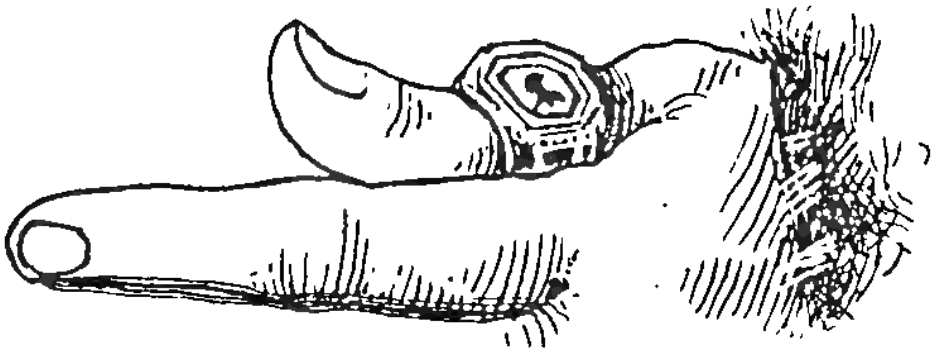


Рис. 12. Способ ношения перстня-печатки (по Bequest F.)

УДК 902/904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00093

СТВОРКА ЛИТЕЙНОЙ ФОРМЫ ИЗ РАСКОПА CXCII БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2019 г. Р.А. Степанов, Д.Ю. Бадеев

В статье вводится в научный оборот створка составной каменной литейной формы с двумя рабочими плоскостями. Находка выявлена при проведении работ на CXCII раскопе Болгарского городища. Рабочие плоскости формы содержат пять гнезд для отливки четырех орнаментированных подвесок и одной лунницы. Комплекс изделий, отливаемых в форму наиболее характерен для второй половины XIII – первой половины XIV вв., но обнаружение находки в переотложенном заполнении подвальной конструкции 50-60 гг. XIV в. не исключает и более позднего периода ее бытования.

Ключевые слова: Золотая Орда, Болгар, каменная литейная форма, лунница остророгого типа, ювелирное ремесло.

Вопросам изучения литейного дела Волжской Булгарии посвящен ряд научных работ (Кокорина, 2012, с. 129–143; Кузьминых, 1985, с. 84–103; Полякова, 1996, с. 158–163; и др). Литейное ремесло средневекового Болгара, помимо образцов сырья, производственных отходов, в том числе и брака, и готовых изделий, характеризуется разнообразным литейным инвентарем, что в свою очередь свидетельствует о развитом технологическом цикле и профессиональном уровне средневековых мастеров. Болгарская коллекция каменных литейных форм до недавних пор была представлена отдельными экземплярами, происходящими из разных частей городища, и тем интереснее выглядят находки последних лет.

В 2016 году в процессе работ на CXCII раскопе Болгарского городища на участке «К» в придонной части заполнения подвальной конструкции (яма 83) было обнаружено скопление створок и обломков каменных литейных форм, общим количеством 41 единица. Среди них представлены: 6 форм для отливки бус-пронизок, 2 формы для нашивного бисера, 2 формы для ременных обойм с петлями, 3 формы для свинцовых грузиков, 3 формы для перстней щитковых, 1 форма для лунницы, 1 форма для подвески, 5 форм для изготовления разнотипных вещей, 18 форм для изделий, чей тип не определим из-за плохой сохранности предмета. Количество и характер находок позволяют предположить, что сооружение находилось на территории или в непосредственной близости от усадьбы, где располагалась ювелирная мастерская. Находки готовых изделий или их браков, которые были выполнены в этих формах на исследованном участке практически отсутствуют. Дневная поверхность объекта соотносится с прослойками 1 субгоризонта IV позднего золотоордынского слоя, что позволяет датировать период функционирование постройки 50-60 гг. XIV в. (Бадеев, Коваль, 2016, с. 225–234). Засыпка постройки после прекращения ее существования осуществлялась окружающим грунтом, вместе с которым в заполнение ямы и могли попасть обнаруженные в ней литейные формы. Следовательно, нельзя исключать того, что литейные формы происходили из прослоек более раннего периода. В целом участок, на котором было обнаружено скопление каменных литейных форм, характеризуется исследователями как ремесленно-торговый район золотоордынского Болгара (Бадеев, Коваль, 2018).

Публикуемая литейная форма (№ 939 по полевой описи индивидуальных находок) служила для единовременной отливки нескольких видов наиболее типичных для средневекового Болгара изделий: 2 лицевые орнаментированные пластины прямоугольной формы – подвески или капторги (рис. 1: C; рис. 2: D), подвеска круглой формы (рис. 2: E), подвеска-лунница (рис. 1: B) и фигурная подвеска с двумя петлями для подвешивания (рис. 1: A). Она выполнена из сланца в виде прямоугольной пластины. Размеры находки 13×8,4 см, толщина 0,6–0,8 см (рис.1). Три угла формы сколоты, а одна из двух продольных торцевых сторон сохранилась лишь частично. Кроме того, створка имеет две рабочие плоскости, содержащие три и два отливочных гнезда соответственно.

Створка литейной формы относится к составному типу, так как содержит литниковые каналы, подведенные к каждому отливочному гнезду (Полякова, 1996, с. 158). Разумеется, форма имела и вторую створку, но она не была обнаружена. Технология литья в составные формы предполагает подгонку створок путем точной обработки и шлифовки рабочих плоскостей. Чтобы обеспечить неподвижную фиксацию створок использовались свинцовые штифты, как правило, располагавшиеся в периферийной части каждой створки. На рассматриваемой литейной форме след пребывания такого штифта фиксируется в виде полукруглого отверстия на верхнем правом сколе второй рабочей плоскости (рис.2). Кроме того, по мнению Г.Ф. Поляковой, в процессе работы створки стягивались веревкой, либо проволокой (Полякова, 1996, с. 158), но проследить следы таковых не представляется возможным. Система литников на публикуемой форме, применительно ко всем отливочным гнездам содержит только подводящие каналы, что предполагает наиболее простой способ литья в составные формы. Получаемые таким образом изделия были цельными, без внутренних полостей. Перед заливкой металла, створки необходимо было нагреть, для предотвращения просачивания раскаленного металла за пределы отливочных гнезд, а также для минимизации зацепов при извлечении готового изделия использовались антипригарные краски. В таком качестве могли выступать кварцевый песок, ангоб (мелкодисперсная взвесь глин) и фритта (стеклянный состав, обожженный до спекания). Данные материалы были доступны любому средневековому мастеру (Волков, 2005, с. 187).

На рассматриваемой форме каждое литейное гнездо A, B, D и E (рис. 1, 2) для отливки подвесок и лунницы имеет ушко. Для его получения перпендикулярно литникам на рабочих плоскостях 1 и 2 вырезаны каналы, представленные в сечении подокруглой формой (d=0,17 см). Ушко располагается перпендикулярно изделию, а место под него углубленно относительно гнезда самого изделия. Стержень, помещенный в канал между створок позволял металлу обтекать себя, тем самым получая в итоге готовое изделие с ушком (Крымина, 1977, с. 251).

Литейное гнездо А на рабочей плоскости 1 предназначалось для отливки фигурной подвески (размеры 3,5×3,2 см) с двумя петлями для подвешивания (рис. 1: А). К гнезду подведены два литника, берущие начало в общем воронкообразном канале для заливки раскаленного металла. Подвеска имеет симметричную звездообразную форму с восемью серповидными лучами, причем два нижних луча в виде полумесяцев завиты противоположно друг от друга. По центру нанесены три поочередно заключающие друг в друга окружности. В центре них расположен листовидный орнамент из восьми элементов, обращенных к центру окружностей. Окантовка подвески украшена полоской геометрического орнамента из насечек, перпендикулярно обращенных к внешней периферии.

Гнездо В на рабочей плоскости 1 (рис. 1: В) по классификации В.В. Гольмстен служило для изготовления подвески-лунницы остророгого типа с ушком (Гольмстен, 1914, с. 13). К гнезду подведен литниковый канал воронкообразной формы. Диаметр внешней окружности лунницы равен 3,3 см, а диаметр внутренней составляет 1,6 см. Она орнаментирована зигзагообразным звездчатым узором. Лунницы не встречаются в серебряных кладах домонгольской эпохи, но разнообразие находок форм для их отливки из Болгара, по мнению К.А. Руденко, говорит о том, что здесь в XII-XIV вв. находился центр производства лунниц из сплавов цветных металлов (Руденко, 2015, с. 195).

Литейное гнездо С на рабочей плоскости 1 (рис. 1: С) предназначалось для отливки орнаментированной пластины прямоугольной формы размерами 5,6×5,2 см. Система подвода литников читается плохо в силу деформации и сколов на сланце, но все же ясно, что из общего воронкообразного канала отводились два литника непосредственно к гнезду. Несмотря на сколы, очевидно, что на подвеске не имелось типичного ушка, как на остальных изделиях, отливаемых в рассматриваемой литейной форме, так как отсутствует канал для стержня. В свою очередь на противоположной от литников стороне подвески располагаются три симметричные петли на внешнем контуре, диаметр каждой составляет 0,5 см. Всю внешнюю границу подвески окантовывает геометрический орнамент из перпендикулярных каждой стороне насечек. В каждом углу изделия находится сектор двойной четверть-окружности с имитацией зерни, достигнутой путем высверливания микро-углублений, диаметром

0,1 см. Внутри каждого из секторов располагается окружность (d=0,9 см) с четырьмя каплевидными сегментами в центре и с исходящими от нее растительными узорами. По центру самой подвески располагается окружность с внутренним орнаментом, состоящим из восьми листовидных элементов, обращенных во внутрь. Данная пластина могла использоваться в качестве лицевой поверхности капторги, которые были распространены на территории Золотой Орды во второй половине XIII – XIV вв. (Руденко, 2015, с. 130, рис. 18: 2).

Гнездо D на рабочей плоскости 2 (рис. 2: D) служило для изготовления прямоугольной подвески размерами 3,5×3,7 см. К гнезду подведены три литника, выходящие из общего заливочного канала. Подвеска имела две проушины. Ее края украшены геометрическим орнаментом в виде насечек, расположенных перпендикулярно к каждой стороне, а по углам нанесен растительный орнамент. Центральная часть украшена ромбом с идентичным внешней окантовке орнаментом. В центре него находится прямоугольник, присутствуют геометрический и растительный узоры. Изделие могло выступать в качестве имитации капторги или подвески-коробочки, последние, выполненные из золота и серебра известны на территории Золотой Орды (Руденко, 2015, с. 130, рис. 18: 1, 3).

Литейное гнездо E на рабочей плоскости 2 (рис. 2: E) предназначалось для отливки дисковидной подвески (d=4,8 см) с ушком. К гнезду подведен всего лишь один литниковый канал. Внешняя граница подвески украшена имитацией зерни в виде микро-углублений (d=0,1 см). Центральную часть диска занимает основной орнамент, заключенный в окружность. Внутри расположены шесть вытянутых сердцеобразных элементов с растительным узором, обращенных к центру. Они, как и орнамент внутренней окружности «заштрихованы» сеткой косых линий.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что детальное рассмотрение рабочих плоскостей створки публикуемой литейной формы позволяет сделать выводы о высоком технологическом уровне средневековых булгарских мастеров. Во-первых, тщательная обработка и художественная резьба по камню с мельчайшими деталями и имитацией зерни говорят о наличии профессиональной специализации резчика по камню. В условиях тонкой трудоемкой работы представляется возможным говорить о разделение труда между мастером-резчиком и мастером-литейщиком. Во-вторых, разнообразие гнезд для отливки украшений на створке литейной формы, а также, рассматривая это в контексте ранее известных находок, позволяет нам сделать вывод о наличии в средневековом Болгаре собственной развитой школы бронзолитейного ремесла, использующей различные технологические приемы литья. Изначально местные литейные традиции связаны с копированием форм изделий и технологическими заимствованиями с Востока (Руденко, 2015, с. 350), а к XIII–XIV вв. наблюдается влияние древнерусских ремесленников в формах и типах литья (Полякова, 1996, с. 159). В-третьих, следует отметить унификацию рабочих плоскостей литейной формы, что предполагает ускоренное производство изделий. Желание мастера заполнить все имеющееся пространство наводит на мысли об ориентации ремесленного производства не только на зажиточные городские слои, но и на массового потребителя. Как следствие, такое положение дел предполагает наличие достаточного рынка сбыта. Можно предположить, что перед нами литейная форма, которая была предназначена для изготовления набора украшений к женскому костюму второй половины XIII – XIV вв.

Важно отметить, что данная публикация является предварительной, и призвана в значительной степень обратить внимание исследователей на уникальный комплекс каменных литейных форм с территории ремесленно-торгового района золотоордынского Болгара. В дальнейшем, для изучения как данной литейной формы, так и комплекса в целом, планируется осуществление ряда естественнонаучных исследований с целью уточнения характеристик производственного процесса. Необходимым представляется и продолжение поиска аналогий изделиям выполненных на литейных формах из этого комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскопы CLXXIX, CXCII) в 2016 году. Т.1. С. 225−234.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. №2(24). С. 270−289.

Волков И.В. Неопределенные предметы в золотоордынских городах // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века» 25-28 сентября 2003 года Казань-Яльчик. Казань: РИЦ "Школа", 2005. С. 175−194.

Гольмстен В.В. Лунницы императорского исторического музея имени императора Александра III. М.: Синод. тип., 1914. 20 с. 1 л. табл.: ил.; 32.

Кокорина Н.А. Знаки ремесленников на булгарских литейных формах // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 129−143.

Крымина М.М. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3. С. 249−266.

Кузьминых С.В. Инструментарий билярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. / Под ред. д.и.н. А.Х. Халикова. М.: Наука, 1985. С. 84−102.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154−268.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Информация об авторах:

Степанов Родион Алексеевич, аспирант отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. (г. Казань, Россия); outdanger@bk.ru

Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

CASTING MOULD LEAF FROM EXCAVATION CXCII AT BOLGAR SETTLEMENT

R.A. Stepanov, D.Yu. Badeev

The paper introduces into scientific discourse a leaf of a composite stone casting mould with two working planes. The item was discovered during the execution of works at excavation CXCII of Bolgar settlement. The working planes of the mould contain five sockets for the casting of four ornamented pendants and one lunula. The complex of items cast in the mould is most characteristic of the second half of 13th - first half of 14th cc., but the discovery of the item in the redeposited filling of a basement structure does not allow to rule out a later period of its operation.

Keywords: Gold Horde, Bolgar settlement, stone casting mould, sharp-horned lunula, jewelry.

About the Authors:

Stepanov Rodion A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; outdanger@bk.ru

Badeev Denis Yu. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

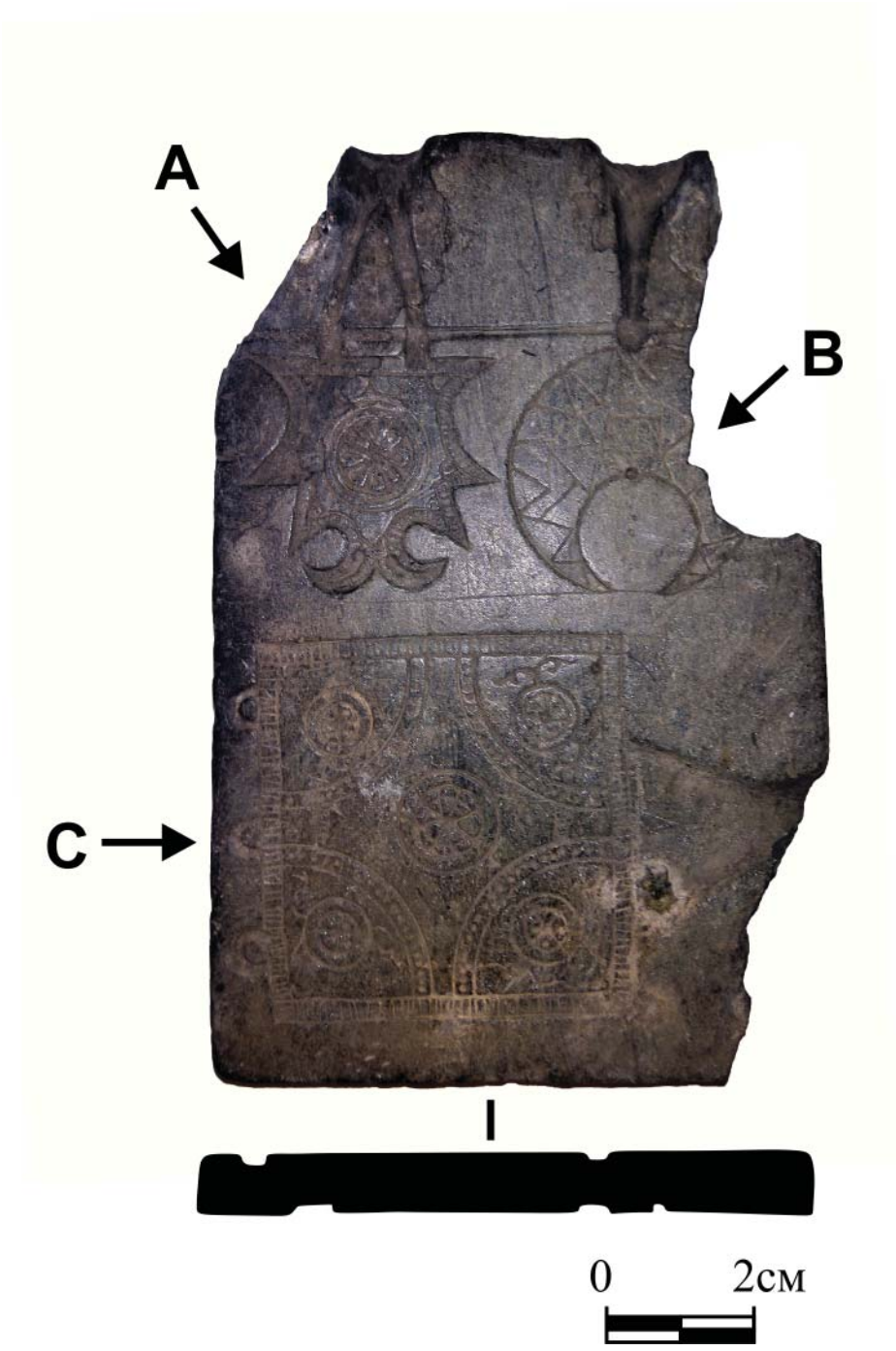


Рис. 1. Створка каменной литейной формы (№ 939 в описи индивидуальных находок). Рабочая плоскость 1. Болгарское городище 2016 год. Раскоп СХСII-2016 г.

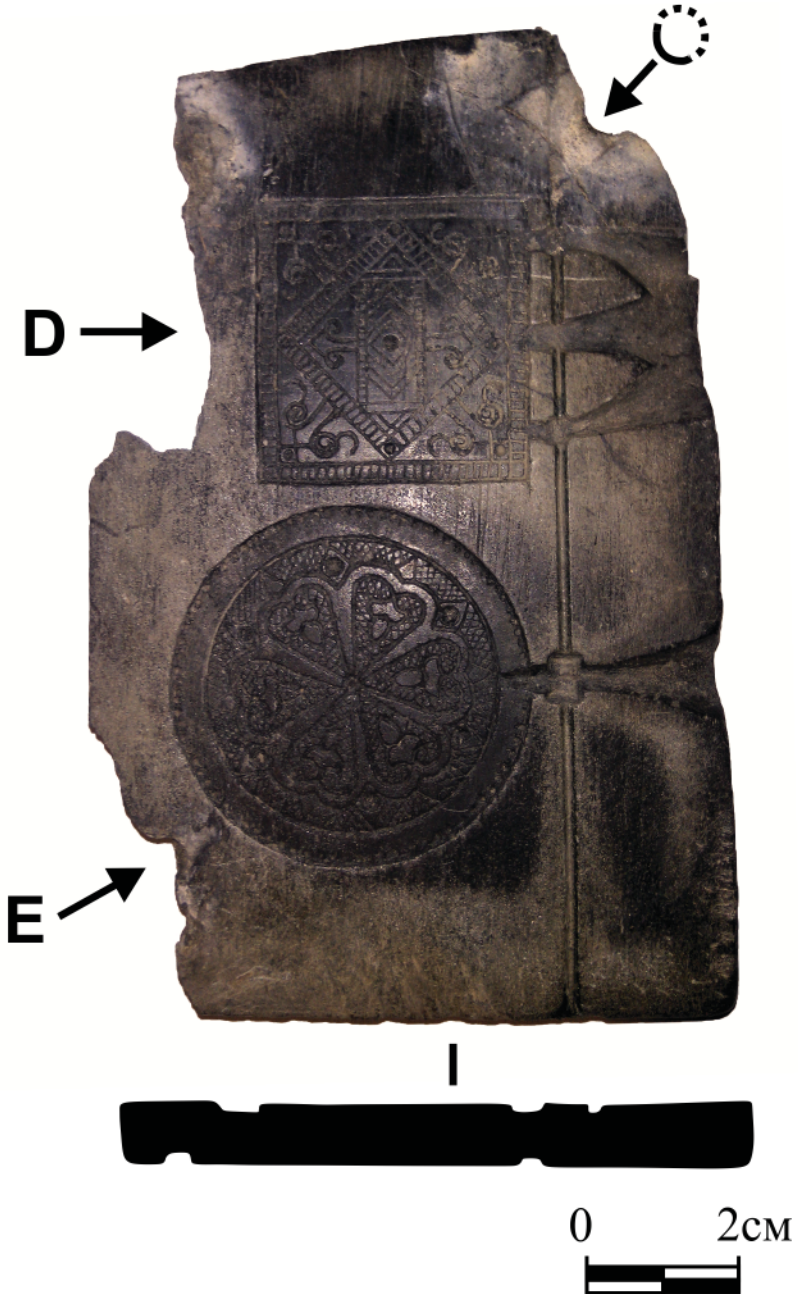


Рис.2. Створка каменной литейной формы (№ 939 в описи индивидуальных находок). Рабочая плоскость 2. Болгарское городище. Раскоп СХСII-2016 г.

УДК 904; 903.022; 903.024 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00094

КЕРАМИКА С УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ

© 2019 г. Л.Ф. Недашковский

В статье приводятся и кратко характеризуются керамические материалы с Увекского городища золотоордынского времени по сохранившимся архивным материалам. Описанные комплексы и отдельные предметы были собраны Саратовской ученой архивной комиссией и краеведческим обществом «Истархэт», а затем – списаны и потеряны для науки. Однако в Книге записи вещей музея СУАК, в архивах СУАК (их основная часть сейчас хранится в Государственном архиве Саратовской области) и некоторых публикациях сохранилась небольшая, а зачастую просто минимальная, информация об обнаруженных изделиях. Эту информацию мы постарались обобщить и систематизировать, сопровождая описание керамических материалов ссылками на место и время находки, лицо, от которого были получены те или иные предметы, и на документы, в которых они упомянуты. Упоминающиеся в приводимых в приложениях архивных материалах изделия были, очевидно, найдены на Увекском городище в 1891-1921 гг.

Ключевые слова: Увекское городище, Золотая Орда, архивные материалы, находки, керамика.

В данной статье приводятся и кратко характеризуются керамические изделия с Увекского городища золотоордынского времени по сохранившимся архивным материалам.

Увекское городище является крупнейшим поселением северной части Нижнего Поволжья, оно отождествляется с крупным золотоордынским городом Укеком и располагается на южной окраине Саратова.

Размеры городища составляют более 3310 м с севера на юг и 1390 м с запада на восток. Площадь городища превышает 205 га, но оно веками размывалось Волгой.

Памятник имел укрепления в виде вала и рва, протянувшихся от горы Каланча к берегу Волги. Согласно нумизматическим и письменным данным, Увекское городище существовало с 50-х гг. XIII в. до 1395 г.

Данная работа представляет собой свод всех керамических находок с площади Увекского городища, которые не сохранились к настоящему времени, но были упомянуты в имеющихся в нашем распоряжении архивных документах.

Описанные комплексы и отдельные предметы были зарегистрированы и собраны Саратовской ученой архивной комиссией (далее СУАК) и краеведческим обществом «Истархэт», а затем (в основном в 1923 г.) – списаны и, преимущественно, навсегда потеряны для науки.

Однако в Книге записи вещей музея СУАК (далее КЗВМ СУАК), в архивах СУАК (их основная часть сейчас хранится в Государственном архиве Саратовской области – далее ГАСО) и некоторых публикациях (Медокс, 1893; Перечень, 1903) сохранилась небольшая, а зачастую просто минимальная, информация об обнаруженных погребениях и отдельных предметах. Эту информацию мы постарались обобщить и систематизировать (по материалу и функциональному назначению отдельных предметов), сопровождая описание изделия (по архивным данным) ссылками на место и время находки, лицо, от которого был получен тот или иной предмет, и на документы, в которых он упомянут. В каждом из двух приложений (одно из них разбито на четыре отдела) имеется своя самостоятельная нумерация, на которую может быть ссылка в последующем тексте (в случае одинакового происхождения, идентичных источников и т.п.). Внутри приложений и отделов предметы расположены в порядке их упоминания в КЗВМ СУАК – основном источнике работы, хранящемся в Саратовском областном музее краеведения.

Среди упоминающейся поливной керамики (прил. 1) представлены крышка, фрагменты красноглиняных поливных и кашинных (в том числе расписных, с рельефом и арабскими надписями) сосудов и изразцов, 3 кашинные пуговицы (прил. 1, №№ 22, 36, 38) и бусинка (прил. 1, № 15).

В числе неполивной керамики (прил. 2) представлены сосуды (включая 2 горшочка, кувшины, 10 сфероконусов и копилку) и их

фрагменты, 7 напрясел, 3 грузила, 2 бусины и ее половинка, гончарные водопроводные трубы и их обломки, керамический шар и его фрагмент, кирпичи, архитектурный декор, фрагменты глиняной обмазки с орнаментом. Представляет интерес описание конструкции двухъярусного горна с опорным столбом, служившего для обжига керамики (прил. 2, № 33).

Упоминающиеся в приводимых в приложениях архивных материалах предметы были, очевидно, найдены на Увекском городище в 1891–1892, 1894–1895, 1897, 1900, 1902, 1904–1906, 1908–1915 и 1920–1921 гг.

Во многих случаях имеется информация о покупке предметов членами СУАК в 1902, 1905 и 1908–1914 гг. с указанием их стоимости: от 20 копеек до 19 рублей 45 копеек за комплекс (прил. 1, №№ 4, 10–11, 14, 16, 20–26, 28, 30–42; прил. 2, №№ 11, 13, 15–16, 19, 22–23, 25, 27–28, 30–32, 34, 36–37, 39, 41–45, 51–52, 54–57, 59–60, 62–63, 66, 68–70, 75–76, 80–87). Встречаются в приведенных источниках и интересные бытовые сведения о расходах на небольшие раскопки и разведки на Увекском городище: «чай, сахар, лимон, молоко, калач, сторожу за самовар 1 руб. 73 коп.» (прил. 1, № 30), «при этом израсходовано еще на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп.» (прил. 1, № 28).

ЛИТЕРАТУРА

Медокс К.П. Каталог музея СУАК. Саратов: Печатня С.П.Яковлева, 1893. 71 с.

Перечень предметов, поступивших в музей СУАК в 1902 году // ТСУАК. Вып. 23. Саратов: Тип. об-ва книгопечатников, 1903. С. 61–74.

Информация об авторе:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

CERAMICS FROM UVEK SETTLEMENT ON THE BASIS OF ARCHIVAL MATERIALS

L.F. Nedashkovsky

The ceramic materials from Uvek settlement of the Golden Horde period based on preserved archival materials are published and briefly characterized in the article. The described complexes and individual items have been collected by the Saratov Research Archival Commission and Istarkhet Research Society of Regional Ethnography. They were subsequently decommissioned and became lost for science. However, small and often very scarce information on the discovered items has preserved in the Record of museum items of the Saratov Research Archival Commission, and in the Commission's archives (their major part is presently deposited in the State Archive of Saratov Oblast) and a number of publications. The author attempted to generalize and systematize this information, supplementing the descriptions of ceramic materials with references to the place and time of their discovery, details of the person from whom the items were received, and documents in which they have been mentioned. The items listed in the archival materials specified in the appendices were apparently discovered at Ukek settlement in 1891-1921.

Keywords: Uvek settlement, the Golden Horde, archive materials, findings, ceramics.

About the Author:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Приложение

1. Архивные материалы о поливной керамике с Увекского городища

1.

Обломки белой глиняной глазурованной посуды.

Найдены на Увеке.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 48, под № 62; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 44, л. 22 об.; Медокс К.П. Каталог музея СУАК. Саратов, 1893. с. 42.

2.

Донышко от глазированного золотоордынского сосуда.

Найдено в огороде близ Мамаева кургана на Увеке. (Наряду с другими предметами) найдено на Увекском городище в 1902 г. Поступили (т.е. все предметы) от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 166, под № 325; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139 об.

3.

Обломок глазурованного изразца с трёхцветным выпуклым рисунком.

Найден на Увеке у подножия Мамаева кургана 22.08.1904. Поступил от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 200, под № 446; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 62.

4.

20 осколков глазурованной посуды.

4.09.1905 куплены (наряду с другими предметами) Б.В.Зайковским на Увекском городище от местных жителей за 1 руб. 35 коп., из которых 1 руб. 20 коп. отнесены на имеющийся у него аванс, а 15 коп. - на средства Архивной Комиссии.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 221, под № 519; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25 об., 70.

5.

2 черепка обливной глазурованной посуды: один с чёрным рисунком по синему полю, другой - бледно-зелёного цвета без рисунка.

Найдены (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1906 г. 6.04.1906 от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 233, под № 559; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 74.

6.

1 обломок от сосуда из белой глины с глазурью синего и зелёного цвета.

Найден (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1908 году. 22.05.1908 от Тимофея Ерофеевича Сивончикова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 275, под № 713; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 90 об.

7.

2 картона с нашитыми образцами черепков от глиняных глазированных сосудов.

С Увекского городища (черепки). 24.08.1908 от Б.Д.Фёдорова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 296, под № 786; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 99.

8.

Глиняная обливная крышка без орнамента; диаметр 2 вершка.

Найдена на Увеке в 1908 г. Поступила 12.10.1908 от Б.Д.Фёдорова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 311, под № 838; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 105 об.

9.

1 обломок кирпича с глазурью.

Найден на Увекском городище в 1909 г. Поступил 4.05.1909 от В.И.Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 351, под № 958; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 11об.; ед.х. 985, л. 26 об.

10.

Обломки глиняной посуды с глазурью.

Приобретены на Увекском городище 23 апреля, 3 и 6 мая 1909 г. за 3 руб. 55 коп. (наряду с другими предметами) А.А.Садовниковым, А.А.Черновским и С.А.Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 351-352, под № 961; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 11об.-12, 47об.

11.

2 осколка глазурованного кирпича,

2 осколка глиняного сосуда с фигурным выпуклым глазурным орнаментом,

2 донышка от глиняных сосудов с глазурованным орнаментом.

Найдены в мае 1909 г. на Увекском городище. Куплены 24.05.1909 у жителей селения Набережный Увек (наряду с другими предметами) за 2 руб. 21 коп. (С.А.Щегловым - по контексту).

Источники: КЗВМ СУАК, т. I., с. 353-355, под № 966; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 12об-13; ед.х. 985, л. 26об.

12.

Осколок глиняной глазурованной посуды с коричневым рисунком по жёлтому полю.

Найден на Увекском городище 2.06.1909. Поступил 30.06.1909 от Пантелеймона Григорьевича Алексеева.

Источник: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 17, под № 989.

13.

7 фрагментов глазурованной посуды.

Найдены на Увеке в 1909 г. Поступили 11.10.1909 от В.И.Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 394, под № 1051; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 26; ед.х. 985, л. 27.

14.

3 донышка от глиняных сосудов с глазурью,

2 фрагмента глазурованной посуды.

Найдены на Увекском городище в октябре 1909 г. Поступили 24.10.1909 от П.Н.Шишкина, который приобрел их (наряду с другими предметами) у рабочих на Увеке за 1 руб.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 397, под № 1057; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 27; ед.х. 985, л. 27.

15.

1 фарфоровая бусинка, окрашенная красной краской.

Найдена на Увеке. Поступила 2.05.1910 от В.И.Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 425, под № 1157; ГАСО, ф. 407, оп.2, ед.х. 188, л. 5; ед.х. 985, л. 27.

16.

Обломки от глазурованной посуды.

Найдены на Увекском городище (наряду с другими предметами) в 1910 г. 2.05.1910 куплены С.А.Щегловым от жителей Набережного Увека за 2 руб. 61 коп. + 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 428, под № 1170; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 5 об.

17.

5 обломков от сосуда с синей глазурью и арабским письмом.

Найдены на Увекском городище. 6.05.1910 приобретены у жителей селения Набережный Увек.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 434, под № 1248; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 7 об.

18.

Обломки от глиняных глазурованных сосудов.

Найдены на Увекском городище. 6.05.1910 приобретены у жителей селения Набережный Увек.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 434, под № 1250; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8.

19.

Обломок от глиняного сосуда с желтоватой поливой по арабскому фигурному орнаменту.

Найдены на Увекском городище. 6.05.1910 приобретены у жителей селения Набережный Увек.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 434, под № 1252; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8.

20.

Черепок глиняной посуды с матовым рисунком красками,

черепки посуды с разнообразной поливой и глазурью.

Найдены на Увекском городище в 1910 г. 23.05.1910 куплены у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) за 3 руб. 93 коп. С.А.Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 436, под №/№ 1271-1272; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8об.

21.

Черепки глиняной глазурованной посуды,

обломки изразцов и глазурованных кирпичей,

два обломка донышков от глазурованной посуды.

Найдены на Увекском городище в 1910 г. 27.05.1910 скуплены у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) С.А.Щегловым за 3 руб. 41 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 437, под №/№ 1291-1293; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 9.

22.

Пуговица глиняная глазурованная.

Найдена на Увекском городище в июне-июле 1910 г. Куплена (наряду с другими предметами) у жителей Увека С.А.Щегловым за 2 руб. 78 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 441, под № 1319; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10.

23.

10 (по сверке 1923 г. – 1) штук донышек от глиняной посуды с глазурью,

черепки глиняной роскошно глазурованной посуды.

Найдены на Увекском городище в июне-июле 1910 г. Куплены (наряду с другими предметами) у жителей Увека С.А.Щегловым за 2 руб. 78 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 442, под №/№ 1331-1332; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.

24.

Донышко от глиняного сосуда с жёлтой поливой по орнаменту из вдавленных кружков и полос,

1 обломок изразца с синими, чёрными, белыми и зелёными полосами,

1 обломок изразца синего цвета,

черепки от глазурованной посуды.

Найдены на Увекском городище в июне 1910 г. 19.06.1910 куплены (наряду с другими предметами) С.А.Щегловым у жителей Набережного Увека за 59 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 443, под №/№ 1344-1346, 1349; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.

25.

Донышко от глиняного сосуда с зелёною поливою.

Найдено на Увекском городище 23-26.06.1910. 26.06.1910 куплено С.А.Щегловым (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 21 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 445, под № 1356; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 11 об.

26.

Черепки посуды с оригинальной поливой и украшениями,

черепки посуды с зелёной поливой,

черепки посуды с синей, чёрной, голубой и белой поливой по рельефным фигурам и буквам.

3.07.1910 куплены (наряду с другими предметами) С.А.Щегловым у жителей Набережного Увека за 2 руб. 93 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 449-450, под №/№ 1379-1381; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 12об.

27.

Фрагмент глиняного сосуда с белой глазурью и синими цветками,

маленький черепок от глиняного глазурованного сосуда.

Найдены (наряду с другими предметами) 3.07.1910 на Увекском городище около обнаруженного 26.06.1910 горна для обжигания глиняной посуды. Поступили 4.07.1910 от А.А.Кроткова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 450, под №/№ 1383, 1385; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 12об.

28.

Обломки изразцов с голубой (при сверке 1923 г. – 1), синей и белой поливой,

4 донышка от глиняной глазурованной посуды,

оригинальные черепки глиняной посуды с разнообразной глазурью.

Находки на Увекском городище в июле месяце 1910 г. 10 июля 1910 г. приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 2 руб. 73 коп. При этом израсходовано ещё на калач, на сахар, лимон и за самовар 71 коп. Всего израсходовано 3 руб. 44 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 452, под №/№ 1409-1411; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, лл. 13-13об.

29.

Донышко от глиняного сосуда с глазурью.

Выкопано на месте близ Нобеля на Увекском городище 10.07.1910 А.А.Кротковым и С.А.Щегловым.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 452, под № 1416; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13об.

30.

Обломки от одного сосуда из белой глины с белой глазурью и голубыми и чёрными узорами,

черепки от сосуда из белой глины с голубой глазурью.

17.07.1910 куплены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 3 руб. 82 коп., из них 3 руб. пожертвованы В.А.Пасенко и 82 коп. - из средств Комиссии. Поездка на Увек 17.07.1910 обошлась: чай, сахар, лимон, молоко, калач, сторожу за самовар 1 руб. 73 коп.

А.А.Кротков, А.А.Гераклитов, С.Д.Соколов, С.А.Щеглов и оставленный при Санкт-Петербургском университете В.А.Пасенко производили пробную раскопку места около нобелевской ограды, к стороне Увекского поселка.

В земле попадались черепки глиняной посуды, обломки глазурованных кирпичей, гнилушки дерева, кухонные отбросы, небольшие обломки человеческих костей и прочее, как на свалочном месте.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 455, под №/№ 1447, 1450; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 14 об.

31.

3 обломка кирпичей с глазурью.

Происхождение см. прил. 1, № 30.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 455, под № 1454; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 14 об.

32.

Черепки от глиняной посуды с оригинальной поливой,

разные черепки от глиняной глазурованной посуды.

Происхождение см. прил. 1, № 30.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 455, под №/№ 1458-1459; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 14об.

33.

Золотоордынская эпоха. Обломок кирпича с глазурью.

Найден на Увекском городище, Саратовского у., при полотьбе и распашке огородов в 1911 г. 6.05.1911 куплен (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека за 3 р. 91 коп.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 2, под № 1583.

34.

Черепки с разной поливой,
черепки с синей глазурью.

Приобретены покупкою в числе других предметов, найденных на городище Увек в 1911 году, 31.07.1911 С.А.Щегловым за 4 руб. 96 коп. Поступили 31.07.1911 от С.А.Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 19, под № 1673.

35.

2 черепка глиняной посуды с роскошной поливой.

Происхождение см. прил. 1, № 34.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 19, под № 1674.

36.

Глиняная в голубой поливе пуговица.

Случайная находка на Увекском городище в 1912-1913 гг. Куплена у жителей Набережного Увека (наряду с другими предметами) за 1 руб. 12 коп. 17.03.1913 от С.А.Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 110об., под № 2263; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 242, л. 15, № 95.

37.

Черепки обливной и глазурованной посуды.

Случайные находки на Увекском городище в 1912-1913 гг. Куплены у жителей Набережного Увека за 25 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 111, под № 2264.

38.

Глиняная обливная пуговица.

Куплена (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека, как находка на Увекском городище, 7 апреля и 5, 9, 10, 12-14 мая 1913 г. за 19 руб. 45 коп. Поступила 20.05.1913 от С.А.Щеглова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 124об., под № 2358; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 242, л. 62, № 190.

39.

Кирпичная плитка с поливой.

Найдена в 1913 г. на Увекском городище. Куплена (наряду с другими предметами) за 20 коп. Поступила 28 января 1914 г. от И.Ф.Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 157об., под № 2530; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 48, № 34.

40.

Черепки глиняной посуды с зелёной поливой.

Куплены П.Н.Шишкиным (наряду с другими предметами) на Увекском городище 23 апреля 1914 г. Израсходовано на поездку 2 р. 53 коп. 24 апреля 1914 г. от П.Н.Шишкина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 167об., под № 2578; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 72, № 82.

41.

2 донышка от посуды из красной глины с поливой.

Случайные находки 1914 г. на Увекском городище. Куплены (наряду с другими предметами) за 1 руб. 20 коп. Поступили 19 мая 1914 г. от И.Ф.Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 171, под № 2588; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 77, № 92.

42.

1 кусок синего изразца.

Случайная находка на Увекском городище в 1914 г. Куплен (наряду с другими предметами) за 85 коп. Поступил 26 мая 1914 г. от И.Ф.Крапивина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 173, под № 2593; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 243, л. 80, № 97.

43.

Черепки от татарской посуды с арабскими надписями по белому и синему фону, жёлтой обливной посуды.

Увек. Приобретены (наряду с другими предметами) в 1915 г. 6.08.1916 от Кроткова, Щеглова, Фёдорова.

Источник: ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 263, л. 89, № 319, под № 2814.

44.

Черепки обливной и эмалированной золотоордынской посуды.

Найдены на Увеке. От М.А.Гаврилычевой 17.05.1921.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 243, под № 3090.

45.

Татарские посудные черепки: обливных - 83 шт., эмалированных – 235.

Найдены на Увеке. Выменяны в лето 1921 г. (наряду с другими предметами) на 5 ф. (следующее слово не разобрано), данные Губпродраспредом. Поступили 1.09.1921.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 245, под № 3111.

2. Архивные материалы о неполивной и неопределенной керамике с Увекского городища

Отдел 1. Сосуды

1.

2 глиняные курильницы.

Найдены в 1892 г. на Увекском городище. Пожертвованы С.Н.Гардером.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 91, под № 128; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 44, л. 41об.

2.

Разные черепки (5 - по сверке 1923 г.).

Найдены на Набережном Увеке. Пожертвованы 23.04.1894 Ф.В.Духовниковым.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 95, под № 136; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 44, л. 44; ед.х. 983, л. 137.

3.

Глиняный горшочек с отколотым горлышком.

Найден [И.С.]Абрамовым на Увекском городище. Пожертвован С.А.Щегловым 1.08.1897, квитанция № 257. (Пометка хранителя музея С.А.Щеглова: «... Уступлен музею при доме науки и искусства в гор. Царицыне 3.10.1914»).

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 127, под № 201; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 138.

4.

Глиняная копилка.

Найдена на Увекском городище в 1902 г. Пожертвована Б.В.Зайковским 19.05.1902.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 142, под № 248; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 138; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 63.

5.

Обломок глиняного сосуда с орнаментом.

Найден на Увеке. Пожертвован 22.06.1902 Б.В.Зайковским.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 149, под № 279; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 141; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 67.

6.

Горлышко с двумя ручками от золотоордынского сосуда,

1 украшение (курильница) целая, с орнаментом.

Собраны (наряду с другими предметами) 1.10.1902 на городище Увек. Поступили 12.12.1902 от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 164, под №/№ 310-311; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 141об.; ед.х. 985, л. 48 об.

7.

1 черепок золотоордынской эпохи с рельефным орнаментом.

Собраны (наряду с другими предметами) 1.10.1902 на городище Увек. Поступили 12.12.1902 от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 164, под № 313; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 141об.; ед.х. 985, л. 48об.

8.

1 донышко золотоордынского сосуда.

Собраны (наряду с другими предметами) 1.10.1902 на городище Увек. Поступили 12.12.1902 от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 164, под № 320; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139; ед.х. 985, лл. 25, 48об.-49.

9.

1 черепок золотоордынского сосуда.

Найден (наряду с другими предметами) на Увеке (в 1902 г.). От Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 168, под № 333; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139об.; ед.х. 985, л. 50об.

10.

13 осколков от глиняной посуды.

Найдены на Увеке в 1904 г. Поступили 1.05.1904 (наряду с другими предметами) от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 190, под № 413; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 142; ед.х. 985, л. 58об.

11.

Глиняный кувшин с ручкой и простым орнаментом в виде ямочек, с противоположной ручке стороны кувшин расколот.

Найден на Увекском городище (при сверке 1923 г. зачёркнуто и вписано: у села Пристанного, Саратовского уезда) при земляных железнодорожных работах летом 1905 г. Куплен (вместе с другими предметами) 30.06.1905 хранителем музея Б.В.Зайковским на Увеке за 30 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 217, под № 507; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 68об.

12.

Одно грушевидное изделие из красной глины полое внутри.

Найдено (вместе с другими предметами) на Увекском городище в 1905 г. От С.А.Щеглова 16.08.1905.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 218, под № 511; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 69.

13.

2 цельных глиняных предмета грушевидной формы, один с орнаментом, другой без орнамента и один такой же предмет повреждённый.

Найдены на Увекском городище в 1905 г. Куплены (наряду с другими предметами) у местных жителей 29.08.1905 за 1 руб. 90 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 219, под № 514; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 69об.

14.

Три предмета из обожженной глины, грушевидной формы.

Найдены в 1905 г. на Увекском городище. Поступило 11.09.1905 от Ивана Алексеевича Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 221, под № 518; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 70.

15.

Маленький обломанный глиняный горшочек.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 4.

16.

1 глиняный грушевидный полый предмет.

Найден (вместе с другими предметами) на Увекском городище в 1895 г. 14.09.1905 куплены Б.В.Зайковским у увекских жителей за 20 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 223, под № 526; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 70об.

17.

Черепки от глиняных сосудов.

Найдены на Увекском городище в 1908 г. Поступили 20.04.1908 от Б.В.Зайковского.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 268, под № 691; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 87об.

18.

Маленький глиняный сосуд с отломанным горлышком,
один глиняный грушевидный светильник с чешуйчатым орнаментом.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 6.

19.

Крупный обломок от глиняного светильника грушевидной формы с орнаментом.

Найден на Увеке в 1908 г. 21.06.1908 куплен (наряду с другими предметами) у разных лиц за 35 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 280, под № 734; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, лл. 25, 93.

20.

2 черепка (по сверке 1923 г. – 1) от глиняного грушевидного сосуда,
маленький глиняный сосуд.

Найдены (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1908 г. Поступили 14.09.1908 от Б.Ф.Федорова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 304, под № 816; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 985, л. 102об.

21.

Ручка из красной глины, гладкая, без орнамента, длиною 7 вершков, в окружности 3 вершка, от громадного глиняного сосуда,

черепок размером 4 х 3 1/2 вершка с орнаментом в виде простых рубчиков - от красноглиняного громадного сосуда.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 8.

22.

4 черепка глиняной посуды с рельефным
орнаментом,
2 горлышка от кувшинов из глины.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 10.

23.

Осколок сосуда из серой глины с рельефным орнаментом.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 11.

24.

3 обломка посуды из серой глины с рельефным орнаментом.

Найдены на Увекском городище в июле 1909 г. Поступили 26.07.1909 от Пантелея Григорьевича Алексеева.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 380, под № 1018; ГАСО, ф. 407, оп.2, ед.х. 166, л. 21об.

25.

(Не указанное количество) глиняных сосудов неизвестного назначения.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 14.

26.

Черепок от посуды из серой глины с рельефным орнаментом.

Найден на Увеке. Поступил 2.05.1910 от В.И.Михина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 425, под № 1156; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 5.

27.

6 обломков от посуды из серой глины с рельефным орнаментом.

Происхождение см. прил. 1, № 16.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 427, под № 1168; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 5об.

28.

Обломки от грушевидных сосудов.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 16.

29.

Глиняный грушевидный полый сосуд,

горлышко от кувшина из красной глины с двумя ручками,

1 донышко от сосуда из серой глины,

2 горлышка и 3 обломка от сосудов из серой глины с изящным тиснёным орнаментом.

Происхождение см. прил. 1, № 17.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 433-434, под №/№ 1244, 1246-1247, 1249; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, лл. 7об-8.

30.

4 черепка посуды из серой глины с рельефным орнаментом,

7 обломков донышков от глиняной посуды.

Происхождение см. прил. 1, № 20.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 436, под №/№ 1269-1270; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 8об.

31.

Половинка сосуда из белой глины без орнамента,

5 черепков от сосудов из серой глины с рельефным орнаментом.

Происхождение см. прил. 1, № 21.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 437, под №/№ 1288-1289; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 9.

32.

5 черепков глиняной посуды с рельефным орнаментом,

черепки разной глиняной посуды.

Происхождение см. прил. 1, № 22.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 442, под №/№ 1330, 1333; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.

33.

Раздробленные глиняные кувшины с простым орнаментом из вдавленных линий (приписка при сверке 1923 г.: «горн для обжигания посуды»).

Найдены 26.06.1910 на месте раскопки по указанию С.А.Щеглова. Раскопку производили члены Комиссии: С.А.Щеглов, А.А.Кротков, художник Феоктист Сафрониевич Стадников и студент императорского Московского университета Иван Сергеевич Волынкин. Место раскопки: Набережный Увек, на земле отчуждения РУЖД против переправы, у юго-западного угла сада дорожного мастера И.А.Михина, в выемке железнодорожного карьера на глубине 1 аршина от поверхности канавы, которой окопан сад Михина. В склоне двух природных увалов обнаружена кирпичная кладка круглого горна для обжига крупной глиняной посуды. Диаметр горна 2 1/2 аршина, толщина стенок горна 7 вершков. Под верхним подом толщиною 7 вершков в виде замазанной глиной кирпичной площадки оказались две печурки, соединяющиеся между собою за столбом, поддерживающим верхний под горна. Обе печурки забиты вплотную песком при действии, вероятно, весенних вод, сбегающих к горну с увала на западной стороне. Под песком оказалась зола, укрывающая в печурках весь под под слоем до 1 - 3 1/2 вершков толщиною. Высота печурок 15 вершков. Ширина столба 15 вершков. Столб сложен из ордынского кирпича на ребро. Между кирпичами прослойки глины одинаковой с кирпичами толщины. На прослойках имеются следы борозд, оставленных пальцами при кладке горна с целью лучшей связки кирпичей, на которых также есть такие же борозды. Под обеих печурок толщиною 7 вершков лежит под слоем утрамбованной глины, уложенным на песчаном материале. По-видимому горн этот имел два этажа: нижний - с двумя вышеупомянутыми печурками, и верхний - имевший такое же устройство, но завершавшийся куполом. За такое предположение говорят кирпичи, оказавшиеся во множестве при расчистке верхнего пода, и обломки глиняных кувшинов, лежавших на этом поду. Высота всего двухэтажного горна от основания до верха должна (была) быть около 3 1/2 аршин. Огонь раскидывался в нижнем этаже, где жар доходил до такой степени, что плавил стенки кирпичей всего этажа наподобие толстой глазури серо-зелёного цвета. В верхний этаж жар проникал в узкие щели, проделанные в своде нижнего этажа; стенки щелей также оказались стекловидными.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 446-448, под № 1359; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, лл. 11об.-12.

34.

8 черепков от глиняной посуды с различным рельефным орнаментом,
2 (при сверке 1923 г. – 1) горлышка от кувшинов, одно с ручкой,
2 горлышка от глиняных сосудов,
Происхождение см. прил. 1, № 26.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 449, под №/№ 1373, 1375, 1377; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 12об.

35.

Горлышко с ручкой от кувшина из серой глины. На этом кувшине должен бы быть роскошный рельефный орнамент, судя по остаткам от него по краям излома.

Найдено (судя по контексту) на Увекском городище (на месте Нобеля) в 1910 г. Поступило 10.07.1910 от Василия Ивановича Леушкина.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 451, под № 1390; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13.

36.

11 (по сверке 1923 г. – 3) черепков от посуды из серой глины с рельефным орнаментом.
Происхождение см. прил. 1, № 28.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 452, под № 1408; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13.

37.

Черепочек от глиняной посуды ? (sic),
черепки разной глиняной посуды,
черепок из чёрной глины с белыми полосами.
Происхождение см. прил. 1, № 28.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 452, под №/№ 1412-1414; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13об.

38.

Черепок от (неизвестного) глиняного сосуда с оригинальным краем.

Происхождение см. прил. 1, № 29.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 452, под № 1415; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13об.

39.

Горлышко от кувшина из красной глины,
обломок массивной ручки из серой глины,
черепок от массивного сосуда из красной глины,
6 черепков от посуды из серой глины с рельефным орнаментом.

Происхождение см. прил. 1, № 30.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 455, под №/№ 1448, 1452, 1456-1457; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 14об.

40.

11 глиняных черепков.

Найдены (наряду с другими предметами) на Увеке. 12.09.1910 от г. Стадникова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 465, под № 1514; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 17; ед.х. 985, л. 28.

41.

Золотоордынская эпоха.
2 обломка глиняной посуды с рельефным орнаментом,
2 обломка от грушевидных сосудов,
разные черепки глиняной посуды.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 33.

42.

17 черепков посуды из серой глины с рельефным орнаментом,
горлышки, ручки и донышки глиняной посуды.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 34.

43.

7 черепков глиняной посуды с рельефным орнаментом,
большой обломок от круглого сосуда из красной глины с узким горлышком.

Найдены на Увекском городище. Приобретены (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека 12.08.1911 С.А.Щегловым за 2 руб. 95 коп. Поступили 9.11.1911 от С.А.Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 33, под № 1775.

44.

3 черепка от посуды с фигурным рельефным орнаментом,
2 черепка от грушевидных сосудов.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 37.

45.

Черепки посуды из серой глины с рельефным орнаментом.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 40.

46.

Донышко от сосуда.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 43.

47.

Конусообразный (остродонный) татарский сосуд.

Найден на Увеке - линия окопов. От А.А.Кроткова 30.06.1920.

Источники: КЗВМ СУАК, т. II, с. 228, под № 3009; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 303, л. 87, № 514.

48.

11 обломков золотоордынской посуды,
черепок от сосуда дотатарской эпохи.
Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 243, под № 3093.

49.

Татарские посудные черепки: из красной глины - 210 шт., с рельефным орнаментом - 7.
Происхождение и источники см. прил. 1, № 45.

Отдел 2. Напрясла и грузила

50.

1 глиняная пряслица.
Найдена на Увеке в 1895 г. Поступила от В.П.Юрьева 25.05.1902.
Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 146, под № 268; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 65.

51.

1 глиняное пряслице.
Происхождение и источники см. прил. 1, № 10.

52.

Две глиняные пряслицы, одна с ободком,
глиняное грузило (?).
Происхождение и источники см. прил. 1, № 11.

53.

Пряслице, выточенное из черепка глиняной посуды.
Найдено при костяке, вырытом при разработке железнодорожного карьера на Увеке 29.04.1910. От костяка осталось только 3 части черепа, всё остальное рабочими разрушено и разбросано. Поступило 2.05.1910 от В.И.Михина.
Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 425, под № 1154; ГАСО, ф. 407, оп.2, ед.х. 188, л. 5.

54.

Грузило из обожжённой глины.
Происхождение см. прил. 1, № 21.
Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 436, под № 1286; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 9.

55.

1 глиняное пряслице,
глиняное грузило.
Происхождение см. прил. 1, № 24.
Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 443, под №/№ 1341-1342; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.

56.

1 пряслице, выточенное из черепка глиняной посуды.
Происхождение см. прил. 1, № 28.
Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 451, под № 1407; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13.

Отдел 3. Кирпичи, изразцы и фрагменты глиняной обмазки

57.

4 осколка кирпича с орнаментом.

Найдены в 1902 г. на развалинах древнего Укека. Куплены С.А.Щегловым (наряду с другими предметами) 2.06.1902 за 50 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 148, под № 276; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, лл. 140об.-141; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 66.

58.

5 обломков изразцов.

Происхождение см. прил. 2, № 10.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 189, под № 412; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 142; ед.х. 985, л. 58об.

59.

Кирпич в обломках с изразцом.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 10.

60.

Обломки от изразцов.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 16.

61.

Обломки изразцов.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 18.

62.

Обломки изразцов.

Происхождение см. прил. 1, № 22.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 442, под № 1334; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.

63.

1 обломок от толстой глиняной обмазки с орнаментом в виде вдавленных линий.

Происхождение см. прил. 1, № 24.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 443, под № 1347; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.

64.

Образцы кирпичей, прослойки глины (?),
кирпичи со следами плавления их.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 33.

65.

Кусок глиняной обмазки с оригинальным орнаментом.

Происхождение см. прил. 1, № 29.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 452, под № 1418; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13об.

66.

Образцы глиняной обмазки с орнаментом,
4 обломка изразцов.

Происхождение см. прил. 1, № 30.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 455, под №/№ 1451, 1455; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 14об.

67.

Обломок изразца.

Найден (наряду с другими предметами) на Увекском городище в 1910 г. 15.08.1910 от Феоктиста Сафрониевича Стадникова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 464, под № 1504; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 16об.

68.

Золотоордынская эпоха. Обломок изразца.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 33.

69.

7 кусочков изразцов.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 35.

70.

Обломки изразцов.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 40.

71.

2 обломка изразцов.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 48.

72.

4 кирпича из красной глины: 1) размером 29×14×5 см; 2) размером 22×22×4 см, причём одна сторона имеет форму полукруга; 3) размеры 29×14×5 см; 4) размером 28×14×5 см.

Раскопаны во дворе Ванакова на Увеке в 1921 г. П.Н.Шишкиным - от Ванакова 1921 г.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 244, под № 3107.

Отдел 4. Различные керамические изделия

73.

Глиняное украшение (приписка: Есть некоторые основания предполагать (ориент. Васильев, Куник и пр.), что это есть ярлык на право сбора ясака, в районе Золотой Орды – «Тамга»).

Найдено на Увеке. Доставлено В.П.Юрьевым 25.05.1902.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 145, под № 262; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 138об.; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 65.

74.

Обломок глиняного украшения с орнаментом.

Происхождение см. прил. 2, № 50.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 147, под № 272; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140об.; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 66.

75.

2 глиняных украшения с орнаментом, одно из них разбито.

Найдены в 1902 г. на развалинах древнего Укека. Куплены С.А.Щегловым (наряду с другими предметами) 2.06.1902 за 50 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 148, под № 275; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 140об.; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 66.

76.

2 осколка глиняных украшений,
осколок глиняного шара.

Происхождение и источники см. прил. 2, № 57.

77.

Обломок глиняного украшения с орнаментом.

Происхождение см. прил. 2, № 5.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 149, под № 278; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 141; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 66.

78.

Глиняное украшение с орнаментом.

Найдено на Увекском городище. Пожертвовано Е.П.Феокритовым 24.08.1902.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 150, под № 284; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 141; ТСУАК, 1903, вып. 23, с. 67.

79.

Глиняное украшение.

Найдено в 1900 г. с осколком такого же украшения. 31.05.1903 от К.Егорова.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 176, под № 369; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 983, л. 139об.; ед.х. 985, л. 54.

80.

1 обломок гончарной водопроводной трубы длиною 1 четверть, диаметр внутреннего отверстия 1/2 - 3/4 вершка, внешний диаметр 1 1/2 - 2 вершка.

Происхождение и источники см. прил. 1, № 11.

81.

4 шт. гончарных водопроводных трубы, внутренний диаметр 1 1/4 - 2 вершка, наружный - 1 1/2 - 2 1/2 вершка, длина 10 вершков. Две трубы имеют боковые отходы внутренним диаметром 1 вершок, наружный - 1 1/2 вершка; длина отрога - 1 1/2 вершка (приписка: «Образцы гончарных водопроводных труб уступлены Комиссией музею при доме науки и искусства г. Царицына 3.10.1914. - Хранитель музея С.А.Щеглов.»).

Найдены на Увекском городище в 1909 г. Куплены (наряду с другими предметами) 5.06.1909 членом Комиссии П.Н.Шишкиным у жителей села Набережный Увек за 2 руб. 83 коп.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 3, под № 971; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 166, л. 1.

82.

Глиняная коленчатая водопроводная труба.

Происхождение см. прил. 1, № 21.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 436, под № 1285; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 9.

83.

2 глиняные бусины.

Происхождение см. прил. 1, № 22.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 441, под № 1318; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10.

84.

Обломок какой-то вещицы из чёрной глины или камня.

Происхождение см. прил. 1, № 24.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 443, под № 1348; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 10об.

85.

5 обломков от гончарных водопроводных труб.

Происхождение см. прил. 1, № 28.

Источники: КЗВМ СУАК, т. I, с. 452, под № 1417; ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.х. 188, л. 13об.

86.

1 половинка глиняной бусинки.

Происхождение см. прил. 1, № 33.

Источник: КЗВМ СУАК, т. I, с. 479, под № 1577.

87.

Золотоордынская эпоха. Обломок глиняного предмета, представляющего головку петуха. Величина 5×6 см.

Случайно найден на городище Увек в 1911 г. 24.06.1911 приобретен (наряду с другими предметами) у жителей Набережного Увека С.А.Щегловым за 5 руб. 78 коп. Поступил 15.07.1911 от С.А.Щеглова.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 7об., под № 1614.

88.

Круглый глиняный шар с тремя дырочками.

Подобран на городище Увек, Саратовского у. случайно в 1911 г. 3.09.1911 от Н.Г.Пискарёва.

Источник: КЗВМ СУАК, т. II, с. 20об., под № 1682.

УДК 528.8/902.21 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00095

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МУСУЛЬМАНСКОГО КЛАДБИЩА «БИШ-БАЛТА» АДМИРАЛТЕЙСКОЙ СЛОБОДЫ КАЗАНИ В 2017 Г.

© 2019 г. А.В. Беляев, Х.М. Абдуллин, Г.М. Сайфутдинова, А.Г. Ситдиков

Для определения точных границ мусульманского кладбища поселения Биш-Балта проведены комплексные исследования, в том числе археологические изыскания. Также собраны известные сведения о средневековом поселении Биш-Балта периода Казанского ханства. Рассматриваются проблемы историографии мусульманского кладбища поселения Биш-Балта в средневековье и более поздний период. Характеризуется развитие близлежащей территории в более поздний русский период и, в особенности, в период организации и функционирования Адмиралтейской слободы города Казани. Приводятся сведения, на основе которых выполнен анализ исторического картографического материала по истории объекта культурного наследия «Мусульманское кладбище слободы «Биш-Балта» (XVI–XX вв.)». Прослеживаются этапы локализации кладбища на картах и планах города со второй половины XVIII до первой половины XX в. Кроме того, выполнен пространственный анализ на основе историографических, картографических и натурных исследований с использованием геоинформационных технологий и построена трехмерная модель территории кладбища и намогильных камней.

Ключевые слова: Казань, Адмиралтейская слобода, кладбище «Биш-Балта», археологическая разведка, определение границ памятника, историография, историческая картография, трехмерная модель местности.

Мусульманское кладбище «Биш-Балта» топографически локализуется на левом берегу р. Волги, в Кировском районе г. Казани (к нему ведет современная ул. Брюсова), на юго-западной территории бывшей слободы Биш-Балта: на оконечности мыса площадью 200×150 м. На месте кладбища сохранились отдельные надгробные камни (Свод, 2007, с. 38). В 2017 г. на территории памятника усилиями сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан были проведены археологические и междисциплинарные исследования памятника[1].

Археологические исследования. Научно-исследовательские археологические работы на объекте культурного наследия «Мусульманское кладбище слободы «Биш-Балта» (XVI–XX вв.)» проводились весной 2017 г. по Открытому листу № 210, выданному Министерством культуры Российской Федерации на имя Беляева Александра Владимировича. Цель работ – уточнение границ объекта культурного наследия.

Визуальный осмотр территории показал, что кладбище находится на правом берегу р. Казанка в 2,8 км к юго-западу от Казанского Кремля в тупике ул. Брюсова и представляет собой мыс, площадью 200×150 м. выступающий в акваторию водохранилища. Большая часть кладбища застроена и затоплена в результате строительства Куйбышевского водохранилища. На северо-восточной части кладбища располагается лодочная станция, северо-западная территория участка обнесена забором под строительство частного жилого дома. На данной территории поверхность почвы сильно повреждена начатыми строительными работами. На участке зафиксирован фундамент под строительство дома и горы складируемого грунта. Часть северо-восточного и юго-западного берега мыса укреплена вертикально вбитыми сваями и засыпана грунтом на 3–4 метра от уровня воды. Протяженность укрепленного участка на северо-востоке составила 50 м, а на юго-западе – 160 м. Центральная часть кладбища огорожена забором. Также на территории мыса во многих местах проходят грунтовые автомобильные дороги. В северо-восточной

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Мусульманское кладбище слободы «Биш-Балта» (XVI–XX)» при финансовой поддержке Правительства Республики Татарстан (Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан № 232-р от 15.02.2017 г.).

части кладбища имеется большая канава, вытянутая по направлению ЮВ–СЗ. Канава образовалась в результате подсыпки грунтом территории лодочной станции.

После строительства Куйбышевского водохранилища большая часть кладбища была затоплена, а остальная часть пришла в запустение, поросла деревьями и кустарниками. Перед затоплением в санитарных целях (во избежание размываний погребений) территория кладбища была засыпана слоем камней, которые можно проследить на не застроенной части кладбища. Санитарная засыпка кладбища наблюдается на юго-восточном и восточном берегу мыса. Кладбище периодически подтапливается водой. Во избежание подтопления, дневной уровень территории кладбища, где находится лодочная станция, и участок под строительство дома неоднократно поднимался привозным грунтом, местами уровень насыпи достигает 2 м.

Среди камней, которые служат санитарной засыпкой, на территории кладбища встречаются фрагменты надгробий с сохранившимися надписями. Среди них есть плиты из известняка, а так же из кирпича и цемента, некоторые армированы стальным прутом.

На выбранных перспективных участках, с целью определения наличия культурного слоя, или выявления пятен могильных ям, закладывались шурфы. **В результате работ на участке обследования было заложено 5 шурфов, размерами 2×2 м, общей площадью 20 кв. м.** Прокопка шурфов производилась пластами (штыками) по 20 см. В связи с тем, что необходимости в долговременном репере не было, за ноль принималась максимальная высота профиля на одном из углов шурфа. При обнаружении в шурфе пятен антропогенного происхождения (могильные ямы) осуществлялась зачистка поверхности на уровне выявления и фиксация границ. Выборка могильных ям и расчистка не производилась, т.к. целью работ это не предусматривалось, кроме того в этом не было необходимости и научной целесообразности. Если на основании имеющихся данных можно было определить характер выявленного объекта, дальнейшее исследования прекращались, шурф закапывался. Заложенные шурфы после выборки и фиксации были закопаны.

В шурфах № 2 и № 3 были выявлены пятна, относящиеся к могильным ямам (рис. 1–3). Всего в шурфе № 2 зафиксированы могильные пятна 5 погребений (рис. 4). Максимальная глубина шурфа составила 224 см. Погребение 1 зафиксировано на отметке – 79 см от 0, как пятно подпрямоугольной формы вытянутого по линии запад-восток с небольшим отклонением к северо-западу. На отметке -180 см от 0 в погребении зафиксированы остатки древесного тлена, предположительно от перекрытия могильной ямы. На отметке – 222 см в западной части могильного пятна зафиксирован череп. Погребение 1 прорезает более ранее погребение 2. Погребение 2 зафиксировано на отметке – 80 см от 0, как пятно подпрямоугольной формы вытянутое по линии запад-восток. Погребение имеет продолжение в западную стенку шурфа. Погребение полностью оконтурилось на уровне материка, на отметке – 223 см от 0. В погребении зафиксированы остатки древесного тлена, предположительно от перекрытия могильной ямы. На отметке – 223 см в северной части могильного пятна зафиксированы кости погребенного. Погребение 3 зафиксировано на отметке – 159 см от 0. Погребение имеет продолжение в северную и восточную стенку шурфа. В северо-западном углу пятна зафиксированы следы древесного тлена, предположительно от перекрытия могильной ямы. Погребение полностью оконурилось на уровне материка, на отметке – 224 см от 0. Костяк не обнаружен. Вероятнее всего костяк находится за пределами шурфа. Погребение 4 зафиксировано на отметке – 99 см от 0. Погребение имеет продолжение в северную и западную стенку шурфа. Погребение полностью оконурилось на отметке – 182 см от 0. Глубже, следы могильной ямы не прослеживаются. В профиле северной стенки шурфа, почти на дне погребения фиксируются остатки древесного тлена, предположительно от перекрытия могильной ямы. Костяк, вероятно, находится за пределами шурфа. Погребение 5 зафиксировано на отметке – 80 см от 0. Погребение имеет продолжение в южную и восточную стенку шурфа. Погребение полностью оконтурилось на отметке – 200 см от 0. Ниже, следы могильной ямы не прослеживаются. В профиле южной стенки, на уровне – 160 см от 0, фиксируются остатки древесного тлена, предположительно от перекрытия могильной ямы. Костяк, вероятнее всего, находится за пределами шурфа. Погребение прорезано более поздним погребением 1.

В шурфе 3 зафиксированы 3 могильных пятна. Максимальная глубина шурфа составила 186 см. Погребение 1 зафиксировано на отметке – 160 см от 0, как пятно подпрямоугольной формы вытянутое по линии запад-восток. Оно полностью оконтурилось на уровне материка – 180 см от 0. Костяк, вероятно, находится за пределами шурфа. Погребение 2 зафиксировано на отметке – 121 см от 0, как пятно подпрямоугольной формы и полностью оконтурилось на уровне материка – 186 см от 0. Погребение имеет продолжение в северную и восточную стенку шурфа. Костяк, вероятнее всего, находится за пределами шурфа. Погребение 3 зафиксировано на отметке – 120 см от 0, как пятно подпрямоугольной формы и полностью оконтурилось на уровне материка – 180 см от 0. Погребение имеет продолжение в западную и южную стенку шурфа. Вероятнее всего костяк находится за пределами шурфа. Всего в шурфе 3 зафиксированы следы 3 погребений. Погребения 2 и 3 попали в шурф лишь не большими участками, поэтому костяки, вероятнее, всего находятся за пределами проведенных работ. Погребение 1, судя по не большим размерам (100х50 см), является детским. Всего в процессе работ было зафиксировано 8 погребений.

В шурфах № 4 (рис. 4) и № 5 были выявлены фрагменты керамики и другие бытовые изделия XVIII–XIX вв. (гвозди, подвеска, пуговицы, жетон) (рис. 5, 6). Мощность культурного слоя в шурфе № 4 составила 202 см., в шурфе № 5–210 см. Шурфы № 4 и № 5 находятся за пределами кладбища, погребения в них не выявлены.

В шурфе № 1 археологических материалов обнаружено не было. Мощность слоя, представленного песком, суглинком с включением большого количества бытового и строительного мусора составила 214 см.

В результате исследований уточнены границы объекта археологического наследия мусульманского кладбища слободы Биш-Балта. Площадь составила 2,47 га. Был проведен подробный обзор картографических материалов интересующей территории. Составлен топографический план обследованного участка с прилегающими территориями и объектами. Также была создана трехмерная модель территории кладбища Биш-Балта. Параллельно с топографической съемкой осуществлялась фотограмметрическая съемка каждого сохранившегося надгробного камня, находящегося на территории кладбища Биш-Балта (всего 25 камней). Намогильные камни были прочитаны, и выполнен перевод текстов с арабской графики на современный татарский и русский языки (рис. 7).

Междисциплинарные исследования. Историографические и картографические изыскания. Кладбище, вероятно, первоначально было основано как деревенское и относилось к населенному пункту Биш-Балта. Археологические изыскания, проведенные в этих местах А.Х. Халиковым, показали, что селение Биш-Балта существовало не одну сотню лет. Соответственно настолько же длительная история характеризует и кладбище этого поселения. По мнению историка Р.И. Султанова, специалиста по исторической географии Казани, не позднее второй половины XIV в. здесь уже сложилось развитое судостроительное производство, а к XV в. селение становится большим населенным пунктом, где жители занимались строительством торгового и военного флота (Султанов, 2004, с. 116).

«Царь Шигалей и все царя и великого князя воеводы приехали на казанское устье и стали от Волги и до Бежеболды, а вверх две версты, а за Казань вниз до Царева луга…» (Полное собрание, 1904, т. 13, с. 168) – таково первое упоминание о деревне Биш-Балта в письменных источниках при описании событий 13 августа 1551 г., когда происходит съезд татарских и русских переговорщиков по вопросу о Горной стороне в местности Тирян Узяк (Султанов, 2004, с. 117).

После взятия города войсками Ивана Грозного выгодное географическое положение Биш-Балты продолжает использоваться новой властью – здесь организуется государственная «плавня служба», являвшаяся своего рода Поволжским речным пограничным учреждением. Тогда же татарское население этой деревни было выселено. А сам населенный пункт был передан Казанскому Зилантову монастырю. В 60-х гг. XVI в. в деревне насчитывалось всего три крестьянских двора с 20 десятинами пашенной земли в поле (Султанов, 2004, с. 117–118).

В 1718 г. в Казани по личному указу Петра I было основано адмиралтейство. Предприятие строило корабли для Каспийского, Азовского и Волжского флотов, а также отправляло корабельный лес на санкт-петербургские верфи. В том же году близ

Казани на левом берегу Волги была создана слобода для работных людей и расселения их рядом с производством. Для Адмиралтейской слободы было выбрано монастырское село Бежболда (Биш-Балта).

Именно после организации на территории исторического села Биш-Балта Адмиралтейской слободы, на данную территорию возвращается татарское население в лице лашманов, мастеровых, рабочих и матросов. Тогда же, очевидно, возрождается и мусульманское кладбище. Кладбище хранит уклад крестьянского и ремесленного населения Биш-Балты, который оставался традиционным вплоть до 1833 г., когда населенный пункт был присоединен к городу, а местные жители переведены в мещанство. Татарское население слободы селилось компактно и проживало в основном на улице Жировка, что вблизи мусульманского кладбища (Файзрахманов, 2014, с. 77).

В исторической литературе мусульманское кладбище Биш-Балты упоминается в связи с деятельностью Мухаметзяна Ибниаминовича Галеева (1832–1908) – предпринимателя, общественного деятеля, гласного (депутата) Казанской городской думы всех созывов начиная с 1871 г., попечителя мусульманских кладбищ г. Казани. Дважды Мухаметзяну Галееву пришлось отстаивать мусульманское кладбище в Адмиралтейской слободе. В 1879 г. за его упразднение высказалась санитарная комиссия Городской думы, так как оно «почти ежегодно заливается водой». Тот же вопрос поставил перед Думой в 1884 г. настоятель Макарьевской церкви Сычов. Но Галеев, на заседании Городской думы 25 апреля 1885 г., сумел предотвратить роковое решение, заявив, что «в Адмиралтейской слободе проживает более 150 мусульманских семейств, другого не затопляемого весенним разливом места в окрестностях слободы нет... Слободское магометанское население по большей части, бедное, было бы крайне затруднено необходимостью носить покойников за 8 верст» (Из истории). Кроме того, М.И. Галеев заявил, что кладбище содержится в должном порядке и засажено деревьями. Городская дума согласилась не закрывать кладбище, взяв с М.И. Галеева обещание, что он обратит внимание «на более тщательное зарывание трупов».

Картографические источники прорисовывают данное кладбище начиная со второй половины XVIII в.[2], что, видимо, связано с возрождением кладбища после возвращения татар на территорию Адмиралтейской слободы (рис. 8).

План города Казани со слободами и деревнями, отнесенный нами ко второй половине XVIII в., самый ранний из планов и карт города, на котором локализовано историческое мусульманское кладбище «Биш-Балта» (РГАДА. Ф.1356. Оп. 1. Казанская губерния. Д. 1301). План рукописный, выполнен в цвете. Кладбище прорисовано в качестве небольшого прямоугольника на самой оконечности холма, ныне ставшего мысом, и заштриховано картографом так же, как и все остальные кладбища в городе. План, кроме прочего, интересен сохраняющимся отдельным обозначением села «Бежболда», на следующих более поздних картах этот населенный пункт упоминается редко, сливается со слободой. Адмиралтейская слобода обозначена отдельно, так же как и «Верфть», т. е. судостроительная верфь.

«План губернского города Казани с описанием. М.: 200 саженей» являлся составной частью альбома «Планы городов Российской империи, собранные по Высочайшему повелению императора Павла I в 1798 г.» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21528, л. 11). План рукописный, в красках, не подписан. В нижнем левом углу дана экспликация плана, условно разделенная на три части: объяснение зданий в кремле, в городе и указатель названий улиц Казани. Он интересен тем, что, не смотря на датировку самым концом XVIII в., на нем одновременно сохранялась дорегулярная планировка и новая. Кладбище «Биш-Балта» обозначено и локализовано абсолютно аналогично, как и на предшествующем плане города.

План г. Казани 1843 г. составлен прапорщиком корпуса топографов Радионовым (?) (РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 21988). План выполнен в цвете, масштаб 300 саженей в английском дюйме. 20 октября 1843 г. план был передан во 2-е отделение, вероятно,

[2] В картографическом исследовании, опубликованном нами ранее допущена ошибка – «с первой половины XVIII в.»: Абдуллин Х.М., Ситдиков А.Г., Сайфутдинова Г.М. Исторический объект по данным историографии и картографическим источникам (на примере мусульманского кладбища «Биш-Балта» города Казани) // Геодезия и картография. – 2018. – Т. 79. – № 8.– с. 20-27. DOI: 10.22389/0016-7126-2018-938-8-20-27.

корпуса топографов, о чем поставил свою подпись в правом нижнем углу плана подполковник Мелан (?). Кладбище «Биш-Балта» на этом плане локализовано также в виде заштрихованного прямоугольника, но не на южной оконечности холма, а в центральной его части.

План г. Казани 1875 г. также рукописный и выполнен в цвете (НА РТ Ф.324. Оп. 739. Д. 6). Интересующий нас район на карте уже принял очертания типичной городской застройки того периода. В Адмиралтейской слободе уже были пронумерованы кварталы, подписаны улицы и близлежащие озера. Кладбище «Биш-Балта» здесь вновь прорисовано как прямоугольник, однако визуально оно расположено в чистом поле, географические высоты не локализованы.

Составленный согласно проекту М.К. Крыловым план г. Казани 1884 г. был издан в Казани, в типолитографии В.М. Ключникова (План, 1884). Масштаб плана 200 саженей в английском дюйме, он выполнен в цвете. На этом плане интересующий нас участок впервые подписан как «Магометанское кладбище» и занимает уже все пространство холма в виде овала.

Изданный в Санкт-Петербурге план г. Казани 1887 г. с окрестностями выполнен в цвете, масштаб 200 саженей в английском дюйме (План, 1887). Он был издан в картографическом заведении А. Ильина. На плане четко прослеживается изменение эпохи – витиеватые надписи заменены строгим печатным шрифтом, конка и обилие каменных зданий указывают на расцвет капиталистической эпохи. Крошечный квадрат очертаний кладбища «Биш-Балта» занимает здесь лишь небольшую часть холма в северной его части.

План г. Казани по съемке Константиновского межевого института 1910–1911 гг. выполнен от руки, в цвете под руководством профессора Соловьева (НА РТ. Ф.324. Оп. 739. Д. 10). Масштаб 1 верста = 0,01 сажени. План не подробный, схематичный. В то же время составителями замечено и нанесено кладбище «Биш-Балта». Оно составляет отдельный квартал на южной оконечности Адмиралтейской слободы и соответствующим образом заштриховано. Географические высоты не обозначены.

План Казани 1913 г. издания М.М. Перевощикова в Казани также схематичен. Масштаб 200 саженей в английском дюйме (План, 1913). Здесь цветом выделены 6 разных частей города, трамвайная линия и церкви. Кладбище «Биш-Балта» локализовано на юго-востоке Адмиралтейской слободы в виде эллипса, внутри которого с трудом читается «Магомет. кладб.». Географические высоты не обозначены.

«План губернского города Казани 1914 г.» представляет собой абсолютно новый тип планов города, изданных типографским способом (План, 1914). План был составлен по данным съемки и нивелировки, произведенной в 1910–1911 гг. сотрудниками Константиновского межевого института. Масштаб в английском дюйме 150 саженей. Изменения эпохи в картографии города можно заметить и по содержанию изъяснений к плану. Прежде всего, здесь выделены полицейские части Казани, церкви и мечети, христианское и магометанское кладбища, сады и леса, отдельно номера кварталов с каменной и деревянной застройкой, а также кварталы без брандмауэров. Также на плане локализованы линия трамвая, существующая и строящаяся железные дороги. План содержит и проект улучшения весенних пристаней на реке Казанка. Кладбище «Биш-Балта» локализовано на южной оконечности Адмиралтейской слободы в виде прямоугольника. Интересны прочерченные границы и надпись на территории вокруг кладбища – «Владение крестьян Бежболдинских».

«Схематический план города Казани – Qazan planь» – это изданный типографским способом в цвете план Казани, тиражом в 3000 экземпляров (Схематический план, 1936). Издание осуществлено по заказу Казанского городского отдела коммунального хозяйства и предназначалось, прежде всего, представителям коммунальных служб и управлений города. План был составлен по материалам съемок 1933 г. Московского Аэро-Геодезического Треста. Масштаб 1:25000. Разительное отличие от карт предшествующего периода – в полном отсутствии на плане объектов религиозного культа. На условных знаках выделены кварталы, трамвайные маршруты и их номера, огороды, фруктовые сады, кладбища, парки, леса и рубленные леса, луга, газоны, кустарники, озера, реки, канавы, мосты, болота, овраги, ямы, тростники, песчаная местность, выгоны. Также прорисованы шоссе и тракты, проселочные и полевые дороги, межники, просеки, городская черта и желез-

ная дорога. Кроме того, на плане отдельно прописаны схема трамвайных маршрутов и список улиц города с разделением на квадраты плана. Адмиралтейская слобода переименована в Слободу Кзыл Армейскую, а соседнее с кладбищем озеро Чистое – в озеро Максимовское. Кладбище «Биш-Балта» локализовано в виде прямоугольника с лаконичной надписью внутри «Кл.[адбище]».

Обзор историографии района и картографических материалов г. Казани с первой половины XVIII в. по первую половину XX в. свидетельствует о постоянно сохранявшемся интересе со стороны специалистов-картографов к мусульманскому кладбищу «Биш-Балта». Где-то его изображение было схематичным, где-то более подробным. Часть исследователей изображали кладбище в виде овала, другая – в виде прямоугольника. На некоторых планах оно подписано, на некоторых нет. Поиск и включение в научный оборот более подробного плана окрестностей или же самого кладбища позволил бы исследователям ответить на многие вопросы, остающиеся без ответа до сих пор.

Междисциплинарные исследования. Создание трехмерной модели местности и прилегающей территории кладбища Биш-Балта. Для создания трехмерной модели территории кладбища Биш-Балта и его окрестностей использовался модуль ArcScene. В программной среде ArcGIS выполнен сбор и систематизация данных, полученных в результате топографической съемки и полевого обследования территории. Первоначально организована база геоданных, содержащая различные типы данных, в том числе для хранения фотографий намогильных камней и данных об артефактах, найденных в процессе раскопа.

Исходные данные для построения трехмерной модели территории исследуемого объекта это данные геодезической съемки (отметки высот), современный космоснимок исследуемого участка и фотографии намогильных камней.

Алгоритм построения трехмерной модели следующий:

- построение трехмерной модели рельефа с учетом отметок высот, изолиний и гидрографии;
- добавление коммуникаций инфраструктуры: дороги, строения, ограждения, строительная площадка, линии электропередач и другие объекты, присвоение им базовых высот для совмещения с поверхностью рельефа;
- добавление точечных объектов: намогильных камней, растительности с применением трехмерных символов ArcScene;
- оформление и максимальное приведение модели территории памятника к оригинальному состоянию.

Трехмерная модель рельефа была построена путем создания поверхности из входных значений высотных отметок: использован инструмент TopotoRaster модуля 3DAnalyst, который позволил получить растровую поверхность. Для отображения точечных (намогильные камни, деревья, столбы линий электропередач и др.) и линейных объектов (дороги, линии электропередач, ограждения) была использована библиотека стилей 3D Analyst, которая предоставляет возможность использовать различные символы, имитирующие объекты, находящиеся на территории памятника.

Созданная модель позволила выполнить пространственный анализ и учесть влияние рельефа и гидрографии на размещение территории кладбища и установления границ на местности (рис. 9).

Таким образом, используя ArcGIS, был выполнен пространственный анализ историко-архивного картографического материала, обработаны данные по результатам геодезической съемки обследованного участка с прилегающими территориями и объектами, построен план территории местности, разработана трехмерная модель местности с объектами инфраструктуры и намогильными камнями. Полученный результат позволил изучить и выявить границы территории мусульманского кладбища Биш-Балта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Из истории татарских кладбищ Казани. URL: http://tashlar.narod.ru/text/kzn-tatz.htm (дата обращения: 02.02.2018).

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф.324. Оп.739. Д.6. Карта г. Казани 1875 г.

НА РТ. Ф.324. Оп.739. Д.10. План города Казани. 1910-1911 гг. По съемке Константиновского межевого института под рук. проф. Соловьева. Масштаб 1 верста = 0,01 сажени.

План губернского города Казани. Издание Казанской городской управы 1914 г. Издано в Казани, в типо-литографии В.В. Вараксина. Масштаб: 150 саженей в дюйме.

План г. Казани 1884 г. М.К. Крылова. Издание типолитографии В.М. Ключникова в Казани.

План г. Казани с окрестностями. Санкт-Петербург. 1887 г. Издание картографического заведения А. Ильина.

План г. Казани. 1913 г. Издание М.М. Перевощикова в Казани.

Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению императорской Археографической Комиссиею. Т. XIII. Ч I. Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. V, 302 с.

РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф.1356. Оп.1. Казанская губерния. Д.1301. План города Казани со слободами и деревнями. XVIII в.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф.846. Оп.16. Д.21528. Планы городов Российской империи, собранные по Высочайшему повелению в 1798 г. Рук. Л.11. План губернского города Казани с описанием. М.: 200 саж.

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.21988. План г. Казани. Рук. М. 300 с. 1843 г.

Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Т.3. Казань: ГУП «Полиграфическо-издательский комбинат», 2007.

Султанов Р.И. Историческая география Казани (город и его предместья в XVI – XVII веках). Казань: Магариф, 2004. 271с.

Схематический план города Казани – Qazan planь. Издание Казанского городского отдела коммунального хозяйства. План составлен и отпечатан Фабрикой Картолитография Моск. Обл. Коммун. Отдела по материалам съемок 1933 г. Московского Аэро-Геодезического Треста. Москва, 1936 г. Масштаб 1:25000.

Файзрахманов И.З. История Казанского адмиралтейства (1718-1830 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Из-во «Яз», 2014. 264 с.

Информация об авторах:

Беляев Александр Владимирович, старший научный сотрудник Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Болгар, Россия), научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия), bav986@yandex.ru

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия), Xalimabd@mail.ru

Сайфутдинова Гузель Маратовна, кандидат технических наук, заведующая отделом геоинформационных технологий Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, доцент кафедры геофизики и геоинформационных технологий института геологии и нефтегазового дела, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россиия), saif_gm@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), sitdikov_a@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL AND INTERDISCIPLINARY STUDIES OF BISH-BALTA MEDIEVAL MUSLIM CEMETERY IN ADMIRALTEYSKAYA SLODBODA OF KAZAN IN 2017

A.V. Belyaev, Kh. M. Abdullin, G. M. Sayfutdinova, A. G. Sitdikov

Complex studies, including archaeological surveys, were conducted in order to define of exact boundaries of a Muslim cemetery located in Bish-Balta settlement. The known information on the medieval settlement of Bish-Balta of Kazan khanate period were also collected. The issues of the historiography of the Muslim cemetery in Bish-Balta settlement in the Middle Ages and a later period are considered. The development of

the adjacent territory during the later Russian period and particularly in the period of the establishment and operation of Admiralteyskaya Sloboda of the city of Kazan is characterized. The information used as a framework for the analysis of historical cartographic materials on the history of the Cultural Heritage Site “The Muslim Cemetery of Bish-Balta Settlement (16th-20th centuries)” is provided. The localization stages of the cemetery on maps and city plans from the second half of 18th to the first half of 20th centuries are traced. Besides, a spatial analysis was completed on the basis of historiographic, cartographic and natural studies with use of geoinformation technologies, and a three-dimensional model of the cemetery territory and tombstones was created.

Keywords: archaeology, Kazan, Admiralteyskaya Sloboda, Bish-Balta cemetery, archaeological surveying, site boundary identification, historiography, historical cartography, three-dimensional territory model.

About the Authors:

Belyaev Aleksandr V. Bolgar State Historical and Architectural Reserve (Bolgar, Republic of Tatarstan, Russian Federation); Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation bav986@yandex.ru

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Sayfutdinova Guzel M. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; saif_gm@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Рис. 1. Восточный профиль шурфа 2. Погребения 1,3.

Рис. 2. Шурф 2, план на уровне материка. Погребения 1,2.

Рис. 3. Стратиграфия шурфа 3. Погребения 1,3.

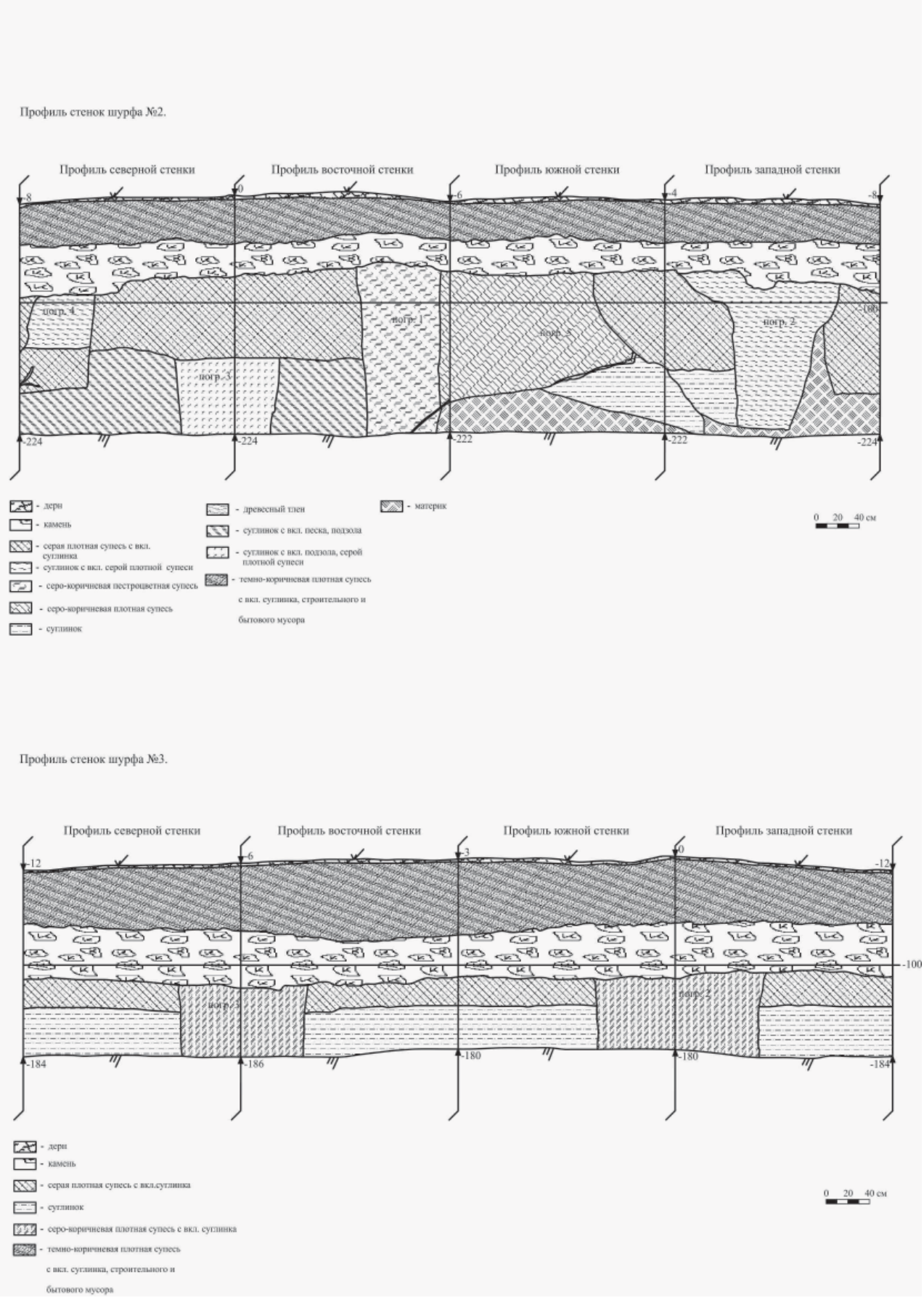


Рис. 4. Стратиграфия (шурфы 2,3)

№ п.п.	№ кол.описи	Предмет	Материал	Размер	Местонахождение
1	25	Развал сосуда глазурованного позднего	Глина	16,5х8х0,8	Шурф 5, шт.9
2	28	Придонная часть сосуда глазурованного позднего	Глина красная	15,4х6,7х0,8	Шурф 5, шт.9
3	40	Венчик сосуда татарско-русского серого лощеного плохого обжига	Глина красная	18х5,6х0,8	Шурф 5, шт.9
4	40	Венчик сосуда татарско-русского серого лощеного плохого обжига	Глина красная	18х5,6х0,8	Шурф 5, шт.9

Рис. 5. Находки 1

№ п.п.	№ кол.описи	Предмет	Материал	Размер	Местонахождение
1	42	Стенка сосуда татарско-русского серого хорошего обжига	Глина красная	6,1х3,4х0,7	Шурф 5, шт.9
2	41	Стенка сосуда татарско-русского серого хорошего обжига	Глина красная	6,9х6,4х0,8	Шурф 5, шт.9
3	27	Венчик сосуда глазурованного позднего	Глина красная	3,8х2,5х0,6	Шурф 5, шт.9
4	36	Тарелка	Фаянс	4,1х3,7х0,5	Шурф 5, шт.9
5	39	Блюдце	Фарфор	4,3х3,5х0,4	Шурф 5, шт.9
6	33	Стенка сосуда глазурованного позднего	Глина красная	4,5х4,2х0,5	Шурф 5, шт.9
7	47	Подвеска из монеты?	медный сплав	диаметр – 2 см, толщина – 0,1 см	Шурф 4, шт.2, глубина – 27 см от 0
8	48	Пуговица	медный сплав	диаметр-1,8 см,толщина -0,1см	Шурф 4, шт.9, глубина – 173 от 0
9	49	Пуговица	медный сплав	диаметр- 2,5 см, толщина -0,1 см	Шурф 4, шт.8, глубина -145 от 0
10	50	Жетон «100 лет Отечественной войне 1812 г.»	медный сплав	диаметр -2,2 см, толщина – 0,1 см	Шурф 4, шт. 2, глубина -30 см от 0

Рис. 6. Находки 2

Рис. 7. Информационный знак на территории кладбища

Рис. 8. РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Казанская губерния. Д.1301. План города Казани со слободами и деревнями. XVIII в. Часть плана.

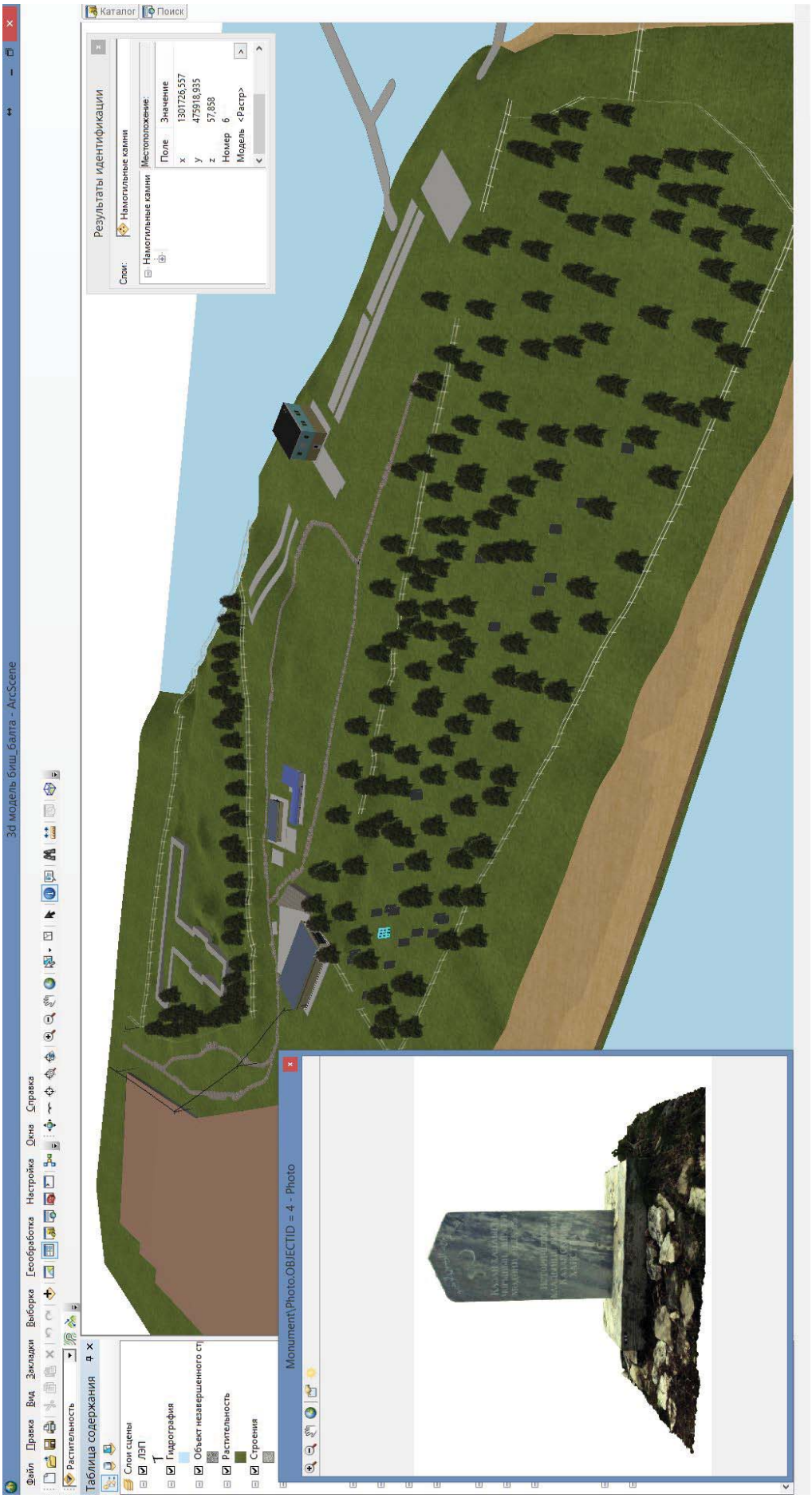


Рис. 9. Трехмерная модель рельефа Кладбища Биш-Балта

УДК 572.02 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00096

ПРОЦЕССЫ СЛОЖЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В XVI-XVIII ВВ.

© 2019 г. Н.Н. Гончарова, Д.С. Конопелькин

Целью работы является выявление антропологических основ формирования городов. Проверяются гипотезы об участии автохтонного населения в формировании города, и одновременно степень влияния мигрантов на формирование облика городских жителей. Результаты проведенных анализов позволяют выявить западные и юго-западные векторы миграции, оказавшие влияние на облик городских жителей в позднем средневековье и на рубеже Нового времени. Обнаруженные закономерности отражают как воздействие процессов урбанизации, так и влияние широколицего и более массивного населения, сформировавшегося, возможно, на балтской основе. Население городов Среднего Поволжья вместе с тем обнаруживает черты, характерные для восточнофинских групп, что означает активное участие местных племен в формировании населения этих городов.

Ключевые слова: антропологический тип, краниология, городское и сельское население, Восточная Европа, XVI-XVIII вв.

Введение

Краеугольным камнем изучения антропологических особенностей любой группы является ее однородность, то есть отсутствие некоторой внутренней стратификации или структуры. Именно это обстоятельство служило обоснованием для изучения в первую очередь сельских популяций, особенно в тех случаях, когда предполагалось обозначить смену морфологических типов на некоторой территории, найти пути возможных миграций групп населения и построить этногенетические схемы. Однако в конце XX в. стал очевидным тот факт, что изучение только сельского населения не дает полной картины процессов, происходящих в определенный временной период на изучаемой территории. Предлагаемая работа является обобщением длительных исследований городского (а значит, заведомо смешанного) населения Восточно-Европейской равнины на рубеже Нового времени.

Работы по изучению антропологического типа населения средневековых русских городов были начаты еще во второй половине XIX века А.П. Богдановым (1880). Тогда и было показано, что доступные на тот момент данные и способы их обработки очень сильно ограничивают исследователя в изучении смешанного населения. Специфика городского материала требует «специальных приемов анализа» (Алексеев, 2008, с. 49). Такие обстоятельства заставили на некоторое время отложить разработку этого направления. Только век спустя, с применением ставших доступными методов математического анализа, появилась возможность показать процессы сложения того или иного облика горожан в разных частях центрального региона России.

Отметим, что само понятие «город» имеет разные трактовки. Во-первых, так называется укрепленная часть поселения (детинец, кремль). Кроме того, город – это и целостная функциональная единица, совокупность укрепленной части и окружающих посадов. Иногда под этим словом может пониматься административное образование как «средоточие власти над прилегавшей («тянувшей» административно) к нему территорией» (Мазуров, 2001, с. 15).

Появление, рост и развитие городов связывают с окружающими сельскими поселениями, производящими излишки продуктов хозяйства. Существует такое понятие города, которое акцентирует именно экономическую идею его образования: это населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт, что обеспечивает рост и изменение структуры города (Большаков, Якобсон, 1983). По мнению авторов, такая формулировка наилучшим образом отражает основную причину возникновения крупного поселения и позволяет описывать динамику инфраструктурного и демографического развития восточноевропейских городов. Именно поэтому чем обширнее территория, подчиненная городу, чем она более

плотно заселена, тем больше и населеннее сам город. Вторая половина XII – начало XIII в. стали временем активного закладывания новых и успешного развития старых городов. В это время в княжествах формируется иерархическая система поселений, включающая в себя столичные города и менее значимые по статусу пригороды. В городе скапливались не только феодальная знать, военная аристократия, дружина, но и торгово-ремесленное население, духовенство и т.д.

Происходит также функциональная дифференцировка городских образований. Приоритетность развития некоторых диктуется их стратегически выгодным оборонным положением. Благодаря возможности торговли на внешнем рынке, часть таких городов с мощными крепостями быстро развивалась, что приводило к выполнению и социально-экономических функций. Существовали варианты увеличения поселения, выступавшего в роли волостного центра. Кроме того, князья обладали возможностью с нуля закладывать поселения, выполняющие городские функции и обладающие их свойствами. Итак, суммируя, можно выделить несколько основных модусов образования крупного поселения: города могли формироваться в процессе консолидации нескольких небольших поселков вокруг укрепленного ядра, могли представлять собой укрепленную порубежную крепость, наконец, нередко города возникали в результате единовременного строительства на каком-либо значимом месте. (Древняя Русь…, 1985). С самого своего появления города являлись полифункциональными и выполняли разнородные задачи, такие, как управление территориями (администрирование в современном смысле этого слова), аккумулирование знати, военных дружин, распространение культуры и идеологии.

Тем не менее, независимо от идеи, лежащей в основе образования города, в абсолютном большинстве случаев для образования городского ядра необходимо наличие укрепленного поселения.

Происходившее в XII–XIII вв. запустение киевских земель сопрягалось с активным градостроительством на северо-востоке. В начале XII в. в верховьях Волги, на Оке возникают крупные населенные центры: Москва, Дмитров, Звенигород, Ростов Великий, Ярославль и другие. Эти поселения возникали на территориях, изначально заселенных финскими племенами. Влияние этих племен на городское население неоспоримо, однако степень этого влияния на городское население северо-восточных территорий Руси изучена в большей степени с точки зрения археологии и истории.

Подводя итоги, необходимо сказать, что по данным истории, археологии и палеоантропологии процесс формирования облика городского населения является очень сложным процессом, векторы влияния антропологических компонентов на городскую популяцию имели разную силу и направление, зависящие от функции города и его географического положения.

Антропологическое изучение населения городов началось сравнительно недавно и в большей степени затронуло анализ демографических показателей, маркеров физиологического стресса, анализ травм и т.д. (Пежемский, 2010, Яблонский, 2012, Гончарова, Энговатова, 2008, Бужилова, 1998).

Помимо демографических исследований существуют также работы, посвященные анализу именно антропологического типа городского населения с привлечением краниологических данных. Одно из первых сравнений городского и сельского населения предприняла Т. А. Трофимова (Трофимова, 1941). Исследованный ею материал происходит из сельского кладбища XVI–XVII вв. в подмосковном селе Никольское. Сравнение сельского населения XVI–XVIII с серией горожан того же времени из Московского Кремля показало, что, несмотря на некоторые отличия, связанные скорее всего с социальными условиями городской жизни, существует близкое сходство этих двух краниологических серий.

К похожим выводам приходит и Т.И. Алексеева в своей классической монографии (1973). В результате сравнения шести городских серий с территориально близкими сельскими группами Т.И. Алексеева приходит к выводам о несущественном влиянии пришлого населения на облик средневековых горожан, так как для жителей городов и сел, находящихся на территории одного предкового племени, выявляется общий антропологический тип. Обнаруженные закономерные отличия в облике сельского и городского населения, по мнению автора, являются следствием урбанизации. В качестве примера приводится тенденция к брахикефализации городских жителей, что рассматривается как часть обще-

го тренда на «укрупнение костяка в условиях города» (Алексеева, 1973, с. 131).

Появление представительных городских серий, а также широкое распространение методов статистической обработки данных, привело к расширению списка работ, посвященных анализу антропологического типа городского населения в связи с его происхождением.

По материалу из некрополей Москвы проведен только первичный краниологический анализ, который показал, что население Москвы довольно однородно в антропологическом отношении и близко к усредненному русскому типу (Дубов, Дубова, 2000).

Сравнительному анализу краниологии населения Ярославля, Дмитрова и Коломны посвящена статья одного из авторов настоящей работы. По результатам внутригруппового анализа выборок утверждается, что антропологический облик городской популяции зависит в каждом конкретном случае от модусов возникновения городов (Гончарова, 2011).

Большое внимание исследователей всегда привлекало изучение населения Новгорода. Изучение новых серий новгородских материалов XVI–XVII вв. на широком сравнительном фоне показало, что новгородцы позднего средневековья заметно отличаются от остальных русских (Пежемский, 2000). По мнению автора, новгородцы не имеют преемников своего краниологического комплекса в новое время. Анализ тех же материалов на фоне популяций Севера Русской равнины показал заметное единство позднесредневековых новгородцев и москвичей XVI в, а также москвичей XVIII в с жителями Новгородской губернии XIX в.

Большое число работ посвящено анализу антропологического материала из раскопок городских могильников на Украине, относящихся к эпохе Киевской Руси, главным образом из городов Среднего Поднепровья. Эти городские могильники оставило торгово-посадское население. Анализ их положения в кругу восточнославянских показал, что выборка черепов из ранних погребений ассоциируется с миром балтов или славян, сформировавшихся на балтских или близких к ним территориях. Популяции, здесь собравшиеся, составляют своеобразный пояс массивности, протянувшийся от тиверских земель до левобережья Днепра. Массивность черепа и его широколицесть сохраняются на этой территории и в более позднее время (Рудич, 2000).

В 2010 г. охранные археологические исследования в Йошкар-Оле позволили Е.М. Макаровой и Н.В. Харламовой провести комплексное антропологическое исследование некрополя конца XVI – середины XVIII в. Совокупность краниологических признаков, по мнению авторов, указывает на схожесть с местным финно-угорским населением, а также со средневековыми сериями восточных славян. Частоты встречаемости одонтологических признаков также указывают на влияние финно-угорского субстрата с одной стороны и близость к жителям поволжских городов с другой (Макарова, Харламова, 2013, с. 88). Таким образом, снова отмечается влияние на облик городского населения как автохтонных групп, так и заметный вклад переселенцев из других областей.

Материалы и методы

Материалом для исследования стали краниологические серии, полученные при археологических исследованиях городов Центральной части России (табл. 1, 6, 7).

Для сравнительного анализа использовались материалы по городскому и сельскому населению того же региона и отчасти – сопредельных территорий (табл. 2).

В работе были использованы классические краниометрические методики (Алексеев, Дебец, 1964). Измерительная программа включала в себя 7 описательных и 35 измерительных признаков (из них в многомерных анализах, были использованы 18 признаков). В работе применялись как классические методы анализа изменчивости (оценка средних и средних квадратических отклонений, бивариантные корреляционные графики), так и многомерный метод – канонический дискриминантный анализ. Статистическая обработка материала проводилась с помощью пакета программ Statistica 8.0, а также программы многомерного дискриминантного анализа MultiCan (Гончаров, Гончарова, 2016).

Результаты и обсуждение

На начальном этапе был проведен анализ данных по методу, предложенному в монографии Т.И. Алексеевой: сравнение по отдельным признакам с построением бивариантных корреляционных графиков. Рассмотрим положение групп в координатах попереч-

но-продольного индекса черепа и скуловой ширины лица (рис. 1). Выбор именно этих показателей сделан не случайно – именно их Т.И. Алексеева считала дифференцирующими население средневековых городов и сел. Полученное распределение городских и сельских групп показывает их заметное различие. Так же, как в работе Т.И. Алексеевой, городские выборки отличаются большей скуловой шириной, но при этом они относительно более долихокранны. Впрочем, необходимо заметить, что различия между городскими и сельскими выборками по абсолютным значениям черепного указателя невелики (см. табл. 4).

Далее было проведено схожее построение, но в роли координатных осей выступали назомалярный и зигомаксиллярный углы (рис. 2). Выявилось, что городское население отличается большей уплощенностью лица. Особо необходимо отметить положение восточнофинских групп, которые по этому комплексу признаков совпадают в большей степени с городским населением, что может создать ложное впечатление о большем влиянии субстратного населения именно на городские популяции.

Однако детальный анализ морфологических зависимостей позволяет увидеть, что уплощенность лица на уровне скул во многом определятся скуловой шириной (рис. 3). Можно видеть, что большинство групп располагаются вдоль линии тренда – увеличение зигомаксиллярного угла связано с увеличением скуловой ширины. Между тем восточнофинские группы отличаются от этого основного тренда именно сочетанием более узкого и одновременно более уплощенного лица. Несколько городских выборок также отличаются таким комплексом особенностей. Это выборки с территории Верхнего и Среднего Поволжья – Ярославль, Казань, Царевококшайск (ныне Йошкар-Ола), Свияжск (обведены линией). В данном случае мы можем уверенно говорить о влиянии местного восточнофинского населения на формирование антропологических особенностей населения этих городов.

Было проведено сравнение групп по сочетанию таких важных расоводиагностических признаков как степень выступания переносья (симотический указатель) и угол выступания носовых костей (рис. 4). Украинские, восточнофинские и русские сельские группы образуют достаточно компактные кластеры, в то время как русские городские группы расположены дисперсно. Можно видеть, что в сельских группах увеличение степени выступания носовых костей сопряжено с увеличением выступания переносья, а в городских такая закономерность не прослеживается. Специально подчеркнем, что такое сочетание признаков позволяет надежно разделить русские городские и восточнофинские группы.

На рисунке 5 группы сопоставлены по сочетанию значений угла носовых костей к линии профиля и зигомаксиллярного угла. Эти два признака не имеют между собой биологической корреляции, при этом связаны корреляциями историческими, поэтому представляет интерес сопоставление групп по этому комплексу. Можно видеть, что по углу выступания носовых костей восточнославянские (русские и украинские) и восточнофинские группы относительно обособлены. Условная «граница» проходит по отметке 28 градусов. А зигомаксиллярный угол, как уже отмечалось, разделяет городское и сельское русское население.

Выявленные с помощью бивариантных графиков закономерности позволяют предположить, что и по комплексу признаков группы тоже будут упорядоченно отличаться друг от друга. Для выявления общих закономерностей межгрупповой изменчивости был проведен канонический дискриминантный анализ, в котором участвовали только выборки русского населения, как городского, так и сельского. Дискриминантный анализ предполагает априорное разделение групп по некому признаку. В качестве такого признака нами была выбрана географическая принадлежность. Все русские серии были распределены на три группы – северо-западная, центральная и восточная. К группе северо-запада отнесены следующие серии (название каждой соответствует таковому в табл. 2): Новгородская губерния, Новгород, Смоленская губерния, Старая Ладога, Себеж, Петербургская губерния, западные районы (кривичи). В группы центрального региона попали:Звенигород, все московские выборки, Вологодская губерния, Костромская губерния, Тверская губерния, Ярославская губерния, Тульская губерния, Калужская губерния, Рязанская губерния, центральные районы («кривичи»), Московская губерния, Дмитров. Наконец, к группам восточного

региона отнесены Симбирск, Казань (церковь Параскевы Пятницы), Свияжск, Царевококшайск, Пензенская губерния, Вятская губерния.

Рассмотрим распределение русских групп, собранных по географическому принципу, в пространстве первых канонических переменных (рис. 6). Можно видеть, что, вопреки априорной группировке, по первой канонической переменой отчетливо обособился кластер сельских групп. Анализ нагрузок на признаки позволяет сформулировать общие признаки сельского населения (табл. 3): оно более брахикранно, лицо ниже и уже, при этом высота носа, высота и ширина глазницы относительно больше, горизонтальная уплощенность лица меньше. Городское население характеризуется противоположным набором особенностей.

Таким образом, комплекс признаков, разделяющий село и город не может быть объяснен только влиянием субстратного населения.

Вторая переменная разделяет городские выборки, ведущими признаками здесь выступают: угол носовых костей к линии профиля, дакриальная хорда, наименьшая ширина лба. По этому набору признаков большой разброс значений демонстрируют выборки из Москвы и околомосковского региона, в то время как поволжские городские группы образуют компактный кластер.

Чтобы иметь представление об абсолютных значениях признаков, по которым обнаруживаются различия, были рассчитаны взвешенные средние арифметические значения для городских и сельских групп (табл. 4). Отметим ряд признаков, по которым различия существенны – это высотный и продольный диаметр черепа, скуловая ширина и углы горизонтальной профилировки. Все эти признаки у городских выборок больше. Часть признаков характеризует прямое увеличение тотальных размеров черепной коробки и лица, другие – во многом определяются этим увеличением.

Полученные числовые значения можно интерпретировать как результат влияния урбанизации на краниологические особенности, так как при объединении заведомо разнородных по происхождению городских групп нивелируются частные (исторические, этнические) особенности.

На заключительном этапе нами проведен анализ изученных серий на широком краниологическом фоне, с включением выборок западных финнов и балтских групп (рис. 7). Первая каноническая переменная разделяет группы следующим образом: на одном полюсе координатного поля выборки характеризуются большим значением поперечного диаметра черепа в сочетании с малым значением скулового диаметра, малым значением верхней высоты лица в сочетании с большим значением высоты носа, большим значением ширины орбиты, малым значением зигомаксиллярного угла (табл. 5). Этот комплекс признаков выражен у сельского населения Смоленской, Тверской, Новгородской губерний, у населения западного и центрального района по классификации В.П. Алексеева, а также у населения Ярославской, Костромской и Рязанской губернии. Особенности населения этих областей отмечены и В.П. Алексеевым (Алексеев, 2008, с. 217). Противоположный комплекс признаков характеризуется малым значением поперечного диаметра черепа в сочетании с большим значением скулового диаметра, большим значением верхней высоты лица в сочетании с малым значением высоты носа, малым значением ширины орбиты, большим значением зигомаксиллярного угла. Этот комплекс признаков характеризует народы, отнесенные к восточным финнам, которые образовали довольно обособленный кластер по первой переменной, а также городское русское население городов Среднего Поволжья (Царевококшайск, Свияжск), население Новгорода и две группы из московских некрополей. Заметим, что сочетание малого диаметра черепа с большим значением скуловой ширины уже выделялось нами в качестве дифференцирующего комплекса в области контакта славян и финнов. При сравнении цнинской мордвы с географически близкими славянскими сериями было показано, что различия славян и финнов по отдельным признакам статистически недостоверны, однако при вычислении лобно-скулового (отношение максимальной ширины черепа к ширине скул) указателя различия между группами славян и финнов становятся достоверными (Гончарова, Конопелькин, 2014). В цитируемой работе подчеркивается, что значение скуловой ширины в абсолютном выражении мало и в славянских, и в финских группах, но при этом относительное значение ширины лица на уровне скул заметно больше в финских группах.

Теперь рассмотрим распределение по второй канонической переменной. Можно увидеть разделение на восточноевропейские группы (русские, частично украинцы, поволжские финны) и циркумбалтийские (североевропейские) группы (финны Финляндии и латыши). Так, комплекс признаков североевропейских групп включает в себя большое значение продольного диаметра черепа, малое значение верхней высоты лица в сочетании с большим значением высоты носа, большое значение ширины орбиты, дакриальной и симотической ширины, большой угол наклона носовых костей, большое значение назомалярного угла. Комплекс признаков, отделяющий восточноевропейские группы характеризуется противоположным сочетанием признаков: малое значение продольного диаметра, большое значение верхней высоты лица, малое значение высоты носа, малое значение ширины орбиты, малое значение дакриальной и симотической ширины, малый угол наклона носовых костей, малое значение назомалярного угла.

Нетрудно заметить, что по ряду признаков дифференцирующие комплексы по первой и второй переменной совпадают. Это относится, в частности, к сочетанию малой верхней высоты лица с большой высотой носа и большому значению ширины орбиты. Таким образом, отличия городского от сельского населения может быть объяснено влиянием как восточнофинских, так и циркумбалтийских групп в соответствующих зонах контакта. Однако необходимо учитывать и возможность «параллельного… независимого возникновения сходных, а иногда и тождественных морфологических комбинаций признаков при смешении» (Алексеев, 2008, с. 54). В качестве примера такого «конвергентного» сходства морфологических признаков можно привести расположенные близко на графике выборки из украинского поселения Чигирин, латышей из Лудзы и западных финнов. Очевидно, что схожесть не может быть объяснена общностью происхождения. Так, уплощенность лица в сочетании с сильно выступающим носом украинской группы автор материала объясняет влиянием степного населения (Рудич, 2008), а то же сочетание признаков у двух других групп имеет, очевидно, другое происхождение.

Заключение

Отчетливое разделение городских и сельских русских серий как при сравнении групп по отдельным признакам, так и при использовании многомерных методов анализа позволяет сказать, что в формировании их краниологических особенностей участвовали разные по интенсивности воздействия факторы. Так, более крупные размеры черепов городских индивидов могут быть объяснены, с одной стороны, следствием эффектов урбанизации. С другой стороны, существуют исторические, антропологические, топонимические свидетельства постоянного миграционного потока в центральные области Восточной Европы из более западных или юго-западных областей. Сравнение русского населения с украинским позволяет заметить, что украинцы в целом отличаются от сельского русского населения по тем же комплексам, что и городское русское население, то есть большими размерами мозговой части черепа, более широким лицом и большими углами горизонтальной профилировки. Косвенно это обстоятельство подтверждает факт устойчивого, постоянного миграционного потока с юго-запада. Анализ городских серий, расположенных в зонах контакта славян и финнов, позволяет утверждать, что при сохранении общих для всех городских серий особенностей, в формировании облика городских жителей Верхнего и Среднего Поволжья принимали участие поволжские финны.

Благодарности

Авторы выражают огромную признательность коллегам-археологам А.В. Энговатовой, С.З. Чернову и А.Е. Леонтьеву за возможность работать с материалами полевых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 2008. 342 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика палеоантропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: изд. МГУ, 1973. 328 с.

Богданов А.П. Древние киевляне по их черепам и могилам / Известия Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXXV: Антропологическая выставка 1879 г. Т. III, ч. I / Ред. А.П. Богданов. М.: Тип. М.П. Лаврова, 1880. С. 305–319.

Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город» / История и культура народов Восточной Европы (древность и средневековье). Л.: Наука, 1983. С. 32−45

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях. // Козловская М.В., Медникова М.Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 87−146.

Газимзянов И.Р., Макарова Е.М. К антропологической экспертизе черепов из храма «Во имя Святой великомученицы Параскевы Пятницы» / Актуальные проблемы археологии. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. Сташенков Д.А. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012. С. 166−179.

Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (*MultiCan*)). Свидетельство о регистрации прав на ПО №2016610803, М., 2016

Гончарова Н.Н. Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // ВА. 2011. №19. С. 202–216.

Гончарова Н. Н., Конопелькин Д.С. Новые данные к антропологии финских племен Верхней Волги и бассейна Оки / Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты / Отв. ред. А.В. Громов. СПб: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 89–103.

Гончарова Н.Н., Энговатова А.В. Этапы формирования городской среды и их отражение в антропологических особенностях населения средневекового города / Актуальные направления антропологии: сборник, посвященный юбилею академика РАН Т.И. Алексеевой / Отв. ред. А. П. Бужилова, М. В. Добровольская, М. Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2008. С. 85–90.

Долженко Ю.В. Антропологічні матеріали могильника козацького часу Лютенька // Проблеми дослідження пам'яток археології східної України: мат-ли III Луганської міжнар. історико-археологічної конф., присв.пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ: ІА НАН України, 2012. С. 487–507.

Древняя Русь. Город. Замок. Село. / Археология СССР. Т. 15. / Ред. Б.А. Рыбаков, М.: Наука, 1985. 431 с.

Дубов А.И., Дубова Н.А. Антропологическая характеристика четырёх краниологических серий с территории города Москвы // Народы России от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2 / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 130−151.

Евтеев А.А., Олейников О.М. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславе улице в Великом Новгороде // РА. 2015. № 1. С. 136–152.

Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. М.: Александрия, 2001. 542 с.

Макарова Е.М. Первые поселенцы о.-г. Свияжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология: материалы конференции молодых ученых (г. Москва, 16-17 декабря 2010 г.)/ Отв. ред. Е. Б. Баринова М.: ИЭА РАН, 2011. С. 21−32.

Макарова Е.М., Харламова Н.В. Население Царевококшайска (Йошкар-Олы) конца XVI – середины XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Т. 2. / Отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. С. 82−88.

Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев. // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2/ Отв.ред. Т.И.Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 95–129.

Пежемский Д.В. Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2010. №25 (55). С. 47−55.

Рудич Т.А. К вопросу об антропологическом составе населения Украины XVI–XVII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 381–392.

Рудич Т.О. Антропологічні матеріали з розкопок цвинтаря на території Михайлівського Золотоверхого монастиря // Археологія, 2008. № 4. С. 49–54.

Трофимова Т.А. Черепа из Никольского кладбища. (К вопросу об изменчивости типа во времени) // Материалы по антропологии Восточной Европы. М.: МГУ, 1941 (Уч. зап. МГУ; Вып. 63). С. 211–234.

Хартанович В.И. Материалы к краниологии финнов. // Антропология сегодня, вып.1. СПб.1995. С.71−89.

Яблонский Л.Т. К палеодемографии Царевококшайска // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2012. С. 173–181.

Информация об авторах:

Гончарова Наталия Николаевна, кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры антропологии Биологического факультета, Московский государственный университет (г. Москва, Россия); 1455008@gmail.com

Конопелькин Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры антропологии Биологического факультета, Московский государственный университет (г. Москва, Россия); dmitry.konopelkin@gmail.com

FORMATION OF ANTHROPOLOGICAL FEATURES OF CENTRAL RUSSIA URBAN POPULATION IN 16TH-18TH CENTURIES

N.N. Goncharova, D.S. Konopelkin

The purpose of the work is to identify the anthropological framework of the formation of towns. The authors verify the hypotheses concerning the participation of indigenous population in the formation of towns and the simultaneous influence of migrants on the appearance of the urban residents. The results of completed analyzes make it possible to identify the western and south-western migration vectors which influenced the appearance of the urban population in the late Middle Ages and at the turn of the modern historical period. The observed patterns reflect both the impact of urbanization processes and the influence of the population with wider faces and body mass, which possibly formed on the basis of the Baltic peoples. At the same time, the population of the towns of the Middle Volga at reveals the features characteristic of the Eastern Finn groups. This fact implies an active participation of the local tribes in the formation of the population of these towns.

Keywords: anthropological type, craniology, urban and rural population, Eastern Europe, 16th - 18th cc.

About the Authors:

Goncharova Natalia N. Candidate of Biological Sciences. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory Str. 1, building 12, Moscow, 119234, Russian Federation; 1455008@gmail.com

Konopelkin Dmitrii S. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory Str. 1, building 12, Moscow, 119234, Russian Federation; dmitry.konopelkin@gmail.com

Таблица 1.

Изученные городские серии

Локализация	Датировка	Мужчины	Женщины	Дети	Всего
Звенигород	XVI – XVII вв.	87	76	36	199
Москва, собор Василия Блаженного	XVI – XVII вв.	43	43	9	95
Ростов	XVI – XVII вв.	11	18	5	34

Таблица 2.

Серии, использованные для сравнительного краниологического анализа

Локализация	Численность		Источник данных
	Мужчины	Женщины	
Вологодская губерния	17	–	Алексеев, 2008
Вятская губерния	10	–	-“-
Дмитров	42	34	Гончарова, 2011
Западные районы («кривичи»)	27	8	Алексеев, 2008
Казань	39	20	-“-
Казань, церковь Параскевы Пятницы	42	28	Газимзянов, Макарова, 2013
Калужская губерния	26	8	Алексеев, 2008
Коми-пермяки	19	8	-“-
Костромская губерния	29	–	-“-
Латыши (Дурбе)	47	44	-“-
Латыши восточные (Лудза)	44	42	-“-
Латыши западные	50	10	-“-
Латыши, Люцинский могильник	12	8	-“-
Луговые марийцы	30	34	-“-
Мордва-мокша	18	13	-“-
Мордва-эрзя	35	33	-“-
Москва, Георгиевский монастырь	10	110	Дубов, Дубова, 2000
Москва, церковь Воскресения в Кадашах	5	–	Неопубликованные данные Н. Н. Гончаровой
Москва, церковь Вознесения на Никитской (так наз. «Малое Вознесение»)	12	16	Дубов, Дубова, 2000
Москва, церковь Святителя Николая на Берсеневке	18	8	-“-
Москва, церковь Феодора Студита	15	11	-“-
Московская губерния	12	–	Алексеев, 2008
Новгород	34	19	Пежемский, 2000
Новгород, Досланьский раскоп	24	17	Евтеев, Олейников, 2015
Новгородская губерния	24	–	Алексеев, 2008
Пензенская губерния	12	–	-“-
Петербургская губерния	40	15	-“-
Рязанская губерния	22	–	-“-
Свияжск	15	15	Макарова, 2010
Себеж	84	58	Алексеев, 2008
Симбирск	17	10	-“-

Смоленская губерния	16	–	-“-
Старая Ладога	48	21	-“-
Тверская губерния	63	11	-“-
Тульская губерния	10	–	-“-
Удмурты северные	31	35	-“-
Удмурты южные	70	47	-“-
Украинцы восточные	24	8	-“-
Украинцы западные	16	–	-“-
Украинцы центральные	30	10	-“-
Украинцы южные	24	8	-“-
Украинцы, Киев, Михайловский монастырь	10	10	Рудич, 2008
Украинцы, Лютенька	20	18	Долженко Ю.В.2012
Украинцы, Чигирин	25	25	Рудич, 2000
Финны Саво	27	–	Хартанович, 1995
Финны Уусима	36	–	-“-
Финны Финляндии, сборная серия	69	–	Алексеев, 2008
Финны Хельсинки	53	–	Хартанович, 1995
Финны Хяме	24	–	-“-
Финны, Варсинайс-Суоми	19	–	-“-
Финны, Северная Похъянмаа	29	–	-“-
Финны, Южная Похъянмаа	14	–	-“-
Царевококшайск	36	15	Макарова, Харламова, 2013
Центральные районы («кривичи»)	169	21	Алексеев, 2008
Ярославль	9	10	Гончарова, 2011
Ярославская губерния	44	–	Алексеев, 2008

Таблица 3.

Стандартизованные коэффициенты канонических переменных, мужские выборки, только русское население

Признаки (номера по Мартину)	Первая переменная	Вторая переменная
M1	**-0.335**	0.193
M8	**0.452**	0.060
M17	-0.279	-0.175
M5	-0.092	0.323
M9	-0.190	**-0.552**
M45	**-0.302**	-0.384
M48	**-0.448**	-0.287
M55	**0.290**	0.258
M54	0.077	-0.096
M51	**0.575**	**0.494**
M52	**0.284**	0.075
DC	-0.081	**0.837**
DS	0.009	-0.157
SC	0.085	0.149
SS	0.032	-0.248
75(1)	0.004	**0.592**
<NM	**-0.231**	0.404
<ZM	**-0.538**	-0.015

Таблица 4.

Взвешенные средние для двух крупных объединений выборок

Признаки (номера по Мартину)	Городские выборки ΣN=400	сельские выборки ΣN=521
M1	**180.0**	**177.6**
M8	143.5	143.8
8:1	**79.9**	**81.33**
M17	**135.9**	**132.6**
M5	**102.0**	**99.9**
M9	97.7	97.4
M45	**133.6**	**131.4**
45:8	**93.1**	**91.4**
M48	70.4	70.2
48/45	52.7	53.4
M55	50.7	51.0
M54	24.7	24.7
M51	41.5	42.4
M52	32.3	33.0
DC	**22.3**	**21.1**
DS	12.7	12.4
SC	9.5	9.3

SS	4.6	4.6
SS:SC	48.9	49.3
<75(1)	29.6	30.8
<NM	**139.9**	**135.0**
<ZM	**127.6**	**123.8**

Таблица 5.

Стандартизованные коэффициенты канонических переменных, мужские выборки, полный набор групп

Признаки (номера по Мартину)	Первая переменная	Вторая переменная
1	-0.20	**0.73**
8	**0.43**	-0.11
17	-0.25	-0.01
5	-0.07	-0.05
9	-0.19	-0.37
45	**-0.40**	-0.09
48	**-0.51**	**-0.70**
55	**0.34**	**0.66**
54	0.02	-0.25
51	**0.71**	**0.43**
52	0.20	-0.15
DC	0.03	**0.42**
DS	-0.01	0.02
SC	0.11	**0.42**
SS	0.09	-0.18
<75(1)	0.20	**0.43**
<NM	-0.13	**0.45**
<ZM	**-0.53**	0.06

Таблица 6.

Измерительные признаки исследованных мужских черепов

	Звенигород			Москва, СВБ*			Ростов Великий		
	N	Xcp	S	N	Xcp	S	N	Xcp	S
1	26	183,0	4,92	23	179,6	7,76	4	177,3	9,84
8	24	144,9	7,88	21	143,0	5,18	4	141,0	8,12
17	15	138,1	3,86	15	135,4	7,12	2	135,0	9,90
5	15	104,2	3,78	10	105,2	2,53	2	98,0	7,07
9	24	96,9	5,31	21	96,9	4,27	4	91,1	10,94
45	14	135,9	5,62	11	135,0	5,76	4	135,0	3,27
48	12	70,0	3,39	11	73,0	3,03	3	76,3	3,21
55	13	52,5	2,24	11	52,4	3,32	3	54,7	3,30
54	12	25,9	1,20	11	25,1	1,94	3	24,0	1,27
51	14	41,5	1,65	11	42,7	1,26	3	42,9	0,95
52	14	32,4	2,29	11	33,3	2,09	3	34,5	1,55
<NM	23	141,2	6,34	18	139,8	4,49	4	143,4	6,08
<ZM	10	130,2	4,60	10	126,9	2,91	2	138,7	12,02
SC	17	10,1	2,12	11	10,0	2,31	3	12,5	8,85
SS	17	3,9	1,03	11	5,0	0,57	3	3,7	1,04
DC	15	24,2	1,96	11	23,6	1,77	3	20,9	1,82
DS	15	12,2	2,19	11	13,9	2,29	3	13,2	0,76
75(1)	13	32,1	6,92	10	34,6	6,59	3	30,3	17,79
8:1	24	79,1	4,68	20	79,4	3,24	4	79,7	5,70
17:1	15	75,7	2,36	15	74,7	3,83	2	75,4	1,36
45:8	14	92,5	4,56	11	93,5	2,60	4	95,9	3,93
9:45	14	71,4	3,67	11	72,0	3,56	4	67,4	6,54
48:45	11	51,2	2,74	11	54,1	2,94	3	56,6	4,02
54:55	12	49,6	3,11	11	48,0	4,01	3	44,0	2,79
DC:DS	15	50,5	9,11	11	59,1	10,22	3	63,0	2,87
SC:SS	17	39,2	10,00	11	51,9	13,31	3	37,5	17,58
52:51	14	78,1	5,52	11	77,9	5,19	3	80,4	1,83

*СВБ - некрополь у собора Василия Блаженного.

Таблица 7.

Измерительные признаки исследованных женских черепов

	Звенигород			Москва, СВБ*			Ростов Великий		
	N	Xср	S	N	Xср	S	N	Xср	S
1	19	175,3	5,06	19	175,3	5,06	7	175,0	5,42
8	20	144,8	7,09	20	144,8	7,09	7	142,3	5,28
17	11	134,4	3,70	11	134,4	3,70	5	129,0	5,15
5	11	99,2	4,49	11	99,2	4,49	4	97,5	4,20
9	24	95,0	3,94	24	95,0	3,94	7	94,6	4,44
45	10	130,7	4,08	10	130,7	4,08	5	130,8	5,40
48	9	66,8	4,65	9	66,8	4,65	5	70,2	3,03
55	12	49,0	3,72	12	49,0	3,72	5	51,5	4,46
54	12	25,4	2,00	12	25,4	2,00	5	26,1	2,03
51	12	40,4	1,31	12	40,4	1,31	5	41,0	1,17
52	12	32,8	1,87	12	32,8	1,87	5	34,7	2,37
<NM	21	144,7	5,16	21	144,7	5,16	7	144,7	6,09
<ZM	9	133,4	5,28	9	133,4	5,28	4	134,3	9,79
SC	10	10,5	1,87	10	10,5	1,87	6	8,8	1,94
SS	10	3,4	0,99	10	3,4	0,99	4	3,4	1,11
DC	11	23,9	1,85	11	23,9	1,85	4	21,3	0,96
DS	11	11,8	1,72	11	11,8	1,72	3	11,5	3,50
75(1)	10	26,2	7,44	10	26,2	7,44	4	29,5	9,88
8:1	19	82,7	4,83	13	81,5	2,94	7	81,3	2,27
17:1	10	75,9	1,75	12	75,1	2,75	5	73,2	2,82
45:8	10	89,2	3,96	9	89,9	3,28	5	92,8	2,77
9:45	9	72,4	3,80	9	75,9	2,29	5	72,8	3,86
48:45	6	53,1	5,01	9	51,9	2,24	4	52,5	2,03
54:55	12	52,2	7,24	12	50,4	4,89	4	50,2	4,26
DC:DS	11	49,5	8,25	13	48,1	7,99	3	53,0	15,49
SC:SS	10	33,4	10,67	13	36,0	10,14	4	39,3	14,22
52:51	12	81,2	4,26	12	78,9	5,52	5	84,7	5,05

*СВБ - некрополь у собора Василия Блаженного.

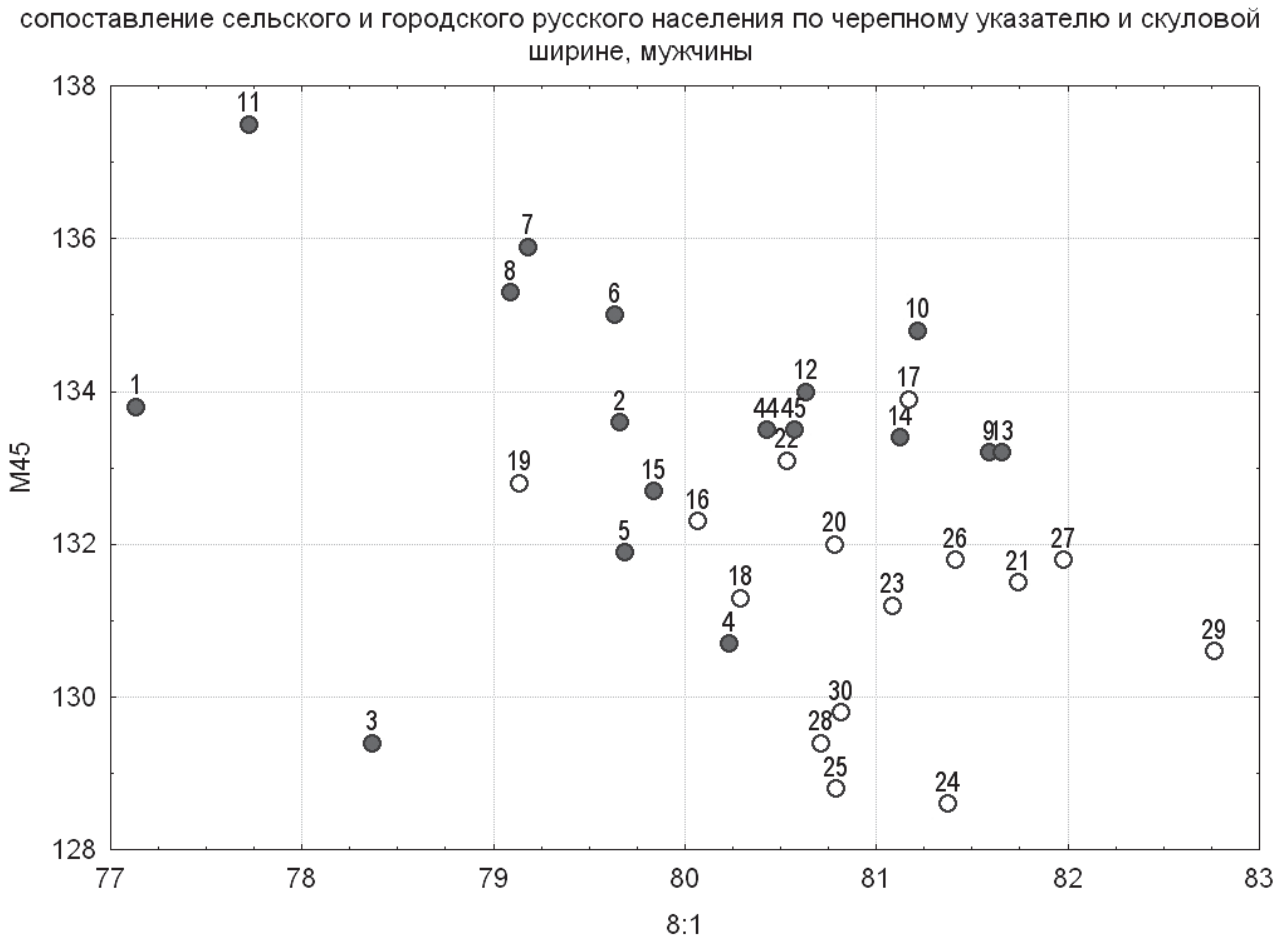


Рис 1. Бивариантный корреляционный график для черепного указателя и скуловой ширины.● – городское население, ○- сельское население.

1. Дмитров. 2. Новгород (данные А.А.Евтеева). 3. Царёвококшайск. 4. Свияжск. 5. Казань, некрополь у церкви Параскевы Пятницы. 6. Москва, некрополь у собора Василия Блаженного. 7. Звенигород. 8. Москва, некрополь у церкви Феодора Студита у Никитских ворот. 9. Москва, некрополь Георгиевского монастыря. 10. Москва, некрополь у церкви Вознесения Господня на Никитской («Малое Вознесение»). 11. Москва, некрополь у церкви Святителя Николая на Берсеневке. 12. Симбирск. 13. Себеж 14. Старая Ладога. 15. Ярославль. 16. Пензенская губерния. 17. Вятская губерния. 18. Тульская губерния. 19. Калужская губерния. 20. Рязанская губерния. 21. Центральные районы («кривичи»). 22. Петербургская губерния. 23. Новгородская губерния. 24. Смоленская губерния. 25. Западные районы («кривичи»). 26. Вологодская губерния. 27. Костромская губерния. 28. Ярославская губерния. 29. Тверская губерния. 30. Московская губерния. 44. Новгород (данные Д. В. Пежемского). 45. Казань (данные В. П. Алексеева).

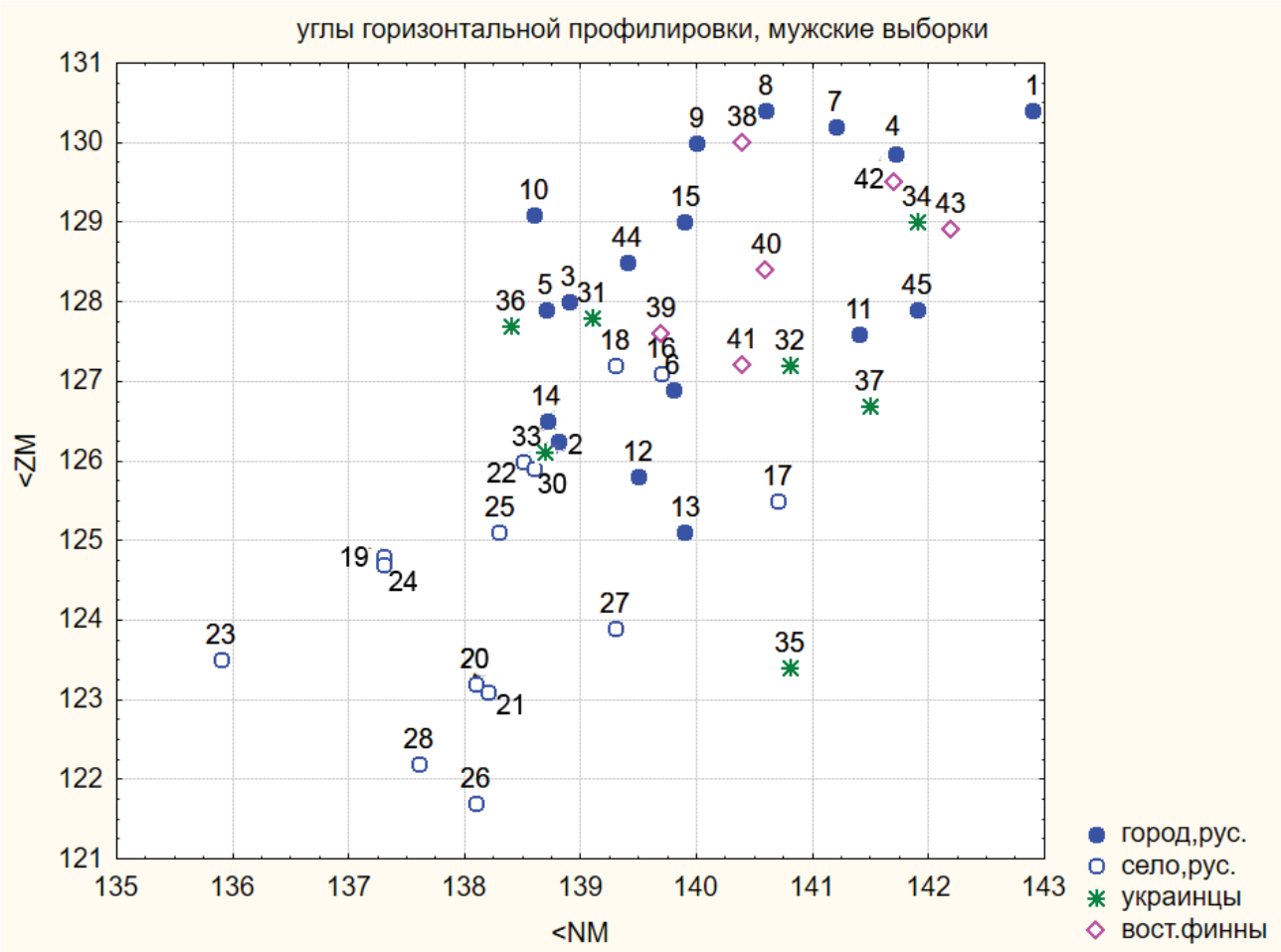


Рис. 2. Бивариантный корреляционный график для углов горизонтальной профилировки.
1. Дмитров. 2. Новгород (данные А. А. Евтеева) 3. Царёвококшайск. 4. Свияжск. 5. Казань, некрополь у церкви Параскевы Пятницы. 6. Москва, некрополь у собора Василия Блаженного. 7. Звенигород. 8. Москва, некрополь у церкви Феодора Студита у Никитских ворот. 9. Москва, некрополь Георгиевского монастыря. 10. Москва, некрополь у церкви Вознесения Господня на Никитской («Малое Вознесение»). 11. Москва, некрополь у церкви Святителя Николая на Берсеневке. 12. Симбирск. 13. Себеж 14. Старая Ладога. 15. Ярославль. 16. Пензенская губерния. 17. Вятская губерния. 18. Тульская губерния. 19. Калужская губерния. 20. Рязанская губерния. 21. Центральные районы («кривичи»). 22. Петербургская губерния. 23. Новгородская губерния. 24. Смоленская губерния. 25. Западные районы («кривичи»). 26. Вологодская губерния. 27. Костромская губерния. 28. Ярославская губерния. 29. Тверская губерния. 30. Московская губерния. 31. украинцы центральные. 32. украинцы южные. 33. украинцы восточные. 34. украинцы, Чигирин. 35. Киев, Михайловский монастырь. 36. украинцы, Лютенька. 37. украинцы западные. 38. луговые марийцы. 39. коми-пермяки. 40. мордва-эрзя. 41. мордва-мокша. 42. южные удмурты. 43. северные удмурты. 44. Новгород (данные Д. В. Пежемского). 45. Казань (данные В. П. Алексеева).

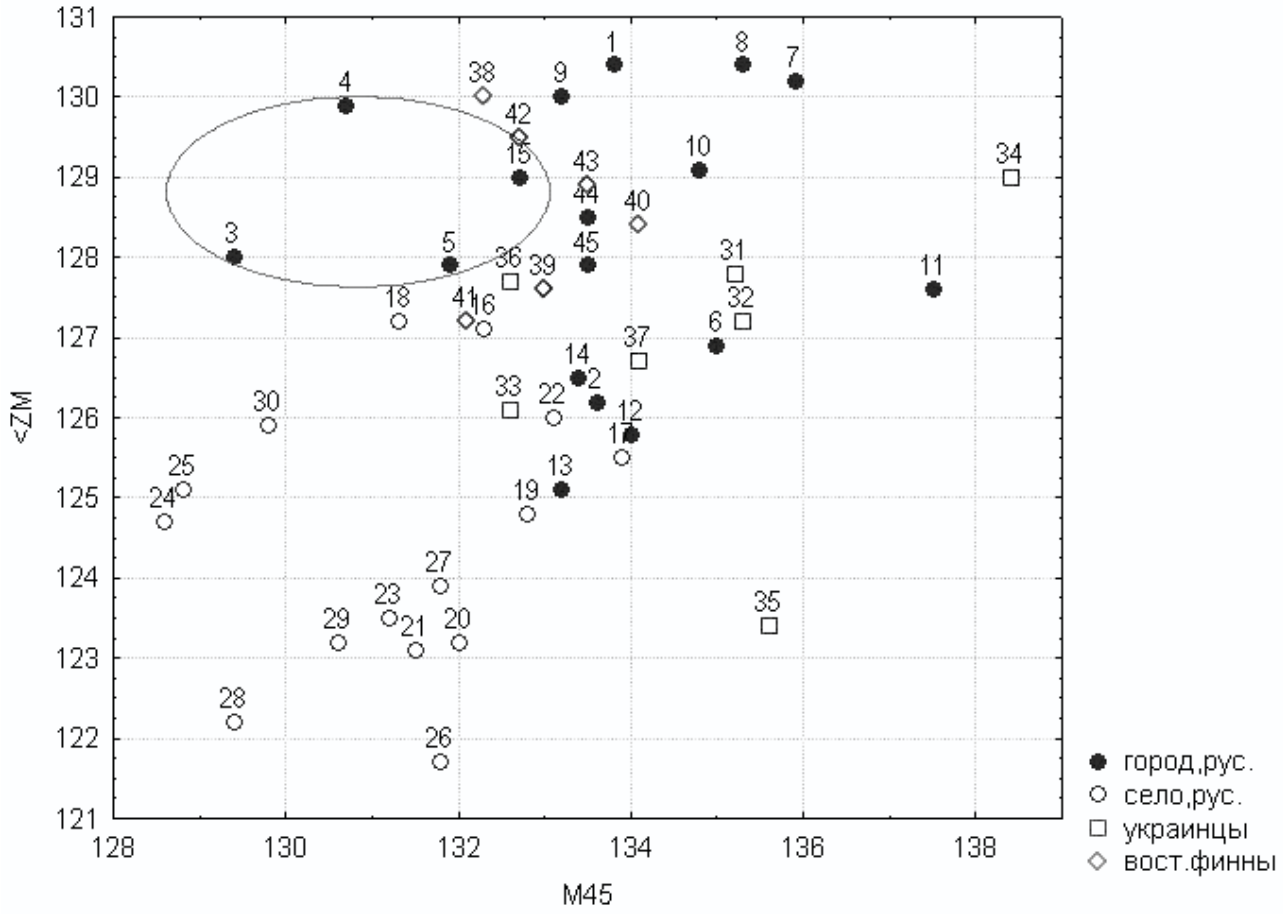


Рис. 3. Бивариантный корреляционный график для скуловой ширины и зигомаксиллярного угла. Нумерация групп – как на рис.2.

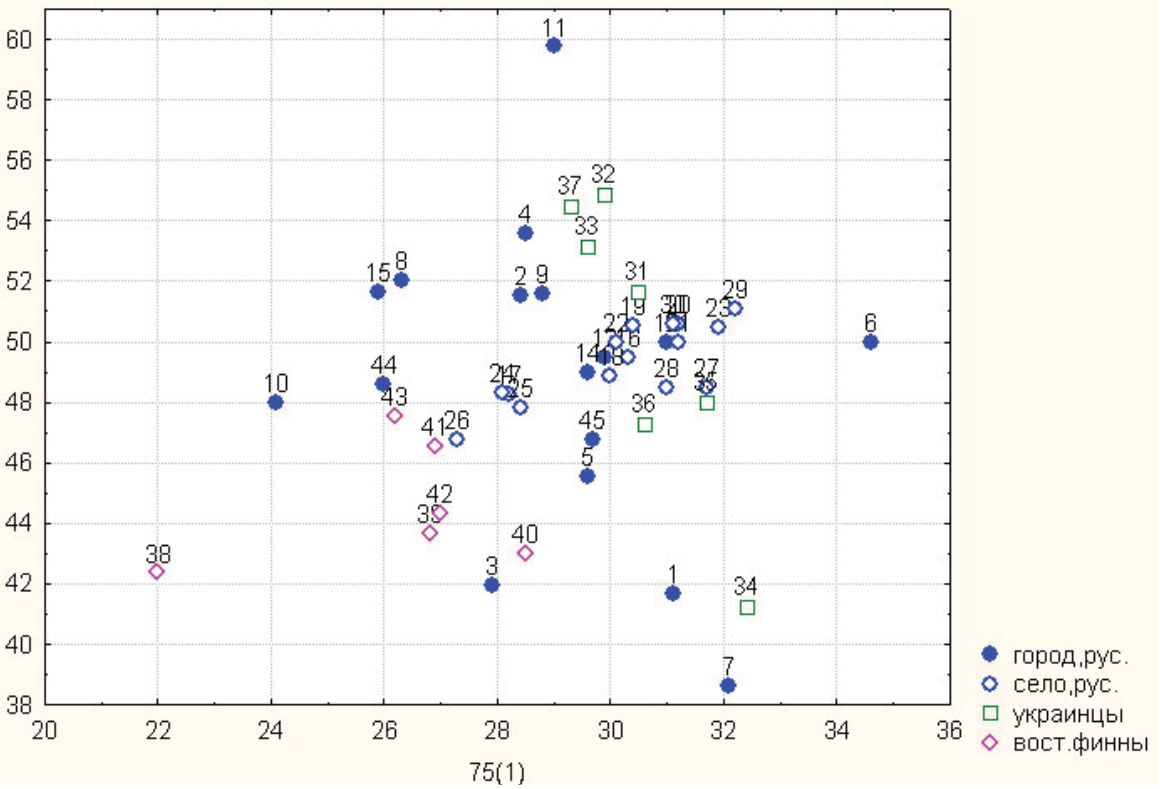


Рис. 4. Бивариантный корреляционный график для угла выступания носовых костей и симотического указателя. Нумерация групп – как на рис.2.

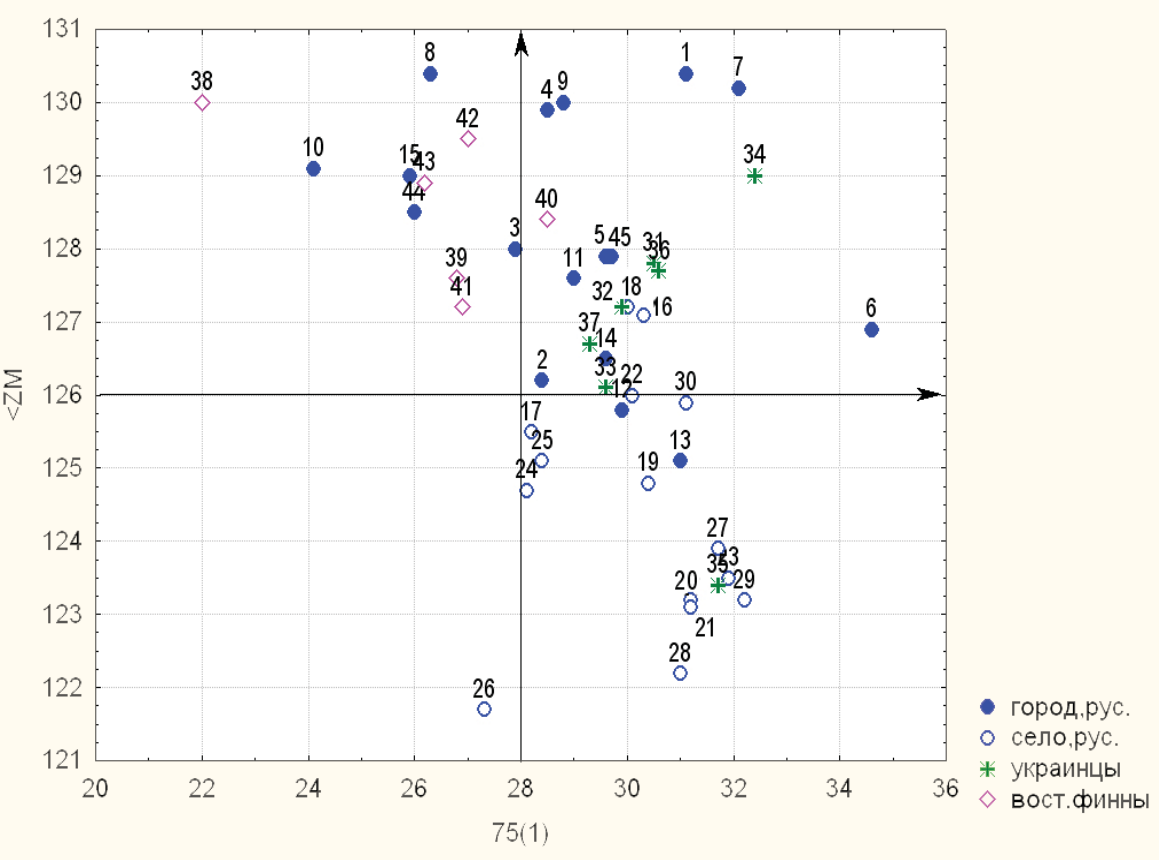


Рис. 5. Бивариантный корреляционный график для зигомаксиллярного угла и угла носовых костей к линии профиля. Нумерация групп – как на рис.2.

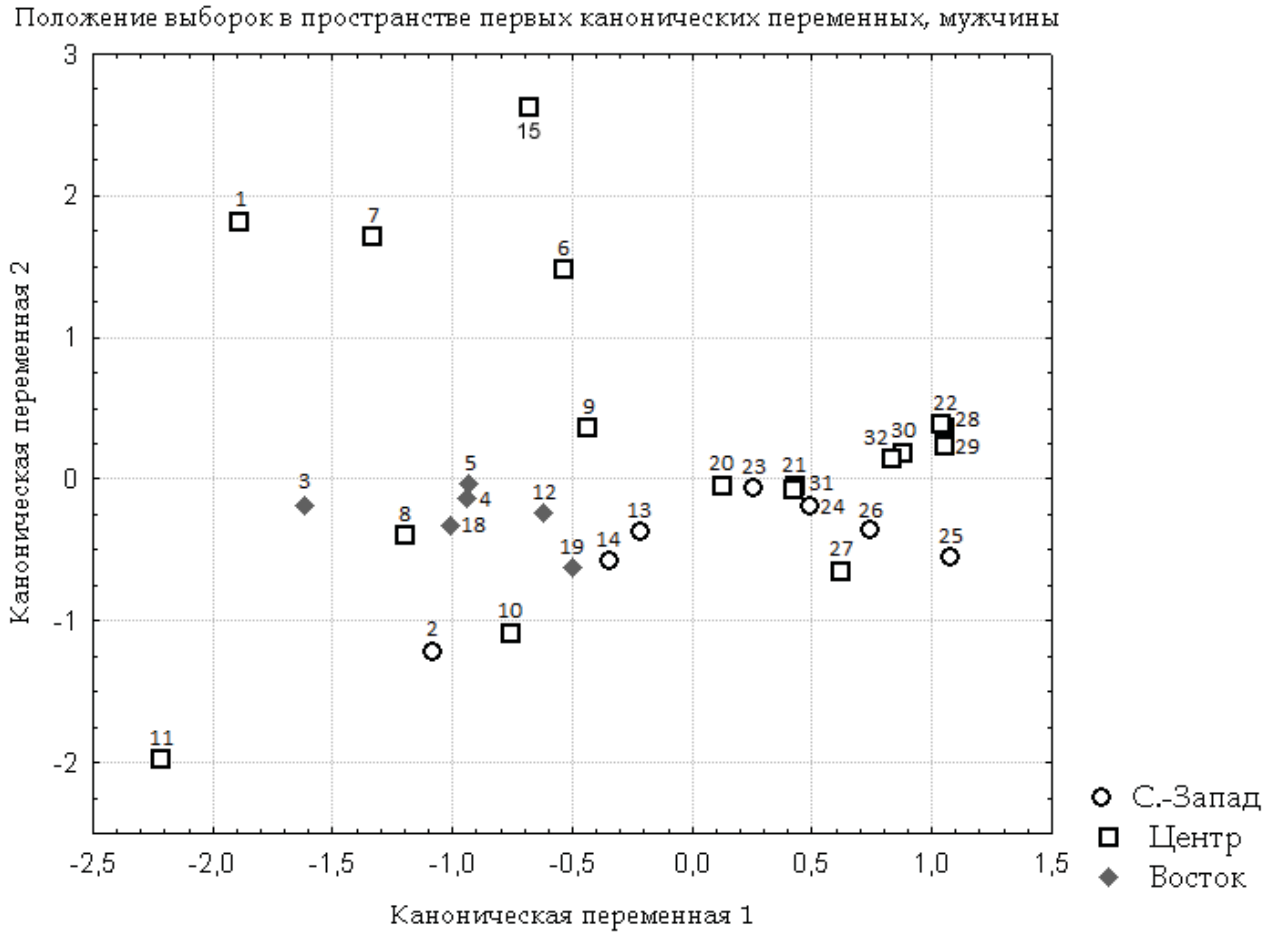


Рис. 6. Результаты канонического дискриминантного анализа групп, собранных по географическому принципу, мужские выборки, русское население.

1.Дмитров 2.Новгород (данные А.А.Евтеева) 3.Царевокошкайск 4.Свияжск 5. Казань, некрополь у церкви Параскевы Пятницы 6.Москва, некрополь у собора Василия Блаженного 7.Звенигород 8.Москва, некрополь у церкви Феодора Студита 9.Москва, Георгиевский монастырь 10.Москва, церковь Вознесения на Б. Никитской 11.Москва, некрополь у церкви Святителя Николая на Берсеневке 12.Симбирск 13.Себеж 14.Старая Ладога 15. Москва, некрополь у церкви Воскресения в Кадашах 18. Пензенская губерния 19. Вятская губерния 20. Тульская губерния 21. Калужская губерния 22. Рязанская губерния 23.Петербургская губерния 24.Новгородская губерния 25.Смоленская губерния 26. Зап. районы («кривичи») 27. Вологодская губерния 28. Костромская губерния 29. Ярославская губерния 30. Тверская губерния 31. Московская губерния 32. Центр районы («кривичи»).

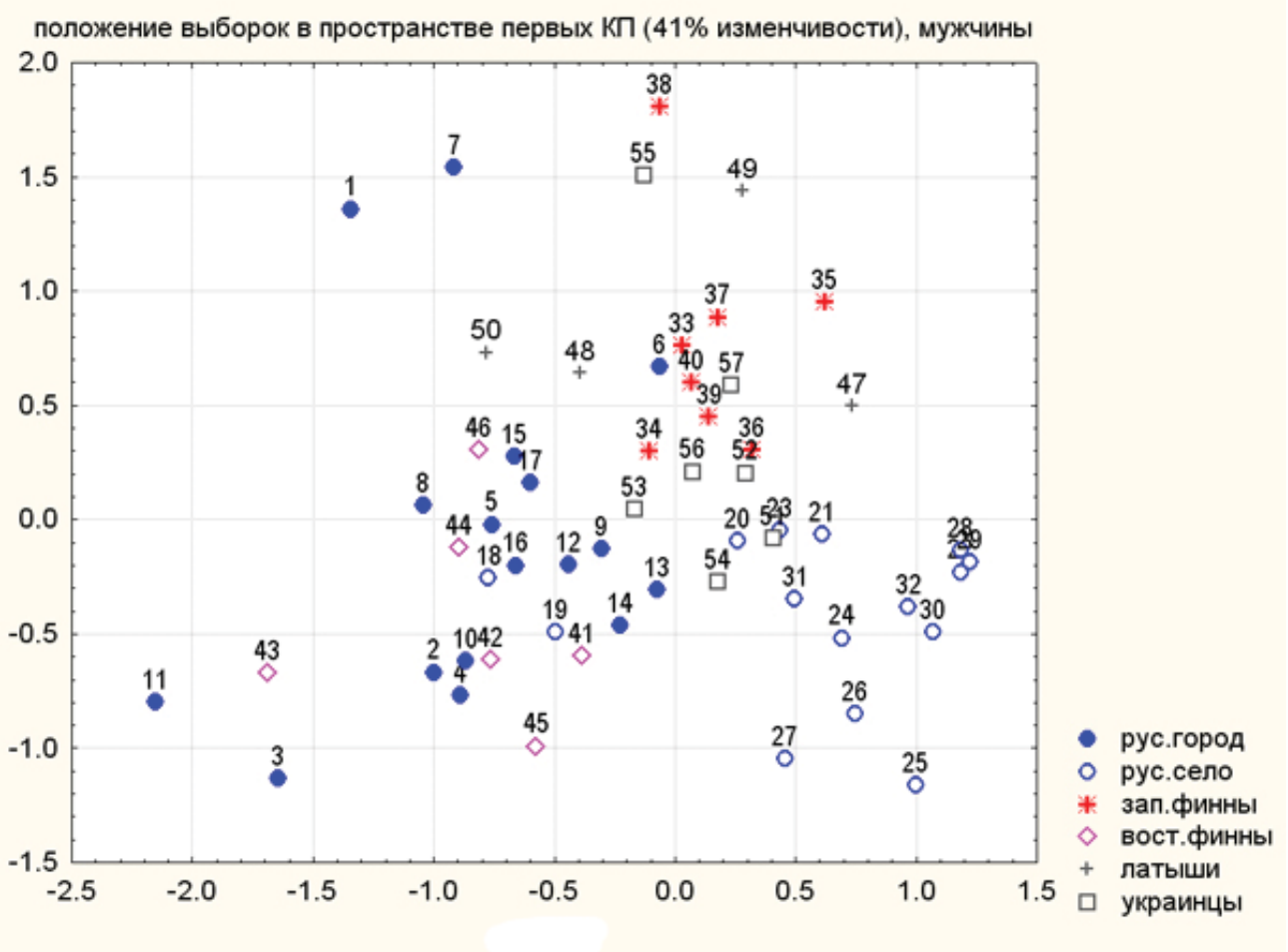


Рис. 7. Результаты канонического дискриминантного анализа полного набора групп, мужские выборки. 1.Дмитров; 2.Новгород (данные А.А.Евтеева); 3.Царевокошкайск; 4.Свияжск; 5. Казань, церковь Параскевы Пятницы; 6.Москва, собор Василия Блаженного; 7.Звенигород; 8.Москва, церковь Феодора Студита; 9.Москва, Георгиевский монастырь; 10.Москва, церковь Вознесения на Б. Никитской; 11.Москва, церковь Святителя Николая на Берсеневке; 12.Симбирск; 13.Себеж; 14.Старая Ладога; 15.Ярославль; 16.Новгород (данные Д. В. Пежемского) ; 17.Казань (данные Алексеева); 18.Пензенская губерния; 19.Вятская губерния; 20.Тульская губерния; 21.Калужская губерния; 22.Рязанская губерния; 23.Петербургская губерния; 24.Новгородская губерния; 25.Смоленская губерния; 26.Зап. районы (кривичи) ; 27.Вологодская губерния; 28.Костромская губерния; 29.Ярославская губерния; 30.Тверская губерния; 31.Московская губерния; 32.Центр районы (кривичи) ; 33.финны, Варсинайс-Суоми; 34.финны, Хяме; 35.финны, Саво; 36.финны, Хельсинки; 37.финны, Уусима; 38.финны, Южная Похъянмаа; 39.финны, сборная серия; 40.финны, Северная Похъянмаа; 41.северные удмурты; 42.южные удмурты; 43.луговые марийцы; 44.мордва-эрзя; 45.коми-пермяки; 46.мордва-мокша; 47.западные латыши; 48.восточ. латыши (Лудза) ; 49.Латыши (Дурбе) ; 50.Люцинский могильник; 51.украинцы западные; 52.украинцы центральные; 53.украинцы южные; 54 украинцы восточные; 55 украинцы, г.Чигирин; 56 украинцы, с. Лютенька; 57 Киев, Михайловский монастырь.

УДК 572.71 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00097

НЕКРОПОЛЬ БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

© 2019 г. С.А. Данилова

Целью данной работы явилось изучение населения средневекового Херсонеса, представленного краниологической серией из некрополя базилики «Крузе». В результате исследования было определено, что антропологический материал с рассматриваемого памятника, занял своё место рядом с сериями, близкими с хронологических позиций, одновременно демонстрируя заметные различия с сериями предшествующих периодов истории города.

Ключевые слова: Херсонес, средневековье, население, краниология, антропология

Базилика «Крузе» расположена в Северо-восточном районе Херсонеса. Названием храм обязан своему первооткрывателю – Карлу Крузе, который в 1827 г. начал раскопки Херсонеса. Первооткрыватель присвоил храму № 7 и скромно упомянул в отчете (Ушаков, Данилова, 2014, с. 341).

В конце XIX в. раскопками на этой территории руководил К.К. Косцюшко-Валюжинич. В результате проведенных работ, был составлен план базилики и раскопано девятнадцать могил (№ I–XIX), восемь из которых находились в нартексе (Ушаков, Данилова, Дорошко, 2015, с. 400).

Современный этап исследования храма начался в 1998 году в рамках совместного проекта с австрийскими коллегами. Раскопками руководил М.И. Золотарев. В ходе полевого сезона была обнаружена и исследована могила, получившая условный номер 1. Совместный проект не получил своего продолжения, а регулярные раскопки возобновились в 2005 г. под руководством С.В. Ушакова (Ушаков, Данилова, Дорошко, 2015, с. 401). В ходе работы экспедиции удалось отпределить хронологические рамки существования храма, а именно базилика была возведена во время правления Юстиниана Великого (527–565 гг.) и просуществовала до рубежа X–XI вв. На руинах храма возник некрополь, который действовал, вероятно, до конца существования города. В полевых сезонах 1998, 2005–2010, 2013 гг. было исследовано 19 могил (№ 1–19) (Ушаков, Данилова, Дорошко, 2015, с. 401). Все обнаруженные могилы весьма разнообразны: одиночные грунтовые, многоярусные, выбросы костных останков раскопщиками XIX в. (Ушаков, Данилова, Дорошко, 2015, с. 404).

Ориентация костяков преимущественно западная, но встречается северная и южная. В тех случаях, где удалось зафиксировать положение костяка, погребенные лежали на спине со сложенными на поясе или согнутыми в локтях руками. В преобладающем большинстве могилы без инвентаря, и лишь в некоторых встречаются пуговицы-бубенчики, проволочные кольца, пряжка, бронзовая ажурная подвеска, бронзовое кольцо и три монеты. В могиле № 8 у покойного под головой находился большой фрагмент черепицы, использованной в качестве своеобразной «подушки». В могиле № 17 обнаружены остатки гроба и скреплявшие его железные гвозди. Находки из могил археологами датируются в пределах XI–XIII вв. (Ушаков, Данилова, Дорошко, 2015, с. 404–405)

Антропологический материал из некрополя представлен двумя выборками – переотложенным материалом из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, повторно захороненном в могилах в нартексе базилики, вторая – из непотревоженных ранее захоронений, исследованных под руководством С. В. Ушакова. В данной работе обе выборки рассматриваются в качестве единой краниологческой серии. Всего было исследовано более 152 индивидов, из которых 59♂ (adultus – 10; matures – 22; senilis – 2; 25 - возраст не определен), 33♀ (adultus – 10; matures – 2; senilis – 3; не определен возраст – 18), 41 ребенок, 16 неопределяемых по полу индивидов. Из-за очень плохой сохранности антропологического материала, для измерений пригодно 37 единиц, из которых ♂ 25, ♀ 12.

Из данной серии черепа в основном грацильны. По средним значениям продольно-поперечного указателя мужская и женская выборки брахикранны. Величина высотно-

продольного указателя в мужской выборке соответствует гипсикрании (высокий), в женской – ортокрании (средний). Высотно-поперечные указатели в мужской и женской выборках соответствуют тапейнокрании (средним значениям). Затылок у мужчин умеренно широкий, у женщин широкий.

Лоб среднеширокий, умеренно покатый, хотя в женской выборке наблюдается тенденция изгиба лба близкому к прямому. Вертикальная профилировка лица ортогнатная без альвеолярного прогнатизма.

Горизонтальная профилировка лица на верхнем уровне у мужчин выражена хорошо, у женщин умеренно, на среднем уровне у мужчин и женщин выражена умеренно. Клыковая ямка не глубокая.

Верхняя высота лица средняя. Скуловой диаметр в мужской выборке на границе между малыми и средними значениями, в женской – большой. Верхняя ширина лица средняя. Средняя ширина лица у мужчин на границе между малыми и средними значениями, у женщин средняя. Верхнелицевой указатель в категории мезен.

Орбитальный указатель и высота у мужчин и женщин средние, ширина орбиты у мужчин малая, у женщин средняя.

Переносье по симотическому и дакриальному указателям высокое. Нос среднеширокий, мезоринный.

При статистической обработке получились высокие значения дисперсии, которые могут свидетельствовать о смешанном характере серии. По результатам внутригруппового анализа главные компоненты (далее ГК) 1 и ГК 2 для мужской части выборки суммарно описывают около 40% изменчивости. По ГК 1 наибольшие нагрузки связаны с верхней шириной лица (43), шириной орбиты (51) и высотой носа (55), ГК 2 описывает изменчивость продольного диаметра (1), высоты черепной коробки (17) и симотической высоты (SS). Соответственно, на графике мужская выборка образует неплотный кластер, тяготеющий к центральной части поля и демонстрирующий более ощутимую изменчивость по оси ГК 2. Несколько индивидов, расположенных на периферии, демонстрируют скорее индивидуальную изменчивость.

Для женской выборки ГК 1 и ГК 2 описывают около 39% изменчивости. Основные нагрузки ГК приходятся на скуловой диаметр (45) и симотические ширину и высоту, ГК 2 на верхнюю высоту лица (48), на высоту носа (55), высоту орбиты (52). На графике основная часть выборки тяготеет к левому нижнему полю, небольшие группы 2 и 3 индивидов расположены обособленно, соответственно демонстрируя изменчивость по оси ГК 1 и ГК 2, однако учитывая малочисленность серии следует воздержаться от выделения в ее составе соответствующих морфологических комплексов. Обособленное расположение индивидов на графике, скорее, связано с индивидуальной изменчивостью.

В межгрупповом анализе материал из базилики «Крузе» стал десятой антропологической серией, представляющей население Херсонеса – Херсона и соответственно седьмой серией из внутригородских некрополей характеризующей население конца X – второй половины XIII в.

При сопоставлении мужских херсонесских серий ГК 1 и ГК 2 описывают около 57% изменчивости. Для мужских серий основные нагрузки ГК 1 приходятся на скуловой диаметр (-). Продольный и поперечный (-) диаметры черепной коробки демонстрируют отрицательную связь между длиной черепа и широтными параметрами черепной коробки и лицевого отдела. Нагрузки ГК 2 приходятся на наименьшую ширину лба, симотическую высоту и ширину орбиты (-), описывая взаимосвязь широтных параметров лицевого отдела на верхнем уровне.

Для женских серий ГК 1 и ГК 2 в сумме составляют до 55%, соответственно, основные нагрузки ГК 1 приходятся на высоту носа (-), величину ZM угла (-) и скуловой диаметр (-), демонстрируя их уменьшение с ростом длины черепной коробки. По ГК 2 наибольшие нагрузки лежат на симотической высоте переносья (-), верхней высоте лица, наименьшей ширине лба и ширине носа. С увеличением высоты лицевого отдела, ширины носа и лба, высота переносья проявляет тенденцию к уменьшению.

Исходя из вышеизложенного, определилась ситуация, вполне интерпретируемая с хронологических позиций. Мужская и женская выборки из базилики «Крузе» заняли место в кластере близких по времени серий, представляющих население византийского Херсона, демонстрируя наибольшую близость с объединенной серией из погребений при так называемых «часовнях» северного района города и серией из некрополя при «Храме

с ковчегом», одновременно демонстрируя заметные различия с сериями предшествующих периодов истории города.

ЛИТЕРАТУРА

Ушаков С.В., Данилова С.А. Средневековый некрополь на территории базилики «Крузе» в Херсонесе // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 341–342.

Ушаков С.В., Данилова С.А., Дорошко В.В. Средневековый некрополь на территории базилики «Крузе» в Херсонесе // История и археология Крыма. Вып. II. Сборник статей, посвященный памяти Александра Евгеньевича Пуздровского / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Изд-во, 2015. С. 400–427.

Информация об авторе:

Данилова Светлана Александровна, хранитель музейных предметов, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Россия); tekvowa@mail.ru

"KRUSE" BASILICA NECROPOLIS ON THE BASIS OF ANTHROPOLOGIC DATA

S.A. Danilova

The primary objective of this work is the study of the population of medieval Cherson, which is represented by craniological series from the "Cruse" Basilica necropolis. It was determined as a result of the study that the anthropological materials from the site in question is similar to the series closely related in terms of chronology, and demonstrate noticeable differences from the series of the previous periods of Cherson's history.

Keywords: Cherson, the Middle Ages, population, craniology, anthropology.

About the Author:

Danilova Svetlana A. The State Museum-preserve "Tauric Chersonese", Drevnyaya St., 1, Sevastopol, 299045, Russian Federation; tekvowa@mail.ru

УДК 572.71+904 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2019-00098

НАСЕЛЕНИЕ ПЕНЗЫ XVII-XVIII ВВ. ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ

© 2019 г. Д.С. Иконников, О.В. Калмин, О.А. Калмина

В мае 2010 года, во время строительных работ на территории Советской площади г. Пензы было обнаружено большое скопление человеческих костей. Эти кости принадлежали людям, проживавшим на территории города в конце XVII – XVIII вв. Были исследованы черепа из этого скопления. Были выявлены морфологические особенности и степень морфологической гомогенности. Серия черепов была европеоидной. Наблюдалась небольшая морфологическая неоднородность. Краниологические данные пензенской серии были сопоставлены с материалами из других районов Восточной Европы. В целом, пензенская серия была сходной с черепами других русских серий. Однако в пензенской серии наблюдалась тенденция к уменьшению угла выступания носа. Это могло быть результатом участия в формировании населения Пензы представителей финно-угорских народов Поволжья.

Ключевые слова: Пенза, краниология, население, морфологические особенности.

Большой исторический интерес представляет вопрос о том, как именно происходило заселение окраинных территорий Русского государства в XVI–XVII вв. Территория лесостепной полосы Волго-Окского междуречья, вошедшая в его состав в результате завоевательных походов Ивана Грозного и присоединения Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, осваивалась русским населением в течение длительного времени. Город Пенза возник не позднее 1663 года в Верхнем Посурье как военное укрепление, представлявшее собой часть засечной черты. В дальнейшем, с увеличением численности населения города и ростом его экономического значения, Пенза становится сначала уездным, затем губернским центром.

Об антропологических особенностях населения Пензы конца XVII–XVIII веков могут свидетельствовать антропологические материалы, обнаруженные на территории Советской площади города, во время строительных работ в мае 2010 г. Краниологические материалы, пригодные для измерения, были представлены 23 мужскими и 29 женскими черепами различной степени сохранности. У многих черепов наблюдались сильные посмертные повреждения.

Мужская часть серии (табл. 1) характеризовалась средней величиной продольного (1. Март.) и поперечного (8. Март.) диаметров черепа (179,3 и 143,6 мм соответственно) и мезокранией на границе с брахикранией (79,8) по черепному указателю (8:1. Март.). Большой (138,5 мм) высотный диаметр (17. Март.) обуславливал большую величину (76,5) высотно-продольного указателя (17:1. Март.). Длина и ширина основания черепа (5. Март., 11. Март.) были средними (103,1 и 123,9 мм соответственно).

Скуловой диаметр (45. Март.) был средним (134,4 мм), однако данная величина была определена только у 8 индивидов. Верхняя высота лица (48. Март.) также была средней (70,9 мм), по верхнелицевому указателю (48:45. Март.) мужские черепа, в среднем, относились к категории мезенов (54,1). Однако из восьми черепов, у которых был определён данный указатель, четыре относились к категории лептен, три – эурен. Собственно мезенное строение лица наблюдалось только у одного индивида.

Длина основания лица (40. Март.) была средней (98,1 мм). По указателю Фогта-Флауэра (40:5. Март.) мужские черепа, в целом, попадали в категорию ортогнатных (94,6). Верхний (43. Март.) и средний (46. Март.) широтные размеры лица были средними (104,9 и 94,9 мм соответственно).

Назо-малярный (77. Март.) и зигомаксиллярный (zm’ Биом.) углы были малыми (137,5° и 125,2° соответственно). У некоторых черепов наблюдалась тенденция к уплощению лицевого скелета. Ярче всего это было выражено у черепа № 41, который характеризовался большим (149,1°) значением назомалярного угла при среднем (135,0°) зигомаксиллярном угле.

Угол выступания носа (75(1). Март.), составлял у мужских черепов в среднем 27,1°, то есть был средним, но приближался к большим.

Симотическая ширина (Биом. SC) и симотическая ширина (Биом. SS) характеризовались большой величиной (9,6 и 5,0 мм соответственно). Симотический указатель (Биом. SS:SC) был большим (51,7). Дакриальная ширина (Биом. DC) была средней (21,9 мм) при очень большой (13,3 мм) дакриальной высоте (Биом. DS), что обусловило большую (61,2) величину дакриального указателя (Биом. DS:DC). Высота носа (55. Март.) была средняя (51,3 мм), также как (54. Март.) его ширина (24,8 мм). По носовому указателю (54:55. Март.), серия в целом относилась к мезоринам (48,0).

Максилло-фронтальный (51. Март.) и дакриальный (51a. Март.) широтные размеры орбиты были средними (41,4 и 38,8 мм соответственно). Высота орбиты (52. Март.) была малая (32,2 мм), так что по орбитным указателям (52:51 и 52:51a. Март.) серия была, в целом, хамеконхной.

У мужчин преобладала сфеноидно-овоидная форма черепа, степень развития переносья была немного выше среднего (3,6 баллов), сравнительно сильно были развиты сосцевидные отростки (2,6 баллов). Надбровные дуги были развиты, в целом, средне (2,0 баллов). Преобладала антропинная форма нижнего края грушевидного отверстия (50,0%), хотя нередко встречались предносовые ямки (33,3%).

Женская часть серии (табл. 2) отличалась средними размерами (172,6 мм) продольного диаметра черепа (1. Март.). Поперечный и высотный диаметры черепа (8. и 17. Март.) попадали в категорию средних величин на границе с большими (139,4 и 129,7 мм соответственно). Черепной указатель (8:1. Март.) был средним, хотя приближался к большим (80,8). Длина основания черепа (5. Март.) была большой на границе со средними величинами (98,5 мм). Ширина основания черепа (11. Март.) была средней (118,5 мм).

Скуловой диаметр (45. Март.) был средним (125,9 мм), однако величина была определена только у восьми индивидов. Верхняя высота лица (48. Март.) также попадала в категорию средних величин на границе с большими (68,1 мм).

По верхнелицевому указателю (48:45. Март.), в целом, женские черепа относились к категории мезен (54,2). Однако значение индекса было определено только у семи индивидов, причём четыре были лептенами, два – эуренами. Длина основания лица (40. Март.) была средней (94,1 мм). По указателю Фогта-Флауэра (40:5. Март.), женские черепа характеризовались ортогнатностью (95,4). Верхний (43. Март.) и средний (46. Март.) широтные размеры лица были средними (100,6 и 91,3 мм соответственно).

Назо-малярный угол (77. Март.) был средним на границе с малыми величинами (140,0°) зиго-максиллярный угол (Биом. zm') был малым (127,6°). В целом, у женских черепов горизонтальная профилировка была выражена менее резко, чем у мужских.

Симотическая ширина (Биом. SC) была средней (9,3 мм), тогда как симотическая высота (Биом. SS) – большой (4,1 мм), что обусловило большую величину (45,2) симотического указателя (Биом. SS:SC). Дакриальная ширина (Биом. DC) была средней (21,2 мм), дакриальная высота (Биом. DS) – большой (11,8 мм), так что дакриальный указатель (Биом. DS:DC) также был большим (55,5). Угол выступания носа (75(1). Март.) был средним, но располагался на границе с большими размерами (24,0°).

Высота носа (55. Март.) была средней (49,3 мм), что при средней (24,3 мм) ширине носа (54. Март.) давало мезоринный (50,3) носовой указатель (54:55. Март.).

Максилло-фронтальный (51. Март.) и дакриальный (51a. Март.) широтные размеры орбиты были средними (40,0 мм и 38,3 мм соответственно). Высота орбиты (52. Март.), в целом, относилась к категории малых величин (32,3 мм). По максилло-фронтальному (52:51. Март.) и дакриальному (52:51a. Март.) орбитным указателям женская часть серии была хамеконхной (81,1 и 84,9 соответственно).

В женской части серии преобладали сфеноидно-овоидные формы. Надпереносье было выражено сравнительно слабо (в среднем 2,5 баллов), также как надбровные дуги (1,2 баллов). Преобладало среднее развитие сосцевидных отростков (2,2 баллов) и малая величина наружного затылочного бугра (1,6 баллов). Доминировала антропинная форма нижнего края грушевидного отверстия (42,9%), одинаково часто встречались предносовые ямки и инфантильная форма нижнего края (по 28,6%).

Мужские и женские черепа характеризовались средними продольным и поперечным диаметрами и мезокранией. Мужские черепа отличались большим высотным диаме-

тром, женские – средним. У женских черепов наблюдалась большое значение длины основания черепа. Остальные метрические показатели мозгового отдела черепа были средними.

Серия характеризовалась мезопрозопическим лицом средней высоты и ширины. У женщин наблюдалась небольшая тенденция к высоколицести (верхняя высота лица на границе средних и больших величин). Нос имел мезоринное строение (средние высота и ширина). Орбита была низкой, среднеширокой, хамеконхной. Обращала на себя внимание малая длина альвеолярной дуги. Ширина альвеолярной дуги, длина и ширина неба были средними.

У мужчин наблюдалась резкая горизонтальная профилировка лица, у женщин – небольшая тенденция к уплощению лица на уровне назо-малярного угла. И мужчины, и женщины отличались большой величиной симотической и дакриальной высоты и большими симотическим и дакриальным указателями. Угол выступания носа был средний, но и у мужчин и у женщин тяготел к большому. Преобладало ортогнатное строение лица.

Для определения степени морфологической однородности краниологических серий чаще всего используют сопоставление квадратических отклонений, полученных эмпирическим путем, со стандартными, общемировыми, определенными Г.Ф. Дебецем (Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12–14). Степень достоверности различий между ними была проверена при помощи критерия Фишера ($F=\sigma^2$эмп./σ^2станд.) (Великанова, 1993, с. 31, табл. 10, с. 59–61, табл. 21).

Отношение между эмпирической и стандартной дисперсиями было определено для мужчин и женщин по 85 признакам, в том числе указателям. У мужчин достоверные различия наблюдались в 11 случаях (табл. 3), у женщин – в 6 случаях (табл. 4). Интересно, что у мужчин прослеживалась морфологическая неоднородность по величинам, имеющим большое расоводиагностическое значение: в том числе глубина клыковой ямки ($p<0,001$), назо-малярный угол, угол выступания носа, черепной указатель, симотическая высота ($p<0,05$). У женщин достоверные различия между эмпирической и стандартной дисперсиями наблюдались по таким величинам как длина основания черепа, скуловой диаметр, длина основания лица и угол выступания носа ($p<0,05$).

Морфологическая неоднородность серии проверялась также при помощи пакета программ STATISTICA (факторный анализ методом главных компонент). Для анализа были отобраны 17 мужских и 17 женских наиболее сохранных черепов. В первую очередь обращалось внимание на сохранность лицевого отдела черепа. Показатели, которые не могли быть определены, были заменены средними значениями. Величины, на основе которых осуществлялся анализ: 1, 8, 17, 5, 9, 45, 40, 48, 43, 46, 55, 54, 51, 52, 77, 75(1) Март., Биом. zm', SS, DS.

В мужской части серии фактор 1 характеризовал 21,05% от всей дисперсии, фактор 2 – 17,18%. Обращало на себя внимание то, что значительная факторная нагрузка фактора 1 приходилась на важные расоводиагностические величины: углы горизонтальной профилировки лица (положительная нагрузка), угол выступания носа, симотическая высота (отрицательные нагрузки), а также на продольный диаметр черепа, длину основания черепа, длину основания лица, верхнюю высоту лица. Наибольшая факторная нагрузка фактора 2 приходилась на поперечный диаметр, скуловой диаметр, верхнюю ширину лица и наименьшую ширину лба.

На графике, представляющем собой проекцию факторных нагрузок факторов 1 и 2 (рис. 1) большинство черепов составляло компактную группу, локализовавшуюся в центральной части. Изолированное положение занял череп № 31, отличавшийся тенденцией к уплощению лицевого скелета, сравнительно малой симотической высотой (средней по общемировому масштабу) и слабым выступанием носа. Также изолированно располагались черепа №№ 11 и 35, которые характеризовались массивностью, ярко выраженной брахикранией и широколицестью в сочетании с профилированным лицом, сравнительно сильным выступанием переносья и большим углом носа. Интересно, что еще одну сравнительно компактную группу образовали черепа №№ 15, 18, и 29. Их главными отличиями были сравнительно большая величина продольного диаметра черепа и связанная с ней тенденция к долихокрании в сочетании с относительно небольшой (средней по общемировому масштабу) шириной лица с резкой горизонтальной профилировкой.

В женской части серии фактор 1 характеризовал 30,45% всей дисперсии, фактор 2

– 18,51%. Значительная факторная нагрузка фактора 1 приходилась на величины, характеризовавшие общую величину мозгового и лицевого отделов черепа: верхнюю высоту лица, наименьшую ширину лба, длину основания черепа, продольный и поперечный диаметры черепа, ширину и высоту глазницы и т.д. (положительная нагрузка). У фактора 2 сравнительно большая положительная факторная нагрузка приходилась на симотическую и дакриальную высоты и угол выступания носа, сравнительно большая отрицательная нагрузка – на назо-малярный угол.

На плоскостном графике, представлявшем собой проекцию факторной нагрузки факторов 1 и 2 (рис. 2), практически все женские черепа образовывали компактную группу. Исключение составлял череп № 28, характеризовавшийся исключительной грацильностью в сочетании с резкой горизонтальной профилировкой лица, высоким переносьем и большим углом выступания носа. Не исключено, что особенности черепа были хотя бы частично обусловлены патологическими процессами, следы которых сохранились на поверхности кости. Некоторая обособленность черепа № 13 обусловлена отчетливо проявившейся у него тенденцией к уплощению лицевого скелета и к уменьшению выступания носа и переносья.

С целью проверить, имеются ли различия в антропологическом типе мужчин и женщин, были определены коэффициенты полового диморфизма (КПД). Вычисление осуществлялось по формуле М:Ж×100 (табл. 5). Результаты были сопоставлены со стандартными среднемировыми коэффициентами, определенными Г.Ф. Дебецем (Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12–13).

Из 39 коэффициентов 14 превышали размах средних величин КПД по общемировому масштабу (17., 9., 12., 30., 31., 24., 25., 27., 28., 16. Март., Биом. SubNβ, SC, DS, FC). Обращало на себя внимание, что среди этих величин были показатели, имеющие значение для расовой диагностики: высотный диаметр черепа, наименьшая ширина лба, дакриальная высота, глубина клыковой ямки.

Для большей наглядности средние величины женских показателей были умножены на среднее значение общемирового КПД (Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12–14), т.е. «превращены» в мужские. Различия между мужскими и пересчитанными женскими величинами были, как правило, малозаметны. Обращали на себя внимание несколько большие размеры продольного диаметра черепа, верхней высоты лица и средней ширины лица и несколько меньшее значение высотного диаметра черепа у пересчитанных женских величин по сравнению с мужскими.

При оценке степени выраженности «восточных» черт краниологической серии часто используется предложенная Г.Ф. Дебецем (Дебец, 1968) условная доля монголоидного элемента (УДМЭ), который вычисляют на основе преаурикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ) и показателя уплощенности лицевого скелета (УЛС). Эти величины, в данном случае, будут также полезны для оценки морфологической однородности серии (табл. 6).

ПФЦ, вычисленный на основе средних величин мужских черепов, составлял 89,6. Показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) был равен 14,8. По обоим признакам серия была «чисто европеоидной». Условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) имела отрицательный знак и составляла –10,9. Для того чтобы определить, насколько серия морфологически однородна по признакам, имеющим расоводиагностическое значение, был осуществлен индивидуальный подсчет ПФЦ, УЛС и УДМЭ.

Индивидуальное вычисление этих величин подтвердило общую европеоидность серии. УДМЭ была определена у шести мужских черепов (№№ 11, 23, 24, 29, 31, 35). Значение показателя у пяти из них было меньше или близко к нулю. Только в одном случае (у черепа № 31) УДМЭ составляла 29,1%, что было связано с тенденцией к уплощению лицевого скелета (УЛС=62,8). Такая же тенденция наблюдалась только у черепа № 41 (УЛС=64,2). Оба черепа характеризовались ослаблением горизонтальной профилировки лица (средний и большой назо-малярный и средний зиго-максиллярный углы) и малым углом выступания носа в сочетании со сравнительно высоким переносьем. Кроме того, у двух черепов (№№ 20 и 24) наблюдалось небольшое повышение величины УЛС (соответственно 30,9 и 34,9). В остальных случаях по данному показателю черепа относились к категории «чистых европеоидов». Примечательно, что индивидуальные величины УЛС и ПФЦ отрицательно коррелировали друг с другом (коэффициент корреляции -0,867).

ПФЦ указатель женских черепов (перед подсчетом все величины были умножены на средний общемировой КПД (Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12–13)) составлял 91,2, показатель УЛС был равен 21,7. Обе величины находились в зоне «смешанных» серий, близко к диапазону «чистых европеоидов». УДМЭ женской части серии составляла 5,1%. Таким образом, в среднем женщины были несколько «монголоиднее» мужчин. Различия не были связаны с неточностями, вызванными умножением на среднемировой КПД, так как эмпирически определенный КПД ряда величин, использующихся при подсчете ПФЦ и УЛС, превышал стандартный. Значение углов горизонтальной профилировки у женщин также в среднем больше, чем у мужчин.

Определение УДМЭ на индивидуальном уровне было возможно у шести женских черепов (№№ 2, 28, 32, 33, 50, 56). У двух черепов (№№ 28 и 32) эта величина имела отрицательное значение. Наибольшее значение признака было у черепов №№ 33 и 50 (30,9 и 21,8% соответственно).

Вариативность признака УЛС (определен у 10 индивидов) была велика (от -15,3 до 37,2). Наименьшее значение этого показателя наблюдалось у черепа № 28, наибольшее – у черепов №№ 67 (24,4), 50 (26,2), 56 (31,7) и 33 (37,2), которые попали в диапазон «смешанных» величин, но были ближе к «чистым европеоидам». У женщин наблюдалось положительная корреляция между величинами ПФЦ и УЛС (0,589).

В целом серия характеризовалась европеоидностью, особенно ярко выраженной у мужчин. УДМЭ женской части серии составляла 5,1%.

Средние величины метрических показателей мужской части пензенской краниологической серии были сопоставлены с данными по другим сериям Восточной Европы; проверка достоверности различий осуществлялась при помощи t-критерия Стьюдента. Данные для анализа были взяты из книги В.П. Алексеева «Происхождение народов Восточной Европы» (1969), для сопоставления использовались данные по сериям численностью не менее 20 индивидов.

Интересной особенностью населения Пензы был большой высотный диаметр черепа (138,5 мм). По этой величине пензенская серия достоверно отличалась практически от всех серий Восточной Европы за исключением горных марийцев (136,9 мм (Алексеев, 1969, табл. 33)). Правда, значение высотного диаметра было определено только у 15 черепов и его величину можно было бы объяснить случайностью, если бы серия с территории Пензенской губернии также не отличалась сравнительно высоким черепом (136,8 мм (Алексеев, 1969, табл. 61)).

По продольному и поперечному диаметрам черепа пензенская краниологическая серия обнаружила известное единство с другими сериями с территории Восточной Европы. Однако население Пензы по продольному диаметру достоверно различались с латышами и литовцами (Алексеев, 1969, табл. 21, табл. 22, табл. 24) и некоторыми прикамскими финно-угорскими народами, в том числе горными марийцами и южными удмуртами (Алексеев, 1969, табл. 32, табл. 33). У южных удмуртов данная величина была достоверно меньше, чем у пензенской серии, у других групп – достоверно больше.

Верхняя высота лица и скуловой диаметр также мало дифференцировали пензенскую краниологическую серию. Единственная заметная особенность пензенской серии – ее относительная широколицесть, которой она отличалась от большинства русских серий. В случае с сериями, происходившими с территории Ярославской и Тверской губерний (Алексеев, 1969, табл. 51, табл. 52) различия приобретали достоверную величину, Тогда как с финноязычными и лето-литовскими народами не прослеживалось.

По углам горизонтальной профилировки лица пензенская серия была близка другим русским краниологическим сериям и достоверно отличалась от прикамских финно-угорских народов (северных и южных удмуртов, горных и луговых марийцев), а также от мордвы-эрзи (Алексеев, 1969, табл. 31–35).

Особенностью пензенской краниологической серии была большая дакриальная высота, по которой наблюдались достоверные отличия не только от прикамских финно-угорских народов (северных и южных удмуртов, горных и луговых марийцев), а также мордвы-эрзи, но и некоторых русских краниологических групп, в частности из Новгородской, Рязанской, Орловской губерний и Казани, а также восточных латышей (Алексеев, 1969, табл. 43, табл. 55, табл. 62, табл. 68, табл. 22).

Угол выступания носа у населения Пензы был достоверно ниже, чем у русских

Новгородской, Костромской, Ярославской, Тверской, Рязанской губерний и серией из Себежа (Алексеев, 1969, табл. 43, табл. 50–52, табл. 55). Достоверны были также различия с западными латышами и литовцами (Алексеев, 1969, табл. 20, табл. 24). Напротив, среди финно-угорских групп наблюдалось достоверное различие только с серией луговых марийцев (Алексеев, 1969, табл. 34). По данному признаку население Пензы приближалось к финно-угорским группами Прикамья и Поволжья.

Население Пензы характеризовалось относительно миниатюрной по меркам Восточной Европы, узкой и низкой орбитой. Орбита пензенских черепов была достоверно уже чем во многих русских сериях (из Петербургской, Костромской, Ярославской, Тверской и Орловской губерний (Алексеев, 1969, табл. 42, табл. 50–52, табл. 62), а также украинцев южных и западных районов (Алексеев, 1969, табл. 71–72), финнов и западных латышей (Алексеев, 1969, табл. 26, 20–21). Зато, финно-угорские группы за исключением луговых марийцев (Алексеев, 1969, табл. 34), не обнаруживали достоверных различий с пензенской серией.

В целом углы горизонтальной профилировки и высота переносья сближали пензенскую краниологическую серию с русскими, угол выступания носа и некоторые особенности морфологии глазницы – с финно-угорскими народами Поволжья и Прикамья.

Женская часть краниологической серии с территории Пензы также была сопоставлена с краниологическими сериями Восточной Европы. Так как численность женских черепов в большинстве русских серий в материалах В.П. Алексеева была сравнительно невелика, пензенскую серию можно было сопоставить только с тремя русскими краниологическими сериями: из Старой Ладоги, Себежа и Казани (Алексеев, 1969, табл. 66–68). Для сопоставления были привлечены наиболее представительные серии финно-угорских народов (финнов, северных и южных удмуртов, горных и луговых марийцев, мордвы-эрзи и мордвы-мокши), а также латышей и литовцев (Алексеев, 1969, табл. 20, табл. 22, табл. 24, табл. 26, табл. 31–35, табл. 37).

Женские черепа Пензы не обнаружили существенных отличий от трех русских серий. Исключение составила только серия из Себежа, в которой наблюдался достоверно больший угол выступания носа.

Продольный диаметр черепа женской части пензенской серии был достоверно больше, чем у северных и южных удмуртов (Алексеев, 1969, табл. 31–32) и достоверно меньше черепов западных латышей (Алексеев, 1969, табл. 20).

Женская часть пензенской краниологической серии по высоте черепа не обнаруживала существенных отличий от русских краниологических серий и от большинства финно-угорских серий за исключением луговых марийцев и мордвы-мокши (Алексеев, 1969, табл. 34, табл. 36), которые отличались достоверно более низким мозговым отделом черепа. В том же направлении от пензенской серии отличались западные латыши и литовцы (Алексеев, 1969, табл. 20, табл. 24).

По верхней высоте лица и скуловому диаметру пензенская серия достоверно не отличалась от большинства серий Восточной Европы, за исключением литовцев (Алексеев, 1969, табл. 24), характеризовавшихся достоверно меньшей высотой лица. Кроме того, отмечалась относительная широколицесть пензенской серии: только две восточноевропейские группы (русские из Себежа и северные удмурты (Алексеев, 1969, табл. 67, табл. 31)) характеризовались большей величиной скулового диаметра. Однако различия не достигали достоверных значений.

Назо-малярный угол у пензенских женщин был достоверно меньше чем у некоторых групп прикамских финно-угорских народов: северных и южных удмуртов и луговых марийцев (Алексеев, 1969, табл. 31–33) и достоверно больше чем у литовцев (Алексеев, 1969, табл. 24). По степени выступания переносья пензенская краниологическая серия сближалась с русскими группами и отдалялась от финно-угорских народов Прикамья и Поволжья. В частности, серия достоверно отличалась по симотической высоте от северных и южных удмуртов, горных и луговых марийцев (Алексеев, 1969, табл. 31–34), по дакриальной высоте – от северных удмуртов, горных и луговых марийцев и мордвы-мокши (Алексеев, 1969, табл. 31, табл. 33–34, табл. 37). Угол выступания носа у пензенских женщин был несколько снижен по европеоидным масштабам. Достоверные различия по этой величине наблюдались с русскими Себе-

жа (Алексеев, 1969, табл. 67) и с литовцами (Алексеев, 1969, табл. 24).

Таким образом, женская часть пензенской краниологической серии по большинству признаков морфологически сближалась с другими русскими группами и только тенденция к уменьшению угла выступания носа сближала ее с прикамскими и поволжскими финно-угорскими народами.

В целом краниологическая серия с территории Советской площади г. Пензы характеризовалась небольшой морфологической неоднородностью, которая была отчетливей в мужской части серии. Эта неоднородность была закономерна, так как освоение лесостепной зоны Волго-Донского междуречья в XVI–XVII вв. было связано с активной переселенческой политикой. Переселение осуществлялось из различных районов Российского государства. Кроме того, нельзя исключить возможность участия в формировании населения Пензы иноэтнических групп. Тенденция к уменьшению угла выступания носа, а в женской части серии еще и тенденция к уплощению лицевого скелета могли указывать на воздействие компонента с небольшой восточной, монголоидной или уралоидной, примесью. Возможно, этот компонент был генетически связан с мордвой.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1969. 323 с.

Великанова М.С. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей): Антропологическое исследование / Народы и культуры. Вып. X. Кн. 3. М., 1993. 260 с.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гурвич. М.: Наука, 1968. С. 13−22.

Информация об авторах:

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией кафедры «Анатомия человека», Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); ikonnikof-ds@mail.ru

Калман Олег Витальевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой «Анатомия человека», Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); ovkalmin@gmail.com

Калмина Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); okalmina@gmail.com

PENZA POPULATION IN 17TH – 18TH CENTURIES ON THE BASIS OF CRANIOLOGY DATA

D.S. Ikonnikov, O.V. Kalmin, O.A. Kalmina

A large accumulation of human bones was discovered during the construction work at the Soviet Square of Penza in May 2010. These bones belonged to the population of the 17th – 18th centuries. The skulls from this collection were examined. Morphological features and the degree of morphological homogeneity were identified. A series of skulls are Caucasian. A minor morphological heterogeneity was observed. The craniological data of the Penza series was compared with the materials from other regions of Eastern Europe. The Penza series was generally similar to the other Russian craniological series. However, the Penza sculls had tendency towards the reduction of the nose projection angle. It can be a result of participation of the Finno-Ugric peoples of the Volga region in the formation of the Penza population.

Keywords: Penza, craniology, population, morphological features

About the Authors:

Ikonnikov Dmitriy S. Candidate of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; ; ikonnikof-ds@mail.ru

Kalmin Oleg V., Doctor of Medical Sciences, Professor, Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; ovkalmin@gmail.com

Kalmina Olga A. Candidate of Medical Sciences, Assistant Professor, Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; okalmina@gmail.com

Таблица 1.

Показатели мужских черепов
(метрические величины – в мм и градусах, указатели – в процентах)

Инв. №		1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	10. Наибольшая ширина лба	11. Ширина основания черепа	12. Ширина затылка	29. Лобная хорда	30. Теменная хорда	31. Затылочная хорда	24. Поперечная дуга (гор.-бр.-гор.)	25. Саггитальная дуга
Инв. №		26. Лобная дуга	27. Теменная дуга	28. Затылочная дуга	23. Окружность через глабеллу	7. Длина затылочн. отверстия	16. Ширина затылочн. отверстия	SubNβ. Высота пирамиды лба	Высота пирамиды затылка	45. Скуловой диаметр	40. Длина основания лица	48. Верхняя высота лица	47. Полная высота лица	43. Верхняя ширина лица
N		19	19	16	11	15	15	20	16	8	11	17	1	19
x		124,7	124,9	113,9	515,5	35	30,6	24,61	26,16	134,4	98,09	70,88	109	104,9
min.		117	114	104	501	32	28	20	22,3	131	89	63	109	100
max.		135	135	130	532	40	35	31,1	30,6	140	105	78	109	109
σ		5,23	6,19	7,46	9,39	2,73	2,10	2,78	2,64	3,78	4,59	4,55		2,37
N	18	19	18	15	14	21	19	17	18	20	21	17	14	12
x	179,3	170т	143,6	138,5	103,1	96,9	120,4	123,9	109,8	110,9	112,2	95,8	321,1	370
min.	189	170т	130	133	96	86	112	115	104	104	95	87	302	360
max.	189	170т	155	146	111	106	138	131	118	119	123	106	345	385
σ	5,09	170т	5,85	3,80	3,87	4,98	7,07	4,49	3,84	4,43	5,80	5,33	10,74	8,25

Таблица 1.

Показатели мужских черепов
(метрические величины – в мм и градусах, указатели – в процентах) *(продолжение)*

Инв. №	46. Средняя ширина лица	60. Длина альвеолярной дуги	61. Ширина альвеолярной дуги	62. Длина нёба (до стафилиона)	63. Ширина нёба	55. Высота носа	54. Ширина носа	51. Ширина орбиты о мф.	51а. Ширина орбиты от д.	52. Высота орбиты	77. Назо-малярный угол	zm'. Зиго-максиллярный угол	SC. Симотическая ширина
N	17	13	11	12	13	18	15	13	12	13	20	17	14
x	94,9	51,7	61,5	45,5	40,2	51,3	24,8	41,4	38,8	32,2	137,5	125,2	9,6
min.	88	49	57	43	36	47	22,1	38,5	35,7	29,2	121,7	113,5	7,1
max.	104	56	64	50	43	57	27,8	43,1	41,3	35,9	149,1	135	13,2
σ	3,74	2,56	2,38	2,11	1,83	2,32	1,58	1,44	1,67	1,80	5,71	5,05	1,67
Инв. №	SS. Симотическая высота	MC. Максилло-фронтальная шири-на	MS. Максилло-фронтальная высота	DC. Дакриальная ширина	DS. Дакриальная высота	FC. Глубина клыковой ямки	Изгиб скуловой ко-сти	Ширина скуловой кости	75(1). Угол выступания носа	Надпереносье	Надбровные дуги	Наружный затылочный бугор	Сосцевидный отросток
N	14	12	12	12	12	14	8	8	14	21	22	16	21
x	5,0	20,4	9,1	21,9	13,3	4,9	12,3	52,9	27,1	3,6	2	3,0	2,6
min.	3,4	18,2	6,5	19,7	11,7	1,6	10	48,8	16	2	1	1	2
max.	6,8	22,9	10,3	25,2	14,7	11,6	13,8	57,7	37	5	3	4	3
σ	1,15	1,36	1,15	1,73	1,04	2,39	1,2	3,2	6,13	0,74	0,35	0,85	0,50

Инв. №	N	x	min.	max.	σ
Передне-носовая ость	11	2,9	1	5	1,22
8:1. Черепной указа-тель	17	79,9	69,5	87,9	4,25
17:1. Высотно-продольный указатель	14	76,5	73,3	81,8	2,36
17:8. Высотно-поперечный указатель	14	96,1	88,9	105,4	4,42
1:25. Продольно-сагиттальный указат.	12	48,9	46,6	51,4	1,31
(29+30+31):1. Суммы трёх хорд	15	177,8	171,4	182,2	3,47
5:1. Базилярно-продольный указатель	14	57,1	54,1	60,3	1,85
5:25. Базилярно-сагиттальный указат.	12	27,8	25,7	30,3	1,43
5:30. Базилярно-теменной указатель	14	90,5	80,5	98,2	4,77
11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	16	86,1	81,1	91,5	2,84
12:9. Затылочно-лобный указатель	16	113,8	101,9	127,3	6,37
12:10. Затылочно-коронаяльный указат.	16	91,9	79,7	100	6,05
27:26. Дуговой темен-но-лобн. указат.	16	100,2	91,6	107,5	5,12
Инв. №	N	x	min.	max.	σ
28:26. Дуговой затылоч-но-лобн. указат.	12	89,8	79,4	107,4	7,76
28:27. Дуговой затылоч-но-теменн.указат.	13	90,2	80,3	112,1	8,25
SubNb:29. Указатель вы-пуклости лба	20	22,2	18,7	29,3	2,60
29:26. Указатель изгиба лба	17	88,7	82,8	91,1	1,89
29:1. Лобно-продольный указатель	18	62	57,9	65,2	2,17
9:8. Лобно-поперечный указатель	17	67,7	63,2	74,1	2,81
10:8. Коронально-поперечный указатель	17	83,8	77,2	93,9	4,11
9:10. Широтный лобный указатель	18	80,4	71,7	85,8	3,66
10:29. Лобный широтно-продольный указатель	18	108,6	99,1	123,6	7,20
30:27. Указатель изгиба те-мени	18	89,6	83,3	92,5	2,59
30:1. Теменно-продольный указатель	17	62,4	54,3	67,2	3,0
12:30. Теменной широтно-продольный указатель	17	96,6	87,8	106,4	5,6
31:28. Указатель изгиба за-тылка	15	83,8	81,1	88,5	2,35

Таблица 1.

Показатели мужских черепов
(метрические величины – в мм и градусах, указатели – в процентах) *(продолжение)*

Инв. №	31:1. Затылочно-продольный указатель	12:8. Затылочно-поперечный указатель	12:31. Затылочн. широтно-продольный указат.	16:7. Указатель затылочного отверстия	45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	48:17. Вертикальн. фацио-церебральный указатель	9:45. Лобно-скуловой указатель	10:45. Корональ-но-скуловой указатель	9:43. Фронто-малярный указатель	40:5. Указатель выступа-ния лица	47:45. Общий лицевой указатель	48:45. Верхний лицевой указатель	48:46. Верхний средне-лицевой указатель
N	15	15	14	15	8	11	8	8	19	11	1	8	16
x	52,7	76,4	115,3	87,7	93,3	52,5	73,4	90,7	92,6	94,6	83,2	54,1	75,0
min.	48,9	72,6	109,1	81,1	90,3	46,3	68,4	84,2	88	89	83,2	48,1	66,7
max.	59,2	81,2	125,3	100	102,3	56,2	79,1	97,8	98,1	100	83,2	58	83,7
σ	2,93	2,51	5,10	5,46	4,08	3,52	3,36	4,08	2,86	3,48		3,97	5,53

Инв. №	54:55. Носовой указатель	DS:DC. Дакриальный указатель	SS:SC. Симотический указатель	52:51. Орбитн. максилло-фронтальн. указат.	52:51a. Орбитный дакри-альный указатель	63:62. Нёбный указатель	61:60. Челюстно-альвеолярный указатель
N	14	12	14	11	10	9	10
x	48,0	61,2	51,7	77,7	82,5	88,9	118,9
min.	41,5	50,4	41,5	71,5	77,6	78,3	108,9
max.	52	70,4	69,8	84,1	88,9	97,7	130,6
σ	3,24	6,64	9,72	3,72	3,39	6,22	6,46

Таблица 2.

Показатели женских черепов
(метрические величины – в мм и градусах, указатели – в процентах)

Инв. №	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	10. Наибольшая ширина лба	11. Ширина основания черепа	12. Ширина затылка	29. Лобная хорда	30. Теменная хорда	31. Затылочная хорда	24. Поперечная дуга (пор.-бр.-пор.)	25. Сагиттальная дуга
N	23	24	22	23	27	26	24	22	27	26	23	22	19
x	172,6	139,4	129,7	98,5	93,2	115,1	118,5	105,2	106,8	107,1	91,4	305,2	349,4
min.	160	130	120	90	87	105	105	97	100	98	83	285	329
max.	187	154	138	112	103	126	131	112	114	122	103	339	378
σ	6,93	5,25	5,33	4,99	3,61	5,0	5,01	3,8	3,87	4,93	5,25	11,06	11,68
Инв. №	26. Лобная дуга	27. Теменная дуга	28. Затылочная дуга	23. Окружность через глабеллу	7. Длина затылочного отверстия	16. Ширина затылочного отверстия	SubNβ. Высота изгиба лба	Высота изгиба затылка	45. Скуловой диаметр	40. Длина основания лица	48. Верхняя высота лица	47. Полная высота лица	43. Верхняя ширина лица
N	26	24	22	16	21	21	24	21	8	15	19	1	24
x	120,3	119,3	108,2	495,1	34,05	28,9	24,1	24,2	125,9	94,1	68,1	105,0	100,6
min.	111	107	97	463	30	24	18,9	19,2	113	85	61	105	94
max.	130	141	122	533	37	33	28,9	29,8	136	108	75	105	108
σ	5,16	6,83	6,9	17,98	1,75	2,21	2,56	3,14	7,0	6,17	4,20		3,16

Таблица 2.

Показатели женских черепов
(метрические величины – в мм и градусах, указатели – в процентах) *(продолжение)*

Инв. №	46. Средняя ширина лица	60. Длина альвеолярной дуги	61. Ширина альвеолярной дуги	62. Длина нёба (до стафилиона)	63. Ширина нёба	55. Высота носа	54. Ширина носа	51. Ширина орбиты о мф.	51a. Ширина орбиты от д.	52. Высота орбиты	77. Назо-малярный угол	zm'. Зиго-максиллярный угол	SC. Симотическая ширина
N	13	11	9	11	9	19	9	12	12	13	27	13	19
x	91,3	49,9	59,4	43,6	39,0	49,3	24,3	40,0	38,3	32,3	140,0	127,6	9,3
min.	86	45	56	39	35	43	22,3	38,1	35,8	29,5	130,8	121	7,4
max.	98	56	65	49	42	56	26,1	42,4	41	36,1	149,4	135,6	13,2
σ	4,54	3,27	2,79	2,51	2,29	3,23	1,27	1,32	1,60	2,04	3,94	4,3	1,44
Инв. №	SS. Симотическая высота	MC. Максилло-фронтальная ширина	MS. Максилло-фронтальная высота	DC. Дакриальная ширина	DS. Дакриальная высота	FC. Глубина клыковой ямки	Изгиб скуловой кости	Ширина скуловой кости	75(1). Угол выступания носа	Надпереносье	Надбровные дуги	Наружный затылочный бугор	Сосцевидный отросток
N	19	13	13	13	13	10	9	9	14	29	29	22	27
x	4,1	19,9	9,1	21,3	11,8	4,0	10,6	50,0	24,0	2,5	1,2	1,6	2,2
min.	2,9	17,5	6,7	19,2	8,9	2,4	5,5	43,3	17	1	1	1	1
max.	5,1	21,7	18,8	23,5	13,9	5,1	13,5	54,2	34	4	2	3	3
σ	0,63	1,08	3,08	1,33	1,44	0,94	2,61	3,83	5,97	0,66	0,39	0,72	0,52

Инв. №	28:26. Дуговой затылочно-лобный указатель	28:27. Дуговой затылочно-теменной указатель	SubNb:29. Указатель выпуклости лба	29:26. Указатель изгиба лба	29:1. Лобно-продольный указатель	9:8. Лобно-поперечный указатель	10:8. Корональный поперечный указатель	9:10. Широтный лобный указатель	10:29. Лобный широтно-продольный указатель	30:27. Указатель изгиба темени	30:1. Теменно-продольный указатель	12:30. Теменной широтно-продольный указатель	31:28. Указатель изгиба затылка	27:26. Дуговой теменно-лобный указатель	Перед.не-носовая ость
N	21	20	24	26	22	23	23	25	25	24	22	21	22	23	17
x	90,1	91,7	22,5	88,9	61,9	66,7	82,6	80,8	108	89,8	62,2	98,4	84,6	99,4	2,5
min.	77,2	75,2	17,8	86,3	57,5	59,1	75,5	69,8	98,2	85,3	56,8	87,7	81,3	87,7	1,5
max.	103,4	106,2	25,7	91,7	67,1	73,6	87	89,6	117,5	92,2	71,8	107,1	88,8	114,2	4
σ	6,55	8,44	2,12	1,58	2,7	3,36	2,97	4,01	4,82	1,84	3,38	5,71	2,12	7,14	0,64
Инв. №	8:1. Черепной указатель	17:1. Высотно-продольный указатель	17:8. Высотно-поперечный указатель	1:25. Продольно-саггитальный указатель	(29+30+31):1. Указатель суммы трёх хорд	5:1. Вазилярно-продольный указатель	5:25. Вазилярно-саггитальный указатель	5:30. Вазилярно-теменной указатель	11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	12:9. Затылочно-лобный указатель	12:10. Затылочно-корональный указатель	27:26. Дуговой теменно-лобный указатель			
N	21	18	19	17	19	19	17	21	22	22	20	23			
x	80,8	74,8	92,8	49,3	177,3	56,8	28,0	92,0	85,5	113,2	91,3	99,4			
min.	73,3	69,4	82,5	45	170,4	55,3	24,9	77	78,5	101	84	87,7			
max.	88,3	81	100	51,1	190	59,9	30,1	109,8	89,3	127,3	106,7	114,2			
σ	3,83	3,11	4,41	1,5	4,79	1,33	1,22	6,29	2,78	7,19	5,27	7,14			

Таблица 2.

Показатели женских черепов
(метрические величины – в мм и градусах, указатели – в процентах) *(продолжение)*

Инв. №	31:1. Затылочно-продольный указатель	12:8. Затылочно-поперечный указатель	12:31. Затылочный широтно-продольный указатель	16:7. Указатель затылочного отверстия	45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	9:45. Лобно-скуловой указатель	10:45. Корональный-скуловой указатель	9:43. Фронто-малярный указатель	40:5. Указатель выступания лица	48:45. Верхний лицевой указатель	48:46. Верхний среднелицевой указатель	54:55. Носовой указатель
N	19	20	20	19	7	13	8	8	23	15	7	14	9
x	53,0	76,0	115,4	84,6	90,4	52,1	74,7	91,4	91,7	95,4	54,2	73,4	50,3
min.	48,3	71,4	104,1	74,3	83,1	46,6	70,4	84	88	85	49,2	66,3	45,5
max.	57,8	80,6	127,7	94,3	95,8	59,2	79,6	98,2	95,7	101,1	57,9	80,2	57,4
σ	2,24	2,46	6,78	5,13	4,48	3,80	3,67	4,73	2,20	4,16	3,52	3,94	3,75

Инв. №	DS:DC. Дакриальный указатель	SS:SC. Симотический указатель	52:51. Орбитный максилло-фронтальный Указатель	52:51a. Орбитный дакриальный указатель	63:62. Нёбный указатель	61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	61:60. Челюстно-альвеолярный указатель
N	13	19	12	12	8	8	10
x	55,5	45,2	81,1	84,9	88,8	117,6	118,9
min.	39,4	31,1	76,8	77,8	82,6	109,4	108,9
max.	70,6	68,9	90,3	92,1	95,5	126,7	130,6
σ	7,74	8,71	4,21	4,81	4,99	6,04	6,46

Таблица 3.

Изменчивость мужской части серии черепов (по сравнению со среднемировыми показателями)

Признак	1	8	17	5	9	10	11	12	29	30	31	24	25	26	27
N	18	18	15	14	21	19	17	18	20	21	17	14	12	19	19
F	0,696	1,37	0,6	0,892	1,28	**2,166**	0,876	0,728	0,927	0,903	1,092	1,087	0,402	0,735	0,614
Признак	28	23	7	16	SubNβ	45	40	48	43	46	60	61	62	63	55
N	16	11	15	15	20	8	11	17	19	17	13	11	12	13	18
F	1,03	0,431	1,189	0,998	***1,758***	0,549	0,878	1,234	0,378	0,633	0,837	0,554	0,568	0,478	0,641
Признак	54	51	51a	52	77	zm'	SC	SS	DC	DS	FC	75(1)			
N	15	13	12	13	20	17	14	14	12	12	14	14			
F	0,767	0,64	0,968	0,895	*1,683*	0,876	0,815	*1,624*	0,619	0,478	**4,726**	*1,777*			
Признак	8:1	17:1	17:8	1:25	(29+30++31):1	5:1	5:25	5:30	11:8	12:9	12:10	27:26	28:26	28:27	SubNβ:29
N	17	14	14	12	15	14	12	14	16	16	16	16	12	13	20
F	*1,7606*	0,579	1,008	1,021	0,463	0,705	1,307	0,675	0,992	1,054	*1,624*	0,519	1,057	0,553	**2,336**
Признак	29:26	29:1	9:8	10:8	9:10	10:29	30:27	30:1	12:30	31:28	31:1	12:8	12:31	16:7	45:8
N	17	18	17	17	18	18	18	17	17	15	15	15	14	15	8
F	0,935	0,696	0,724	***2,006***	1,033	*1,991*	*1,766*	0,998	0,49	0,729	0,892	0,561	0,616	0,919	1,151
Признак	48:17	9:45	10:45	9:43	40:5	48:45	48:46	54:55	DS:DC	SS:SC	52:51	52:51a	63:62	61:60	
N	11	8	8	19	11	8	16	14	12	14	11	10	9	10	
F	1,136	0,922	1,15	1,308	0,756	1,588	1,225	0,622	0,617	0,69	0,553	0,416	0,789	0,827	

Полужирный шрифт – p<0,001, ***полужирный курсив*** – p<0,01, *курсив* – p<0,05.

Таблица 4.

Изменчивость женской части серии черепов (по сравнению со среднемировыми показателями)

Признак	1	8	17	5	9	10	11	12	29	30	31	24	25	26	27
N	23	24	22	23	27	26	24	22	27	26	23	22	19	26	24
F	1,426	1,196	1,286	*1,637*	0,706	1,181	1,188	0,781	0,772	0,698	1,147	1,247	0,873	0,766	0,808
Признак	28	23	7	16	SubNβ	45	40	48	43	46	60	61	62	63	55
N	22	16	21	21	21	8	15	19	24	13	11	9	11	9	19
F	0,958	***1,747***	0,529	1,223	1,483	*2,126*	*1,723*	*1,219*	0,75	1,038	1,467	0,864	0,893	0,807	1,43
Признак	54	51	51a	52	77	zm'	SC	SS	DC	DS	FC	75(1)			
N	9	12	12	13	27	13	19	19	13	13	10	14			
F	0,562	0,606	1,002	1,154	*0,801*	0,633	0,64	*0,822*	0,399	1,225	0,876	*1,687*			
Признак	8:1	17:1	17:8	1:25	(29+30+31):1	5:1	5:25	5:30	11:8	12:9	12:10	27:26	28:26	28:27	SubNβ:29
N	21	18	19	17	19	19	17	21	22	22	20	23	21	20	24
F	*1,432*	1,007	1,003	1,332	0,88	0,364	0,955	1,175	0,949	1,343	*1,23*	1,01	0,751	0,579	**1,55**
Признак	29:26	29:1	9:8	10:8	9:10	10:29	30:27	30:1	12:30	31:28	31:1	12:8	12:31	16:7	45:8
N	26	22	23	23	25	25	24	22	21	22	19	20	20	19	7
F	0,659	1,078	1,037	***1,048***	1,242	*0,894*	*0,893*	1,268	0,509	0,594	0,521	0,538	1,086	0,812	1,392
Признак	48:17	9:45	10:45	9:43	40:5	48:45	48:46	54:55	DS:DC	SS:SC	52:51	52:51a	63:62	61:60	
N	13	8	8	23	15	7	14	9	13	19	12	12	8	8	
F	1,329	1,1	1,548	0,777	1,082	1,246	0,621	0,835	0,839	0,554	0,708	0,839	0,508	0,723	

Полужирный курсив – $p<0,01$, *курсив* – $p<0,05$.

Таблица 5.

Коэффициенты полового диморфизма (М:Ж×100%)

Измерения	1	8	17	5	9	10	11	12	29	30	31	24	25
КПД эмп.	1,039	1,030	1,068	1,047	1,040	1,046	1,046	1,044	1,038	1,048	1,048	1,052	1,059
КПД станд.	1,049	1,037	1,047	1,054	1,032	1,040	1,048	1,038	1,042	1,041	1,032	1,040	1,037
Муж.	179,3	143,6	138,5	103,1	96,9	120,4	123,9	109,8	110,9	112,2	95,8	321,1	370
Пересч. жен.	181,1	144,5	135,8	103,8	96,1	119,7	124,1	109,2	111,3	111,5	94,4	317,4	362,3
Измерения	26	27	28	23	7	16	SubNβ	45	40	48	43	46	60
КПД эмп.	1,036	1,047	1,053	1,041	1,028	1,059	1,021	1,068	1,043	1,042	1,043	1,039	1,036
КПД станд.	1,041	1,038	1,036	1,043	1,042	1,045	0,996	1,072	1,042	1,076	1,04	1,054	1,047
Муж.	124,7	124,9	113,9	515,5	35,0	30,6	24,6	134,4	98,1	70,9	104,9	94,9	51,7
Пересч. жен.	125,3	123,8	112,1	516,4	35,5	30,2	24	134,9	98,0	73,2	104,6	96,2	52,3
Измерения	61	62	63	55	54	51	51a	52	SC	SS	DC	DS	FC
КПД эмп.	1,034	1,045	1,032	1,041	1,020	1,034	1,014	0,997	1,028	1,202	1,027	1,132	1,243
КПД станд.	1,054	1,051	1,050	1,061	1,041	1,041	1,040	1,005	1,000	1,207	1,056	1,113	1,100
Муж.	61,5	45,5	40,2	51,3	24,8	41,4	38,8	32,2	9,6	5,0	21,9	13,3	4,9
Пересч. жен.	62,7	45,8	41,0	52,3	25,3	41,7	39,8	32,4	9,3	5,0	22,5	13,1	4,4

Таблица 6.

Удельная доля монголоидного элемента (УДМЭ), преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) и показатель уплощённости лицевого скелета (УЛС) по Г.Ф. Дебецу

Мужчины	ПФЦ	УЛС	УДМЭ	Женщины	ПФЦ	УЛС	УДМЭ
11	89,5	8,4	-19,0	2	93,4	15,2	9,0
15	89,1			28	89,9	-15,3	-43,5
18	91,1			30		14,9	
20		30,9		32	92,1	6,7	-7,6
23	88,5	14,0	-17,6	33	92,8	37,2	30,9
24	87,8	34,9	2,1	39		15,9	
26		19,4		50	93,5	26,2	21,8
29	93,7	2,2	-4,2	56	91,0	31,7	15,5
31	86,9	62,8	29,1	57		11,3	
35	94,4	-21,4	-27,0	67	89,6	24,4	-0,1
41		64,2					
45		-21,7					
52		0,3					
55		16,1					
По средним	89,6	14,8	-10,9	По средним	91,2	21,7	5,1

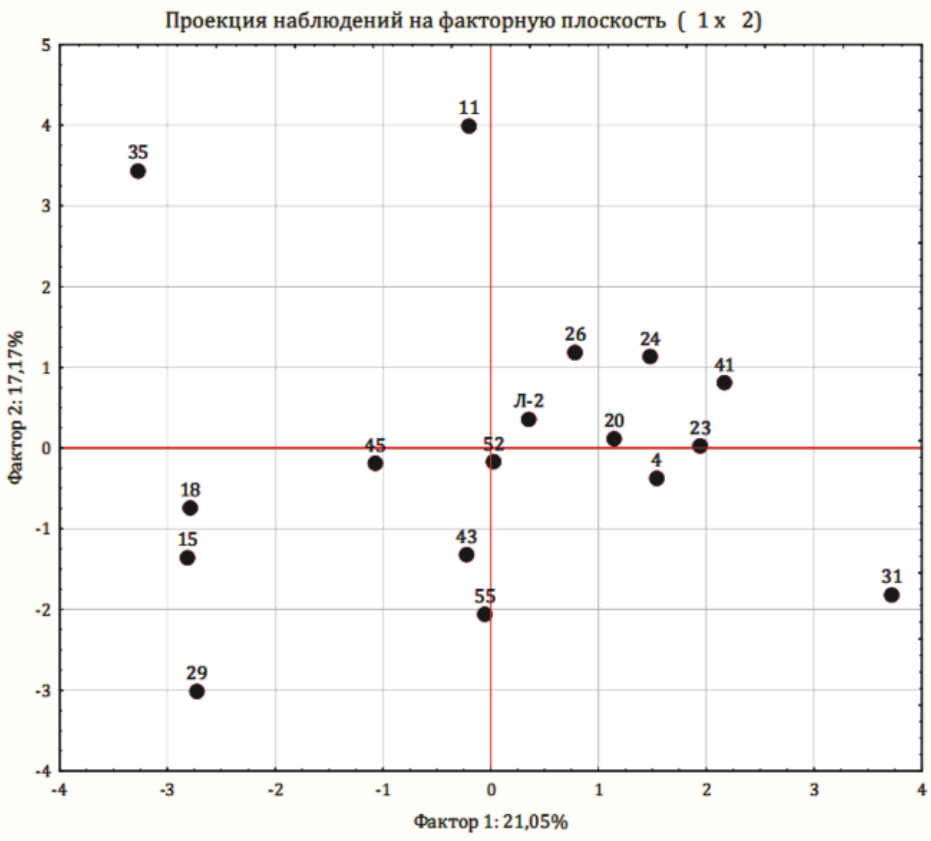


Рис. 1. Результаты внутригруппового анализа морфологических особенностей населения Пензы (фактор 1 и фактор 2) факторный анализ методом главных компонент (мужчины).

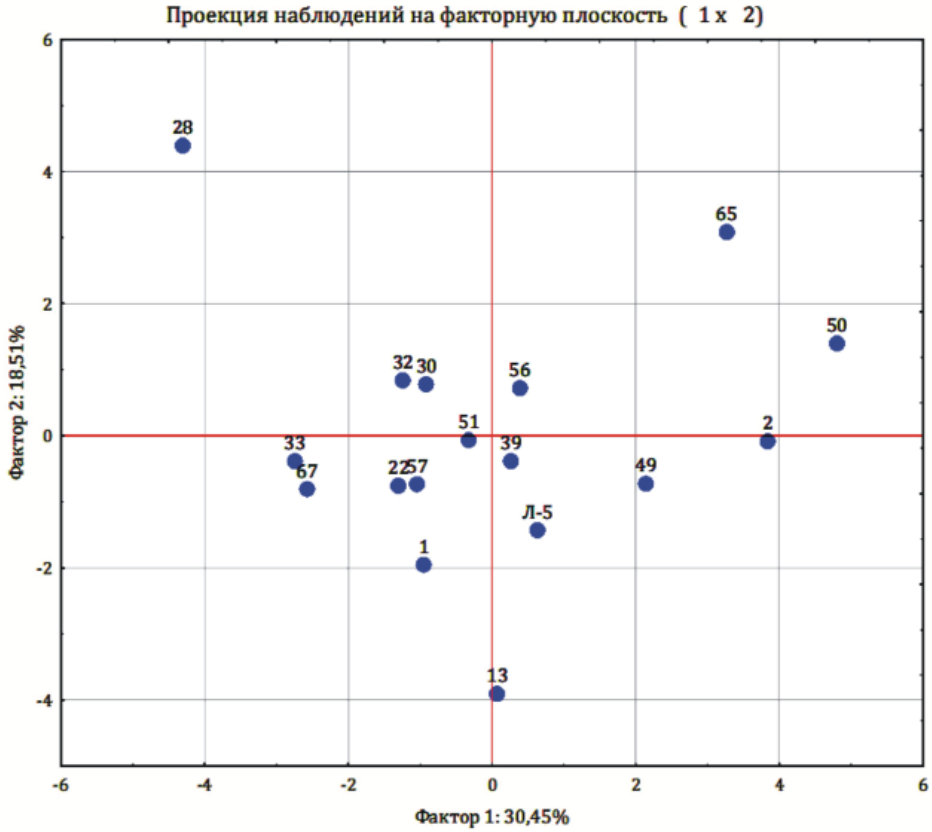


Рис. 2. Результаты внутригруппового анализа морфологических особенностей населения Пензы (фактор 1 и фактор 2) факторный анализ методом главных компонент (женщины).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИО – Ананьинская культурно-историческая область
АКР – Археологическая карта России
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БАН – Българската Академия на науките
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа.
БНЦ УрО АН СССР – Башкирский Научный центр Уральского отделения Академии наук СССР
БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВА – Вопросы антропологии.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск-Екатеринбург
ВАС – Всероссийский археологический съезд
ВФ – Вопросы философии. М.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГК – главные компоненты
ГЭ – Государственный Эрмитаж
Д. – дело
Зап. УОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук, Москва
ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.
ИИ АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ – Институт истории языка и литературы
ИИЯЛ БФАН СССР/УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР / Уральского научного центра РАН
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства
ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
кв.- квадрат раскопа
КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина
КЗВМ СУАК – Книга записи вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии,
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л.
КНЦ АН СССР – Казанский научный центр АН СССР
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
м/м – межмогильный материал
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, истории и

литературы.
МарНИИЯЛИЭ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Йошкар-Ола.
МИАП – Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.
МАЭ – Музей археологии и этнографии УНЦ РАН
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции.
НАА – Народы Азии и Африки. М.
НА РТ – Национальный архив РТ
НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН
НИИ – Научно-исследовательский институт
НМ РТ - Национальный музей Республики Татарстан.
ОмГУ – Омский государственный университет
Оп. – опись
п/м – подъёмный материал
ПГУ – Пермский государственный университет
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб, Л., М.
ПФИЦ УрО РАН - Пермский федеральный исследовательский центр, Уральское отделение Российской академии наук
РА – Российская археология, М.
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО – Российское археологическое общество
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский военно-исторический архив
СА – Советская археология, М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СамГПУ - Самарский государственный педагогический университет
СВБ – Собор Василия Блаженного
СГАИМК – Сообщения ГАИМК. Л.
СНЦ - Самарский научный центр Российской академии наук
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СУАК Саратовская ученая архивная комиссия.
ТА – Татарская археология. Казань.
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.
ТомГУ – Томский государственный университет
ТССР – Татарская Советская Социалистическая Республика
ТСУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
УдГУ – Удмуртский государственный университет.
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО РАН – Уральское отделение РАН

Ф. – фонд
Xср – среднее значение признака
ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет. Челябинск.
FU – Finno-Ugrica. Казань.
N – численность группы
S – среднеквадратическое отклонение

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 24.12.2019 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,85
Тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+